

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). №1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол №6 от 20 марта 2022 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (главный редактор)

Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.

Берг Людмила Николаевна, д.ю.н., проф.

Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.

Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.

Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.

Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.

Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.

Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.

Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.

Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.

Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.

Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.

Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.

Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.

Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.

Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.

Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.

Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 20.03.2022. Формат 70x100 1/16

усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет «__»._____. 20__г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 349

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-3-12

**ФУНКЦИИ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ В СИСТЕМЕ РЕКРУТСКИХ
НАБОРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА**

Вишняков М. М.

*Санкт-Петербургский военного ордена Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье рассматривается содержание деятельности внутренней стражи по сопровождению рекрутов в России первой половины XIX в. Войска выполняли наиважнейшую задачу по набору и сопровождению рекрутов, для пополнения русской армии. На основе инструкций, уставов, наставлений по организации рекрутских наборов и их сопровождению показаны особенности служебных обязанностей партионного офицера. Отмечается, что значительная роль внутренней стражи в сопровождении рекрутов определяла высокий уровень внимания командования Отдельного корпуса внутренней стражи (далее – ОКВС) к подбору и обучению офицеров и нижних чинов, материальному обеспечению подразделений, взаимодействию с полицией и обывателями.

Ключевые слова: внутренняя стража, Российская империя, рекруты, партионный офицер, рекрутские партии.

Проводимая активная внешняя политика Петром I, создание русской армии для ведения войны требовали постоянного пополнения войск. Указом от 20 февраля 1705 г. для комплектования русской армии была введена рекрутская повинность [2]. На протяжении двух веков пополнение русской армии осуществлялось посредством рекрутских наборов, с небольшими изменениями и дополнениями. Как правило, ежегодно набор рекрутов объявлялся указом Сената или манифестом императора, набор проводился с начала ноября, в течении двух месяцев, а во время ведения военных компаний, за год могло пройти несколько таких наборов.

Подготовка рекрутских наборов признавалась высшим руководством страны «одной из важнейших в государстве» [11]. Для обеспечения подготовки рекрутских наборов и их «бездоимочного» проведения, а также «отвращения» беспорядков в созданной системе были задействованы все должностные лица и органы государственного и местного управления с задачей – обеспечить выполнение набора в срок и в полном объеме, укомплектовать армию годным к службе по состоянию здоровья и физическому развитию личным составом, а также пресечь многочисленные злоупотребления в ходе набора.

С образованием в 1811 г. внутренней стражи одной из важных задач, стоящих перед ней, было принятие и сопровождение рекрутов. «Положение для внутренней стражи» от 3 июля 1811 г. закрепило обязанности «по обучению запасных рекрутских депо военной экзерции и движениям на тех пунктах, кои назначатся для того Высочайшим повелением, и в которые будет отряжаемо по сему достаточное оной количество из разных мест по особенному распоряжению Его Императорского величества» [7].

Манифест от 23 марта 1812 г. предписывал содержать рекрутов в губернских городах при гарнизонных полках и внутренних батальонах [12]. В изданных в тот же день правилах для набора рекрутов прием их возлагался на командиров губернских гарнизонных батальонов. Это определяло высокую ответственность внутренней стражи в деле организации рекрутских наборов. Новые правила набора предусматривали: «Штаб-офицеров от полевых полков для приема рекрут не посылать, членами ж рекрутского присутствия и вместе воинскими приемщиками оставить командиров губернских гарнизонных батальонов и нарядить по одному штаб-офицеру или старшему офицеру из батальона. А где есть гарнизонные полки, там нарядить по два штаб-офицера от оных, сверх того окружные генералы и бригадные командиры внутренней стражи в местах своего пребывания также должны быть членами рекрутских присутствий» [14].

Основными нормативными правовыми актами, которые регламентировали деятельность внутренней стражи по сопровождению партий рекрутов были: «Наставление партионным офицерам, для отвода рекрут наряжаемым» от 19 ноября 1813 г., Устав рекрутский от 28 июня 1831 г., Устав о службе войск внутренней стражи, Свод военных постановлений ч. 2 1838 г. «Устав о службе по военному ведомству вообще» Приложение X к ст. 233 Наставление офицерам, отряжаемым к отводу рекрутских партий с мест набора в места распределения, «Наставление партионным начальникам, отряжаемым для отвода рекрут с мест набора в места их распределения, также кантонистов и рекрут из солдатских детей, назначаемых на службу» от 17 ноября 1852 г.

Эти документы объединяли законодательные нормы, регламентировавшие деятельность внутренней стражи, военного и губернского начальства по порядку набора, условий содержания и сопровождения рекрутов.

Задача по приему и сопровождению рекрутов была многогранна и сложна, так как офицер не только должен был доставить рекрутов к местам службы, но и знать особенности маршрута следования, города и селения, находящиеся на пути следования, места ночлега, организовать взаимодействие с полицией и гражданской администрацией, выполнить мероприятия по тыловому и медицинскому обеспечению, сохранить жизни и здоровье рекрутов.

Если рекрутскую партию направляли в Сибирь или на Дальний Восток, то время в пути в первой половине XIX в. измерялось месяцами. Движение пеших рекрутских партий по Сибири было весьма продолжительным. Например, расстояние в 529 верст от Томска до Каинска (Томская губ.) рекруты проходили за 31 день; 1 896 верст от Томска до Златоустовских заводов – за 133 дня, а 2 295 верст от Красноярска до Екатеринбурга – за 164 дня [1].

Результаты выполнения этих задач во многом зависели от моральных и деловых качеств назначаемых офицеров и состава конвойных команд. Партионному офицеру при сопровождении рекрутов разрешалось отходить от «уставных» форм общения, например, партионный офицер обязан был поступать с рекрутами «как отец с детьми, наставляя каждого в познании обязанностей внятно, просто, без строптивости, но терпеливо и кротко, не ослабляя однако ж должного порядка, законом предписанного». Офицер должен был возрождать в рекрутах «благородное соревнование к славе, непоколебимую верность к государю», формировать любовь к Отечеству, а службу представлять «почтенною, лёгкою и приятною», «Любовью и преданностью

подчиненных офицер достигает всего; напротив страхом отнимает дух и бодрость; ибо страх производит в человеке робость и уныние, а в еще в неопытных рекрутах часто трусость и с тем вместе возрождает мысль к побегу» [5, с. 667].

Офицеры, руководившие сопровождением партий рекрутов, находились в поле особого внимания руководства. Подбирались офицеры и солдаты хорошо себя зарекомендовавшие на службе, не имевших претензий и взысканий, физически здоровые, знающие приказы и инструкции по службе. Командир ОКВС Н.И. Гартунг отражал достаточно жесткую позицию, в соответствии с которой в отношении офицеров, не справлявшихся с порученной задачей сопровождения рекрутских партий, ставился вопрос об их благонадежности и, «если они по неблагонадежности не могут оставаться на службе с пользой для оной, войти с представлением об увольнении, как бесполезных» [4, с. 81]. Если был принят рекрут с явными физическими недостатками, то офицер больше не привлекался к набору рекрутов.

Была предусмотрена и уголовная ответственность за следующие упущения и злоупотребления: за присвоение денежных сумм, предназначенных для выдачи жалования, на продовольствие или принадлежащих рекрутам, за растрату одежды предназначенной для рекрутов, за не доведение до рекрутов положений военного уголовного закона, за привлечение рекрутов к работе в своих или других целях, за применение к рекрутам наказаний, приведших к их побегу, за увольнение рекрутов в домовую отпуск, за допущенные происшествия рекрутами, когда из 100 человек, более 10 было умерших, бежавших, отправленных в госпиталь или больницу без причин, явно доказанных [8].

В Устав о службе войск внутренней стражи вошли основные положения из устава рекрутского 1831 года, регламентировавшего обязанности должностных лиц по набору и сопровождению рекрутов. На командиров батальонов были возложены обширные задачи по участию и организации рекрутских наборов: «содержать, обучать и образовывать рекрутов ему вверенных по правилам, предписанным в Положении о Рекрутских Депо; распорядиться сводом новопринятых рекрутов и доставлять их к местам дальнейшей воинской службы; несет ответственность за их численность, за доброе с ними отношение, за состояние здоровья и жизни, за безобидный для поселян провод рекрутских партий и доставку их к месту назначения, в установленное время и в совершенном порядке» [13, с.121].

На командиров батальонов, участвовавших в приеме рекрутов, были возложены задачи по подготовке форменного обмундирования: получать сведения о количестве набираемых команд, проводить расчеты необходимого количества холста и сапог, получать из казны деньги на покупку холста, шить форму в соответствии с утвержденными образцами. Сшитая форма проверялась с составлением докладной записки, рапортом докладывалось о ее готовности.

Командир батальона был обязан присутствовать на приеме рекрутов. При получении формулярных списков он сверял имя и отчество, прозвище каждого рекрута, его особые приметы, телесные недостатки, происхождение, данные о жене и детях, о владении ремеслом, о сумме имевшихся денег, а также проверял наличие физических недостатков, позволяющих по медицинским показаниям служить в армии. При обнаружении неточностей и ошибок, командир батальона внутренней стражи вносил изменения с уведомлением Рекрутского присутствия [8].

При выступлении каждой партии, командир батальона установленным порядком

извещал гражданских губернаторов, по территории которых проходят маршруты партий, инспекторский департамент главного штаба с приложением именного списка рекрутов, а также корпусного командира внутренней стражи и то военное начальство, в распоряжение которого рекруты направлены с указанием времени выхода команды, числа рекрутов, состава конвойной команды. В свою очередь, губернские чиновники о прохождении по их территории команд докладывали в инспекторский департамент.

По завершению набора, командир батальона внутренней стражи составлял общий отчет за всю губернию и отправлял его не позднее пяти месяцев в инспекторский департамент главного штаба, в комиссариатский департамент военного министерства и в казенную палату.

Командиру батальона предоставлялось право наказывать рекрутов, совершивших кражу или побег, приговоренных военным судом к прогнанию сквозь строй, шпицрутенами или розгами.

На протяжении всего времени существования рекрутских команд остро стоял вопрос комплектования их нижними чинами, поскольку чаще всего в роты и подвижные команды переводились лица из действующей армии не способные служить в силу возраста, болезней, нарушения требований уставов и т.п. Из-за большой служебной нагрузки личного состава в данные команды могли назначаться и порочные военнослужащие, что могло способствовать увеличению количества нарушений при конвоировании рекрутов.

Нижние чины назначались из расчета: на 25 рекрутов – 3 рядовых, 50 рекрутов – 5 рядовых, 100 – 10, 150 – 12, при большем составе команд на каждые 15 человек прибавлялось по 1 солдату. К этому количеству назначалось 3 солдата для охраны сундука с деньгами и бумагами. Унтер-офицеры назначались из расчета: 2 на 50 человек, 3 на 100 человек, 5 на 200, 7 на 300, 9 на 400 и 11 на 500 человек. Один из них назначался старшим [9].

При сопровождении команд численностью до 50 человек, старшими вместо офицеров могли назначаться и унтер-офицеры «грамотные, по службе исправные и в поведении отличные». В число конвойных назначались солдаты, обученные портновскому ремеслу для срочного ремонта одежды и обуви рекрутам в дороге. В каждую партию включали также рекрутов, обученных грамоте, для оказания помощи старшим команд в ведении документации.

Служба нижних чинов по конвоированию рекрутских команд была организована так, чтобы в каждом губернском городе конвой был заменен, за исключением офицера. Таким образом, при направлении рекрутской партии в Сибирь состав конвойных команд мог меняться до десятка раз.

Работа внутренней стражи с рекрутами начиналась при поступлении новобранцев в военные присутствия. На офицерах лежала обязанность по решению широкого круга вопросов: зачисление на службу, освидетельствование, вещевое и денежное обеспечение новобранцев.

Назначенный офицер, на основании выданного предписания, принимал партию на месте набора в губернии или в уездном городе. В губернском городе, он получал партию от командира батальона внутренней стражи, а в уездном городе от военного приемщика. Принятие партии заключалось в получении печатного экземпляра наставления, выписки об обязанностях партионного офицера, списка конвойной ко-

манды, формулярного списка рекрутов установленной формы, ранжирного списка рекрутов, выписки из предписания инспекторского департамента главного штаба о том, какую одежду должен иметь рекрут, маршрута следования, табеля оплаты продовольствия, трех тетрадей: первая – для записи квитанций в приеме больных рекрутов и конвойных, для записи квитанций в приеме вещей, оставшихся после умерших в пути или сбежавших, вторая – для записи свидетельств (квитанций) о поведении партий во время ночлегов и дневок в городах и селах, третья – для записи должностными лицами проверок, осуществлявших смотры этих команд, самих рекрутов, форменного обмундирования, наличных и казенных денег. Заводился журнал по учету исходящих и входящих сообщений, рапортов и докладных с дословным внесением содержания документов. Для сохранности перевозимых с собой бумаг и денег, офицер получал небольшой металлический сундук с замком.

Принятым на службу рекрутам брили лоб, они поступали под надзор военного приемщика и находящейся при нем внутренней стражи. Взятые в рекруты в тот же день приводились к присяге духовными лицами той религии, которую они исповедовали, выдавали форменное обмундирование, разъясняли требования уставов. Лиц, уклонявшихся от принятия присяги, принимали без нее, делая отметку в формулярных списках.

Набранные рекруты до направления к местам распределения находились в местах набора в губернских городах при батальонах внутренней стражи, а в уездах при инвалидных командах.

Офицер от отдатчика принимал деньги рекрутов с отметками в прошнурованной книге, заверенными подписями и скрепленными казенной печатью. Эти сведения вносились в журнал призывной комиссии. Офицер, принявший рекрутов в месте набора установленным порядком, сам уже нес личную ответственность за людей, обмундирование и формулярные списки.

Процедура приема рекрута офицером состояла из приема каждого рекрута по формулярным спискам с обязательным опросом каждого, сверки достоверности ответов с указанными данными, опроса о наличии жалоб на конвой, ранее его сопровождавший. В случае обнаружения неточностей в формулярных списках, наличии претензий и жалоб, принимающий офицер обязан был письменно донести об этом лицу, которое сдавало ему партию. При этом, сдающий офицер обязан был исправить указанные замечания. Жалобы рекрута подлежали рассмотрению и удовлетворению, если они были справедливы и исполнимы. В случае, если замечания по формулярным спискам были ошибочны, а претензии рекрута неправомерны, то представление возвращалось офицеру с письменным пояснением неправильности замечаний или претензий. Если удовлетворить претензии рекрутов не было возможности или они выходили за пределы компетенции офицера, то об этом рапортом доносилось вышестоящему командованию для получения разъяснения.

Затем происходила приемка по списку форменного обмундирования, выданного рекрутам. Солдатские деньги и средства, выданные на сопровождение партии, передавались вместе со специальной прошнурованной книгой, в которой велся учет выданных средств. Казенные деньги выдавались на прогон, продовольствие, на лечение, на винную порцию, на жалование рекрутам, на портянки, шерстяные носки, на смазку сапог и на письмоводство.

Офицеры разделяли рекрутов на артели, составляя по числу конвойных рядовых,

так чтобы на 3 рядовых было 3 артели, пятеро – пять, десять – десять. В артелях вводилась круговая порука, каждый смотрел за товарищами, чтобы из них никто не убежал.

Для принятия партии из 100 человек давался один день, из 200 – два дня, из 300 – три дня и так далее, сверх этого давался один день для окончательной подготовки к выходу. О начале движения партии офицер установленным порядком докладывал в инспекторский департамент главного штаба, командиру корпуса внутренней стражи и тому лицу, в чье распоряжение следовала команда и лицу, от которого он принял команду.

Два раза в день офицер проводил проверку личного состава в форме построения по ранжиру. В праздничные дни водил рекрутов в церковь, по выходным доводил до них военно-уголовный устав. В случае совершения рекрутом преступления офицер проводил следствие и передавал правонарушителя военному суду.

В обязанность командира батальона или офицера, сопровождавшего команду, входило известить городскую или уездную полицию о маршруте движения команды. Полиция направляла своего чиновника для сопровождения партии через подведомственную ей территорию в целях обеспечения законных требований партии местными обывателями по своевременному предоставлению жилья и еды, пресечения конфликтов.

Сформированная колонна из рекрутов шла вольным шагом, рядами или отделениями, неся свое имущество на себе. Конвойные были в полной походной амуниции, распределялись так, чтобы поровну их шло впереди и позади команды, выделяя при следовании лесом боковые патрули. В случае невозможности им двигаться по сторонам дороги, они шли вместе с рекрутами. Повозка с сундуком двигалась замыкающей в колонне. Офицеру было запрещено покидать партию. На марше запрещалось рекрутам расходиться в стороны, в случае надобности, при каждом оставался конвойный [9].

Для соблюдения графика движения, офицер обязан был придерживаться маршрута, соблюдать отведенное время на ночлег и дневной отдых, но при наступлении чрезвычайных ситуаций мог принимать самостоятельное решение о внесении изменений в план движения, но с предоставлением свидетельств от местного начальства о причинах произошедшего, о чем подробным рапортом доносил вышестоящему начальству из первого на пути города.

Сопровождение партий новобранцев не сводилось исключительно к предотвращению побегов по пути следования. На офицеров возлагалась ответственность следить за состоянием здоровья, поскольку призывная компания проходила в зимнее время, в период которого были распространены простудные заболевания.

Большая ответственность лежала на офицере при организации и обеспечении партии ночлегом и питанием. Для этого заблаговременно высылался унтер-офицер в намеченный город или селение для урегулирования всех бытовых вопросов. Местное начальство было обязано точно рассчитать, сколько человек будет размещено и по каким квартирам. По прибытии партии к месту отдыха офицер проводил переключку, инструктировал о соблюдении порядка в местах постоя, после чего читалась молитва и рекруты распределялись по квартирам. Питание команды обеспечивалось местным населением, у которых размещались рекруты, за установленную плату. В рацион должны были входить мясо или рыба с хлебом, каша или иная сытная пища.

Офицеры следили за качеством приготовленной пищи, чтобы она была свежей и здоровой, а жилье теплым с возможностью просушки обмундирования. При необходимости организовывали лечение и уход за больными, тяжелобольных оставляли на лечение в больницах и госпиталях. При убытии с места отдыха по маршруту следования с партией, офицер был обязан оплатить все расходы по содержанию команды, получить подтверждающие свидетельства от местного начальства.

Одной из важных задач для офицера было обеспечить поддержание воинской дисциплины. Так во время ночлега и дневков, офицер организовывал внутреннюю службу по контролю за личным составом, для чего имел при себе в качестве посыльного одного солдата и двух рекрутов, в одной из квартир размещался патруль в составе одного унтер-офицера, четырех солдат и до восьми рекрутов. Унтер-офицер мог заменяться добросовестным солдатом, смотря по количеству партии. Патруль состоял из одного солдата и одного рекрута, они следили за соблюдением порядка, и чтобы рекруты не ходили в питейные заведения. В местах дислокации подразделений внутренней стражи, патрули выделялись от них. На офицера возлагалась обязанность по урегулированию поданных жалоб и претензий между местными жителями и рекрутами до убытия партии из населенного пункта. Все жалобы вносились в журнал, там же делалась отметка, разобрана она или нет [9].

Офицер имел право конвойного или рекрута, участвовавшего в драке, замеченного пьяным или игравшим в азартные игры, наказывать розгами до 50 ударов в присутствии всей партии. За совершенное воровство, в цене не превышавшее 20 рублей, рекрут мог наказываться розгами до 100 ударов, а конвойный передавался в первом же городе командованию внутренней стражи для наказания шпицрутенами.

Офицеры, хорошо ориентирующиеся в вопросах подготовки рекрутов к службе, делились своим боевым опытом, обучали рекрутов основам строевой подготовки, при этом их не наказывали. В дни отдыха, офицер мог проводить с рекрутами занятия по изучению основ военной службы, строевой подготовке, уставам, грамоте. Уделялось внимание личной гигиене солдат и рекрутов, организовывались помывка в бане, стирка белья и ремонт одежды. Все мероприятия проводились обязательно в присутствии конвоя. Офицерам предписывалось проводить внезапные проверки наличия личного состава, обмундирования и снаряжения, наличия неучтенных денег и других запрещенных вещей.

Каждые 10 дней следования, офицер отправлял подробный рапорт о состоянии дел вышестоящему командованию. В случае убытия рекрута из партии, например, в больницу, совершенном побеге или смерти, офицер донесением сообщал руководству, делая соответствующие отметки в возимой документации.

В случае тяжелой болезни офицера, и невозможности в дальнейшем исполнять обязанности, была предусмотрена процедура его замены на другого офицера из близлежащего подразделения внутренней стражи. О результатах приема партии офицер докладывал своему начальству, командиру батальона внутренней стражи от которого партия была отправлена, инспекторскому департаменту военного министерства, командиру корпуса внутренней стражи и тому лицу, в чье распоряжение партия следовала.

В обязанности окружных генералов внутренней стражи и их помощников, командиров батальонов были включены проверки всех партий проходящих через их округа и губернии. Партийный офицер по прибытии в место пребывания вышеука-

занных лиц, оформлял краткое письменное донесение, прибывал на доклад, уточнял время проведения смотра личного состава. Смотр рекрутов состоял из проверки наличия личного состава, осмотра формы одежды, проведения опроса о наличии жалоб и предложений, проверки порядка выдачи и учета денежных сумм, состояния здоровья. Результаты смотра заносились в книгу движения партии. Указанные замечания, офицер обязан был устранить немедленно и дать письменное пояснение о причинах возникновения недостатков. По результатам смотра офицера могли отстранить от командования партией за невыполнение инструкций или выявленные злоупотребления. В случаях, если партия не была проверена должностными лицами при проходе через город, то офицер был обязан об этом рапортом доложить командиру корпуса внутренней стражи [9].

Приближаясь к месту сдачи партии, партионный офицер заранее отправлял с донесением посыльного о приближении команды. Офицер уже на месте передавал личный состав, для чего проводился их осмотр и опрос, о наличии жалоб и претензий, затем вещи, документацию, личные деньги рекрутов. По принятии партии, сопровождающему офицеру выдавалась специальная квитанция с отражением в ней замечаний при сопровождении партии. В течении трех дней он отчитывался перед казенной палатой о расходовании выданных на всю дорогу средств.

Завершив сдачу рекрутов, партионный офицер передавал конвойных местному начальнику внутренней стражи для их отправки к месту службы. Все процедуры сдачи и приема личного состава, материальных и денежных средств подлежали письменному учету, итогом которых были установленной формы квитанции. Для следования к месту службы офицер получал прогонные деньги из местного казначейства. По прибытию в подразделение офицер предоставлял командиру батальона внутренней стражи все отчетные бумаги и возвращал сундук для хранения денег и бумаг.

16 февраля 1835 г. утверждено «Положение об исправлении порочных людей, прежде поступления в войска действующие» [10, с. 144], в соответствии с которым в рекруты стали набирать бродяг, преступников и людей порочных, отдаваемых в службу по решению суда. С 1837 г. поступающие в рекруты преступники и бродяги направлялись не прямо в войска, а в «исправительные батальоны и батальоны гарнизонные и линейные». Специальным расписанием пояснялось, из каких губерний в какие войска высылаются бродяги и преступники, отдаваемые в солдаты. Это добавило конвоирам много хлопот, потребовало дополнительных усилий и напряжения сил по предотвращению побегов и поддержанию дисциплины.

Только весной 1860 г. указом императора Александр II было запрещено отдавать в рекруты людей за преступления и проступки, а в 1863 г. последовало указание уменьшить количество конвойных нижних чинов, сопровождавших рекрутов, и приказано, чтобы конвойные не имели при себе винтовок [1].

Новые постановления лишь уточняли или дополняли уже существовавшие правила. Как и прежде, главная задача партионного начальника состояла в том, чтобы доставить партию рекрутов к месту распределения в надлежащем порядке. Новой редакцией «Наставления партионным начальникам, отряжаемым для отвода рекрут с мест набора в места их распределения, также кантонистов и рекрут из солдатских детей, назначаемых на службу» от 17 ноября 1852 г. были внесены дополнения и уточнения, направленные на улучшение условий сопровождения рекрутов. Рекрутов

стали перевозить на обывательских подводах, больше внимания уделялось сохранению их здоровья. Много было сделано в организации отдыха и приема пищи, соблюдения гигиены и медицинского обеспечения [6, с. 682-723].

Таким образом, обеспечение внутренней безопасности государства Внутренней стражей, а с 1816 г. – ОКВС не сводилась исключительно к войсковым операциям. Одной из сторон деятельности внутренней стражи являлось участие в пополнении армии солдатами. За период войны 1812 года было проведено 3 набора, что потребовало задействовать большее количество подразделений и личного состава внутренней стражи, в армию поступило 1 млн 237 тыс. рекрутов и набрано около 200 тыс. ополченцев [14]. За пять рекрутских наборов во время Крымской войны в армию поступило 879 тыс. рекрутов [3]. Подразделения Внутренней стражи в тесном взаимодействии с губернским начальством, полицией, проводили рекрутские наборы. Функция ОКВС по сопровождению рекрутов, признанная руководством страны одной из важнейшей и ставшая предметом рассмотрения на самом высоком уровне государственного управления, была закреплена на законодательном уровне. Обязанности должностных лиц внутренней стражи были четко регламентированы. Личный состав Отдельного корпуса внутренней стражи успешно выполнял задачи по пополнению армии вновь набранными рекрутами вплоть до 1864 г. – года упразднения ОКВС.

Список литературы:

1. Баяндин В.И. Начало рекрутского пути: от места жительства до места службы (XIX в.). // Гуманитарные науки в Сибири. № 1. 2012 г. С.51. – Режим доступа: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/3018/1/nachalo-rekrutskogo-puti-ot-mest.pdf> (дата обращения 21.12.2021 г.).
2. Горелов В.Н. Рекрутские наборы в системе комплектования русской армии. Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 17-23. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20253483> (дата обращения 21.12.2021 г.).
3. Дьяконов М. В. История проведения рекрутских наборов в России середины XIX столетия. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-2 (19). С. 125-131. – Режим доступа <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17250582> . (дата обращения 20.12.2021 г.).
4. Колпаков П.А. Организация и служебная деятельность Внутренней стражи Российской империи (1811-1864 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дисс.. канд. юрид. наук; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». – Москва, 2020. 206 с. – текст непосредственный.
5. Наставление партионному офицеру от 19 ноября 1813 г. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. Собр. 2. Т. XXXII. № 25477. С. 664-683.
6. «Наставления партионным начальникам, отряжаемым для отвода рекрут с мест набора в места их распределения, также кантонистов и рекрут из солдатских детей, назначаемых на службу» от 17 ноября 1852 г. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собр. 2. Т. XXVII. № 26788. С. 682-723.
7. «Положение для внутренней стражи» от 3 июля 1811 г. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собр. 1. Т. XXXI. № 24704. С. 783.
8. Устав о службе по военному ведомству вообще. Приложение X к ст. 233 Наставление офицерам, отряжаемым к отводу рекрутских партий с мест набора в места распределения. Свод военных постановлений ч. 2 1838 г.
9. «Устав рекрутский» от 28 июня 1831 г. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 2., Т. VI, № 4677. С. 501.
10. «Положение об исправлении порочных людей, прежде поступления на службы войска действующие» от от 16 февраля 1835 г. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 2. Т.

Х. отд. 1 № 7869, С. 144.

11. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 2. Т. XII. № 10303. С. 361

12. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXII. — № 25051

13. Свод военных постановлений. Ч. 3. Устав службы войск внутренней стражи. — Санкт-Петербург, 1839. — С. 122.

14. Штутман С.М. На страже тишины и спокойствия. Из истории внутренних войск России (1811-1917 гг.). — М.: «Вече», 2000. — 512 с.

Vishnyakov M. M. Internal guard functions in the recruitment kit system of the Russian empire of the first half XIX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2022. — Т. 8 (74), № 1. — P. 3-12.

The article considers the content of the activities of the internal guard to accompany recruits in Russia in the first half of the XIX century. The troops performed the most important task of recruiting and escorting recruits to replenish the Russian army. On the basis of instructions, charters, instructions on the organization of recruitment sets and their escort, the peculiarities of the official duties of the party officer are shown. It is noted that the significant role of the internal guard in accompanying the recruits determined the high level of attention of the command of the Separate Internal Guard Corps to the selection and training of officers and lower ranks, material support for units, interaction with the police and residents.

Key words: internal guard, Russian Empire, recruits, party officer, recruiting parties.

Spisok literatury:

1. Bayandin V.I. Nachalo rekrutskogo puti: ot mesta zhitel'stva do mesta sluzhby (XIX v.). // Gumanitarnye nauki v Sibiri. № 1. 2012 g. S.51. — Rezhim dostupa: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/3018/1/nachalo-rekrutskogo-puti-ot-mest.pdf> (data obrashcheniya 21.12.2021 g.).

2. Gorelov V.N. Rekrutskie nabory v sisteme komplektovaniya russkoj armii. Voenno-istoricheskij zhurnal. 2013. № 7. S. 17-23. — Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20253483> (data obrashcheniya 21.12.2021 g.).

3. D'yakov M. V. Istoriya provedeniya rekrutskih naborov v Rossii serediny XIX stoletiya. Uchenye zapiski. Elektronnij nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 3-2 (19). S. 125-131. — Rezhim dostupa <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17250582>. (data obrashcheniya 20.12.2021 g.).

4. Kolpakov P.A. Organizaciya i sluzhebnyaya deyatel'nost' Vnutrennej strazhi Rossijskoj imperii (1811-1864 gg.): special'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: diss., kand. yurid. nauk; FGAOU VO «Rossijskij universitet družby narodov». — Moskva, 2020. 206 s. — tekst neposredstvennyj.

5. Nastavlenie partionnomu oficeru ot 19 noyabrya 1813 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii 1830. Sobr. 2. T.XXXII. № 25477. S. 664-683.

6. «Nastavleniya partionnym nachal'nikom, otryazhaemym dlya otvoda rekrut s mest nabora v mesta ih raspredeleniya, takzhe kantonistov i rekrut iz soldatskih detej, naznachaemyh na sluzhbu» ot 17 noyabrya 1852 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. Sobr. 2. T.XXVII. № 26788. S. 682-723.

7. «Polozhenie dlya vnutrennej strazhi» ot 3 iyulya 1811 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. Sobr. 1. T.XXXI. № 24704. S. 783.

8. Ustav o sluzhbe po voennomu vedomstvu voobshche. Prilozhenie X k st. 233 Nastavlenie oficeram, otryazhaemym k otvodu rekrutskih partij s mest nabora v mesta raspredeleniya. Svod voennyh postanovlenij ch. 2 1838 g.

9. «Ustav rekrutskij» ot 28 iyunya 1831 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Sobr. 2., T. VI, № 4677. S. 501.

10. «Polozhenie ob ispravlenii porochnyh lyudej, prezhde postupleniya na sluzhbu vojska dejstvuyushchie» ot 16 fevralya 1835 g. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. — Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Sobr. 2. T. X. отд. 1 № 7869, С. 144.

11. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 2. Т. XII. № 10303. С. 361

12. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. ХКХКНП. — № 25051

13. Свод военных постановлений. Ч. 3. Устав службы войск внутренней стражи. — Санкт-Петербург, 1839. — С. 122.

14. Штутман С.М. На страже тишины и спокойствия. Из истории внутренних войск России (1811-1917 гг.). — М.: «Вече», 2000. — 512 с.

УДК 34.02; 342.7

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19

О НЕКОТОРЫХ РИСКАХ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Гарчева Л. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье отмечается, что цифровые технологии оказывают самое непосредственное влияние на реализацию прав человека, способствуют появлению новых прав человека и гражданина, несут как положительные моменты, так и серьезные риски для человеческого достоинства, конфиденциальности данных, неприкосновенности частной жизни. Рассматриваются основные риски нарушения личных прав человека в условиях цифровизации, такие как утечка персональных данных, нарушение неприкосновенности частной жизни, распространение технологий наблюдения за гражданами, использование программного обеспечения для адресного прослушивания каналов связи и распознавания лиц. Указывается, что недобросовестное использование Интернета подрывает демократические устои общества, распространяя дезинформацию и нагнетая ненависть, нарушая право граждан на достоверную информацию.

Ключевые слова: права человека, «цифровые» права, цифровизация, персональные данные, неприкосновенность личной жизни, распространение информации, дезинформация.

Неотъемлемой частью жизни граждан в современном мире является глобальная проблема, связанная с все более расширяющейся и углубляющейся цифровой средой. Цифровая среда возникла благодаря процессам цифровизации. Цифровизация представляет собой не только переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую, но и понимается как «интегрированные коммуникационные среды, в которых электронные, цифровые и беспроводные устройства представляют собой инструменты, которые организуют общение, взаимодействуют и управляют контентом и действиями внутри самой себя» [7]. Я. В. Гайворонская и О. И. Мирошниченко под цифровизацией понимают «широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни» [1, с. 29]. То есть цифровая среда – это иная культура и иная модель взаимодействия социальных субъектов, это возможности, продиктованные технологическими причинами, которые открываются для человека. Цифровые технологии изменили то, как люди общаются, учатся и работают.

В широком смысле под цифровизацией можно понимать современный общемировой тренд развития общества и экономики, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни [10].

Проблеме влияния цифровизации на права человека и защиты прав человека в цифровую эпоху посвятили свои труды В. Зорькин, А. Ломакин, Э.В. Талапина, Ю.А. Чернышова и др. Ряд ученых цифровизацию называют цифровой революцией [5; 7], которая, как любая революция, будет иметь глубокие последствия для чело-

вечества, изменяя отношения между гражданами и государством, а также приведет к преобразованию структуры общества. Она несет как положительные моменты, являясь мощным инструментом для прогресса человечества и вносит большой вклад в защиту прав человека, так и очень серьезные риски для человеческого достоинства, неприкосновенности частной жизни, а также для осуществления прав человека в целом, если они применяются без эффективных гарантий. Но, как отмечает Ю. А. Чернышова, «актуальность вопроса защиты прав человека в условиях развития информационного общества заключается, прежде всего, в отсутствии целостной концепции правовых мер противодействия посягательствам на права человека и недостаточного законодательного регулирования и единообразного понимания правовых норм в доктрине и правоприменительной практике» [10].

Эпоха цифровизации вносит изменения в структуру прав человека и формы их реализации и защиты. Так к традиционным группам прав человека ныне прибавилась группа «цифровых прав», как прав человека, заключающихся в праве людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, к сети интернет. Важнейшими цифровыми правами гражданина считаются сейчас право на конфиденциальность, анонимность, обезличенность его уже оцифрованной персональной информации. Согласно определению «Словаря тактической реальности» Конрада Беккера, «цифровые права человека — это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации... Базисные цифровые права человека, включают право доступа к электронной сети, право свободно общаться и выражать мнения в сети, и право на неприкосновенность частной сферы» [8].

Таким образом, особенность группы цифровых прав состоит в том, что они не являются изолированными правами от остальных групп прав, а как бы способствуют реализации личных, политических, социально-экономических прав человека и гражданина, индивидуальных и коллективных прав в новых условиях. Так, право на доступ к Интернету, как инструменту образовательного процесса, гарантирует возможности расширения права на образование. Право на свободу выражения, мнений и ассоциаций в Сети гарантирует свободу совести, мысли и религии; свободу убеждений и возможностей и по их выражению; свободу на мирные собрания и ассоциации. Свобода выражений и мнений распространяется и на свободу от интернет-цензуры, возможность организации и участия в онлайн-протестах. Право на доступ к знаниям гарантирует право на роль и участие в культурно-социальном и научном прогрессе, с возможностью использования благ от них; право на доступ к культурным ценностям, произведениям искусства, а также право на свободу получения информации и доставку информации в Сеть. Право на конфиденциальность, свободу от наблюдения и шифрования гарантирует право на неприкосновенность личной жизни. Сюда относится и право на защиту данных, свободу от слежки и т.д. [9].

Положительным моментом эры цифровизации является то, что последние технологические достижения открывают принципиально новые возможности для борьбы с болезнями, для мониторинга и защиты окружающей среды, а также здоровья планеты в целом. «Если использовать такие технологии надлежащим образом, можно направить цифровую революцию на борьбу с изменением климата и содействие глобальной устойчивости, рациональному природопользованию и благополучию

людей» [2]. Быстрое распространения информационных технологий способствуют учету мнения граждан, являющихся интернет-пользователями, о деятельности органов государственной власти. Доступ к информационным ресурсам государственных органов позволяют гражданам контролировать деятельность соответствующих органов власти, что обеспечивает участие индивида в управлении делами государства. Цифровые средства могут помочь в вопросах раннего предупреждения нарушений, отслеживания и прекращения торговли людьми и эксплуатации и т.д. В этом смысле и во многих других отношениях цифровые средства играют важную роль в поддержке прав человека.

При этом, цифровизация и передовые технологии не только создают новые возможности, но и порождают проблемы, издержки и риски. Тревожными тенденциями в глобальной ИКТ-среде является резкое увеличение числа случаев злонамеренного использования информационно-коммуникационных технологий государственными и негосударственными субъектами, смешанными (государственными и негосударственными) группами. Гибридные кампании многомерны, сочетают в себе принудительные и подрывные меры с использованием как обычных, так и нетрадиционных средств, и тактик. Они разработаны таким образом, чтобы их было сложно обнаружить или приписать какому-либо человеку или группе. Необходимо отметить, что большая часть инфраструктуры Интернета находится под контролем частных компаний, которые напрямую не связаны международным правом в области прав человека.

Атаковать цифровые права гражданина могут различного рода мошенники, злоумышленники, навязыванием ненужных цифровых услуг. В числе новых угроз правам человека можно назвать все более широкое злонамеренное применение информационно-коммуникационных технологий экстремистами, террористами и организованными преступными группировками, а также трудности, связанные с определением источника инцидента в сфере ИКТ.

Серьезнейшим нарушением прав человека в условиях цифровизации является утечка персональных данных. Данное нарушение обусловлено технологией обработки данных, способствующей созданию цифровой среды, в которой как государства, так и коммерческие предприятия получают все более широкие возможности отслеживать, анализировать, прогнозировать и даже манипулировать поведением людей в беспрецедентной степени. Эти технологические разработки несут очень серьезные риски для человеческого достоинства, автономии и частной жизни, а также для осуществления прав человека в целом, если они применяются без эффективных гарантий.

Как заявила Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет на заседании Комитета по правовым вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы 14 сентября 2021 года: «сегодняшний беспрецедентный уровень надзора по всему миру со стороны государственных и частных субъектов несовместим с правами человека. Многие – если не большинство из нас – не знают о том объеме информации, которая собирается, обрабатывается, используется и распространяется о стольких аспектах нашей жизни» [12].

Несмотря на то, что и в международных документах, и в конституциях демократических стран, в том числе РФ, провозглашается: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и

доброе имени (ст. 23.1 Конституции РФ) и «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ст. 24.1 Конституции РФ), внесенные в Интернет различными организациями персональные данные человека, на самом деле, мало чем защищены, и это значительно усиливает риски разглашения личной конфиденциальной информации, провоцируют рост случаев нарушения фундаментальных прав. Такими нарушениями, в частности, являются: отслеживание компаниями частной переписки и разговоров своих работников; вторжение различных злоумышленников в работу интернет-сайтов; массовое внедрение властями отдельных государств несогласованной видеосъемки (вплоть до общественных уборных); бессрочное хранение различными государственными и корпоративными структурами личных данных их граждан (работников): отпечатков пальцев, образцов ДНК и т.д. [9]. Формирование баз данных о гражданах позволяет осуществлять незаконный контроль за ними, дает простор мошенническим действиям, обусловленным неумением хранить конфиденциальную информацию. Законодательство не предусматривает возможности управлять своим согласием на использование персональных данных и отозвать согласие, данное работодателю, банку или другому оператору. Еще одной важной проблемой является растущее давление, оказываемое государствами и другими субъектами на частные предприятия, с тем чтобы они раскрывали данные пользователей или фактически сами контролировали веб-контент.

Защита данных не успевает за достижениями в области взлома электронных систем и шпионажа. Как указывается в Докладе Генерального секретаря ООН, в 2019 г. было зарегистрировано более 7000 случаев нарушения безопасности данных, в результате чего была нарушена конфиденциальность более 15 млрд записей [2]. Общий объем преступлений и правонарушений против конституционных прав, и свобод человека, совершаемых в сфере цифровых технологий, из года в год возрастает. За последние пять лет число киберпреступлений в РФ выросло в 25 раз. При этом отмечается, что «волна мошенничества с утечкой персональных данных не привела к тому, чтобы кто-то ответил за нарушение прав граждан» [4]. Обеспечение эффективной защиты персональных данных и защита права на неприкосновенность частной жизни представляет собой задачу первостепенной важности. Признание важности защиты права на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве и принятие для этого четких мер имеет принципиальное значение.

Следующим серьезным нарушением неприкосновенности частной жизни со стороны правительств, некоторых государственных органов, отдельных людей и частного сектора являются технологии наблюдения, включая распознавание лиц. И если в борьбе с преступностью в ходе правоохранительной деятельности они могут быть полезными обществу, то в иных случаях использование программного обеспечения для адресного прослушивания каналов связи и распознавания лиц может приводить к нарушениям прав человека, произвольным арестам и задержаниям, нарушению права на мирный протест.

Цифровые технологии довольно часто используются для массовой слежки, носят масштабы и характер, которые явно нарушают право на неприкосновенность частной жизни и другие права. Различные типы слежения, мониторинг в Интернете и меры для сбора данных, такие как история просмотров в браузере; история покупок; история поиска; местоположение; финансовые данные; данные о состоянии здоро-

вья и другие данные каждой женщины, мужчины и ребенка поступают в массовые банки данных, затрагивая интересы каждого человека. Как утверждает Мишель Бачелет, «эти банки данных могут включать подробное описание наших мнений, характера и наших отношений, нашего социального происхождения, медицинской информации, финансового положения и так далее. Они могут быть отфильтрованы, обработаны и оценены с помощью цифровых процессов для целого спектра задач без какой-либо подотчетности; без надлежащего контроля за результатами; и даже без нашей осведомленности о том, что происходит, и что такие банки данных существуют» [11].

Недобросовестное использование Интернета подрывает демократические устои общества, распространяя дезинформацию и нагнетая ненависть, нарушая право граждан на достоверную информацию. Социальные сети используются зачастую в целях распространения опасной дезинформации, фейковых новостей и разжигания связанной с этим дискриминации, ксенофобии и расизма. Под фейковыми новостями в российском законодательстве понимается заведомо недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений и создавшая определенную угрозу жизни или здоровью граждан, имуществу, общественному порядку и общественной безопасности (ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

В условиях стремительного и массового распространения неточной или недостоверной информации становится все сложнее выявлять в информационном потоке достоверные и проверенные факты и рекомендации, поступающие из авторитетных источников. Усилия по дестабилизации страны путем подрыва общественного доверия к государственным учреждениям и путем оспаривания основных ценностей общества стали более распространенными. Распространению дезинформации способствует также незаконное засекречивание, нарушение содержания предоставляемых сведений, неопубликование сведений, не предоставление сведений об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей и т.д.

Негативные последствия, которые несет увеличение числа случаев злонамеренного использования ИКТ, распространение дезинформации, утечка персональных данных представляют серьезную угрозу безопасности общества и государства. Поэтому «основной ролью цифрового государства является защита цифровых прав своих граждан от посягательств на них действий злоумышленников, пытающихся дезинформировать общество или отдельного человека» [8]. Задачей государства является защита цифровых прав граждан от различных нарушений, но существующее сегодня законодательство не в полной мере отвечает современным реалиям. Поэтому законодательство, касающееся регулирования цифровых прав граждан, нуждается в модернизации и систематизации, приведении его понятийного аппарата в стройное, непротиворечивое состояние [3], конкретизации содержания его норм с учетом технологических особенностей цифровизации.

Государство должно не только законодательно установить права и обязанности участников цифровых правоотношений и пределы применения цифровых технологий, но и, учитывая стремительность развития цифровизации в различных сферах, постоянно совершенствовать методы защиты прав человека, разработать концепцию законодательства в области защиты прав человека в условиях цифровизации. При

этом нормативно-правовая база и законодательство о разработке и использовании цифровых технологий должны исходить из приоритета права человека.

Необходимо пересмотреть нормы права в области защиты частной жизни в свете цифровизации общества, ввиду «наличия явного конфликта между требованиями о защите персональных данных и фактической невозможности ее обеспечения в связи с попаданием таких сведений в Интернет» [6, с. 134], ввести строгий контроль за соблюдением государственными органами и частными компаниями надлежащего учёта деятельности в области обработки персональных данных: определение целей обработки данных, отчёт о фактах трансграничной передачи данных, в том числе описание гарантий безопасности механизма трансграничной передачи данных, порядок хранения данных, описание организационно-технических мер обеспечения безопасности данных.

Обеспечивая информационную безопасность, государство должно принимать меры к повышению медиаграмотности интернет-пользователей, осведомленности населения о дезинформации и укрепление устойчивости общества: более высокий уровень медиаграмотности поможет выявлять онлайн-дезинформацию и критически подходить к онлайн-контенту. Необходимо разработать практический инструментальный просвещения населения в вопросах использования современных СМИ. Постоянно предпринимать решительные меры против фальшивых (фейковых) аккаунтов, выявлять ботов и маркировать их как таковых. Вести кропотливую работу по выявлению, анализу и изобличению дезинформации.

Список литературы:

1. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
2. Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству. Доклад Генерального секретаря ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/821> (дата обращения 02.11.2021).
3. Зорькин В. Право в цифровом мире // Российская газета: Столичный выпуск. №7578 (115)
4. Емельяненко В. СПЧ готовит "Цифровой кодекс прав человека". / Владимир Емельяненко. Российская газета - Федеральный выпуск № 202(8553). URL: <https://rg.ru/2021/09/05/spch-gotovit-cifrovoj-kodeks-prav-cheloveka.html> (дата обращения 20.10.2021).
5. Карцхия А. А. Цифровая трансформация и права человека / А. А. Карцхия. // Русская политология — Russian political science. - 2018. № 4 (9) - С. 33-38.
6. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117—149;
7. Махотин Д. Цифровая среда и образовательная среда: взаимосвязь понятий. Что важнее для педагогической науки? URL: <https://interactiv.su/2020/07/25> (Дата обращения 12.10.2021)
8. Цифровые права. Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0 (Дата обращения 24.10.2021).
9. Цифровые права в контексте норм международного права. Сайт: Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/articles/tsifrovye-prava-v-kontekste-aktualnykh-norm-mezhdunarodnogo-prava/> (Дата обращения 11.10.2021)
10. Чернышева Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества. // Психология и право. - 2019. Том. 9, № 4. С. 90–102 // Портал психологических изданий: PsyJournals.ru — https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Chernysheva_full.shtml (Дата обращения 02.11.2021)
11. Права человека в новую эпоху // Выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет в Женевском университете 14 ноября 2018 г. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23874&LangID=R> (дата обращения 05.11.2021).

12. Statement by United Nations High Commissioner for Human Rights, Michelle Bachelet. 14 September 2021 (Заявление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет 14 сентября 2021 г.). URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=27455&LangID=E> (дата обращения 20.10.2021).

Garcheva L.P. On the risks of human rights violations in the context of digitalization // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 13-19.

The article notes that digital technologies have the most direct impact on the implementation of human rights, contribute to the emergence of new human and civil rights, carry both positive aspects and serious risks to personal dignity, data confidentiality, and individual privacy. The main risks of violation of personal human rights in the context of digitalization are discussed, such as the leakage of personal data, violation of privacy, the increase of technologies for monitoring citizens, and the observation of citizens through communication channels and face recognition. It is stated that unfair use of the Internet undermines the democratic foundations of society, spreading misinformation and inciting hatred, and infringes the right of citizens to reliable information.

Key words: human rights, digital rights, digitalization, personal data, privacy, dissemination of information, disinformation.

Spisok literatury:

1. Gayvoronskaya Ya. V., Miroschnichenko O. I. Pravovyye problemyi tsifrovizatsii: teoretiko-pravovoy aspekt // Legal Concept = Pravovaya paradigma. – 2019. – Т. 18, # 4. – S. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
2. Dorozhnaya karta po tsifrovomu sotrudnichestvu: osuschestvlenie rekomendatsiy Gruppyi vyisokogo urovnya po tsifrovomu sotrudnichestvu. Doklad Generalnogo sekretarya OON. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/821> (data obrascheniya 02.11.2021).
3. Zorkin V. Pravo v tsifrovom mire // Rossiyskaya gazeta: Stolichnyiy vyipusk. #7578 (115)
4. Emelyanenko V. SPCh gotovit "Tsifrovoy kodeks prav cheloveka". / Vladimir Emelyanenko. Rossiyskaya gazeta - Federalnyiy vyipusk # 202(8553). URL: <https://rg.ru/2021/09/05/spch-gotovit-cifrovoy-kodeks-prav-cheloveka.html> (data obrascheniya 20.10.2021).
5. Kartshiya A. A. Tsifrovaya transformatsiya i prava cheloveka / A. A. Kartshiya. // Russkaya politologiya — Russian political science. - 2018. # 4 (9) - S. 33-38.
6. Talapina E.V. Zashchita personalnykh dannykh v tsifrovuyu epohu: rossiyskoe pravo v evropeyskom kontekste // Trudyi Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. # 5. S. 117—149;
7. Mahotin D. Tsifrovaya sreda i obrazovatel'naya sreda: vzaimosvyaz ponyatiy. Chto vazhnee dlya pedagogicheskoy nauki? URL: <https://interactiv.su/2020/07/25> (Data obrascheniya 12.10.2021)
8. Tsifrovyye prava. Vikipediya — svobodnaya entsiklopediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tsifrovyye_prava (Data obrascheniya 24.10.2021).
9. Tsifrovyye prava v kontekste norm mezhdunarodnogo prava. Sayt: Assotsiatsiya yuristov Rossii. URL: <https://alf.ru/articles/tsifrovye-prava-v-kontekste-aktualnykh-norm-mezhdunarodnogo-prava/> (Data obrascheniya 11.10.2021)
10. Chernyisheva Yu.A. Prava cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obschestva. // Psihologiya i pravo. - 2019. Tom. 9, # 4. S. 90–102 // Portal psihologicheskikh izdaniy: PsyJournals.ru — https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n4/Chernyisheva_full.shtml (Data obrascheniya 02.11.2021)
11. Prava cheloveka v novuyu epohu // Vystuplenie Verhovnogo komissara OON po pravam cheloveka Mishel' Bachelet v ZHenevskom universitete 14 noyabrya 2018 g. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23874&LangID=R> (data obrascheniya 05.11.2021).
12. Statement by United Nations High Commissioner for Human Rights, Michelle Bachelet. 14 September 2021 (Zayavlenie Verhovnogo komissara OON po pravam cheloveka Mishel Bachelet 14 sentyabrya 2021 g.). URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=27455&LangID=E> (data obrascheniya 20.10.2021).

УДК: 342.95

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-20-30

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕСТА»

Заброда Д. Г., Тухий И. В.

В статье актуализируется проблема выделения и характеристики основных подходов к пониманию сущности категории «общественные места».

Приведены статистические данные за 2020-2021 гг., отражающие криминогенную обстановку в общественных местах, выделены факторы, негативно влияющие на правопорядок в общественных местах.

Констатирована потребность в комплексном исследовании термина «общественное место», в связи с отсутствием в отечественном законодательстве его понятия и делящейся в правовой науке полемики, касающейся нормативного определения признаков данной категории.

Выделены и охарактеризованы нормативный, нормопроектный, научный, правоприменительный (практический) и статистический подходы, применение которых позволило раскрыть содержание понятия «общественное место».

На основе проведённого анализа, определены признаки общественных мест: публичность; территориально-объектовая определенность; неограниченность доступа к публичным местам и ограничение к режимным; преимущественно нежилое и непроизводственное предназначение; обеспечение функционирования органами местного самоуправления; существования для удовлетворения потребностей неопределённого круга лиц.

Сделан вывод о том, что использование различных подходов к формулированию понятия «общественное место» не только позволяет более системно рассмотреть сложившиеся в юриспруденции мнения о содержании этой категории, но и минимизировать ошибки в правоприменительной практике, конкретизировать условия выполнения обязанностей по обеспечению правопорядка правоохранительными органами, уточнить пространственные границы действия ограничений и запретов для физических и юридических лиц, ускорить процессы совершенствования действующего законодательства и разработки проектов нормативных правовых актов.

Ключевые слова: основные подходы (нормативный, нормопроектный, научный, правоприменительный (практический) и статистический), общественное место, категория, содержание.

Охрана общественного порядка в Российской Федерации в 2020-2021 году существенно усложнилась введением чрезвычайных противоэпидемических мер, обусловленной пандемией, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19.

Так, принятые органами внутренних дел меры, в первую очередь, касались увеличения присутствия сотрудников полиции в местах массового пребывания, активизацией деятельности должностных лиц органов внутренних дел по реализации полномочий по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений требований нормативных актов субъектов Российской Федерации, связанных с установлением противоэпидемического режима, установления лиц, установления местонахождения лиц, прибывающих на территорию Российской Федерации из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, связанной с распространением COVID-19, обеспечения безопасности обсервационных пунктов и лечебных учреждений, предупреждению распространения инфекционных заболеваний среди лиц, содержащихся в специальных учреждениях органов внутренних дел [1].

Оценивая результаты деятельности МВД России в 2020 г. Президент России В.

Путин отметил, что «...несмотря на сложности, связанные с эпидемией коронавируса (органы внутренних дел) действовали грамотно, чётко, без сбоев. Имею в виду обеспечение общественной безопасности и борьбу с преступностью, системную, целенаправленную работу по улучшению ситуации на дорогах и в миграционной сфере» [2].

Нельзя не отметить и тот факт, что по результатам 2020 г. в нашей стране на 10% уменьшилось количество преступлений, совершенных в общественных местах, в том числе на улицах, площадях, парках, скверах – на 9,9 %, в том числе уголовно-наказуемых хулиганств на 12,8 %. [3]. В тоже время, отмечается рост преступлений в общественных местах в Республике Дагестан (+48,9%), Карачаево-Черкесской Республике (+35,7%), г. Севастополе (32,3%), Республика Ингушетия (+24,3) [4]. В 2021 г. (январь-октябрь) сохранилась тенденция к снижению преступлений в парках, скверах, на улицах и площадях (на 7,9% за АППГ). Среди «лидеров» рейтинга регионов с наибольшими темпами прироста таких преступлений – Республика Тыва (18,6%), Республика Ингушетия (15,7%), Приморский край (+15,2%) [5].

По данным МВД России в 2018-2020 гг. число уголовно-наказуемых хулиганств, как одного из основных правонарушений данной категории, уменьшалось. Так, если в 2018 г. сотрудниками полиции выявлено 1795 (-4,8 % АППГ) таких преступления, из них совершенных в общественных местах – 1406 (-5,6 %), в 2019 г. – 1747 (-2,7 %), из них совершенных в общественных местах – 1369 (-2,6 %), в 2020 г. – 156 (-12,7 %), из них совершенных в общественных местах – 1194 (-12,6 %). В структуре «уличной преступности» хулиганство составляет 0,3 %. И это соотношение стабильно на протяжении 3-х лет. Что касается Республики Крым, то в 2020 г. в общественных местах РК совершено 6375 (29,4 %; -14,7 %) преступлений, в т.ч. на улицах – 4820 (уд. вес – 22,2 %; - 8,9 %). Основную часть преступлений, совершенных в общественных местах, составили кражи (2662; 41,8 %). Уменьшилось количество краж (2662; -29,5 %) и грабежей (225; -32,0 %), совершенных в общественных местах [38].

Считаем, что одним из факторов, повлиявших на криминогенную обстановку в общественных местах, стали карантинные ограничения, направленные на уменьшение количества граждан, пребывающих в общественных местах, в том числе и в местах массового скопления и общественном транспорте, запрет на проведение массовых мероприятий, сокращение времени работы организаций и предприятий досуга, общественного питания, а также корректировку режима деятельности государственных и коммерческих учреждений, образовательных и воспитательных организаций, в том числе и перевод большинства из них на удаленную форму работы.

Проводимые в отдельных регионах России социологические опросы показали, что введенные властями ограничительные меры полностью или скорее поддерживают – 58% граждан; 28% в чем-то поддерживают, в чем-то нет, скорее не поддерживают или не поддерживают совсем 13%.

К ограничительным мерам, которые граждане считают чрезмерными, относят и запрет на пребывание в местах массового скопления граждан (31%) [6].

В ходе правоприменения актуализировались и вопросы терминологии, отражающие сущность общественных отношений, возникающих в процессе реализации карантинных правоограничений.

Важной составляющей этих правоотношений является определение пространственной основы их возникновения, развития и прекращения, связанной с конкретной территорией (местом, объектом).

Следует согласиться с мнением И.И. Веремеенко, который считает, что данный термин используется в законодательстве для подчеркивания важности охраняемых отношений, поскольку посягательства на них «...затрагивают интересы не одной какой-то личности, а группы лиц, всего общества...нарушение существующих правил в таком месте... является вызовом обществу и, с точки зрения конфликта в той или иной степени, интересам других лиц» [7].

В связи с отсутствием в отечественном законодательстве понятия «общественное место» и длящейся в правовой науке десятилетиями полемики, касающейся нормативного определения её признаков и критериев для классификации их разновидностей, в этой публикации предлагается выделить и охарактеризовать основные подходы к моделированию соответствующей дефиниции.

Проведенный нами анализ нормативных источников, научных публикаций и правоохранительной и судебной практики, позволили выделить следующие основные подходы к пониманию сущности категории «общественные места»: а) нормативный; б) нормопроектный; в) научный; г) правоприменительный (практический); д) статистический.

1) *нормативный подход* отражает закрепление понятия и разновидностей общественных мест в нормативных правовых актах различного уровня: от федерального до решений органов местного самоуправления [8]. В частности, нормы, в которых употребляется понятие «общественное место», содержится в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении», ФЗ «О полиции», «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», УК, КоАП РФ и др. [9-14].

Например, в федеральном законе «О полиции» термин «общественные места» использован для: формулирования одного из основных направлений деятельности полиции (п. 6 ч.1 ст.2), характеристики обязанностей полиции (п. 5 ч. 1 ст. 12), форм охраны общественного порядка (п. 6 ч. 1 ст. 13), прав полиции (п. 7, п. 14, п. 18, ч. 1 ст.13). При этом, в отдельных случаях перечень таких мест конкретизируется путем их перечисления (п. 5 ч. 1 ст. 12) [9].

В большинстве законодательных актов общественные места обозначены путем использования соответствующего словосочетания, перечисления их разновидностей или указания на их неопределённое множество. Так, при описании диспозиции мелкого хулиганства (ч.1 ст. 20.1 КоАП РФ), названий статей 20.2.2, 20.21 КоАП РФ используется словосочетание «общественные места» (в необходимом падеже); в ФКЗ «О чрезвычайном положении» (п. а ч. 1 ст. 12), в диспозиции ст. 20.21 КоАП РФ дается перечисление общественных мест («улицы и другие общественные места», «улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования, другие общественных места»); в УК РФ также содержатся преступления, признаком которых является «общественное место» (ст.ст. 128, 214, 212, 213, 319 УК РФ) [9; 10; 12].

В ряде законов и подзаконных актов законодатель, при установлении запретов и

ограничений как признаков отдельных территорий, помещений и объектов, оперирует категориями «общественный» в отношении транспорта, предприятий питания, мест пребывания граждан [13-23].

Для организации деятельности органов внутренних дел важное значение имеет конкретизация перечня «общественных мест» как места несения службы нарядами полиции. Так, приказами МВД России от 25.11.2019 № 879 «Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах», от 13 апреля 2021 г. № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции», от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» к ним отнесены «...улицы, площади, стадионы, вокзалы, железнодорожные станции, платформы, скверы, парки, поезда дальнего следования и пригородного сообщения, аэропорты, морские и речные порты, автовокзалы и автостанции, привокзальные площади, и другие общественные места».

Среди других нормативных источников, содержащих понятие «общественное место», выделяются и акты органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Например, законодательство субъектов Российской Федерации, наряду с улицами и другими общественными местами, перечень которых закреплен в федеральном законодательстве, дополняют его, преимущественно в контексте административных правонарушений, включает: места проведения культурно-зрелищных, спортивных и иных мероприятий [24]; пешеходные дорожки, тротуары [25]; территории и помещения юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность (развлекательные центры, кинотеатры, дискотеки, бары, рестораны, кафе и иные)[26]; гостиницы, больницы, домах отдыха [27] и др.

Например, в Законе Республики Бурятия от 05.05.2011 № 2003-IV «Об административных правонарушениях» данное рассматриваемое нами понятие закреплено в п. 3 ч. 3 ст. 3 [28], а в решении Совета депутатов Успенского сельского поселения Чудовского р-на Новгородской обл. от 29.04.2019 № 194 «Об утверждении Правил благоустройства и санитарного содержания территории Успенского сельского поселения» под общественными местами понимаются «...места общедоступные для неопределенного количества лиц, места массового посещения людей, доступ к которым в установленном законодательством порядке для населения не ограничен (улицы, площади, пляжи, парки и т.д.)» [29].

2) *нормопроектный подход* отражает позицию парламентариев, выраженную в проектах соответствующих законодательных актов. Например, возможный вариант решения проблемы определения «общественного места» является предложение по закреплению его перечня в ст.14.1 проекта КоАП. К ним предложено относить: места общего пользования; транспорт общего пользования городского и пригородного сообщения, остановки общественного транспорта; жилые микрорайоны, места общего пользования в жилых домах; территории, прилегающие к жилым домам; детские, образовательные и медицинские организации, организации культуры, физ-

культурно-оздоровительные и спортивные сооружения; места, предназначенные для использования в сфере развлечения, досуга, торговли, отдыха; места общественного питания; места в период проведения массовых мероприятий; иные места, которые независимо от их формы собственности постоянно, временно или эпизодически открыты для свободного доступа неограниченного круга лиц, в том числе места предполагающие возможность появления (нахождения) в них неопределенного круга лиц [30].

3) *научный подход* рассоривает сущность общественных мест с позиции современной научной методологии. Учитывая значительное число научных публикаций, посвященных этой тематике, приведем основные позиции, наиболее полно отражающие, сложившиеся подходы к формулированию понятия «общественное место». Так, в юриспруденции под ними понимают:

– места общения людей в целях удовлетворения различных жизненных потребностей (А.П. Корнев); общего пользования, а также помещения учреждений, предприятий, обслуживающих население (Д.Н. Бахрах); общения (нахождения) людей, в которых удовлетворяются их различные жизненные потребности и которые свободны для доступа неопределенного круга лиц (Ю.П. Соловей) [31];

– место неколлективного общения людей, место, которое носит открытый характер для неопределенного круга лиц, место, где организовано или стихийно протекают различные социальные процессы, место, где пересекается действие различных социальных и юридических норм [32, с. 35];

– любые объекты частого, регулярного, одновременного, реального или потенциального нахождения граждан, куда возможен доступ абсолютно всех граждан: дворы, подъезды, лестницы, лестничные площадки, лифты жилых домов, детские площадки, зоны рекреационного назначения (в границах территорий, занятых городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, в границах иных территорий, используемых и предназначенных для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом), парки, стадионы, все виды общественного транспорта городского и пригородного сообщения, кроме мест частного пользования [33, с. 431];

– участки местности, используемые гражданами для отдыха, досуга, восстановления сил, удовлетворения потребностей и выполнения общественных функций, границы которых определены органами местного самоуправления [34].

– места, доступные для посещения либо специально оборудованные территории и помещения общего пользования в черте городов и иных населенных пунктов, либо вне их, а также средства общественного транспорта [35, с. 211-212];

– свободную к доступу неограниченного количества лиц территорию нежилого и не производственного назначения, которая используется для удовлетворения личных потребностей, в рамках которой осуществляется государственное регулирование общественных отношений по охране правопорядка [36].

2) *правоприменительный (практический) подход* содержит в себе обобщенные результаты применения норм действующего законодательства в судебной и правоохранительной практике.

Например, правовая оценка противоправного поведения дается судами в каждом конкретном случае привлечения граждан к уголовной и административной ответственности. Для иллюстрации оценки категории «общественное место» судами Рес-

публики Крым и г. Севастополя нами проанализировано 196 постановлений по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, принятых в 2017-2020 гг. В рассмотренных нами материалах местом противоправных действий признавались: улица, двор многоэтажного дома или общественного пользования, железнодорожный вокзал, предприятие общественного питания, спортивный объект (стадион), набережная, остановка общественного транспорта, рынок, парк, медицинское учреждение, автодорога – 73,2%, помещение государственного органа, предприятия торговли (магазин), подъезд жилого дома, лестничная площадка подъезда жилого дома, лечебного учреждения, автостанции; здание органа внутренних дел, общежития; коридор общественного пользования – 25,7%, общественный транспорт (маршрутный автобус) – 1,1%.

В свою очередь, сотрудники полиции, помимо самого пространства улицы, к ним относят остановки общественного транспорта (18,8%), подъезды домов (11,6%), открытые рынки, стадионы, танцплощадки (11,6%), мосты, путепроводы, эстакады (8%), подземные переходы (7,6%), пустыри (5,1%), пляжи (4,3%), иные места (10,5%) [37]. Одновременно сотрудниками полиции подразделений, дислоцирующихся в Крыму, обращено внимание на целесообразность изменение статуса тех или иных территорий и объектов во время курортного сезона: пляжей, открытых площадок, где традиционно проводятся массовые мероприятия, детских лагерей отдыха, которые не функционируют круглогодично, мест для массового «дикого отдыха» и др. [38].

2) *статистический подход* предусматривает установления понятия, признаков и перечня общественных мест в качестве критерия оценивания результатов деятельности правоохранительных и других органов, в первую очередь преступлений. Так, в Приказе Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России «О едином учете преступлений» (Раздел 3 «Порядок заполнения и представления статистической карточки», реквизит 21) определены места, признаваемые общественными, определяя место противоправного деяния (преступления) по административно-территориальному признаку. Ими признаются «...специально оборудованные территории и зоны общего пользования в черте городов и населенных пунктов либо вне их и предназначенные для использования населением, а также проведения массовых мероприятий, обслуживания и отдыха граждан». Кроме этого, приказ определяет и случаи, когда показатель «преступление совершено в общественном месте» не отражается в соответствующих сведениях, то есть, фактически отграничивает такие деяния по признаку частного характера, ограниченности доступа или непригодности к пребыванию граждан [39]. Также, этот подход использован при оценивании результативности патрульно-постовой службы, нарядов строевых подразделений Росгвардии, общественных формирований правоохранительной направленности, несущих службу в местах массового пребывания граждан.

Таким образом, анализ выделенных нами подходов, к признакам общественных мест позволяет относить: публичность; территориально-объектовая определенность; неограниченность доступа к публичным местам и ограничение к режимным; преимущественно нежилое и производственное предназначение; обеспечение функционирования органами местного самоуправления; существования для удовлетво-

рения потребностей неопределённого круга лиц.

Данные признаки предлагается использовать для классификации общественных мест, разработки их перечня в контексте нормативного регулирования запретов и ограничений в нормах об административной ответственности, формировании задач для органов государственной власти, обеспечивающих охрану правопорядка в общественных местах, а также установлении границ реализации антитеррористического, карантинного и других режимов.

Кроме этого, эти признаки могут учитываться и при разработке градостроительных норм, в которых обозначаются чёткие границы соответствующих территорий и объекты: площади, улицы и другие элементы городской инфраструктуры, а также территориальном обустройстве сельских населённых пунктов.

Подводя итог отметим, что проведенное нами исследование свидетельствует, что использование различных подходов к формулированию понятия «общественное место» не только позволяет более системно рассмотреть сложившиеся в юриспруденции мнения о содержании этой категории, но и минимизировать ошибки в правоприменительной практике, конкретизировать условия выполнения обязанностей по обеспечению правопорядка правоохранительными органами, уточнить пространственные границы действия ограничений и запретов для физических и юридических лиц, ускорить процессы совершенствования действующего законодательства и разработки проектов нормативных правовых актов.

Список литературы:

1. Меры по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/covid19-%D0%BC%D0%B2%D0%B4> (дата обращения: 14.12.2021).
2. Выступление В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России (03.03.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 14.12.2021).
3. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2020 г.). – Генеральная прокуратура России, М., 2021. – 62 с.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. – МВД России ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – М., 2020. – 66 с.
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-октябрь 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27024130/> (дата обращения: 14.12.2021).
6. Треть россиян считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом // <https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f> (дата обращения: 14.12.2021).
7. Веремеенко И. И. Механизм охраны общественного порядка. – М., 1982. – Ч. 1. – С. 14.
8. Никоноров Е. А., Никоноров А. А. Понятие общественного места в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obschestvennogo-mesta-v-rossiyskom-zakonodatelstve>. (дата обращения: 14.12.2021).
9. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 61 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
12. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
13. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ч. 1 ст. 12) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021 г.).

14. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ст. 16) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. Приказ Росстата от 29.12.2017 № 887 «Об утверждении методологических положений по статистике транспорта» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
16. Межгосударственный стандарт ГОСТ 30389-2013 «Услуги общественного питания. Предприятия общественного питания Классификация и общие требования» (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2013 г. № 1676-ст) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
17. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ; Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
18. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
19. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
20. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
21. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
22. Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08.11.2007 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
23. Федеральный закон от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
24. Закон города Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
25. Закон Ленинградской области от 24.06.2003 № 47-ОЗ «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
26. Закон Курской области от 04.01.2003 № 1-ЗКО «Об административных правонарушениях в Курской области» от 04.01.2003 № 1-ЗКО [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
27. Закон Республики Карелия от 15.05.2008 № 1191-ЗРК «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
28. Закон Республики Бурятия от 05.05.2011 № 2003-IV «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).
29. Решение Совет депутатов Успенского сельского поселения Чудовского района Новгородской области от 29.04.2019 № 194 «Об утверждении Правил благоустройства и санитарного содержания территории Успенского сельского поселения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn----itbatohdgkdeo.xn--p1ai/?p=10190> (дата обращения: 14.12.2021).
30. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020).
31. Границкий Р. Б. Общественное место как квалифицирующий признак административного правонарушения // Право и государство. – 2009. – № 7. – С. 76–77.
32. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении спортивных мероприятий: монография / Г. Н. Василенко [и др.] / под. ред. М. В. Костенникова, А. В. Куракина. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2018. – 98 с.

33. Гусев А. В. Понятие «общественное место» / А. В. Гусев, Н. А. Целовальников // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 23 апр. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 430–439.
34. Тарубаров В. В. Общественные места как участки местности с повышенной социальной опасностью // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyye-mesta-kak-uchastki-mestnosti-s-povyshennoy-sotsialnoy-opasnostyu> (дата обращения: 14.12.2021).
35. Иванько И. В. Нормативное закрепление понятия «общественное место» // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (15 марта 2011 г.). В 2 ч. – СПб.: Изд-во СПб ун-т МВД России, 2011, Ч. 1. – С. 209–213.
36. Надобко Т. Ю. Понятие «общественное место» в науке административного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik-pravo.mgu.od.ua/archive/juspradenc17/part_1/44.pdf (дата обращения: 14.12.2021).
37. Белая Н.М. Уличная преступность: криминологическая характеристика и предупреждение: монография / под ред. Л. М. Прокументова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. – 159 с.
38. Тихий И. В. Обеспечение правопорядка в общественных местах как одна из основных функций полиции [Электронный ресурс] / И. В. Тихий. - Симферополь: [б. и.], 2020. – 121 с.
39. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.12.2021).

Zabroda D. G., Tikhii I. V. Basic approaches to understanding the essence of the category «public places» // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 20-30.

The article actualizes the problem of identifying and characterizing the main approaches to understanding the essence of the category "public places".

Statistical data for 2020-2021, reflecting the criminogenic situation in public places, are given, factors that negatively affect the rule of law in public places are highlighted.

The need for a comprehensive study of the term "public place" is stated, due to the absence of its concept in the domestic legislation and the ongoing controversy in legal science regarding the normative definition of the characteristics of this category.

Fulfilling the duties of ensuring law and order by law enforcement agencies, to clarify the spatial boundaries of the action of restrictions and prohibitions for individuals and legal entities, to speed up the processes of improving the current legislation and the development of draft regulatory legal acts.

On the basis of the analysis carried out, the characteristics of public places have been identified: publicity; territorial and object certainty; unlimited access to public places and restriction to restricted ones; predominantly non-residential and non-industrial purpose; ensuring the functioning of local self-government bodies; existence to meet the needs of an indefinite circle of people.

The author identifies and characterizes the normative, normative design, scientific, law enforcement (practical) and statistical approaches, the use of which made it possible to reveal the content of the concept of "public place".

Key words: basic approaches (normative, normative, scientific, law enforcement (practical) and statistical), public space, category, content.

Spisok literatury:

1. Mery po preduprezhdeniyu rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/covid19-%D0%BC%D0%B2%D0%B4> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
2. Vystuplenie V. Putina na rasshirennom zasedanie kollegii MVD Rossii (03.03.2021 g.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii (za yanvar'-dekabr' 2020 g.). – General'naya prokuratura Rossii, M., 2021. – 62 s.
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii (za yanvar'-dekabr' 2020 g.). – MVD Rossii FKU «Glavnyj informacionno-analiticheskij centr». – M., 2020. – 66 s.

5. Kratkaya karakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'-oktyabr' 2021 goda [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27024130/> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
6. Tret' rossiyan schitayut chrezmernymi ogranicheniya v svyazi s koronavirusom // <https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
7. Veremeenko I. I. Mekhanizm ohrany obshchestvennogo poryadka. – M., 1982. – CH. 1. – S. 14.
8. Nikonorov E. A., Nikonorov A. A. Ponyatie obshchestvennogo mesta v rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obshchestvennogo-mesta-v-rossijskom-zakonodatel'stve>. (data obrashcheniya: 14.12.2021).
9. Federal'nyj zakon «O policii» ot 07.02.2011 № 3-FZ. [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
10. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-F. [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
11. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 61 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
12. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 № 3-FKZ «O chrezvychajnom polozenii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
13. Federal'nyj zakon ot 23.02.2013 № 15-FZ «Ob ohrane zdorov'ya grazhdan ot vozdeystviya okruzhayushchego tabachnogo dyma i posledstvij potrebleniya tabaka» (ch. 1 st. 12) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021 g.).
14. Federal'nyj zakon ot 22.11.1995 № 171-FZ «O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogol'noj produkcii» (st. 16) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
15. Prikaz Rosstat'a ot 29.12.2017 № 887 «Ob utverzhenii metodologicheskikh polozenij po statistike transporta» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
16. Mezghosudarstvennyj standart GOST 30389-2013 «Uslugi obshchestvennogo pitaniya. Predpriyatiya obshchestvennogo pitaniya Klassifikaciya i obshchie trebovaniya» (vveden v dejstvie prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 22 noyabrya 2013 g. № 1676-st) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
17. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 190-FZ; Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 19.03.1997 № 60-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
18. Federal'nyj zakon «O sanitarno-epidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya» ot 30.03.1999 № 52-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
19. Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ «O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
20. Federal'nyj zakon «Ob ob"ektah kul'turnogo naslediya (pamyatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» ot 25.06.2002 № 73-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
21. Federal'nyj zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ «O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
22. Federal'nyj zakon «Ustav avtomobil'nogo transporta i gorodskogo nazemnogo elektricheskogo transporta» ot 08.11.2007 № 259-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
23. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 220-FZ «Ob organizacii reguljarnyh perevozok passazhirov i bagazha avtomobil'nym transportom i gorodskim nazemnym elektricheskim transportom v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
24. Zakon goroda Moskvy ot 21.11.2007 № 45 «Kodeks goroda Moskvy ob administrativnyh pravonarusheniyah» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
25. Zakon Leningradskoj oblasti ot 24.06.2003 № 47-OZ «Ob administrativnyh pravonarusheniyah» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
26. Zakon Kurskoj oblasti ot 04.01.2003 № 1-ZKO «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Kurskoj oblasti» ot 04.01.2003 № 1-ZKO [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).

27. Закон Республики Kareliya ot 15.05.2008 № 1191-ZRK «Ob administrativnyh pravonarusheniayah» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
28. Закон Республики Buryatiya ot 05.05.2011 № 2003-IV «Ob administrativnyh pravonarusheniayah» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).
29. Reshenie Sovet deputatov Uspenskogo sel'skogo poseleniya CHudovskogo rajona Novgorodskoj oblasti ot 29.04.2019 № 194 «Ob utverzhdenii Pravil blagoustrojstva i sanitarnogo sodержaniya territorii Uspenskogo sel'skogo poseleniya» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://xn----itbatohdggkdeo.xn--p1ai/?p=10190> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
30. Proekt «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniayah» (podgotoven Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099059) (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 30.01.2020).
31. Granickij R. B. Obshchestvennoe mesto kak kvalificiruyushchij priznak administrativnogo pravonarusheniya // Pravo i gosudarstvo. – 2009. – № 7. – S. 76–77.
32. Administrativno-pravovaya ohrana obshchestvennogo poryadka pri provedenii sportivnyh meropriyatij: monografiya / G. N. Vasilenko [i dr.] / pod. red. M. V. Kostennikova, A. V. Kurakina. – Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2018. – 98 s.
33. Gusev A. V. Ponyatie «obshchestvennoe mesto» / A. V. Gusev, N. A. Celoval'nikov // Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij: perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.–prakt. konf. (CHEboksary, 23 apr. 2017 g.) / redkol.: O. N. SHirokov [i dr.]. – CHEboksary: CNS «Interaktiv plyus», 2017. – S. 430–439.
34. Tarubarov V. V. Obshchestvennye mesta kak uchastki mestnosti s povyshennoj social'noj opasnost'yu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennye-mesta-kak-uchastki-mestnosti-s-povyshennoj-sotsialnoy-opasnostyu> (data obrashcheniya: 14.12.2021).
35. Ivan'ko I. V. Normativnoe zakreplenie ponyatiya «obshchestvennoe mesto» // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: materialy ezhegodnoj vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati d.yu.n., professora, zaslužennogo deyatelya nauki RF V.D. Sorokina (15 marta 2011 g.). V 2 ch. – SPb.: Izd-vo SPb un-t MVD Rossii, 2011, CH. 1. – S. 209–213.
36. Nadobko T. YU. Ponyatie «obshchestvennoe mesto» v nauke administrativnogo prava [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://vestnik-pravo.mgu.od.ua/archive/juspradenc17/part_1/44.pdf (data obrashcheniya: 14.12.2021).
37. Belaya N.M. Ulichnaya prestupnost': kriminologicheskaya karakteristika i preduprezhdenie: monografiya / pod red. L. M. Prozumentova. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki, 2014. – 159 s.
38. Tihij I. V. Obespechenie pravoporyadka v obshchestvennyh mestah kak odna iz osnovnyh funkcij policij [Elektronnyj resurs] / I. V. Tihij. - Simferopol': [b. i.], 2020. – 121 s.
39. Prikaz Genprokuratury Rossii № 39, MVD Rossii № 1070, MCHS Rossii № 1021, Minyusta Rossii № 253, FSB Rossii № 780, Minekonomrazvitiya Rossii №353, FSKN Rossii № 399 ot 29.12.2005 «O edinom uchete prestuplenij» (vmeste s «Tipovym polozheniem o edinom poryadke organizacii priema, registracii i proverki soobshchenij o prestupleniyah», «Polozheniem o edinom poryadke registracii ugolovnyh del i ucheta prestuplenij», «Instrukciej o poryadke zapolneniya i predstavleniya uchetnyh dokumentov») [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.12.2021).

УДК 342

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-31-36

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ТЕХНОЛОГИИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

Капранова Ю. В.

Ростовский юридический институт МВД России

В статье автор рассматривает электоральную активность как часть избирательного поведения. Исследует современные подходы к определению понятия «избирательная активность». Делает выводы о том, что в структуре избирательной активности необходимо выделять как деятельностные компоненты, так и ценностно-идейные. Обосновывается, что узкий подход, согласно которому избирательная активность измеряется оценочной явкой, сужает возможности разработки и подбора избирательных технологий, направленных на повышение электоральной активности в целом. Широкий подход к трактовке понятия «электоральная активность», позволит качественно повлиять на вопросы разработки новых избирательных технологий, как по ее формированию, так и по ее повышению. Предлагается решать проблемы электоральной активности не только в рамках конкретной избирательной кампании, повышая ее, но и в перспективе в целом, формируя электоральную активность, для чего ее требуется закрепить нормативно, разработать комплексную стратегию развития российской избирательной системы, в том числе учитывающую проблемы снижения электоральной активности.

Ключевые слова: электоральная активность, избирательная технология, избирательная система, выборы, явка, избиратель, электоральное поведение.

Согласно положений Конституции Российской Федерации российское государство является демократическим, в нем многонациональный народ признается единственным источником власти [1], которая реализуется им как посредством выборов, референдумов, так и через представительство в публичных органах власти. В демократическом обществе выборы необходимы для связи общества с государством. Именно в процессе выборов каждый представитель гражданского общества может выразить свое мнение и повлиять тот или иной вектор публичной политики на муниципальном и государственном уровнях. В этой связи актуальны исследования по изучению электорального поведения в целом, а также такой его структурной составляющей, как электоральная активность.

Выборы – важнейший элемент демократического государства, посредством которого народ легитимирует власть, участвует в управлении делами государства, делегируя своим выборным представителем полномочия по принятию законов, управлению обществом и государством. Сам процесс выборов есть не что иное, как осуществляемая под контролем государства форма участия населения страны в управлении делами государства, это одобрение выборщиками важнейших политических решений, доверие и признание своих руководителей и представителей в органах государственной и муниципальной власти, которые от их имени руководят страной, принимают законы и др. Выборам уделяется большое внимание, ведется заблаговременная подготовка, проводятся предвыборные избирательные кампании, поскольку выборы – главный источник демократии, инструментарий в системе сдержек и противовесов в государстве, основанном на праве и разделении властей.

В демократическом государстве при достаточной развитости политической культуры и самодеятельности граждан практически не бывает полного единодушия на выборах. Смысл выборов не в том, чтобы продемонстрировать мнимый консенсус между всеми гражданами и социальными слоями, который редко когда может быть достигнут в развитом гражданском обществе, а в том, чтобы все могли выразить свою волю, а публичная власть была сформирована и имела право действовать в соответствии с волей народа и от его имени.

Обозначим основные подходы к трактовке понятия «электоральная активность».

Самым распространенным, выступает подход, согласно которого электоральная активность отражает действительную картину степени фактической явочной вовлеченности граждан с активной гражданской позицией в решении своей будущей жизни в частности, страны в целом. В научной литературе отмечается, что электоральная активность как понятие, выводимое через явку, определяется моделями доминирующего электорального поведения в обществе [2, с. 13-22].

По мнению Л.Е. Тихоновой электоральная активность может рассматриваться как одна из составляющих избирательной активности, а та, в свою очередь, составляющей политической активности населения. Электоральная активность в форме явки на выборы выступает позитивным явлением в противовес электоральной пассивности, абсентеизму, характеризующим общественно-политическую активность индивида, его заинтересованность в социализации и интегрированности в общество, в стремлении изменить политическую жизнь, способствовать прогрессу общества [2, с. 52].

Ряд авторов сходятся во мнении, что электоральная активность представляет собой относительный показатель участия населения в выборах, измеряемый количественно по явившимся избирателям и проголосовавшим в итоге, по отношению к списочному составу избирательных списков [2, с. 54; 3, с. 62-64].

Некоторые отмечают, что это активность, проявляемая в ходе выборов и измеряемая долей пришедших на выборы и проголосовавших результативно [4, с. 18].

Однако встречаются и иные, более широкие подходы к пониманию электоральной активности. Так, Г.П. Зинченко предлагал рассматривать электоральную активность как форму электорального поведения, состоящую из совокупности целей и ценностей, убеждений и установок, действий или бездействий граждан в процессе избирательных кампаний [5, с. 134].

В.В. Желтов и М.В. Желтов вопросы электорального поведения и электоральной активности измеряли двумя подходами, в рамках первого, обозначали они, явка зависит от корреляционных факторов: социальный статус, религия, система ценностей, политические предпочтения и т.п., во втором акцентировалось внимание на индивидуальном выборе избирателя [6, с. 49].

Следует отметить, что электоральная активность выступает лишь частью активности в сфере избирательного права. Согласно российскому законодательству граждане Российской Федерации в сфере избирательного права помимо самого права избирать и быть избранным имеют и иные возможности, в том числе: право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), право на объединение (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ), право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации и шествия (ст. 31 Конституции РФ), право обращаться лично,

а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ), право свободно распоряжаться своими способностями к труду (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ).

Последняя возможность конкретизируется правом сбора подписей избирателей, правом на добровольное, бесплатное личное выполнение гражданином работ, оказание им услуг по подготовке и проведению выборов (п. 7 ст. 37, п. 5 ст. 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), именно в данную разновидность избирательной активности наиболее часто вовлекается молодежь.

В современных условиях, когда вопросы снижения явки на выборах звучат достаточно остро как в России, так и за рубежом, осуществляется активный поиск новых избирательных технологий по решению соответствующих проблем, представляется необходимым соединить теорию и практику. Проблема здесь в том, что избирательная активность как категория конституционная не имеет законодательного закрепления, реализуется в конституционно-правовом поле, но имеет яркие политико-правовые характеристики.

В связи с чем в настоящее время более других, наиболее популярны избирательные технологии, в рамках которых предпринимаются усилия различных участников избирательных процессов по повышению именно явки, как деятельностного аспекта электоральной активности. В период организации и проведения избирательной кампании применяются как пропагандистско-просветительские, а также организационно-процедурные избирательные технологии. Это объяснимо, так как предпринимаемые усилия дадут быстрый результат, но одномоментный, единовременный.

На перспективу, управление избирательной системой должно охватывать как статику, так и динамику, в связи с чем актуальные вопросы выработки государством избирательных технологий, связанных с ценностно-идейным компонентом избирательной активности. И здесь безусловно, на первом месте формирование осознанной явки, закладывание основ конституционного мировоззрения, правовой культуры, то есть учет далекой перспективы развития избирательной системы России.

К избирательным технологиям, закладывающим основы электоральной активности следует относить различные средства по формированию электоральной культуры и электорального поведения в целом, через привитие ценностей демократии, гражданского общества, конституционных прав и свобод. Они многообразны, представляют собой совокупность различных способов (воспитание, обучение, просвещение, пропаганда, молодежная политика), предпринимаемых государством по вовлечению молодежи в политические процессы, в избирательные в частности, связанные с формированием электоральной культуры, избирательного поведения в целом. Методы ее формирования: беседы, рассказ, игра, лекция, дебаты, диспут, инструктаж, демонстрация и др.

В центре внимания государственной политики по публичному управлению электоральными процессами в рамках данной формы находятся пропагандистско-просветительские избирательные технологии по формированию электоральной активности молодежи как будущего ядра электората. В данном направлении в России учреждена и реализуется государственная молодежная политика, принят ряд норма-

тивных правовых актов, реализуются различные приемы и способы по ее формированию. Однако предпринимаемые усилия недостаточно эффективно решают проблему низкой электоральной активности.

Прежде всего это объясняется, тем, что фокус внимания по вовлечению и активизации по участию в выборах молодежи осуществляется периодически, от выборов к выборам, сосредоточен на возрастной группе начиная с 18 лет, как потенциальных носителей права голоса. Однако в 18 лет личность и ее способности по выбору моделей активного либо пассивного поведения являются уже достаточно сформировавшимися, основные образцы поведения уже сложились. Представляется необходимо закладывать ценностные установки раньше, начиная с детства. С первых шагов социализации ребенка необходимо формировать активность как основу гражданского поведения, в перспективе как базу электорального поведения, именно в детстве возможно заложить базовые ценности, первые паттерны (образцы поведения), впоследствии являющиеся генеральными и определяющими модель поведения конкретного индивидуума в обществе.

Выбор – неотъемлемый элемент жизни каждого сознательного человека, это навык, от развития которого зависит успешность, реализованность, конкурентоспособность личности в том или иной сфере, обществе, жизни в целом. Через разработку программ воспитания и обучения, в том числе в учреждениях, где впервые проходит социализацию ребенок, можно легко, доступно, в игровой форме прививать духовно-культурные ценности, базовые национальные установки, традиции и символы, в том числе знания о добре и зле, свободе и несвободе, вседозволенности, о собственной ответственности, о честности, долге, о вариативности мира и свободной воли ребенка при выборе тех или иных вариантов поведения, разъяснения на жизненных, бытовых, игровых примерах, последствия сделанного выбора.

Как представляется, необходимо формировать активную гражданскую позицию, как основу электоральной активности в семье, в обществе, в том числе через образовательные учреждения всех уровней, волонтерские и общественные организации, политические партии и др. Именно при таком широком подходе, задействовании всех форм образования, воспитания возможно сформировать конституционное правосознание, чувство патриотизма, ответственности, долга, лежащие в основе электорального менталитета и существенно повлиять на явку.

И здесь очевидно, что вопросам электорального поведения, электоральной явке как его составной части необходимо придать нормативную основу. Так А.В. Шемелин, рассматривая в своей докторской диссертации вопросы моделирования электорального поведения российских избирателей обосновал, что «... возможность участвовать в избирательном процессе, моделировать свое поведение в соответствии с электоральными предпочтениями у российских избирателей появилась только в связи с закреплением в избирательных нормативных положениях права на формирование органов выборной демократии». Он делает вывод, согласно которому «... первопричиной, основным фактором моделирования электорального поведения российских избирателей выступает политико-нормативная основа избирательного права» [7, с. 27]. Таким образом, представляется, решить проблемы электоральной активности невозможно без придания ей нормативной основы, разработки комплексной стратегии развития российской избирательной

системы, в рамках которой разрешить в том числе и вопросы, связанные с низкой электоральной активностью.

Таким образом, электоральная активность является составной частью избирательного поведения граждан, выступает позитивным проявлением политической активности индивида, выражением степени его заинтересованности в управлении делами государства, вовлечении в принятие решений в политической и общественной жизни, характеризующие в свою очередь его как ответственного, патриотично настроенного гражданина своей страны.

Традиционно измеряется участие граждан в выборах такой категорией, как явка. Явка выступает внешним выражением электоральной активности граждан. В исследованиях авторов, посвященных изучению электоральной активности зачастую аспект, связанный с явкой обозначаются как определяющий в содержании электоральной активности. Представляется данный подход сужает возможности подбора избирательных технологий, направленных на повышение электоральной активности.

В структуре электоральной активности следует различать ценностно-идейную и деятельностную составляющие. Электоральная активность — это часть электорального поведения, имеющая внешнюю и внутренние формы, соответственно: деятельностную характеристику и ценностно-идейную. Представляется широкий подход к трактовке понятия «электоральная активность», позволит качественно повлиять на вопросы разработки новых избирательных технологий, как по ее формированию, так и по ее повышению.

Решать проблемы электоральной активности необходимо как в рамках конкретной избирательной кампании, так и в перспективе в целом, для чего электоральную активность необходимо закрепить нормативно, разработать комплексную стратегию развития российской избирательной системы, в том числе учитывая проблему снижения электоральной активности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗК, от регулирования 14.03.2020 №1-ФЗК) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Рожнева С.С. Электоральная активность жителей г. Пудож на муниципальных выборах в представительные органы власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 5. – С. 13–22.
3. Тихонова Л.Е. Понятие «электоральная активность» и формы ее позитивного проявления // Приоритетные направления развития образования и науки // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – Чебоксары, 2017. – С. 52–55.
4. Низамов Р.Р. Электоральная активность молодежи: понятие и современное состояние // Молодой ученый. – 2017. – № 35. – С. 62–64.
5. Бетехтина А.В. Электоральное поведение молодежи: почему молодежь не ходит на выборы? / А.В. Бетехтина, Н.В. Олухов // Вопросы управления. – 2012. – № 3. – С. 12–20.
6. Зинченко Г.П. От чего зависит электоральная активность молодежи? // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 3. – С. 134–137.
7. Желтов В.В. К вопросу об анализе электорального поведения / В.В. Желтов, М.В. Желтов // Территория новых возможностей. – 2011. – № 3 (12). – С. 48–63.
8. Шемелин А.В. Избирательное право как политико-нормативная основа моделирования электорального поведения российских избирателей: дис. ... на соиск. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки). ГОУ ВПО «Читинский государственный университет». – Чита, 2011. – 38 с.

Kapranova Y. V. Electoral activity: approaches to definition and technologies of its increase // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 31-36.

In the article, the author considers electoral activity as part of electoral behavior. Examines modern approaches to the definition of the concept of "electoral activity". Concludes that in the structure of electoral activity it is necessary to distinguish both activity components and value-ideological ones. It is proved that the narrow approach according to which electoral activity is measured by estimated turnout narrows the possibilities of developing and selecting electoral technologies aimed at increasing electrical activity in general. A broad approach to the interpretation of the concept of "electoral activity" will allow us to qualitatively influence the issues of the development of new electoral technologies both in its formation and in its improvement. It is proposed to solve the problems of electoral activity not only within the framework of a specific election campaign, increasing it, but also in the long term as a whole, forming electoral activity, for which it needs to be fixed normatively, to develop a comprehensive strategy for the development of the Russian electoral system, including taking into account the problems of reducing electoral activity.

Keywords: electoral activity, electoral technology, electoral system, elections, turnout, voter, electoral behavior.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FZK, ot regulirovaniya 14.03.2020 №1-FZK) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
2. Rozhneva S.S. Elektoral'naya aktivnost' zhitelej g. Pudozh na municipal'nyh vyborah v predstavitel'nye organy vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2018. – № 5. – S. 13–22.
3. Tihonova L.E. Ponyatie «elektoral'naya aktivnost'» i formy ee pozitivnogo proyavleniya // Prioritetnye napravleniya razvitiya obrazovaniya i nauki // Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah. – CHEboksary, 2017. – S. 52–55.
4. Nizamov R.R. Elektoral'naya aktivnost' molodezhi: ponyatie i sovremennoe sostoyanie // Molodoj uchenyj. – 2017. – № 35. – S. 62–64.
5. Betekhtina A.V. Elektoral'noe povedenie molodezhi: pochemu molodezh' ne hodit na vybory? / A.V. Betekhtina, N.V. Oluhov // Voprosy upravleniya. – 2012. – № 3. – S. 12–20.
6. Zinchenko G.P. Ot chego zavisit elektoral'naya aktivnost' molodezhi? // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. – 2015. – № 3. – S. 134–137.
7. ZHeltov V.V. K voprosu ob analize elektoral'nogo povedeniya / V.V. ZHeltov, M.V. ZHeltov // Territoriya novyh vozmozhnostej. – 2011. – № 3 (12). – S. 48–63.
8. SHe melin A.V. Izbiratel'noe pravo kak politiko-normativnaya osnova modelirovaniya elektoral'nogo povedeniya rossijskih izbiratelej: dis. ... na soisk. ... d-ra polit. nauk: 23.00.02 – Politicheskie instituty, processy i tekhnologii (politicheskie nauki). GOU VPO «CHitinskij gosudarstvennyj universitet». – CHita, 2011. – 38 s.

УДК 377:01

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-37-45

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кравченко О. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются основные понятия и сущность экологизации содержания высшего образования. Отмечается, что обострение экологической ситуации в мире требует реформирования образовательной системы, при этом в трудах отечественных и зарубежных ученых существуют разные взгляды на толкование понятия экологического образования и воспитания. Показано, что одной из главных причин современного состояния образования является изменение парадигмы экологического образования: от властвующей в прошлом ориентации этого образования исключительно на рациональное природопользование, охрану природы вообще до современных требований формирования экологического сознания, культуры, морали, этики. Акцентируется внимание на проблемах экологической культуры, рассматриваемой как глубинная сущность человека, в основе деятельности которой лежит ответственное отношение к природе. Сделаны выводы о том, что главная роль в процессе развития экологической компетентности принадлежит средней и высшей школе, ведь именно в этот период происходит становление основ экологической компетентности и экологической культуры, целостного мировоззрения, составляющих интеллектуальную сферу молодого человека.

Ключевые слова: экологизация, содержание высшего образования, экологическая ситуация, экологическое образование, экологическое воспитание, экологическая культура, экологическая компетентность, природопользование.

В современной педагогической науке под содержанием образования понимается определенное количество системных знаний, умений и навыков, компетенций, подходов и позиций, некоторый когнитивный уровень и практическая подготовка, который появляется в процессе учебно-воспитательного процесса. Согласно концепции И.Я. Лернера [1] содержание образования включает следующие компоненты: а) систему знаний о природе, обществе, человеческом мышлении, способах деятельности; б) систему интеллектуальных и практических навыков, служащих основой разнообразной деятельности; в) опыт творческой деятельности; г) опыт эмоционально-ценностного отношения к явлениям окружающего мира.

В настоящее время, в свете идеи гуманизации образования, все больше утверждается личностно-ориентированный подход к сути содержания образования, определяющий абсолютной ценностью содержания образования не отчужденные от человека знания, а самого человека, т.е. личностно-ориентированное образование – целенаправленный, планомерный, непрерывный, специально организованный педагогический процесс, направленный на развитие и саморазвитие обучающегося, становление его как личности с учетом индивидуальных особенностей, интересов, способностей. Этот подход нашел отражение в работах И.Ф. Богоявленской, С.М. Гульянц, М.С. Завьяловой, С.П. Ивановой, О.И. Ковалевой, Т.И. Кульпиной, И.Ю. Кульковой и др.

Подготовка студентов с высоким уровнем экологических знаний, экологического сознания, культуры и поведения на основе новых критериев оценки взаимоотношений человеческого общества и природы является одним из главных рычагов решения чрезвычайно острых экологических и социально-экономических проблем современной России.

В диссертационном исследовании Н.Г. Бибиковой [2], согласно принципу историзма, были выделены и обоснованы следующие периоды развития экологии:

1. Период экологической мифологии (до XIV в.), характеризующийся накоплением значительного материала (мифов, легенд, сказок, верований, обычаев, обрядов), ныне составляющего основу народного календаря.

2. Период эмпирической экологии (XIV в. – первая половина XIX в.), отличающийся направленностью на формирование целостного восприятия природы (она выступает вершиной воплощения идеи гармонии и красоты, окружающая среда не враждебна для человека и может быть познана).

3. Период становления экологии как науки (вторая половина XIX в. – первая половина XX в.), отмечаемый развитием экологической науки, значительными масштабными эколого-географическими исследованиями, обобщением и систематизацией экологических знаний, накоплением ценного педагогического опыта, использованием современных (на то время) форм и способов обучения.

4. Период выделения социальной экологии в системе экологических наук, становление системы экологического образования (70-е годы XX в. – начало XXI в.) характеризуется возникновением в науке нового направления – социальной экологии.

Мы согласны, что, «в теории и практике обучения и воспитания знания стали абсолютной ценностью и заслонили собой самого человека. Это привело к идеологизации научных знаний, их академизму, игнорированию образовательных, духовных, культурных, жизненных потребностей человека, его природной активности, благодаря которой личность сохраняет и развивает тенденцию к самовыражению, самоутверждению, формированию собственной позиции, неповторимой индивидуальности. Именно эта тенденция обеспечивает развитие не только личности, но и общества» [3].

Обострение экологической ситуации в мире требует реформирования образовательной системы. Без сомнения, эти изменения должны повлиять на формирование ноосферно-гуманитарных и экологических ценностей общества. В то же время мировое сообщество осознает большую ответственность за решение глобальных экологических проблем сквозь призму воспитания личности с высоким уровнем экологической культуры. В Российской Федерации происходит становление новой системы образования, в которой важное место занимает экологическая составляющая. Современная система национального образования направлена, в частности, на обеспечение подготовки молодого поколения, способного выйти из состояния экологического кризиса, преодолеть потребительское отношение к природе путем формирования нового экоцентрического понимания взаимоотношений между человеком и окружающей средой. Учитывая сказанное, экологическое образование в нашем государстве приобретает особую актуальность и требует качественных изменений, новейших методов и подходов, использования зарубежного опыта [4].

В наследиях отечественных и зарубежных ученых существуют разные взгляды на толкование понятия экологического образования и воспитания. Так, Н.К. Мамедзаде трактует его как системный, комплексный учебно-воспитательный процесс формирования экологического мышления, мировоззрения, этики, культуры путем усвоения экологических знаний, умений и навыков о месте человека в биосфере, взаимосвязи в экосистеме, гармонизацию отношений общества и природы, предупреждение экологических кризисов, развитие ноосферы [5]. Задачей экологического образования авторы считают формирование необходимых знаний по экологической деятельности, а также экологического мышления, мировоззрения, этики и культуры. Г.Г. Недюрмагомедов отмечает экологическое направление современной системы образования, формирование эколого-мировоззренческих ориентаций, насыщение учебных дисциплин экологическим содержанием и результатами научных исследований, подготовку экологически грамотных специалистов из разных отраслей [6]. Некоторые ученые считают, что сами знания еще не означают экологически сознательного поведения, поэтому акцентируют на формировании целостной системы экологических представлений о взаимосвязях в системе «человек-природа-общество», отношении к природе как к наивысшей ценности и системы умений и навыков взаимодействия с ней, духовной потребности нести ответственность за состояние окружающей природной среды.

«Наше отношение к окружающей среде выражает наш образ жизни и всеобщее существование. Это отражает нашу иерархию ценностей и нравственности. Экологическое образование детей и молодежи, а также широкой общественности значительно отстает от потребностей современного общества, навыков и установок достаточно цивилизованного гражданина, что также вытекает из базовой экологической грамотности и экологического поведения» [4, с. 93]. Поэтому современное экологическое образование и воспитание, кроме междисциплинарного характера, должно отражать развитие мира и человеческого общества, быть ориентированным на связи и отношения и включать темы ценностного поведения, философские и духовные, гражданские и социальные, этические и моральные, социальные, то есть должно рассматриваться шире, как образование с нравственным и социальным аспектом» – такого мнения придерживается Н.К. Мамедзаде [5].

Общие положения экологического образования и воспитания, вопросы формирования экологической культуры личности изучали: А.Е. Зубарев, И.В. Кристя, А.Р. Текеева, Д.Л. Теплов, Л. Урекешова, А. Халимов и др. Как отмечает А.М. Халимбекова, экологическое образование и воспитание должны основываться на рациональной основе, которая помогает сформировать положительное отношение к природе, определяющим устойчивое поведение каждого жителя села, региона, страны или планеты. Экологическое образование должно предоставлять информацию о влиянии деятельности человека на природу, на окружающую среду, в которой он живет, последствия этой деятельности. Каждый человек должен осознать, что старый метод использования природных ресурсов приводил и приводит к повреждению экосистемы, к загрязнению окружающей среды (воздуху, воде, почве и т.д.), к глобальным изменениям, включая глобальное потепление. А, следовательно, к изменениям, угрожающим жизни и существованию человека на нашей планете [4].

Экологическое образование и воспитание членов общества, и прежде всего молодежи, «требуют реорганизации, существенного совершенствования и оптимизации на основе глубокого философского и нравственного осмысления проблемы с учетом структуры экологических знаний, современного уровня развития экологической науки, определения социальных функций экологии в обществе, традиций, обычаев и исторического опыта народа в этой сфере» [7].

По мнению Т.А. Бадьиной, Л.В. Моисеевой, В.Д. Ширшова, результатом экологического образования должно стать формирование индивидуального и коллективного экологического сознания, развитие личности, способной ориентироваться в природоохранной деятельности, осуществлять свои профессиональные обязанности и проводить повседневную жизнь в гармонии с природой [8].

Мамедзаде Н. К. в своих трудах отмечает, что эффективное экологическое образование, формирующее экологическое сознание населения, является основой успешной реализации концепции устойчивого развития в реальной практике. Целью экологического образования студентов является формирование и развитие экологической и природоохранной осведомленности и личностных качеств, которые готовят их к активной защите окружающей среды [5].

Экологизацию образования некоторые авторы понимают как процесс насыщения образовательных программ подготовки специалистов разных специальностей экологическими требованиями – осознанием причинно-следственных взаимосвязей между антропогенной деятельностью и ее экологическими последствиями; актуализацией трех составляющих образования для устойчивого развития системы «общество-биосфера», направленных на: 1) экономическое развитие; 2) социально-культурное развитие; 3) защиту окружающей среды и природоохранную деятельность [9].

Наполнение обучающих программ экологическим содержанием ведет к получению экологических знаний. А.В. Андреев, С.Н. Меньшикова, Н.К. Мамедзаде, С.А. Тютюков, и др. так Н.К. Мамедзаде отмечает, что теоретически обоснованы положения о формировании экологических знаний и убеждений студентов высших учебных заведений, реализуемых в процессе обучения на основе интегративно-гуманитарного подхода. Доказано, что сочетание элементов естественных и гуманитарных наук является источником знаний с экологической направленностью: естественные знания реализуют задачи экологического образования на естественно-научном уровне, а гуманитарные – раскрывают общественную значимость экологического и природоохранного материала, способствуют развитию экологического мышления, обогащают мотивацию, которая включает в себя гуманистические, патристические, экологические, эстетические и познавательные мотивы [5].

Анализ литературных источников показал, что в педагогической теории и образовательной практике до сих пор еще не сложилось единого установленного мнения относительно того, какие именно условия будут способствовать эффективному формированию экологической культуры личности, какой должно быть экологическое образование и воспитание. Одной из главных причин такого положения является изменение парадигмы экологического образования: от властвующей в прошлом ориентации этого образования исключительно на рациональное природопользование, охрану природы вообще до современных требований формирования экологического сознания, культуры, морали, этики. То есть, если раньше в системе экологического образования упор делался в основном на прагматические вещи, то сейчас на

первый план выступают мировоззренческие ценности. А каждое изменение парадигмы в образовании требует соответствующего изменения методологии и содержания для достижения поставленных целей. Соответственно, требует существенного уточнения сущность таких понятий и категорий как «экологическое образование», «экологическая грамотность», «экологическая культура», «экологическая этика» и др., а также возможность их реализации в вузах [10].

Вопросам формирования экологической культуры посвящены труды педагогов: С.П. Козыревой, О.И. Марар, Е.В. Мартинович, Б.А. Никитиной, М.В. Осыченко, Д.Ф. Разенковой и др. Е.В. Мартинович [11] считает, что одним из факторов (путей, методов) формирования экологической культуры является привлечение молодежи к природоохранной деятельности. Ряд исследователей подчеркивали, что такая деятельность является не только средством экологического образования и воспитания, но и одним из основных показателей уровня сформированности экологической культуры личности.

Е.В. Мартинович [11] определяет, что «экологическая культура – это совокупность знаний, умений, убеждений, руководствуясь которыми человек осознает себя соответствующим образом, действует как часть окружающей среды и как субъект, ответственный перед собой, нынешними и будущими поколениями людей за ее состояние».

Сегодня же экологическую культуру необходимо рассматривать как глубинную сущность человека, в основе деятельности которой ответственное отношение к природе. Проведя анализ качественных оценок компонентов экологической культуры, автор делает вывод о том, что главными причинами низкого уровня сформированности этого качества выступают: низкая мотивация к процессу обучающей и практической деятельности экологической направленности; низкий уровень развития экологических умений; низкий уровень сформированности деятельностного блока.

Е.Н. Дзятковской [9] установлено, что «эквивалентом экологической культуры личности является осознанное положительное и объективное отношение человека к окружающей среде. Ценностное отношение человека к природе олицетворяет внутреннее личностное образование – экологическая позиция. Процесс выработки активной экологической позиции длительный, непрерывный и многосторонний».

Экологическая культура рассматривается в статье Л.Е. Халудоровой [12] как «часть общей культуры, общественно выработанная форма связи человека с природой, реализуемая в конкретных социальных условиях и направленная на организацию и трансформацию природного мира в соответствии с собственными потребностями и намерениями. Социально-педагогический процесс формирования экологической культуры студентов в этой связи определяется как результат создания оптимальной социокультурной среды, что влечет за собой целенаправленное влияние на личность, которое приводит к положительным изменениям экологической культуры индивида на когнитивном, мотивационном и поведенческом уровнях». Автор рассматривает экологическое образование и воспитание как важное условие формирования экологической культуры молодого человека, характеризующееся разносторонними глубокими знаниями об окружающей среде (природной и социальной), наличием мировоззренческих ценностных ориентаций относительно природы, экологическим стилем мышления и ответственным отношением к природе и своему здоровью, приобретению опыта решения экологических проблем (прежде всего на

местном и локальном уровнях), непосредственное участие в природоохранной работе, предвидением возможных негативных последствий природопреобразовательной деятельности человека.

Экологические знания призваны воспитать человека экологически грамотным. Экограмотность должна проявляться в уменьшении материальных затрат, сортировке и переработке отходов, предпочтении хождения перед использованием машины и т.д. Понятие экологической грамотности было определено уже в 1968 г. Несмотря на неоднородность определения этого термина, большинство авторов соглашаются с утверждением, что «экологически грамотный человек может сочетать сведения и знания с ценностями, еще больше мотивирующими его к природоохранной деятельности и поведению» [13, с. 126]. В XXI веке сфера ответственности человека перед природой и будущими поколениями беспрецедентно расширилась, поскольку значительно возросли технико-технологические и производственные мощности, что в свою очередь привело к большей техногенной нагрузке на окружающую среду, измерения последствий этой деятельности охватывают всю биосферу. К нравственной ответственности человека прилагаются все новые сферы ответственности, включая само будущее человечества. Мы перешли в «эпоху ответственности», включающую в себя и экологическую ответственность как основу существования жизни на нашей планете. Экологическая ответственность подразумевает признание ценностного значения окружающей среды и всех форм жизни, поскольку человек также является частью общности жизни на Земле. Важное изменение нравственного сознания человека влияет и на его рациональный уровень. Принятие экологической ответственности также зависит от уровня экологических знаний.

Понятие «экологической ответственности» было одним из первых, систематизированным Г. Йонасом, но он воспринимает это прежде всего, как этическую категорию. Этика, по мнению Г. Йонаса, должна способствовать предотвращению надвигающейся экологической катастрофы, добавив к ответственности, определенной традиционной этикой, новую ответственность, которая должна отвечать за поддержание долгосрочных условий устойчивости человеческой жизни на Земле [14].

В исследовании Д. С. Ермакова [13] определена сущность понятия «экологическая ответственность», его структура и сопроводительные понятия. Концептуальным положением данного исследования является рассмотрение экологической ответственности как духовного свойства личности. Морально-экологическая ответственность – новое, интегрированное понятие, объединяющее профессиональную деятельность с духовностью, нравственностью и активной природоохранной позицией.

Д.С. Ермаков отмечает, что «формирование экологической компетентности личности способствует образованию совокупности черт, необходимых для выработки бережного отношения к окружающей природной среде. К таким чертам можно отнести следующие качества личности: наличие знаний об окружающей среде и взаимосвязях природы и общества; наличие убеждения обязательной охраны, сохранения и пополнения природных ресурсов; ответственное отношение к окружающей среде; практические умения относительно природной среды и активное участие в природоохранной деятельности. Указанный аспект предполагает обязательное формирование экологического мышления и мировоззрения, которые основываются на основе получения индивидом комплексной системы представлений о природе, био-

сфере, принципах и законах ее сохранения, и рациональном использовании» [13, с. 233].

По мнению А. М. Халимбековой [4], экологическое воспитание должно быть направленно: во-первых, на формирование экологического сознания, культуры личности и экологического мышления; во-вторых, на гуманизацию отношения человека к природе. В целом задача экологического воспитания должна сводиться именно к обучению молодежи ценностному отношению к природе»

Гуманитаризация и экологизация обучения, которые должны охватить весь образовательный процесс, способствуют формированию нового стиля мышления, опирающегося на естественнонаучное восприятие мира. Анализ научной и методической литературы показывает, что каждая учебная дисциплина имеет свой участок изучения экологических проблем, хотя многие экологические понятия являются общими для всех естественных дисциплин, что свидетельствует о доминировании межпредметного подхода в обучении.

Е.Ю. Агаркова [7] убеждена, что «объем экологической информации в содержании специальных дисциплин носит незначительный, фрагментарный, а отчасти формальный и несистематизированный характер, что не позволяет обучающимся комплексно осознавать приобретенные знания, а значит, сознательно использовать их в профессиональной деятельности. Такой подход сводит на нет потенциальные возможности каждого предмета в определении особенностей законов окружающей среды, исходя из предметного представления о природе, а значит, не влияет на формирование эколого-профессионального поведения».

«Экологические знания, будучи по своему происхождению в науке, знаниями естественными (а точнее синтезом соответствующих разделов различных естественных наук), вместе с тем, имеют необходимую гуманитарную составляющую – поскольку состояние экологических отношений человека с окружающей средой влияет на его поведение с давних времен, а с недавних пор все больше деятельность самого человека необратимо изменяет окружающую среду» [9]. Подтверждение этой мысли находим и у других исследователей: «Помимо естественных наук, значительный вклад в экологическое образование должны внести общественные науки. Только сочетание усилий всех дисциплин ..., их экологизация сможет помочь сформировать надлежащий уровень экологических знаний, обучающихся» [10].

Мнение о межпредметном подходе к экологическому образованию и воспитанию поддерживает и Г.Г. Недюрмагомедов, который в своем труде пишет: «Экологическое образование, включающее экологическое обучение и воспитание, должно стать всеобъемлющим, опережающим, сформировать отношение к природе на основе экологического императива – отношение к природе как к самому себе. Достичь этого можно на основе использования методов и идей не только естественных наук, но и гуманитарных, ведь цель экологического образования состоит в формировании экологических знаний, экологического мировоззрения и убеждений обучающихся, и на этой основе формировании нового человека – человека, считающего себя частью природы, а саму природу – живым существом» [6, с. 9].

В целом, экологизация учебного процесса должна являться приоритетным направлением воспитания и обучения учащихся. Перестройка образовательной политики в Российской Федерации сопровождается кардинальными изменениями в содержании обучения и воспитания студентов, разработкой более эффективных пе-

дагогических технологий и экспериментальных методик. В современных условиях одной из самых актуальных проблем является оптимизация форм взаимодействия общества и природы путем повышения уровня экологической культуры молодежи. В поле зрения исследователей процесса экологического воспитания студентов находятся вопросы формирования и развития экологического сознания, экологического мировоззрения, экологического поведения, экологического образования, а также эколого-аксиологические аспекты, особенности организации процесса экологического воспитания в системе высшего образования.

Список литературы:

1. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с.
2. Бибикина Н.Г. Экологическое образование обучающихся как средство формирования гражданственности: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. пед. наук: спец. 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. Ставрополь, 2005. 215 с.
3. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 576 с.
4. Халимбекова А.М. Экологическое образование и воспитание в современном образовании // Современные вопросы взаимодействия образования, науки и общества: сборник статей V научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 92–94.
5. Мамедзаде Н.К. Экологическое образование как необходимый компонент высшего образования [Электронный ресурс] // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» / Выпускающий редактор Ю.Ф. Эльзессер; Ответственный за выпуск С.В. Викторенкова. 2019. С. 26–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38180701>
6. Недюрмагомедов Г.Г. Экологическое образование школьников в учебной деятельности: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук: спец. 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. Махачкала, 2008. 18 с.
7. Агаркова Е.Ю. Экологическое образование как фактор формирования экологической культуры и оптимизации социоприродного взаимодействия: дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. филос: спец. 09.00.11 – социальная философия. Чита, 2002. 135 с.
8. Бадина Т. А., Моисеева Л. В., Ширшов В. Д. Формирование экологического мировоззрения у студентов-геологов [Электронный ресурс]. Екатеринбург: [б. и.], 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/158804086.pdf>
9. Дзятковская Е.Н. Экологизация как взаимодействие предметного и аспектного содержания образования [Электронный ресурс] // Педагогика. 2013. № 4. URL: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednyaya-i-starshaya-shkola/ekologiya/konferentsii-seminary-master-klassy/ekologicheskoe-obrazovanie-na-etape-vnedreniya-fgos-v-osnovnyu-shkolu/ekologizatsiya-kak-vzaimode.html>
10. Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность: материалы XIV Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. Ч. I. 319 с. URL: <https://mininuniver.ru/images/news>
11. Мартинович Е.В. Формирование экологической культуры будущих специалистов социально-культурной деятельности в вузе: аксиологический подход: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. пед. наук: спец. 13.00.08 – теория и методика профессионального образования. М., 2020. 214 с.
12. Халудорова Л.Е. Экологизация содержания дополнительного профессионального образования как актуальная проблема // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 3. С. 24–28.
13. Ермаков Д.С. Педагогическая концепция формирования экологической компетентности учащихся: дис. ... на соиск. учен. степ. докт. пед. наук: спец. 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. М., 2009. 405 с.
14. Пугачева Н.П. Человек, жизнь и природа в экологической этике Ганса Йонаса [Электронный ресурс] // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 56–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-zhizn-i-priroda-v-ekologicheskoy-etike-gansa-yonasa>.

Kravchenko O.G. Definition of the concept and essence of ecologization of the content of higher education // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 37-45.

The article examines the basic concepts and essence of ecologization of the content of higher education. It is noted that the aggravation of the environmental situation in the world requires reforming the educational system, while in the works of domestic and foreign scientists there are different views on the interpretation of the concept of environmental education and upbringing. It is shown that one of the main reasons for the current state of education is a change in the paradigm of environmental education: from the formerly dominant orientation of this education exclusively towards rational use of natural resources, nature protection in general, to modern requirements for the formation of environmental consciousness, culture, morality, and ethics. Attention is focused on the problems of ecological culture, which is considered as the deep essence of man, whose activity is based on responsible attitude to nature. It is concluded that the main role in the development of environmental competence belongs to secondary and higher education, because it is during this period that the foundations of environmental competence and environmental culture, a holistic worldview, constituting the intellectual sphere of a young person, are being formed.

Keywords: ecologization, higher education content, environmental situation, environmental education, environmental education, environmental culture, environmental competence, environmental management.

Spisok literatury:

1. Lerner I. YA. Didakticheskie osnovy metodov obucheniya. M.: Pedagogika, 1981. 186 s.
2. Bibikova N.G. Ekologicheskoe obrazovanie obuchayushchihsya kak sredstvo formirovaniya grazhdanstvennosti: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk: spec. 13.00.01 – obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Stavropol', 2005. 215 s.
3. Slastenin V.A., Isaev I.F., SHiyanov E.N. Pedagogika: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / Pod red. V.A. Slastenina. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2013. 576 s.
4. Halimbekova A.M. Ekologicheskoe obrazovanie i vospitanie v sovremennom obrazovanii // Sovremennye voprosy vzaimodeystviya obrazovaniya, nauki i obshchestva: sbornik statej V nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2019. S. 92–94.
5. Mamedzade N.K. Ekologicheskoe obrazovanie kak neobhodimyj komponent vysshego obrazovaniya [Elektronnyj resurs] // Sbornik izbrannyh statej po materialam nauchnyh konferencij GNII «Nacrazvitie» / Vypuskayushchij redaktor YU. F. El'zesser; Otvetstvennyj za vypusk S.V. Viktorenkova. 2019. S. 26–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38180701>
6. Nedyurmagomedov G.G. Ekologicheskoe obrazovanie shkol'nikov v uchebnoj deyatel'nosti: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk: spec. 13.00.01 – obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Mahachkala, 2008. 18 s.
7. Agarkova E.YU. Ekologicheskoe obrazovanie kak faktor formirovaniya ekologicheskoy kul'tury i optimizacii socioprirrodnogo vzaimodeystviya: dis. na soisk. uchen. step. kand. ped. filos: spec. 09.00.11 – social'naya filosofiya. CHita, 2002. 135 s.
8. Bad'ina T. A., Moiseeva L. V., SHirshov V. D. Formirovanie ekologicheskogo mirovozzreniya u studentov-geologov [Elektronnyj resurs]. Ekaterinburg: [b. i.], 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/158804086.pdf>
9. Dzyatkovskaya E.N. Ekologizaciya kak vzaimodeystvie predmetnogo i aspektnogo sodержaniya obrazovaniya [Elektronnyj resurs] // Pedagogika. 2013. № 4. URL: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednyaya-i-starshaya-shkola/ekologiya/konferentsii-seminary-master-klassy/ekologicheskoe-obrazovanie-na-etape-vnedreniya-fgos-v-osnovnyuyu-shkolu/ekologizatsiya-kak-vzaimode.html>
10. Ekologicheskoe obrazovanie dlya ustojchivogo razvitiya: teoriya i pedagogicheskaya real'nost': materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Elektronnyj resurs]. N. Novgorod: NGPU im. K. Minina, 2017. CH. I. 319 s. URL: <https://mininuniver.ru/images/news>
11. Martinovich E.V. Formirovanie ekologicheskoy kul'tury budushchih specialistov social'no-kul'turnoj deyatel'nosti v vuze: aksiologicheskij podhod: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. ped. nauk: spec. 13.00.08 – teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya. M., 2020. 214 s.
12. Haludorova L.E. Ekologizaciya sodержaniya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya kak aktual'naya problema // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2018. № 3. S. 24–28.
13. Ermakov D.S. Pedagogicheskaya koncepciya formirovaniya ekologicheskoy kompetentnosti uchashchihsya: dis. ... na soisk. uchen. step. dokt. ped. nauk: spec. 13.00.01 – obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya. M., 2009. 405 s.
14. Pugacheva N.P. CHelovek, zhizn' i priroda v ekologicheskoy etike Gansa Jonasa [Elektronnyj resurs] // Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo. 2011. № 23. S. 56–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-zhizn-i-priroda-v-ekologicheskoy-etike-gansa-yonasa>

УДК 34

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-46-53

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СССР

Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Ожиганова М. И.

В статье рассматриваются принятые в период, предшествующий развалу Советского Союза, законодательные и нормативные акты, направленные на укрепление законности, усиление охраны общественного порядка, прав и интересов граждан, для исполнения которых привлекались силы и средства милиции. Раскрыты проблемы борьбы с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом в рассматриваемый период.

Авторы отмечают, что несмотря на предпринимавшиеся правоохранительными органами меры, уровень преступности в стране неуклонно повышался. В стране начался криминальный передел теневого бизнеса. Стали обыденностью проявления вымогательства и иного насилия в отношении первых легальных предпринимателей-кооператоров. Начались криминальные войны между преступными группировками. При этом преступная деятельность расхитителей, спекулянтов и взяточников далеко не всегда пресекалась вовремя и решительно. Расследование многих уголовных дел недопустимо затягивалось.

В статье также проанализированы результаты деятельности органов государственной безопасности по борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб. Ими был реализован широкий комплекс мероприятий по нейтрализации вмешательства Запада в развитие внутривнутриполитических процессов в СССР, оказанию влияния на позиции руководителей и парламентариев ряда стран.

Ключевые слова: криминогенная обстановка, общественный порядок, укрепление законности, охрана правопорядка, организованная преступность, коррупция, органы государственной безопасности, иностранные спецслужбы.

Распад СССР стал крупнейшим геополитическим событием конца XX века. Последние годы существования нашей страны характеризовались развалом экономики, криминализацией общества, крушением норм морали. Эти годы были сложными для органов внутренних дел и органов госбезопасности. Недостаточное финансирование, несовершенство законодательства, рост преступности, правовой нигилизм граждан стали причиной того, что в последние годы существования советского государства силовые структуры не имели власти и уважения в обществе, поэтому они не могли должным образом реализовывать свои функции.

В целом деятельность правоохранительных органов и спецслужб в рассматриваемый период протекала в русле тех реформ и изменений в социально-экономической и политической областях, которые инициировались высшим партийно-государственным руководством страны. Так, сложной и многогранной проблемой в стране оставались пьянство и алкоголизм. Намеченные в 1985 г. меры по борьбе с этими антиобщественными явлениями, как тогда говорилось, выдвинули перед милицией задачу решительного пресечения нарушения правил торговли спиртными напитками, искоренения самогонварения и спекуляции спиртным.

Осуществление антиалкогольных мер было возложено практически на все без исключения службы и подразделения милиции. Даже оперативникам регулярно приходилось отчитываться о количестве изъятых самогонных аппаратов, литров

браги и готового самогона. Это обстоятельство уводило их в сторону от решения актуальных проблем по борьбе с преступностью.

Не меньшее внимание уделялось милицией выполнению требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 г. «Об усилении борьбы с нетрудовыми доходами». В нем были предусмотрены меры административного взыскания или уголовной ответственности за самовольное использование в корыстных целях транспортных средств, машин либо механизмов, принадлежавших предприятиям, учреждениям, организациям; уклонение от представления деклараций о доходах от занятия кустарно-ремесленным промыслом, другой индивидуальной трудовой деятельностью, либо доходах, облагаемых подоходным налогом, и т.д.

От последовавших санкций пострадали главным образом старушки, торговавшие в подземных переходах и около продовольственных магазинов выращенными на собственных огородах петрушкой и огурцами. Воротилы же подпольного бизнеса, как всегда, вышли «сухими из воды».

Буквально через 8 месяцев – в феврале 1987 г. Совет Министров СССР принял постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления». Эта мера, напротив, призвана была способствовать легализации теневой экономики, и практически все вопросы, касавшиеся так называемых нетрудовых доходов, с повестки дня были сняты.

20 ноября 1986 г. ЦК КПСС принял очередное постановление «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». Оно носило комплексный характер и было направлено на упрочение правовой основы государственной и общественной жизни, дисциплины, искоренение приписок и очковтирательства, преодоление пьянства и алкоголизма, усиление борьбы с извлечением нетрудовых доходов, различными правонарушениями. В ходе реализации этого постановления были предприняты попытки по укреплению руководства ряда отраслевых служб и подразделений милиции, расширению гласности, улучшению взаимодействия с общественностью и трудовыми коллективами.

В органах внутренних дел стали регулярно проводиться брифинги с участием руководителей органов внутренних дел различных уровней и отраслевых служб. В газетах, на радио и телевидении появились постоянные рубрики, связанные с информированием населения о мерах по борьбе с преступностью. В подразделениях и службах милиции была введена система оперативного реагирования на критику в печати [1, с. 176-181].

Большая работа предстояла милиции в рамках выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с 70-летием Октября». Правда, амнистия 1987 г. имела свои особенности и отличалась от предыдущих тем, что не освобождала из заключения лиц, совершивших тяжкие преступления, поскольку это могло привести к очередному всплеску преступности.

Несмотря на предпринимавшиеся меры, уровень преступности в стране неуклонно повышался. С падением нравственности и возведением в культ «золотого тельца» жизнь человека постепенно обесценивалась. В стране начался криминальный передел теневого бизнеса. Стали обыденностью проявления вымогательства и иного насилия в отношении первых легальных предпринимателей-кооператоров. Начались криминальные войны между преступными группировками.

По мере обострения криминогенной обстановки в стране более интенсивной становилась и правотворческая деятельность. Один за другим появлялись постановления и указы, которые, к сожалению, не могли уже радикально повлиять на ситуацию. Так, 2 апреля 1988 г. ЦК КПСС принял Постановление «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению преступлений». В нем отмечалось, что «перестройка всех сторон жизни общества, радикальная экономическая реформа, последовательная демократизация и гласность органически связаны с укреплением дисциплины и законности и требуют решительного противодействия любым нарушениям правопорядка».

В этом же постановлении подчеркивалось, что «бесхозность, расточительство и хищения наносят большой урон социалистической собственности». Однако преступная деятельность расхитителей, спекулянтов и взяточников далеко не всегда пресекалась вовремя и решительно. Немалая доля вины за это лежала на подразделениях БХСС. Допускались факты поверхностного отношения к проверке поступавших тревожных сигналов о совершении крупных хищений. Расследование некоторых дел недопустимо затягивалось. Положительные результаты достигались редко. Однако они все же были и, как правило, приобретали большой общественный резонанс. Примером может служить известное «узбекское» («хлопковое») дело, по которому за крупные хищения к уголовной ответственности были привлечены многие известные в Узбекистане и за его пределами лица.

В условиях «демократизации» и «гласности» требовалось поддержание соответствующего общественного порядка или, по крайней мере, создание видимости этого процесса. В этой связи 28 июля 1988 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР». В развитие его положений и усиления охраны общественного порядка, прав и интересов граждан при проведении массовых мероприятий Президиум Верховного Совета РСФСР был издал еще один Указ – от 29 июля 1988 г. «Об ответственности за нарушение установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций». Результатом реализации требований последнего явилось создание при органах внутренних дел крупных российских городов координационных групп по работе с различными «неформальными» объединениями и группами граждан (другими словами – оппозиционными партиями и движениями). Кроме того, в каждом территориальном органе внутренних дел для разбора с лицами, задерживавшимися в ходе проведения митингов и демонстраций за нарушение общественного порядка, создавались специальные группы документирования.

Однако «джина, вырвавшегося из бутылки», уже трудно было вернуть в исходное состояние. Уличная активность набирала все большие обороты, и сдерживать ее усилиями ОМОНов и групп документирования было все труднее. Толпы, собиравшиеся на улицах и площадях, начинали намеренно и демонстративно вступать в конфронтацию с правоохранителями, которые постоянно представлялись различными оппозиционными СМИ и западными «радиоголосами» в негативном свете.

В рассматриваемый период принимались и другие законодательные акты, формально направленные на усиление охраны общественного порядка, прав и интересов граждан, для исполнения которых привлекались силы и средства милиции. Так,

11 августа 1988 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР был издан Указ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РСФСР». Этим Указом устанавливался запрет на «участие в азартных играх: в карты, рулетку, «наперстки» и др. на деньги, вещи и иные ценности, а равно принятие ставок частными лицами на спортивных и иных состязаниях». За невыполнение этих требования предусматривалась административная ответственность в виде предупреждения или штрафа в размере по 50 руб. с конфискацией игральные принадлежности.

Осознавая, что меры по борьбе с преступностью не дают желаемых результатов, 4 августа 1989 г. Верховный Совет СССР принял очередное Постановление «О решительном усилении борьбы с преступностью». В сложившейся ситуации этот документ был истолкован как программа действий по борьбе с криминалом, которому объявлялась беспощадная война. Органам милиции было разъяснено, что меры, связанные с реализацией данного постановления, следует рассматривать как чрезвычайные. Для осуществления мер по противодействию криминалу в Союзе ССР, союзных и автономных республиках, краях и областях было решено создать временные комитеты по борьбе с преступностью.

Вместе с тем, и этих мер оказалось недостаточно. Криминогенная обстановка в стране продолжала осложняться. С учетом роста преступности, ее крайне отрицательного влияния на нравственно-политический климат в обществе, возраставшей неуверенности граждан в личной безопасности, Совет Министров СССР оценил сложившуюся ситуацию как кризисную и 11 октября 1990 г. принял дополнительное постановление № 1016 «О неотложных мерах по укреплению законности и правопорядка в стране». В нем правительство страны потребовало от руководства МВД СССР коренным образом усилить работу по охране правопорядка, обеспечению законности, защите прав и безопасности граждан, подразумевая, что борьба с преступностью должна вестись наступательно, решительно и бескомпромиссно, с использованием всей силы закона. Однако это были ничем не подкрепленные призывы, которые вызывали у населения лишь скептическую улыбку. Было понятно, что даже если всю милицию перевести на казарменное положение и придать ей чрезвычайные полномочия, решить эту задачу в одиночку, без поддержки других государственных структур и главное – без участия народа – она не сможет. Маховик развала страны уже был раскручен до такой степени, что все это, включая и сотрудников правоохранительных органов, хорошо чувствовали. У многих опускались руки...

Еще одним «шагом отчаяния» явилось принятие Верховным Советом СССР постановления от 23 ноября 1990 г. «О положении в стране», в соответствии с которым была создана специальная служба по борьбе с наиболее опасными преступлениями [1, с. 182, 192, 250]. Наряду с этим 4 февраля 1991 г. появился Указ Президента СССР № УП-1423 «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами». Он был издан в развитие положений Закона СССР от 24 сентября 1990 г. № 1674-1 «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны» и п. 4 вышеуказанного постановления Верховного Совета СССР от 23 ноября 1990 г. В нем говорилось следующее: «Состояние правопорядка в стране ухудшается. Продолжается рост наиболее опасных преступлений. Преступность приобретает межрегиональный характер... Советские люди обоснованно требуют надежных гарантий обеспечения

личной и имущественной безопасности от преступных посягательств, соблюдения их конституционных прав».

Указ предписывал создать в МВД СССР Главное управление, а в республиках – межрегиональные и региональные подразделения по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом. Предусматривалось укрепить эти подразделения кадрами, обеспечить служебными помещениями, автотранспортом, горюче-смазочными материалами, средствами индивидуальной защиты, радиостанциями, вычислительной, видео-, кино-, звукозаписывающей, криминалистической и другой техникой. Сотрудников предусматривалось обеспечить жильем.

Однако было слишком поздно. Все эти меры уже не могли остановить вал организованной преступности. Она быстро наращивала свои ряды и вносила существенный вклад в размывание государственных устоев.

О размахе организованной преступности, к борьбе с которой перед крушением Советского Союза подключились и органы госбезопасности, свидетельствуют слова сотрудника Главного управления КГБ СССР полковника А.В. Гриненко: «Организованная преступность «расползается» вширь, проявляя себя и там, где для этого, казалось бы, не было объективных предпосылок. Есть у нее и региональные особенности. В Прибалтике, например, складывается своеобразная «теневая» экспортно-импортная система, построенная на вывозе за границу в обмен на валюту конкурентоспособного сырья и продукции, поступающих из других союзных республик. В Средней Азии усиливается опасность бандитско-террористических проявлений, обостряется обстановка по линии борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В центральном, Северо-Восточном, Дальневосточном регионах выявлены крупные преступные группировки, которые действовали, я бы сказал, «комплексно»: здесь и хищения, и рэкет, и контрабанда...

Организованная преступность стала проникать не только в торговлю, сферу обслуживания, отрасли добывающей промышленности, но и в базовые отрасли индустрии, на транспорт, в финансы. В 1990 г. Комитет госбезопасности вскрыл деятельность нескольких преступных групп, превративших в источник обогащения государственную банковскую систему. По одному из дел, например, было установлено, что арестованные – ответственные работники этой системы – за взятки помогали кооператорам получать сертификаты Сберегательного банка СССР, которые затем переводились в наличные деньги и использовались для совершения спекулятивных операций с компьютерной техникой» [2, с. 3].

Заслуживает внимания и характеристика организованной преступности, которая была дана в свое время И.И. Карпецом: «Нынешние времена характерны возрастанием, усложнением и утяжелением преступности. Дело не только в количественных показателях. Качество ее стало иным. Более тяжким. Более изощренным. Не забудем в этой связи о том, что современный преступник лучше вооружен, более свиреп, беспощаден. Часто действует в группе. Его «работа» хорошо организована... Но если мы хотим быть до конца честными, то должны продолжить логическую цепочку и сделать еще один неприятный вывод: современная преступность – зеркальное отображение нашего современного общества. Зеркальное! Общество теряет свои гуманные основы...» [3, с. 324].

Ю.Г. Федосеев характеризовал это время, вернее, безвременье, следующим образом: «Смутные времена, похожие на времена Лже-Дмитриев. Но старые бастионы еще не разрушены, сбитые с толку часовые еще несут свою караульную службу, по привычке покрикивая: «Стой, кто идет?» Сыщики ловят, суды судят, прокуратура надзирает. Государство, советское государство трещит по швам, но еще функционирует. А в воздухе пахнет грозой, поляризуются политические силы, нарастает внутреннее напряжение. Казалось, достаточно небольшой искры, чтобы произошел взрыв, который сметет эти новообразования, и жизнь вернется в старое русло. Либо эти «новые русские» (термин будет введен через два года) сделают невозможное: парализуют сопротивление сторонников прежнего режима и откроют шлюзы новым веяниям в экономике, политике, общественной жизни (лишь бы эти шлюзы не стали кингстонами)» [4, с. 158].

Несколько слов, насколько это возможно в открытой публикации, следует сказать о работе в рассматриваемый период органов государственной безопасности. Ветераны отмечают, что реформы Горбачёва мало затронули организацию и тактику оперативной работы подразделений советской контрразведки, не менявшей методов и приемов своей работы на протяжении десятилетий. Несмотря на яростные нападки «демократов», органам госбезопасности СССР удалось отстоять право иметь эффективный агентурный аппарат и средства для организации оперативно-розыскной деятельности [5, с. 156]. Однако, как вспоминают бывшие работники советской контрразведки, основные оперативные учеты в период августовских событий 1991 г. им все же пришлось уничтожить, поскольку имелись обоснованные опасения в том, что эти сведения могут попасть «не в те руки».

Провалы американской разведки в Советском Союзе, раскрытие ее шпионской сети, крах важнейших тайных операций обнажили масштабы разведывательно-подрывной деятельности США и способность органов государственной безопасности противостоять ей. Органы КГБ вели бескомпромиссную борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью американских спецслужб, не позволяли развернуться резидентурам ЦРУ, держали их под усиленным контролем.

Председатель КГБ СССР В.А. Крючков в своем докладе руководству страны отмечал следующее: «Важное значение придавалось добыванию документальных секретных материалов руководящих органов капиталистических государств и их военно-политических блоков, в том числе путем перехвата и дешифрования корреспонденции, проходящей по различным системам связи.

Осуществлен ряд крупномасштабных активных мероприятий в целях оказания долговременного воздействия на влиятельные зарубежные круги в решении ключевых проблем в области международной безопасности, ядерного, химического и обычного разоружения.

Реализован широкий комплекс мероприятий по нейтрализации вмешательства Запада в развитие внутривнутриполитических процессов в СССР, оказанию влияния на позиции руководителей и парламентариев ряда стран, в частности их подхода к событиям в республиках Советской Прибалтики.

На научно-техническом направлении разведке комитета удалось добыть ряд остро необходимых для оборонных отраслей промышленности образцов и документальных материалов, внести существенный вклад в решение народнохозяйственных проблем, в ускорение фундаментальных и прикладных исследований.

Расширены возможности проведения разведывательной работы с нелегальных позиций и с территории страны. Обеспечивалась безопасность советских учреждений и граждан за рубежом. Сорвано большое число провокационных акций спецслужб противника, в том числе направленных против сотрудников разведки. По информации КГБ досрочно отозвали из-за границы 274 советских гражданина. Не удалось предотвратить невозвращение на Родину 118 советских граждан» [6, с. 388].

Резким диссонансом на этом фоне звучат обвинения А.П. Шевякина, пытающегося доказать, что КГБ СССР в рассматриваемый период не предпринимал никаких мер по защите национальной безопасности страны и даже сам инспирировал ее развал [7, с. 508]. По всей видимости, данные выводы следует расценивать как еще один отголосок той психологической войны, которая не закончилась в нашем обществе с «перестроечных» времен.

Действительно, наряду с достижениями у советской контрразведки были и поражения, которые носили как субъективный, так и объективный характер. Однако нельзя сказать, что они явились следствием перерождения всей системы КГБ СССР и носили системный характер. Большой ущерб советским органам госбезопасности причинили предатели и перебежчики. Однако ничто не наносило нашей разведке и контрразведке большего урона, чем ненужные и вредные «перестройки», бездумные или сознательно работающие на развал органов безопасности политики-временщики.

Список литературы:

- 1.Московская Краснознаменная милиция: страницы истории. В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Российское право, 1992. – 356 с.
- 2.КГБ: обуздать организованную преступность: интервью А. Гриненко политическому обозревателю журнала «Советская милиция» Л. Фишеру // Советская милиция. 1991. № 6. – 96 с.
- 3.Карпец И.И. Сыск (Записки начальника уголовного розыска). – М.: Наука, 1994. – 351 с.
- 4.Федосеев Ю.Г. Записки начальника МУРа. М.: Патриот, 1996. – 224 с.
- 5.Красильников Р.С. Новые крестоносцы. ЦРУ и перестройка. – М.: ОЛМА-Пресс Образование, 2003. – 553 с.
- 6.Кошель П.А. История российского сыска. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 400 с.
- 7.Шевякин А.П. КГБ против СССР. 17 мгновений измены. – М.: Яуза, Эксмо, 2011. – 608 с.

Yakovets E.N., Zhuravlenko N. I., Ozhiganova M. I. Law enforcement activities of the soviet power structures in the last years of the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 46-53.

The article examines the legislative and regulatory acts adopted in the period preceding the collapse of the Soviet Union aimed at strengthening the rule of law, strengthening the protection of public order, the rights and interests of citizens, for the execution of which the forces and means of the police were involved. The problems of combating the most dangerous crimes, organized crime, corruption and drug trafficking in the period under review are disclosed.

The authors note that despite the measures taken by law enforcement agencies, the crime rate in the country has steadily increased. A criminal redistribution of the shadow business has begun in the country. Extortion and other violence against the first legal business cooperators have become commonplace. Criminal wars broke out between criminal gangs. At the same time, the criminal activities of robbers, speculators and bribe-takers were not always suppressed in time and decisively. The investigation of many criminal cases was unacceptably delayed.

The article also analyzes the results of the activities of state security agencies in the fight against intelligence and subversive activities of foreign special services. They implemented a wide range of measures to neutralize Western interference in the development of internal political processes in the USSR, influencing the positions of leaders and parliamentarians of a number of countries.

Key words: criminality, public order, strengthening the rule of law, law enforcement, organized crime, corruption, state security agencies, foreign special services.

Spisok literaturi:

1. Moskovskaya Krasnoznamennaya miliciya: stranicy istorii. V 2-h ch. CH. 2. – M.: Rossijskoe pravo, 1992. – 356 s.
2. KGB: obuzdat' organizovannuyu prestupnost': interv'yu A. Grinenko politicheskomu obozrevatelyu zhurnala «Sovetskaya miliciya» L. Fisheru // Sovetskaya miliciya. 1991. № 6. – 96 s.
3. Karpec I.I. Sysk (Zapiski nachal'nika ugovnogo rozyska). – M.: Nauka, 1994. – 351 s.
4. Fedoseev YU.G. Zapiski nachal'nika MURa. M.: Patriot, 1996. – 224 s.
5. Krasil'nikov R.S. Novye krestonoscy. CRU i perestrojka. – M.: OLMA-Press Obrazovanie, 2003. – 553 s.
6. Koshel' P.A. Istoriya rossijskogo syska. – M.: Molodaya gvardiya, 2005. – 400 s.
7. SHEvyakin A.P. KGB protiv SSSR. 17 mgnovenij izmeny. – M.: YAuza, Eksmo, 2011. – 608 s.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.25

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-54-61

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КАК НОВЫЙ УРОВЕНЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Вичева А. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье сделана попытка исследования конституционных гарантий обеспечения органами местного самоуправления доступности медицинской помощи для населения и корреляции их с муниципальными полномочиями в области здравоохранения, а именно в области создания условий для оказания медицинской помощи населению. Установлено, что обеспечить исследуемую доступность возможно при системном взаимодействии всех уровней публичной власти. Определено, что в соответствии с положениями действующего законодательства органы местного самоуправления задействованы в обеспечении финансовой, территориальной, транспортной, информационно-коммуникационной доступности и доступности для отдельных групп населения (маломобильных, инвалидов и др.). Аргументируется необходимость легального разделения принципов «качество медицинской помощи» и «доступность медицинской помощи». Акцентируется внимание на важности установления соотношения конституционных норм о муниципальных полномочиях по обеспечению доступности медицинской помощи для населения и норм федерального законодательства, регулирующих полномочия по созданию условий для оказания медицинской помощи населению.

Ключевые слова: «публичная власть», «органы местного самоуправления», «взаимодействие», «конституционные ценности», «медицинская помощь», «обеспечение», «доступность», «полномочия», «создание условий».

Конституционные преобразования, произошедшие в 2020 г., затронули отдельные вопросы функционирования органов местного самоуправления в сфере здравоохранения. В соответствии с частью 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации муниципальные органы власти обеспечивают, в соответствии с федеральным законом, доступность медицинской помощи в пределах своей компетенции [1]. Таким образом, впервые в правовом пространстве современной России на конституционном уровне правового регулирования закрепляются полномочия местных органов власти в социальной сфере. А это, в свою очередь, требует, как теоретического осмысления с позиции наук конституционного и муниципального права, так и практического обоснования совершенствования действующего законодательства на предмет конкретизации нового муниципального полномочия в такой важной сфере жизнедеятельности каждого как здоровье человека.

А.Н. Костюков отмечает, что здоровье, права и законные интересы людей относятся к числу конституционных ценностей [2, с. 62]. Поэтому, как представляется, признание и закрепление в статье 41 Конституции Российской Федерации права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь предусматривает, что государство взяло на себя обязанность и несет ответственность за предоставление доступа всем гражданам к качественному и своевременному медицинскому обслуживанию

[3, с. 178]. В связи с чем, как представляется, вопросы здравоохранения в нашем государстве являются одним из приоритетов долгосрочной политики, о чем свидетельствует реализация национального проекта «Здравоохранения». Одной из ключевых идей которого является обеспечение доступности медицинской помощи для населения, где органы местного самоуправления выступают частью единой системы публичной власти [4, с. 89]. Каждый уполномоченный субъект публичной власти обеспечивает доступность оказания медицинской помощи населению только в границах, очерченных компетенцией.

Реализация компетенционных элементов органов публичной власти в исследуемой области общественных отношений невозможна без четкого уяснения содержания понятия «доступность медицинской помощи». На наш взгляд, она должна представлять собой реальную возможность населения получить определенный (минимально необходимый) объем медицинской помощи вне зависимости от каких-либо факторов (место проживания, социальный статус, уровень доходов). Обеспечить эту возможность должны органы государственной власти и органы местного самоуправления [5, с. 54] как субъекты единой публичной власти. В связи с чем особую актуальность приобретает процесс формирования системы взаимодействия указанных публичных органов власти, так как от него зависит уровень жизни населения [6, с. 63]. В этом контексте, Н.С. Бондарь акцентирует внимание на необходимости создания условий для обеспечения взаимодействия и согласованного функционирования государственных и муниципальных органов [7, с. 139]. При этом, Л.Т. Чихладзе, А.А. Ларичев отмечают, что взаимосвязь органов государственной власти и органов местного самоуправления не должна формироваться по принципу вертикали властвующих субъектов, а полноценное участие муниципалитетов в принятии решений по вопросам государственной социальной политики будет способствовать повышению их роли в системе федеральных правовых отношений [8, с. 288]. При качественной разработке и последовательном внедрении различных аспектов системного [9, с. 6] взаимодействия органов государственной власти всех уровней и органов местного самоуправления в области охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи населению, государство сможет эффективно обеспечить доступность медицинской помощи для населения.

С целью обеспечения системного взаимодействия органов публичной власти и конкретизации компетенции каждого из них, необходимо четкое понимание критериев обеспечения доступности медицинской помощи для населения. В современной науке существует позиция, что к ключевым индикаторам доступности следует относить охват населения медицинскими услугами в рамках государственных программ страхования, объем личных платежей за предоставленные медицинские услуги, территориальное распределение врачей, оценка удовлетворенности получателей указанных услуг [3, с. 177]. Остановимся более детально на некоторых из них. Так, по официальным данным Федерального фонда обязательного медицинского страхования общая численность застрахованных лиц за 2018 г. составила 146,4 млн человек (61,4 млн человек – работающих, 85,0 млн человек – неработающих), за 2019 г. – 146,1 млн человек (66,0 млн человек – работающих, 80,1 млн человек – неработающих), за 2020 г. – 145,5 млн человек (65,1 млн человек – работающих, 80,4 млн человек – неработающих) [10, с. 8]. Приведенные данные показывают незначительное снижение охвата населения услугами обязательного медицинского страхования.

Не менее интересные данные показало исследование объема платных медицинских услуг, предоставляемых населению. Так, по данным Росстата объем оказанных платных медицинских услуг населению за 2010 года составил 250 474 млн руб., в 2015 г. 528 359 млн руб., в 2018 году – 677 686 млн руб., в 2019 г. – 723 097 руб., в 2020 г. – 693 791 млн руб. [11, с. 50]. Указанные данные позволяют сделать вывод о росте объема указанных услуг более чем в 2,5 раза. Еще один показатель, который показывает прирост – общая численность врачей. По официальным статистическим данным, предоставленным Росстатом общая численность врачей всех специальностей в организациях, оказывающих медицинские услуги в 2010 году, составляла 715 801 чел., в 2015 г. – 673 040 чел., в 2018 г. – 703 748 чел., в 2019 г. – 714 630 чел., в 2020 г. – 737 371 чел. [12]. При этом следует ответить, что при незначительном росте численности медицинских работников на практике ощущается катастрофическая нехватка профессионалов в медицинской сфере, что существенным образом влияет на доступность медицинской помощи для населения. Рассмотренные индикаторы характеризуют ситуацию в сфере здравоохранения в целом, не раскрывая особенностей полномочий органов публичной власти по обеспечению доступности медицинских услуг. Как представляется, охарактеризовать указанные полномочия возможно с помощью анализа правовых норм, регулирующих оказание медицинской помощи населению.

Анализ Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [13] (далее ФЗ № 323) показал, что доступность медицинской помощи является одним из основных принципов здравоохранения в Российской Федерации, наравне с принципами соблюдения прав граждан, приоритета интересов пациента, соблюдения врачебной тайны и другими. При этом, в действующем законодательстве принцип «доступности» соединен с принципом «качества» медицинской помощи, что, на наш взгляд, может создать трудности в процессе правоконкретизации полномочий органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи. Как представляется, из содержания статьи 10 ФЗ № 323 возможно выделить: а) финансовую доступность медицинской помощи, то есть обеспечение предоставления гарантированного объема медицинской помощи для каждого гражданина в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи; б) территориальную доступность – организацию предоставления услуг в сфере здравоохранения по принципу приближенности к месту проживания, работы, учебы гражданина; в) транспортную доступность – размещение медицинских организаций с учетом временного интервала для получения медицинских услуг; г) информационно-коммуникационную доступность медицинской помощи – обеспечение применения телемедицинских технологий; д) доступность медицинской помощи для отдельных групп населения – оснащение учреждений здравоохранения специальным оборудованием для оказания медицинской помощи инвалидам и группам населения с ограниченными возможностями здоровья [14, с. 55]. В связи с чем, предлагается внести соответствующие изменения в статью 10 ФЗ № 323 с целью разграничения принципов «качество медицинской помощи» и «доступность медицинской помощи».

Также особое внимание следует уделить вопросам взаимосвязи конституционных норм о полномочиях органов местного самоуправления в области обеспечения доступности медицинской помощи и норм федерального законодательства, регули-

рующего полномочия муниципальных органов власти в исследуемой области общественных отношений. Статья 132 Конституции Российской Федерации, закрепляя компетенцию органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи, установила наивысший уровень конституционных гарантий для получения населением медицинской помощи. При этом конституционное регулирование воздействует лишь на те виды отношений, которые составляют основу конституционных ценностей [15, с. 268], к которым как было указано выше относиться здоровье человека. Проведенный анализ федерального законодательства, а именно Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [16] (далее ФЗ № 131) и ФЗ № 323 показал закрепление исключительных полномочий муниципалитетов по созданию условий для оказания медицинской помощи населению, что по объему правомочий существенно уже, чем предусмотрено в Основном законе, а следовательно новые конституционные положения не коррелируются с действующим федеральным законодательством. Конституционные гарантии являются основой для правоконкретизирующих норм текущего отраслевого законодательства [17, с. 30], то есть положения об обеспечении органами местного самоуправления доступности медицинской помощи должны иметь конкретизацию и в текущем законодательстве [18, с. 55]. С целью обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей [19, с. 165], важно установить системные взаимосвязи конституционных норм о правомочиях органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи для населения и норм федерального законодательства, регулирующих полномочия по созданию условий для оказания медицинской помощи населению.

Интеграция конституционных положений о полномочиях органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи для населения в социальную сферу жизнеобеспечения граждан требует анализа соотношения муниципальных правомочий по обеспечению доступности медицинской помощи и создания условий для оказания медицинской помощи. То есть необходимо определить, каким образом органы местного самоуправления обеспечивают территориальную, транспортную, информационно-коммуникационную доступность медицинской помощи и доступность для отдельных групп населения.

Территориальная доступность медицинской помощи обеспечивается органами местного самоуправления путем выделения земельных участков, помещений, зданий из фонда муниципального имущества для размещения медицинских организаций на основании решения органа местного самоуправления о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование [20], договора аренды или договора безвозмездного пользования муниципальным имуществом [21].

Медицинские организации размещаются на территории муниципального образования с учетом транспортной доступности. Например, Министерством здравоохранения Российской Федерации [22] устанавливается шаговая доступность, не превышающая 60 минут, для учреждений, оказывающих первичную медико-санитарную помощь в населенных пунктах с численностью населения свыше 20 тыс. человек. В соответствии с пунктом 7 ч.1 ст. 14.1 ФЗ № 131 органы местного самоуправления организуют транспортное обслуживание населения, то есть осу-

ществляют планирование регулярных перевозок пассажиров в пределах муниципального образования с возможностью доступа к медицинским организациям.

В соответствии с пунктом 10 ч.1 ст. 14.1 ФЗ № 131 органы местного самоуправления создают условия для обеспечения населения услугами связи, что в условиях развития телемедицинских технологий играет весомую роль. Возможность записи к врачу через портал Госуслуг позволяет сократить время ожидания приема специалиста. В условиях распространения новой коронавирусной инфекции органы государственной власти и органы местного самоуправления осуществляют деятельность по функционированию «горячих линий», оперативных штабов, пропаганде вакцинации, информированию населения о распространении заболевания и др., что, как представляется, характеризует транспарентность публичной власти [23, с. 58-59] в исследуемой области общественных отношений. Таким образом, возможно сделать вывод, что органы местного самоуправления задействованы в обеспечении информационно-коммуникационной доступности медицинской помощи для населения путем создания условий для обеспечения услугами связи и доступом к сети «Интернет» населения муниципального образования, организаций, оказывающих медицинские услуги.

Обеспечение доступности медицинской помощи для отдельных групп населения, как представляется, предусматривает деятельность муниципальных органов власти по оборудованию подходов к медицинским организациям для лиц с ограниченными возможностями здоровья. При этом, анализ пункта 4 Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов инфраструктуры государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения и предоставляемых услуг в сфере охраны здоровья, а также оказания им при этом необходимой помощи [24], показал, что организация и обеспечение доступности инфраструктуры медицинской организации возложена на саму организацию, предоставляющую медицинскую помощь. А органы местного самоуправления, в рамках реализации муниципальных программ [25] обеспечивают доступность приоритетных объектов инфраструктуры муниципального образования. В таком случае, обеспечение доступности медицинской помощи для указанных категорий населения должно осуществляться в условиях взаимодействия медицинских организаций и муниципальных органов власти.

В завершение следует отметить, что реализация конституционных гарантий обеспечения доступности медицинской помощи органами местного самоуправления требует от всех уровней публичной власти системного взаимодействия с целью корреляции конституционных норм и норм федерального законодательства в исследуемой области общественных отношений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗК, от регулирования 14.03.2020 №1-ФЗК) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Костюков А. Н. Народовластие в сфере местного самоуправления как конституционная ценность // Вестник СурГУ. – 2015. – № 2 (8). – С. 60–68.
3. Панова Л. В. Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – № 2. – С. 177–190.
4. Нарутто С. В. Разграничение компетенции между органами публичной власти в области правового институтов муниципальной демократии // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – С. 89–107.

5. Вичева А. А. К вопросу о взаимодействии органов публичной власти в области создания условий для оказания медицинской помощи населению // Сборник международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями». – 2021. – № 21-2. – С. 54–55.
6. Ведяшкин С. В., Илюшин А. В. Разграничение полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 31. – С. 53–62.
7. Муниципальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Н. С. Бондарь [и др.]; ответственный редактор Н. С. Бондарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 356 с.
8. Чихладзе Л. Т., Ларичев А. А. Местное самоуправление в России на распутье: динамика конституционной доктрины и правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – С. 273–292.
9. Малько А. В., Маркунин Р. С. Значение системного подхода в исследовании юридической ответственности органов публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 4–21.
10. Отчет о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ffoms.gov.ru/system-oms/about-fund/fund-activities/ОТЧЕТ_ФОМС_за_2020_год_02.08.2021.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
11. Платное обслуживание населения в России. 2021: Стат. сб. Росстат. – М., 2021. – 114 с.
12. Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721?print=1> (дата обращения: 15.12.2021).
13. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
14. Вичева А. А. К вопросу о полномочиях органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи для населения // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 5-11 октября 2020 года). Выпуск 6 / отв. ред. М. С. Саликов. – Екатеринбург, 2021: Уральский государственный юридический университет. – Часть 2. – С. 52–56.
15. Нурмагамбетов Р. Г. Теоретические проблемы определения понятия пределов конституционного регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – С. 264–272.
16. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
17. Шайхуллин М. С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Марат Селирович Шайхуллин. – Казань, 2020. – 515 с.
18. Станкин А. Н. Конституционно-правовое содержание принципа верховенства федерального закона // Право и безопасность. – 2014. – № 1. – С. 55–58.
19. Костюков А. Н. О правоприменении в современной России // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – С. 159–172.
20. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147, 4148.
21. Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
22. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27 февраля 2016 года № 132н «О Требованиях к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения исходя из потребностей населения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 18. 02.05.2016.
23. Кабышев В. Т. Транспарентность органов публичной власти Республики Крым в условиях информационного общества / В. Т. Кабышев, Т. В. Заметина, Е. В. Комбаров // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 57–74.
24. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 ноября 2015 г. № 802н «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов инфраструктуры государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения и предоставляемых услуг в сфере охраны здоровья, а также оказания им при этом необходимой помощи» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 4. 25.01.2016 г.

25. Постановление Администрации города Симферополя от 31 августа 2017 года №2977 «Об утверждении муниципальной Программы «Создание доступной среды для инвалидов и маломобильных групп населения в муниципальном образовании городской округ Симферополь Республики Крым на 2018-220 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://simadm.ru/media/acts/2017/09/01/_2977_от_31.08.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

Vicheva A. A. Ensuring the availability of medical care as a new level of constitutional powers of local government bodies in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 54-61.

The article makes an attempt to study the constitutional guarantees of ensuring the accessibility of medical care for the population by local governments and their correlation with municipal powers in the field of health care, namely in the field of creating conditions for the provision of medical care to the population. It is established that it is possible to ensure the accessibility under study through systemic interaction of all levels of public authority. It is determined that in accordance with the provisions of the current legislation, local governments are involved in ensuring financial, territorial, transport, information and communication accessibility and accessibility for certain groups of the population (people with limited mobility, people with disabilities, etc.). The necessity of legal separation of the principles of "quality of medical care" and "accessibility of medical care" is argued. Attention is focused on the importance of establishing a correlation between the constitutional norms on municipal powers to ensure the accessibility of medical care for the population and the norms of federal legislation governing the powers to create conditions for the provision of medical care to the population.

Key words: "public authority", "local government bodies", "interaction", "constitutional values", "medical care", "provision", "accessibility", "powers", "creation of conditions".

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FZK, ot regulirovaniya 14.03.2020 №1-FZK) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
2. Kostyukov A. N. Narodovlastie v sfere mestnogo samoupravleniya kak konstitucionnaya cennost' // Vestnik SurGU. – 2015. – № 2 (8). – S. 60–68.
3. Panova L. V. Dostupnost' medicinskoj pomoshchi: Rossiya v evropejskom kontekste // ZHurnal issledovanij social'noj politiki. – 2019. – № 2. – S. 177–190.
4. Narutto S. V. Razgranichenie kompetencii mezhdunarodnyh organami publichnoj vlasti v oblasti pravovogo institutov municipal'noj demokratii // Pravoprimerenie. – 2019. – Т. 3. – S. 89–107.
5. Vicheva A. A. K voprosu o vzaimodejstvii organov publichnoj vlasti v oblasti sozdaniya uslovij dlya okazaniya medicinskoj pomoshchi naseleniyu // Sbornik mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami». – 2021. – № 21-2. – S. 54–55.
6. Vedyashkin S. V., Ilyushin A. V. Razgranichenie polnomochij federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i organov ispolnitel'noj vlasti sub"ektov RF // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2019. – № 31. – S. 53–62.
7. Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii v 2 ch. CHast' 1: uchebnik dlya vuzov / N.S. Bondar' [i dr.]; otvetstvennyj redaktor N.S. Bondar'. – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. – 356 s.
8. CHihladze L. T., Larichev A. A. Mestnoe samoupravlenie v Rossii na rasput'e: dinamika konstitucionnoj doktriny i pravovogo regulirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2020. – Т. 11. – S. 273–292.
9. Mal'ko A. V., Markunin R. S. Znachenie sistemnogo podhoda v issledovanii juridicheskoy otvetstvennosti organov publichnoj vlasti // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 4–21.
10. Otchet o rezul'tatah deyatel'nosti Federal'nogo fonda obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya v 2020 godu [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.ffoms.gov.ru/system-oms/about-fund/fund-activities/OTCHET_FOMS_za_2020_god__02.08.2021.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2021).
11. Platnoe obsluzhivanie naseleniya v Rossii. 2021: Stat. sb. Rosstat. – M., 2021. – 114 s.
12. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Zdravoohranenie [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721?print=1> (data obrashcheniya: 15.12.2021).
13. Federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2011. № 48. St. 6724.

14. Vicheva A. A. K voprosu o polnomochiyah organov mestnogo samoupravleniya po obespecheniyu dostupnosti medicinskoj pomoshchi dlya naseleniya // Ural'skij forum konstitucionalistov (Ekaterinburg, 5-11 oktyabrya 2020 goda). Vypusk 6 / otv. red. M.S. Salikov. – Ekaterinburg, 2021: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet. – CHast' 2. – S. 52–56.
15. Nurmagambetov R. G. Teoreticheskie problemy opredeleniya ponyatiya predelov konstitucionnogo regulirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2020. – T. 11. – S. 264–272.
16. Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 goda № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2003. № 40. St. 3822.
17. SHajhullin M. S. Konstitucionno-pravovye garantii razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.02 / Marat Selirovich SHajhullin. – Kazan', 2020. – 515 s.
18. Stankin A. N. Konstitucionno-pravovoe sodержanie principa verhovenstva federal'nogo zakona // Pravo i bezopasnost'. – 2014. – № 1. – S. 55–58.
19. Kostyukov A.N. O pravoprimerenii v sovremennoj Rossii // Pravoprimerenie. – 2017. – T. 1. – S. 159–172.
20. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2001 goda № 136-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2001. № 44. St. 4147, 4148.
21. Federal'nyj zakon ot 26 iyulya 2006 goda № 135-FZ «O zashchite konkurencii» // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (ch. 1). St. 3434.
22. Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii ot 27 fevralya 2016 goda № 132n «O Trebovaniyah k razmeshcheniyu medicinskih organizacij gosudarstvennoj sistemy zdravoohraneniya i municipal'noj sistemy zdravoohraneniya iskhodya iz potrebnostej naseleniya» // Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. № 18. 02.05.2016.
23. Kabyshev V. T. Transparentnost' organov publichnoj vlasti Respubliki Krym v usloviyah informacionnogo obshchestva / V. T. Kabyshev, T. V. Zametina, E. V. Kombarov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2020. – № 37. – S. 57–74.
24. Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii ot 12 noyabrya 2015 g. № 802n «Ob utverzhdenii Poryadka obespecheniya uslovij dostupnosti dlya invalidov ob"ektov infrastruktury gosudarstvennoj, municipal'noj i chastnoj sistem zdravoohraneniya i predostavlyaemyh uslug v sfere ohrany zdorov'ya, a takzhe okazaniya im pri etom neobhodimoj pomoshchi» // Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. № 4. 25.01.2016 g.
25. Postanovlenie Administracii goroda Simferopolya ot 31 avgusta 2017 goda №2977 «Ob utverzhdenii municipal'noj Programmy «Sozdanie dostupnoj sredy dlya invalidov i malomobil'nyh grupp naseleniya v municipal'nom obrazovanii gorodskoj okrug Simferopol' Respubliki Krym na 2018-220 gody» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://simadm.ru/media/acts/2017/09/01/_2977_ot_31.08.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2021).

УДК 342.7

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-62-71

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются основные гарантии реализации права человека на судебную защиту. Охарактеризованы выработанные международным сообществом гарантии, которые отражают представление о справедливом судебном разбирательстве. Дана характеристика и толкование положениям о том, что права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием. Особое внимание уделено презумпции невиновности и норме о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Особое внимание уделено содержанию статей 51 и 54 Конституции Российской Федерации 1993 года содержащих важнейшие конституционные гарантии, позволяющие осуществлять судебную защиту права и интересов надлежащим образом. Исследованы аспекты эффективности судебной защиты и ее критериев. Также анализируются положения международных правовых актов и договоров в части регулирования права на судебную защиту.

Ключевые слова: права человека, судебная защита прав и свобод, право на судебную защиту, гарантии судебной защиты, правосудие.

На международном уровне признается такое основополагающее право, как право на судебное разбирательство, отвечающее требованиям справедливости, законности. Указанное право связано с правом на эффективное рассмотрение и разрешение возникшего спора, принятия по делу решения, которым были бы созданы условия для восстановления нарушенного права человека и гражданина.

При этом признается, что уполномоченным на разрешение возникающих спорных ситуаций является никто иной, как суд. В этой связи свое закрепление в нормах международного права находит право на судебную защиту [1, с. 29].

Институт судебной защиты в России выполняет одну из главных задач многих государственных органов и государства в целом – обеспечение прав и свобод человека и граждан [2, с. 289].

Для эффективного решения указанной задачи международное сообщество выработало гарантии, которые отражают представление о справедливом судебном разбирательстве.

В юридической литературе выделяются следующие правовые гарантии:

1. Правила организации судебных органов. Основные начала построения и организации судебных органов нашли свое выражение в принципах, которые едины для всей судебной системы.

2. Законность при осуществлении правосудия. Идея верховенства закона и подчинения только ему имеет огромное значение. Поскольку только при точном соблюдении норм материального и процессуального права в процессе осуществления правосудия, возможно восстановление нарушенных прав и свобод и установление справедливости. В связи с этим законодатель закрепил ряд средств, способствующих воплощению в жизнь принципа осуществления правосудия в точном со-

ответствии с законом. Таковыми являются: закрепление в законе права участников процесса на обжалование действий и решений суда, других субъектов, права заявлять ходатайства, отводы; судебный надзор; надзорные полномочия прокурора [3, с. 59].

3. Формирование запрета на создание чрезвычайных судов. Как уже отмечалось ранее, судебная система в РФ является единой и устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законодательством.

Чрезвычайные суды – это органы судебного производства, создание которых обусловлено особыми обстоятельствами: военное положение, чрезвычайная ситуация, революция, государственный переворот. Создание чрезвычайных судов в РФ не допускается. Однако истории известны случаи создания чрезвычайных судов в мирное время. В 1906-1907 гг. их ввели в 82 губерниях. Особенность осуществления судопроизводства в чрезвычайных судах состояла в следующем: основной целью было наказание, а не правосудие; происходило соединение функций вынесения и исполнения приговора.

4. Самостоятельность и независимость судебной власти. Данные положения являются основой любого демократического государства, поскольку именно самостоятельная и независимая судебная власть способствуют реализации норм Конституции и обеспечению верховенства закона. Для создания независимой и самостоятельной судебной власти необходимо наделить ее реальными полномочиями по контролю за органами государственной власти и соответствия вынесенными ими решений Конституции и иным нормативно-правовым актам [4, с.160].

Данное положение получило свое закрепление в том числе в Законе РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей [5].

5. Независимость судей. Независимость означает, что судья при осуществлении правосудия должен руководствоваться только законом (ст.120 Конституции РФ). Судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом.

6. Вмешательство в деятельность при осуществлении правосудия влечет за собой ответственность вплоть до уголовной. В Российской Федерации не допускается издание законов, которые умаляли бы независимость судей.

Вопрос беспристрастности судей на протяжении многих лет остается актуальным среди представителей юридического сообщества. Это связано, прежде всего, с высоким положением суда в обществе.

Так, единственным органом в Российской Федерации, осуществляющим правосудие является суд. Принятый на VIII Всероссийском съезде судей, Кодекс судейской этики, закрепляет, что основным принципом осуществления правосудия является беспристрастность судей. В связи с этим судье, как носителю судебной власти, предоставляется возможность согласовывать свое мнение только с законом.

Также законодательно закрепление принципа беспристрастности судей, способствует повышению авторитета и доверия населения к судебной власти. Мнение о поступившем к нему деле судья должен формировать на основе обстоятельств и

сведений, закрепленных в материалах дела. В случае если судья имеет личную заинтересованность в разрешении дела, а также проводил служебное расследование по данному спору, он подлежит отводу. Также судья не может принять дело к своему производству, если он выступает в нем в качестве свидетеля. Именно институт отвода судьи является гарантией беспристрастности суда.

Европейский суд по правам человека выделил два критерия оценки беспристрастности судей: объективный и субъективный.

«Объективный характеризуется внешними признаками: повторное участие судьи при рассмотрении дела, который ранее по нему участвовал в том или ином качестве; необоснованное объединение дел [6, с. 56].

Субъективная беспристрастность понимается как свобода судьи от предубеждений с внешней стороны и пристрастий в отношении сторон».

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип беспристрастности суда означает, что суд при выполнении своих профессиональных обязанностей свободен от каких-либо предпочтений и убеждений и должен руководствоваться, и следовать только закону [7, с. 155].

Еще одной процессуальной гарантией является гласность судебного разбирательства. Гласность понимается не только как открытость судебного разбирательства, но и как информированность его участников и общественности о движении дел.

Реализация принципа гласности заключается в предоставлении права каждому присутствовать на судебном заседании в качестве слушателя, а также фиксировать ход судебного разбирательства. Излишняя закрытость судебных разбирательств чрезвычайно вредна, поскольку создает информационный вакуум, который порождает ложные стереотипы о деятельности суда.

Поэтому огромную значимость приобретают такие демократические инструменты, как прозрачность и доступность правосудия, своевременная информационность общественности.

Если говорить о значимости данного принципа, то суд при открытом и гласном судебном разбирательстве не только реализует конституционное право каждого на получение объективной информации, но и способствует повышению авторитета судебной власти. Отклонения от данного принципа создает благоприятную почву для злоупотребления и нарушения прав личности.

Следующей гарантией защиты прав и свобод человека и гражданина, является право на рассмотрение дела надлежащим законом судом, то есть лицо имеет право заранее знать каким судом и в каком составе будет рассматриваться его дело.

Презумпция невиновности как одна из гарантий судебной защиты прав обвиняемого закреплена во многих правовых актах (ст.49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14 УПК РФ, п. 6 ст. 108 НК РФ). При анализе содержания термина «презумпция» можно выделить следующие характерные черты: во-первых, презумпция — это всегда предположение о наличии или отсутствии какого-либо явления, события, факта; во-вторых, презумпцию всегда возможно опровергнуть, путем соотношения ее с объективными данными; в-третьих, презумпция имеет абстрактный характер, то есть это мысленный образ, отражающий характер вещей; в-четвертых, конкретность презумпции, то есть она охватывает все явления и процессы.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что, презумпция означает предположение о наличии или отсутствии явлений, событий, фактов, являющееся истинным

до его опровержения. Таким фактом в суде является добросовестность гражданина. Любое лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке и не закреплено во вступившем в законную силу судебном решении. При этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, бремя доказывания лежит на стороне обвинения.

Одно и то же лицо, по одному и тому же преступлению дважды невозможно осудить, это отражено в ч.1 ст. 50 Основного закона РФ.

Статья 50 Конституции РФ закрепляет положение, что не могут быть использованы доказательства, полученные с нарушением закона. Допустимость доказательств является необходимым условием эффективной судебной защиты. В юридической науке под допустимостью доказательств следует понимать, возможность их использования при доказывании обстоятельств, которые имеют значение для дела. Законодательное закрепление института допустимости доказательств является серьезным препятствием к противоправному поведению участников судебного разбирательства, злоупотреблению правом, халатному отношению к нормам закона при сборе доказательств. Исходя из изложенного, институт допустимости доказательств является важной гарантией обеспечения прав граждан на законное и справедливое судебное разбирательство [8, с. 67].

Следующая гарантия закреплена статье 51 Конституции РФ, которая устанавливает, что «никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом».

Суть данного правового явления заключается в защите интересов личности, а также значимых для общества институтов: тайна исповеди, адвокатская тайна, институт семьи [9, с. 127-134].

Еще одной важной гарантией судебной защиты является положение, отраженное в ст. 52 Конституции РФ, которое устанавливает обязанность государства по компенсации ущерба, причиненного преступлением.

Правоохранительная функция государства разнообразна, но ее цель состоит в обеспечении неукоснительного выполнения государственных предписаний гражданами и государственными органами. В то же время правоохранительная функция направлена на поддержание законности и правопорядка в обществе, охрану и защиту конституционных прав.

Запрет обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность, также выступает как гарантия судебной защиты (статья 54 Основного закона РФ). Потребность в данной норме обусловлена динамичностью жизни в целом, развитию общественных отношений возникновению и прекращению общественных институтов. Это порождает опасность, того, что человека, совершившего правонарушение, спустя некоторое время, привлекут к ответственности по закону, который не действовал в момент совершения правонарушения.

В случае, если применяется закон, смягчающий или отменяющий ответственность, обратная сила закона применима. Указанные правила действия закона во времени закреплены во всех отраслях российского права.

Это свидетельствует о гуманизации и демократизации отечественного законодательства, под которой понимается процесс реформирования законов и правоприме-

нительной практики, направленный на повышение уровня безопасности человека, обеспечения равенства и справедливости в области правоприменения [10, с. 28].

Следует отметить, что юридические процедуры, устанавливающие гарантии судебной защиты не всегда отвечают происходящим в стране изменениям. В связи с этим возникает проблема правильного законодательного закрепления и регламентации правил, направленных на защиту прав и интересов людей.

Главной задачей законодателя в решении указанной проблемы является приведение указанных положений в соответствие с демократическими основами права в целом, действующей Конституцией и международно-правовыми стандартами, устранение пробелов в законодательстве, совершенствование организационных и процессуальных методов реализации судебной защиты, а также повышение авторитета и доверия к судебной власти.

В частности, при рассмотрении гарантии свободного доступа к суду необходимо выделить и несколько элементов данной гарантии. Е.Б. Абросимова выделяет следующие элементы: «свобода и равенство доступа всех субъектов права к суду (субъектный элемент); универсальность компетенции суда в предметном, территориальном и темпоральном аспектах (компетенционный элемент); правило ординарного суда и должного судьи, включая запрет на существование чрезвычайных судов (институциональный элемент); состязательность судебной процедуры (процессуальный элемент)» [11, с. 45].

В настоящее время проблема доступности правосудия достаточно подробно изучается различными авторами.

Судебную защиту следует рассматривать в качестве наиболее эффективного способа по обеспечению и восстановлению нарушенных прав человека. Кроме того, следует учитывать также универсальность данного способа защиты – в суде могут быть разрешены уголовные, гражданские, семейные и иные категории дел, возникающих споров.

Как отмечает О.И. Тиунов, «определение особой значимости отдельного способа защиты и восстановления нарушенных прав вытекает из законности, справедливости принятого решения, а также эффективности подлежащих применению мер к нарушителю» [12, с. 6].

Принятое судом по результатам рассмотрения спора решение должно соответствовать требованию справедливости. При этом речь идет не только об отдельных категориях дел (например, уголовных). Данное требование подлежит соблюдению во всех случаях отправления правосудия, что позволяет создать условия для принятия по делу такого решения, которое соответствовало бы тяжести, сущности допущенного другим лицом нарушения, способствовало бы восстановлению личной, имущественной и иной сферы «потерпевшего» лица.

В качестве предпосылки для принятия по делу справедливого решения следует рассматривать наличие свободного доступа любого заинтересованного лица к правосудию. При этом возникший спор подлежит разрешению на основе норм действующего национального законодательства. Указанный подход нашел свое закрепление в положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

В данном законодательном акте не дается определения таких понятий как «справедливое решение», «справедливое правосудие», а также неопределены критерии их оценки.

Представляется, что указанный вопрос должен разрешаться на основе тех требований, которые предъявляются к самому порядку организации и отправления правосудия. Среди них: учет компетенции суда на рассмотрение отдельных категорий дел; гласность судопроизводства, независимость и беспристрастность суда; соблюдение требований справедливости при принятии решений, что способствовало бы обеспечению полного равенства; создание условий для реализации всех предусмотренных способов защиты, в том числе и судебной.

В свою очередь, необходимо отметить, что создание условий для судебной защиты предполагает создание таких условий, при которых были бы не только созданы судебные органы, в достаточном количестве, но и обеспечены были бы условия для качественного, эффективного отправления правосудия. Следовательно, свое отражение должны находить такие критерии оценки качества судебной деятельности, как количество и качество.

В развитие идеи справедливого правосудия на международном уровне были предприняты меры, направленные на разработку критериев, требований, указывающих на справедливый характер проводимого судебного разбирательства.

Указанные критерии нашли свое отражение в положениях Пакта о гражданских и политических правах, а также Европейской Конвенции. В данных актах указывается на наличие такой категории, как надлежащее отправление правосудия. Обозначенная категория находит свое выражение в двух аспектах:

- независимость и беспристрастность суда (институциональный аспект);
- справедливый характер разбирательства дела (процедурный аспект).

По мнению Европейского суда, справедливое судебное разбирательство – необходимая предпосылка на пути обеспечения законности, верховенства закона. Кроме того, указанная предпосылка является необходимым условием для становления в государстве демократического политического режима [13, с. 240].

Как видим, правоприменителем использован широкий подход к определению рассматриваемого понятия. При этом сам суд оговаривает, что указанная категория не должна иметь узкого значения.

Обозначенный подход, по мнению суда, применим не только для уголовного судопроизводства, но и для иных видов судопроизводства, в том числе и при привлечении лица к дисциплинарной ответственности.

В свою очередь, в отечественной литературе авторами отмечается, что национальным законодателем использован иной подход к определению понятия «справедливое судебное разбирательство». Например, Л.А. Айсаева утверждает, что «право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в таких авторитетных международных актах, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, занимает особое место в ряду основных прав человека» [14, с. 25].

В соответствии с положениями действующего национального законодательства в содержание рассматриваемой правовой категории вкладывается смысл о том, что судебное разбирательство должно быть проведено независимым и беспристрастным судом, созданным в соответствии с требованиями закона. Соблюдение требований

закона при учреждении указанного государственного органа, прежде всего, сводится к необходимости соблюдения принципа разделения властей.

В соответствии с обозначенным конституционным принципом также определяется запрет на передачу полномочий суда кому-либо. В свою очередь, передача между самими судьями полномочий по конкретному делу также детально регламентирована законодателем. Аналогичные требования распространены и на случаи, когда в рассмотрении дела участвуют присяжные, арбитражные заседатели.

Применительно к таким требованиям к суду, как «независимость», «беспристрастность» на международном уровне, с одной стороны, были сформулированы четкие определения данных понятий, а с другой – указывается на их тесную взаимосвязь, взаимообусловленность.

Так, под независимостью, по мнению Европейского суда, следует понимать состояние, при котором судебные органы рассматриваются в качестве самостоятельных органов, отдельных от иных государственных органов и лиц, участвующих в судопроизводстве. При этом указывается такая гарантия независимости суда, отдельных судей, как запрет на отзыв указанных лиц органами исполнительной власти в пределах срока исполнения предоставленных им полномочий.

В этой связи, по мнению Европейского суда, оценка независимости судей должна включать в себя анализ сведений, указывающих на порядок назначения судей, сроки предоставленных им полномочий, обеспечение условий для предупреждения и пресечения внешнего воздействия на указанных лиц, а также телесная, физическая независимость указанных лиц.

При этом свое распространение получает идея о том, что для справедливого судебного разбирательства должны привлекаться те лица, которые ранее не принимали участие по данному делу, в том числе и в иной роли. Предполагается, что лицо, принимая повторное участие по одному и тому же делу, будет придерживаться той же позиции, роли, которая им была намечена при первом участии в рассмотрении дела. Так, лицо, выступая первоначально обвинителем, далее не сможет встать на сторону защиты, обеспечить эффективные условия для защиты обвиняемого.

На основе указанных положений свое распространение находит аксиома о том, что никто не может быть судьей в собственном деле.

По мнению Европейского суда, гарантированные, свободные условия для доступа к правосудию являются необходимой предпосылкой для проведения справедливого судебного разбирательства. При этом предполагается, что доступ к суду, реализация обозначенного права должна носить реальный характер, а не формальный.

Следует также остановиться на рассмотрении примера из судебной практики, послужившего основанием для провозглашения, закрепления за каждым человеком права на судебное разбирательство. Так, по рассматриваемому Европейским судом уголовному делу, заключенный Голдер обратился с требованием к Министерству внутренних дел о возбуждении уголовного дела по факту клеветы, допущенной сотрудником тюремного учреждения. Однако указанным исполнительным органом в удовлетворении иска было отказано, что, по мнению суда, явилось причиной нарушения права гражданина на доступ к суду [15].

Необходимо учитывать, что право на доступ к суду относится к категории относительных прав. В этой связи законодателем допускается возможность ограничения указанного права в установленных пределах [8, с. 61].

Для воплощения конституционного права на судебную защиту необходима эффективность, как одно из качеств данного права, ее отсутствие отрицает сущность рассматриваемого конституционного права.

Вопрос эффективности реализации данного права рассматривался и Конституционным Судом РФ. В постановлении от 02.02.1996 г. №4-П правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, если оно обеспечивает именно эффективное восстановление в правах [27]. Применительно к конституционному праву на судебную защиту, исследователи предлагают разные понятия эффективности.

Элементами эффективности являются: правильная организация работы суда; наличие идеального процессуального механизма, способного обеспечить выполнение поставленных перед судебной властью задач; высокий профессионализм судебного корпуса, не допускающий в своей деятельности судебных ошибок; моральный облик судей и осознание ими ответственности за принимаемые решения [17, с. 70].

Одна из основных правовых мер – совершенствование процессуального законодательства, содержит: ограничение применения закона по аналогии, поскольку субсидиарное применение норм других отраслей права может привести к судебным ошибкам; снятие ограничений на объем рассмотрения дела вышестоящими судами и предоставление им права на рассмотрение дела в полном объеме; специализация судов по отдельным категориям дел [18, с. 300].

Следующая правовая мера была предложена заслуженным юристом РФ В. Г. Юдиным. Он высказал точку зрения, согласно которой «при отборе кандидатов на должность судей, приоритет следует отдавать не тому, в каком вузе и какую степень высшего профессионального образования получил кандидат, а умению лица претендующего на должность судьи, применять на практике полученные знания, уметь правильно разобраться в конфликтной ситуации, социальной зрелости, деловым и этическим качествам кандидата на должность судьи» [19, с.10].

Эту меру можно обозначить, как пересмотр критериев отбора кандидатов на должность судей.

В качестве правовой меры выделяют также развитие практики применения в судах РФ всех уровней норм международного права. Несмотря на то, что в настоящее время международное право достаточно сильно влияет на российское законодательство, на уровне регионов применение международного права происходит гораздо реже, чем на федеральном уровне.

Организационные меры направлены на совершенствование судебных процедур, на сокращение их временной продолжительности. К числу таких мер следует отнести сокращение штатов судей.

Подводя итог изложенному, отметим, что открытость судебной системы обуславливает ее содержание, состоящее из совокупности правоотношений между отдельными субъектами: начиная от лиц, обращающихся в суд и участвующих в судебном процессе и заканчивая органами, на которых возложено выполнение судебных решений. Поэтому можно утверждать, что оценка эффективности судебной системы в определенной степени зависит от индивидуального опыта названных субъектов, полученного в процессе их взаимоотношений с судебной системой.

Несмотря на достаточно развитую систему российского законодательства, европейский опыт оказывает положительное влияние на российское законодательство, однако требует немалой работы по адаптации к отечественным реалиям.

Список литературы

1. Elazar Daniel Judah. The American Constitutional Tradition / D. J. Elazar. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1988. 291 p.
2. Столярова Ю.О. Судебная защита прав граждан как комплексный политико-правовой институт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С.288-291
3. Гагиева Н.Р. Принцип законности в гражданском процессуальном праве // Бизнес в законе. - 2012. - № 2.- С.58- 62.
4. Панюшкин В.А., Шабанов П.Н. Конституционные основы независимости судебной власти // судебная власть в уголовном процессе. - 2013. - №2. - С.160-166.
5. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.06.1992 N 3132-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ FZ/ (дата обращения: 01.05.2021 г.).
6. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. - СПб, 2001. - 384 с.
7. Семенов А. В. Беспристрастность судьи // Судебная власть и уголовный процесс.-2016.- №4. - С.2.
8. Озеров И.Н., Черкасова Е.А., Капустина И.Ю. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение //Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. №2. С.67-71.
9. Провалинский Д.И. Правовые иммунитеты в теории российского права // Вестник экономики, права и социологии. 2015. №1. - С.127-134.
10. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. -М., 1993. - 382 с.
11. Абросимова Е. Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты / Е. Б. Абросимова. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – 279 с.
12. Туннов О.И. Конституционный Суд и международно-правовые акты об обеспечении прав человека //Журнал российского права. - 1997. - № 7. - С. 4-9.
13. Glick Henry R. Courts in American Politics: readings and Introductory Essays / H. R. Glick. New York; St. Louis; San Francisco: McGrawHill Publishing Company, 1990. 405 p
14. Айсаява Л.А. Российская судебная система и Страсбургский суд: уроки взаимодействия// Международное публичное и частное право. -2008. -№ 6. - С. 21-27.
15. Abraham Henry J. Freedom and the Court: Civil Rights and Liberties in the United States / H. J. Abraham. 5th ed. New York; Oxford: OxfordUniversity Press, 1978. 587 p.
16. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна: Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 N 4- П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6549/ (дата обращения: 01.11.2021 г.).
17. Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: Норма Инфра–М, 2011. 351 с.
18. Bloom Murray Teigh. The Trouble with Lawyers M. T. Bloom. New York: Simon and Schuster, 1968. 350 p.
19. Юдин В.Г. Проблемы отбора кандидатов на должности судей и помощников судей // Российский судья. – 2005. - № 11. - С. 9-11.

Trifonov S. G. Guarantees of implementation of the constitutional right of human and citizen to judicial protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 62-71.

The article examines the main guarantees for the realization of the human right to judicial protection. The article describes the guarantees developed by the international community, which reflect the idea of a fair trial. The characteristics and interpretation of the provisions that human and civil rights and freedoms are ensured by justice are given. Particular attention is paid to the presumption of innocence and the rule on the inadmissibility of using evidence obtained in violation of federal law.

Particular attention is paid to the content of Articles 51 and 54 of the Constitution of the Russian Federation of 1993 containing the most important constitutional guarantees that allow for judicial protection of rights and interests in an appropriate manner. The aspects of the effectiveness of judicial protection and its criteria have been investigated. The article also analyzes the provisions of international legal acts and treaties in terms of regulating the right to judicial protection.

Keywords: human rights, judicial protection of rights and freedoms, the right to judicial protection, guarantees of judicial protection, justice.

Spisok literaturi:

1. Elazar Daniel Judah. The American Constitutional Tradition / D. J. Elazar. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1988. 291 p.
2. Stolyarova YU.O. Sudebnaya zashchita prav grazhdan kak kompleksnyy politiko-pravovoy institut // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. -2008. -№ 69. - S.288-291
3. Gagiyeva N.R. Printsip zakonnosti v grazhdanskom protsessual'nom prave // Biznes v zakone.- 2012.- № 2.-S.58- 62.
4. Panyushkin V.A., Shabanov P.N. Konstitutsionnyye osnovy nezavisimosti sudebnoy vlasti // sudebnaya vlast' v ugovolnom protsesse.-2013.- №2.-S.160-166.
5. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.06.1992 N 3132-1. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ FZ/ (дата обращения: 01.05.2021 г.).
6. Lebedev V.M. Sudebnaya vlast' v sovremennoy Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya. - SPb, 2001. – 384 s.
7. Semenov A. V. Bespristrastnost' sud'i // Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess.-2016.- №4. - S.2.
8. Ozerov I.N., Cherkasova Ye.A., Kapustina I.YU. Dopustimost' dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve: sushchnost' i znacheniyе // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2013. №2. S.67-71.
9. Provalinskiy D.I. Pravovyye immunitety v teorii rossiyskogo prava // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. - 2015.- №1. - S.127-134.
10. Lyusher F. Konstitutsionnaya zashchita prav i svobod lichnosti. -M., 1993. - 382 s.
11. Abrosimova Ye. B. Ocherki rossiyskogo sudoustroystva: reformy i rezul'taty / Ye. B. Abrosimova. – M.: Institut prava i publichnoy politiki, 2009. – 279 s.
12. Tiunov O.I. Konstitutsionnyy Sud i mezhdunarodno-pravovyye akty ob obespechenii prav cheloveka //Zhurnal rossiyskogo prava.-1997. - № 7. - S.4-9.
13. Glick Henry R. Courts in American Politics: readings and Introductory Essays / H. R. Glick. New York; St. Louis; San Francisco: McGrawHill Publishing Company, 1990. 405 p
14. Aysayeva L.A. Rossiyskaya sudebnaya sistema i Strasburgskiy sud: uroki vzaimodeystviya// Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo.-2008. -№ 6. - S.21-27.
15. Abraham Henry J. Freedom and the Court: Civil Rights and Liberties in the United States / H. J. Abraham. 5th ed. New York; Oxford: OxfordUniversity Press, 1978 . 587 p.
16. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 03.05.1995 N 4- P. Po delu o proverke konstitutsionnosti statey 220.1 i 220.2 Ugolovno - protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.A. Avetyana: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6549/ (data obrashcheniya: 01.11.2021 g.).
17. Narutto S.V. Obrashcheniye grazhdan v Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskoye posobiye. M.: Norma Infra–M, 2011. 351 s.
18. Bloom Murray Teigh. The Trouble with Lawyers M. T. Bloom. New York: Simon and Schuster, 1968. 350 p.
19. Yudin V.G. Problemy otbora kandidatov na dolzhnosti sudey i pomoshchnikov sudey // Rossiyskiy sud'ya. – 2005.- № 11.- S. 9-11.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 345.

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-72-80

НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГРУЗОЧНО-РАЗГРУЗОЧНЫХ РАБОТ В МОРСКИХ ПОРТАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Клименко Е. П., Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена обзору законодательных актов Республики Казахстан в области регулирования деятельности морских торговых портов данной страны. В ходе изучения вопроса было рассмотрено: а) общегосударственное законодательство, регулирующее деятельность торгового мореплавания и торговых портов; в) государственные и локальные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность морского порта Актау; г) государственные и локальные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность морского порта Курык; д) отдельные подзаконные нормы, устанавливающие нормы, касающиеся регулирования вопросов погрузки и выгрузки вообще, опасного груза в частности.

Ключевые слова: правовое регулирование, морские торговые порты, Каспийское море, Республика Казахстан, порта Актау, порта Актау, погрузка, выгрузка.

Специфика правового регулирования торгового мореплавания в бассейне Каспийского моря имеет свои давние традиции, обусловленные географической, экономической и, безусловно, политической ситуацией в данном районе. Образование же с распадом СССР независимых государств с выходом к Каспийскому морю, сложная политическая обстановка в нем, к сожалению, продолжает неблагоприятно сказываться на полноценном развитии этого уникального водоема в качестве межгосударственной площадки взаимовыгодного, успешного сотрудничества, становления ее в качестве важной связующей между Севером и Югом, Западом и Востоком.

Тем не менее, зачастую непростые, а иногда и очевидно неблагоприятные факторы не в состоянии остановить как понимание со стороны всех заинтересованных сторон в необходимости превращения Каспия в район взаимовыгодного примирения и взаимоуважения, так и стремление создания на его берегах и в акватории современных инфраструктурных объектов, каковыми, безусловно, являются и морские торговые порты.

Осуществляет в этом направлении свое поступательное движение и Республика Казахстан, заинтересованная в использовании Каспийского моря и в качестве важнейшей транспортной артерии.

На данном пути Казахстан творчески освоил и переработал имеющий советский и международный опыт, однако, в соответствии с собственным видением, применительно к национальной специфике законодательства, экономики.

Так, в отличие от многих постсоветских стран, Казахстан отказался от принятия кодекса торгового мореплавания, роль которого выполняет иной комплексный нормативный акт – Закон Республики Казахстан «О торговом мореплавании» [1]. Глава 6 данного нормативного акта посвящена морским портам, ст. 35 оказываемым в них услугам, с соблюдением принципа равенства всех пользователей.

Так, предусмотрено, что погрузка (разгрузка) и обслуживание судов производится в порядке очередности их прибытия, как и «транспортно-экспедиторские и складские операции с грузами, перевалку на морской транспорт грузов с других видов транспорта и обратно, обслуживание пассажиров морских судов, а также перевозку пассажиров, багажа и грузов на судах порта и на других видах транспорта» (п. 1).

При этом установлено, что «Погрузочно-разгрузочные работы и иные технические операции могут осуществляться оператором морского терминала» (п. 2), что, по нашему мнению, не предоставляет таким операторам монопольных прав и способствует установлению рыночной конкуренции. Данная норма усиливается условием наличия в принадлежащих государству портам не менее «двух операторов морских терминалов».

Не менее важной, считаем и норму, согласно которой «Перечень обязательных услуг морского порта определяется уполномоченным органом. Установление цен (тарифов) и их предельного уровня на обязательные услуги морского порта производится в соответствии с законодательством Республики Казахстан» (п. 3), что также призвана способствовать созданию благоприятных условий для всех заинтересованных сторон.

К тому же, Закон предоставляет льготные условия лишь при осуществлении внегрузовых операций только для приписанных к порту судов (п. 3-1).

Оставляемое же за владельцем морского порта и навигационным центром право применять коэффициенты риска тарифам на обязательные услуги морского порта в отношении судов (субстандартных либо возрастом свыше двадцати лет) (3-2), несмотря на малую распространенность подобных норм, видится на обоснованной, в связи с тем, что данная норма направлена на улучшение безопасности в деятельности морских торговых портов, стимулирует судовладельцев к эксплуатации более современных судов, повышает пропускную способность портов.

Оплата иных услуг, предоставляемых портами и не входящих в перечень обязательных предписано устанавливать на договорной основе (п. 4).

Особо следует указать на установление законом (ст. 26) имущественной ответственности морского порта (оператора морского терминала) «за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза, а также за просрочку его выдачи с момента принятия его в свое ведение до момента передачи»; установление возможности возмещения ущерба при технических операциях морского порта (оператора морского терминала); установление норм обеспечения обязательств (ст. 37) [1].

Среди иных важнейших нормативных актов в данной области правового регулирования следует указать:

– Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан «О присоединении Республики Казахстан к Международным конвенциям, принятым под эгидой Международной Морской Организации (ИМО), и к конвенции об ИМО [2];

- Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил эксплуатации морских портов, имеющих статус международного значения, портовых сооружений и акватории морского порта» [3];

- Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил плавания и стоянки судов в морских портах Республики Казахстан и на подходах к

ним» (Утверждены постановлением Правительства Республики Казахстан от 18 июля 2011 г. № 827) [4];

- Приказ Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 30 ноября 2013 г. № 504 «Об утверждении типовых схем организации пропуска через Государственную границу Республики Казахстан лиц, транспортных средств, грузов и товаров в пунктах пропуска, а также иных местах, где осуществляется пропуск через Государственную границу Республики Казахстан» [5] и иные нормативно-правовые акты.

Учитывая тот факт, что основными морскими торговыми портами Республики Казахстан являются порты Актау, Курык и Баутино. Из них первые два – международные, в нашем исследовании мы обратим основное внимание именно на регулирование их деятельности.

К важнейшим документам в этом направлении мы отнесем постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2014 г. № 743 «О вопросах создания Морской администрации портов Актау и Баутино Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан», которым государственный статус данных портов подтверждается еще и тем, что «финансирование учреждения осуществляется за счет и в пределах средств, предусмотренных в республиканском бюджете Министерству транспорта и коммуникаций Республики Казахстан» (п. 2) [7] (действовала до 18.05.2018 г.), а также постановление акимата Мангистауской области от 31 декабря 2015 г. № 413 «Об определении границ морских портов включая акватории международного морского торгового порта Актау и морского порта Баутино» [8], своды обычаев изучаемых портов и иные документы.

Акатуский морской торговый порт, согласно правоустанавливающих документов о нем, может предоставлять такие услуги, как:

1) погрузочно-разгрузочные работы, выполняемые силами и средствами морского Порта:

а) погрузочно-разгрузочные работы на причалах генеральных грузов: обеспечение погрузочно-разгрузочных работ; перегрузка насыпных и навалочных грузов; перегрузка грузов накатным способом; перегрузка контейнеров; перегрузка крановым способом грузов; перегрузка крановым способом негабаритных и тяжеловесных грузов; погрузка/выгрузка в/из железнодорожный состав; б) погрузочно-разгрузочные работы на паромных причалах: – загрузка/выгрузка крановым способом грузов; – перегрузка грузов накатным способом;

2) погрузочно-разгрузочные работы, выполняемые силами и средствами клиента: предоставление инфраструктуры порта (за исключением причалов) для осуществления погрузки-разгрузки нефти силами клиентов; предоставление инфраструктуры порта (за исключением причалов) для осуществления погрузки-разгрузки паромных грузов силами клиентов; предоставление инфраструктуры порта (за исключением причалов) для осуществления погрузки-разгрузки зерна силами клиентов;

3) услуги за вход Судна в морской Порт для производства грузовых операций и/или иных целей с последующим выходом из Порта (судозаход);

4) хранение грузов на открытых складских площадках и на крытом складе;

5) хранение грузов на складских площадках склада временного хранения;

6) выписка коносаментов, поручений;

7) услуги морского агентирования [9].

Перечень этих же предоставляемых услуг размещен и в своде обычаев данного предприятия [10], однако, кроме того, в Своде не только установлены используемые в нем термины и определения, но и указано, что данный «порт круглый год открыт для захода судов всех типов при условии обеспечения безопасности мореплавания в Портовых водах и безопасной стоянки», однако, любые «Грузовые операции при силе ветра свыше 18 м/с, приостанавливаются, заход и выхода судов в порт, из порта по гидрометеорологическим условиям определяет дежурный инспектор РГУ «МАП Республики Казахстан» (п. 6).

Кроме того, обычаями запрещена «Спаренная работа кранов при силе ветра 10 м/с» (п. 7); предусмотрено обязательное «использование буксиров Порты при швартовых операциях, перешвартовке Судна от причала к причалу или другому Судну» (п. 8), а также дана справочная информация о технологическом оснащении порта (12 причалов, порталы краны грузоподъемностью от 10 до 40 тонн, мобильные краны грузоподъемностью от 36 до 84 тонн; автопогрузчики грузоподъемностью от 1,6 до 28 тонн [10, с. 8-9].

Отдельно в Своде указан режим работы предприятия «Порт открыт для захода судов круглый год... В Порту Актау грузовые операции производятся круглосуточно, без выходных и праздничных дней, за исключением перерыва в работе... Рабочее время административно-управленческого персонала – с 08:30 до 17:30 часов, кроме субботы, воскресенья, праздничных и выходных дней, установленных законодательством Республики Казахстан» (п. 14-16) [10, с. 9].

Особо установлены и изложены такие вопросы как оформление погрузочно-разгрузочных работ (п. 81), использование грузовых планов (п. 82), ход согласования и получения подтверждения к приему портом груза (п. 83), предоставление необходимого инвентаря и услуг (п.п. 84-88); организационно-правовые условия выгрузки (п.п. 89-95) и погрузки (п.п. 96-103) [10, с. 19-21]; складирование и хранение (п.п. 104-105); специфика обращения с опасными грузами (п.п. 106-107); растарка и затарка грузов (п. 108) и т.д. [10, с. 22-23].

Кроме того, в Своде указаны следующие нормы обработки судов в порту [10, с. 30-31]:

№	Наименование груза	вид операции	Норма (тонн/сут.)
1	Пищевые (соль, сахар, сырец, жмыхи, комбикорм и др.) навалом	погрузка/выгрузка	1500
2	МСМ навалом	погрузка/выгрузка	1200
3	Уголь, сланцы, шихта, торф навалом	погрузка/выгрузка	1200
4	Концентрат (цинковый, железо, рудный, баритовый, медный, свинцовый) навалом	погрузка/выгрузка	1200
5	Кокс нефтяной	погрузка/выгрузка	1000
6	Руда металлическая	погрузка/выгрузка	1000

Направления регулирования погрузочно-разгрузочных работ...

7	Удобрения «навалом», «прямой вариант» (вагон-Судно)	погрузка/выгрузка	1000
8	Трубы, прокат, уголок, тавр и швеллер «в связках»	погрузка/выгрузка	900
9	Металл в упаковке свыше 1500 кг	погрузка/выгрузка	900
10	Металл в упаковке до 1500 кг	погрузка/выгрузка	460
11	Трубы D свыше 1000 мм	погрузка/выгрузка	900
12	Трубы D до 1000 мм	погрузка/выгрузка	600
13	Пакетированные грузы	погрузка/выгрузка	460
14	Лес, пиломатериалы	погрузка/выгрузка	460
15	Грузы в биг-бэгах	погрузка/выгрузка	460
16	Бумага в рулонах	погрузка/выгрузка	460
17	Химикаты в палетах	погрузка/выгрузка	460
18	Химикаты в бочках	погрузка/выгрузка	240
19	Грузы в мешках, ящиках	погрузка/выгрузка	240
20	Контейнера до 45 фут.	погрузка/выгрузка	40 ед.
21	нефть	погрузка/выгрузка	900т/ч.
22	Продовольственные грузы в мешках	погрузка/выгрузка	250
23	Грузы в упаковке, пакетирующих стропах	погрузка/выгрузка	480

Свод обычаев морского порта Курык [11], что начал действовать лишь в 2016 г. [12], также содержит стандартный (близкий по направлениям правового регулирования) перечень нормативно установленных правил и действий, в том числе и «Прейскурант цен на оказываемые услуги ТОО «Порт Курык» на 2021 г.» [13], а именно:

1. Услуги за заход судна в морской порт для производства грузовых операций и/или иных целей с последующим выходом из порта (судозаход).

№ п/п	Наименование услуг	Ед. Измерения	Тариф, тенге без НДС	
			Суда	Накатные суда (паром)
1	Корабельные	1 бр. рег. тн. отдельно за вход и отдельно за выход	68,54	8,87
2	За проход канала	1 бр. рег. тн. при каж-	27,06	3,39

		дом прохождения в один конец		
3	Причалные: под грузовыми операциями	1 бр. рег. тн.	144,45	41,50
4	Причалные: вне грузовых операций	1 бр. рег. тн. в сутки	131,25	16,42
5	Якорные	1 бр. рег. тн.	78,43	11,86
6	Швартовые	За 1 операцию	30 002,50	20 104,16
7	В сфере природоохранных мероприятий	За сутки при стоянке в порту	22 866,86	12 111,53
8	Карантинные	За 1 судозаход	16 277,98	4 749,90

Прим.: При расчете ставок и сборов, начисляемых постуточно, время округляется до 0,5 суток – за 1 сутки

2. Услуги по предоставлению инфраструктуры порта на паромном комплексе (портовые сборы)

№ п/п	Наименование услуг	Ед. измерения	Тариф, тенге без НДС
1	Нефть и нефтепродукты	1 тонна	1077,97
2		1 тонна	1018,00

3. Услуги буксировки

№ п/п	Наименование услуг	Ед. измерения	Тариф, тенге без НДС
1	Услуги портовой буксировки связанные с швартовыми операциями	За 1 судозаход	699 802
2		За 1 сутки	528 360

4. Услуги погрузочно-разгрузочные, выполняемые силами и средствами морского порта

№ п/п	Наименование услуг	Ед. Измерения	Тариф, тенге без НДС
1	Автомшины, специализированная техника, микроавтобусы	1 ед. техники	15 120

6. Услуги по оформлению документов

№ п/п	Наименование услуг	Ед. Измерения	Тариф, тенге без НДС
1	Выписка коносаментов и погрузочных документов	1 комплект	
1.1	Выписка поручений	1 комплект поручений в один адрес	5 630
1.2	Выписка коносаментов	1 комплект коносаментов в один адрес	3 750
2	Услуги экспедиторской деятельности на морском транспорте		

2.1	Услуги по сопровождению и оформлению документов на импортные грузы, прибывшие паромным сообщением и следующие транзитом через порт Курык	За 1 автотранспортное средство	35 000
2.2	Услуги по сопровождению и оформлению документов на импортные грузы, прибывших на автотранспорте паромным сообщением, по принципу «Одного окна» на территории порта Курык для дальнейшего таможенного оформления клиентом		20 180
2.3	Услуги по оформлению и сопровождению документов на легковые автомобили	За 1 автотранспортное средство	7 323

Таким образом, произведенное изучение поставленной проблемы позволяет прийти к следующим выводам: основные морские порты Республики Казахстан осуществляют свою работу, впрочем, как и порты иных стран, опираясь на морское международное право и внутренние нормативные акты; производят востребованный на данном рынке перечень услуг. На их непосредственную деятельность оказывают влияние экономическая и политическая ситуация в регионе, трудности инфраструктурного развития, не загруженность основных мощностей. При этом, следует отметить, специфику в развитии национального законодательства Казахстана по сравнению с иными постсоветскими странами.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 17 января 2002 года № 284 «О торговом мореплаваннии». – URL: О торговом мореплаваннии - ИПС "Әділет" (zan.kz).
2. Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан «О присоединении Республики Казахстан к Международным конвенциям, принятым под эгидой Международной Морской Организации (ИМО), и к конвенции об ИМО. – URL: О присоединении Республики Казахстан к Международным конвенциям, принятым под эгидой Международной морской организации (ИМО), и к конвенции об ИМО - ИПС "Әділет" (zan.kz).
3. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил эксплуатации морских портов, имеющих статус международного значения, портовых сооружений и акватории морского порта». – URL: Об утверждении Правил эксплуатации морских портов, имеющих статус международного значения, портовых сооружений и акватории морского порта - ИПС "Әділет" (zan.kz).
4. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил плавания и стоянки судов в морских портах Республики Казахстан и на подходах к ним». Утверждены постановлением Правительства Республики Казахстан от 18 июля 2011 года № 827. – URL: Об утверждении Правил плавания и стоянки судов в морских портах Республики Казахстан и на подходах к ним - ИПС "Әділет" (zan.kz).
5. Приказ Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 30 ноября 2013 года № 504 (Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 17 января 2014 года № 9070) «Об утверждении типовых схем организации пропуска через Государственную границу

Республики Казахстан лиц, транспортных средств, грузов и товаров в пунктах пропуска, а также иных местах, где осуществляется пропуск через Государственную границу Республики Казахстан». – URL: Об утверждении типовых схем организации пропуска через Государственную границу Республики Казахстан лиц, транспортных средств, грузов и товаров в пунктах пропуска, а также иных местах, где осуществляется пропуск через Государственную границу Республики Казахстан - ИПС "Әділет" (zan.kz)

6. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2014 года № 743 «О вопросах создания Морской администрации портов Актау и Баутино Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан». – URL: ИПС "Әділет" (zan.kz).

7. Положение государственного учреждения «Морская администрация портов Актау и Баутино» Комитета транспорта Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан (Приложение 1 к приказу и.о. Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 17 октября 2014 года № 92). – URL: Об утверждении положений государственного учреждения "Комитет транспорта Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан" и его территориальных органов - ИПС "Әділет" (zan.kz).

8. Постановление акимата Мангистауской области от 31 декабря 2015 года № 413 «Об определении границ морских портов включая акватории международного морского торгового порта Актау и морского порта Баутино». – URL: Об определении границ морских портов включая акватории международного морского торгового порта Актау и морского порта Баутино - ИПС "Әділет" (zan.kz).

9. Клиентам — АО «НК «АКТАУСКИЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ» (portakta.kz)

10. Свод обычаев Актауского международного морского торгового порта. г.Актау, 2020 год. (Утвержден Приказом Председателя Правления (Президента) АО «НК «АММТП» от «03» августа 2020 №424- ОД).

11. Свод обычаев морского Порты Курык. Утвержден Приказом Генерального Директора ТОО «Порт Курык» №313-ОД от 14.12.2021г.

12. Самый молодой морской порт в Казахстане отмечает свое пятилетие. - Порт Курык (portkuryk.kz)

13. Порт Курык (portkuryk.kz).

Klimenko E. P., Zmerzly B. V. Directions of regulation of loading and unloading works in sea ports of the Republic of Kazakhstan // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 72-80.

The article is devoted to the review of the legislative acts of the Republic of Kazakhstan in the field of regulation of the activities of the commercial seaports of this country. In the course of studying the issue, the following was considered: a) national legislation regulating the activities of merchant shipping and commercial ports; c) state and local regulatory legal acts regulating the activities of the seaport of Aktau; d) state and local legal acts regulating the activities of the seaport of Kuryk; e) separate sub-legislative norms that establish norms concerning the regulation of issues of loading and unloading in general, dangerous goods in particular.

Key words: legal regulation, commercial seaports, Caspian Sea, Republic of Kazakhstan, Aktau port, Aktau port, loading, unloading.

Spisok literaturey:

1. Zakon Respubliki Kazahstan ot 17 yanvarya 2002 goda № 284 «O torgovom moreplavanii». – URL: O torgovom moreplavanii - IPS "Әdilet" (zan.kz).

2. Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Kazahstan «O prisoedinenii Respubliki Kazahstan k Mezhdunarodnym konvenciyam, prinyatym pod egidoj Mezhdunarodnoj Morskoj Organizacii (IMO), i k konvencii ob IMO. – URL: O prisoedinenii Respubliki Kazahstan k Mezhdunarodnym konvenciyam, prinyatym pod egidoj Mezhdunarodnoj morskoj organizacii (IMO), i k konvencii ob IMO - IPS "Әdilet" (zan.kz).

3. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhenii Pravil ekspluatatsii morskikh portov, imeyushchih status mezhdunarodnogo znacheniya, portovyh sooruzhenij i akvatorii morskogo porta». – URL: Ob utverzhenii Pravil ekspluatatsii morskikh portov, imeyushchih status mezhdunarodnogo znacheniya, portovyh sooruzhenij i akvatorii morskogo porta - IPS "Әdilet" (zan.kz).

4. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhenii Pravil plavaniya i stoyanki sudov v morskikh portah Respubliki Kazahstan i na podhodah k nim». Utverzheny postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 18 iyulya 2011 goda № 827. – URL: Ob utverzhenii Pravil plavaniya i stoyanki sudov v morskikh portah Respubliki Kazahstan i na podhodah k nim - IPS "Әdilet" (zan.kz).

5. Prikaz Predsedatelya Komiteta nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazahstan ot 30 noyabrya 2013 goda № 504 (Zaregistrovan v Ministerstve yusticii Respubliki Kazahstan 17 yanvary 2014 goda № 9070) «Ob utverzhdenii tipovyh skhem organizacii propuska cherez Gosudarstvennuyu granicu Respubliki Kazahstan lic, transportnyh sredstv, gruzov i tovarov v punktah propuska, a takzhe inyh mestah, gde osushchestvlyatsya propusk cherez Gosudarstvennuyu granicu Respubliki Kazahstan». – URL: Ob utverzhdenii tipovyh skhem organizacii propuska cherez Gosudarstvennuyu granicu Respubliki Kazahstan lic, transportnyh sredstv, gruzov i tovarov v punktah propuska, a takzhe inyh mestah, gde osushchestvlyatsya propusk cherez Gosudarstvennuyu granicu Respubliki Kazahstan - IPS "Ədilet" (zan.kz)
6. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 iyunya 2014 goda № 743 «O voprosah sozdaniya Morskoj administracii portov Aktau i Bautino Ministerstva transporta i kommunikacij Respubliki Kazahstan». – URL: IPS "Ədilet" (zan.kz).
7. Polozhenie gosudarstvennogo uchrezhdeniya «Morskaya administraciya portov Aktau i Bautino» Komiteta transporta Ministerstva po investiciyam i razvitiyu Respubliki Kazahstan» (Prilozhenie 1 k prikazu i.o. Ministra po investiciyam i razvitiyu Respubliki Kazahstan ot 17 oktyabrya 2014 goda № 92). – URL: Ob utverzhdenii polozhenij gosudarstvennogo uchrezhdeniya "Komitet transporta Ministerstva po investiciyam i razvitiyu Respubliki Kazahstan" i ego territorial'nyh organov - IPS "Ədilet" (zan.kz).
8. Postanovlenie akimata Mangistauskoy oblasti ot 31 dekabrya 2015 goda № 413 «Ob opredelenii granic morskikh portov vklyuchaya akvatorii mezhdunarodnogo morskogo torgovogo porta Aktau i morskogo porta Bautino». – URL: Ob opredelenii granic morskikh portov vklyuchaya akvatorii mezhdunarodnogo morskogo torgovogo porta Aktau i morskogo porta Bautino - IPS "Ədilet" (zan.kz).
9. Klientam — AO «NK «AKTAUSKIJ MORSKOJ TORGOVYJ PORT» (portakta.kz)
10. Svod obychaev Aktauskiego mezhdunarodnogo morskogo torgovogo porta. g.Aktau, 2020 god. (Utverzhden Prikazom Predsedatelya Pravleniya (Prezidenta) AO «NK «AMMTP» ot «03» avgusta 2020 №424- OD).
11. Svod obychaev morskogo Porta Kuryk. Utverzhden Prikazom General'nogo Direktora TOO «Port Kuryk» №313-OD ot 14.12.2021g.
12. Samyj molodoj morskoy port v Kazahstane otmechaet svoje pyatiletie. - Port Kuryk (portkuryk.kz)
13. Port Kuryk (portkuryk.kz).

УДК 359.3

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-81-86

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ НАМИБИЯ В МОРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шатская В. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье исследуется действующий административно-правовой механизм, созданный правительством Республики Намибия после обретения независимости для обеспечения эффективности военно-морских сил государства в сфере защиты исключительной экономической зоны и территориального моря. Суверенитет прибрежного государства распространяется за пределы его сухопутной территории и внутренних вод на прилегающую полосу моря, которая называется территориальным морем. Этот суверенитет распространяется на воздушное пространство над территориальным морем, на морское дно и недра. Анализ защиты исключительной экономической зоны и территориальных вод Намибии позволяет разграничить компетенцию государственных органов в вопросе безопасности, определить их организационную структуру и полномочия. На основе изучения действующей правовой и функциональной модели Республики Намибии сделан вывод о необходимости детализации и конкретизации законодательства Республики в сфере обеспечения морской безопасности, модернизации военно-морских сил, а также определены основные перспективы развития и проблемные вопросы государственно-правового регулирования сферы морской безопасности.

Ключевые слова: Республика Намибия, военно-морские силы, территориальные воды, флот, порты, законодательство.

Как и многие государства, Республика Намибия все чаще обращается к своему морскому пространству ввиду богатства ресурсов и присущего им экономического потенциала. Хотя специфическое расположение и история страны долгое время препятствовали развитию особого морского регулирования, Намибия неизменно считает себя «морской нацией». Вектор на морское развитие стал более выраженным в годы после обретения независимости в 1990 г. Что касается биологических ресурсов, то Бенгельская система апвеллинга, одна из наиболее продуктивных океанических систем в мире, позволила Намибии создать успешную рыболовную промышленность, которая в настоящее время считается краеугольным камнем экономики [1]. Республика также заново открывает для себя социальные, культурные и экономические ценности своего океана. Морская территория Намибии обширна, и, за исключением рыболовства и судоходства, большие участки океана по-прежнему сравнительно мало используются человеком.

В настоящее время существующие виды использования морского потенциала Республики растут и концентрируются вокруг растущего экономического центра и порта Уолфиш-Бей в центральной части страны. Кроме того, также развиваются новые виды использования, включающие не только промышленность и торговое судоходство, но и такие направления, как страхование, фрахтование судов, деятельность лоцманов, а также международное сотрудничество в сфере обеспечения морской безопасности. Как и многие другие страны, Намибия пришла к пониманию того, что управления одним сектором более недостаточно и что для координации растущего спектра и интенсивности использования океана требуется комплексный подход, позволяющий в должной степени обеспечить не только продуктивное использова-

ние экономического потенциала, но и гарантировать безопасность.

После обретения независимости Республика Намибия осуществила законодательное регулирование и создала специальные государственные институты для обеспечения безопасности и осуществления контроля над морским сектором.

В 1990 г. был принят Закон о территориальном море и исключительной экономической зоне Намибии, согласно которому воды Намибии в пределах 200 морских миль принадлежат государству и являются его исключительной экономической зоной, морские воды на расстоянии 12 морских миль от линии отлива являются территориальным морем Намибии. Кроме того, государство обладает суверенными правами в рамках разведки, эксплуатации природных ресурсов, как живых, так и неживых, морского дна и его недр, а также в отношении других видов деятельности по экономической эксплуатации и разведке исключительной экономической зоны [2].

Защита территориального моря и исключительной экономической зоны Республики включает в себя обеспечение морской безопасности со стороны военно-морских сил самой Намибии, а также со стороны учреждений Министерства рыболовства и морских ресурсов Республики.

Конституция Намибии обязывает защищать Республику, ее суверенитет, территориальную целостность, национальные интересы и народ – в соответствии с другими конституционными принципами, ввиду чего на военно-морские силы Республики возложена ответственность за охрану морских зон Намибии и всех природных ресурсов в пределах таких зон.

История военно-морских сил Намибии началась в 1994 г., когда было подписано соглашение о сотрудничестве с Федеративной Республикой Бразилия в поддержку развития военно-морских сил Намибии. Программа сотрудничества между двумя государствами позволяла намибийским морякам и морским офицерам проходить обучение в военно-морских силах Бразилии. Бразилия также оказывала помощь в подготовке морской карты прохода к заливу Уолфиш-Бей и консультировала по составлению карты внешних границ континентального шельфа.

Официально военно-морские силы Республики Намибия были сформированы только в 2004 г., через четырнадцать лет после обретения независимости, и насчитывали около 1000 военнослужащих. Основная задача военно-морских сил Намибии заключается в осуществлении гражданского патрулирования на море, в частности, в предоставлении средств и экспертных знаний для эффективного осуществления правоприменительных мер в морском пространстве. Конкретные задачи включают оказание помощи гражданским силам в борьбе с незаконной иммиграцией, контрабандой (оружия, наркотиков и т.д.) и угрозами окружающей среде; проведение морского наблюдения, поиска и спасения на воде. Военно-морской флот также оказывает помощь Министерству рыболовства и морских ресурсов Республики в обеспечении соблюдения режима охраны рыбных ресурсов.

Военно-морские силы Намибии играют важную роль в обеспечении соблюдения правовой политики и защите территориального моря и исключительной экономической зоны Республики. До создания военно-морского флота за прибрежную зону отвечала морская полиция.

Военно-морские силы Республики дислоцируются на нескольких военно-морских базах:

- военно-морская база капитана П.Н. Захария, расположенная в порту Уолфиш-Бей. База была открыта в 2012 г., хотя ее строительство было завершено в 2004 г. Являясь крупнейшей военно-морской базой Намибии, она обеспечивает техническую и административную поддержку военно-морскому флоту Намибии и служит штаб-квартирой для высшего командования военно-морского флота.

- «Старая военно-морская база» в Уолфиш-Бей. Функционирует как нынешняя штаб-квартира корпуса морской пехоты Намибии.

- военно-морская база Импалила – речная военно-морская база, расположенная на острове Импалила в регионе Замбези. База была введена в эксплуатацию министром обороны Пендой Я. Ндаколо 21 июня 2019 г. На базе постоянно дислоцируется оперативная группа катеров корпуса морской пехоты Намибии, осуществляющая общее патрулирование [3].

В настоящий момент военно-морской флот Республики представлен четырьмя эскадрильями. В зависимости от функционального назначения и технических характеристик судов выделяют: Боевую эскадрилью, Эскадрилью боевой поддержки, Береговую патрульную эскадрилью, Портовую патрульную эскадрилью.

Подготовка офицеров военно-морского флота осуществляется в Военно-морской учебной школе созданной 22 ноября 2009 г. Школе оказывает методическое содействие постоянная Бразильская военная консультативно-учебная группа военно-морского флота Бразилии, и по поручению президента Хаге Гейнгоба школа была открыта 22 июля 2016 г. Школа осуществляет подготовку младших военно-морских офицеров, и административно разделена на два факультета: факультет подготовки моряков и факультет подготовки морской пехоты [4].

Военно-морской флот Намибии стремится гарантировать использование моря и, в частности, его территориальных вод - на благо страны. Кроме того, деятельность военно-морского флота направлена на обеспечение безопасности прохода товаров и людей, эксплуатации ресурсов морской среды и, в конечном счете, безопасного прохода вооруженных сил.

Основными задачами военно-морского флота в настоящий момент являются защита территориального моря и исключительной экономической зоны и осуществление контроля над морскими зонами. Кроме этих задач, военно-морские силы также осуществляют проведение поисково-спасательных работ для обеспечения безопасности человеческой жизни на море, мониторинг судоходства в морских зонах с целью снижения риска загрязнения и предотвращения сброса токсичных отходов в море, сохранение морских ресурсов в пределах исключительной экономической зоны, пресечение транснациональной преступности, торговли наркотиками и людьми через океан и борьба с морским терроризмом и пиратством.

Вышеуказанные задачи военно-морской флот выполняет посредством военных, дипломатических, полицейских и благотворительных мер. Они варьируются от дипломатического решения конфликта до возможного уничтожения боевых сил противника. Военно-морской флот также является мощным инструментом, который может быть использован для укрепления международного сотрудничества, разрешения конфликтов и обеспечения конкурентных преимуществ морской экономической деятельности страны.

Военно-морской флот также воздействует на социально-экономическое развитие Республики Намибия, оказывая поддержку местным муниципалитетам и предприя-

тиям, в том числе, за счет использования услуг, предоставляемых частными предприятиями, базирующимися в портах, например, для технического обслуживания судов и оборудования.

Военно-морской флот Намибии обладает мощным морским потенциалом и устойчивым присутствием в районах, представляющих морской интерес для Намибии. Создание условий, необходимых для экономического роста, инвестиций и создания рабочих мест, зависит от правительства, обеспечивающего безопасную, надежную и защищенную морскую среду. Вышеуказанное означает, что Намибия должна иметь эффективные и действенные механизмы обеспечения безопасности и наблюдения, а также качественные режимы регулирования морских перевозок, соответствующие стандартам передовой практики, в рамках которых могут процветать океанские богатства страны. В целях обеспечения безопасных условий для инвестирования и выполнения международных обязательств Намибия должна постоянно совершенствовать национальный потенциал в области безопасности, охраны, наблюдения и экологической защиты морского пространства.

Указанная перспектива развития будет достигнута за счет эффективного обеспечения соблюдения стандартов безопасности на море, улучшения обмена информацией и расширения сотрудничества и инноваций между всеми участниками как на национальном, так и на международном уровне, а также развертывания потенциала воздушного и морского наблюдения, мониторинга и правоприменения. В свою очередь, это требует наличия тренировочного пространства в море, чтобы иметь возможность эффективно и результативно выполнять вышеуказанные функции.

Внешнее давление и ограничения, с которыми в настоящее время сталкивается военно-морской флот Республики, условно можно разделить на следующие группы:

- бюджетные ограничения и связанные с ними ограничения, например, с точки зрения способности Военно-морского флота выполнять свои функции и приобретать новое оборудование;

- ограничения пространства на суше для расширения наземной инфраструктуры в обоих портах Намибии (Людериц и Уолфиш-Бей).

Геостратегическое положение Намибии как государства и ее разнообразные живые и неживые морские ресурсы являются первостепенными факторами для растущей экономики. Безопасность и экономические интересы Намибии и ее торговых партнеров критически зависят от беспрепятственной торговли и коммерции на побережье Атлантического океана. Таким образом, национальные интересы Намибии прежде всего связаны с безопасной морской средой, что в свою очередь, возлагает огромную ответственность на военно-морской флот Намибии. Активизация морской торговли также подразумевает большую ответственность военно-морского флота за обеспечение безопасности на море. Это также связано с необходимостью активизации сотрудничества военно-морского флота с другими уполномоченными организациями, в том числе международными, для осуществления совместного мониторинга и обеспечения безопасности [5].

Для повышения эффективности деятельности военно-морских сил Республики по обеспечению безопасности морского пространства требуется приобретение дополнительных военно-морских ресурсов, в том числе, необходимо произвести увеличение количества военно-морских баз, по примеру Нигерии и Демократической Республики Конго [6]. Ввиду нехватки ресурсов территориальное море и исключитель-

ная экономическая зона Намибии не получают надлежащей защиты со стороны военно-морских сил. Действительно, существует потребность в большем количестве патрульных судов, оснащенных новейшими технологиями, а также вертолетов для военно-морского флота, которые могли бы дополнять патрулирование судами вдоль прибрежной зоны Намибии. Таким образом, некоторые суда могут быть сосредоточены в исключительной экономической зоне, а остальные - в зоне территориального моря, что позволит разграничить зоны контроля и неизбежно приведет к улучшению безопасности на море.

Сложность и протяженность обширной морской территории страны также создает угрозу безопасности Намибии со стороны террористов и преступников. Морское пространство страны недостаточно защищено и в значительной степени нерегулируемо, что позволяет преступникам осуществлять незаконную деятельность, такую как пиратство, торговлю людьми, распространение оружия, контрабанду наркотиков, разрушение окружающей среды и незаконный, нерегулируемый промысел.

Основываясь на анализе, приведенном в этой статье, очевидно, что военно-морскому флоту Намибии не хватает ресурсов и рабочей силы для полной защиты морских зон страны. Правительство должно сделать обеспечение безопасности на море центральным направлением своей политики.

Отсутствие у Намибии эффективного контроля за безопасностью в морской сфере затрудняет полную защиту морских ресурсов. Военно-морские силы Намибии добились больших успехов, чтобы стать более сильной и эффективной силой, получив возможность осуществлять наблюдение и контролировать свою исключительную экономическую зону, поскольку страна получает значительные доходы от своих природных морских ресурсов. Первостепенная миссия военно-морских сил Намибии заключается в подготовке и проведении военно-морских операций в защиту Республики Намибии, ее граждан и национальных интересов; обеспечении регионального и международного мира и безопасности.

Таким образом, необходимость повышения потенциала военно-морских сил Республики означает, что в конечном итоге военно-морской флот будет расширяться, даже несмотря на бюджетные ограничения, как в Уолфиш-Бей, так и в Людерице: результатом станет увеличение количества судов, большая численность морских офицеров и пехотинцев, что повлечет за собой развитие наземной инфраструктуры.

Список литературы:

1. K. Sherman, G. Hempel. The UNEP Large Marine Ecosystem Report: A Perspective on Changing Conditions in LMEs of the World's Regional Seas. UNEP Regional Seas Report and Studies No.182, United Nations Environment Programme (UNEP), Nairobi: Kenya, 2009. – 103-116 pp.
2. Territorial Sea and Exclusive Economic Zone of Namibia, Act No. 3 of 1990, 30 June 1990.
3. A. Sheehama. Ya Ndakolo inaugurates Impalila Naval Base. The Namibia Press Agency, 22 June 2019.
4. A. Hartman, Namibia marine corps commissioned. The Namibian. 2020.
5. C.H. Bennett. South African Naval Events Day-by-Day 1488 to 2009. Simon's Town: Naval Heritage Trust. 2011. – 107-109 pp.
6. H.Staniland. Admiralty law. Annual Survey of South African Law, 2011. – 790-802 pp.

Shatskaya V.V. Ensuring the security of the state interests of the Republic Namibia in the marine space // Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 81-86.

This article examines the current administrative and legal mechanism created by the Government of the Republic of Namibia after independence to ensure the effectiveness of the Republic's naval forces in

protecting the exclusive economic zone and territorial sea. The sovereignty of a coastal State extends beyond its land territory and inland waters to the adjacent strip of sea, which is called the territorial sea. This sovereignty extends to the airspace over the territorial sea, to the seabed and subsoil. The analysis of the protection of the exclusive economic zone and territorial waters of Namibia makes it possible to delineate the competence of state bodies in the matter of security, to determine their organizational structure and powers. Based on the study of the current legal and technical model of the Republic of Namibia, it is concluded that it is necessary to detail and concretize the legislation of the Republic in the field of maritime security, modernize the naval forces, as well as identify the main prospects for development and problematic issues of state-legal regulation of the sphere of maritime security.

Key words: Republic of Namibia, naval forces, territorial waters, fleet, ports, legislation.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.11

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-87-91

**ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗА ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Арсентьева С. С., Савченко А. Н.

В статье проведен критический анализ судебной практики по применения ст. 25 УПК РФ в аспекте ее непоследовательности, которая, по мнению авторов, противоречит принципу законности.

Представлена точка зрения о необходимости реформирования ст. 25 УПК РФ, чтобы ее смысл был однозначен для понимания, исключая оценочный подход и необходимость обращения к каким-либо иным дополнительным обстоятельствам, с акцентированием внимания на обязанность прекращения уголовного дела при наличии условий, указанных в законе.

Ключевые слова: «примирение сторон», «судебная практика», «принцип законности», «норма права», «прекращение уголовного дела».

В теории наук о праве идеи (принципу) законности уделяется достаточно внимания и это вполне объяснимо, с учетом того, что понятие «законность» «характеризует правовую действительность, взятую *под углом зрения практического осуществления права* (здесь и далее по тексту если не оговорено другое выделение авторами – С.С. Арсентьевой и А.Н. Савченко)» [1, с. 153].

Творчество наших законодателей по воплощению этого принципа в тексте законов до настоящего времени, к сожалению, не идеально, так как отсутствует ясность, однообразие понимания текстов этих законов. Это неизбежно приводит к тому, что идея текста правится правоприменителями, и амплитуда «правления» при поиске «смысла» конкретного содержания закона не имеет иногда точно выверенных ориентиров. К этому необходимо присовокупить и то, что установление *истины* (если рассматривать истину как идеал) в теории юридических наук не всегда признается возможным в силу объективных и субъективных причин, которые приводят «отрицанты» возможности установления истины, в виду, по их мнению, сомнительности достоверного установления, по их мнению, события прошлого.

Все же трудно согласиться с утверждением великого исследователя права Е.Н. Трубецкого, с его категоричным утверждением о том, что: «Истина есть такое содержание сознания, которое обладает безусловной действительностью независимо от чего-либо психологического» [2, с.18]. Это, по нашему мнению, относится к вере, но не к истине.

Если истина есть содержание сознания существующая реально, то она при легализации и зависит от чего-либо психологического. К примеру, от взгляда теоретика права, из уст которого она произносится и обосновывается.

Мы солидарны с мнением, что «Власть закона», характеризуется тем, что при этой власти «правовая система находится с юридической точки зрения в хорошей форме» [3, с. 337].

Правовая система воплощает эту «Власть закона» в том числе в практическом применении закона, когда должностные лица, уполномоченные применять нормы «действительно исполняют закон последовательно и в соответствии с его смыслом» [4, с. 337].

Предмет нашего исследования – норма права, допускающая возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и ее практическое применение.

Однако анализ судебной практики наглядно демонстрирует непоследовательность применения данной нормы и нарушение принципа законности.

Так, например. Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2020 года приговор Фокинско-го районного суда г. Брянска от 28 августа 2019 года и апелляционное постановление Брянского областного суда от 18 октября 2019 года в отношении осужденного Р. по ч.1 ст. 264 УК РФ оставлены без изменения, а кассационная жалоба осужденного – без удовлетворения (далее – Определение по жалобе Р) [4].¹

«Судом установлены фактические обстоятельства дела, из которых следует, что.... в результате дорожно-транспортного происшествия пассажиру были причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью.

Доводы кассационной жалобы о необоснованном отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон несостоятельны, поскольку применение положений ст. 76 УК РФ в порядке ст. 25 УПК РФ является правом, а не обязанностью суда.

Совершенно иное толкование и применение этой же нормы права о возможности (невозможности) прекращения уголовного дела за примирением сторон дано в другом судебном решении того же Первого кассационного суда [5].

З. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 264 УК РФ.

Постановлением Центрального районного суда г. Воронежа от 06 ноября 2020 года уголовное дело в отношении З. прекращено на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшей и возмещении ей вреда.

Суд апелляционной инстанции постановлением от 28 декабря 2020 года отменил решение суда первой инстанции, уголовное дело передал на новое судебное разбирательство.

Выводы кассационного суда из Определения по жалобе по уголовному делу в отношении З.

«Согласно материалам уголовного дела, З. обвиняется в совершении преступления средней тяжести, ранее не судим, признал свою вину, примирился с потерпевшей, полностью загладил причиненный преступлением вред. Таким образом, условия, при которых З. мог быть освобожден от уголовной ответственности на основании ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, им были выполнены. Каких-либо дополни-

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2020 года № 7У-3495/2020 [77-376/2020] https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3705249&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1

тельных условий для освобождения лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, нормы уголовного и уголовно-процессуального законов не предусматривают.

При таких обстоятельствах апелляционное постановление нельзя признать законным, оно подлежит отмене с передачей уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение...».

В Обобщении кассационной практики Первого кассационного суда за второй квартал 2021 г. данный пример приведен для иллюстрации *типичной* ошибки, которую допустил суд апелляционной инстанции [6].

Нами приведены два примера решений Первого кассационного суда общей юрисдикции, принятых разными составами по уголовным делам с приведением обоснований этих решений, которые (решения) противоположны по своим выводам о возможности/невозможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Очевидно диаметрально противоположное понимание смысла применяемых норм судьями, в данном случае в коллегиальном составе.

Своеобразную «оригинальность» этих примеров можно увидеть в том, что прослеживается явная неопределенность в понимании смысла текста в различных составах Первого кассационного суда общей юрисдикции.

В первом примере составом Первого кассационного суда признано законным решение об отказе в прекращении уголовного дела по ч.1 ст. 264 УК РФ, относящее к категории небольшой тяжести. При этом состав суда пришел к выводу, *«исходя из целей и задач уголовного судопроизводства»*.

Во втором примере, состав Первого кассационного суда признал, что «апелляционное постановление нельзя признать законным» в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренное ч.3 ст. 264 УК РФ, относящего к категории средней тяжести, в котором (апелляционном постановлении) выражено несогласие с решением о невозможности прекращения уголовного дела в отношении подсудимого по преступлению средней тяжести, повлекшем более трагическое последствие – смерть человека.

Отменяя постановление суда первой инстанции о прекращении уголовного дела в отношении З., суд апелляционной инстанции указал на то, «что освобождение З. от уголовной ответственности не соответствует целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства...», с чем не согласилась судебная коллегия Первого кассационного суда, отменяя решение апелляционной инстанции.

Из этих двух примеров следует, что мы имеем «правовую действительность», отражающую идею (идеал, принцип) законности, при которой допускается отказ в прекращении уголовного дела по менее тяжкому преступлению при наличии всех условий для этого, с мотивацией, что прекращение уголовного дела это «право, а не обязанность суда» и одновременно допускается возможным признание незаконным решение суда, в котором признано опять же незаконным прекращение уголовного дела, при наличии условий, указанных в законе, по более тяжкому преступлению, при мотивации со ссылкой на ст. 7 УПК РФ (принцип законности) и соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ.

Можно ли понять такую «правовую действительность» с точки зрения идеала законности (мы не рассматриваем ее («правовую действительность») с точки зрения справедливости, учитывая предмет исследования настоящей статьи)?

Ответ понятен не только для теоретика и практика права, но и для обычного обывателя, далекого от пониманий категорий права, принципа законности и его юридического содержания. Действительно, в этих решениях присутствует непоследовательность в применении одной и той же нормы закона, а значит, одно из них явно не соответствует смыслу закона, одно из двух решений не является истинным. Причем, необходимо заметить, установление истины в данном случае даже не предполагает восстановление события из прошлого.

Но какое из этих решений не соответствует истине – первое или второе? Мы должны констатировать, что оба решения Первого кассационного суда общей юрисдикции являются законными, так как мы не располагаем данными, что какое-либо из них отменено в установленном законом порядке.

Эти ситуации свидетельствуют о том, что в судебной практике по применению института примирения сторон наблюдается непоследовательность. Любой правовец, который попытается опровергнуть наше мнение, обратившись к судебной практике по применению данного института, обречен стать сторонником нашей точки зрения.

Эта попытка реализации принципа «законности» при таком разночтении практического применения одной и той же нормы закона разными судьями у нас вызвала ассоциацию с исповедью духовному отцу-иезуиту из произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», воспроизведенную в параграфе о кошмаре Ивана Федоровича, одного из главных героев романа, о просьбе «возвратить нос».

«Возвратите мне, говорит, мой нос!» И бьет себя в грудь. – «Сын мой, виляет патер, по неисповедимым судьбам Провидения все восполняется и видимая беда влечет иногда за собою чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила вас носа, то выгода ваша в том, что уже никто во всю вашу жизнь не осмелится вам сказать, что вы остались с носом». «Отец святой, это не утешение!» восклицает отчаянный, – «я был бы, напротив, в восторге всю жизнь каждый день оставаться с носом, только бы он был у меня на надлежащем месте!» – «Сын мой, вздыхает патер, всех благ нельзя требовать разом и это уже ропот на Провидение, которое даже и тут не забыло вас; ибо если вы вопиете, как возопили сейчас, что с радостью готовы бы вы жизнь оставаться с носом, то и тут уже косвенно исполнено желание ваше: ибо, потеряв нос, вы тем самым все же как бы остались с носом» [7, с. 138].

Следует отметить, что в вышеприведенных примерах нельзя упрекнуть судей в пренебрежительном отношении к закону, так как они ориентируются на устоявшееся правовое суждение по применению данного института, в соответствии с которым прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – «это право, а не обязанность», что само собой допускает (при отсутствии обременения права конкретными границами) разные варианты судебных решений.

Вместе с тем, критически рассматривая эти два примера из практики с точки зрения необходимой однообразности применения закона, следует заметить, что определяющим в данной норме закона – ст. 25 УПК (ст. 76 УК), является *не право правоприменителя* на прекращение уголовного дела, а *примирение сторон*, что до настоящего времени остается не понятым и не принятым в судебной практике при

расширительном толковании условий, наличия которых обязывает прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон.

По нашему мнению, законодателю необходимо реформировать ст. 25 УПК РФ таким образом, чтобы условия, при наличии которых допускается прекращение уголовного дела, были сформулированы так для применения, которые исключали бы оценочный подход, с акцентированием внимания на обязанность прекращения уголовного дела при наличии условий, указанных в законе.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2008. С.153
2. Е.Н. Трубецкой Смысл жизни : АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 396, с.- (Philosophy). С.18
3. Финнис, Джон Естественное право и естественные права /Дж.Финнис; пер. с англ. В.П. Гайдамка и А.В. Панихин. – Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2019. С.337
4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2020 года № 7У-3495/2020 [77-376/2020] https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3705249&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1
5. Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июня 2021 года №77-2047/2021 https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10979187&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1rog7mpppppppppp
6. Обобщение кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за второй квартал 2021 г. (типичные ошибки, допускаемые судами, входящими в кассационный округ) https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=41
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т.8 Часть IV. Эпilog.: Братья Карамазовы /Ф.М. Достоевский. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. - Т. 2 С.138.

Arsentieva S.S., Savchenko A.N. Article: Termination of a criminal case after reconciliation of the parties: a critical analysis of judicial practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 87-91

The article provides a critical analysis of judicial practice on the application of Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the aspect of its inconsistency, which, according to the authors, contradicts the principle of legality.

The point of view is presented on the need to reform Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation so that its meaning is unambiguous for understanding, excluding the evaluative approach and the need to address any other additional circumstances, with emphasis on the obligation to terminate a criminal case in the presence of the conditions specified in the law.

Keywords: "reconciliation of the parties", "judicial practice", "principle of legality", "rule of law", "termination of a criminal case".

Spisok literatury:

1. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: ucheb. – 2-e izd., pererab. i dop. – М.: ТК Velbi. Izd-vo Prospekt, 2008. S.153
2. E.N. Trubeckoj Smysl zhizni : AST: Astrel': Poligrafizdat, 2011. – 396, [4] с.- (Philosophy). S.18
3. Finnis, Dzhon Estestvennoe pravo i estestvennye prava /Dzh.Finnis; per. s angl. V.P. Gajdamka i A.V. Panihinj. – Moskva; CHelyabinsk: IRISEN, Socium, 2019. S.337
4. Opredelenie sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 23 aprelya 2020 goda № 7U-3495/2020 [77-376/2020] https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3705249&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1
5. Opredelenie sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17 iyunya 2021 goda №77-2047/2021 https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10979187&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1rog7mpppppppppp
6. Obobshchenie kassacionnoj praktiki sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii za vtoroj kvartal 2021 g. (tipichnye oshibki, dopuskaemye sudami, vkhodyashchimi v kassacionnyj okrug) https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=41
7. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij: V 9 t. T.8 CHast' IV. Epilog.: Brat'ya Karamazovy /F.M. Dostoevskij. - М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. - Т. 2. S.138..

УДК 344.131.6:351.74

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-92-96

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Будагьянц Г. Н., Кондрашов А. В.

Установлено, что полицейский имеет право, выполняя служебные обязанности, вне зависимости от должности, которую он занимает, времени дня, осуществить применение соответствующих мер физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия. Однако, наступление уголовно-правовой ответственности относительно полицейского могут повлечь случаи неправомерного их применения. Необходимость у полицейского в применении физической силы, специальных средств и оружия может быть спровоцировано соответствующими обстоятельствами, связанными с реализацией мер необходимой обороны, осуществлением задержания подозреваемого лица, и в данном случае следует обращаться к нормам ст. 37 и 38 УК РФ, которые определяют соответствующие условия правомерного причинения вреда при возникновении обстоятельств, требующих осуществления необходимой обороны, а также в связи с задержанием лица, которое подозревается в совершении определенного общественно опасного деяния. Анализ нормативной базы в рассматриваемой сфере показал, что важное значение следует придавать осуществлению правовой осведомленности сотрудников полиции в сфере применения физической силы, специальных средств и оружия в своей служебной деятельности, а также определить приоритет в знании нормативно-правовых актов, регламентирующих соответствующую профессиональную деятельность полицейского, связанную с осуществлением хранения, ношения специальных средств и огнестрельного оружия.

Ключевые слова: сотрудник полиции, применение специальных средств, применение огнестрельного оружия, применение физической силы, неправомерное применение.

В Российской Федерации на органы полиции возложено множество соответствующих заданий и функций, имеющих направленность на осуществление обеспечения правопорядка, реализацию мер защиты прав и свобод граждан, соответствующее проведение предупреждения и прекращения случаев совершения правонарушений, в связи с чем следует полагать, что в значительной мере от усовершенствования её деятельности зависит в целом укрепление законности и состояние правопорядка в стране. Современная практика правоприменения указывает на сложившуюся ситуацию, связанную с избеганием применения сотрудниками полиции специальных средств, оружия в ситуациях оправданного риска [1, с. 1-9], что может привести к невыполнению служебных функций, причинению вреда жизни и здоровью других граждан.

На уровне отечественного законодательства определяется, что полицейский наделен правом, выполняя служебные обязанности, вне зависимости от должности, которую он занимает, времени дня, реализовать возможность применения соответствующих мер физической силы, служебного огнестрельного оружия, а также специальных средств, которые обязательно должны входить в перечень допустимых (ч. 3 ст. 28 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ [2]). Следует обратить внимание, что осуществление реализации указанного права связано с конкретной ситуацией, имеющей исключительный характер, так как соединена с возможным причинением вреда соответствующим правам граждан, закрепленным кон-

ституционно-правовыми нормами, на жизнь (ст. 20 Конституции Российской Федерации [3]), здоровье (ст. 41 Конституции Российской Федерации), обеспечение свободы, защиту неприкосновенности личности (ст. 22 Конституции Российской Федерации), иных прав.

Следует отметить, что осуществление борьбы с групповой преступностью, рост преступлений тяжкого и особо тяжкого характера, предотвращение совершения преступных деяний, выявляемых ещё на стадии их приготовления, покушения соответственно побуждает полицейских применять жесткие меры, проводить решительно необходимые действия [4, с. 46-49]. В последнее время случаи применения сотрудниками полиции рассматриваемых в настоящей статье мер становятся обычным явлением, однако в таких ситуациях полицейский оказывается перед сложным выбором: применить указанные средства либо в последствие выступать в качестве фигуранта уголовного дела, либо соответствующего дисциплинарного производства, либо в качестве виновного в причинении соответствующего вреда и т.п.

Заметим, что применение рассматриваемых мер полицейским должно строго осуществляться в пределах положений, предусмотренных отечественным законодательством, поскольку в ином случае, чаще всего, будет иметь место ответственность уголовно-правовая (ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] (далее – УК РФ). Обратим внимание, что по смыслу уголовного закона превышением должностных полномочий подразумевает под собой допущение конкретным должностным лицом действий, которые для данного лица не являются допустимыми, так как очевидно выходят за пределы его полномочий, и в последующем имеющие последствия, выражающиеся в нарушении прав и законных интересов человека, гражданина, юридического лица, государства.

В соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями» от 16.10.2009 г. № 19 [6] к рассматриваемым случаям рекомендуется относить деяние, которое совершено лицом при исполнении своих соответствующих служебных обязанностей, осуществленные исключительно при особых обстоятельствах, указанных в нормативном правовом акте; которые никто не вправе реализовывать.

Из этого следует, что важным условием представляется непосредственное определение конкретных пределов полномочий лица, которое использовало соответствующие меры физической силы, соответствующие специальные средства либо служебное оружие. Заметим, что о превышении полицейским своих полномочий целесообразно говорить лишь в том случае, когда те или иные действия были осуществлены сотрудником именно в связи с исполнением обязанностей по службе, поскольку в ином случае ответственность за деяние может предусматриваться иными статьями отечественного Уголовного кодекса (ст. 111 (осуществление умышленного причинения соответствующего тяжкого вреда здоровью человека), ст. 112 (осуществление умышленного причинения соответствующего вреда здоровью человека в средней тяжести), ст. 115 (осуществление умышленного причинения легкого вреда здоровью человека), ст. 118 (осуществление причинения соответствующего тяжкого вреда здоровью человека в связи с неосторожностью) УК РФ).

Стоит отметить, что реализации сотрудником полиции права на применение физической силы, специальных средств и оружия могут предшествовать различные

обстоятельства, например, связанными с необходимой обороной либо же задержанием лица, в отношении которого есть достаточные основания для подозрения в совершении противоправного деяния. Согласно указанию Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и применении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27.09.2012 г. № 19 на вышеуказанных лиц, распространяются нормы ст. 37 и 38 УК РФ, которые определяют соответствующие условия в случаях правомерного причинения определенной степени вреда при возникновении обстоятельств, требующих необходимую оборону, а также в связи с задержанием лица, которое подозревается в совершении определенного общественно опасного деяния.

Здесь следует заметить, что это правило может быть применено в случае, если полицейский нарушает установленные правила иных законов, к примеру, Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ст. 22, 23), которым установлены различные запреты и ограничения на применение соответствующих спецсредств и оружия [7, с. 200-205].

Обратим внимание, что, в практической полицейской деятельности встречаются случаи, связанные с превышением сотрудником полиции соответствующих пределов, которые определяют обоснованность применения лицом мер необходимой обороны, либо же использования иных соответствующих мер, являющихся востребованными при реализации мероприятия по задержанию лица, подозреваемого в совершении преступного деяния. Совершение полицейским действий, связанных с выходом за установленные пределы, может соответственно выражаться в совершении соответствующих общественно опасных деяний в виде убийства либо же причинения вреда здоровью человека в определенной степени (тяжкого, среднего), осуществляемых с умыслом.

Указанные действия могут получить реализацию посредством соответствующих признаков, закрепленных в диспозиции ст.108 УК РФ, предполагающей осуществление убийства, которое было совершено лицом в случае превышения установленных пределов обеспечения необходимой обороны либо же превышения тех мер, которые были необходимы для проведения задержания соответствующего лица, которое совершило общественно опасное деяние), либо же в ст. 114 УК РФ, предполагающей осуществление причинения соответствующего вреда здоровью лица (тяжкого, среднего) в случае превышения соответствующих пределов действия при необходимой обороне либо принятии таких мер в случае осуществления задержания лица, которое совершило определенное деяние, запрещенное законом. При этом, в отношении сотрудника полиции вопрос наступления соответствующей ответственности будет снят с рассмотрения в случае, когда вред здоровью определенному лицу в легкой либо средней форме нанесен умышленно, а также в результате побоев либо в связи с проявлением неосторожности в своих действиях, если такие действия вызваны были определенными действиями соответствующего лица, державшего оборонение, вместе с тем осуществляя отражение соответствующего посягательства, которое возникло и имело общественно опасный аспект [8, с. 216-219].

Уголовно-правовой ответственности не подлежат соответствующие действия полицейского, связанные с соответствующим применением специальных средств, физической силы, оружия, в случае, когда такие действия осуществлялись согласно нормативно-правовым требованиям в данной сфере, действующими на территории

Российской Федерации. Однако, если нарушения законодательства будут иметь место, то сотрудник полиции может понести уголовно-правовую ответственность согласно ч. 1, ч. 2 ст. 108, ч. 1, 2 ст. 114, ч. 3 ст. 286, ч. 2 ст. 302 УК РФ.

Решение вопроса об исключительности обстоятельств конкретной ситуации полицейский будет решать исходя из собственного практического опыта, реальной ситуации, интенсивности и характера посягательства, способов и средств устранения опасности иным способом, оправданного риска и т.п. Эти факторы порождают необходимость обеспечения в отечественном законодательстве гарантий прав и свобод полицейского, который в силу сложившейся обстановкой был вынужден реализовать право применить физическую силу, специальные средства либо же оружие.

Суммируя изложенное отметим, что на современном этапе значимой задачей органов полиции должно являться обеспечение осуществления соответствующей правовой осведомленности полицейских, действующих в рамках обеспечения правопорядка, наделенных правом применения соответствующих пределов физической силы, специальных средств и оружия для осуществления своей непосредственной служебной деятельности. Обращено внимание, что приоритетное место в получении знаний о соответствующих нормативно-правовых актах, которыми предполагается регламентирование профессиональной деятельности полицейского, связанной с осуществлением хранения, особенностями ношения специальных средств и оружия. Установлено, что использование соответствующей физической силы к определенному лицу, специальных средств либо служебного огнестрельного оружия при выполнении соответствующих служебных обязанностей должно характеризоваться обоснованностью и законностью их применения в конкретной ситуации, при определении нормативных рамок допустимости действий, которые сотрудник полиции совершает, поскольку в ином случае будет иметь место наступление уголовно-правовой ответственности.

Список литературы:

1. Каримов А. А. Полиция России и США. Компаративный анализ по вопросам применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Полицейская деятельность. – 2021. – № 4. – С. 1-9.
2. О полиции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 05.12.2021).
3. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitutio.ru/> (дата обращения: 05.12.2021).
4. Щетинина Н. В. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и/или огнестрельного оружия / Н.В. Щетинина, А.Н. Пашнин // Вестник Уральского юридического института МВД. России. – 2018. – № 4. – С. 46–49.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.12.2021).
6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 г. № 19. URL: base.garant.ru/1792859/ (дата обращения: 05.12.2021).
7. Ковшевацкий В. И. Юридическая ответственность сотрудников полиции за неправомерное применение специальных средств / В. И. Ковшевацкий, С. П. Стащенко // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 200–205.

8. Рузаева Д. В. Проблема превышения полномочия сотрудниками полиции при применении физической силы и специальных средств или огнестрельного оружия // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 9 (37). – С. 216–219.

Budagyants G.N. , Kondrashov A.V. Criminal legal responsibility of a police employee for unlawful use of physical force, special equipment and fireware // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 91-96.

It is established that a police officer has the right, while performing official duties, regardless of the position he holds, the time of day, to use appropriate measures of physical force, special means, firearms. However, the onset of criminal liability against a police officer may entail cases of their unlawful use. The need for a police officer to use physical force, special means and weapons may be provoked by relevant circumstances related to the implementation of necessary defense measures, the detention of a suspect, and in this case it is necessary to refer to the norms of Articles 37 and 38 of the Criminal Code of the Russian Federation, which determine the appropriate conditions for lawful harm in the event of circumstances requiring the necessary defense, as well as in connection with the detention of a person who is suspected of committing a certain socially dangerous act. The analysis of the regulatory framework in the field under consideration showed that it is important to attach importance to the implementation of legal awareness of police officers in the field of the use of physical force, special means and weapons in their official activities, as well as to determine the priority in the knowledge of regulatory legal acts regulating the relevant professional activities of a police officer related to the storage, carrying of special means and firearms.

Key words: police officer, use of special means, use of firearms, use of physical force, illegal use.

Spisok literatury:

1. Karimov A. A. Policiya Rossii i SSHA. Komparativnyj analiz po voprosam primeneniya fizicheskoj sily, special'nyh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya // Policejskaya deyatel'nost'. – 2021. – № 4. – S. 1-9.
2. O policii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ. URL: sonsultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (data obrashcheniya: 05.12.2021).
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.constitutio.ru/> (data obrashcheniya: 05.12.2021).
4. Shchetinina N. V. Predely pravomernosti primeneniya sotrudnikami policii fizicheskoj sily, special'nyh sredstv i/ili ognestrel'nogo oruzhiya / N.V. SHCHetinina, A.N. Pashnin // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD. Rossii. – 2018. – № 4. – S. 46–49.
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 g. № 63–FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 05.12.2021).
6. O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16.10.2009 g. № 19. URL: base.garant.ru/1792859/ (data obrashcheniya: 05.12.2021).
7. Kovshevackij V. I. Yuridicheskaya otvetstvennost' sotrudnikov policii za nepravomernoe primenenie special'nyh sredstv / V. I. Kovshevackij, S. P. Stashchenko // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2019. – № 4. – S. 200–205.
8. Ruzaeva D. V. Problema prevysheniya polnomochiya sotrudnikami policii pri primenenii fizicheskoj sily i special'nyh sredstv ili ognestrel'nogo oruzhiya // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. – 2019. – № 9 (37). – S. 216–219.

УДК 343.985

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-97-104

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ КАК ОСНОВА
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ДИСТАНЦИОННОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Горбенко Т. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена анализу института взаимодействия субъектов расследования как ключевого направления раскрытия и расследования преступлений. По мнению автора, по большей мере, четко налаженное, урегулированное законодательством и технически обеспеченное взаимодействие субъектов расследования оказывает положительное влияние на процесс расследования, придавая ему логичный и эффективный характер. Статья посвящена анализу сущности взаимодействия как основы совершенствования механизма дистанционного проведения поисково-познавательных следственных действий. Обосновывается необходимость взаимодействия субъектов при дистанционном проведении следственных действий поисково-познавательной направленности с обоснованием ее эффективности. Автором обосновывается позиция, согласно которой основой взаимодействия субъектов расследования должно быть установленное законом разграничение компетенции взаимодействующих органов при наиболее целесообразном сочетании присущих им средств и методов работы. Предложены пути совершенствования механизма дистанционного проведения поисково-познавательных следственных действий, которые призваны обеспечить решение задач и достижение цели расследования.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, сотрудник оперативно-розыскного подразделения, сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, следственное действие, поисково-познавательные следственные действия, дистанционное проведение поисково-познавательных следственных действий, основа совершенствования механизма.

Переход российского государства на новые экономические и политические отношения обусловил ряд преобразований, породивших появление новых институтов и форм общественной и социальной жизни, а также деятельности по их внедрению в национальное законодательство. Преобразования в названных сферах, безусловно, отразились и на правом их регулировании. Вместе с тем, проведение реформ замедляется, а иногда и вовсе приостанавливается, что связано, главным образом, с постоянным ростом преступности. Рост преступности, к сожалению, не единственная проблема, с которой сталкивается наше государство, еще одной и, вероятно, серьезной проблемой является усиление агрессивности и организованности преступности, появление все новых, более опасных и сложно раскрываемых видов преступлений, с которыми уже не в состоянии бороться изжившие себя методы и средства.

Раскрыть преступление только процессуальным путем невозможно, и для успешного расследования каждого преступления попросту необходимо четко налаженное и согласованное взаимодействие субъектов, вовлеченных в сферу уголовно-процессуального права [1, с. 73], сочетание процессуальных и оперативно-розыскных форм получения доказательств и установления истины по делу. Необходимость повышения эффективности координации деятельности органов [2], чья де-

тельность связана с раскрытием и расследованием преступлений продиктована нынешней ситуацией и состоянием правопорядка в целом.

Несмотря на сказанное, к сожалению, имеют место быть «шероховатости» в организации совместной деятельности таких субъектов, что сказывается на уровне раскрываемости преступлений и преступности в целом. Так, обращаясь к статистическим данным, можем констатировать тот факт, что в России каждое третье преступление остается нераскрытым, более половины из них – приостанавливаются ввиду не установления лиц, совершивших преступление. По большому счету, такое положение вещей связано с разобщенностью действий органов предварительного следствия и органов, призванных обеспечить получение дополнительной криминалистической значимой информации по делу (подразделения уголовного розыска, экспертно-криминалистические подразделения и др.) [3, с. 2]. Названная причина, по нашему мнению, кроется в следующем. Во-первых, органы и субъекты, вовлеченные в процесс расследования в качестве дополнительных участников (такowymi могут выступать сотрудники экспертно-криминалистических и оперативных подразделений) подходят к выполнению своих обязанностей формально, ограничиваясь лишь обработкой поверхностей, сбором (копированием) следов преступлений без дополнительных пояснений, поверхностным опросом очевидцев и свидетелей преступления. Во-вторых, нежелание субъектов, привлекаемых к участию в следственных действиях, вызвано и рядом иных причин, среди которых загруженность, привлечение к участию в осмотрах мест происшествия по всем преступлениям, в том числе малозначительным и не представляющим особой опасности, непонимание цели привлечения к участию в следственных действиях, а зачастую и вовсе неосознание значимости выполняемых функций и др. В-третьих, в использовании «слабых» и малоэффективных форм взаимодействия, устаревших форм и методов расследования, недостаточной профессиональной подготовке, а в ряде случаев и притуплением чувства ответственности за порученное задание у субъектов расследования, недостаточной помощью со стороны сотрудников экспертно-криминалистических подразделений [4, с. 86].

Названные проблемы обуславливают существующие трудности взаимодействия, а соответственно и эффективности деятельности правоохранительных органов, что недопустимо в условиях роста уровня преступности в стране в последние годы.

Более того, повсеместное использование преступниками возможностей современной техники и глобальной сети «Интернет» при совершении ряда преступлений, требует от правоохранительных органов соответствующего ответа посредством внедрения в сферу расследования современных научно-технических средств, сопровождающегося знаниями лиц их технических характеристик и свойств, умелым и грамотным применением их в конкретной преступной ситуации, а также распределением ролей при их использовании, что составляет основу взаимодействия. В этой связи, тематика представленной научной статьи представляется актуальным и своевременным исследованием, направленным на организацию, оптимизацию процесса расследования преступлений и укрепления связи взаимодействующих субъектов ответственностью за результативность, осуществляемой ими, деятельности.

Все это свидетельствует о том, что без четко налаженного, урегулированного законодательством и технически обеспеченного взаимодействия субъектов расследо-

вания невозможно эффективно раскрывать и расследовать преступления и в конечном итоге бороться с преступностью [5, с. 41; 6, с. 97].

Анализ отечественного уголовно-процессуального законодательства позволяет говорить о самостоятельности следователя как субъекта, определяющего ход расследования. Одновременно с этим, усматривается, что взаимодействие органов и подразделений правоохранительных органов является центральным, если не ключевым, аспектом раскрытия и расследования преступлений. Действительно, следователь самостоятелен в определении хода расследования, привлечении дополнительных сил для расследования, но при этом он несколько ограничен в вопросах ограничения полномочий правоохранительных органов по использованию правовых и организационных возможностей [7, с. 28]. В данном случае, следователь вправе лишь быть проинформированным о применении таковых и предлагать иные пути расследования, учет и реализация которых остается на усмотрение привлеченного субъекта.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о довольно высоких показателях привлечения следователем дополнительных субъектов расследования для оказания содействия и помощи в расследовании. В большинстве своем, рассматриваемая возможность находит свое подтверждение эффективностью расследования. В свою очередь, деятельность по расследованию преступлений в таких случаях выступает результативной.

Изложенное позволяет заключить, что важное теоретическое и практическое значение вопросы организации взаимодействия субъектов приобретают и при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий. Обоснуем свою позицию. Учитывая уровень преступности в стране, формы и методы, используемые в расследовании, уровень раскрываемости преступлений, постоянную трансформацию преступности и невозможность участников уголовного судопроизводства лично принять участие в расследовании, уместно говорить не только о взаимодействии как эффективном способе раскрытия и расследования преступлений, но и о техническом обеспечении такого взаимодействия, преследующего цели оптимизации и повышения эффективности расследования.

Сказанное находит свое подтверждение в использовании современных научно-технических средств при расследовании преступлений, что, полагаем, повысит уровень взаимодействия удаленных субъектов, которые в настоящее время всяческим образом уклоняются от оказания какой-либо помощи. Следует учитывать, что такое положение вещей вызвано, в большинстве своем, направлением огромного количества поручений на производство отдельных следственных действий либо на выполнение иных действий, которые накапливаются и не исполняются в срок ввиду выполнения иных, более значимых, обязанностей. Хотя, такой способ проведения расследования и сбора доказательств определяется в качестве процессуальной формы взаимодействия, урегулированной нормами уголовно-процессуального кодекса, все же она не оправдывает себя в последние годы. Решение названной проблемы видится в использовании современных технологий, позволяющих дистанционно проводить следственные действия, направленные на поиск, обнаружение и фиксацию информации, что будет способствовать экономии времени, которое так важно не только для субъекта, ведущего расследование (сроки по уголовным делам не будут продлеваться), но и для субъектов, привлеченных к их проведению (вместо бесконеч-

ного списания подобных поручений будет оказана быстрая помощь субъектам расследования, инициировавшим проведение того или иного следственного действия).

Что касается, не процессуальных форм взаимодействия, то идеальным вариантом для организации и обеспечения дистанционного проведения поисково-познавательных следственных действий могли бы служить совместные консультации по техническим характеристикам, порядку и условиям применения тех или иных технических средств, что позволило бы определить способ и порядок проведения следственного действия, а также перечень технических средств, необходимых для проведения конкретного следственного действия.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Далее – УПК РФ) определяет правовые основания и формы такого взаимодействия (ст. 38, 157 УПК РФ) [8]. Однако, использование отдельных формулировок и не системность института взаимодействия в российском законодательстве порождает трудности в понимании и правоприменении рассматриваемого явления. В одной из наших работ рассматривалась проблема криминалистического взаимодействия при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий, где приводится авторское определение понятию «взаимодействие», на основании которого определяется сущность криминалистического взаимодействия в целом.

Учитывая сказанное, под взаимодействием следует понимать согласованную деятельность субъектов расследования (следователь, дознаватель) [9, с. 254], сотрудников оперативных подразделений (оперуполномоченные полиции, участковые уполномоченные полиции, сотрудники государственной инспекции безопасности дорожного движения и др.) и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, обеспечивающую рациональное сочетание при расследовании преступлений процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий [10, с. 311], осуществляемых каждым из них в соответствии с выполняемыми функциями и в пределах предоставленной компетенции с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств.

Применительно к теме настоящего исследования и рассматривая взаимодействие как регулируемую совместную деятельность, направленную на расследование преступлений, стоит отметить, что взаимодействие как таковое наиболее полно проявляется на стадии предварительного расследования [11, с. 178], когда проводится значительное количество следственных и иных процессуальных действий в целях получения важной информации и для этих целей привлекаются специалисты различных областей знаний (чаще всего – эксперты-криминалисты).

Рассматривая взаимодействие субъектов как основу совершенствования механизма дистанционного проведения следственных действий, в особенности, поисково-познавательных следственных действий, следует иметь ввиду, что, будучи целенаправленной, согласованной и урегулированной законодательством, хотя и отчасти, деятельностью, она преследует решение как минимум следующих задач.

Во-первых, решение задачи по предупреждению и пресечению преступлений является главным показателем четкого и отлаженного взаимодействия, что проявляется в правильной организации расследования, распределении ролей субъектов, избрании соответствующих приемов, способов и технических средств расследования.

Во-вторых, взаимодействие преследует цели обеспечения неотложных следственных действий, в том числе сложных и трудоемких по своему характеру для

получения криминалистически важной информации по конкретному уголовному делу.

В-третьих, учитывая тот факт, что при расследовании преступлений привлекаются специалисты из различных областей знаний, то уместно говорить о решении такой задачи, как полное, всесторонне и объективное расследование преступлений.

В-четвертых, своевременное изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления [12], также обеспечивается согласованным взаимодействием правоохранительных органов, поскольку привлечение специалистов из различных областей знаний делает возможным анализ, полученной информации, под различным углом зрения, а соответственно делает механизм и способ совершения конкретного преступления более понятным.

В-пятых, посредством взаимодействия легко выполнима и задача, направленная на розыск лиц, скрывшихся от органов предварительного следствия, поскольку лишь отлаженная и согласованная деятельность способна устранить все промедления в установлении, розыске и задержании преступников.

В-шестых, возмещение вреда, причиненного преступными действиями виновных лиц, также обеспечивается институтом взаимодействия.

В рассматриваемом контексте заслуживает внимания проблема организации и проведения следственных действий в дистанционном режиме, используя при этом основы криминалистического взаимодействия субъектов. Поскольку дистанционное проведение следственных действий предполагает удаленное местонахождение лица, в производстве которого находится уголовное дело и лица, в отношении которого необходимо произвести те или иные следственные действия (участника следственного действия), то проведение следственных действий поручается иному органу, территориально дислоцированному по месту нахождения участника следственного действия. В целях проведения запланированного следственного действия и обеспечения криминалистического взаимодействия между задействованными субъектами, целесообразно привлечение к участию как с одной, так и с другой стороны, соответствующих субъектов (следователя, эксперта-криминалиста, а также, по желанию, иных лиц), что обеспечит не только максимальное взаимодействие соответствующих субъектов, но и позволит получить достаточный объем интересующей информации. При этом, у лиц, инициировавших проведение следственного действия, существует возможность технического подключения с целью наблюдения за ходом и порядком проведения следственного действия, его корректировки и уточнения данных.

Изложенное позволяет заключить, что главным или, если угодно, ключевым условием, обеспечивающим результативное раскрытие и расследование преступлений, является взаимодействие следователя с иными субъектами, привлекаемыми к расследованию преступлений. При чем, одного взаимодействия для этих целей окажется мало, оно, в свою очередь, должно быть четко налаженным, деловым, рациональным и урегулированным.

Как отмечалось, наиболее привлекаемыми к расследованию, в частности к проведению следственных действий являются такие субъекты, как сотрудники следственных, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений, то важно, чтобы их деятельность была согласованной и направленной на решение одной общей задачи – раскрытие и расследование конкретного преступления. Необ-

ходимость привлечения названных субъектов обусловлена наличием у каждого из них специфических знаний, использованием, присущих им средств и методов раскрытия и расследования преступлений. Поэтому сочетание имеющихся знаний и комплексное использование средств и методов призвано повысить результативность взаимодействия [13, с. 218].

Как отмечено ранее, согласованность при взаимодействии является существенным критерием деятельности, поскольку предполагает рациональное сочетание мер, используемых субъектами взаимодействия. При этом, взаимодействие предполагает также и четкое разграничение прав и обязанностей между участниками такой совместной деятельности, то есть каждый из них, действуя в пределах своей компетенции, используя свои средства и методы, в конечном итоге стремится к достижению единой цели – быстрому и полному раскрытию преступлений и изобличению виновных.

Обобщая вышеизложенное, не возникает сомнения в том, что согласованная и отлаженная деятельность сотрудников правоохранительных органов является ключевым моментом в раскрытии и расследовании преступлений [13, с. 219]. В этой связи, основой взаимодействия субъектов расследования должно быть установленное законом разграничение компетенции взаимодействующих органов при наиболее целесообразном сочетании присущих им средств и методов работы.

Эффективности взаимодействия способствует не только создание следственно-оперативных групп, положительные стороны работы которых состоят в сочетании следственных, поисковых и оперативно-розыскных мероприятий по конкретным делам, но и в техническом обеспечении такого взаимодействия, особенно в условиях удаленного местонахождения субъектов, привлекаемых к расследованию. Намеченные пути совершенствования механизма дистанционного проведения поисково-познавательных следственных действий способны значительно повысить качество, полученных доказательств по уголовному делу, увеличить шансы установления лиц, виновных в совершении преступлений, оптимизировать процесс расследования путем сокращения сроков предварительного следствия и повысить качество расследования в целом. Отмеченные тезисы, в конечном итоге, окажут существенное влияние на успешность борьбы с преступностью как основной угрозы прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Служкина Е.В. Юридическое поручение: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2006. 184 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003028000/rsl01003028006/rsl01003028006.pdf> (дата обращения: 24.07.2021).
2. Бастрыкин А.И. Взаимодействие следователя и органа дознания. URL: <https://proza.ru/2018/12/26/726> (дата обращения: 29.07.2021).
3. Кулиев И.Б. Взаимодействие подразделений уголовного розыска, экспертно-криминалистических подразделений со Следственным комитетом Российской Федерации при расследовании умышленных убийств // Юридический журнал «пробелы в российском законодательстве». Право. 2018. С. 1-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-podrazdeleniy-ugolovnogo-rozyska-ekspertno-kriminalisticheskikh-podrazdeleniy-so-sledstvennym-komitetom-rossiyskoy> (дата обращения: 04.08.2021).
4. Зеликов А.В. Об актуализации взаимодействия органов предварительного расследования с органами дознания в российском судопроизводстве // Журнал «ЗАКОН И ПРАВО». Издательство «Юнити-Дана». Москва. 2009. № 10. С. 86-87.
5. Взаимодействие следователя с органами дознания / Зимин Д.Д. Москва: Лаборатория Книги, 2010. 73 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005412303> (дата обращения: 01.08.2021).

6. Молибога А.А. Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов в раскрытии и расследовании имущественных преступлений, совершаемых организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2009. 188 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-sledstvennykh-i-operativno-rozysknykh-organov-v-raskrytii-i-rassledovanii-imu> (дата обращения: 04.08.2021).
7. Табакова Н.А. О взаимодействии следственных и оперативно-розыскных подразделений при расследовании налоговых преступлений. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 4 (14). С. 27-33.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.08.2021).
9. Толочко А.Н. Анализ развития теоретических взглядов на розыскную работу органов внутренних дел // Проблемы управления. Минск. 2009. № 4 (33). С. 253-256. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27686282> (дата обращения: 28.04.2021).
10. Топорков А.А. Криминалистика: учебник // «Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М», 2012. 495 с. URL: https://www.studmed.ru/toporkov-a-a-kriminalistika_f3cf217a340.html (дата обращения: 04.05.2021).
11. Малахов А.С., Танков А.Ю. Особенности взаимодействия оперуполномоченного и следователя при раскрытии краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище // В сборнике: Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. 2019. С. 177-181.
12. Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных подразделений в процессе расследования и раскрытия убийств // Дипломная (ВКР). Основы права. 2013. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=649403> (дата обращения: 05.08.2021).
13. Сайфутдинов Т.И. Проблемы и пути совершенствования взаимодействия следователя и оперативного сотрудника // Известия вузов (Кыргызстан). 2011. № 3. С. 217-220.

Gorbenko T.V. Interaction of subjects as a basis for improving the mechanism of remote search and cognitive investigative actions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 97-104.

The article is devoted to the analysis of the institute of interaction of subjects of investigation as a key direction of the disclosure and investigation of crimes. According to the author, for the most part, well-established, regulated by legislation and technically secured interaction of the subjects of the investigation has a positive impact on the investigation process, giving it a logical and effective character. The article is devoted to the analysis of the essence of interaction as the basis for improving the mechanism of remote search and cognitive investigative actions. The necessity of interaction of subjects in the remote conduct of investigative actions of search and cognitive orientation with the justification of its effectiveness is substantiated. The author substantiates the position according to which the basis for the interaction of the subjects of the investigation should be the legally established differentiation of the competence of the interacting bodies with the most appropriate combination of their inherent means and methods of work. The ways of improving the mechanism of remote search and cognitive investigative actions, which are designed to ensure the solution of tasks and the achievement of the purpose of the investigation, are proposed.

Keywords: interaction, investigator, an employee of an operational-search unit, an employee of an expert-forensic unit, investigative action, search and cognitive investigative actions, remote conducting of search and cognitive investigative actions, the basis for improving the mechanism.

Spisok literatury:

1. Slukina E.V. YUridicheskoe poruchenie: dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod. 2006. 184 s. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003028000/rsl01003028006/rsl01003028006.pdf> (дата обращения: 24.07.2021).
2. Bastrykin A.I. Vzaimodejstvie sledovatelya i organa doznaniya. URL: <https://proza.ru/2018/12/26/726> (дата обращения: 29.07.2021).
3. Kuliev I.B. Vzaimodejstvie podrazdelenij ugolovnogogo rozyska, ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenij so sledstvennym komitetom Rossijskoj Federacii pri rassledovanii umyshlennyh ubijstv // YUridicheskij zhurnal «probely v rossijskom zakonodatel'stve». Pravo. 2018. S. 1-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-podrazdeleniy-ugolovnogogo-rozyska-ekspertno-kriminalisticheskikh-podrazdeleniy-so-sledstvennym-komiteto-rossijskoj> (дата обращения: 04.08.2021).

4. Zelikov A.V. Ob aktualizacii vzaimodejstviya organov predvaritel'nogo rassledovaniya s organami doznaniya v rossijskom sudoproizvodstve // ZHurnal «ZAKON I PRAVO». Izdatel'stvo «YUniti-Dana». Moskva. 2009. № 10. S. 86-87.
5. Vzaimodejstvie sledovatelya s organami doznaniya / Zimin D.D. Moskva: Laboratoriya Knigi, 2010. 73 s. URL: <https://search.rsl.ru/record/01005412303> (data obrashcheniya: 01.08.2021).
6. Moliboga A.A. Vzaimodejstvie sledstvennyh i operativno-rozysknyh organov v raskrytii i rassledovanii imushchestvennyh prestuplenij, sovershaemyh organizovannymi gruppami: dis. ... kand. nrid. nauk. Krasnodar. 2009. 188 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-sledstvennykh-i-operativno-rozysknykh-organov-v-raskrytii-i-rassledovanii-imu> (data obrashcheniya: 04.08.2021).
7. Tabakova N.A. O vzaimodejstvii sledstvennyh i operativno-rozysknyh podrazdelenij pri rassledovanii nalogovyh prestuplenij. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 4 (14). S. 27-33.
8. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. ot 24.02.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 07.03.2021). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 10.08.2021).
9. Tolochko A.N. Analiz razvitiya teoreticheskikh vzglyadov na rozysknuyu rabotu organov vnutrennih del // Problemy upravleniya. Minsk. 2009. № 4 (33). S. 253-256. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27686282> (data obrashcheniya: 28.04.2021).
10. Toporkov A.A. Kriminalistika: uchebnik // «YUridicheskaya firma «KONTRAKT»: INFRA-M», 2012. 495 s. URL: https://www.studmed.ru/toporkov-a-a-kriminalistika_f3cf217a340.html (data obrashcheniya: 04.05.2021).
11. Malahov A.S., Tankov A.YU. Osobennosti vzaimodejstviya operupolnomochennogo i sledovatelya pri raskrytii krazh, sovershennyh s nezakonnym proniknoveniem v zhilishche // V sbornike: Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti. 2019. S. 177-181.
12. Vzaimodejstvie sledovatelya s sotrudnikami operativnyh podrazdelenij v processe rassledovaniya i raskrytiya ubijstv // Diplomnaya (VKR). Osnovy prava. 2013. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=649403> (data obrashcheniya: 05.08.2021).
13. Sajfutdinov T.I. Problemy i puti sovershenstvovaniya vzaimodejstviya sledovatelya i operativnogo sotrudnika // Izvestiya vuzov (Kyrgyzstan). 2011. № 3. S. 217-220.

УДК 342.821

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-105-116

**СУДИМОСТЬ ПО ЗАКОНУ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА И
ИНОСТРАННОЕ ГРАЖДАНСТВО: ОГРАНИЧЕНИЕ ИЛИ ЛИШЕНИЕ
ПРАВА БЫТЬ ИЗБРАННЫМ**

Гузеева И. Н.

ОЧУВО «Международный инновационный университет»

В статье автор анализирует специфичную для Республики Крым проблематику наличия гражданства Украины и украинских судимостей у крымчан, признанных гражданами Российской Федерации в результате оптации. Рассматривает институт судимости как общеправовую категорию последствия которой отражаются на избирательных правах, а не только как уголовно-правовую, поднимая проблематику соотношения статей уголовных кодексов Украины и России. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемым вопросам и на примере проводимых на территории Республики Крым избирательных кампаний.

Ключевые слова: судимость, наказуемость деяний, двойное гражданство, пассивное избирательное право, проверка достоверности сведений кандидатов в депутаты, правовые последствия сокрытия факта судимости.

Принятие в 2014 г. Республики Крым (далее – РК) в состав Российской Федерации – особое политическое событие. Демократическим путем, в полном соответствии с нормами международного права и Уставом ООН жители автономии проголосовали за воссоединение полуострова, переданного в состав УССР ровно 60 лет назад с Россией.

Образование новых субъектов в составе Российской Федерации автоматически повлекло необходимость формирования новых органов власти и в сентябре 2014 г. на территории РК прошли первые выборы депутатов Государственного Совета РК и депутатов 279 представительных органов муниципальных образований, в ходе проведения которых впервые столкнулись с проблематикой реализации пассивного избирательного права жителями Крыма. Избирательные права граждан РФ закреплены в Конституции РФ и Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и включают активное и пассивное избирательные права. Полное лишение активного и пассивного избирательного права предусмотрено только для граждан, признанных судом недееспособными или содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Пассивное избирательное право содержит гораздо больше оснований не только для ограничения, но и для полного лишения такого права для отдельных категорий граждан.

То обстоятельство, что жители Крыма приобрели гражданство Российской Федерации в результате оптации, существенно повлияло на реализацию ими пассивного избирательного права. В 2014 г. очень остро стояли вопросы участия в выборах в качестве кандидатов в депутаты лиц, имеющих судимости, а с 2015 г. обозначились некоторые сложности и в части наличия гражданства Украины.

Остановимся более подробно на аспектах судимости и двойного гражданства при реализации жителями Республики Крым права быть избранными. Первый аспект – судимость, стал камнем преткновения для тех крымчан, которые имели судимость по уголовному кодексу Украины. Большая часть имевших такие судимости кандидатов в депутаты либо скрыли факт наличия судимости, полагая, что Украины, заблокировала доступ не только к реестру избирателей, данным пенсионного фонда и налоговых органов, но и к базам МВД Украины, либо полагали что, не имея судимости по уголовному кодексу Российской Федерации они автоматически считаются не судимыми и уж тем более имея снятую или погашенную судимость по аналогии в законодательством Украины о выборах, согласно которому депутатом, сельским, поселковым, городским головой не может быть избран гражданин Украины, имеющий судимость за совершение умышленного преступления, если эта судимость не погашена или не снята в установленном законом порядке (норма действовавшая в период нахождения Крыма в составе Украины и в 2015 г. дополненная формулировкой «имеющий судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления против избирательных прав граждан или коррупционного преступления, если эта судимость не погашена или не снята в установленном законом порядке» [1; 2].

В мае 2012 г. законодатель внес изменения в базовый закон, гарантирующий реализация конституционных прав граждан Российской Федерации на участие в выборах и референдуме, в ФЗ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) и ввел ограничения, предусматривающие бессрочное лишение пассивного избирательного права гражданина в связи с осуждением его к лишению свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления [3], которые вызвали довольно оправданную на мой взгляд реакцию. Такие ограничения коснулись весьма значительного количества граждан, которых данное нововведение полностью лишало пассивного избирательного права. Согласно новой редакции подпункта «а» п. 3.2. ст. 4 Федерального закона не имеют права быть избранными граждане РФ, осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями.

Жалобы граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова послужили основанием к рассмотрению Конституционным Судом РФ вопроса о том, соответствует ли новая норма Федерального закона Конституции Российской Федерации и Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П данные положения Федерального закона были признаны не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой им установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений. Суд подчеркнул, что бессрочное ограничение избирательного права возможно лишь для осужденных на пожизненный срок, в иных случаях подобное ограничение не соответствует Конституции РФ [4]. Полностью согласно в такой позиции Конституционного суда

так как судимость — это уголовно-правовой институт, который в первую очередь, имеет значение для целей реализации уголовной ответственности, а уж потом для гражданско-правовой и тем более общественной.

Правовые позиции Конституционного Суда были учтены, и новая редакция вышеуказанного подпункта Федерального Закона определяла лишение права быть избранным только для лиц, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления. Более того по такому признаку как тяжесть совершенного преступления были установлены предельные сроки ограничения пассивного избирательного права. В соответствии с уточненными положениями Федерального закона, ограничение пассивного избирательного права для лиц, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, установлено до истечения 10 лет, за совершение особо тяжких преступлений – 15 лет со дня снятия или погашения судимости [5]. В то же время сохранено ограничение пассивного избирательного права при наличии у кандидата неснятой и непогашенной судимости, а также у лиц, осужденных к любому виду наказания за совершение преступлений экстремистской направленности. Очень точно характеристика последствий судимости с учетом изменений действующего законодательства была дана Н. Е. Таевой: «В целом ограничения, связанные с совершением лицом в прошлом преступления, установленные для депутатов, судей, работников прокуратуры, органов внутренних дел, полиции, педагогических работников и других, свидетельствуют о том, что снятие судимости аннулирует не все правовые последствия, связанные с судимостью (как указано в ч. 6 ст. 86 УК РФ), а лишь последствия, имеющие уголовно-правовой характер» [6].

С этим утверждением трудно не согласиться, но федеральный законодатель не ограничился только приведением норм Федерального закона в соответствие с Конституцией РФ, но и впервые ввел обязанность кандидата на выборах любого уровня указывать при выдвижении сведения о когда-либо имевшихся судимостях с указанием номера (номеров) и части (частей), пункта (пунктов), а также наименования (наименований) статьи (статей) УК РФ, на основании которой (которых) был осужден кандидат, статьи (статей) уголовного кодекса, принятого в соответствии с Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик, статьи (статей) закона иностранного государства, если кандидат был осужден в соответствии с указанными законодательными актами за деяния, признаваемые преступлением действующим УК Российской Федерации. Императивность нормы указывает в том числе и на наличие судимости по закону иностранного государства. И если речь идет о фактах привлечения к уголовной ответственности на территории России, то здесь все предельно четко и понятно, но ведь имеют место и факты привлечения к уголовной ответственности на территории иных государств и в этом случае зачастую перед избирательными комиссиями, на которые возложена обязанность проведения проверки достоверности указанных кандидатом сведений, ставится весьма сложная задача, не только проверить достоверность предоставленных сведений о судимости, но и дать правовую оценку данным сведениям, а эта задача не всегда выполнима по ряду не зависящих от комиссии обстоятельств.

Весьма актуальна данная проблематика реализации указанных изменений для РК, находившейся более 23 лет в составе Украины. Как показывает практика, за прошедшие семь лет после принятия в Российскую Федерацию РК и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, значительный общественный резонанс и повышенный информационный интерес вызывают случаи отказа в регистрации и тем более отмена решений о регистрации кандидатов в депутаты различных уровней, связанные с установлением фактов сокрытия судимостей, хотя в последние годы статистика таких отказов значительно сокращается.

В силу положений Федерального закона от 05 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» вступившие в законную силу судебные решения, принятые на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 г., имеют ту же юридическую силу (в том числе для целей исполнения уголовного наказания), что и судебные решения, принятые на территории Российской Федерации [7]

Таким образом, все «украинские» судимости, которые имели граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на территории РК по состоянию на 18 марта 2014 г. и приобретшие гражданство Российской Федерации в силу ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014 и ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», признаются в российском правовом поле в полной мере. Однако, обязанность сообщить сведения о своей судимости у кандидата возникает в безусловном порядке только в случае, если имеется/имелась судимость за уголовно наказуемые деяния, которые таковыми являются в соответствии с уголовным законом России на день подачи заявления о согласии баллотироваться кандидатом в депутаты.

Такое толкование согласуется с имеющими прямое действие положениями ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации о том, что в случае устранения ответственности за правонарушение – в связи с изменением смысла, устанавливающего ее закона – этому изменению придается обратная сила.

Так, например, Верховным Судом РК по делу № 2а-99/2019 было установлено, что Б.М.П. был осужден за совершение преступления по ч. 1 ст. 172 УК Украины за грубое нарушение законодательства о труде, такие деяния не признаются преступлением согласно УК Российской Федерации, в случае их совершения предусмотрена административная ответственность по ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Также С.И.Г. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК Украины, предусматривающей ответственность за нарушение правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее пострадавшему средней тяжести телесные повреждения; вместе с тем ч.

1 ст. 264 УК РФ предусматривала ответственность за нарушение Правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ были декриминализованы все случаи причинения по неосторожности средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, в том числе внесены изменения в ст. 264 УК Российской Федерации, согласно которым исключена уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности причинение вреда средней тяжести здоровью человека. Федеральным законом от 22 апреля 2005 г. № 38-ФЗ была установлена административная ответственность за это деяние (ч. 2 ст. 12.24 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). При таких обстоятельствах ни Б.М.П., ни С.И.Г не должны были указывать в заявлениях о согласии баллотироваться как сведения об осуждении их соответственно по УК Украины, так и о погашении судимости [8].

Однако существуют и диаметрально противоположные случаи, когда только анализ текста приговора суда позволяет с достоверностью установить является ли совершенное кандидатом в депутаты за пределами РФ деяние, уголовно наказуемым по УК РФ и в качестве примера такого соотношения составов преступлений к административно или уголовно наказуемым деяниям приведу несколько примеров: Ст. 310 УК Украины [9] предусматривает уголовную ответственность за незаконный посев или незаконное выращивание снотворного мака в количестве от ста до пятисот растений или конопли в количестве от десяти до пятидесяти растений, аналогичная ст. 231 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Согласно Постановлению Правительства РФ от 27.11.2010 г. № 934, крупным размером культивирования конопли, для целей ст. 231 УК РФ признается количество от двадцати растений [10]. Таким образом квалифицирующий состав одного и того же преступления в уголовном законодательстве Украины и России отличается, но относительно проверки сведений о судимости конкретного кандидата в таких случаях избирательные комиссии оказываются бессильными, так как проверить достоверность сведений в данном случае возможно только исследовав приговор суда, но комиссии не наделены полномочиями по истребованию материалов уголовных дел из архивов судов и здесь для Крыма возникают новые сложности, связанные с тем обстоятельством, что зачастую суд, который осудил кандидата находится не в Крыму, а на территории Украины, а там с иным взглядом на Крым, как на оккупированную территорию, получить какие либо материалы или документы представляется весьма проблематичным, а следовательно и проверка сведений о судимости кандидата при таких условиях становится невозможной. Даже наличие у кандидата заверенной копии приговора суда не является для избирательной комиссии документом, подтверждающим факт декриминализации совершенного им преступления.

Поскольку для целей избирательного законодательства сам факт совершения кандидатом того или иного преступления, установленный приговором, является обстоятельством, влияющим на оценку избирателями личности кандидата на выборную должность, постольку исполнение гражданином обязанности сообщить в

заявлении о согласии баллотироваться по соответствующему избирательному округу сведения о вынесении в отношении него обвинительного приговора выступает одним из условий реализации пассивного избирательного права.

При этом, п. 3.2 ст. 4 ФЗ установлены ограничения в реализации гражданином пассивного избирательного права в связи с осуждением за тяжкое или особо тяжкое преступление. Вместе с тем, согласно п. 3.4 ст. 4 ФЗ если деяние, за совершение которого был осужден гражданин, в соответствии с новым уголовным законом не признается тяжким или особо тяжким преступлением, действие ограничений пассивного избирательного права, предусмотренных подпунктами «а», «а.1» и «а.2» пункта 3.2 настоящей статьи, прекращается со дня вступления в силу этого уголовного закона. Именно это обстоятельство, указывает на необходимость тщательного изучения приговора суда по уголовному делу для правильной квалификации состава деяния как уголовно наказуемого, но с различной степенью тяжести: так, Верховным Судом Республики Крым по делу № 33а-9380/2019 было установлено, что С.С.Н. совершил преступления и был осужден в период времени, когда Республика Крым была в составе Украины: в 2002 г. – за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 309 УК Украины, а также в 2008 г. – за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК Украины, и ч. 2 ст. 355 УК Украины. Все указанные преступления, в соответствии с ч. 3 ст. 12 УК Украины, являются преступлениями средней тяжести. Вместе с тем, согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации преступления, совершенные С.С.Н. отнесены к категориям тяжкого (ч. 2 ст. 179 УК РФ) и особо тяжкого (ч. 2 ст. 126 УК РФ) преступлений. Поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, суд пришел к выводу о том, что при определении категории преступлений, за которые он был осужден, необходимо руководствоваться нормами УК Украины, в редакции на дату совершения преступного деяния. А в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет [11]. Такое положение дел требует системного анализа статей УК Украины и Российской Федерации и законодательного урегулирования их декриминализации.

И еще один аспект рассматриваемого вопроса связан с восстановлением и включением с 01.07.2019 г. в действующие оперативно-справочные учеты из архивных фондов информации о фактах осуждения либо привлечения к уголовной ответственности лиц, ранее правомерно исключенная по истечении сроков хранения в соответствии с ранее действовавшими нормативно правовыми актами. В связи с тем, что в сентябре 2019 г. та территории РК проходили выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым и представительных органов муниципальных образований второго созыва, ряд кандидатов в депутаты скрыли судимости в виду того, что в 2014 г. эти судимости не были выявлены, но в связи с восстановлением вышеуказанных архивных фондов в 2019 г. данные факты их биографии были установлены и правомерно повлекли отказы в их регистрации. Решение вопросов «украинских» судимостей крымчан мне видится в законодательном закреплении обязанности лиц, баллотирующихся кандидатами в депутаты или иные выборные должности, вместе с остальными документами

предоставлять справку об отсутствии или наличии сведений о судимости с указанием всех необходимых для реализации пассивного избирательного права данных включая информацию о степени тяжести и корреляции статей, о датах снятия и погашения судимостей и т.д. В настоящее время органы МВД выдают только справки о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования на территории РФ.

Вторым, специфичный только для Республики Крым и города Севастополя аспектом лишения пассивного избирательного права является проверка достоверности сведений о наличии у гражданина гражданства иного государства. В соответствии с положениями Федерального закона на всей территории России действует принцип всеобщего избирательного права, который заключается в том, что каждый гражданин обладает активным и пассивными избирательным правом, а также дается четкое понятие пассивного избирательного права, которое заключается в праве граждан России быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Вместе с тем, избирательное законодательство России устанавливает определенные требования к лицам, реализующим пассивное избирательное право. Так, в соответствии с п. 3.1 ст. 4 Федерального закона не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Указанные граждане вправе быть избранными в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. Аналогичное положение содержится и в п. 1 ч. 4 ст. 4 Закона Республики Крым от 26 февраля 2019 г. № 572-ЗРК/2019 «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» (далее – Закон Республики Крым), согласно которому в соответствии с Федеральным законом не имеют права быть избранными депутатами Государственного Совета граждане Российской Федерации имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации») гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом [12]. При реализации пассивного избирательного права вступают в силу ограничения, установленные соответствующим Федеральным законом. На реализацию активного избирательного права гражданином Российской Федерации наличие гражданства иностранного государства либо вида на жительство иностранного государства не влияет и по общему правилу, процедура выхода из гражданства иностранного государства устанавливается внутренним законодательством данного государства. В частности, процедура выхода из гражданства Украины определена Законом Украины от 18 января 2001 г. № 2235-III «О гражданстве Украины», которым установлено, что выход из гражданства Украины допускается, если лицо приобрело гражданство

другого государства или получило документ, выданный уполномоченными органами другого государства, о том, что гражданин Украины приобретет его гражданство, если выйдет из гражданства Украины [13]. Для выхода из гражданства Украины такому лицу необходимо подать в соответствующее дипломатическое представительство или консульское учреждение Украины заявление вместе с необходимыми документами о выходе из гражданства Украины. Датой прекращения гражданства Украины является дата издания соответствующего Указа Президента Украины. Кроме того, Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации», регулирующим вопросы приобретения гражданства Российской Федерации в общем порядке, установлено обязательное требование об отказе от иного гражданства иностранными гражданами посредством обращения в полномочный орган иностранного государства с заявлениями об отказе от имеющегося у них иного гражданства. Таким образом, по общему правилу, необходимым условием для выдвижения кандидатом в депутаты Государственного Совета Республики Крым является отсутствие гражданства иностранного государства, а для граждан Российской Федерации – бывших граждан Украины – наличие документа об отказе от гражданства Украины, т.е. соответствующего Указа Президента Украины. Однако, с учетом особенностей Республики Крым, в том числе порядка приобретения гражданства Российской Федерации гражданами Украины и лицами без гражданства, постоянно проживавшими на территории Республики Крым по состоянию на 18 марта 2014 г., применение общих правил не представляется возможным.

Приобретение гражданства Российской Федерации гражданами Украины и лицами без гражданства, постоянно проживавшими на территории Республики Крым по состоянию на 18 марта 2014 г., осуществлялось в силу статьи 5 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г., и ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – Федеральный конституционный закон), которыми установлено признание указанных лиц гражданами Российской Федерации [14]. Вместе с тем, ни Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г., ни Федеральным конституционным законом, не устанавливалось положение об одновременной утрате указанными лицами гражданства Украины.

В виду сложившихся особенностей, указанные лица, постоянно проживавшие на территории Республики Крым по состоянию на 18 марта 2014 г., и приобретшие гражданство Российской Федерации не могут выйти из (отказаться от) гражданства Украины в общем порядке, а наличие у них гражданства Украины существенно ограничивает их не только в реализации пассивного избирательного права, но и иных прав, например, на замещение государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы. В связи с этим, Федеральный конституционный закон был дополнен ч. 4 ст. 4 следующего

содержания: «4. Лицо, признанное в соответствии с ч. 1 настоящей статьи гражданином Российской Федерации и получившее документ, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации, признается на территории Российской Федерации гражданином, не имеющим гражданства иностранного государства, в случае подачи им заявления о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства. Заявление о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства подается в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции. Вместе с заявлением о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства представляется документ, подтверждающий наличие иного гражданства» [15].

Избирательная комиссия Республики Крым в целях предупреждения возможного несоблюдения кандидатами требования относительно отсутствия гражданства иностранного государства, при утверждении перечня и форм документов, представляемых при проведении выборов депутатов Государственного Совета Республики Крым второго созыва избирательными объединениями, кандидатами в Избирательную комиссию Республики Крым, окружные избирательные, установила примечание к заявлению кандидата о согласии баллотироваться следующего содержания: «Примечание: к заявлению прилагается копия документа, подтверждающего подачу кандидатом, признанным в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона гражданином Российской Федерации и получившим документ, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации, заявления о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства». Более того Избирательной комиссией Республики Крым были одобрены Разъяснения некоторых вопросов правового регулирования ограничения пассивного избирательного права на территории Республики Крым, в которых по мимо вышеупомянутой информации разъяснялось, что непредставление кандидатом заявления о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства не является основанием для отказа в регистрации кандидата, заверении и регистрации республиканского списка кандидатов. Однако, обращалось внимание на то обстоятельство, что в случае если при проведении проверки достоверности сведений о кандидатах, представляемых при проведении выборов депутатов Государственного Совета Республики Крым избирательными объединениями, кандидатами в Избирательную комиссию Республики Крым, окружные избирательные комиссии, проводимой в соответствии с п. 6 с. 33 Федерального закона и частями 1, 3-6 ст. 40 Закона Республики Крым будет установлено наличие у кандидата гражданства иностранного государства, свидетельствующего об отсутствии у него пассивного избирательного права, то это обстоятельство будет основанием для отказа в регистрации такого кандидата (подпункт «а» п. 24 ст. 38 Федерального, п. 1 ч. 4 ст. 41 Закона Республики Крым), исключения кандидата из заверенного списка кандидатов (подпункт «а» п. 26 ст. 38 Федерального закона, п. 1 ч. 6 ст. 41 Закона Республики Крым), а зарегистрированного кандидата – для аннулирования его регистрации (п. 3 ст. 76 Федерального закона).

Несмотря на тот факт, что избирательное законодательство не учитывает особый порядок приобретения гражданства Российской Федерации в Крыму и городе Севастополе и наличие гражданства Украины у крымчан, прошедшие 8 сентября

2019 г. выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым второго созыва в Крыму позволили наработать первую судебную практику и Верховным Судом Российской Федерации по делу № 127-АПА19-23 установлено, что из правового анализа приведённых предписаний федерального законодателя в совокупности с положениями п. 6 ст. 33 Федерального Закона № 67-ФЗ, обязывающими избирательную комиссию обратиться в компетентные органы с представлением о проверке достоверности сведений о кандидатах, включая вопросы гражданства, следует, что в случае установления наличия у кандидата гражданства иностранного государства (для лиц, признанных гражданами Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ отсутствие поданного в установленном порядке заявления о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства), такое обстоятельство является основанием для принятия избирательной комиссией решения об отказе в регистрации [16].

В заключении необходимо отметить, что проверка достоверности сведений о кандидатах обладает особой спецификой, и в настоящее время ни федеральное ни региональное законодательство не содержат механизмов, способных обеспечить полноту проверки сведений о судимости кандидатов в депутаты. Относительно привнесения в законодательство Республики Крым отдельных положений, позволяющих компенсировать отсутствие федерального регулирования вопросов двойного гражданства кандидатов в депутаты, крымские законодатели начали первые шаги в данном направлении и Законом Республики Крым от 26 февраля 2019 г. № 572-ЗРК введена норма, обязывающая к предложению по кандидатурам для назначения членами Избирательной комиссии Республики Крым с правом решающего голоса прикладывать копию документа, подтверждающего подачу кандидатом, признанным в соответствии с частью 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» гражданином Российской Федерации и получившим документ, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации, заявления о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства [17].

Список литературы:

1. Закон Украины «О выборах депутатов местных и сельских советов» от 10.07.2010 № 2487-VI // [Электронный ресурс]: URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_vyborah_deputatov_mestnyh_i_selskih_sovetov/statja-9.htm
2. Закон Украины «О местных выборах» от 14.07.2015 № 595-VIII // [Электронный ресурс]: URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_mestnyh_vyborah/9.htm
3. Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2274.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 года № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, В.А. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5622.

5. Федеральный закон от 21 февраля 2014 года № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 739.
6. Н.Е. Таева «К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений» https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=25651
7. Федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // «Собрание законодательства РФ», 12.05.2014, № 19, ст. 2296.
8. Решение Верховного Суда Республики Крым от 26 июля 2019 года по делу № 2а-99/2019 // Электронный ресурс URL: https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2075188465&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения 24.10.2021).
9. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III // Ведомости Верховной Рады Украины, 2001, № 25-26 (29.06.2001), ст. 131.
10. Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 года № 934 (ред. от 09.08.2019) «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» // «Собрание законодательства РФ», 13.12.2010, № 50, ст. 6696.
11. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 03.09.2019 по делу № 33а-9380/2019 // [Электронный ресурс]: URL: https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6429435&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения 17.10.2021)
12. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.06.2002, № 22, ст. 2031.
13. Закон Украины от 18 января 2001 года № 2235-III «О гражданстве Украины» // Ведомости Верховной Рады Украины, 2001, N 13 (30.03.2001), ст. 65.
14. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1. Ст. 1.
15. Федеральный конституционный закон от 29.12.2014 № 19-ФКЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 12 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // «Собрание законодательства РФ», 05.01.2015, № 1 (часть I), ст. 1
16. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26.08.2019 N 127-АПА19-23 // [Электронный ресурс]: URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-26082019-n-127-apa19-23/> (дата обращения 27.11.2021)
17. Закон Республики Крым от 26.02.2019 № 572-ЗРК/2019 «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» // «Ведомости Государственного Совета Республики Крым», 2019, № 2.

Guzeeva I.N. Criminal record under the law of a foreign state and foreign citizenship: restriction or deprivation of the right to be elected // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 105-116.

In the article, the author analyzes the problems specific to the Republic of Crimea of the existence of Ukrainian citizenship and Ukrainian criminal records of Crimeans recognized as citizens of the Russian Federation as a result of the option. Considers the institution of criminal record as a general legal category, the consequences of which are reflected in electoral rights, and not only as a criminal law, raising the issue of the correlation of articles of the Criminal Codes of Ukraine and Russia. The article analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the issues under consideration and on the example of election campaigns conducted on the territory of the Republic of Crimea.

Key words: conviction, punishable acts, double citizenship, right to stand for election, verification of information candidates, the legal consequences of concealing the fact of conviction.

Spisok literatury:

1. Zakon Ukrainy «O vyborah deputatov mestnyh i sel'skih sovetov» ot 10.07.2010 № 2487-VI // [Elektronnyj resurs]: URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_vyborah_deputatov_mestnyh_i_sel'skih_sovetov/statja-9.htm
2. Zakon Ukrainy «O mestnyh vyborah» ot 14.07.2015 № 595-VIII // [Elektronnyj resurs]: URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_mestnyh_vyborah/9.htm
3. Federal'nyj zakon ot 2 maya 2012 goda № 40-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii" i Federal'nyj zakon "Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2012. № 19. St. 2274.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10 oktyabrya 2013 goda № 20-P «Po delu o proverke konstitucionnosti podpunkta «a» punkta 3.2 stat'i 4 Federal'nogo zakona «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii», ch. 1 st. 10 i ch. 6 st. 86 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan G.B. Egorova, A.L. Kazakova, I.YU. Kravcova, V.A. Kupriyanova, A.S. Latypova i V.YU. Sin'kova» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2013. № 43. St. 5622.
5. Federal'nyj zakon ot 21 fevralya 2014 goda № 19-FZ «O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 8. St. 739.
6. N.E. Taeva «K voprosu o konstitucionnosti norm, ogranichivayushchih passivnoe izbiratel'noe pravo grazhdan, osuzhdennyh kogda-libo k lisheniyu svobody za sovershenie tyazhkih i (ili) osobo tyazhkih prestuplenij» https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=25651
7. Federal'nyj zakon ot 05.05.2014 № 91-FZ «O primenenii polozhenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 12.05.2014, № 19, st. 2296.
8. Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 26 iyulya 2019 goda po delu № 2a-99/2019 // Elektronnyj resurs URL: https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2075188465&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (data obrashcheniya 24.10.2021).
9. Ugolovnyj kodeks Ukrainy ot 05.04.2001 № 2341-III // Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy, 2001, № 25-26 (29.06.2001), st. 131.
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.11.2010 goda № 934 (red. ot 09.08.2019) «Ob utverzhdenii perechnya rastenij, soderzhashchih narkoticheskie sredstva ili psihotropnye veshchestva libo ih prekursory i podlezhashchih kontrolyu v Rossijskoj Federacii, krupnogo i osobo krupnogo razmerov kul'tivirovaniya rastenij, soderzhashchih narkoticheskie sredstva ili psihotropnye veshchestva libo ih prekursory, dlya celej stat'i 231 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe ob izmenenii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po voprosu oborota rastenij, soderzhashchih narkoticheskie sredstva ili psihotropnye veshchestva libo ih prekursory» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 13.12.2010, № 50, st. 6696.
11. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 03.09.2019 po delu № 33a-9380/2019 // [Elektronnyj resurs]: URL: https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6429435&delo_id=5&new=5&text_number=1 (data obrashcheniya 17.10.2021)
12. Federal'nyj zakon ot 31 maya 2002 goda № 62-FZ «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 03.06.2002, № 22, st. 2031.
13. Zakon Ukrainy ot 18 yanvarya 2001 goda № 2235-III «O grazhdanstve Ukrainy» // Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy, 2001, N 13 (30.03.2001), st. 65.
14. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 marta 2014 № 6-FKZ «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov - Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015. № 1. St. 1.
15. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 29.12.2014 № 19-FKZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 4 i 12 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov - Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 05.01.2015, № 1 (chast' I), st. 1
16. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 26.08.2019 N 127-APA19-23 // [Elektronnyj resurs]: URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliacionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verhovnogo-suda-rf-ot-26082019-n-127-apa19-23/> (data obrashcheniya 27.11.2021)
17. Zakon Respubliki Krym ot 26.02.2019 № 572-ZRK/2019 «O vyborah deputatov Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym» // «Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym», 2019, № 2.

УДК 343.3/7

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-117-124

**ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ
СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ**

Деревянская Т. П., Иликбаева Е. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Проблема конкуренции норм (как уголовных, так и административных), регулирующих ответственность за обращение фальсифицированной медицинской продукции является весьма дискуссионным как в теории уголовного права, так и при расследовании таких преступлений. Возникает ряд вопросов, которые затрудняют процесс квалификации и мешают правоприменителю дать верную правовую оценку рассматриваемым общественно опасным деяниям. Кроме того, что трудности при квалификации возникают в определении самого предмета преступления, также значительная часть ошибок связана с непосредственным разграничением уголовно-правовых норм и их отличий от административных правонарушений.

Проводя анализ правоприменительной практики по ст.ст. 235¹ и 238¹ УК РФ, следует отметить, что случаи привлечение лиц к уголовной ответственности достаточно редки несмотря на то, что изымается из оборота достаточно большое количество фармацевтической и медицинской продукции, находящейся в незаконном обороте, объемы фальсифицированной медицинской продукции сравниваются с объемами оборота наркотических средств. Такой низкий уровень привлечения лиц к уголовной ответственности по изучаемым составам преступлений отмечается прежде всего потому, что до настоящего времени не определен и не выработан единый подход к пониманию признаков состава преступления, а также не уделяется должного внимания к проблеме конкуренции норм, регулирующих ответственность за незаконное обращение фармацевтической и медицинской продукции.

Ключевые слова: незаконное обращение лекарственных средств, незаконное обращение медицинских изделий, конкуренция норм, смежные составы.

На современном этапе развития России производство и распространение лекарств и медицинских изделий входит в ряд наиболее прибыльных видов бизнеса, россиянам предлагается в десять раз больше препаратов, чем 20 лет назад: согласно данным Государственного реестра лекарственных средств Российской Федерации (далее – РФ). В то же время эксперты прогнозируют дальнейший рост российского фармацевтического рынка с учетом существования мирового тренда по увеличению объема производства и потребления фармацевтической продукции.

Кроме социальных и человеческих потерь, фальсифицированная медицинская продукция приводит к экономическим потерям, к возникновению новой формы недобросовестной конкуренции, к снижению доходов производителей.

Следует также отметить, что спрос на лекарственные средства и медицинские изделия всегда был высоким, однако в последние годы спрос значительно вырос и продолжает увеличиваться. По данным Национального рейтингового агентства прибыль от розничной продажи лекарств будет только расти [1], что, несомненно, не может не отразиться и на заинтересованности фальсификаторов на фармацевтическую продукцию.

На увеличивающийся спрос фармацевтических препаратов повлияла и пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, которая привела к росту спроса на все лекарственные препараты, вакцины и медицинские изделия, входящие в перечень жизненно необходимых, что в свою очередь влияет на распространение такой продукции недобросовестными лицами [2].

Тенденции интенсивного развития рассматриваемой отрасли и возросший спрос на фармацевтическую продукцию негативным образом сказался на развитии теневого бизнеса в сфере обращения лекарственных средств, активизация фальсификации лекарственных средств, в результате чего количество фальсифицированных (некондиционных), субстандартных (некачественных) и незарегистрированных лекарств в обращении в нашей стране существенно возросло. Причем незаконное производство фармацевтической продукции осуществляется на профессиональном уровне, достаточно крупными изготовителями.

Также следует отметить о публикуемых ежедневно на сайте Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения информации об отзыве лекарственных средств, например, 13.12.2021 года отозван лекарственный препарат «Пролия» торговой марки ООО «Амджен» который имеет маркировку на турецком языке и ввоз указанного препарата на территорию Российской Федерации [3]. Небольшое количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности свидетельствует о высокой латентности преступлений, совершаемых в сфере изготовления и обращения лекарственных средств. Указанные обстоятельства подтверждают необходимость разработки и воплощения на практике действенных мер по противодействию и предотвращению указанным общественно опасным деяниям. Важно на современном этапе создать эффективную общегосударственную систему предотвращения и противодействия преступности в сфере изготовления и оборота лекарственных средств.

Квалификация преступлений в сфере обращения фармацевтической продукции осложняется сложностью разграничения ст.ст. 235¹ и 238¹ УК РФ со смежными составами преступлений и административных правонарушений, в связи с чем необходимо правильное уяснение признаков рассматриваемых составов преступлений.

Правонарушения, совершаемые в сфере производства и обращения лекарственных средств, прежде всего включают:

- фальсификацию лекарственных средств (изготовление (производство) фальсифицированных лекарственных средств и оборот фальсифицированных лекарственных средств, в том числе контрабанду фальсифицированных лекарственных средств);
- незаконный оборот лекарственных средств (осуществление распространения лекарственных средств, оборот которых запрещен действующим законодательством в РФ; торговлю лекарственными средствами через ряд фиктивных предприятий; незаконная продажа с уклонением от уплаты налогов, в том числе через Интернет, лекарственных средств, ввезенными на территорию Российской Федерации вне таможенным контролем, и т. п.);
- нарушение установленного порядка доклинического изучения, клинических испытаний и государственной регистрации лекарственных средств;
- изготовление контрафактных лекарственных препаратов (нарушение интеллектуальной собственности в сфере производства лекарственных средств). Преступность в сфере изготовления и оборота лекарственных средств имеет внутреннюю

структуру (по видам проводимой деятельности субъектами хозяйственной деятельности в указанной сфере деятельности).

Наибольшая сложность у правоприменителя возникает при разграничении преступлений предусмотренных ст.ст. 235¹ и 171 УК РФ. Отметим, что незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (не являющихся предметом преступления ст.238¹ УК РФ) без специального разрешения, т. е. лицензии, когда такая лицензия является обязательной, необходимо квалифицировать по ст. 235¹ УК РФ. Так как в данном случае ст. 235¹ УК РФ является специальным составом по отношению к ст. 171 УК РФ, следовательно, квалификации по совокупности не требуется.

В случае если без специального разрешения (лицензии) производятся фальсифицированные, недоброкачественные или незарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия то такие деяния необходимо квалифицировать по совокупности статей 238¹ УК РФ статье 171 УК РФ. Поскольку производство лекарственных средств без лицензии составляет деяния, образующие незаконную предпринимательскую деятельность, а производство указанных выше лекарственных средств и медицинских изделий состав 238¹ УК РФ. Квалификация по ст. 235¹ УК РФ невозможна поскольку фальсифицированная медицинская продукция не является предметом ст. 238¹ УК РФ.

Такая позиция обоснованная и подтверждается апелляционным определением Московского областного суда приговор в отношении Сергеева В. В., по которому он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 171 и п. «а» ч. 2 ст. 238.1 УК РФ, оставлен без изменения, апелляционная жалоба — без удовлетворения. Согласно материалам дела, Сергеев В. В. и его соучастники осуществляли производство и сбыт фальсифицированных лекарственных средств посредством распространения фармакологически активных веществ, ввезенных из Китая, под видом популярных лекарственных препаратов, таких, как, например, «Кларитин» и «Энтеродез».

Фиктивность субъекта хозяйствования, который якобы легально изготавливает лекарственные средства, что может иметь проявление через:

- отсутствие материально-технической базы (помещений, оборудования) для осуществления производства лекарственных средств по месту осуществления указанной деятельности субъектом хозяйствования;
- отсутствие или несоответствие необходимого производственного оборудования, технических средств, оборудования (инвентаря), средств измерения для обеспечения надлежащего проведения технологического процесса по производству лекарственных средств;
- отсутствие специалистов у производителя лекарственных средств, которые должны иметь соответствующее специальное образование и отвечать Единым квалификационным требованиям;
- несоответствие здания, помещений и оборудования, использующих для ведения деятельности по изготовлению и/или производства лекарственных средств, установленным требованиям;
- осуществления производства лекарственных средств без наличия лицензии на осуществление хозяйственной деятельности по производству (промышленного) лекарственных средств;

- отсутствие у субъекта хозяйствования-производителя лекарственных средств основной производственной документации, основной производственной рецептуры по лекарственным средствам.

Квалификация преступлений, связанных с незаконным обращением фармацевтической и медицинской продукции, осложняется еще и наличием административной ответственности за правонарушения, связанные с обращением такой продукции, что закономерно ставит вопрос о разграничении таких норм. Такое разграничение необходимо осуществлять на основе тщательного анализа признаков состава преступления и соответствующего административного правонарушения.

Так, при формулировании составов ст.ст. 6.28 и 6.33 КоАП РФ законодатель в диспозиции этих статей прямо указывает, что нарушение установленных правил в сфере обращения медицинских изделий и обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок будет административно наказуемым только в том случае, если эти деяния не содержат уголовно наказуемого деяния. Соответственно, для правильной квалификации таких правонарушений необходимо не только уяснение признаков состава административного правонарушения, но и подробное рассмотрение его во взаимоотношении со схожим составом преступления.

Статья 6.28 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за действие или бездействие, выражающееся в нарушении конкретных правовых норм, регламентирующих порядок обращения медицинских изделий. При этом ст. 235¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за производство медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна). Соответственно административной ответственности подлежит лицо, осуществляющее производство медицинских изделий в нарушение установленных правил за исключением случаев производства без лицензии (специального разрешения). Порядок производства медицинских изделий определен ГОСТ Р 15.013-2016[5], данный стандарт рассматривает работы, относящиеся к таким стадиям жизненного цикла медицинских изделий, как исследование, разработка, изготовление (производство), снятие с производства.

Анализ судебной практики позволил сделать вывод о том, что наиболее часто объективная сторона правонарушений, предусмотренных ст. 6.28 КоАП РФ заключается в нарушении требований применения медицинских изделий. Так, применяются медицинские изделия, не зарегистрированные в установленном порядке. Примером может служить ООО «МУ «ЦМК-Дземги», где в медицинских целях использовались медицинские изделия, на которые отсутствовали регистрационные удостоверения, а именно: «Кресло Барани», «Стоматологическая установка», «Ширма медицинская», а также «Простыня одноразовая». На медицинских изделиях «Кресло Барани», «Стоматологическая установка», «Ширма медицинская» на момент проверки отсутствовали информационные таблички, содержащие сведения на русском языке о маркировке включающую наименование и производителя товара, или иные другие обозначения, с помощью которых возможно идентифицировать данные объекты, как медицинские изделия [6].

Также применяются медицинские изделия с истекшим сроком годности или нарушением условий хранения, например ООО «Биофарм» применяло медицинское

изделие с истекшим сроком годности, а именно: лейкопластырь «Унипласт кровоостанавливающий М-ДОК №8» [7].

Кроме того, значительная часть нарушений, связана с хранением и применением медицинских изделий, не зарегистрированных в установленном порядке, так, Бюджетное учреждение здравоохранения Удмуртской Республики «Республиканская офтальмологическая клиническая больница Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» г. Ижевск осуществляла хранение и использование при проведении операций по кератопластике незарегистрированных медицинских изделий: «Материал для кератопластики» производства отделения заготовки трупных тканей БУЗ УР «РОКБ МЗ УР» [8].

Нередко административным правонарушением являлось также нарушение требований по эксплуатации, в том числе техническому обслуживанию, предусмотренных нормативной, технической и (или) эксплуатационной документацией производителя (изготовителя). В качестве примера можно привести МАУЗ ОТКЗ ГКБ № 1 установлен факт обращения медицинских изделий с нарушением правил эксплуатации и технического обслуживания. Согласно паспорту Прибора ЭХВЧ-350-03-«ФОТЭК», гарантийный срок эксплуатации нейтрального электрода – 12 месяцев, при числе циклов дезинфекций не более 500. Записи, подтверждающие проведение дезинфекции многоцветного нейтрального электрода, а также учет проведенных дезинфекций и визуальных осмотров нейтрального электрода не представлены. При этом, при обращении медицинских изделий (аппарата электрохирургического высокочастотного ЭХВЧ-350-«ФОТЕК», нейтрального электрода) в отделении детской хирургии МАУЗ ОТКЗ ГКБ № 1 при проведении хирургических вмешательств у пациентов неоднократно возникали ожоги мягких тканей, что в свою очередь требует длительного лечения и реабилитации [9].

Таким образом административная ответственность предусмотрена за нарушение любых правил обращения медицинских изделий, кроме производства медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такая лицензия (такое разрешение) было обязательным.

Рассматривая статью 6.33 КоАП РФ «Обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» и ее отличие от ст. 238¹ УК РФ, в первую очередь отметим, что уголовной ответственности подлежит только незаконное обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок в крупном размере. Также имеют значительное отличие объективные признаки рассматриваемых составов правонарушения и преступления.

Для наглядности объективные признаки представлены в таблице №1.

Табл. №1. Объективные признаки ст. 6.33 КоАП РФ и ст. 238¹ УК РФ.

Предмет	Объективная сторона	
	ст. 6.33 КоАП РФ	ст. 238 ¹ УК РФ
Фальсифицированные лекарственные средства и медицинские изделия	Производство Реализация Ввоз	Производство Сбыт Ввоз
Контрафактные лекарственные средства и меди-	Реализация	–

цинские изделия	ВВОЗ	
Фальсифицированные биологически активные добавки	Оборот	–
Фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции	–	Производство Сбыт Ввоз
Недоброкачественные лекарственные средства и медицинские изделия	Реализация Ввоз	Сбыт Ввоз
Незарегистрированные лекарственные средства	Производство Реализация Ввоз	Незаконное производство Сбыт Ввоз
Незарегистрированные медицинские изделия	–	Незаконное производство Сбыт Ввоз

Анализируя представленную информацию, можно сделать вывод что за обращение контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий предусмотрена только административная ответственность. При этом, в соответствии с действующим законодательством, под контрафактным лекарственным средством или медицинским изделием понимают лекарственное средство или медицинское, находящееся в обороте с нарушением гражданского законодательства [10]. И, напротив, не предусмотрена административная ответственность за обращение незарегистрированных медицинских изделий, при этом присутствует такая ответственность за обращение незарегистрированных лекарственных средств.

Кроме того, в качестве предмета рассматриваемых правонарушений и преступления существенно отличаются биологически активные добавки. Так, административно наказуемым является оборот любых фальсифицированных биологически активных добавок, при этом уголовная ответственность предусмотрена только за оборот фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Различия в объективной стороне данных составов не столь существенны, законодатель, предусмотрел в качестве как уголовно-наказуемых, так и административно-наказуемых деяний, входящих в незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий, производство и ввоз на территорию Российской Федерации, при этом административной ответственности подлежит реализация фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий, а также незарегистрированных лекарственных средств, а уголовной – сбыт.

Стоит отметить, что действующее законодательство не содержит понятия сбыта фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, и медицинских изделий. Федеральные законы «Об обращении лекарственных средств» и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лишь включают понятие «реализация».

Также усматриваются отличия рассматриваемых норм и по субъективной стороне, так уголовная ответственность за ввоз на территорию российской федерации незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий возможна только в том случае, если у виновного присутствовала специальная цель – сбыт таких лекарственных средств и медицинских изделий, для схожего состава административного правонарушения цель ввоза незарегистрированных лекарственных средств не имеет значения.

Таким образом, рассматривая проблемы конкуренции норм, регулирующих ответственность за обращение фальсифицированной медицинской продукции, можно сделать вывод, что данный вопрос является дискуссионным как в теории уголовного права. Возникающие вопросы затрудняют процесс квалификации и мешают правоприменителю дать верную правовую оценку рассматриваемым общественно опасным деяниям.

Список литературы:

1. Аптеки выручат по итогам года 1,36 триллиона рублей. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4564739>
2. Предупреждение о фальсифицированной медицинской продукции № 3, 2020 г. Фальсифицированная медицинская продукция (включая изделия для диагностики ин витро), якобы предназначенная для предупреждения, выявления, устранения симптомов или лечения COVID-19 [Электронный ресурс]. – URL: https://mca.essensys.ro/docs/default-source/essential-medicines/drug-alerts20/no3-2020-falsified-mp-for-covid-ru.pdf?sfvrsn=cd866001_16
3. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения [Электронный ресурс]. – URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2021/12/13/1639395862.67992-1-46370.pdf>
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
5. ГОСТ Р 15.013-2016 Система разработки и постановки продукции на производство. Медицинские изделия. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139386>
6. Решение арбитражного суда Хабаровского края от 05 июня 2020 г. по делу № А73-21645/2019.
7. Решение арбитражного суда Республики Ингушетия от 06 июля 2020 г. по делу № А18-503/2020.
8. Решение арбитражного суда Удмуртской республики от 10 сентября 2020 г. по делу № А71-19756/2019.
9. Решение арбитражного суда Челябинской области от 25 июня 2020 г. по делу № А76-6593/2020.
10. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021)
11. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.05.2021).

Derevianskaia T. P., Ilikbaeva E. S. Problems of competition of norms regulating liability for illegal circulation of medicines and medical devices // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 117-124.

The problem of competition of norms (both criminal and administrative) regulating responsibility for the circulation of falsified medical products remains very controversial both in the theory of criminal law, and in the investigation of such crimes. A number of issues arise that complicate the process of qualification and prevent law enforcement officer to give a correct legal assessment of the considered socially dangerous acts. In addition to the fact that difficulties in qualification arise in determining the very subject of the crime, namely falsified, substandard and unregistered medical products, a significant part of errors is associated precisely with the distinction of the very criminal law norms and their differences from administrative offenses.

Conducting an analysis of law enforcement practice under article 2381 of the Criminal Code of the RF, it should be noted that cases of bringing persons to criminal responsibility are quite rare, despite the fact that quite a large number of counterfeit, substandard and unregistered medical products is withdrawn from circulation, the volume of counterfeit medical products is compared with the volume of drug trafficking. Such

a low level of bringing persons to criminal responsibility under the studied corpus delicti is primarily due to the fact that so far there has been no unified approach to the understanding and definition of the subject of the crime, as well as to the problem of competition of norms governing responsibility for illicit circulation of pharmaceuticals and medical products.

Keywords: illegal circulation of medicines, illegal circulation of medical devices, competition of norms, related offenses.

Spisok literatury:

1. Apteki vyruchat po itogam goda 1,36 trilliona rublej. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4564739>
2. Preduprezhdenie o fal'sificirovannoj medicinskoj produkcii № 3, 2020 g. Fal'sificirovannaya medicinskaya produkciya (vklyuchaya izdeliya dlya diagnostiki in vitro), yakoby prednaznachennaya dlya preduprezhdeniya, vyavleniya, ustraneniya simptomov ili lecheniya COVID-19 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://mca.essensys.ro/docs/default-source/essential-medicines/drug-alerts20/no3-2020-falsified-mp-for-covid-ru.pdf?sfvrsn=cd866001_16
3. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zdavoohraneniya [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2021/12/13/1639395862.67992-1-46370.pdf>
4. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
5. GOST R 15.013-2016 Sistema razrabotki i postanovki produkcii na proizvodstvo. Medicinskie izdeliya. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139386>
6. Reshenie arbitrazhnogo suda Habarovskogo kraja ot 05 iyunya 2020 g. po delu № A73-21645/2019.
7. Reshenie arbitrazhnogo suda Respubliki Ingushetiya ot 06 iyulya 2020 g. po delu № A18-503/2020.
8. Reshenie arbitrazhnogo suda Udmurtskoj respubliky ot 10 sentyabrya 2020 g. po delu № A71-19756/2019.
9. Reshenie arbitrazhnogo suda CHelyabinskoy oblasti ot 25 iyunya 2020 g. po delu № A76-6593/2020.
10. Ob obrashchenii lekarstvennyh sredstv: Federal'nyj zakon ot 12.04.2010 № 61-FZ (red. ot 22.12.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2021)
11. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 26.05.2021).

УДК 343.54

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-125-131

СУБЪЕКТИВНОЕ ВМЕНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Донская О. Г., Сашенко А. А.

*ФГБОУВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

В статье представлен авторский анализ субъективного вменения в Российском уголовном праве. Субъективное вменение является уникальным уголовно-правовым понятием, которое включает в себя не только субъективный элемент вины, но и субъект преступления. Авторами статьи субъективное вменение рассмотрено с точки зрения его реального применения в случае совершения лицом умышленных, неосторожных деяний, а также деяний с двойной формой вины. Являясь комплексным правовым институтом, субъективное вменение предполагает обязанность годного с уголовно-правовой позиции субъекта понести ответственность за виновно совершенное деяние, посягающее на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Таким образом, субъективное вменение это важнейшее условие оценки поведения субъекта как преступного, а самого лица как преступника, который не просто является вменяемым, но и виновным.

Авторами представлены дискуссионные аспекты соблюдения требований субъективного вменения, а также реальные примеры законодательного допущения объективного вменения.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, преступление, субъект преступления, субъективная сторона, вина, субъективное вменение, объективное вменение, умысел, неосторожность, двойная форма вины, легкомыслие, небрежность, деяние, опасные последствия, общественная опасность, противоправность действий, применение, регламентация.

Преступление является центральным институтом уголовного права. Именно преступление дает старт возникновению уголовно-правового отношения, порождающего уголовно правовые последствия.

Преступление, как акт, нарушающий целостность общественных отношений, взятых под защиту уголовным законом, прежде всего, проявляется в наличных фактах объективной действительности. Наиболее частым в процессуальной практике является первостепенность выявления объективных признаков преступления, то есть его наличного внешнего проявления. Вопрос о субъективной стороне, возникает в основном, после установления объективных признаков, ввиду чего, чаще всего, становится производной и наиболее сложной категорией.

При этом, анализируя признаки преступления, приведенные в уголовном законе, мы обнаруживаем, что законодатель на первое место, среди них, ставит именно виновность, то есть, как общепринято именовать, внутреннее психическое отношение субъекта к совершенному деянию, а не внешнее его проявление.

Вероятно, законодатель, таким образом, подчеркивает особую значимость вины, как лакмусовой бумажки демократического режима и соблюдения прав человека, нашедшей свое место в Конституции РФ в качестве основания наступления уголовной ответственности.

Уголовный закон, определяя вину, как субъективную сторону состава преступления, подробно установил субъективные границы психического отношения к деянию, которые позволяют отделить преступное поведение от неправомерного. Пять

статей (ст. 24-28 УК РФ), содержащихся в гл. 5 «Вина», закрепили максимально расширенный перечень возможных вариантов психического отношения субъекта к деянию. Отдельной правовой нормой закреплена невиновное причинение вреда. Более того, законом определены обстоятельства, исключающие преступность деяния, которым отведена отдельная восьмая глава Уголовного кодекса РФ. Описывая эти обстоятельства, законодатель также опирается на субъективные факторы, свидетельствующие об особых обстоятельствах, оказавших влияние на формирование поведения лица, которое с объективной стороны обладает признаками преступления, однако таковым не является.

Тем не менее, не смотря на детальную регламентацию значения и сущности субъективной стороны для определения преступного поведения, по нашему мнению, на практике понятие вины не редко идентифицируется с понятием виновности или виновного вменения, то есть с совокупностью субъективных и объективных факторов преступления. Виновное вменение по своей сути схоже с объективным вменением, которое не приемлемо в правовом государстве, поскольку противоречит самой сути права субъекта на привлечение его к ответственности за виновное деяние.

Теоретики уголовного права трансформировали понятие виновного вменения в субъективное вменение, наделив его с одной стороны более узким содержанием, то есть, исключив вменение с содержанием объективных признаков, с другой, более объемным, включив в субъективное вменение также признаки субъекта преступления и факультативными признаками субъективной стороны преступления. Субъективное вменение — это важнейшее условие правильной оценки человеческого поведения вообще и содеянного преступления в частности [1, с. 81], ввиду чего его преобладающая значимость для правильного применения закона, позволяет проводить новые актуальные исследования этой проблемы.

Субъективное вменение является специфической уголовно-правовой категорией, которая неразрывно связана с уголовно-правовым принципом вины и осложняется определением ее форм. Являясь комплексным правовым институтом, субъективное вменение предполагает обязанность годного с уголовно-правовой позиции субъекта понести ответственность за виновно совершенное деяние, посягающее на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Таким образом, субъективное вменение — это важнейшее условие оценки поведения субъекта как преступного, а самого лица как преступника, который не просто является вменяемым, но и виновным [2, с.15]

Субъективное вменение представляет собой с одной стороны невозможность привлечения к уголовной ответственности лицо, не совершавшее преступление, с другой стороны, привлечению к ответственности подлежит только то лицо, которое осознает характер своих действий и отвечает требованиям, предъявляемым к субъекту преступления (возраст, вменяемость).

Отечественные правоведы зачастую выделяют субъективное вменение в качестве самостоятельного принципа уголовного права. А некоторые из них предлагают закрепить его в нормах законодательства в качестве отдельного в силу необходимости его законодательной конкретизации [2, с. 10; 3, с. 95].

Мы считаем, что введение субъективного вменения в качестве самостоятельного принципа уголовного кодекса является излишним и чрезмерным, поскольку уголов-

ный закон содержит нормы, исключаящие уголовную ответственность без наличия всей совокупности субъективных признаков, включающих в себя характеристики субъекта преступления и субъективной стороны (вины).

Понятие субъективного вменения гораздо шире понятия вины. Оно включает в себя также и обязательные признаки, характеризующие субъект преступления и невозможно без надлежащего субъекта. По правилу, вытекающему из норм действующего уголовного закона, для привлечения к ответственности лица необходимо, чтобы оно не просто имело соответствующее внутреннее отношение к деянию, обладающему признаками общественной опасности и запрещенному законом, но, чтобы и само это лицо отвечало характеристикам субъекта. Более того, субъективное вменение также включает в себя мотив, цель и эмоциональное состояние субъекта в момент совершения преступления.

В данном случае интересен вопрос, касающийся критериев правильного определения содержания субъективной стороны состава преступления, и ее пределов. Критерием, который избран законодателем, является интеллектуальный критерий.

Законом субъективная сторона преступления определена как вина и имеет две формы, именуемые умыслом и неосторожностью. Для умышленной формы вины законодатель использует такие понятия как осознание для самого действия, и желание, сознательное допущение, предвидение в отношении последствий. Указанные критерии наглядно выявляют положительное отношение субъекта к совершаемым опасным действиям.

Положительное отношение к деянию и последствиям обычно в сознании виновного обосновываются мотивом и целью преступления, которые также являются основаниями субъективного вменения. Причем мотив и цель всегда предшествуют совершению умышленного общественно опасного деяния. В связи с этим существует аргументированной и весьма интересное суждение относительно необходимости определения мотива преступления в качестве самостоятельного психологического этапа совершения преступления [4, с. 8].

По своей природе мотив и цель являются первичными психологическими элементами, предшествующими совершению умышленного преступления. Относительно очереди в цепи формирования мотива и цели преступления и первичности каждого из этих элементов в науке не представлены различные мнения и суждения. Авторам настоящей работы представляется, что наиболее логичным является первичность формирования мотива преступления, который, являясь движущей силой, порождает поиск цели или объекта посягательства. Цель преступления в большинстве случаев относится к преступным последствиям, то есть к желаемому результату преступления. Мотив и цель влияют на квалификацию умышленных преступлений. При этом они могут содержаться в основном составе, квалифицированном, либо быть обстоятельством, смягчающим ответственность. То есть мотив и цель входят в предмет доказывания в процессе квалификации преступного поведения и несут существенное значения для субъективного вменения [5, с. 248]. Особенностью мотива и цели преступления при вменении является то обстоятельство, что эти категории (кстати, как и вина), не осязаемы и внешне не выражаются, соответственно их оценивание возможно только исходя из объективных проявлений преступления [6, с. 5]. В частности, цель проявляется в преступном результате.

Около 40% преступлений, предусмотренных особенной частью УК РФ содержат прямую ссылку на цель преступления (около 35%) и мотив преступления (примерно 5%), а остальные умышленные составы предполагают их наличие, что ставит под сомнение факультативный характер мотива и цели, как элементов состава преступления.

В связи с изложенным, считаем, что для деяний, совершенных с умышленной формой вины, мотив и цель необходимо определять в качестве обязательных признаков субъективной стороны состава преступления, закрепив их понятие в общей части уголовного закона наряду с виной, поскольку они являются средством, позволяющим наиболее точно определить психическое отношение лица к деянию и обеспечить субъективное вменение.

Если для умышленных деяний такая конструкция является логичной и приемлемой, то для преступлений, совершенных по неосторожности, либо с двойной формой вины, она, либо сложно устанавливаемая, либо вообще не определяемая.

На отсутствие осознания или осознанности общественной опасности своих действий виновным при неосторожной вине законодатель прямо не указывает, однако изучение норм УК РФ позволяет сделать вывод о том, что лицо изначально отрицательно воспринимает общественную опасность своих действий и тем более общественно опасных последствий, возникших в результате этих действий.

Таким образом, основным критерием субъективной стороны легкомыслия является осознание потенциальной опасности, которая проявляется через расчет на предотвращение общественно опасных последствий, к наступлению которых виновный относится отрицательно. Нельзя не отметить, что легкомыслие, по своему интеллектуальному моменту схоже с косвенным умыслом, который предполагает осознание опасности действий, при этом к последствиям виновный может относиться либо отрицательно, либо безразлично.

Наиболее сложным остается вопрос сохранения субъективного вменения при преступной небрежности. Законодатель, вопреки принятой им конструкции, примененной в описании других форм вины, не описывает интеллектуального составляющего действия, описывая его в отношении последствия. Небрежность связана с обязанностью и способностью субъекта предотвратить общественно опасные последствия путем проявления должной внимательности и предусмотрительности. В данном случае основанием для оценки виновности лица являются объективные обстоятельства, позволяющие судить о наличии обязанности и способности лица избежать наступления опасных последствий.

Таким образом, при неосторожной вине отсутствует субъективное вменение в чистом виде, а виновность субъекта определяется через объективные факторы – чаще всего к ним относятся меры предосторожности в быту или профессиональной деятельности. Чаще всего обязанность и способность избежать наступления опасных последствий определяется путем сравнения виновного с иными лицами, а в некоторых случаях специалистами в какой-либо отрасли, в которой установлены специальные требования безопасности, соблюдение которых входит в обязанности виновного.

Нам представляется весьма обоснованным мнение исследователей, полагающих, что при квалификации неосторожных деяний, установлению подлежат конкретные,

юридически закрепленные требования безопасности [7, с. 282]. Такие нормы являются объективными границами должного поведения.

Для упрощения правоприменительной деятельности уголовный закон конкретизирует деяния, которые могут быть совершены только с неосторожной формой вины. При этом, согласно ч.2 ст. 24 УК РФ такие деяния являются преступными только в случае, когда это специально предусмотрено статьей Особенной части УК РФ. Уголовный кодекс предусматривает более 30 составов, прямо указывающих на возможность объективного вменения.

Таким образом, значительное количество деяний, предусмотренных особенной частью УК РФ прямо допускают смешанное вменение, что противоречит обязательному субъективному вменению в уголовном праве.

Относительно деяний, допускающих двойную форму вины, что само по себе является феноменом уголовного права, вопрос субъективного вменения является еще более осложненным.

Преступление с двойной формой вины, по сути, образует один состав из двух самостоятельных преступлений, причем первое из них – основное охватывается умыслом виновного и относится к самому общественному деянию, а второе – производное относится к последствиям и является неосторожным. При этом не редко общественная опасность неосторожных последствий, значительно выше опасности умышленных.

Уголовный закон признает преступления, совершенные с двойной формой вины в целом, совершенными умышленно. Соответственно опасные последствия, не охваченные умыслом виновного, ложатся в основу субъективной стороны состава преступления. Т.е. законодатель объединяет в одном составе два самостоятельных преступления, одно из которых предполагает умышленную форму вины, а другое неосторожную, при этом оба эти преступления могут быть самостоятельными, но в совокупности образуют новый состав преступления.

Для квалификации таких деяний важно максимально точно установить направленность умысла виновного, поскольку деяния с неосторожными последствиями предполагают менее строгое наказание.

Считаем, что само существование двойной формы вины в уголовном праве подрывает основы субъективного вменения, поскольку при двойной форме вины вменение производится не с точки зрения субъективного отношения субъекта к его действиям, а с точки зрения объективных факторов – последствий.

По этому поводу наиболее точно высказался Лукьянов В.В., который отметил, что при квалификации преступлений с двойной формой вины, раздвоение вины связывается не с различием отношения субъекта к своим действиям и их последствиям, а с наличием двух объективных последствий преступления – прямых и производных [8, с. 59]. Важным является то обстоятельство, что обычно преступления при двойной форме вины, посягают на различные охраняемые законом общественные отношения.

Частью 2 ст. 5 УК РФ прямо определена недопустимость объективного вменения в уголовном праве.

Объективное вменение, в отличие от субъективного, представляет собой подмену внутреннего отношения субъекта к деянию на его внешнюю оболочку, то есть объективную сторону и допускает применение наказания в отношении лица, не за-

висимо от его личного участия в общественно опасном деянии. Такой подход не просто противоречит субъективному вменению, но и Конституционному принципу вины.

История нашего государства насчитывает не одно десятилетие, когда вина не являлась обязательным фактором, необходимым для применения мер уголовной (и не только уголовной) репрессии. Уголовный кодекс 1926 года закрепил понятие «опасное состояние», которое подменяло известное нам в настоящее время понятие «вина» и предполагало возможность применения наказания в отношении невиновного лица, которое имело склонность к антиобщественному поведению, либо неблагоприятное социальное положение.[9.с.98] Также объективное вменение на протяжении многих лет советского периода применялось в отношении родственников «врагов трудящихся», которые не имели отношения к какому-либо преступлению, тем не менее, подвергались различным мерам уголовной репрессии.

Однако, провозглашенная УК РФ недопустимость объективного вменения не означает его полного отсутствия в правоприменительной практике. Примерами легализованного уголовным законом объективного вменения в уголовном праве являются привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в сильной степени алкогольного или наркотического опьянения, когда лицо не осознает общественную опасность своих действий, либо привлечение к ответственности за участие в преступном сообществе, где признак сплоченности определяется исходя из объективных факторов. Объективным вменением является и предъявление виновному обвинения в причинении значительного ущерба гражданину при хищении, поскольку признак значительности определяется потерпевшим. Можно привести еще множество примеров фактически дозволенного объективного вменения, предусмотренного уголовным законом. Увеличению количества таких примеров способствует дозволенность оценочного определения интеллектуального аспекта вины. Однако, в некоторых случаях, в том числе и приведенных примерах объективное вменение оправдывается восстановлением социальной справедливости и повышением эффективности борьбы с преступностью.

Подводя итог, отметим, что наличие в уголовном кодексе норм, так или иначе допускающих, объективное вменение формирует и может укрепить в дальнейшем, такую опасную категорию, как невиновное вменение, когда ответственность наступает исходя из внешних объективных обстоятельств, без учета внутреннего ядра преступления.

Список литературы:

1. Наумов А.В. Реализация уголовного закона. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
2. Коваленко Т.С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины. дис. канд. юр. наук. Владивосток. 2016. 212 с.
3. Титаренко А.П. К вопросу о законодательной конструкции субъективного вменения в уголовном праве РФ// Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, № 2-9, 2009, с. 94-95
4. Музыкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. автореф. дис.канд. юрид. наук. Рязань. 2011. 24 с.
5. Якушин В.А. Мотивы и цели преступления не только предметы научного исследования, но и признаки субъективной стороны, определяющие пределы субъективного вменения и квалификацию содеянного (преступления)// Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики// Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Тольятти, 2021.

6. Черепенников Р.В. Цели преступного деяния и их уголовно-правовое значение. автореф. дис.канд. юрид. наук. М. 2011. 27 с.
7. Боженов А.М., Боженова Е.В. Неосторожная форма вины в уголовном праве//Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (социальный инженер-2019). Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием. 2019.
8. Лукьянов В.В. Исключить из УК статью от ответственности за преступления с двумя формами вины// Российская юстиция. 2002. №3.
9. Назаренко Г.В. Содержательный и законодательно-технический аспекты принципа субъективного вменения (вины) в уголовном праве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ, № 2(50), 2020, с. 98.

Donskaya O. G., Sashenko A. A. Subjective imputation in Russian criminal law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 125-131.

The article presents an author's analysis of subjective imputation in Russian criminal law. Subjective imputation is a unique criminal legal concept that includes not only the subjective element of guilt, but also the subject of the crime. The authors of the article considered subjective imputation from the point of view of its real application in the case of a person committing intentional, careless acts, as well as acts with a double form of guilt. Being a comprehensive legal institution, subjective imputation implies the obligation of a subject fit from a criminal legal position to be held responsible for a guilty act that encroaches on public relations protected by criminal law. Thus, subjective imputation is an essential condition for assessing the behavior of a subject as a criminal, and the person himself as a criminal who is not only sane, but also guilty.

The authors present the discussion aspects of compliance with the requirements of subjective imputation, as well as real examples of the legislative assumption of objective imputation.

Keywords: criminal law, crime, subject of crime, subjective party, wine, subjective imputation, objective imputation, intention, imprudence, double form of fault, levity, negligence, act, dangerous consequences, public danger, illegality of actions, application, regulation.

Spisok literatury:

1. Naumov A.V. Realizaciya ugolovnogo zakona. Rostov-na-Donu: Feniks, 2003.
2. Kovalenko T.S. Princip sub"ektivnogo vmeneniya i problemy ego realizacii v prestupleniyah s dvumya formami viny. dis. kand. jur. nauk. Vladivostok. 2016. 212 s.
3. Titarenko A.P. K voprosu o zakonodatel'noj konstrukcii sub"ektivnogo vmeneniya v ugolovnom prave RF// Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami, № 2-9, 2009, s. 94-95
4. Muzyukin A.P. Motiv prestupleniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie. avtoref. dis.kand. jurid. nauk. Ryazan'. 2011. 24 s.
5. Yakushin V.A. Motivy i celi prestupleniya ne tol'ko predmety nauchnogo issledovaniya, no i priznaki sub"ektivnoj storony, opredelyayushchie predely sub"ektivnogo vmeneniya i kvalifikaciyu sodeyannogo (prestupleniya)// Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki// Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tol'yatti, 2021.
6. Cherepennikov R.V. Celi prestupnogo deyaniya i ih ugolovno-pravovoe znachenie. avtoref. dis.kand. jurid. nauk. M. 2011. 27 s.
7. Bozhenov A.M., Bozhenova E.V. Neostorozhnaya forma viny v ugolovnom prave//Social'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noj samorealizacii (social'nyj inzhener-2019) Sbornik materialov Vserossijskoj konferencii molodyh issledovatelej s mezhdunarodnym uchastiem. 2019
8. Luk'yanov V.V. Isklyuchit' iz UK stat'yu ot otvetstvennosti za prestupleniya s dvumya formami viny// Rossijskaya yusticiya. 2002. №3.
9. Nazarenko G.V. Soderzhatel'nyj i zakonodatel'no-tekhnicheskij aspekty principa sub"ektivnogo vmeneniya (viny) v ugolovnom prave Rossii// Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD RF, № 2(50), 2020, s. 98.

УДК 343.721

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-132-140

МОШЕННИЧЕСТВА С ЦИФРОВЫМИ ПРАВАМИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Рассматриваются теоретические и практические вопросы квалификации хищений в отношении цифровых имущественных прав, новые способы обмана граждан с помощью «финансовых пирамид» нового типа. В статье анализируются понятие и признаки имущественных прав, таких как цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые права. Мошенники, используя стремление активной части населения увеличить свои капиталы с помощью инвестиций в новые финансовые высоко рискованные инструменты, придумывают все новые схемы их обмана. Обычно они используют финансовую неграмотность подавляющей части населения, желание быстро заработать, а также пробельность и противоречивость гражданского, финансового законодательства в целях личного обогащения. На практике отсутствие четкого понимания сущности и правовой природы таких понятий как «цифровые права», «цифровые активы», «цифровая валюта» приводят к ошибкам в квалификации деяний в отношении них или с их использованием. В связи с чем автором излагается собственное представление о квалификации хищений цифровых прав, основанное на анализе теории и практики применения законодательства в РФ, приводятся критерии правильной квалификации.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые активы, цифровая валюта, финансовое мошенничество, финансовые пирамиды, безналичные деньги, хищения имущественных прав.

Развитие информационных технологий, появление в гражданском обороте все новых форм и способов совершения сделок, в том числе с использованием различных технических устройств (программных средств, смартфонов, картридеров, платежных терминалов и пр.), технологии «блокчейна», привело к появлению новых видов имущественных прав и прав требования, правовая природа которых и среди практиков, и среди ученых вызывает дискуссии. Нет четкого понимания, что такое «цифровое право» и «цифровые права», «цифровые активы», «цифровая валюта», «виртуальное имущество», «виртуальные права» и пр. [10].

Вместе с тем, отсутствие единой терминологии в финансовом и гражданском праве, использование одноименных терминов в уголовном законодательстве, приводит следователей и других участников уголовной юстиции в состояние фрустрации. Вопросам разграничения новых разновидностей хищений посвящено достаточно много публикаций [1; 3, с. 330-341; 4; 5, с. 53-56; 12; 13, с. 129].

Ученые предостерегают от отождествления понятий «цифровое право» и «цифровые права». Цифровое право, как только еще формирующаяся в России отрасль права, не имеет четкого предмета регулирования и поэтому данный термин в том числе в законодательстве, используется без его единого понимания. Также этот термин обозначает права человека и гарантии его безопасности в цифровом пространстве. В западной правовой реальности под цифровым правом понимается именно особая разновидность прав человека (digital rights) относящаяся в большей степени не к гражданскому или уголовному праву, а скорее к конституционному.

Поэтому один и тот же термин – цифровое право в России имеет различное значение в зависимости от того, в какой отрасли права оно используется.

Внесенные изменения в ст. 128 ГК РФ позволяют выделить такие смежные понятия как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права.

При чем все имущественные права возникают так или иначе через посредничество реального имущества – денег, которые выступают как средства платежа и инструмент возникновения имущественных прав, выступая одновременно и имуществом, но существующим в особой, цифровой форме. При этом особой разновидностью имущественных прав, наряду с безналичными денежными средствами, выступают электронные денежные средства, которые существуют в виде цифровой записи без открытия банковского счета, учитываются оператором платежной системы и сделки с ними совершаются исключительно с использованием электронных средств платежа в соответствии с федеральным законом «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ.

Кроме того, Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены понятия «цифровые финансовые активы», «цифровые права» и «цифровая валюта».

Под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, (в том числе права требования исполнения по ним в виде денег), которые создаются на основе распределенного реестра (блокчейна) и существуют исключительно в некой информационной системе.

Цифровая валюта представляет собой «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

То есть, законодатель выделил в понятии «цифровые права» именно особый способ их возникновения (изменения) с помощью технологии распределенного реестра. Технология распределенного реестра (блокчейна) позволяет искусственному интеллекту самостоятельно без участия человека совершать сделки, создавая, изменяя или прекращая у обладателя кода (ключа) имущественные права, правообладание которыми подтверждается только возможностью доступа определенного лица к ним с помощью электронного ключа. При этом ни какие записи в бумажном виде не ведутся, реестры существуют в распределенном виде на различных серверах (в связи с чем возникают закономерные вопросы о подтверждении права или принудительном исполнении решений судов об истребовании этих цифровых прав).

В ст. 141.1 ГК РФ под цифровыми правами понимаются «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответ-

ствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. 2. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. 3. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву».

Как следует из указанных определений, цифровые права и цифровые активы, цифровая валюта соотносятся как целое и часть, не исчерпывая этими разновидностями цифровые права. При этом в научной литературе ставится закономерный вопрос об их правовой природе, относятся ли эти цифровые права к вещным или обязательственным правам, дают ли они абсолютную защиту правообладателю, или это только права требования к информационной системе... [11].

Таким образом, гражданское законодательство под цифровыми правами понимает субъективное имущественное право конкретного субъекта, выраженное в цифровой форме в виде кода. То есть это тоже право на имущество, но выраженное в особой форме. В связи с чем представляется справедливым замечание С.В. Сарбаша о том, «...что в действительности никаких цифровых прав не существует, а Проект (*поправки в ГК РФ*) вводит юридическую фикцию, необходимость которой не обоснована фундаментальными исследованиями» [14].

Указанные доктринальные коллизии приводят к затруднениям судебной следственной практике при квалификации действий финансовых мошенников, которые активно предлагают потерпевшим зарабатывать миллионы на биржах криптовалюты, вводят собственные расчетные единицы (токены), учет которых оказывается крайне затруднен [2].

В период отпусков летом 2021 года все новостные каналы взорвала новость: финансовая компания Finiko не только признана Центробанком России организацией, имеющей признаки финансовой пирамиды, но и возбуждено уголовное дело о мошенничестве в особо крупном размере, а один из ее основателей задержан. Остальные объявлены в розыск. Примечательно и то, что казанские следователи еще в декабре 2020 года возбудили уголовное дело о незаконной предпринимательской деятельности и незаконной банковской деятельности компании Finiko. Однако несмотря на активные следственные действия, деятельность компании по привлечению финансов у граждан не приостановилась. И вот как результат деятельности этой компании 165 тысяч обманутых вкладчиков, сумма ущерба которым оценивается от 80 миллионов до 7 миллиардов рублей [2].

Почему мы привели в качестве примера деятельность именно этой финансовой пирамиды? Что именно ее отличает от тысяч других?

Изучая дистанционные мошенничества и мошенничества с различными объектами цифровых прав, правоприменители и ученые сталкиваются с трудностями квалификации деяний, поскольку мошенники в эпоху цифровой экономики все чаще используют ранее не известные способы причинения имущественного ущерба гражданам, новейшие цифровые технологии, которые не регламентированы россий-

ским гражданским и финансовым законодательством либо их интерпретация является неточной и вызывает много вопросов.

Так в чем феномен Finiko? Данная компания привлекала деньги клиентов через криптовалюты и собственные условные единицы: «для начала работы клиенты должны были купить за биткоин или токен Tether внутреннюю валюту компании – цифроны, курс которых определяла сама компания. Кроме того, чтобы активировать свой депозит, клиентам нужно было купить еще один внутренний продукт – индекс СТИ стоимостью в тысячу долларов. Как объясняли в Finiko, СТИ – это «условное название», которое «включает в себя совокупность инструментов высоковолатильных, высокодоходных, высокорисковых». Finiko переходит на расчеты с пользователями только в FNK – собственной криптовалюте, а «цифроны» останутся единицей измерения внутри платформы. После этого объявления стоимость криптовалюты FNK выросла в девять раз, следует из данных Coinmarketcap. Если 16 июня одна монета стоила чуть больше 25 долларов, то уже 17 июня – больше 217 долларов. Затем курс начал снижаться. 26 июля за один FNK предлагали около 50 центов» [2]. Именно после падения курса вкладчики Finiko заявили о совершенном в отношении них мошенничестве. Но так ли это на самом деле?

Использование предпринимателями законодательных лазеек не является мошенничеством, поскольку в России правовая доктрина исходит из общего правила: все что не запрещено – разрешено. Но только до того момента, когда такие действия начинают причинять имущественный или иной ущерб гражданам, организациям или государству. И опять же, причинение имущественного ущерба при квалификации мошенничества должно обладать и другими признаками хищения: противоправностью, безвозмездностью, корыстной целью.

С точки зрения гражданского и финансового права представленная схема перевода реальных денег в токены, а затем в виртуальные условные единицы – не является противоправной, предусмотрена статьями 128 и 141.1 ГК РФ, а они сами квалифицируются как «цифровые права». Диспозитивность гражданского права в соответствии со ст. 8 ГК Российской РФ предполагает, что гражданские права и обязанности возникают как из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Согласно ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора (п. 1). Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами (п. 2).

Вместе с тем возникает вопрос о правообладателе, чем участники этой схемы могут подтвердить свои финансовые требования?

В качестве примера рассмотрим еще один пример из недавней судебной практики, схожий по способу причинения имущественного ущерба собственнику, которое может стать практико-образующим и повлиять не только на гражданский оборот, но и на результаты следственной работы.

Гражданин Ж. дал в долг 245 долларов США гражданину Г. с условием о возврате 345 долларов США в условленный сторонами срок. Свои взаимоотношения они как участники WebMohey Transter совершили через указанную платежную систему путем заключения договора уступки права требования через долговую систему

WebMoney Transfer – «Соглашение об использовании кредитного сервиса» и «Условиями регистрации долговых обязательств в кредитном сервисе системы WebMoneyTransfer». То есть соглашение и передача суммы займа была совершена в цифровом пространстве. «При этом Стороны определили, что исполнение обязательств признается надлежащим при следующем расчете: 1 доллар США долга эквивалентен номиналу 1 WMZ. В соответствии с кодексом системы «WebmoneyTransfer» указанная система представляет собой совокупность программно-аппаратного автомата Центра сертификации транзакций, автоматических сервисов системы, клиентских модулей системы, управляемых физическими или юридическими лицами, а также взаимоотношений и процедур, возникающих между указанными структурными элементами, по поводу эмиссии и учета универсальных титульных знаков WM. В цифровом виде (единиц исчисления количества/объема/имущественных прав), учета операций WM и расчетов по операциям, инструментом совершения которых явились WM. В соответствии с положениями указанного Кодекса, участник системы «WebmoneyTransfer») проходит процедуру регистрации в системе, по результатам ему присваивается индикаторный номер аттестата Системы «WebmoneyTransfer» – WM идентификатор. Операции, производимые участниками системы, заверяются и фиксируются системой, и в журнале «Webmoney Керрег». Для соискания аттестата в системы «WebmoneyTransfer» истец Ж. и ответчик Г. направляли заявление, копии удостоверения личности (паспорт гражданина РФ), заверенные уполномоченным Аттестатором, или нотариально, в адрес головного офиса, после чего каждому присвоили аттестат WM-индификатор. Своими заявлениями истец, и ответчик подтверждает, что ими признаются все документы, составляемые в электронном виде посредством программно-аппаратного комплекса. А также все подтвержденные ими Соглашения и Регламенты системы аппаратного комплекса «WebmoneyTransfer» с использованием присвоенного им WM идентификатора «WebmoneyTransfer», как если бы они были составлены и подписаны им лично в простой письменной форме» [9]. Таким образом, Webmoney используют электронные средства платежа, которые являются средством совершения преступлений по ст. 159.3 УК РФ.

И вот при том, что факт передачи цифровых прав от Ж. к Г. подтвержден и не оспаривался сторонами, Г. отказался возвращать долг и фактически завладел денежными средствами Ж. в сумме эквивалентной 245 долларов США и тем самым причинил ему имущественный ущерб. Однако суд отказал Ж. в судебной защите его права требования имущества, отметив, что «объектом договора уступки прав требования в данном случае могут выступать только денежные средства или материальные блага как средство платежа. В соответствии с п.п. 1 и 2 ст. 140 Гражданского кодекса РФ законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации, является рубль. Титульные знаки являются виртуальными денежными единицами, характерными для использования той или иной электронной платежной системы, эмиссия которых производится самими пользователями системы, и, таким образом, не относится к средствам платежа, разрешенным для использования на территории Российской Федерации, тем самым, не могут выступать в качестве объекта договора уступки права требования. Они также не могут выступать в качестве вещей, определенных родовыми признаками, поскольку не являются предметами материального мира и не

существуют в физически осязаемой форме. Виртуальные средства расчета платежа не могут выступать предметом договора в качестве денежных средств или в качестве вещей, определенных родовыми признаками, в том смысле, в каком определены объекты договора нормами гражданского законодательства, установленные нормами Гражданского кодекса Российской Федерации». Это решение суда осталось в силе и в суде апелляционной инстанции.

Однако определением Верховного Суда РФ от 1 июня 2021 года № 48-КГ21-3-К7 вышеуказанные решения отменены, а дело направлено на новое рассмотрение по следующим мотивам: «для всех типов кошельков системы «WebmoneyTransfer» доступны следующие способы пополнения: обмен наличных (безналичных) на Webmoney в одной из секций биржи Exchanger, обмен наличных на Webmoney в одном из обменных пунктов, обмен электронной валюты других систем, пополнение кошелька WM-картой. Кроме того, для кошелька существуют дополнительные способы: через платежные терминалы, банковским переводом, при помощи WM-карты, предоплаченной карточкой, из QIWI-кошелька, с банковской карты в онлайне, с банковского счета, через сервис денежных переводов, с банковской карты через секцию Card.Exchanger сервиса обмена Exchanger. WM представляет собой титульный знак системы «WebmoneyTransfer», являющийся эквивалентом доллара США, гарантом по нему выступает Amstar Holdings Limited, оборот осуществляется на основании правил использования – сертификата. Ссылаясь на данные обстоятельства, истец указывал, что приобретение титульных знаков системы «WebmoneyTransfer» возможно посредством обмена денежных средств, соответствующих эквиваленту избранного пользователем кошелька в системе «WebmoneyTransfer», титульный знак WM используется в том числе и для приобретения предметов материального мира, оплаты услуг. Иные титульные знаки системы «WebmoneyTransfer» также выступают в качестве платежных средств во многих странах мира, в том числе на территории Российской Федерации, позволяя оплачивать государственную пошлину, налоги, штрафы, коммунальные услуги, услуги операторов связи, производить расчеты между клиентами банков и совершать иные операции». Таким образом, Верховный Суд РФ обратил внимание нижестоящих судов на тот факт, что эти виртуальные денежные единицы, эквиваленты какой угодно валюте, изначально оплачиваются вполне реальными деньгами и имеют опосредованную, но вполне материальную связь с имуществом как предметом хищений. А значит, при квалификации указанных действий как мошеннических, предметом мошенничества должны признаваться не виртуальные платежные единицы, а вполне реальные денежные средства, которые потерпевший уплатил за них и в результате ничего не получил.

А значит, сделки, как их определяет ГК РФ – юридически значимые действия (бездействия), влекущие возникновение, изменение, прекращение правоотношений сторон, совершенные с виртуальными активами, могут иметь признаки причинения имущественного ущерба при наличии умысла противоположной стороны сделки ее не исполнять.

И снова вернемся к ситуации с Finiko. Ее учредители в один голос заявляют сейчас, что сами стали жертвами неудачно сложившейся ситуации на рынке криптовалют в тот момент, когда созданная ими криптовалюта FNK резко обесценилась.

По своей сути, игра на любой бирже – это высоко рисковая деятельность. И обанкротившийся брокер не может предъявлять претензии кому-либо, если он вовремя не почувствовал, не предугадал развитие рыночной ситуации. Он несет как риски убытков, так и прибыли. И если он за один день разбогател на взлете стоимости имеющихся у него акций на несколько миллионов долларов, то его же никто не обвиняет в мошенничестве при отсутствии недобросовестности с его стороны?

Более того, обращает на себя внимание тот факт, что большинство вкладчиков Finiko вполне осознавали ее высоко рисковый характер, многие даже были уверены, что это финансовая пирамида, но беря кредиты чтобы вложиться в нее, они надеялись быть первыми и успеть заработать так же, как и ее основатели. Можно ли говорить в таком случае, что их обманули?

Наличие обмана или злоупотребления доверием как конструктивного признака объективной стороны, характеризующего способ завладения чужим имуществом, является обязательным для состава мошенничества. В частности, не вызывает сомнения правильность квалификации действий мошенников по ст. 159 УК РФ, которые обещая потерпевшей инвестировать денежные средства на крипто-валютной бирже убедили ее перевести денежные средства на указанные ими счета в сумме 435 000 руб., а другой потерпевший перевел 345 000 руб. под тем же предложением. Ни денег, ни прибыли потерпевшие больше не видели [7].

Таким образом, при отсутствии в действиях основателей Finiko признаков противоправности, безвозмездности (а они переводили деньги клиентов в собственную виртуальную валюту), корыстной цели и умысла причинить имущественный ущерб, обогатившись таким образом за чужой счет, квалификация их действий как мошеннических представляется необоснованной. Такие споры должны быть отнесены к числу гражданско-правовых и подлежать защите с помощью инструментов гражданского права и процесса.

С другой стороны, если основатели финансовой пирамиды только лишь создавали видимость финансовой активности, реально не размещая деньги клиентов на крипто-валютной бирже, а под обезличенным видом выводили указанные средства на сторонние счета, то в этом случае можно говорить о квалификации их действий как мошенничества по ст. 159³ УК РФ. При отсутствии признаков хищения такая деятельность может быть квалифицирована как организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества по ст. 172² УК РФ.

Список литературы:

1. Архипов А. В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5.
2. В России рухнула финансовая пирамида Finiko. Люди вложили в нее миллионы (если не миллиарды) рублей, а теперь надеются вернуть их с помощью коллективной медитации. URL: <https://meduza.io/feature/2021/07/26/v-rossii-ruhnula-finansovaya-piramida-finiko-lyudi-vlozhili-v-nee-milliony-esli-ne-milliardy-rublej-a-teper-nadeyutsya-vernut-ih-s-pomoschyu-kollektivnoy-meditatsii> (дата обращения: 26.07.2021).
3. Евтушенко И.И. Вопросы разграничения смежных составов хищений имущественных прав и их квалификация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 330–341.
4. Евтушенко И. И., Венедиктов А. Н. Дистанционные хищения: понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12.
5. Евтушенко И.И. Мошенничество при осуществлении предпринимательской деятельности: обычный бизнес или преступление? // Развитие предпринимательства в России – история, опыт, перспективы:

- региональный аспект»: сборник материалов Международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов 21 апреля 2021 года в 2-х ч. Ч. 1. Симферополь: АНО «ООВО» «УЭУ», 2021. С. 53-56.
6. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3.
7. Медсестра в Татарии потеряла полмиллиона на инвестициях в криптовалюту. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2776675.html> (дата обращения: 13.11.2021).
8. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // *Философия права*. 2019. № 3 (90).
9. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2021 г. № 48-КГ21-3-К7. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401291417/> (дата обращения: 27.09.2021).
10. Рожкова М.А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // *Закон.ру*. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse (дата обращения: 28.08.2021).
11. Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики. URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/> (дата обращения: 31.08.2021).
12. Филатова М. Разграничение посягательств на безналичные денежные средства по формам хищения // *Уголовное право*. 2020 г. № 1.
13. Чернякова А. В. Актуальные аспекты уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2019. № 3(49). С. 129.
14. Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (дата обращения: 31.08.2021).

Evtushenko I. I. Digital rights fraud: qualification issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 132-140.

Theoretical and practical issues of the qualification of theft in relation to digital property rights, new ways of deceiving people with the help of "financial pyramids" of a new type are considered. The article analyzes the concept and features of property rights, such as digital financial assets, digital currency and digital rights. Fraudsters, using the desire of the active part of the population to increase their capital by investing in new financial high-risk instruments, come up with new schemes to deceive them. They usually use the financial illiteracy of the overwhelming part of the population, the desire to earn money quickly, as well as the gaps and inconsistencies of civil and financial legislation for personal enrichment. In practice, the lack of a clear understanding of the essence and legal nature of such concepts as "digital rights", "digital assets", "digital currency" leads to errors in the qualification of acts in relation to them or with their use. In this connection, the author presents his own idea of the qualification of theft of digital rights, based on the analysis of the theory and practice of the application of legislation in the Russian Federation, the criteria for correct qualification are given.

Keywords: digital rights, digital assets, digital currency, financial fraud, financial pyramids, non-cash money, theft of property rights.

Spisok literatury:

1. Arhipov A.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha (st. 1593 UK RF) // *Ugolovnoe pravo*. 2019. № 5.
2. V Rossii ruhnula finansovaya piramida Finiko. Lyudi vlozhili v nee milliony (esli ne milliardy) rublej, a teper' nadeyutsya vernut' ih s pomoshch'yu kollektivnoj meditacii. URL: <https://meduza.io/feature/2021/07/26/v-rossii-ruhnula-finansovaya-piramida-finiko-lyudi-vlozhili-v-nee-milliony-esli-ne-milliardy-rublej-a-teper-nadeyutsya-vernut-ih-s-pomoschyu-kollektivnoy-meditatsii> (дата обращения: 26.07.2021).
3. Evtushenko I.I. Voprosy razgranicheniya smezhnyh sostavov hishchenij imushchestvennyh prav i ih kvalifikaciya // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki*. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 330–341.

4. Evtushenko I.I., Venediktov A.N. Distancionnye hishcheniya: ponyatie i priznaki // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 12.
5. Evtushenko I.I. Moshennichestvo pri osushchestvlenii predprinimatel'skoj deyatel'nosti: obychnyj biznes ili prestuplenie? // Razvitie predprinimatel'stva v Rossii – istoriya, opyt, perspektivy: regional'nyj aspekt»: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, studentov, magistrantov, aspirantov 21 aprelya 2021 goda v 2-h ch. CH. 1. Simferopol': ANO «OOVO» «UEU». 2021. S. 53-56.
6. Konobeevskaya I.M. Cifrovye prava kak novyj ob"ekt grazhdanskih prav Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2019. T. 19, vyp. 3.
7. Medsestra v Tatarii poteryala polmilliona na investiciyah v kriptovalyutu. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2776675.html> (data obrashcheniya: 13.11.2021).
8. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. Cifrovye prava kak ob"ekty grazhdanskih prav // Filosofiya prava. 2019. № 3 (90).
9. Opreделение SK po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 1 iyunya 2021 g. № 48-KG21-3-K7. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401291417/> (data obrashcheniya: 27.09.2021).
10. Rozhkova M.A. Cifrovye prava (digital rights) – chto eto takoe i nuzhny li oni v Grazhdanskom kodekse? // Zakon.ru. 2020. 17 avgusta. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li__oni_v_grazhdanskom_kodekse (data obrashcheniya: 28.08.2021).
11. Uroshleva A. Ob"ekty na cifrovyyh nositelyah, cifrovye prava i den'gi: tendencii pravovoj teorii i praktiki. URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/> (data obrashcheniya: 31.08.2021).
12. Filatova M. Razgranichenie posyagatel'stv na beznalichnye denezhnye sredstva po formam hishcheniya // Ugolovnoe pravo. 2020 g. № 1.
13. CHernyakova A.V. Aktual'nye aspekty ugolovnoj otvetstvennosti za hishcheniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2019. № 3(49). S. 129.
14. Ekspertnoe zaklyuchenie Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva po proektu federal'nogo zakona № 424632-7 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf> (data obrashcheniya: 31.08.2021).

УДК 343.1

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-141-148

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Еремеев Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

На протяжении последних лет благодаря стремительному развитию науки и человеческого интеллекта появилось много в основном компьютерных (информационных) технологий, которые могут уже самостоятельно функционировать благодаря использованию и развитию искусственного интеллекта.

Возможности использования технологий искусственного интеллекта в различных направлениях юриспруденции все чаще и чаще обсуждаются как учеными-юристами, так и практиками (судьями, прокурорами, адвокатами, практикующими юристами). Вопросы использования искусственного интеллекта в организации судопроизводства в целом, и в уголовном процессе в частности, представляют при этом значительный интерес и исследуются все большим количеством людей, о чем свидетельствуют статьи на страницах различных юридических журналов и тезисы на конференциях различного уровня.

Хотелось бы сразу отметить, что для успешной реализации потенциала искусственного интеллекта в уголовном процессе и повышения доверия к нему необходимо соответствующее правовое регулирование и научное осмысление преимуществ и рисков замены человека компьютером.

В данной статье на основе анализа действующего законодательства в области использования искусственного интеллекта, а также ряда научных работ, посвященных перспективам использования искусственного интеллекта при рассмотрении уголовных дел в суде сделана попытка предсказать и рекомендовать направления и этапы внедрения искусственного интеллекта в деятельность судебной системы при рассмотрении уголовных дел. Обоснована необходимость скорейшего внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов и принятия соответствующих нормативно-правовых актов в данной сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, юрист, юриспруденция, суд, судебная система, мировой судья, уголовный процесс; уголовное судопроизводство; рассмотрение уголовных дел; административные дела; гражданские дела.

Человечество все еще управляет машинами, но с каждым годом внедрение компьютеров в нашу жизнь все больше и больше, и скорее всего человечество будущего настолько свыкнется с мыслью о неразрывности существования человека и компьютера (искусственного интеллекта, роботов), что по-другому уже не сможет представлять свою жизнь. Бесспорно, что развитие науки и техники, повсеместное внедрение компьютеров и развитие искусственного интеллекта существенно облегчило и улучшило жизнь современного человека и сегодня мы уже просто не можем представить существование человечества без всех тех благ и преимуществ, которые ему дали, указанные технологии.

Однако, человечеству надо быть достаточно осторожным с внедрением искусственного интеллекта практически во все сферы его жизнедеятельности, о чем не раз нас предупреждают писатели-фантасты из своих книг и снятых по ним фильмам.

Сразу хотел бы отметить, что идея данной статьи возникла у меня уже давно и одним из катализаторов ее написания стал просмотренный еще в детстве советский

фантастический фильм – «Этот фантастический мир. Выпуск 12: С роботами не шутят» [1]. Как известно многие писатели-фантасты предсказали многие вещи и явления за много лет до их появления в действительности, а некоторым даже дали имена, которые мы используем теперь ежедневно, например, такие как «лазер», «робот» и т.д. В указанном выше фильме был экранизирован рассказ писателя-фантаста Фредерика Чиландера «Суд» («Судебный процесс») в котором размножившиеся и занявшие ключевые посты в обществе в целом, и в судебной системе в частности, роботы вершат формальный, но жестокий суд над людьми и казнят их при любом покушении на «жизнь» роботов. Очень не хотелось бы чтобы эта антиутопия когда-то стала реальностью, но развитие технологий не остановить и уже сейчас надо думать о перспективах развития права, в том числе в сфере регулирования использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

В XXI в. технологии, в том числе и использование искусственного интеллекта, стали менять даже одну из самых консервативных профессий – юриспруденцию. Для юристов в развитых странах использование искусственного интеллекта уже не является лишь данью моде. Он стал действенным инструментом, чтобы автоматизировать и улучшить многие процессы и таким образом облегчить работу юристам и сэкономить средства их работодателям.

В наше время искусственный интеллект уже может не только проверять договоры на наличие грамматических ошибок, а может проводить их глубокий анализ с указанием основных спорных положений и даже оценивать потенциальные риски их заключения. В некоторых российских банковских учреждениях, например, в ПАО «Сбербанк», внедрение в его работу искусственного интеллекта и нейронных сетей позволило сократить тысячи юристов, так как техническую работу по составлению договоров, претензий, типовых исков в различные суды и других документов теперь выполняют современные компьютеры, которые в ближайшее время начнут вытеснять обычных юристов и из других сфер производства.

Необходимо указать, что вопросы правового обеспечения внедрения и деятельности искусственного интеллекта в юриспруденции Российской Федерации в последние годы стали предметом научного анализа ряда ученых и юристов-практиков. Такие из них как Колоколов Н.А., Латышева Н.А., Пилипенко Ю.С., Собенин А.А., Спицин И.Н., Сушина Т.Е., Тарасов И.Н., Фомин Д.А. и некоторые другие в своих научных работах и выступлениях на научных мероприятиях выдвигают довольно смелые, но от того еще более интересные идеи внедрения в судебную деятельность, в том числе в процесс рассмотрения уголовных дел в суде, искусственного интеллекта. Все больше работ по этой тематике появляется и в зарубежных источниках, например, в США, странах ЕС, КНР и странах постсоветского пространства, что свидетельствует об актуальности научных исследований в данной сфере.

К сожалению, правовое регулирование внедрения искусственного интеллекта в жизнедеятельность российского общества в целом и в его юриспруденцию в частности находится на начальном этапе и требует своего скорейшего и обширного развития.

На сегодняшний день основным нормативно-правовым документом в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации является Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым была утверждена Национальная стратегия развития

искусственного интеллекта на период до 2030 г. Данной Стратегией определяются цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития. В пункте статьи 5 указанной стратегии дано понятие «искусственный интеллект» под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

Еще одним нормативным актом в данной сфере является Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [3].

Однако, в данных нормативных актах вопросы использования искусственного интеллекта при осуществлении правосудия не рассмотрены, что говорит о полной правовой неопределенности в данной сфере правоотношений и необходимости скорейшей разработки соответствующих правовых документов.

Тем более, что во многих странах работа по разработке таких актов уже давно активно ведется, а в некоторых странах ряд документов уже разработано. Самым известным из таких документов является «Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях» принятая 4 декабря 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы. Это первый принятый в Европейском Союзе нормативный акт, в котором излагаются этические принципы, касающиеся использования искусственного интеллекта в судебных системах, к которым отнесены принцип уважения основных прав и свобод человека, принцип недопустимости дискриминации лиц, принцип качества и безопасности обработки судебных решений и иных баз данных, принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости, принцип подконтрольности систем пользователю [4].

В Китайской народной республике, согласно принятой в 2021 г. дорожной карте, планируется к 2025 г. модернизация судебной системы посредством внедрения, так называемых «умных судов». Данная система на основании технологий искусственного интеллекта сможет анализировать фактические обстоятельства дела, представленные в суд доказательства (документы), и уведомлять судью в случае отступления от формальных требований законодательства (обращать внимание на истечение срока рассмотрения дела, на ошибку в случае выхода за установленные пределы назначаемого наказания). При этом с апреля 2020 г. в десяти шанхайских судах уже применяются технологии по расшифровке аудиозаписей судебных процессов, предоставлению доказательств в цифровом виде и поиску информации в представ-

ленных по делу доказательствах.

В Республике Казахстан еще в 2017 г. была представлена разработанная Генеральной прокуратурой Республики Казахстан совместно с Верховным судом Республики Казахстан автоматизированная информационная система «Зандылык». Система может проверять проекты актов (или уже принятые акты) прокурора или судьи на соответствие формальным требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, а также собирать судебную статистику по регионам [5].

Не менее активно ведется работа в данной сфере в США и других странах, что свидетельствует о важности исследований в данном направлении.

О необходимости внедрения искусственного интеллекта в деятельность суда все чаще пишут и российские ученые и практики. Так, например, по мнению заместителя председателя Московского городского суда Фомин Д.А. развитие различных систем электронного правосудия, в том числе системы искусственного интеллекта, которая в будущем настойчиво и властно постучится в дверь судебной системы с предложением своих услуг по замене работы аппарата суда и работы судьи во многих аспектах, является неизбежной тенденцией времени [6, с. 36].

Президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Пилипенко Ю.С. в своем выступлении на первом Московском правоприменительном форуме обратил внимание на то, что «по статистике в нашей стране за год в среднем выносятся около 2 000 оправдательных приговоров, что составляет 0,24% от общего количества приговоров по уголовным делам. Эти цифры сами по себе – приговор, но не столько гражданскому обществу и адвокатуре, сколько судьям, потому что сегодня функции уголовного правосудия сводятся в основном к назначению наказания в том или ином размере. Примечательно, что существующий уровень развития цифровых технологий позволяет создать алгоритм выполнения этой задачи, в результате чего судьё-человека вполне может заменить искусственный интеллект. Важно, чтобы судьи осознали это как свою собственную проблему: быть вытесненными из профессии искусственным интеллектом не самая лучшая участь. И в этом контексте судейское усмотрение – та самая часть правосудия, к которой судьи должны относиться с особым вниманием и ответственностью, потому что искусственный интеллект, по крайней мере в первом поколении, способностью к судейскому усмотрению наделить невозможно. Предполагаю, что в дальнейшем будут созданы более совершенные алгоритмы, которые научатся и этому» [7, с. 41].

По мнению доктора юридических наук Колоколова Н.А. «уже в наши дни «умные электронные судьи» без личного участия сотрудников автоинспекции также успешно и очень оперативно выявляют нарушения норм права, допускаемые, например, водителями, уверенно штрафуют правонарушителей (по некоторым статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). При таких обстоятельствах мы не видим никаких существенных препятствий заявить, что искусственный интеллект тоже уже пришел в правосудие. Скажем больше, роль его в отправлении данного вида государственной деятельности будет только возрастать, ибо даже в текущий момент времени ничто не мешает делегировать машине те функции, которые сейчас с великим трудом пытаются разрешить создатели ЭВМ – люди» [8, с. 3].

На некоторые аспекты использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, такие как, пополнение баз правовой информацией, оказание помощи в составлении документов, обработка статистических данных и помощь в принятии решений о квалификации преступлений, обратили внимание такие российские ученые, как Апостолова Н.Н. [9], Буряков П.Н. [10], Попова И.П. [11] и другие.

В данной статье мною сделана попытка спрогнозировать, а может в какой-то части предложить свое авторское видение этапов внедрения искусственного интеллекта в деятельность судебной системы в целом и в процесс рассмотрения уголовных дел в суде, в частности.

1 этап – «организационный» («подготовительный»), который, можно с уверенностью говорить, в некоторых странах уже реализуется.

Данный этап в свою очередь можно тоже разделить на несколько подэтапов:

- внедрение искусственного интеллекта в организацию деятельности суда, что может в себя включать регистрацию и распределение дел с учетом нагрузки в конкретный момент и специализации судей в данном суде, контроль за ходом и сроками рассмотрения дел, иные вопросы, связанные с делопроизводством в суде;

- помощь, а в последствии возможно и замена секретарей и помощников судьи. На данном подэтапе искусственный интеллект вполне может взять на себя, как технические функции (составление и направление повесток и документов участникам процесса, распознавание речи и подготовка соответствующих протоколов судебных заседаний и т.д.), так и «аналитические» (анализ законодательства, судебной практики, подбор аналогичных дел и решений судов, подготовка проектов судебных актов для судей и т.д.).

2 этап – «рабочий» («экспериментальный»), наверно самый сложный и длительный этап, который потребует, как серьезного технического оснащения судебной системы в целом (всеобщая компьютеризация, наличие качественного Интернета и конечно высокоуровневое программное обеспечение с использованием искусственного интеллекта), так и соответствующего правового обеспечения. Данный этап, по нашему мнению, тоже целесообразно разделить на ряд подэтапов:

- внедрение искусственного интеллекта в процесс рассмотрения дел совместно с мировым судьей. Естественно на этом подэтапе будет разумно в начале привлекать искусственный интеллект для рассмотрения дел об административных правонарушениях подведомственных мировым судьям. На данном подэтапе решение по делу будет выносить искусственный интеллект, а мировой судья его будет проверять или утверждать. Если качество рассмотрения дел об административных правонарушениях с использованием искусственного интеллекта будет достаточно высокое, например процент отмененных постановлений по делам данной категории будет меньше, чем при рассмотрении данных дел мировыми судьями, то можно будет переходить к автоматическому рассмотрению дел об административных правонарушениях и следующему подэтапу, а именно рассмотрению гражданских, а в последствии и уголовных дел искусственным интеллектом совместно с мировыми судьями, а впоследствии и без них. В случае успеха на данной стадии «эксперимента» можно будет переходить к следующему подэтапу;

- внедрение искусственного интеллекта в процесс рассмотрения дел совместно с судьей (судьями), а в последствии самостоятельно в районных (городских и прирав-

ненных к ним) судах, а также арбитражных судах, как судах первой инстанции. Естественно будет целесообразно процесс внедрения искусственного интеллекта осуществлять в таком же порядке, как и на предыдущем подэтапе: в начале с судьями, а потом самостоятельно, начать с административных дел и заканчивать данный этап уголовными.

3 этап – «заключительный» хотя это название очень условно. Думаю, что тот кто прочитает данную статью до этого места уже поймет, что прохождение двух предыдущих этапов дело возможно не одного десятилетия и рассуждать сейчас о состоянии права, этики и морали в обществе через 10-20 и более лет очень сложно, так как наш мир и его политическое и социальное устройство меняется теперь очень быстро, а появление новых технологий, в том числе и в сфере использования искусственного интеллекта может значительно повлиять на процесс его внедрения в судебную деятельность и возможно сильно его ускорит.

В любом случае я уверен, что решение о внедрении искусственного интеллекта в деятельность судов на стадии апелляционного, кассационного, а также конституционного производства будет приниматься еще людьми (очень на это надеюсь, хотя насмотревшись фантастических фильмов можно предполагать всякое), скорее всего после очень тщательного анализа и оценки результатов работы данных судебных инстанций во взаимодействии искусственного интеллекта с судьями (при коллегиальном рассмотрении дел), наиболее опытными судьями и учеными с привлечением общественности и, наверно это будет правильно, если это произойдет на всенародном референдуме. Возможно к этому времени общество будущего уже будет готово к повсеместному внедрению искусственного интеллекта, в том числе и в судебной системе.

Подводя итог данной статье можно сказать, что в ней мною сделана попытка предсказать и рекомендовать направления и этапы внедрения искусственного интеллекта в деятельность судебной системы, в том числе при рассмотрении уголовных дел, однако данная тема научных изысканий только в самом начале своего исследования учеными, представляющими не только различные отрасли права, но и разные сферы науки и техники. Исходя из этого в свою очередь можно сделать вывод о необходимости тесного взаимодействия ученых-юристов с учеными-программистами для скорейшего усовершенствования искусственного интеллекта и обеспечения его правового регулирования и внедрения в жизнь общества в целом и в такую важную его сферу, как право в частности.

Список литературы:

1. «Этот фантастический мир. Выпуск 12: с роботами не шутят». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/475966/> (дата обращения: 17.12.2021).
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (действ. ред.). [Электронный ресурс]. // ИПП Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 17.12.2021).
3. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (действ. ред.). [Электронный ресурс]. // ИПП Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/73945195/> (дата обращения: 17.12.2021).
4. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: принята 4 декабря 2018 года Европейской комиссией по эффективности пра-

- восудия Совета Европы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4/> (дата обращения: 17.12.2021).
5. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15 сентября 2021 г. № 31). [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 17.12.2021).
6. Фомин Д. А. Судейское усмотрение (тезисы выступления на первом Московском правоприменительном форуме) // Судейское усмотрение: сборник статей / Е.В. Авдеева, Г. А. Агафонова, М. Д. Беляев и др.; отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин; сост. А. А. Суворов, Д. В. Кравченко. – М.: Юстицинформ, 2020. – 176 с.
7. Пилипенко Ю. С. Как избавиться от обвинительного уклона? (тезисы выступления на первом Московском правоприменительном форуме) // Судейское усмотрение: сборник статей / Е. В. Авдеева, Г. А. Агафонова, М. Д. Беляев и др.; отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин; сост. А. А. Суворов, Д. В. Кравченко. – М.: Юстицинформ, 2020. – 176 с.
8. Колоколов Н. А. Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 4. – С. 3–6.
9. Апостолова Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 135–141.
10. Буряков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказуемое правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. – 2019. – № 11. – С. 79–87.
11. Попова И.П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // Мировой судья. 2019. – № 11. – С. 3–14.

Eremeev D. V. Prospects for using artificial intelligence in criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 141-148.

Over the past years, thanks to the rapid development of science and human intelligence, a lot of mainly computer (information) technologies have appeared that can already function independently thanks to the use and development of artificial intelligence.

The possibilities of using artificial intelligence technologies in various areas of jurisprudence are increasingly being discussed by both legal scholars and practitioners (judges, prosecutors, lawyers, practicing lawyers). The issues of using artificial intelligence in the organization of the judicial system in general, and in the criminal process in particular, are of considerable interest and are being studied by an increasing number of people, as evidenced by articles on the pages of various legal journals and abstracts at conferences at various levels.

I would like to immediately note that for the successful implementation of the potential of artificial intelligence in the criminal process and increasing confidence in it, appropriate legal regulation and scientific understanding of the advantages and risks of replacing a person with a computer are necessary.

In this article, based on the analysis of the current legislation in the field of the use of artificial intelligence, as well as a number of scientific works devoted to the prospects for the use of artificial intelligence in the consideration of criminal cases in court, an attempt is made to predict and recommend the directions and stages of the introduction of artificial intelligence into the activities of the judicial system in the consideration of criminal cases. The necessity of the earliest possible introduction of artificial intelligence into the activities of courts and the adoption of appropriate regulatory legal acts in this area has been substantiated.

Key words: artificial intelligence, robot, lawyer, jurisprudence, court, judicial system, magistrate, criminal procedure; criminal proceedings; consideration of criminal cases; administrative cases; civil cases.

Spisok literatury:

1. «Etot fantasticheskij mir. Vypusk 12: s robotami ne shutyat». [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/475966/> (data obrashcheniya: 17.12.2021).
2. O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 (dejstv. red.). [Elektronnyj resurs]. // IPP Garant. – URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (data obrashcheniya: 17.12.2021).
3. O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyah sozdaniya neobhodimyh uslovij dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sub"ekte Rossijskoj Federacii – gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmenenij v stat'i 6 i 10 Federal'nogo zakona «O

- personal'nyh dannyh»: Federal'nyj zakon ot 24.04.2020 № 123-FZ (dejstv. red.). [Elektronnyj resurs]. // IPP Garant. – URL: <https://base.garant.ru/73945195/> (data obrashcheniya: 17.12.2021).
4. Evropejskaya eticheskaya hartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnyh sistemah i okruzhayushchih ih realiyah: prinyata 4 dekabrya 2018 goda Evropejskoj komissiej po effektivnosti pravosudiya Soveta Evropy. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4/> (data obrashcheniya: 17.12.2021).
5. Koncepciya razvitiya tekhnologij mashinochitaemogo prava: utverzhdena Pravitel'stvennoj komissiej po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (protokol ot 15 sentyabrya 2021 g. № 31). [Elektronnyj resurs]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (data obrashcheniya: 17.12.2021).
6. Fomin D. A. Sudejskoe usmotrenie (tezisy vystupleniya na pervom Moskovskom pravoprimenitel'nom forumе) // Sudejskoe usmotrenie: sbornik statej / E.V. Avdeeva, G. A. Agafonova, M. D. Belyaev i dr.; otv. red. O. A. Egorova, V. A. Vajpan, D. A. Fomin; sost. A. A. Suvorov, D. V. Kravchenko. – M.: YUsticinform, 2020. – 176 s.
7. Pilipenko YU. S. Kak izbavit'sya ot obvinitel'nogo uklona? (tezisy vystupleniya na pervom Moskovskom pravoprimenitel'nom forumе) // Sudejskoe usmotrenie: sbornik statej / E. V. Avdeeva, G. A. Agafonova, M. D. Belyaev i dr.; otv. red. O. A. Egorova, V. A. Vajpan, D. A. Fomin; sost. A. A. Suvorov, D. V. Kravchenko. – M.: YUsticinform, 2020. – 176 s.
8. Kolokolov N. A. Eshche raz ob iskusstvennom intellekte v pravosudii // Uголовное судопроизводство. – 2020. – № 4. – S. 3–6.
9. Apostolova N. N. Iskusstvennyj intellekt v sudoproizvodstve // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. – 2019. – № 3. – S. 135–141.
10. Buryakov P.N. Iskusstvennyj intellekt i «predskazuemoe pravosudie»: zarubezhnyj opyt // Lex russica. – 2019. – № 11. – S. 79–87.
11. Popova I.P. Avtomatizaciya uголовnogo processa: zlo ili blago dlya obshchestva? // Mirovoj sud'ya. 2019. – № 11. – S. 3–14.

УДК 342.9

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-149-155

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ

Заброда Д. Г., Осяк А. Н.

В статье актуализируется необходимость совершенствования форм несения службы участковыми уполномоченными полиции. Изучение научных публикаций, касающихся проблематики несения службы участковым уполномоченным полиции, а также проведенного авторами анкетирования сотрудников полиции, позволило выделить основные проблемы, которые снижают эффективность деятельности данного подразделения полиции. В результате обобщения полученных результатов, предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию основных направлений несения службы: профилактического обхода административного участка, индивидуальной профилактической работы, рассмотрения обращений граждан, приема граждан, отчета перед населением о проделанной работе. Сформулированные положения, направленные на: а) устранение пробелов в нормативно-правовом обеспечении несения службы УУП (в частности, в законодательстве о порядке рассмотрения обращения граждан и их приема, об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации, об административных правонарушениях, а также приказе МВД России № 205 от 29.03.2019 г. и др.), а также проектов ведомственных актов МВД России; б) недостатков в организации и непосредственно практике несения службы УУП, а также материально-технического и информационного обеспечения деятельности подразделения; в) внедрение результатов научных исследований в правоохранительную практику.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, формы несения службы, совершенствование правовой основы, обращение граждан, административный участок.

Служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) сегодня выступает одним из основных подразделений полиции, наиболее приближенных к проблемам защиты прав и свобод граждан, а также ведущим субъектом профилактической деятельности, что обусловлено её генезом и современной моделью организации.

Этот тезис подтверждают результаты деятельности УУП, которые свидетельствуют, что сегодня ими выявляется каждое четвертое преступление и более 75 % от общего числа преступлений, совершенных в быту, рассматривается свыше 40 % обращений граждан, поступивших в полицию, оказывалось индивидуальное профилактическое воздействие на около 360 тысяч лиц, склонных к противоправному поведению [1-3]. Результаты изучения общественного мнения показывают, что за последние 3 года УУП имеют высокие показатели доверия среди населения «своего региона» - около 59 % (третий показатель среди других подразделений полиции) [4]. Благодаря им «...растёт доля граждан, которые считают, что полиция оказывает существенную помощь в решении их проблем. Число людей, которые знают своего участкового, также повышается» [5].

Следует обратить внимание, что проблематика несения службы УУП достаточно часто пребывает в поле зрения специалистов в области полицейистики. Среди авторов, работы которых освещают те или иные вопросы форм несения службы УУП, можно выделить публикации М.В. Барышникова, А.А. Гайдукова, А.Г. Гришакова, М.В. Давыдова, В.А. Джемелинского, И.В. Зырянова, Е.В. Кашкиной, М.В. Костенникова, Р.Н. Кучмезова, Н.С. Куликовой, Б.В. Маслова, А.В. Новикова, Ю.А. Прибытко, А.Г. Репьева,

А.В. Савоськина, Р.А. Семенюка, Д.А. Сергеевой, В.А. Соколова, А.В. Равнюшкина, К.Д. Рыдченко, М.Е. Труфанова, А.В. Хандогиной, А.С. Шиенковой и др.

Как правило, в рамках научных статей обращалось внимание на общие вопросы совершенствования правовой основы деятельности службы, необходимость рационального распределения служебного времени УУП, затрачиваемого на различные формы несения службы; соблюдение установленного порядка рассмотрения обращений граждан, их приёма, внедрения в повседневную работу современных информационно-телекоммуникационных технологий, а также средств фиксации правонарушений, повышение эффективности индивидуального профилактического воздействия на лиц, состоящих на учетах органов внутренних дел, взаимодействие УУП с другими подразделениями полиции, государственными органами, органами местного самоуправления и общественностью, в процессе несения службы, укрепление кадрового состава службы УУП, повышении качества их общей и специальной подготовки, развитие материально-технического обеспечения деятельности УУП.

Целью данной публикации является систематизация предложений, направленных на совершенствование форм несения службы участковыми уполномоченными полиции, а также формулирование мер для их реализации.

Основу выводов и предложений, содержащихся в этой статье составили: обобщение проблем, содержащихся в научных исследованиях, посвященных деятельности УУП, результаты опроса 87 УУП, проведенного в 2019-2020 гг., анализ текстов проектов законодательных и подзаконных актов, регулирующих несение службы УУП. Так, опрошенные УУП к основным недостаткам приказа МВД России № 205 от 29.03.2019 г. отнесли: отсутствие детализации прав и обязанностей УУП, определения особенностей несения службы в сельской местности, на административном участке с образовательной организацией, а также порядка взаимодействия с другими субъектами профилактики правонарушений [6]

Кроме этого, они акцентировали внимание и на следующих проблемах: существенных затратах времени на выполнение служебных обязанностей за пределами административного участка (оформление различной документации, участие в служебных совещаниях, проводимых в отделах полиции); необходимости урегулирования порядка профилактического обхода при обслуживании нескольких административных участков, а также в сельской и труднодоступных местностях; сложности при осуществлении правового информирования на административных участках, где отсутствуют участковые пункты полиции, необходимости конкретизации порядка размещения информации о деятельности УУП в средствах массовой информации, продукция которых предназначена для распространения преимущественно на территории муниципального образования, в местах массового пребывания граждан; потребности в учете реального некомплекта УУП при организации несения службы и необходимости временного исполнения обязанностей в связи с отсутствием УУП (временной нетрудоспособностью, пребывании на учёбе, в том числе переподготовке и повышении квалификации, командировке); недостаточности методического обеспечения отдельных форм несения службы (например, составления информационно-аналитической записки к отчету, качественного оформления отчетной документации, порядка применения индивидуального профилактического воздействия в отношении отдельных категорий подучетных граждан) [7-9]; наличие, параллельного с электронным, бумажного служебного и процессуального документооборота в

связи с оформлением необходимых материалов по результатам рассмотрения обращений граждан, по делам об административных правонарушениях; использовании внедряемых в органах внутренних дел современных технических средств (например, электронных планшетов (недостаточная производительность, мощность батареи, неудобство пользования без специального чехла, неуверенный прием сигнала в отдельных случаях)) и др.

Также практические сотрудниками выделяются и необходимость: урегулирования порядка вхождения в жилище (домовладения) лиц, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактическая работа, парного несения службы в условиях усложнения оперативной обстановки, проверки лиц, представляющих опасность для окружающих, заброшенных зданий, сооружений; урегулирования порядка использования ресурсов АПК «Безопасный город» в профилактике правонарушений, их выявлении, пресечении и расследовании, улучшения оборудования участковых пунктов полиции современной мебелью, техникой, а также создание условий для комфортного приема граждан и др.

Констатация ряда проблем, возникающих в деятельности службы УУП, отражена и в Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 – 2023 годы [10]. Например, в контексте оптимизации форм несения службы, в ней предусмотрены следующие меры, касающиеся: рационального распределения нагрузки между УУП, в том числе и обращений граждан, материалов дел об административные правонарушения; активизация работы по выявлению лиц, совершивших административные правонарушения и преступления небольшой тяжести на бытовой почве; повышение роли старших УУП в непосредственном руководстве участковыми и контроле за выполнением ими повседневных служебных обязанностей; размещение на официальных сайтах МВД России и актуализация информации об УУП, закрепленных за ними административных участках, контактных телефонах, месте и времени приема граждан; существенное улучшение материально-технического обеспечения деятельности УУП.

Обобщая изученную информации нами предлагаются следующие меры, направленные на совершенствование основных форм несения службы:

1) профилактического обхода административного участка: определить частоту посещения предприятий, учреждений, организаций в зависимости от категории риска причинения вреда (высокий, средний, низкий); дополнить приказ МВД России № 205 от 29.03.2019 г. положениями об особенностях профилактического обхода при обслуживании нескольких объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, а также удаленных местностей; провести исследование-хронометраж для изучения времени, затрачиваемого для профилактического обхода (поквартирного, подворового) в условиях города, сельского населённого пункта, а также при других условиях, влияющих на время его осуществления (например, число подучетных, необходимость проведения большого количества разъяснительных мероприятий), с целью установления факторов, влияющих на его эффективность; рассмотреть возможность УУП получения официальной информации через системы электронного взаимодействия об актуальном состоянии различных объектов, расположенных на территории административного участка для своевременного обновления его паспорта, планирования необходимых мероприятий; подготовить алгоритм посещения различных объектов, находящихся на территории административного участка, а

также соответствующую форму для фиксации необходимых данных с использованием ведомственного программного обеспечения; создать интерактивные карты административных участков с возможностью их дополнения элементами, характеризующими оперативную обстановку; изучить возможность контроля за состоянием обстановки с использованием средств видеонаблюдения, включенных в систему АПК «Безопасный город»; использовать официальные аккаунты ОВД для распространения информации об УУП, доведении информации о криминологических угрозах и способах их устранения; при обучении сотрудников полиции уделять внимание обеспечению личной безопасности в условиях обследования подвальных и чердачных помещений, а также иных объектов с угрозой внезапного нападения.

2) индивидуальной профилактической работы: дополнить ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» статьей «Обязанности лиц, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений», в которой предусмотреть обязанность «...допускать представителей федеральных органов исполнительной власти в сфере профилактики правонарушений в жилое или иное помещение, являющееся местом жительства либо пребывания, для осуществления установленных в отношении них форм профилактического воздействия»; КоАП РФ статьей, устанавливающей ответственность за «Несоблюдение официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения»; проект приказа МВД России «О проведении сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения» дополнить образцом рапорта о её результатах [11]; разработать типовые карты профилактических бесед с различными категориями подучетных; разработать приказ МВД России, регулирующий порядок осуществления органами внутренних дел правового просвещения и правового информирования; при вынесении официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, конкретизировать причины и условия, которые им способствовали; применение риск-ориентированного подхода при планировании профилактических мероприятий; разработать типовую анкету изучения условий жизни и личности подучетных, ориентированную на выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений (например, вопросы анкеты могут предусматривать изучение: длительности конфликтных отношений, их причину, инициатора конфликта; наличие фактов употребления алкоголя или наркотических средств, в том числе и совместного; социально-бытового положения (наличие отдельного жилья, средств к его приобретению), материального состояния семьи (постоянного заработка, дохода); личности нарушителя и потерпевшего (агрессивность участников конфликта, стремление решить его с применением насилия (в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере) и др. [12;13]; рекомендовать органам местного самоуправления оборудовать места для размещения информационных стендов с информацией об УУП, а также печатных материалов профилактической направленности; обеспечить при подготовке сотрудников полиции формирование навыков владения УУП технологиями общения с гражданами в кон-

фликтных и стрессовых ситуациях, с лицами различных возрастов и социального статуса, приемами выявления лжи и самоговора, применения психолого-педагогических методов для негативного или позитивного стимулирования мотивации подучетных законопослушному поведению и др.

3) рассмотрения обращений граждан: усилить контроль старших УУП за рассмотрением обращений граждан УУП, а также качеством их приема; подготовить сборники проектов ответов на обращения граждан, наиболее часто рассматриваемые УУП, с возможностью их заполнения в электронной форме; нормативно закрепить возможность направления промежуточных ответов (в случае наличия таковых) на электронные адреса заявителей; привести содержание информации о рассмотрении обращений граждан, отражаемой в отчетных материалах, в соответствие с показателями оценки работы УУП; размещать информацию о результатах рассмотрения типовых обращений граждан УУП на сайтах территориальных ОВД; внедрить табличную форму отчета УУП о результатах рассмотрения обращений граждан; в ходе подготовки УУП обращать внимание на качество подготовки материалов по обращениям граждан, соблюдению сроков их рассмотрения, грамотному оформлению текстов соответствующих документов и др.

4) приема граждан: нормативно отграничить личный прием граждан и приём УУП населения административного участка; предусмотреть возможность электронных способов приема гражданами, как альтернативы традиционного приема, в случаях введения специального эпидемиологического или другого чрезвычайного режима, для приема граждан в удалённой местности или ограниченных (в силу пожилого возраста, заболевания) в передвижении; рассмотреть целесообразность внедрение персональных официальных аккаунтов УУП, как средства коммуникации между ним и населением административного участка; оборудовать участковые пункты полиции (основные места приёма граждан) необходимыми устройствами для обеспечения прав маломобильных групп, улучшить условий для ожидания посетителей; закрепить порядок использования средств аудио- и видео фиксации хода приема граждан, оборудовать ими служебные помещения УУП; разработать методические рекомендации для общения УУП с различными категориями граждан; усовершенствовать навыки УУП по обеспечению личной безопасности во время приема граждан; внедрить типовую анкету для оценивания качества приема граждан, проводимых УУП.

5) отчета перед населением о проделанной работе: дополнить приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 приложением, в котором отразить примерную форму и содержание отчета УУП; разработать методические рекомендации для проведения УУП анализа состояния оперативной обстановки на административном участке, а также программное обеспечение для автоматизации этой работы; определить возможность проведения отчета в режиме онлайн- видеоконференции; в ходе подготовки УУП отрабатывать навыки публичного выступления; разработать и внедрить в практику методику общественной оценки деятельности УУП и др.

Изложенные выше предложения, по нашему мнению, позволят повысить эффективность деятельности УУП. В тоже время, реалии сегодняшней жизни требуют постоянного совершенствования форм и методов выполнения УУП возложенных на него обязанностей, особенно в период интенсификации внедрения в деятельность органов внутренних дел современных технических средств и цифровых технологий.

Список литературы:

1. Стенограмма выступления В. Колокольцева на заседании коллегии МВД России, 26.02.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 09.12.2021).
2. Владимир Колокольцев поздравил участковых уполномоченных полиции с профессиональным праздником (17 ноября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-pozdravil-uchastkovykh-upolnomochennykh-politsii-s-professionalnym-prazdnikom/> (дата обращения: 09.12.2021).
3. Владимир Колокольцев поздравил лауреатов X Всероссийского конкурса МВД России «Народный участковый» (17 ноября 2020 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-pozdravil-laureatov-x-vsrossiyskogo-konkursa-mvd-rossii-narodnyu-uchastkovy/> (дата обращения: 09.12.2021).
4. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2021 г. (по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России») [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (дата обращения: 09.12.2021).
5. Выступление В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел (28.02.2019) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 09.12.2021).
6. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.12.2021).
7. Заброда Д. Г. Актуальные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции (по материалам анкетирования) // Теория и практика административного права и процесса: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. Д. Сорокина, Краснодар, 03–04 октября 2019 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». – 2019. – С. 78–82.
8. Заброда Д. Г., Зырянов И. В., Савченко Н. А. К вопросу о приоритетных направлениях развития административной деятельности полиции // Актуальные вопросы административной деятельности органов внутренних дел: материалы всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 31 марта 2021 г.) / под ред. к.ю.н. А.С. Лизунова, к.ю.н., доцента С.В. Фролова – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. – 2021. – С. 125–132.
9. Заброда Д. Г. Классификация форм несения службы участковым уполномоченным полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – С. 130–135.
10. Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020–2023 годы [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 марта 2020 г. № 191. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Проект приказа МВД России «О проведении сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения» (по состоянию на 09.10.2019) (подготовлен МВД России, ID проекта 01/02/09-19/00095097) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 09.12.2021).
12. Заброда Д. Г. Деятельность участковых уполномоченных полиции по оказанию профилактического воздействия на лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере / Д. Г. Заброда, Г. М. Овсепян, Н. В. Бровко // Юристь-Правоведь. – 2020. – № 4(95). – С. 174–178.
13. Кравченко Д. С. Специфика приема граждан участковым уполномоченным полиции // Научные исследования: теория, методика и практика: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 10 апреля 2020 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2020. – С. 184–186.

Zabroda D. G., Osyak A. N. Main directions of improving the forms of service by precinct police officers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 149-155.

The article actualizes the need to improve the forms of service by district police commissioners. The study of scientific publications related to the problems of service by police commissioners, as well as the authors' survey of police officers allowed to identify the main problems that reduce the effectiveness of the activities of this police unit. As a result of summarizing the results obtained a set of measures aimed at optimizing the main directions of service: preventive rounds of administrative area, individual preventive work, consideration of citizens' appeals, reception of citizens, reporting to the population about the work done. Formulated provisions aimed at: a) eliminating gaps in the normative-legal support of the service of the DMP (in particular, in the legislation on the order of consideration of citizens' appeals and their reception, on the basis of the system of prevention of offenses in the Russian Federation, on administrative offenses, as well as the order of the Russian Interior Ministry № 205 of 29.03.2019 and others), as

well as draft departmental acts of the Russian Interior Ministry; b) drawbacks in the organization and direct practice of service of the DMP, and logistical and informational support

Key words: district police commissioner, forms of service, improvement of the legal framework, citizens' appeal, administrative area.

Spisok literatury:

1. Stenogramma vystupleniya V. Kolokol'ceva na zasedanii kollegii MVD Rossii, 26.02.2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
2. Vladimir Kolokol'cev pozdravil uchastkovykh upolnomochennykh policii s professional'nym prazdnikom (17 noyabrya 2021 g.) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-pozdravil-uchastkovykh-upolnomochennykh-politsii-s-professionalnym-prazdnikom/> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
3. Vladimir Kolokol'cev pozdravil laureatov X Vserossiyskogo konkursa MVD Rossii «Narodnyj uchastkovyj» (17 noyabrya 2020 g.) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-pozdravil-laureatov-x-vserossiyskogo-konkursa-mvd-rossii-narodnyy-uchastkovyy/> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
4. Ocenka deyatelnosti policii v Rossijskoj Federacii v 2021 g. (po dannym FGKU «VNII MVD Rossii») [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
5. Vystuplenie V. Putina na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennih del (28.02.2019) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
6. Prikaz MVD Rossii ot 29 marta 2019 g. № 205 «O nesении sluzhby uchastkovym upolnomochennym policii na obsluzhivaemom administrativnom uchastke i organizacii etoj deyatelnosti» [Elektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 09.12.2021).
7. Zabroda D. G. Aktual'nye problemy deyatelnosti uchastkovykh upolnomochennykh policii (po materialam anketirovaniya) // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professora V. D. Sorokina, Krasnodar, 03–04 oktyabrya 2019 goda. – Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii». – 2019. – S. 78–82.
8. Zabroda D. G., Zyryanov I. V., Savchenko N. A. K voprosu o prioritnykh napravleniyakh razvitiya administrativnoj deyatelnosti policii // Aktual'nye voprosy administrativnoj deyatelnosti organov vnutrennih del: materialy vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Nizhnij Novgorod, 31 marta 2021 g.) / pod red. k.yu.n. A.S. Lizunova, k.yu.n., docenta S.V. Frolova – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii. – 2021. – S. 125–132.
9. Zabroda D. G. Klassifikaciya form neseniya sluzhby uchastkovym upolnomochennym policii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 4. – S. 130–135.
10. Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya sluzhby uchastkovykh upolnomochennykh policii territorial'nykh organov MVD Rossii na 2020–2023 gody [Elektronnyj resurs]: prikaz MVD Rossii ot 30 marta 2020 g. № 191.– Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
11. Proekt prikaza MVD Rossii «O provedenii sotrudnikami organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii profilakticheskoy besedy o nedopustimosti prodolzheniya antiobshchestvennogo povedeniya» (po sostoyaniyu na 09.10.2019) (podgotovlen MVD Rossii, ID proekta 01/02/09-19/00095097) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant» (data obrashcheniya: 09.12.2021).
12. Zabroda D. G. Deyatel'nost' uchastkovykh upolnomochennykh policii po okazaniyu profilakticheskogo vozdejstviya na lic, dopuskayushchih pravonarusheniya v semejno-bytovoj sfere / D. G. Zabroda, G. M. Ovsepyan, N. V. Brovko // YUrist'-Pravoved". – 2020. – № 4(95). – S. 174–178.
13. Kravchenko D. S. Specifika priema grazhdan uchastkovym upolnomochennym policii // Nauchnye issledovaniya: teoriya, metodika i praktika: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, SHeboksary, 10 aprelya 2020 goda. – SHeboksary: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus», 2020. – S. 184–186.

УДК 343.231

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-156-162

**О ПРАВОВЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОНЯТИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Зоз В. А., Лагуточкина А. С.

В статье раскрывается вопрос правовом направлении определения «взаимодействия» в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел и оперативных подразделений, обеспечивающих проведение оперативно-розыскных мероприятий. Рассматривая вопрос о правовом регулировании взаимодействия оперативных подразделений территориальных и транспортных органов внутренних дел в раскрытии преступлений необходимо, на наш взгляд, отметить, что это одна из функций управления деятельностью различных служб полиции, которая должна определяться посредством правовых норм. Поскольку взаимодействие есть организационная форма согласованной деятельности в ее конкретных проявлениях, то достижение целей этой функции управления обеспечивается правовыми актами государства, органы которого и призваны обеспечивать выполнение данной деятельности. Эффективность их деятельности зависит от ряда факторов, в том числе от совершенствования, действующего законодательства с целью неотвратимости привлечения виновных в совершении преступлении к ответственности.

Ключевые слова: взаимодействие, оперативные подразделения органов внутренних дел, конституция, принципы взаимодействия, правоохранительная деятельность.

Раскрывая сущность взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел, необходимо исходить из того, что в литературе высказаны различные точки зрения ученых о содержании понятия «взаимодействие».

С точки зрения философской науки, взаимодействие рассматривается как «всеобщая форма связи тех или иных явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении».

В науке управления взаимодействие рассматривается «в качестве одной из форм управления как направленного действия, осуществляемого для достижения конкретной цели».

Наиболее распространение в специальной литературе получило понятие взаимодействие, данное в военной науке «как совместная или согласованная деятельность по цели, месту и времени». Хотя нужно отметить, что термин «совместная деятельность» сужает содержание взаимодействия в борьбе с преступлениями, ставит его в рамки проведения совместных мероприятий, но в процессе взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел могут проводиться не только совместные, но и согласованные мероприятия, то есть выполнение одним из оперативных подразделений органов внутренних дел каких-либо согласованных задач с помощью присущих ему средств и методов.

Взаимодействие – организуется с учетом полномочий и компетенции каждого из субъектов, а также специфических сил, средств и методов, применяемых для решения общих задач борьбы с преступностью.

Анализ различных определений взаимодействия в органах внутренних дел показывает, что в них имеются общие моменты (признаки), характеризующие сущность

данного понятия: во-первых, это «согласованность» по цели, месту и времени; во-вторых, основанность этой деятельности на законах и подзаконных актах. Необходимо существенно дополнить названные характеристики, отметив, что взаимодействие многоаспектно и может носить уголовно-процессуальный, оперативно-розыскной, административный, организационно-управленческий характер; оно осуществляется (что, по нашему мнению, очень важно) с применением наиболее целесообразного сочетания присущих взаимодействующим субъектам сил, средств и методов.

Некоторые авторы включают в понятие взаимодействия систему его основных принципов и отражают наиболее существенные его признаки, говоря, что это сотрудничество, основанное на общности цели и выражающееся в организации и использовании наиболее рациональных форм сочетания сил, средств и методов, присущих компетентным субъектам. Основными принципами взаимодействия являются:

1. Соблюдение законности, конституционных прав и свобод человека и гражданина;
2. Комплексное использование сил и средств органов внутренних дел; согласованность планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
3. Персональная ответственность следователя, дознавателя, начальника подразделения дознания, руководителей следственного подразделения, подразделений осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, полиции по охране общественного порядка, за своевременность, качество проведения и результаты следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
4. Персональная ответственность руководителей экспертно-криминалистических подразделений за своевременность, качество проводимых экспертных исследований;
5. Непрерывность взаимодействия на всех этапах раскрытия и расследования преступлений вплоть до направления уголовного дела в суд после утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта);
6. Независимость следователя, дознавателя, руководителя следственного подразделения, начальника подразделения дознания в принятии решений, за исключением случаев, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;
7. Самостоятельность сотрудников оперативных подразделений и должностных лиц органов внутренних дел, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

На наш взгляд, целесообразно определить взаимодействие как основанную на законных и подзаконных актах согласованную деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляемую с целью наиболее эффективного применения присущих им сил, средств, форм и методов по раскрытию преступлений.

В Конституции Российской Федерации закреплена обязанность государства и его органов власти и управления направлять главные усилия на обеспечение законности и правопорядка, защиту прав и свобод человека и гражданина, добиваться искоренения всяких нарушений закона, вести наступательную борьбу с преступностью,

принимать установленные законом меры для выявления и устранения причин и условий, порождающих преступления [1]. Об этом в той или иной форме говорится в ст. 2 и ст. 7, ч. 1 ст. 45, п. «в» ст. 71, п. «б» ст. 72, п. «е» ст. 114 Конституции РФ. Например, в ст. 2 однозначно сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Эта же идея содержится в ч. 1 ст. 45: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Приведенные конституционные предписания требуют, чтобы все государственные органы участвовали в реализации этих положений. Но у каждого государственного органа имеются свои специфические функции в различных областях общественной жизни, которые являются для них основными, и они свое главное усилие направляют на их реализацию. Вышеизложенные положения Конституции относятся к правоохранительной деятельности и реализацией этой специфической функции в основном занимаются правоохранительные органы государства. Одним из самых важных направлений в этой области является борьба с преступностью, для обеспечения которой требуется консолидация всех сил и средств правоохранительных органов.

Для выполнения этой функции государства, потребовалось наличие государственной структуры, которая объединила бы все правоохранительные органы и возглавила эту работу. Поэтому государство возложило все обязанности по координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью на органы прокуратуры, на что прямо указано в указе Президента Российской Федерации «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [2], где отмечено, что Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенной службы и других правоохранительных органов. В целях обеспечения координации указанных органов, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия. Таким образом, основные цели и задачи правоохранительных органов в борьбе с преступностью определены данным и другими законными и подзаконными нормативными актами. Все принятые в последние годы правовые акты направлены на формирование эффективной правоохранительной системы страны, способной вести борьбу с преступностью и обеспечить правопорядок в стране и безопасность населения.

В названном направлении необходимо четко сформулировать главную цель развития этой многофункциональной, сложной системы, а также принципы, правовую основу, основные направления развития и совершенствования, отражающие многогранный функционально-структурный аспект ее преобразования. В этом плане понятие и сущность взаимодействия следует рассматривать с системных позиций.

В системе органов МВД, призванных осуществлять борьбу с преступностью, следует особо выделить оперативные подразделения органов внутренних дел.

По мнению многих специалистов, такое выделение обусловлено объективными обстоятельствами, ибо именно в деятельности криминальной милиции отражены основные направления уголовной политики государства: выявление, предупре-

ждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск и задержание виновных в их совершении лиц.

В философской литературе под взаимодействием понимается категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, взаимодополняемость, взаимопереход, порождение одним объектом другого [4].

В науке управления достаточно распространена точка зрения о том, что взаимодействие – это одна из форм управления как направленного воздействия, осуществляемого для достижения конкретной цели. Взаимодействия системных образований взаимно дополняют друг друга, создают условия для успешного функционирования всей системы [3].

Целесообразно заметить, что процесс управления взаимодействием между оперативными подразделениями органов внутренних дел в раскрытии преступлений характеризуется несколькими основными стадиями: планирование, организация и координация, а также учет и контроль.

Организация борьбы с преступностью предполагает, прежде всего, определение ее важнейших направлений. Такие направления устанавливаются на основе анализа состояния преступности и комплекса всех мер, используемых для предупреждающего (профилактического), контролирующего (сдерживающего) и вытесняющего (пресекающего) воздействия на нее.

Некоторые авторы включают в понятие взаимодействия систему его основных принципов и отражают наиболее существенные его признаки, говоря, что это сотрудничество, основанное на общности цели и выражающееся в организации и использовании наиболее рациональных форм сочетания сил, средств и методов, присущих компетентным субъектам. Среди основных принципов взаимодействия необходимо выделить имеющие наибольший вектор своего развития, такие как:

1. Строгое соблюдение законности, конституционных прав и свобод граждан.
2. Комплексное использование имеющихся в разных службах сил и средств.
3. Персональная ответственность руководителей взаимодействующих служб за организацию, проведение и результаты совместных действий.
4. Определенная самостоятельность сотрудников разных служб в выборе средств и методов работы.
5. Непрерывность взаимодействия и согласованность его планирования.

Применительно к нашему исследованию целесообразно определить взаимодействие как основанную на законных и подзаконных актах согласованную деятельность оперативных подразделений ОВД, осуществляемую с целью наиболее эффективного применения присущих им сил, средств, форм и методов по раскрытию преступлений [5].

Таким образом, из самого определения взаимодействия можно выделить его сущностные признаки:

1. Оперативные подразделения ОВД являются составными элементами единой системы и решают общие задачи борьбы с преступностью.
2. Объектами совместной деятельности оперативных подразделений ОВД являются преступления.

Борьба с преступностью невозможна без использования всех имеющихся в указанных службах сил и средств, форм и методов. Причем, не имеет значения, на ка-

кой именно стадии преступления возникает необходимость взаимодействия – наличие замысла, подготовка к нему, непосредственное совершение преступления – работа по всем этим направлениям со стороны оперативных подразделений требует изначально комплексного подхода.

Наличие различных объектов оперативного обслуживания оперативных подразделений ОВД, особенно связанных с обеспечением проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Согласованная деятельность указанных подразделений может осуществляться скоординировано каждой службой или совместно для решения конкретных задач оперативно-тактического характера. Причем, эта деятельность может быть основана на конкретных предписаниях – ведомственных нормативных актах по действиям в типичной ситуации.

В таком случае, субъекты взаимодействия осуществляют какие-либо действия без специального согласования по месту, времени, используемым силам и средствам. Каждая из взаимодействующих сторон может проводить предписанные ей, исходя из функциональных обязанностей, мероприятия самостоятельно и для этого не требуется постоянного согласования этих действий с другой стороной. Поэтому, можно сразу перейти к рассмотрению следующего пункта.

3. Оперативные подразделения ОВД, как и оперативные подразделения, обеспечивающие проведение оперативно-розыскных мероприятий, являются системными образованиями МВД, выполняющими свои функции в том числе автономно. Выполнение сотрудниками оперативных подразделений ОВД автономных действий при раскрытии преступлений, практически всегда влечет за собой опосредованное содействие им оперативными подразделениями, обеспечивающие проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Типовые предписания нормативных актов не могут учитывать всех конкретных особенностей складывающейся оперативной обстановки, поэтому, важное значение в данном случае приобретает инициативное согласование действий названных подразделений. Такой характер отношений позволяет сочетать выполнение самостоятельных задач в рамках существующих функций каждым из взаимодействующих субъектов посредством осознанной необходимости оказывать прямую или косвенную взаимопомощь.

В контексте вышеизложенного следует сказать о важности персональной ответственности субъектов взаимодействия и их руководителей за его организацию, проведение и результаты. Однако, такая ответственность трактуется в нормативных актах однобоко, например, за непрерывность согласованного планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений ответственность возлагается на руководителя только оперативного подразделения, который является инициатором взаимодействия.

Взаимодействие осуществляется не только на одном уровне органов внутренних дел и их специализированных служб и подразделений, но и между субъектами, расположенными на разных уровнях (нижестоящими и вышестоящими). При этом надо иметь в виду, что в понятие субъектов взаимодействия следует включать не только сами подразделения и службы ОВД, но и работающих там сотрудников, обладающих определенной самостоятельностью [6].

Ученые и практики, занимающиеся вопросами оперативно-розыскной деятельности, по-разному аргументируют необходимость взаимодействия служб органов внутренних дел. Анализируя их позиции, можно прийти к выводу о том, что они, говоря об объективной необходимости взаимодействия, обосновывают это, с одной стороны, общностью задач, стоящих перед службами и подразделениями органов внутренних дел, с другой – различием в их функциональном и структурном положении [7]. Соглашаясь в принципе с таким обоснованием, полагаем вместе с тем целесообразным при рассмотрении данного вопроса руководствоваться и другими факторами, которые обуславливают объективную необходимость взаимных действий.

Органы внутренних дел, как уже говорилось, представляют собой целостную динамичную систему, состоящую из подсистем, находящихся в органической связи между собой и системой в целом. В данном случае оперативные подразделения органов внутренних дел являются их подсистемами, а необходимость взаимодействия систем и подсистем – одно из главных требований сохранения целостности, без соблюдения которого система как таковая существовать не может [8].

В заключении важно отметить, что как бы ни была велика структурно-функциональная самостоятельность оперативных подразделений органов внутренних дел и оперативных подразделений, обеспечивающих проведение оперативно-розыскных мероприятий, они способны наиболее эффективно выполнять свои функции в области борьбы с преступностью, особенно в раскрытии преступлений, не сами по себе, а в рамках целостной системы органов внутренних дел, в непосредственной или опосредствованной связи, т. е. во взаимодействии друг с другом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗК, от регулирования 14.03.2020 №1-ФЗК) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Указ Президента Российской Федерации «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (В редакции указов Президента Российской Федерации от 25.11.2003 № 1389, от 26.06.2013 № 581, от 25.07.2014 № 529, от 07.12.2016 № 656, от 31.12.2019 № 640). – URL: <https://www.garant.ru>
3. Туманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 93.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 88.
5. Иванов С.И. О тактических способах действий оперативно-розыскной тактики и оперативно-розыскных операций // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (22). – С. 102–106.
6. Иванов С.И. Особенности взаимодействия при ведении оперативно-розыскной операции органами внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. – № 1 (39). – С. 108–112.
7. Зоз В.А. К вопросу о соблюдении законности и прав граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 125–128.
8. Шишина Е.А. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных подразделений и следственных органов в процессе раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 244–250.

Zoz V.A., Lagutochkina A. S. About the legal prerequisites of the concept of "interaction" in the activities of operational units of internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – T. 8 (74). № 1. – P. 146-162.

The article discloses the issue of the legal direction of determining "interaction" in the activities of operational units of internal affairs bodies and operational units that provide for operational-search measures. Considering the issue of legal regulation of interaction between operational units of territorial and transport bodies of internal affairs in solving crimes, in our opinion, it should be noted that this is one of the functions of managing the activities of various police services, which should be determined through legal norms. Since interaction was an organizational form of concerted action in its specific activities, the objectives of that management function were achieved through the first acts of the State, whose organs were called upon to carry out those activities. The effectiveness of their activities depends on a number of factual factors, including the improvement of the current legislation in order to inevitably attract those responsible.

Keywords: interaction, operational units of internal affairs bodies, constitution, principles of interaction, law enforcement.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FZK, ot regulirovaniya 14.03.2020 №1-FZK) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O koordinacii deyatelnosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu» (V redakcii ukazov Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 25.11.2003 № 1389, ot 26.06.2013 № 581, ot 25.07.2014 № 529, ot 07.12.2016 № 656, ot 31.12.2019 № 640). – URL: <https://www.garant.ru>
3. Tumanov G. A. Organizaciya upravleniya v sfere ohrany obshchestvennogo porjadka. – M.: YUrid. lit., 1972. – S. 93.
4. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. – S. 88.
5. Ivanov S.I. O takticheskikh sposobah dejstvij operativno-rozysknoj taktiki i operativno-rozysknyh operacij // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2 (22). – S. 102-106.
6. Ivanov S.I. Osobennosti vzaimodejstviya pri vedenii operativno-rozysknoj operacii organami vnutrennih del // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – T. 11. – № 1 (39). – S. 108-112.
7. Zoz V.A. K voprosu o soblyudenii zakonnosti i prav grazhdan pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatelnosti // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2020. – S. 125-128.
8. SHishina E.A. Aktual'nye voprosy vzaimodejstviya operativnyh podrazdelenij i sledstvennyh organov v processe raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatelnosti: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2020. – S. 244–250.

УДК 343.2

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-163-169

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ
НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ**

Кашикаров А. А., Рудик М. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В публикации рассмотрены некоторые аспекты, связанные с установлением и реализацией отечественной уголовно-правовой политики в сфере легализации денежных средств, иного имущества полученных от незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Определены определенные трудности, связанные с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ при использовании виновными лицами возможностей информационно-телекоммуникационных сетей при легализации денежных средств, иного имущества полученных от незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Также в публикации тезисно освещена общественная опасность легализации денежных средств, иного имущества полученных от незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при использовании виновными лицами возможностей информационно-телекоммуникационных сетей. В статье сделан вывод о том, что непосредственно в ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ целесообразно законодательно следует предусмотреть квалифицирующий признак, устанавливающий уголовную ответственность за совершение любых финансовых операции или иных сделок с денежными средствами, финансовыми инструментами, иным имуществом заведомо добытыми в результате совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: преступление, блокчейн, легализация средств, полученных преступным путём, интернет, наркотики, предикатное преступление, состав преступления, уголовно-правовая политика.

Негативные процессы в экономической жизни Российского общества способствовали обострению морально-правовых проблем, а также появлению ошибочных представлений об экономической, политической и моральной вседозволенности. При таких условиях значительное распространение получила такая форма преступной деятельности, как легализация (отмывание) доходов, полученных непосредственно от совершения преступлений, в том числе и в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Деятельность государства по созданию действенного антилегализационного законодательства, является одной из первоочередных задач уголовной политики России. С целью реализации этого направления уголовной политики законодатель принял ряд норм, обеспечивающих правовую основу деятельности специальных органов исполнительной власти в сфере противодействия легализации доходов, добытых преступным путем, в том числе связанных с наркобизнесом. Кроме того, отметим, что на необходимость активизации работы по подрыву экономической базы преступного мира неоднократно говорилось в выступлениях Президента Российской Федерации, а также в целевых государственных программах по укреплению экономики и противодействию накоплению и легализации преступных доходов.

Противодействие отмыванию доходов от незаконного оборота наркотиков предполагает комплексную систему действий, для которой необходима согласованность деятельности и объединение сил не только МВД России, но и других ведомств и организаций. Эффективность противодействия организованной наркопреступности неразрывно связана с деятельностью по подрыву ее экономических основ, что определено Стратегией экономической безопасности РФ [7]. Легализация средств, полученных в результате наркобизнеса, представляет повышенную общественную опасность в силу разных обстоятельств, среди них основными, по нашему мнению, являются следующие: устранение здоровой конкуренции среди хозяйствующих субъектов, монополизация наиболее рентабельных отраслей легальной сфере экономики, коррумпирование должностных лиц органов публичной власти.

Перед рассмотрением непосредственно особенностей легализации денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, рассмотрим происхождение понятия легализации денежных средств, полученных преступным путём. Так, первое упоминание о данном виде преступления относится к началу XX столетия. В США в 20-30 гг. в период действия «сухого закона» ряд преступных сообществ внедрил схему по приданию законности происхождения денежных средств, полученных ими от ведения преступного бизнеса. Накапливая таким образом огромные суммы денежных средств, организованные преступные формирования изрядно укрепили свои позиции, в том числе и во властных структурах. Следует отметить, тот факт, что легализация преступных доходов в большинстве стран мира является деянием наказуемым.

Далее мы хотим уделить внимание особенностям отмывания денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате совершения преступления непосредственно связано с бесконтактным сбытом наркотических средств, с помощью всемирной сети Интернет. В виду указанных обстоятельств работа правоохранительных органов в данном направлении оперативно-служебной деятельности является одной из наиболее приоритетных. Следует указать, что наркобизнес использует возможности информационно-телекоммуникационных сетей не только для сбыта наркопродукции и поиска сбытчиков и клиентов, но и для легализации средств, полученных преступным путем, так как потенциал информационно-телекоммуникационных сетей в сфере банковского и финансового обеспечения достаточно широкий.

Однако данное направление деятельности имеет ряд сложностей и проблемных вопросов, связанных непосредственно с документированием и квалификацией преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174¹ УК РФ, в литературе отмечается о необходимость внесения изменений в указанные нормы [5]. Применение норм, предусмотренных ст.ст. 174, 174¹ УК РФ определенным образом затруднено, так как указанные нормы являются предикатными [6]. В теории уголовного права отмечается, что предикатные (вторичные) преступления чаще встречаются после фактического исполнения объективной стороны основного преступления, реже на стадии оконченного покушения и еще реже может сопутствовать времени совершения основного преступления, а в некоторых случаях даже предшествовать основному [9, с. 37]. Кроме того, субъективная связь предикатного преступления с основным может выражаться осознанностью и осведомлённостью субъекта преступления относительно объективных процессов, которые происходили до начала выполнения объективной

стороны предикатного преступления. Осознанность и осведомлённость субъекта предикатного преступления законодателем раскрывается посредством законодательного закрепления в диспозиции нормы термина «заведомо», который встречается в ст. 174 УК РФ и ст. 175 УК РФ [2, с. 82]. Так в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. №32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» отмечается, что «в описательно-мотивировочной части судебного решения по делам об обвинении в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 174 или статьёй 174¹ УК РФ, должны быть приведены доказательства, на которых основывается вывод суда о том, что денежные средства или иное имущество были приобретены преступным путем (в результате совершения преступления), а также о том, что наличествует цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению такими денежными средствами или иным имуществом» [3].

Сложности в квалификации возникают при проведении мероприятий по установлению факта легализации (отмывания) денежных средств, полученных от непосредственной реализации злоумышленником наркотических средств в целях придания им правомерного вида, поскольку наличие у фигуранта указанной цели является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ [8]. Финансовые операции и сделки, направленные на легализацию денежных средств направлены на вложение денежных средств, полученных от незаконного сбыта наркотиков в легальную экономику, для непосредственного сокрытия их криминального происхождения, чтобы соответственно придать им видимость легальных, тем самым создав возможность для извлечения последующей прибыли. Для этого преступники часто используют так называемую схему «Миксер». По мнению специалистов Управления по противодействию отмыванию доходов Федеральной службы по финансовому мониторингу суть этой схемы сводится к созданию специальных Интернет-площадок, назначение которых сводится к сокрытию следов транзакций в блокчейне.

Иными словами, отдельно взятые операции с денежными средствами, в том, числе обмен, переводы и их последующие обналачивание которые указывают на наличие объективных признаков преступления не могут свидетельствовать о совершении преступления фигурантом и требуют установления субъективных признаков, к которым относится непосредственно цель – придание денежным средствам или иному имуществу законного вида. Следует отметить, что основными трудностями в работе правоохранительных органов по противодействию электронным способам бесконтактной продажи наркотических средств является участвовавшие случаи использования анонимайзеров, а также нехватка в подразделениях ОКОН IT – специалистов [4].

Несмотря на наличие указанных сложностей сотрудниками УКОН МВД по Республике Крым совместно с сотрудниками СЧ СУ МВД по Республике Крым и представителями Межрегионального управления Федеральной службы по финансовому мониторингу по Республике Крым и городу Севастополю проводится комплекс мероприятий, направленных на выявление и документирование фактов легализации

денежных средств, полученных от незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

Так, в 2021 г. по материалам сотрудников УКОН МВД по Республике Крым возбуждено уголовное дело по ст. 174¹ УК РФ. В мае 2021 г. указанное уголовное дело направлено в суд. Общая сумма легализованных денежных средств составила 2 402 975 руб.

В 2020 г. сотрудниками УКОН МВД по Республике Крым выявлен 1 факт легализации наркодоходов. Общая сумма легализованных денежных средств составила 3 000 000 руб. Так, в июле 2020 г. сотрудниками УКОН МВД по Республике Крым в ходе проведенного комплекса ОРМ задержан гр. «С», который является организатором и создателем интернет-магазина «TheVenusProject», с помощью которого осуществлялся сбыт синтетических наркотиков бесконтактным способом на территории Республики Крым. В ходе анализа движения денежных средств по счетам вышеуказанного лица установлено, что гр. «С» путем проведения финансовых операций и сделок с недвижимым имуществом, выразившееся в конвертации с использованием обменных пунктов валют в сети Интернет перевел криптовалютные активы (биткоин) на наличные российские рубли для последующего их использования в целях приобретения недвижимого имущества на территории Псковской области, чем придал правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными преступным путем, то есть легализовал преступный доход в крупном размере.

По данному факту 17.07.2020 следственной частью СУ МВД по Республике Крым в отношении «С», возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 174¹ УК РФ. В октябре 2020 г. уголовное дело направлено в суд. Кроме этого в марте 2021 сотрудниками УКОН МВД по Республике Крым в ходе реализации оперативных материалов установлено, что гражданин «С», 07.09.1990 г.р., имея умысел на совершения преступления, связанного с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, а именно с незаконным изготовлением и сбытом психотропного вещества «амфетамин» в особо крупном размере, в целях последующей легализации денежных средств, действуя из корыстных побуждений, посредством проведения различных финансовых операций, а также осуществления экономической и предпринимательской деятельности в период с ноября 2017 по май 2020 легализовала преступный доход в крупном размере.

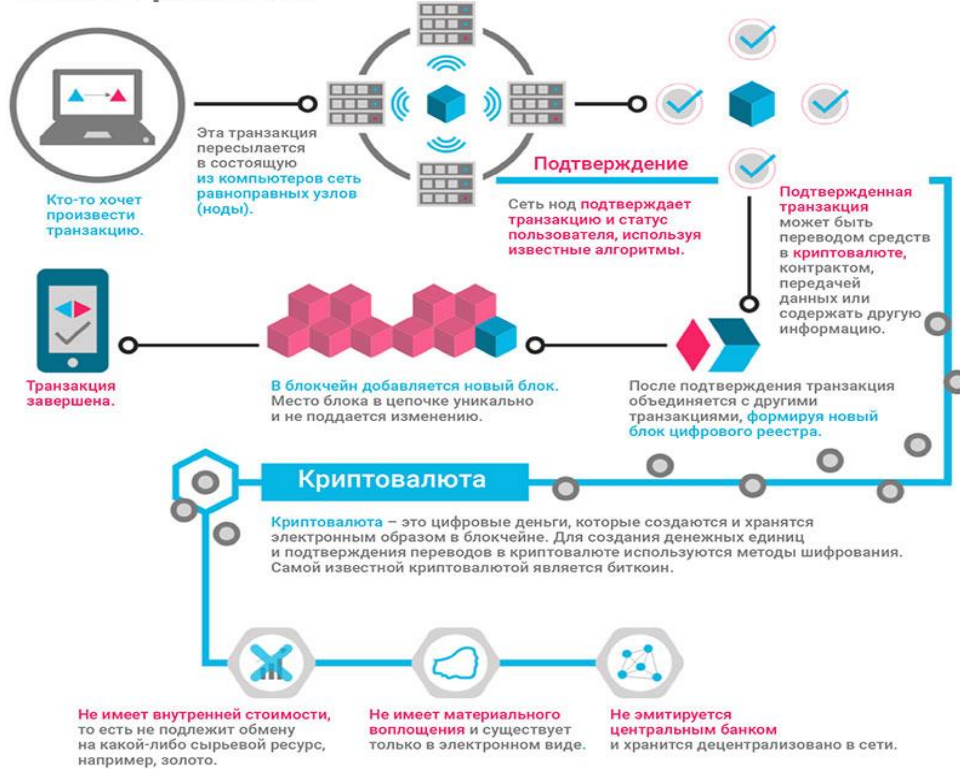
По данному факту следственными органами МВД по Республике Крым возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 174¹ УК РФ, которому вынесен обвинительный приговор.

Чем же так привлекает преступников криптовалюта? Чтобы разобраться в этом необходимо прежде всего, определиться с ее характерными чертами. Следует сказать, что криптовалюта представляет собой прежде всего виртуальное выражение фиатных денежных средств, но только без физических признаков. Далее следует упомянуть о том, что особенностью криптовалют является децентрализация — отсутствие какого-либо внутреннего или внешнего администратора. Что это дает преступнику? Все транзакции, выполненные пользователями этих криптоактивов остаются в тени от контролирующих органов, что делает их еще более привлекательными в преступной среде. Такое становится возможным благодаря тому, что все данные с криптовалютными кошельками и транзакциями хранятся в блокчейне.

Для того, чтобы понять, как данный процесс работает считаем необходимым отобразить его в следующей схеме.

Принцип работы блокчейна

Как это работает:

Указанная схема, позволяет понять, каким образом лица, получившие денежные средства от незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, совершенных бесконтактным способом легализируют свои преступные доходы. По данным специалистов Управления по противодействию отмыванию доходов Федеральной службы по финансовому мониторингу за не полный 2021 г. накопление денежных средств в криптовалютных активах в Российской Федерации достигло 3 триллионов долларов США, что выводит нашу страну на одно из лидирующих мест в мире по операциям с криптовалютными активами.

В заключении хочется отметить, что для повышения эффективности реализации уголовно-правовой политики в сфере легализации денежных средств, иного имущества полученных от незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, прежде всего связанной со своевременным принятием мер по установлению преступных доходов, а также имущественного положения фигурантов и их окружения, для обеспечения наложения ареста в целях последующего принудительного возмещения и конфискации, целесообразно продолжить дальнейшую работу по взаимному сотрудничеству между МВД и Центральным Банком России, Минкомсвязью, Министерством Финансов, Федеральной службой безопасности а также с Росфинмониторингом и иными финансовыми организациями по обеспече-

нию электронного документооборота. Нарращивание практики сотрудничества позволит обмениваться информацией по защищенным каналам связи, получая необходимую информацию в электронном виде в значительно сокращенные сроки.

Кроме этого, в целях обеспечения полномасштабной борьбы с организованной наркопреступностью, целесообразно в уголовном законодательстве предусмотреть квалифицирующий признак в ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность за совершение любых финансовых операции или сделок не только с денежными средствами, но и иными финансовыми инструментами, а также имуществом заведомо добытыми в результате совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и их возможностей.

Список литературы:

1. Дворецкий М. Ю. Проблемы реализации уголовной ответственности по УК РФ и УК ФРГ в сфере экономической преступности // Вестник ТГУ. – 2014. – № 1 (129). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-po-uk-rf-i-uk-frg-v-sfere-ekonomicheskoy-prestupnosti> (дата обращения: 24.12.2021).
2. Кашкаров А. А., Кашкаров А. А. Отграничение предикатных составов преступлений от иных уголовно-правовых институтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 82.
3. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32. – URL: <https://rg.ru/2015/07/13/sud-dok.html> (дата обращения: 24.12.2021).
4. Рудик М. В., Юсупов Т. А. Проблемные вопросы противодействия бесконтактному сбыту наркотических средств на территории Республики Крым // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: материалы межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2021. – С. 231–237.
5. Самойлюк Р. Н., Ивенин В. О. Совершенствование уголовного законодательства о противодействии легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путём // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovershenstvo-ugolovnogo-zakonodatelstva-o-protivodeystvii-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennogo> (дата обращения: 24.12.2021).
6. Смирнова Г. Н. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 3 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovoy-harakteristiki-prestupleniy-predusmotrennyh-statyami-174-i-174-1-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy> (дата обращения: 24.12.2021).
7. Об утверждении Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Система ГАРАНТ. – URL: <http://base.garant.ru>.
9. Шарапов Р. Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместного умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. – № 3 (34). – 2015. – С. 36–41.

Kashkarov A. A., Rudik M. V. Criminal law policy on the legalization of funds, other property derived from the illicit sale of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 163-169.

The publication discusses some aspects related to the establishment and implementation of the domestic criminal law policy in the field of legalization of funds and other property obtained from the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. Certain difficulties associated with the qualification of crimes under Art. 174 and Art. 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation when guilty persons use the capabilities of information and telecommunication networks during the legalization of

funds, other property obtained from the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. The publication also provides a summary of the public danger of legalizing money and other property obtained from the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors when the perpetrators use the capabilities of information and telecommunication networks. The article concludes that directly in Art. 174 and Art. 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, it is advisable to legally provide for a qualifying feature that establishes criminal liability for any financial transactions or other transactions with monetary funds, financial instruments, and other property knowingly obtained as a result of crimes using information and telecommunication networks.

Key words: crime, blockchain, money laundering, Internet, drugs, predicate crime, corpus delicti, criminal law policy.

Spisok literatury

1. Dvoreckij M. YU. Problemy realizacii ugovolnoj otvetstvennosti po UK RF i UK FRG v sfere ekonomicheskoy prestupnosti // Vestnik TGU. – 2014. – № 1 (129). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-po-uk-rf-i-uk-frg-v-sfere-ekonomicheskoy-prestupnosti> (data obrashcheniya: 24.12.2021).
2. Kashkarov A. A., Kashkarov A. A. Ogranichenie predikatnyh sostavov prestuplenij ot inyh ugovolno-pravovyh institutov // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2019. – № 6. – S. 82.
3. O sudebnoj praktike po delam o legalizacii (otmyvanii) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem, i o priobrenenii ili sbyte imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putem: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 iyulya 2015 g. № 32. – URL: <https://rg.ru/2015/07/13/sud-dok.html> (data obrashcheniya: 24.12.2021).
4. Rudik M. V., YUsupov T. A. Problemnye voprosy protivodejstviya beskontaktnomu sbytu narkoticheskikh sredstv na territorii Respubliki Krym // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti: materialy mezhrregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. – Simferopol', 2021. – S. 231–237.
5. Samojlyuk R. N., Ivenin V. O. Sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatel'stva o protivodejstvii legalizacii denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennogo prestupnym putyom // Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovershenstvo-ugolovno-zakonodatelstva-o-protivodeystvii-legalizatsii-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imushchestva-priobretennogo> (data obrashcheniya: 24.12.2021).
6. Smirnova G. N. Osobennosti ugovolno-pravovoj karakteristiki prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 174 i 174.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2018. – № 3 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovoy-harakteristiki-prestupleniy-predusmotrennyh-stat'yami-174-i-174-1-ugolovno-kodeksa-rossiyskoj> (data obrashcheniya: 24.12.2021).
7. Ob utverzhdenii Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.05.2017 g. № 208. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>.
8. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Sistema GARANT. – URL: <http://base.garant.ru>.
9. SHarapov R. D. Sovmestnaya prestupnaya deyatel'nost' bez priznakov souchastiya: prikosnovennost' k prestupleniyu, uchastie v prestuplenii pri otsutstvie sovmestnogo umysla // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – № 3 (34). – 2015. – S. 36–41.

УДК 323.285

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-170-175

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ
КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Косовский В. Б., Мартынюк С. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В современном мироустройстве основным негативным фактором, влияющим на развитие любого государства, по праву можно считать терроризм, который в последнее время приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Преступления террористической направленности, относятся к одним из самых опасных, трудно прогнозируемых и сложно раскрываемых видов преступлений, которые способны привести к многочисленным человеческим жертвам, к разрушению материальных и духовных ценностей, возникновению военных и геополитических конфликтов.

В статье анализируется деятельность правоохранительных структур Российской Федерации по противодействию преступлениям террористического и экстремистского характера.

Авторами проведён обзор нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность силовых структур, в первую очередь Федеральной службы безопасности и МВД по противодействию и борьбе с экстремизмом и терроризмом. Отдельно отмечен рост числа материалов противоправного характера в сети интернет, в связи с чем предложены меры по совершенствованию правового регулирования по противодействию проявлениям экстремизма и терроризма в сети Интернет.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, сеть Интернет, противоправные деяния, преступления, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, противодействие, профилактика.

Одним из направлений в Стратегии национальной безопасности по обеспечению безопасности государства является противодействие таким противоправным деяниям как терроризм и экстремизм.

Актуальность тематики данной работы является чрезвычайно важной, так как преступления террористического и экстремистского характера посягают на общественную безопасность и общественный порядок.

При написании статьи были использованы труды отечественных авторов, это в частности: В.В. Стукалов, Е.В. Запорожец, Л.А. Бураева и другие, а также действующее законодательство Российской Федерации. На основе изучения международных и федеральных правовых документов автором разработаны меры по совершенствованию правового регулирования деятельности органов внутренних дел по противодействию терроризму и экстремизму.

Под терроризмом согласно Федеральному закону Российской Федерации «О противодействии терроризму» [2] понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Под экстремизмом следует понимать идеологию крайних взглядов, которая направлена на совершение противоправных действий, которые угрожают действующему государственному строю и непосредственно гражданам страны [3]. Таким образом, такие общественно-опасные противоправные деяния, как терроризм и экс-

тремизм несут по себе разрушительное действие для всех без исключения государств в мире.

В настоящее время важным направлением деятельности правоохранительных органов стало обеспечение общественной безопасности граждан, проводится работа по выявлению лиц, причастных к подготовке, как противоправных действий террористического характера, так и устранению материалов террористического и экстремистского содержания в глобальной сети Интернет.

В качестве мер профилактического характера органами внутренних дел во взаимодействии с Федеральной службой безопасности Российской Федерации регулярно проводятся оперативно-розыскные мероприятия по установлению и задержанию лиц, планировавших осуществить террористические акты или распространять материалы экстремистского характера.

Пресечение террористической экстремистской деятельности является важным аспектом деятельности всех правоохранительных структур нашего государства, в первую очередь СВР, ФСБ и МВД при обеспечении безопасности государства и полноценного функционирования российского общества. Существующие в настоящее время способы противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности эффективны, однако перед правоохранительными органами стоит задача по действенной профилактике этих противоправных явлений.

Среди государственных органов, ведущих борьбу с преступлениями террористического и экстремистского характера, важная роль отводится Службе по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (СЗКСБТ) ФСБ и Управления «Э» (ГУПЭ) МВД России, на которые согласно Указа Президента РФ № 1316 [6] возложена функция по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений террористического и экстремистского характера.

Упомянутыми подразделениями осуществляется противодействие и пресечение террористической и экстремистской деятельности, кроме них блокировкой материалов противоправного характера в сети Интернет занимается и Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Также важно отметить тот факт, что пропаганда терроризма и экстремизма в сети Интернет предоставляет преступникам возможность влиять на значительные массы населения, в основном молодёжь для их вовлечения в противоправные общественно-опасные деяния.

В настоящее время информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, стала ведущим средством по координации действий для экстремистских групп и террористических организаций, злоумышленники используют сеть Интернет для вербовки в свои ряды новых членов, планирования и осуществления преступных замыслов, а также распространения экстремистской идеологии.

Начиная с 2014 г. в России действует поправка к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», [1] в соответствии с которой допускается оперативная досудебная блокировка Интернет-ресурсов (сайтов) с экстремистским и террористическим контентом. В процедурном аспекте данная норма выглядит следующим образом: генеральный прокурор ходатайствует о блокировке определённого сайта, если на нем была обнаружена экстремистская информация

или призывы к осуществлению действий экстремистского характера, такая блокировка осуществляется на протяжении часа.

Хотим отметить, что ресурсе Национального антитеррористического комитета [11] представлен федеральный список организаций, куда внесены как российские, так и иностранные организации международного спектра деятельности, которые признаны Верховным Судом Российской Федерации террористическими (экстремистскими), деятельность которых запрещена. Так, по состоянию на 2021 год в списке внесено 4 206 Интернет-сайтов.

Необходимо подчеркнуть, что опыт правоохранительных органов по противодействию экстремизму в сети Интернет насчитывает не один год. В настоящее время ФСБ и МВД противодействуют проявлениям экстремизма и терроризма комплексом мероприятий, среди которых следует отметить: совместное межведомственное взаимодействие между органами, которые противодействуют экстремизму и терроризму, производят обмен оперативной информацией; анализ факторов и условий, способствующих возникновению проявлений терроризма и экстремизма, и прогнозирование тенденций их развития и проявления на территории России; профилактика, пресечение и раскрытие преступлений экстремистского и террористического толка; нейтрализация финансирования экстремистских и террористических организаций; тесное сотрудничество с учебными заведениями и общественными организациями, предметом деятельности которых должна стать профилактика пропаганды экстремизма и терроризма; наиболее тщательное освещение деструктивного воздействия экстремизма и терроризма в средствах массовой информации, организация ими пропагандистского обеспечения антиэкстремистской деятельности; участие в деятельности международных сообщества, взаимодействие и проведение совместных операций правоохранительных органов разных стран мира [6, 56-59].

Таким образом, следует подчеркнуть, что, разъяняя общественную опасность терроризма и экстремизма, правоохранительные структуры опираются на образовательные учреждения, общественные объединения и религиозные конфессии на территории России.

Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (СЗКСБТ) ФСБ совместно с МВД России и его структурным подразделением – управлением «Э» [5] проводят оперативно-розыскные мероприятия по установлению и поиску лидеров и участников террористических, экстремистских организаций, ведут работу по пресечению преступных сообществ. К сожалению, необходимо отметить, что действующих механизмов по противодействию проявлениям экстремизма в сети Интернет недостаточно, в частности в сети Интернет регулярно появляется значительное количество материалов экстремистского характера, поэтому приоритетной задачей является создание действенного правового организационного механизма по противодействию экстремизму в сети Интернет.

Важным направлением борьбы с террористическими и экстремистскими организациями является профилактика преступных деяний, что позволит на раннем этапе блокировать совершение общественно-опасных действий. Размещение экстремистской информации накладывает определённые проблемы по установлению и поиску виновных лиц, это обуславливается следующими причинами: анонимностью в сети Интернет, возможность доступа миллиардов пользователей компьютеров и мобиль-

ных устройств для распространения информации, отсутствие границ и барьеров, также публикация экстремистских материалов в значительных количествах.

Однако благодаря системе технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), правоохранительные органы имеют возможность осуществлять комплекс мер по мониторингу сети Интернет (СОРМ-2), на предмет высказываний в поддержку или оправдания экстремизма и терроризма. В результате оперативно-технических мероприятий представляется возможным отследить и задержать не только идеологов экстремистского движения, но и исполнителей террористических актов и руководителей преступных ячеек.

В настоящее время, к сожалению, преступники-экстремисты используют повсеместно цифровые технологии для распространения противоправного контента в сети Интернет, чему в свою очередь обязаны профессионально противодействовать правоохранительные органы с имеющихся у них мощной материально-технической базой.

Указанные проблемы требуют незамедлительного решения, поэтому в целях противодействия экстремизму и терроризму разработан ряд мер для комплексного решения проблемы.

Важной составляющей борьбы с экстремизмом и терроризмом в сети Интернет является межведомственность и скоординированная работа правоохранительных органов государственной власти. Указом Президента Российской Федерации № 64 такая идея реализована, что приносит ощутимый результат по борьбе с экстремизмом и терроризмом как в сети Интернет, так и вне виртуального пространства [6].

Межведомственность борьбы с экстремизмом и терроризмом проявляется в слаженной работе Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Министерств обороны, образования и науки, связи и массовых коммуникаций юстиции, а также Следственного комитета и Служба внешней разведки, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) [4].

Как мы обращали внимание ранее, при помощи сети Интернет распространяются материалы экстремистского содержания, осуществляется финансовая подпитка боевиков террористических организаций, а также что на наш взгляд самое важное – практикуется вербовка граждан России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

Следует отметить, что с законодательной точки зрения у правоохранительных органов нашей страны есть все необходимые для них полномочия, на основании которых и пресекаются преступления против государства и общества [9, 139-144]. Поэтому для эффективного противодействия экстремизму и терроризму, был принят ряд законодательных актов, это, в частности, Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и «О противодействии терроризму» [2].

Однако следует помнить, что и экстремисты, и террористы используют методы конспирации и противодействия правоохранительным органам, они с лёгкостью подстраиваются под современные реалии и стараются охватить как можно больше людей и вовлечь их в противозаконную деятельность.

Поэтому гражданам, которые случайно обнаружили материалы экстремистского содержания, обязаны заявить о нем на сайте Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму [11] по ссылке «Сообщить о противоправном контенте» и заполнить небольшую форму. Такое неравнодушное от-

ношение позволит силовым структурам нашей страны оперативно отреагировать на появление противоправного контента в сети Интернет, моментально его заблокировать и удалить.

С учётом того, что уровень опасности терроризма и экстремизма продолжает оставаться достаточно высоким, приоритетом в адресной профилактике считаем проведение индивидуальной работы в образовательных организациях среди учащихся, а также социальной адаптации тех, кто подпал под воздействие идеологии экстремизма и терроризма.

При всей слаженной и профессиональной работе правоохранительных органов и специальных служб имеется и ряд недостатков, к которым следует отнести недостаточное обеспечение комплексной профилактики образовательной сфере и молодёжной среде, а также в сети Интернет [10, 108-112].

Таким образом, очень актуальным становится разработка и последующее развитие социальных сетей для учащихся, направленных на развитие грамотного общения посредством электронных коммуникаций и вовлечение подростков в конструктивное социальное взаимодействие.

Также хотим обратить внимание на те меры, которые будут способствовать комплексному противодействию идеологии терроризма и экстремизма для повсеместного его искоренения как социального зла.

В этой связи государственная уголовная политика по противодействию экстремизму и терроризму должна представлять единую стратегию по противодействию таким противоправным действиям и обеспечиваться комплексом социально-экономических, организационно-правовых и политических мер [7, с. 131-134].

Для защиты общества от преступной террористической и экстремистской деятельности правоохранительными органами России должны реализовываться следующие меры: массовое информирование населения об опасности экстремистской деятельности; повышение квалификации сотрудников ОВД и экспертов, ведущих борьбу с экстремизмом; всесторонний анализ способов распространения экстремистской информации; улучшение технической оснащённости сотрудников Управления «Э» МВД РФ и Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (СЗКСБТ) ФСБ РФ.

Касаясь совершенствования организационно-правовых основ по противодействию экстремизму и терроризму, авторами представлены следующие предложения:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы по противодействию экстремизму и терроризму.
2. Привлечение общественности по выявлению фактов пропагандистской деятельности экстремистов в глобальной сети Интернет.
3. Профилактика проявлений терроризма и экстремизма среди молодёжи, особенно студентов ВУЗов и школьников.
4. Формирование гражданского правосознания в обществе по неприемлемости материалов экстремистского характера.

Список литературы:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149 от 27.07.2006.
2. О противодействии терроризму: Федеральный закон № 35 от 06.03.2006.
3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114 от 25.07.2002

4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ № 2753 от 28.11.2014.
5. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ № 1316 от 06.09.2008.
6. О некоторых вопросах межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ № 64 от 17.02.2016.
7. Буряева Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // Теория и практика общественного развития. № 18. 2015. С. 131-134.
8. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. № 9. 2011. С. 56-59.
9. Паршина И.А., Чуб И.С. Криминологический анализ эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности // Общество и право. № 3. 2014. С. 139-144.
10. Стукалов В.В., Запорожец Е.В. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Общество и право. № 4. 2016. С. 108-112.
11. Сайт Национального антитеррористического комитета: <http://nac.gov.ru/index.html>

Kosovsky V.B., Martynyuk S.N. Countering terrorism and extremism, as one of the priorities in the activities of law enforcement agencies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 170-175.

In the modern world order, the main negative factor affecting the development of any state can rightfully be considered terrorism, which has recently acquired more and more diverse forms and threatening scales. Terrorist crimes are among the most dangerous, difficult to predict and difficult to solve types of crimes that can lead to numerous human casualties, to the destruction of material and spiritual values, the emergence of military and geopolitical conflicts. The article analyzes the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation in countering crimes of a terrorist and extremist nature.

The author has reviewed the regulatory legal acts regulating the activities of law enforcement agencies, primarily the Federal Security Service and the Ministry of Internal Affairs on countering and combating extremism and terrorism. An increase in the number of illegal materials on the Internet was noted separately, in connection with which measures were proposed to improve legal regulation to counteract manifestations of extremism and terrorism on the Internet.

Keywords: terrorism, extremism, Internet, illegal acts, crimes, Federal Security Service, Ministry of Internal Affairs, counteraction, prevention.

Spisok literatury:

1. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon № 149 ot 27.07.2006.
2. O protivodejstvii terrorizmu: Federal'nyj zakon № 35 ot 06.03.2006.
3. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatelnosti: Federal'nyj zakon № 114 ot 25.07.2002.
4. Strategiya protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF № 2753 ot 28.11.2014.
5. O nekotoryh voprosah Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF № 1316 ot 06.09.2008.
6. O nekotoryh voprosah mezhdomstvennoj komissii po protivodejstviyu ekstremizmu v Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF № 64 ot 17.02.2016.
7. Buraeva L.A. Mirovoj opyt protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu v global'nom informacionnom prostranstve // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. № 18. 2015. S. 131-134.
8. Kubyakin E.O. K voprosu opredeleniya sushchnosti ekstremistskih ustanovok molodezhi // Vlast'. № 9. 2011. S. 56-59.
9. Parshina I.A., CHub I.S. Kriminologicheskij analiz effektivnosti deyatelnosti podrazdelenij organov vnutrennih del po protivodejstviyu prestupleniyam i pravonarusheniyam ekstremistskoj napravlenosti // Obshchestvo i pravo. № 3. 2014. S. 139-144.
10. Stukalov V.V., Zaporožec E.V. Problemy protivodejstviya ekstremizmu v seti Internet // Obshchestvo i pravo. № 4. 2016. S. 108-112.
11. Sajt Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta: <http://nac.gov.ru/index.html>.

УДК 343.231

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-176-182

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОЛУЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Лагуточкин А. В., Мащенко А. Д.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрываются вопросы получения и использования цифровых источников получения информации подразделениями органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Использование глобальных компьютерных сетей (в первую очередь сети Интернет) выступает при этом одной из важнейших предпосылок глобализации межгосударственных отношений и построения информационного общества. Избрав цель занять достойное место среди ведущих стран мира в области развития информационного общества, наша страна активно развивает собственную информационную и телекоммуникационную инфраструктуру. Можно констатировать, что от декларирования намерений в указанной сфере государство перешло к конкретным действиям, и на этом пути уже достигнуты заметные результаты. В компьютерных сетях формируется сложнейшая система криминогенных факторов. Нарастающая проблема слабой защищенности глобальных сетей от преступных проявлений носит комплексный характер и имеет много составляющих (организационную, техническую, правовую, экономическую, социальную и др.), затрагивая не только международные, общие для всех стран, но и национальные интересы отдельных государств.

Ключевые слова: информационный поиск, оперативно-розыскная деятельность, телекоммуникационная сеть Интернет, массивы сведений, искусственный интеллект.

В современных условиях развития информационного общества, научно-технического прогресса, информационно-аналитическое обеспечение деятельности оперативных подразделений становится важным элементом противодействия внутренним и внешним угрозам криминального элемента среды. Оперативно-розыскная информация, получаемая из информационно-телекоммуникационных ресурсов, способствует выработке практических мер решения современных тактических и стратегических задач ОРД. Сегодня оперативным подразделениям следует уделять пристальное внимание внедрению современных способов получения информации с помощью глобальной сети Интернет [3].

Анализ экспертных оценок использования возможностей глобальной информационной сети доказывает, что информационная поисковая работа оперативных подразделений ОВД сводится к банальному использованию ресурсов интернета для решения узкого круга задач ОРД. Одним из самых эффективных способов сбора оперативно-розыскной информации о лицах, представляющих оперативный интерес, является мониторинг глобальной сети Интернет. Программными средствами, с помощью которых осуществляют компьютерную разведку оперативные сотрудники, являются поисковые системы Google, Yandex и другие, которые позволяют осуществлять поиск благодаря комбинации ключевых слов. Использование этих поисковых систем осуществляется через стандартные браузеры Opera, Mozilla, Firefox, Google Chrome и т. д. Также, эффективным способом сбора информации о лицах, представляющих оперативный интерес, является мониторинг социальных сетей, в частности

«ВКонтакте», «Instagram», «Одноклассники», «Facebook» и другие. Это дает возможность получить фотографии, установить родственные связи, дружеские, коммерческие интересы, места отдыха и т. д. [5].

В последнее время наблюдается массовое перемещение информации обо всех сферах противоправной деятельности по информационному полю Интернет. Именно этими факторами сегодня определяется рост важности оперативного поиска в сети Интернет в интересах правоохранительных органов, в частности ОВД. Учитывая это, информационные ресурсы Интернет в деятельности оперативных подразделений ОВД крепко держат позиции одного из основных источников получения оперативно-розыскной информации.

На сегодняшний день особую актуальность приобретает проблема обнаружения и фиксации в интернет-пространстве стабильных и достоверных источников получения необходимой оперативно-розыскной информации, дальнейшего упорядочения и оптимизации полученной информации. С целью решения указанной проблемы сотрудникам оперативных подразделений ОВД следует изучать особенности размещения информации в Интернет-ресурсах, а также методики её выявления, проверки и дальнейшей фиксации.

В ходе проведения оперативно поисковых мероприятий в глобальной сети «Интернет» можно получить самые различные по своему характеру и содержанию сведения: данные о личной информации лица, его местонахождении, интересах, социальных связях, местах времяпровождения. Однако, данные сведения носят информативный характер и могут быть использованы, как вспомогательные для определения закономерностей или проверки определенных факторов, в то время, как информация, представляющая интерес для органов внутренних дел представляется совокупностью сведений, указывающих на признаки преступления или административного правонарушения, его причастность, аморальное поведение личности, взаимоотношения с преступным сегментом и многое другое. Введу высокой вариативности, динамичности, скорости получения информации сотрудникам оперативных служб надлежит постоянно применять передовые достижения науки и техники, использовать специальный софт и «расширения», информационные сети и социальную инженерию для повышения результативности исполнения вмененных им полномочий.

При проведении поисковых действий в сети «Интернет» сотрудник правоохранительных органов должен иметь уверенные навыки владения персональным компьютером, разбираться в основах социальной инженерии, владеть «сленгом Интернет», знать наиболее популярные сайты и форумы, иметь исправную технику и доступ в информационное пространство [8]. Так, по последним двум критериям на сегодняшний день никаких проблем не имеется, ведь смартфоны достаточно крепки вошли в обиход человека, а услугу интернет провайдера имеют низкую стоимость, однако, в иных направлениях имеются определенные затруднения. К сожалению, познания сотрудников об информационном пространстве ограничиваются знанием таких социальных сетей, как «ВКонтакте», «Instagram», «Tik-Tok», мессенджеров «Viber», «WhatsApp», «Telegramm» и более того, определенные функции данных интернет ресурсов и программного софта не используются сотрудниками по причине их неосведомленности. Для примера, в пределах «Telegramm» функционирует специальный бот – «Глаз Бога», который позволяет отслеживать, анализировать и си-

стематизировать множество данных из открытых источников, что при условии наличия номера телефона позволяет идентифицировать его, узнать характерные черты внешности, а также получить первичную информацию, и в ряде случаев установить контакт. Имеются так же проблемы в понимании основ социальной инженерии – психологическом манипулировании людьми с целью совершения определенных действий или разглашения конфиденциальной информации.

Верным представляется вывод о том, что если пользователь систематически совершает идентичные или схожие действия, то он имеет в них определенную заинтересованность, в связи с чем оперативникам надлежит понимать потенциальные склонности различных категорий граждан, что позволит выдвигать и проверять оперативные версии. В рамках проводимого исследования представляет интерес работы некоторых авторов, проводивших анализ выявления корреляции возрастных особенностей человека и сопутствующих наклонностей.

Говоря о профессионализме сотрудников при проведении оперативного поиска в «закрытом» сегменте информационного пространства, надлежит указать о необходимости высокой степени конспирации, должной владении «локальными» данными непосредственно той социальной группы, в которой осуществляется деятельность оперативным сотрудником, что в совокупности с эрудированностью и находчивостью позволит естественным образом пребывать на закрытых тематических форумах, сайтах, быть членом социальных групп и выполнять возложенные задачи максимально продуктивно. Наглядным примером может быть «Дело Сети» – когда с помощью оперативного внедрения посредством сети «Интернет» в круг потенциальных террористов, сотрудники ФСБ РФ выявили преступную ячейку, предотвратили противоправное посягательство, а виновные лица были привлечены к уголовной ответственности. Отличительной особенностью членов данного формирования была антиполитическая идеология и намерения свергнуть государственный строй, дестабилизировать обстановку в стране. Внедренный оперативный сотрудник был достаточно эрудирован, что бы длительный период времени участвовать в беседах террористов и не привлекать к себе лишнее внимание, что способствовало успеху проводимого мероприятия.

Сотруднику правоохранительных органов, кроме обычных юридических особенностей того или иного преступления, надлежит постоянно совершенствовать свой кругозор и расширять его границы. Такого рода ситуация во многом обусловлена тем, что, не смотря на факт того, что отличительной тактической особенностью оперативного поиска через глобальную сеть «Интернет» является то, что модель её деятельности характеризуется, как «от факта к человеку» или же на опережение, т.е. лишь при наличии информации, которая дает оперативнику основания полагать, что в скором времени будет осуществлено преступление, невозможно полностью исключить модель «от человека к преступлению». Примером тому может быть общение с потенциальным преступником, где без должных знаний об определенной сфере преступности, правоохранитель может не понимать, о чем идет речь, тем самым не только упустить значимую информацию, но и дискредитировать себя.

Оперативный сотрудник должен уметь не только пользоваться глобальной сетью «Интернет», но и такими специализированными программами, как «TOR» и «Telegram», так как преимущественно с их участием происходит совершение преступления, а сам софт содержит информацию, которая представляет оперативный и

доказательственный интерес. Более того, именно с помощью данных программ функционируют различные преступные онлайн-магазины, к примеру «Гидра», «Umbrella», а также бывшие интернет ресурсы – «Silk road» и «Lolita city» и множество других.

Основополагающий аспект осуществления не только оперативного поиска в сети «Интернет», но и всей деятельности ОВД РФ в целом. По нашему мнению, основным кадровым просчетом является планирование работы не от фактического количества трудоспособных сотрудников, а от штатного их количества, в особенности при наличии «кадрового голода» в системе МВД РФ, результатом чего становится невозможность объективной оценки потенциала вверенного подразделения и постановка невыполнимых задач.

Говоря о материальной базе, то по данному вопросу в рамках ведомства так же имеется ряд проблем, а именно отсутствие бесперебойного доступа в сеть «Интернет», установление ведомственных ограничений и чрезмерная закрытость. Так, в последнее время имеется тенденция в подключении всех персональных компьютеров сотрудников к «внутреннему» (ведомственному) сегменту «Интернета» по прямому подключению с предварительно настроенными ограничениями с целью полноценной интеграции специального программного софта и электронного документооборота. Однако, большинство государственных инстанции до сих пор работают по «нарочному» принципу, что не коим образом не упрощает документооборот, а равно делает техническую интеграцию МВД РФ бесполезной. Введу того, что оперативный поиск производится в местах, где граждане часто проводят свой досуг, а имеющийся контент может быть развлекательного характера, посещение данных сайтов прямо запрещено с рабочего места, что делает проведение данного поискового мероприятия невозможным на рабочем месте, за исключением использования сотрудником собственных ресурсов.

Анализируя же вопросы проведения оперативного поиска в закрытом сегменте информационного пространства, в рамках данного организационного аспекта ситуация представляется более затрудненной. Так, для доступа необходим специальный софт, установка которого на рабочие персональные компьютеры невозможна, введу их не сертифицированного характера и иностранного производства. Вместе с этим, наличие кадровых проблем не позволяет обучить человека не то что основам социальной инженерии, а особенностям различных преступных групп, их манера ведения речи, конспирации, коллективным особенностям, что заблаговременно обрекает оперативный поиск на неудачу введу дискредитации оперативного сотрудника.

Производители программного обеспечения предлагают готовые программные решения и аппаратно-программные комплексы для массово-параллельной обработки данных, разрешающие агрегировать циркулирующие в Интернете данные объемом в десятки терабайт и производить их глубокий анализ, обеспечивающие обнаружение неизвестных событий и неочевидных закономерностей, автоматизированное выявление латентных связей между объектами различной природы (событиями, людьми, предметами, сведениями и др.), визуализацию результатов о наличии неявных связей, структуру которых трудно передать иными способами. С их помощью решаются алгоритмические задачи, представляющие интерес и для ОРД:

- классификация (отнесение новых объектов к одному из известных классов с целью установления предполагаемых характеристик таких объектов и их возможных реакций на различные воздействия);
- кластеризация (группировка объектов на основе схожих свойств);
- ассоциация (выявление закономерностей между связанными событиями);
- анализ отклонений (обнаружение нехарактерных событий);
- прогнозирование (определения наиболее вероятных вариантов развития изучаемых явлений).

С целью формирования системы обнаружения необходимой оперативно-розыскной информации в сети Интернет следует постоянно осуществлять мониторинг Интернет-ресурсов [7]. Однако следует отметить, что сегодня поиск оперативной информации не может ограничиваться и быть связан исключительно с сетью Интернет. Все большее распространение получает термин под названием «Big Data», который открывает неограниченные возможности для оперативного поиска информации [2].

Что же собой представляет «Big Data»? По своей сути «Big Data», представляет собой массив информации, имеющей определённую структуру, либо без таковой, постоянно пополняющуюся и подлежащую анализу. Более того, анализ Больших Данных создает реальную технологическую основу использования оперативно-розыскных методов для прогнозирования социально опасных событий [6].

В перечень устройств и услуг, поддерживаемых возможностями цифровой фиксации информации «Big Data», можно отнести использование услуг сотовой связи; устройств виртуальной реальности (например, очки «Google» помогают в режиме «online» получать информацию о характеристиках отдельных устройств); систем геопозиционирования, которые обеспечивают привязку физических объектов к конкретным географическим координатам на местности; технологии распознавания физических и цифровых изображений (лиц, местности, номеров автомобилей, различных аудио звуков); беспилотных летательных аппаратов для видеомониторинга территорий (например, использование их в зоне проведения антитеррористической операции); датчиков (например, в правоохранительной деятельности для отслеживания фактического нахождения лиц, свобода передвижения которых ограничена законом); концепции «интернета вещей» – широкой сети устройств, подключенных к Интернету, оснащенных датчиками (смартфонов, автомобилей, промышленного оборудования, носимых устройств). Все эти «вещи» собирают данные и обмениваются ими [4]. Почему бы тогда не использовать сбор и анализ данных с целью решения задач возложенных на органы внутренних дел?

Возможности межмашинного взаимодействия практически безграничны и это доказывает фактическое применение Big Data, коммерческими организациями. Технология межмашинного взаимодействия способна обеспечить небывалую прозрачность практически любой отрасли жизнедеятельности людей: авиакомпании способны отдалённо отслеживать и оптимизировать работу самолетов и наземных служб; организации здравоохранения предлагают лечение по результатам анализа генома в реальном времени, рекламные агентства способны таргетировать свою рекламу на интересующую её аудиторию.

Все рассмотренные нами выше технологии и технологические средства порождают большие объемы цифровых данных «Big Data», составляющие оперативный

интерес, которые могут быть зафиксированы и использованы в ходе оперативно-розыскной деятельности. Однако для успешного использования Big Data в оперативно-розыскной деятельности необходимо решить ряд достаточно сложных организационных и правовых вопросов: создание технической и технологической базы, закрепление правовых норм, регулирующих порядок доступа и использования Big Data, что позволит обеспечить поиск, сбор и систематизацию информации о субъектах оперативного внимания; строить «поведенческие профили» для лиц, совершающих преступления определенных видов; определять оптимальные варианты эффективного воздействия на выявленные в социальных сетях группы криминальной направленности и много другое [1]. В настоящее время существует правовой пробел в сфере регулирования хранения, анализа и использования информации Big data. В октябре 2018 г. депутатом Романовым, был инициирован законопроект, внесенный для Рассмотрения Государственной Думой: «О внесении изменений в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», который по сути явился первой попыткой прямого регулирования больших данных, однако после предварительных рассмотрений, законопроект был отклонён и возвращён инициаторам на доработку. В 2020 г. Министерство цифрового развития, связей и коммуникаций инициировало законопроект, направленный на правовое регулирование использования Big data, однако в середине 2020 г., законопроект был отозван инициатором, для реформирования и переработки, проблема регулирования так и остаётся нерешенной.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, необходимо отметить следующее. Эффективное использование оперативного поиска в Интернет-ресурсах, а также Big Data, при осуществлении ОРД возможно при условии формирования соответствующей правовой базы применения указанных технологий и решения сложных вопросов кадрового обеспечения. Стандарты, по которым сегодня идет подготовка специалистов для дальнейшего прохождения службы в оперативных подразделениях полиции, до сих пор не предусматривают получения глубоких знаний о методах получения оперативно-значимой информации, необходимых для расследования преступлений в современном информационном пространстве и формирования соответствующих умений и навыков, что говорит о необходимости повышения квалификации сотрудников в данной сфере.

В заключении важно отметить, что в условиях, когда организованная преступность проявляет интерес к технологиям Big Data и Интернет-пространству в целом, отставание оперативных подразделений в овладении ими представляется крайне опасным. Работая на опережение, в сфере изучения и применения технологии Big data, мы сможем предотвратить большое количество потенциальных правонарушений, которые могут быть совершены либо в отношении этих данных, либо с их использованием.

Список литературы:

1. Батоев В. Б. «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1 (52). – С. 11–17.
2. Кудрявцева Л. Г. Новые информационные технологии Big Data // Актуальные вопросы экономики, коммерции и сервиса. – 2019. – С. 99–103.

3. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4 (75). – С. 38–46.
4. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика // Труды академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С. 62–68.
5. Пучнин А. В., Горбова В. В. Способы получения оперативно-значимой информации в сети Интернет // Охрана, безопасность, связь. – 2019. – № 4-2 (4). – С. 56–64.
6. Титов М. В., Иванов С. И. Получение компьютерной информации – как новый вид оперативно-розыскного мероприятия // Молодая наука. Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Научный редактор Н.Г. Гончарова. – 2017. – С. 395–396.
7. Иванов С. И. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-1. – С. 23–24.
8. Зоз В. А., Чехун А. Ф. Идентификация личности преступника по виртуальным следам в сети Интернет // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Редакция: А.А. Сафронов [и др.]. Краснодар, 2021. – С. 75–79.

Lagutochkin A. V., Mashchenko A. D. On the use of digital sources of information by internal affairs bodies carrying out operational-search activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 176-182.

The article reveals the issues of obtaining and using digital sources of information by internal affairs units, carrying out operational and investigative activities. The use of global computer networks (primarily the Internet) is one of the most important prerequisites for the globalization of interstate relations and the building of an information society. Having chosen the goal of taking its rightful place among the world's leading countries in the development of the information society, our country is actively developing its own information and telecommunications infrastructure. We can state that the state has moved from declaring intentions in the mentioned sphere to concrete actions, and notable results have already been achieved on this way. A complex system of criminogenic factors is taking shape in computer networks. The growing problem of poor protection of global networks from criminal manifestations is complex and has many components (organizational, technical, legal, economic, social, etc.), affecting not only international, common to all countries, but also the national interests of individual states.

Keywords: information search, operational-search activity, Internet telecommunications network, information arrays, artificial intelligence.

Spisok literatury:

1. Batoev V. B. «Bol'shie dannye (Big Data)» i prediktivnaya analitika v operativno-razysknoj deyatel'nosti: problemy ispol'zovaniya i puti resheniya // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2020. – № 1 (52). – S. 11–17.
2. Kudryavceva L. G. Novye informacionnye tekhnologii Big Data // Aktual'nye voprosy ekonomiki, kommercii i servisa. – 2019. – S. 99–103.
3. Osipenko A. L. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v informacionnom obshchestve: adaptaciya k usloviyam cifrovoj real'nosti // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2019. – № 4 (75). – S. 38–46.
4. Pavlichenko N. V., Tambovcev A. I. Budushchee professii operupolnomochennyj – Big Data i analitika // Trudy akademii upravleniya MVD Rossii. – 2020. – № 2 (54). – S. 62–68.
5. Puchnin A. V., Gorbova V. V. Sposoby polucheniya operativno-znachimoj informacii v seti Internet // Ohrana, bezopasnost', svyaz'. – 2019. – № 4-2 (4). – S. 56–64.
6. Titov M. V., Ivanov S. I. Poluchenie komp'yuternoj informacii – kak novyj vid operativno-rozysknogo meropriyatiya // Molodaya nauka. Sbornik nauchnyh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii dlya studentov i molodyh uchenyh. Nauchnyj redaktor N.G. Goncharova. – 2017. – S. 395–396.
7. Ivanov S. I. Osobennosti provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij v seti Internet // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2018. – № 18-1. – S. 23–24.
8. Zoz V. A., Chekhun A. F. Identifikaciya lichnosti prestupnika po virtual'nym sledam v seti Internet // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Redkollegiya: A.A. Safronov [i dr.]. Krasnodar, 2021. – S. 75–79.

УДК 343.341

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-183-187

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Оболенский Ю. Б.

Севастопольский государственный университет

В работе анализируются мнения авторов относительно определения понятия «организованная преступность», а также мер направленных на противодействие указанному явлению. Дается характеристика международных нормативных правовых актов, предусматривающих меры противодействия организованной преступности. Указывается авторская позиция относительно определения данного понятия, а также основных мер противодействия данному явлению.

Ключевые слова: организованная преступность, признаки организованной преступности, противодействие, детерминанты организованной преступности.

Организованная преступность, являет собой один из основных факторов, который определяет характер криминальной ситуации в стране. Она распространяет свое влияние на много сфер деятельности общества, активно внедряется в легальную экономику, имеет стремление проникнуть во властные структуры. Преступная среда пытается накапливать ресурсный и функциональный потенциал, усилить свою организованность, от разрозненных бандитских групп к интеллектуально и технически обеспеченным, должным образом конспирированным, преступным организациям.

Раскрывая этот вопрос необходимо остановиться на определении понятия «организованная преступность». Необходимо отметить, что среди ученых нет единства мнений относительно определения указанного понятия.

По мнению отдельных авторов, организованная преступность в буквальном понимании – это совокупность преступлений, совершенных преступными группами на определенной территории или в определенной отрасли человеческой деятельности [1, с. 9].

А.И. Гуров указывает, что под ней необходимо понимать относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников занимающихся совершением преступлений как промыслом, бизнесом и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля [2, с. 12].

Отдельные авторы указывают, что организованная преступность представляет собой некий преступный синдикат, созданный с целью извлечения прибыли и от легального бизнеса его отличают только способы и методы ее достижения [3].

По мнению В. В. Лунеева, «организованную преступность можно определить, как устойчивое объединение лиц, организовавшихся для совместной преступной деятельности в корыстных целях и для достижения контроля (власти) в определенной социальной сфере или на определенной территории» [4].

По нашему мнению, можно дать следующее определение понятию «организованная преступность» – это социальное явление, которое выражается в деятельности преступных объединений, которые характеризуются определенной структурой и

правилами поведения, и имеют целью получения незаконных доходов в любой отрасли деятельности общества, нередко с использованием антиобщественных связей с представителями органов власти и управления или правоохранительных органов, с целью укрывательства своей преступной деятельности.

Относительно мер предупреждения целесообразно привести те, которые содержатся в международных актах:

- более тесная согласованность законодательных актов, которые касаются организованной преступности;
- укрепление международного сотрудничества в вопросах оперативной деятельности на уровнях следствия, уголовного преследования и судебного разбирательства;
- внедрение методов и основных принципов для международного сотрудничества на региональном и мировых уровнях;
- разработка международных соглашений по борьбе с организованной транснациональной преступностью;
- принятие мер относительно предупреждения отмывания денег и борьбы с этим явлением, а также борьбы с использованием преступных достижений;
- принятие мер к предупреждению расширения операций организованных преступных групп;
- содействие внедрению в жизнь региональных стратегий;
- предоставление государствами взаимной помощи в борьбе с организованной преступностью;
- обеспечение необходимой координации мер по двустороннему и многостороннему техническому сотрудничеству;
- в соответствии с запросами, развивать техническое содружество и содействовать ее развитию;
- организация специальных учебных курсов для сотрудников полиции, прокуроров, судей и всех тех должностных лиц, которые обеспечивают техническую поддержку следственным органам;
- сбор, анализ и обмен информацией о преступных организациях [5];
- содействие разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе публичных и соответствующих частных организаций;
- предупреждение злоупотреблений со стороны организованных преступных групп процедурами торгов, которые проводятся публичными органами, а также субсидиями и лицензиями;
- сотрудничество государств-участников, в соответствующих случаях, одно с другим, и с соответствующими международными и региональными организациями в разработке и содействии принятию мер, указанных выше [6].

Целесообразно отметить, что, по мнению отдельных авторов, которые исследуют вопросы возникновения организованной преступности отмечают, что ее детерминантами (особенно транснациональной) являются пробелы в Международном праве (его несовершенство), а также отсутствие:

- геополитического подхода к феномену организованной преступности;
- данных системного и структурно-функционального анализа об организации и управлении координацией преступной деятельности в мировых масштабах;

- анализу ее финансовых и политических возможностей в региональном масштабе;
- ясность о степени ее влияния на внешний и внутренний рынки;
- гибких технологий координации процессов реализации международных механизмов применения права к организованной преступности, как в системе в целом, так и к ее отдельным модулям по месту их выявления и документирования преступной деятельности [7, с. 12].

Также необходимо указать, что среди ученых, которые занимаются исследованием этой проблематики, нет единства мнений относительно мер противодействия организованной преступности.

Отдельные авторы отмечают, что эффективными мерами борьбы с организованной преступностью являются: усовершенствование профессиональной подготовки юристов, путем ввода специальных дисциплин по противодействию организованной преступности; расширение международного сотрудничества в указанной сфере; выступление с инициативой о создании международной организации по борьбе с транснациональной организованной преступностью [8, с. 258].

По мнению некоторых авторов, мерами предупреждения организованной преступности являются: объединение сил общества и государства в борьбе с данным явлением, так как необходимы совместные действия, а не только работа одних силовых структур. Следует отметить, что на общегосударственном уровне возможно эффективное воздействие на причины организованной преступности. Они находятся в социальной, политической, экономической, нравственной и духовной сферах; борьба с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков; предупреждение коррупции; контроль за финансовой сферой и игорным бизнесом; слаженная работа правоохранительных органов и государственных служб. При этом каждая структура должна четко выполнять свои функции; координация работы полицейских служб разных стран. Сотрудничество с Международной организацией уголовной полиции (Интерпол), с правоохранительными органами стран СНГ и другими организациями; высокий профессионализм сотрудников, а также отлаженная государственная система их социальной поддержки и защиты; профилактическая работа с осужденными, которые являются активными членами преступных сообществ и группировок; усовершенствование поощрительных мер для лиц, которые добровольно выходят из преступных организаций и прекращают преступную деятельность; научное и пропагандистское обеспечение борьбы с организованной преступностью. Средства массовой информации должны формировать общественное мнение в соблюдении всеми основных прав и свобод человека и гражданина, которые признаются международным сообществом [9, с. 126].

Учитывая вышеуказанное, по нашему мнению, на современном этапе необходимо осуществление следующих мер противодействия организованной преступности:

- привлечение представителей соответствующих органов, которые непосредственно осуществляют борьбу с объединениями, являющимися проявлением организованной преступности, к разработке нормативных правовых актов, направленных на борьбу с указанным явлением;
- внесение изменений в уголовное законодательство, относительно усиления ответственности за создание и деятельность организованных преступных объединений;

- повышение механизма реализации антикоррупционных действий, в частности совершенствования законодательной базы в этой сфере;
- комплектование подразделений, деятельность которых направлена на пресечение деятельности и создания указанных объединений, наиболее опытными сотрудниками;
- усовершенствование системы подготовки молодых специалистов, путем ориентации на противодействие созданию и деятельности указанных объединений;
- осуществление мер, которые направлены на проведение более тщательных проверок при регистрации и деятельности уже существующих общественных объединений;
- увеличение количества мер, направленных на повышение уровня развития и воспитания молодежи, в частности проведения различных профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступности среди молодежи в учебных заведениях;
- активизация усилий соответствующих учреждений, в том числе и высших учебных заведений, на разработку предложений и их научное обоснование относительно противодействия организованной преступности.

Список литературы

1. Маложон А. Соучастие в преступлении / А. Маложон // Юридическая консультация. – 2004. – № 6. – С. 9-12.
2. Гуров А.И. Организованная преступность, не миф а реальность : (Социал., правовые и криминол. аспекты борьбы с организов. преступностью) : Пособие для слушателей нар. ун-тов. – М. : Знание, 1992. – 79 с. ISBN 5-07-000964-8
3. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль : Монография. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – СПб: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.
4. Организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой, С. Б. Дьякова. – М : Изд. Криминологическая ассоциация. – 1996. – 326 с.
5. Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_organizedcrime.shtml (дата обращения 15.02.2021).
6. Конвенция ООН Против транснациональной организованной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения 15.02.2021).
7. Крошко В. Борьба с терроризмом – с чего начать? / В. Крошко // С места происшествия. – 17-23 марта 2006. – № 11. – 16 с.
8. Шакирьянов М.М. Противодействие организованной преступности: российский и зарубежный опыт / М.М. Шакирьянов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (32). – С. 254-259.
9. Кошелюк Б.Е. Профилактика организованной преступности: основные проблемы / Б.Е. Кошелюк // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4. – С. 124-126.

Obolensky Y. B. Issues of combating organized crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 183-187.

The paper analyzes the authors' opinions on the definition of the concept of "organized crime", as well as measures aimed at countering this phenomenon. The article describes the international normative legal acts that provide for measures to counter organized crime. The author's position on the definition of this concept, as well as the main measures to counter this phenomenon, is indicated.

Keywords: organized crime, signs of organized crime, counteraction, determinants of organized crime.

Spisok literatury:

1. Malozhon A. Souchastie v prestuplenii / A. Malozhon // YUridicheskaya konsul'taciya. – 2004. – № 6. – S. 9-12.

2. Gurov A.I. Organizovannaya prestupnost', ne mif a real'nost' : (Social., pravovye i kriminol. aspekty bor'by s organiz. prestupnost'yu) : Posobie dlya slushatelej nar. un-tov. – M. : Znanie, 1992. – 79 s. ISBN 5-07-000964-8
3. Gilinskij YA.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol' : Monografiya. – 3-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. – SPb: Alef-Press, 2014. – 574 s.
4. Organizovannaya prestupnost' / Pod red. A.I. Dolgovoij, S. B. D'yakova. – M : Izd. Kriminologicheskaya asociaciya. – 1996. – 326 s.
5. Neapol'skaya politicheskaya deklaraciya i Global'nyj plan dejstvij protiv organizovannoj transnacional'noj prestupnosti. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_organizedcrime.shtml (data obrashcheniya 15.02.2021).
6. Konvenciya OON Protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (data obrashcheniya 15.02.2021).
7. Kroshko V. Bor'ba s terrorizmom – s chego nachat'? / V. Kroshko // S mesta proisshestviya. – 17-23 marta 2006. – № 11. – 16 s.
8. SHakir'yanov M.M. Protivodejstvie organizovannoj prestupnosti: rossijskij i zarubezhnyj opyt / M.M. SHakir'yanov // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (32). – S. 254-259.
9. Koshelyuk B.E. Profilaktika organizovannoj prestupnosti: osnovnye problemy / B.E. Koshelyuk // Prikladnaya juridicheskaya psihologiya. – 2016. – № 4. – S. 124-126.

УДК 343.6

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-188-197

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Чеботарева Г. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются проблемные вопросы нормативно-правового регулирования такого метода лечения бесплодия, как суррогатное материнство. Подчеркивается, что современная практика суррогатного материнства, открывая новые репродуктивные возможности, в тоже время создает серьезные правовые и этические проблемы. Анализируются правовые подходы к регулированию вопросов суррогатного материнства в разных странах и в международном праве. Рассматривается состояние законодательного регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации и делается вывод о том, что несовершенство законодательства может способствовать злоупотреблениям со стороны клиник и посредников, нарушающим права суррогатных матерей, биологических родителей и детей. Приводятся примеры привлечения медицинских работников, осуществляющих процедуры суррогатного материнства, к уголовной ответственности за торговлю людьми и анализируются признаки отграничения торговли людьми и правомерной медицинской деятельности в этой сфере. С целью совершенствования позитивного законодательства в сфере суррогатного материнства, предлагается принятие федерального закона, который будет регулировать отношения суррогатного материнства в Российской Федерации и позволит избежать сомнений и подозрений в том, что суррогатное материнство используется в целях торговли детьми, и защитить медицинских работников, действующих в рамках Закона, от обвинений в торговле людьми.

Ключевые слова: уголовный закон, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, торговля людьми, бесплодие, международное право.

Реализация репродуктивных прав всегда была и остается важной частью жизни любого человека. Современная наука способна преодолевать проблему бесплодия благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ), при которых отдельные или все этапы зачатия и ранние этапы развития эмбрионов протекают вне организма будущей мамы. Иногда при этом применяются донорские и/или криоконсервированные половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатное материнство.

Одной из причин востребованности ВРТ и, в том числе, суррогатного материнства, является прогрессирующее бесплодие. Появляется все больше людей, которые хотели бы иметь детей, но не могут по причинам медицинского и социального характера. По разным оценкам коэффициент бесплодия в мире от 15 до 23%. Международные исследования, проводившиеся в последние годы в развитых странах, показали, что во всем мире не менее 70 млн супружеских пар не могут иметь своих детей, а диагноз «бесплодие» уже можно поставить примерно миллиарду человек [1]. Главный акушер-гинеколог России, вице-президент РАМН, академик Владимир Кулаков в интервью «Российской газете» заявил, что «15% семейных пар страдают бесплодием. Это критический уровень» [1]. Поэтому ежегодно услугами суррогатного материнства в мире пользуются тысячи пар, которые не могут иметь детей. Возможность воспользоваться услугами суррогатной матери очень важна и необходима для таких пар.

Открывая новые репродуктивные возможности, современная практика суррогатного материнства создает также новые правовые и этические проблемы. Развитие вспомогательных репродуктивных технологий как видов лечения бесплодия и улучшение результатов их применения происходит на фоне отсутствия единых, как морально-этических, так и правовых норм. Особые споры возникают вокруг возможности применения такого вида ВРТ, как суррогатное материнство. Высказываемые точки зрения в отношении суррогатного материнства диаметрально противоположны: от безусловного признания необходимости и важности такого метода лечения бесплодия, до полного запрета суррогатного материнства и даже признания его разновидностью торговли детьми. Поэтому существует необходимость обсуждения вопросов регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации, с учетом права граждан на реализацию своих репродуктивных прав (в соответствии с Конституцией РФ), а также разграничения с торговлей людьми.

Суррогатное материнство как разновидность ВРТ, стало применяться в середине 70-х годов прошлого века. Первый официальный договор о суррогатном материнстве был подписан в 1976 г. Было применено традиционное суррогатное материнство, то есть вынашивающая и рожавшая ребенка мать была ему родной. Суррогатная мать не получала вознаграждения за беременность и роды. В 1980 г. суррогатная мать Элизабет Кейн из штата Иллинойс впервые получила компенсацию в размере 10 000 долларов США за вынашивание и рождение ребенка [2].

В настоящее время существует два типа суррогатного материнства – традиционное и гестационное. В случае традиционного суррогатного материнства женщина беременеет с помощью спермы донора или мужчины, который планирует стать папой ребенка. Яйцеклетка при этом принадлежит женщине, которая и будет вынашивать плод. Гестационное суррогатное материнство означает, что женщина вынашивает чужого ребенка: и сперма, и яйцеклетка принадлежат людям, которые планируют стать родителями. В 1985 г. в США произошел случай, получивший название «Ребенок М.» ("Baby M."). После рождения ребенка суррогатная мать, имеющая генетическую связь с ребенком, отказалась отдавать новорожденного супругам. В результате долгих судебных процессов ребенка присудили родителям, заключившим соглашение, а биологической матери предоставили право посещения [3]. Этот прецедент положил начало гестационному суррогатному материнству, при котором суррогатная мать не имеет генетической связи с ребенком. При рождении ребенок даже не наследует группу крови суррогатной матери и является родным ребенком супругов или хотя бы одного из них. Абсолютное большинство стран мира сегодня используют исключительно гестационное суррогатное материнство и соблюдают правила анонимности доноров. Это позволяет защитить права всех участников программы суррогатного материнства и сводит к минимуму риск невозвращения ребенка суррогатной матерью.

Более десяти лет назад комитет Совета Европы по биоэтике и искусственным методам деторождения принял ряд рекомендаций относительно суррогатного материнства. Хотя эти рекомендации содержат строгие ограничения, тем не менее, они признают, что при определенных обстоятельствах использование таких медицинских технологий как суррогатное материнство может быть допущено. Как правило, суррогатная мать не должна получать никакой материальной выгоды и сохраняет за

собой право оставить ребенка себе. Определение таких обстоятельств отнесено к сфере национального законодательства.

Поскольку единого подхода к регулированию вопросов суррогатного материнства в мире не выработано, отношение к суррогатному материнству в разных государствах можно разделить на следующие группы:

1) Суррогатное материнство разрешено – Российская Федерация, Украина, Грузия, Казахстан, ЮАР, США (некоторые штаты), Индия;

2) Разрешено лишь некоммерческое суррогатное материнство – Австралия, Великобритания (допускается оплата текущих расходов суррогатной матери), Дания (с серьезными ограничениями), Израиль, Канада, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швейцария, отдельные штаты США. Коммерческие соглашения о суррогатном материнстве запрещены и не допускается рассмотрение судебных исков по таким соглашениям [4].

3) Суррогатное материнство запрещено законом – Германия, Франция, Швеция, отдельные штаты США.

4) Суррогатное материнство не запрещается, но и никак не регулируется законом – Греция, Финляндия [5, с. 30].

Итак, на примере США мы видим, что даже в пределах одной страны возможны разные подходы к суррогатному материнству. Полный запрет предусмотрен в законодательстве четырех штатов. Среди штатов, запрещавших суррогатное материнство до недавних пор, был и Нью-Йорк, однако 03.04.2020 г. был принят документ, легализующий суррогатное материнство и предусматривающий порядок его применения на территории Нью-Йорка – Акт безопасности родителей и ребенка. Документ вступил в силу 15.02.2021г. [6].

В то же время во Франции суррогатное материнство противозаконно, «...и Верховный апелляционный суд (Cour de Cassation) постановил, что оно противоречит законодательству об усыновлении и нарушает положение о неотчуждаемости человеческого тела» [7]. Аналогичный подход и в Германии: преступлением считается любая попытка «осуществить искусственное оплодотворение женщины, готовой отказаться от своего ребенка после его рождения (суррогатной матери), или имплантировать ей человеческий эмбрион». Наказание несет врач, но не несет предполагаемые родители или суррогатная мать [8]. В последние годы такие страны как Таиланд и Индия, ранее предлагавшие услуги суррогатного материнства, запретили коммерческое суррогатное материнство [9].

На уровне международного права также не выработана единая позиция по отношению к суррогатному материнству. Имеющиеся документы и точки зрения прямо противоположны. Так, Всеобщая декларация прав человека (ст. 25) гласит, что «репродуктивные права и репродуктивное здоровье являются одной из составляющих права на охрану здоровья и медицинскую помощь» [10]. Всемирная организация здравоохранения поддерживая определяет суррогатное материнство как одну из вспомогательных репродуктивных технологий, т.е. «методов лечения и процедур, которые включают в себя манипуляции *in vitro* с человеческими ооцитами, спермой и эмбрионами с целью добиться наступления беременности» [11].

Конвенция о правах ребенка и Факультативный протокол 2000 г. прямо не запрещают суррогатное материнство, но ст. 35 Конвенции запрещает торговлю людьми.

ми в любых целях и любой форме, и, если признать возможность торговли детьми при осуществлении суррогатного материнства, то необходимо запретить его.

В декабре 2015 г. Европейский парламент утвердил поправку о суррогатном материнстве. В тексте поправки осуждается практика суррогатного материнства, которая противоречит человеческому достоинству женщины, поскольку ее тело и репродуктивные функции используются как товар. Европарламент утверждает, что практика суррогатного материнства должна быть запрещена. Поправка о суррогатном материнстве встретила одобрение со стороны многих экспертов. Так, президент итальянской ассоциации «Наука и жизнь» Паола Ричи Синдони, комментируя решение Европарламента, подчеркнула, что суррогатное материнство – это «ни что иное, как одна из самых унижительных форм эксплуатации женского тела», и благодаря поправке к Докладу беременная женщина перестает быть неким техногенным продуктом, обеспечивающим утробу для вынашивания ребенка [12].

Таким образом, среди ключевых предложений по законодательной регламентации суррогатного материнства можно выделить: 1) запретить суррогатное материнство; 2) разрешить суррогатное материнство (здесь возможны следующие варианты: разрешить только альтруистическое суррогатное материнство; разрешить как альтруистическое, так и коммерческое суррогатное материнство).

Сторонники абсолютного запрета, в том числе криминализации, суррогатного материнства, обосновывают свою позицию тем, что суррогатное материнство поощряет торговлю женским телом и его функциями, дети выступают объектом купли-продажи, а значит товаром. Считается, что суррогатное материнство противоречит существующим моральным устоям в государстве. Однако такой подход игнорирует проблему бесплодия, актуальную для многих развитых демократических государств, а также право женщины распоряжаться своим телом.

Государственное разрешение на суррогатное материнство означает, что государство не запрещает рожать ребенка с помощью метода суррогатного материнства, но при этом государством могут устанавливаться определенные ограничения и требования. Государственное регулирование разрешения на суррогатное материнство может стать одним из способов решения проблемы бесплодия и права каждого на отцовство и материнство. Считается, что закон должен оставаться нейтральным к моральным нормам, учитывая их неоднородность, а потому ссылка на моральные устои общества является недостаточным аргументом в пропаганде запрета суррогатного материнства.

Государством для регулирования суррогатного материнства могут применяться два подхода: альтруистический и коммерческий. Альтруистический подход состоит в том, что не разрешается предоставление услуг суррогатной матерью для получения прибыли, суррогатная мать получает компенсацию расходов на медицинское обслуживание, роды, другие расходы, связанные с беременностью. При таком подходе отсутствует момент предоставления услуги для получения финансовой выгоды. Женщина, которая соглашается быть суррогатной матерью в таких отношениях, преследует цель помочь потенциальным родителям, которые по определенным причинам не могут родить ребенка самостоятельно. При этом существует риск, что стороны договора суррогатного материнства могут скрывать, что такая услуга предоставляется возмездно (реально предоставляя средства суррогатной матери «в конверте»), например, при нежелании афишировать платность услуги и пр.

При коммерческом подходе суррогатная мать может получать вознаграждение за предоставление своих услуг по вынашиванию и рождению ребенка. При этом соглашение между суррогатной матерью и потенциальными родителями рассматривается как один из гражданско-правовых договоров, не запрещенных законом.

В Российской Федерации суррогатное материнство разрешено и регулируется целым рядом нормативно-правовых актов. Это Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», Письмо Министерства здравоохранения РФ «О направлении клинических рекомендаций (протокола лечения) «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация» от 15 февраля 2019 г. и др.

Согласно ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Согласно Семейному кодексу РФ, суррогатное материнство разрешено и право определять судьбу ребенка предоставлено суррогатной матери. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)... Супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства» (ч.3 ст. 52).

Такое состояние законодательного регулирования делает возможным различные злоупотребления со стороны клиник и посредников, нарушение прав суррогатных матерей, биологических родителей и детей. Время от времени разражаются скандалы международного масштаба, когда новорожденные не могут вернуться с биологическими родителями в страну своего гражданства или, когда правоохранители обнаруживают незаконную деятельность посредников. Учитывая сказанное, все чаще информация о программах суррогатного материнства транслируется как «продажа детей» и «криминал», что приводит к негативному отношению к суррогатным матерям и к суррогатному материнству в целом. Все чаще высказываются предложения полного запрета суррогатного материнства.

В последние годы все чаще поднимается вопрос о том, что суррогатное материнство может являться разновидностью торговли детьми, и, следовательно, для охраны прав, свобод, законных интересов детей, необходимо применять нормы уголовного законодательства. Такие опасения высказывались в ходе 37-й сессии Совета по правам человека в марте 2018 года, где Специальный докладчик представила тематический доклад о суррогатном материнстве и торговле детьми. В докладе отмеча-

ется наличие злоупотреблений как в нерегулируемой, так и в регулируемой сфере, а также приводятся анализ и рекомендации в отношении осуществления запрета торговли детьми в контексте суррогатного материнства, в частности введение защитных мер в целях предотвращения торговли детьми в контексте коммерческого суррогатного материнства [15].

В России в 2020-2021 гг. были возбуждены ряд уголовных дел по обвинению врачей в торговле детьми, рожденными суррогатными матерями. 14.01.2020 г. Следственный комитет РФ возбуждает уголовное дело о торговле детьми, рожденными суррогатными матерями. Врачам, юристам и суррогатным матерям (всего привлечено по уголовному делу 9 чел., 12 эпизодов преступлений в отношении 14 детей) инкриминируется торговля людьми – п. «в» ч.3 ст. 127.1 УК РФ, то есть купля-продажа человека, совершенная в отношении двух и более лиц, в отношении несовершеннолетнего, с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации, в отношении лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, совершенные организованной группой. Состав преступления, по мнению Следственного комитета РФ, заключается в том, что, группа лиц, включая сотрудников юридических компаний, сопровождающих программы, а именно, врачи, курьеры, переводчики, суррогатные матери, обвиняются в том, что за денежное вознаграждение, под видом лечения бесплодия, заключали с «заказчиками» договоры суррогатного материнства, подбирали суррогатных матерей и доноров ооцитов, затем, после рождения детей, получали на них свидетельства о рождении и передавали детей иностранным гражданам (по факту их генетическим родителям) [16, с. 371].

23.06.2020 г. по факту обнаружения в квартире жилого дома, расположенного по улице Аргуновской в городе Москве, пятерых младенцев, рожденных суррогатными матерями от генетических родителей, являющихся иностранцами, Следственным комитетом по городу Москве возбуждается второе уголовное дело с теми же формулировками – п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.

16.12.2020 г. появляется третье уголовное дело в Красноярске, где Главное следственное управление по Красноярскому краю и Республике Хакасия возбудило уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч.3 ст. 127.1 УК РФ по фактам купли-продажи человека. Фигурантами дела становятся 20 новорожденных детей, рожденных суррогатными матерями от генетических родителей, являющихся иностранцами [16, с. 372].

Итак, мы имеем ситуацию, когда суррогатное материнство официально разрешено в РФ, регламентировано целым рядом нормативно-правовых актов (от Семейного кодекса, до профильных приказов Минздрава РФ), и, в тоже время, в ряде случаев деятельность персонала медицинских центров, осуществляющих услуги по суррогатному материнству, рассматривается как торговля людьми. Закономерно возникает вопрос: как разграничить правомерно осуществляемую деятельность в сфере суррогатного материнства и торговлю людьми в Российской Федерации? С момента легализации суррогатного материнства в России соглашение о суррогатном материнстве рассматривалось как соглашение о предоставлении услуг, а не о продаже ребенка (хотя в российском законодательстве сущность этого договора четко не обозначена). Законодательство определяет суррогатное материнство как вынашивание и рождение ребенка по договору за денежное вознаграждение или безвозмезд-

но, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения с последующей передачей ребенка генетическим родителям. То есть суррогатная мать не отдает своего ребенка. Она рождает и передает генетическим родителям биологически чужого ей ребенка. Ребенок на всех этапах как был с момента зачатия, так и остается после рождения, – ребенком своих биологических родителей, а не женщины, которая его вынашивала. После того, как ребенок рождается, родители проходят процедуру усыновления своего генетического ребенка, а не покупают его. Уголовное право исключает ответственность в тех случаях, когда родители осуществляют меры, связанные с перемещением по отношению к своим малолетним детям. Поэтому, как справедливо указывают Трунов И.Л. и Айвар Л.К., «не может квалифицироваться в качестве торговли людьми процедура суррогатного материнства при использовании половых клеток генетических родителей и подтверждением родства между потенциальными родителями и появившимся на свет ребенком» [16, с. 374]. Таким образом, результатом предоставления услуги суррогатного материнства является само рождение ребенка, а не ребенок как таковой. Такой подход опровергает позицию, что «ребенок» является товаром, и подтверждает признание его субъектом правоотношений.

Почему же возникают вопросы о торговле людьми при наличии договора о суррогатном материнстве? Дело в том, что в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, также, как и в других сферах, могут быть злоупотребления, и, даже совершаться преступления. В отдельных ситуациях женщин могут принуждать к исполнению обязанностей суррогатной матери путем угроз, физического или психологического насилия, обмана, шантажа, похищения, мошенничества, использования уязвимого состояния, вовлечения в долговую кабалу, ограничения свободы передвижения, изъятия документов и т.д. Сложное экономическое положение, уязвимость могут побуждать женщину к вступлению в отношения суррогатного материнства. Такое принудительное суррогатное материнство содержит признаки торговли людьми. Поэтому важно установить критерии, которые могут свидетельствовать о наличии умысла на торговлю людьми и отграничить от правомерно осуществляемой медицинской деятельности по лечению бесплодия.

Для разграничения суррогатного материнства и торговли людьми в РФ, очевидно, следует обратиться к ст. 127.1 УК РФ – Торговля людьми. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ выражается в совершении одного или нескольких указанных в законе альтернативных действий: купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение. При этом пленум ВС РФ в п. 13 Постановления от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» разъяснил, что под куплей продажей человека понимается совершение действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение. При этом совершение купли-продажи и иных сделок в отношении потерпевшего считается оконченным с момента фактической передачи и получения потерпевшего (п. 14 указанного Постановления) [17].

Таким образом, при совершении купли-продажи или иных сделок цель эксплуатации человека не является обязательной. Это обстоятельство, по мнению И.В. Лапина, и создает возможность квалифицировать передачу ребенка по договору сур-

рогатного материнства по ст. 127.1, как торговлю людьми [18, с. 109]. Однако, квалифицируя услуги суррогатного материнства как торговлю людьми необходимо учитывать положение п. 73 доклада Специального докладчика ООН: «Коммерческие услуги суррогатного материнства могут оказываться таким образом, который не представляет собой торговлю детьми, если очевидно, что суррогатная мать получает плату лишь за гестационные услуги, а не за передачу ребенка... Решение суррогатной матери после рождения ребенка юридически и физически передать ребенка будущим родителям должно быть безвозмездным актом, основанным на ее собственном желании после родов, а не на каких-либо юридических или договорных обязательствах» [15].

Поэтому можно согласиться с И.В. Лапиным, который считает, что для разграничения отношений суррогатного материнства и торговли детьми необходимо устанавливать, передавались ли денежные средства генетическими родителями сурмаме за вынашивание и рождение ребенка (тогда это не купля-продажа) или же деньги передавались именно за передачу ребенка, и предлагает критерии, свидетельствующие о том, что выплата денежных средств была обусловлена именно передачей ребенка: отказ суррогатной матери от родительских прав и обязанностей в пользу заказчиков до рождения ребенка, включение в договор суррогатного материнства условий относительно обязательной передачи сурмамой ребенка и получении сурмамой денежных средств только после передачи ребенка [18, с. 110]. Необходимо также учитывать и дополнительные обстоятельства, подтверждающие наличие умысла на торговлю детьми, в частности: ограничение прав суррогатной матери (например, на свободу передвижения), явно завышенный (или заниженный) размер выплат, производимых суррогатной матери и целый ряд других обстоятельств, связанных с нарушением установленных законодательством правил осуществления процедуры суррогатного материнства [18, с. 111].

Следует отметить, что установление даже комплекса нарушений законодательства или договора при оказании услуги суррогатного материнства не всегда свидетельствует об умысле на торговлю людьми, поэтому четких критериев разграничения суррогатного материнства и торговли детьми сформулировать очень сложно. В тоже время предложение запретить суррогатное материнство не является решением проблемы. Установление запрета суррогатного материнства потому, что такие отношения являются торговлей людьми, не решит проблемы злоупотребления правами женщин и использования женского тела, а скорее такой подход сделает деятельность по оказанию услуг суррогатной матерью подпольной, без учета стандартов проведения медицинских услуг в отношении суррогатного материнства.

Учитывая фактическое легальное существование отношений суррогатного материнства, регулирование последних разными подзаконными нормативно-правовыми актами, есть необходимость принятия федерального закона, который будет регулировать отношения суррогатного материнства в РФ, с учетом прав и обязанностей всех субъектов, вступающих в отношения суррогатного материнства. Для того, чтобы исключить коммерциализацию этих отношений, а также обвинения в торговле детьми в законе необходимо учесть, что женщина – суррогатная мать, на момент заключения договора о предоставлении услуг суррогатного материнства не должна находиться в сложном материальном положении или зависимости от других неблагоприятных жизненных обстоятельств. Женщина, предлагая свои услуги суррогат-

ной матери, не должна пользоваться коммерческими, потребительскими мотивами получения вознаграждения, поскольку исключительно коммерческий интерес может привести к тому, что при вынашивании плода будут пренебрегать интересами ребенка.

Проблемы, возникающие в сфере коммерческого суррогатного материнства в России – это повод улучшать систему, но не запрещать ее, это повод урегулировать эту сферу законодательно и контролировать, а не запрещать. Совершенствование позитивного законодательства в сфере суррогатного материнства, а также жесткий контроль за его соблюдением позволит избежать сомнений и подозрений в том, что суррогатное материнство используется в целях торговли детьми и обеспечит защиту прав и интересов детей.

Список литературы:

1. Яковлева Татьяна. В России бесплодие достигло национальной безопасности / Экономика и жизнь. 2016. 16.06. // <https://www.eg-online.ru/article/317486/> (последнее посещение – 12 декабря 2021 г.).
2. Мационг Елена. Шанс стать мамой // Российская газета - Неделя № 36(8090) 19.02.2020 // <https://rg.ru/2020/02/19/40-let-nazad-rodilsia-pervyj-rebenok-ot-surrogatnoj-materi.html> (последнее посещение – 12 декабря 2021 г.).
3. История суррогатного материнства. https://surrogacy.ru/surrogacy/surrogacy_history/ (последнее посещение – 12 декабря 2021 г.).
4. Энджи Годвин Мак Юен «Ты носишь в себе чужого ребенка: экономика и эксплуатация в гестационном суррогатном материнстве» (Angle Godwin Me Ewen , So youre having another woman ' s baby ; Economics and Exploitation in Gestational Surrogacy), 32 VAND . J . TRANSNAT ' L L .271,282 (1999)
5. Дронова Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. М.: Городец, 2007. 112с.
6. Губернатор Куомо объявил о легализации гестационного суррогатного материнства в штате Нью-Йорк. // <https://www.governor.ny.gov/sites/default/files/atoms/files/02.16.21.rel>
7. Законодательство Франции. // <http://www.irtsa.com.ua/ru/legislation/france.html>
8. Максимова Ксения. Ребенок любой ценой: почему в Германии запрещено сурматеринство. Информационный портал Germania-online 19.01.2015 <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/neuerordner/leihmutterchaft/1910044/>
9. Краснополская Ирина. Свой-чужой. Суррогатное материнство оказалось в правовом лабиринте. Российская газета - Федеральный выпуск № 244(7410) 26.10.2017 <https://rg.ru/2017/10/27/shepeleva-mnogie-problemy-surrogatnogo-materinstva-ne-uregulirovany.html>
10. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. ООН // Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов / Сост.: Шестаков Л.Н. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. - 205 с.
11. Glossary on ART Terminology, 2009. ICMART and WHO Revised Glossary on ART Terminology, 2009 Словарь Терминов ВРТ, 2009 Пересмотренный ИКМАРТ и ВОЗ словарь терминов ВРТ, 2009 (дата обращения 28.11.2021г.).
12. Европарламент осудил суррогатное материнство как тяжкое нарушение прав человека. Радио Ватикана // <http://www.archivioradiovaticana.va/storico/2015/12/19/>
13. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
14. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2020)
15. Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми 15 January 2018 // <https://undocs.org/ru/A/HRC/37/60>
16. Криминологические аспекты суррогатного материнства. // И.Л. Трунов. Л.К. Айвар. “Евразийский юридический журнал” № 8 (159) 2021г. с. 371-374.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" // Российская газета, N 296, 31.12.2019, Бюллетень Верховного Суда РФ, N 3, март, 2020
18. Лапин И.В. Торговля людьми и суррогатное материнство: проблема разграничения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 4. С. 103-115.

Chebotareva G. Problems of legal regulation of surrogacy and human trafficking // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 188-197.

The article examines the problematic issues of legal regulation surrogacy as a method of treating infertility. It is emphasized that the modern practice of surrogacy, while opening up new reproductive opportunities, at the same time creates serious legal and ethical problems. The article analyzes legal approaches to the regulation of surrogacy issues in different countries and in international law. The state of the legislative regulation of surrogate motherhood in the Russian Federation is considered and the conclusion is made that the imperfection of the legislation can contribute to abuses by clinics and intermediaries that violate the rights of surrogate mothers, biological parents and children. Examples of bringing medical workers involved in surrogacy procedures to criminal liability for trafficking in persons are given and the signs of delimiting trafficking in persons and legitimate medical activities in this area are analyzed. In order to improve the positive legislation in the field of surrogacy, it is proposed to adopt a federal law that will regulate the relationship of surrogacy in the Russian Federation and will avoid doubts and suspicions that surrogacy is used for the purpose of trafficking in children, and to protect medical workers operating within the framework of Of the law, from charges of trafficking in persons.

Keywords: criminal law, assisted reproductive technologies, surrogacy, human trafficking, infertility, international law.

Spisok literatury:

1. Yakovleva Tatyana. V Rossii besplodie dostiglo natsionalnoy bezopasnosti. // *Ekonomika i zhizn*. 2016. 16.06. // <https://www.eg-online.ru/article/317486/> (poslednee poseschenie – 12 dekabrya 2021 g.).
2. Matsiong Elena. Shans stat mamoy // *Rossiyskaya gazeta - Nedelya* # 36(8090) 19.02.2020 // <https://rg.ru/2020/02/19/40-let-nazad-rodilsia-pervyj-rebenok-ot-surrogatnoj-materi.html> (poslednee poseschenie – 12 dekabrya 2021 g.).
3. Istoriya surrogatnogo materinstva. https://surrogacy.ru/surrogacy/surrogacy_history/ (poslednee poseschenie – 12 dekabrya 2021 g.).
4. Endzhi Godvin Mak Yuen «Tyi nosish v sebe chuzhogo rebenka: ekonomika i ekspluatatsiya v gistsionnom surrogatnom materinstve» (Angle Godwin Me Ewen , So youre having another woman ' s baby ; Economics and Exploitation in Gestational Surrogacy), 32 VAND . J . TRANSNAT ' L L .271,282 (1999)
5. Dronova Yu. A. Chto nuzhno znat o surrogatnom materinstve. M.: Gorodets, 2007. 112 s.
6. Gubernator Kuomo ob'yavil o legalizatsii gestatsionnogo surrogatnogo materinstva v shtate Nyu-York. // <https://www.governor.ny.gov/sites/default/files/atoms/files/02.16.21.rel>.
7. Zakonodatelstvo Frantsii. // <http://www.irtsa.com.ua/ru/legislation/france.html>
8. Maksimova Kseniya. Rebenok lyuboy tsenoy: pochemu v Germanii zaprescheno surmaterinstvo. Informatsionnyy portal Germaniya-online 19.01.2015 <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/neuerordner/leihmutterchaft/1910044/>
9. Krasnopolskaya Irina Svoy-chuzhoy.Surrogatnoe materinstvo okazalos v pravovom labirinte. Rossiyskaya gazeta - Federalnyy vyipusk # 244(7410) 26.10.2017 <https://rg.ru/2017/10/27/shepeleva-mnogie-problemy-surrogatnogo-materinstva-ne-uregulirovany.html>
10. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka ot 10 dekabrya 1948 g. OON // Prava cheloveka. Sbornik universalnykh i regionalnykh mezhdunarodnykh dokumentov / Sost.: Shestakov L.N. - M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1990. - 205 c.
11. Glossary on ART Terminology, 2009. ICMART and WHO Revised Glossary on ART Terminology, 2009 Slovar Terminov VRT, 2009 Peresmotrennyy IKMART i VOZ slovar terminov VRT, 2009 (data obrascheniya 28.11.2021g.).
12. Evroparlament osudil surrogatnoe materinstvo kak tyazhko narushenie prav cheloveka. Radio Vatikana // <http://www.archivioradiovaticana.va/storico/2015/12/19/>
13. Federalnyy zakon ot 21.11.2011 g. # 323-FZ «Ob osnovah ohranyi zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2011. # 48. St. 6724.
14. Prikaz Minzdrava Rossii ot 31.07.2020 g. # 803n «O poryadke ispolzovaniya vspomogatelnykh reproduktivnykh tehnologiy, protivopokazaniy i ogranicheniy k ih primeneniyu» // Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru> (data obrascheniya: 19.10.2020)
15. Doklad Spetsialnogo dokladchika po voprosu o torgovle detmi i seksualnoy ekspluatatsii detey, vklyuchaya detskuyu prostitutsiyu, detskuyu pornografiyu i izgotovlenie prochih materialov o seksualnykh nadrugatelstvakh nad detmi 15 January 2018 // <https://undocs.org/ru/A/HRC/37/60>
16. Kriminologicheskie aspekty surrogatnogo materinstva. // I.L. Trunov. L.K. Ayvar. "Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal" # 8 (159) 2021g. S. 371-374.
17. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.12.2019 N 58 "O sudebnoy praktike po delam o pohischenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i torgovle lyudmi" // *Rossiyskaya gazeta*, N 296, 31.12.2019, Byulleten Verhovnogo Suda RF, N 3, mart, 2020
18. Lapin I.V. Torgovlya lyudmi i surrogatnoe materinstvo: problema razgranicheniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2021. № 4. S. 103-115.

УДК 377 (799.31)

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-198-202

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Чуносов М. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается проблема проявления идеологии экстремизма среди несовершеннолетних. Отмечено, что данная проблема изучается в юридических, психолого-педагогических и социальных науках. Влияние сети Интернет негативно сказывается на распространении идеологии экстремизма, особенно на несовершеннолетних лицах. Автором проводится анализ факторов и причин распространения данного явления, а также особенностей непосредственного влияния на психику несовершеннолетних. Охарактеризованы социально-политическое, социально-экономическое, социально-правовое, социально-информационное, культурно-просветительское, организационно-управленческое и социально-педагогическое направления противодействия идеологии экстремизма. Сделаны выводы о негативном влиянии идеологии экстремизма, который несет в себе разрушительную дестабилизирующую силу для государства в целом, общества и отдельного гражданина в частности.

Ключевые слова: экстремизм, факторы, причины, Интернет, несовершеннолетние, делинквентное поведение, экстремистская идеология, пропаганда, деструктивные ценности, направления противодействия.

Процессы, которые произошли в нашем обществе в течение последнего десятилетия, характеризуются обострением старых и возникновением новых общественных проблем, одной из которых является экстремизм. Российская Федерация как многонациональная и многоконфессиональная держава достаточно остро ощущает на себе влияние противоправных экстремистских действий как внутригосударственных, так и извне. Под экстремизмом принято понимать приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике) [1].

Попытка раскрытия понятия «экстремизм» является междисциплинарной проблемой, носит дискуссионный характер, в зависимости от парадигмы научных направлений (юридической, психолого-педагогической, социологической и др.). Осмысление экстремизма как социального феномена предпринимали такие отечественные исследователи, как С. Боровая, Д. Брайко, С. Буткевич, А. Быба, И. Вехов, Т. Гаврилова, А. Григорьева, А. Гузенко, И. Добаев, Т. Дьячкова, В. Жученко, Л. Заика, А. Кашкаров, С. Кубинец, Е. Кубякин, Н. Лушникова, А. Лысенко, Д. Некрасов, Э. Паин, А. Померлян, Р. Райзберг, Д. Саенко, А. Сериков, Е. Ткач, П. Томникова, А. Хоровинников и др. В юридических науках проблема экстремизма рассматривается с точки зрения нарушения норм права. В психолого-педагогических науках, экстремизм рассматривается как одно из форм отклоняющегося поведения, в социологических науках, как следствие наличия межкультурных противоречий. Во избежание продолжения научной дискуссии в рассмотрении данного социального феномена, в нашей работе, мы будем придерживаться обобщенного понимания «экстремизма», как приверженности к крайним взглядам и мерам, имеющим политические основания.

Между тем, если ранее экстремизм ассоциировался лишь с политическими процессами, то сегодня мы можем говорить об экстремизме как следствии межкультур-

ных, межрасовых взаимодействий, воплощающих систему определенных культурологических, генотипических и фенотипических признаков, которые в совокупности с религиозными особенностями формируют систему ценностей, традиций, мировоззренческих позиций определяют черты материальной и духовной культуры, как ответ на процессы глобализации и унификации. Таким образом, экстремистская деятельность рассматривается как попытка сохранения своей культуры, предотвратив, таким образом, процесс ассимиляции. Культурологический аспект, сформулированный выше, подтверждает и то, что, если исходить из перечня, представленного в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», большая часть обозначенных в ФЗ деяний имеет прямое или косвенное отношение к межкультурным и межнациональным взаимодействиям [2].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать что мировая научная мысль формирует понятие экстремизма как комплекс действий, направленных на насильственное изменение политических и социальных основ жизнедеятельности общества, как фактор дестабилизации социальных отношений, который приводит к деградации общества в целом.

Особенно подвержены влиянию экстремистской идеологии разные слои населения. Является очевидным, что возникновение и распространение экстремизма определены историческими предпосылками, что выводит на первый план проблему ее детерминации. Анализ научных трудов позволяет нам дифференцировать факторы, влияющие на распространение экстремистской идеологии на социальные, культурологические и коммуникационные группы. К социальной группе факторов мы относим: обострение социальной напряженности, трудности в реализации на рынке труда, проблемы социального неравенства и др. К культурологическим факторам целесообразно отнести: деформацию ценностных ориентаций, «внедрение» в традиционную культурологическую сферу деструктивных ценностей, радикализация религиозных течений, рост националистических настроений и др. К коммуникационной группе факторов целесообразно отнести использование сети Интернет для пропаганды экстремистских идей, моделей поведения и др.

Среди причин формирования экстремистской идеологии, целесообразно отнести: неприятие политического курса государства, что как следствие, приводит к политической неудовлетворенности в восприятии лидера, отдельных групп населения и др.; социальное одиночество, проявляющееся в неприятии личности обществом, не разделении обществом взглядов человека; усиление личной профессиональной неудовлетворенности, детерминированной экономическими кризисами, безработицей, низким уровнем материального обеспечения; усиление пропаганды идеологии экстремизма в сети Интернет и др. [3].

Отдельно следует отметить влияние сети Интернет на распространение идеологии экстремизма. Пользователи сети Интернет вовлекаются в неконтролируемый процесс порабощения, подчинения сознания манипуляционным практикам и ограничения свободы мысли часто приводит к формированию в человеческом сознании ненависти и вражды к тому или иному человеку либо группе лиц (по расовым, национальным, религиозным, политическим и иным мотивам), распространение радикальной и деструктивной идеологии, вербовка новых сторонников, финансирование деятельности и др.). Использование сайтов социальных сетей (YouTube, Вконтакте, Одноклассники, Facebook, Instagram и др.) стало достаточно удобным и эф-

фактивным способом для экстремизации общества, и дало возможность экстремистским организациям создавать свои собственные каналы для массовой рассылки сообщений экстремистского толка. Интернет-контент собирает в своих сообществах, как правило, людей «по интересам», которые зачастую не воспринимают либо игнорируют новостную информацию, которая им не интересна либо не соответствует их взглядам.

Следует отметить, что противодействие распространению информационных угроз в настоящее время продолжает оставаться малоэффективным. Установить личность администратора групп практически не представляется возможным. Значительно затрудняет их поиск, создание фейкового профиля, как правило, находящегося за пределами Российской Федерации. При этом на международном уровне отсутствуют правовые нормы, определяющие единые критерии оценки информационных угроз, запреты на их распространение, а также регламентированный порядок взаимодействия по противодействию информационным угрозам.

Существующий механизм закрытия экстремистских и террористических групп (сообществ) также малоэффективен. Это довольно длительный процесс, который часто может длиться до двух месяцев. В то время как создание резервных копий вредоносных сайтов без труда позволяет перемещать сформированную аудиторию на другое интернет-пространство с новым названием, но с тем же содержанием, не говоря уже о скорости и масштабности появления аналогичных сайтов.

Особо подвержены воздействию идеологии экстремизма несовершеннолетние. Одна из причин распространения идеологии экстремизма среди несовершеннолетних кроется в усилении информатизации общества, прежде всего через сеть Интернет. Сеть Интернет насчитывает множество информационных угроз, в числе которых приоритетным является использование информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии. Воздействие на психику несовершеннолетних облегчает дальнейшее внедрение желаемых экстремистских шаблонов поведения и повышение уровня внутригрупповой комфортности. Позиция индивида становится зависимой от позиции группы. Происходит принятие или отвержение им определенного шаблона поведения, мнения, оценки, утверждения, присущих социальной группе. На смену личной идентичности приходит групповая. Как следствие, осуществление личностных перемен соотносимо приемлемым установкам, мнениям, доминирующим в маргинальном сообществе [4].

В целом, идеология экстремизма, как негативное общественное явление несет в себе разрушительную дестабилизирующую силу для государства в целом, общества и отдельного гражданина в частности. Масштабы распространения идеологии экстремизма, ее пропаганды и вербовки в ряды экстремистов все большего количества несовершеннолетних, ставят перед органами государственной власти задачи по активизации противодействию экстремистским проявлениям, а также повышение эффективности социально-профилактических мероприятий.

Проблема профилактики идеологии экстремизма является предметом научного исследования специалистов различных научных направлений (Д. Брайко, А. Быба, А. Григорьева, А. Гузенко, И. Добаев, Т. Дьячкова, В. Жученко, Л. Заика, С. Кубинец, А. Померлян, Н. Лушникова, Д. Саенко, П. Томникова, и др.). В целом, проблема противодействия идеологии экстремизма носит всесторонний характер, и ее целесообразно сосредоточить в нескольких направлениях.

1 – социально-политическое, в рамках которого осуществляется мероприятия по нормализации общественно-политической ситуации, разрешение социальных конфликтов политическими средствами, регулирование миграционных процессов и др.

2 – социально-экономическое, основная цель которого центрируется в направлении развитие экономики, с целью нивелирования стратификации общества, усиления социальной защиты населения и др.

3 – социально-правовое, направлено на повышение уровня и регулирование правосознания граждан.

4 – социально-информационное, целью которого является реализация правового информирования граждан о сущности, общественную опасность, экстремизма и терроризма, посредством информационно-коммуникативных технологий.

5 – культурно-просветительское, направленное на пропаганду культурологических ценностей, характерных для Российской Федерации, создание условий позитивного межкультурного, межконфессионального взаимодействия.

6 – организационно-управленческое, обеспечивающее разработку и реализацию программ противодействия экстремизму и терроризму.

7 – социально-педагогическое, направленное на осуществление мероприятий по профилактике экстремистских проявлений среди несовершеннолетних психолого-педагогическими методами и средствами.

Наряду с перечисленными мерами, ключевым направлением профилактики является формирование устойчивого антитеррористического сознания. Достижение данной цели осуществляется путем решения трех основных задач: разъяснение сущности экстремизма и терроризма, его общественной опасности, в том числе через пропаганду социально значимых ценностей; создание и задействование механизмов защиты информационного пространства от проникновения в него любых идей, оправдывающих террористическую деятельность. Формирование и совершенствование законодательных, нормативных, организационных и иных механизмов, способствующих реализации мероприятий по противодействию идеологии терроризма.

В российском законодательстве занятие экстремистской деятельностью классифицируется как уголовно-наказуемое деяние (ст. 282 УК РФ) [5]. Это позволяет нам отнести данные проявления к видам «делинквентного поведения», под которыми мы понимаем такое поведение, при котором несовершеннолетние совершают «противоправные поступки», имеющие внешние признаки «правонарушений», при этом они не могут нести юридическую ответственность в силу того, что у них не наступило состояние юридической «дееспособности» [6].

Классификация «занятия экстремистской деятельностью», как вида отклоняющего поведения, позволяет использовать в отношении несовершеннолетних психолого-педагогические методы. Особо обращает внимание проблемы: организации профилактических мероприятий с несовершеннолетними, а также проблемы ресоциализации и социальной реабилитации несовершеннолетних попавших под влияние идеологии экстремизма. Мы полагаем, что организации профилактических мероприятий по противодействию экстремизма среди несовершеннолетних должно реализовываться в школьном образовательном пространстве с использованием в психолого-педагогических технологий [7]. Следует учитывать, что такие формы профилактики, как ресоциализация и социальная реабилитация требуют особого внимания по причине того, что данные мероприятия в обязательном порядке должны проводить

ся с участием квалифицированных специалистов (психологов, социальных педагогов и др.) Сегодня, помимо применения устаревших методик, глобальные проблемы имеются и в наличии специалистов, не говоря уже об опыте работе по данному направлению.

Таким образом, проблема распространения идеологии экстремизма среди несовершеннолетних в настоящее время является, если не первоочередной, то одной из таких. Это зависит, прежде всего, от тех глобальных последствий, которые экстремизм несет за собой. Если рассматривать влияние экстремизма на формирование международных отношений, то сейчас можно констатировать тот факт, что деятельность экстремистских групп направлена на разрушение этой сферы. Чтобы предотвратить это, правительства должны действовать более активно: внедрять новые методы проверки, перенимать опыт других стран в борьбе с экстремистскими проявлениями и создавать объединения с этими странами для того, чтобы как можно эффективнее противостоять данной угрозе.

Список литературы:

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993. – 944 с.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.02 № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.
3. Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / ред. С.А. Буткевич. – Симферополь, 2015. – 328 с.
4. Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: монография / ред. С.А. Буткевич. – Симферополь, 2020. – 237 с.
5. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации / [С.А. Боженок, Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермаков и др.] / ред. А.И. Рарог. – М., 2014. – 960 с.
6. Чуносов М. А. Теоретический анализ категории «делинквентное поведение» // Вестник академии знаний. – 2013. – № 4. – С. 154–159.
7. Чуносов М. А. Психолого-педагогический аспект формирования у несовершеннолетних морально-ценностной устойчивости к идеологии экстремизма // Обзор. НЦПТИ. – 2018. – № 2. – С. 34–39.

Chunosov M. Directions for countering the spread of extremist ideology among minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 1. – P.197-202.

The article deals with the problem of manifestation of extremism ideology among minors. It is noted that this problem is studied in legal, psychological and pedagogical and social sciences. The influence of Internet has a negative impact on distribution of extremism ideology, especially on minors. The author analyzes the factors and causes of the spread of this phenomenon, as well as the peculiarities of the direct impact on the psyche of minors. Socio-political, socio-economic, socio-legal, socio-informational, cultural-educational, organizational and managerial, and socio-pedagogical directions of counteraction to extremism ideology are characterized. Conclusions are made about the negative influence of extremism ideology, which carries a destructive destabilizing force for the state as a whole, the society and the individual citizen in particular.

Keywords: extremism, factors, causes, Internet, minors, delinquent behavior, extremist ideology, propaganda, destructive values, directions of counteraction.

Spisok literatury:

1. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – M., 1993. – 944 s.
2. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 25.07.02 № 114-FZ // Rossijskaya gazeta. 2002. 30 iyulya.
3. Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya / red. S.A. Butkevich. – Simferopol', 2015. – 328 s.
4. Lichnost' v informacionnom prostranstve: problemy i perspektivy issledovaniya: monografiya / red. S.A. Butkevich. – Simferopol', 2020. – 237 s.
5. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / [S.A. Bozhenok, YU.V. Gracheva, L.D. Ermakov i dr.] / red. A.I. Rarog. – M., 2014. – 960 s.
6. CHunosov M. A. Teoreticheskij analiz kategorii «delinkventnoe povedenie» // Vestnik akademii znaniy. – 2013. – № 4. – S. 154–159.
7. CHunosov M. A. Psihologo-pedagogicheskij aspekt formirovaniya u nesovershennoletnih moral'no-cennostnoj ustojchivosti k ideologii ekstremizma // Obzor. NCPTI. – 2018. – № 2. – S. 34–39.

УДК 343

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-203-211

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Юшина Ю. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Автором проанализировано состояние, структура, динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами на территории Республики Крым за период с 2016 по 2020 гг., так как выработка мер по своевременному предупреждению преступности несовершеннолетних и реализация уголовной политики в этом направлении возможно только благодаря анализу уголовной статистики, который раскроет количественные и качественные характеристики данного вида преступности, мотивацию, а также ее детерминанты. Автором отмечается, что спецификой современной преступности несовершеннолетних являются произошедшие за последние годы изменения в её структуре. Так, в 2020 году зарегистрированы следующие преступления несовершеннолетних, которые в 2019 и 2018 годах ими не совершались: мошенничества с использованием электронных средств платежа, незаконное изготовление и оборот порнографических материалов, оскорбление представителей власти, нарушение неприкосновенности жилища. Тем не менее характерной особенностью современного состояния преступности несовершеннолетних является преобладание в её структуре корыстных и корыстно-насильственных преступлений, чаще всего (каждое третье) совершенных в группе с другими несовершеннолетними или в смешанной группе (несовершеннолетние и взрослые).

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетние лица, структура, динамика, состояние, групповая преступность, уголовная статистика.

Особо острой и значимой проблемой современного российского общества является подростковая преступность, постоянно изменяющаяся в своём окрасе благодаря сложившимся условиям реальной действительности, связанным с особенностью политических и рыночных отношений, стремлением подростков нарушать уголовно-правовые запреты ради баловства или самоопределения, неравенства возможностей, а также улучшения своего материального положения за счет нарушения охраняемых законом благ и интересов.

Кроме этого преступность данной категории лиц обладает своими специфическими чертами. Особо необходимо отметить тягу несовершеннолетних к совершению преступлений в группе, ведь примерно каждое третье преступление согласно статистике, совершается ими совместно со взрослыми, что обусловлено социальной незрелостью, отсутствием воспитания, несформировавшейся психикой, противопоставлением себя общепринятым принципам и нормам морали.

Большая часть преступлений несовершеннолетних воспринимается взрослыми как детская шалость или глупость. Именно поэтому о достаточном количестве преступлений в правоохранительные органы не сообщается, что как раз и увеличивает латентность преступлений несовершеннолетних. Особая опасность такого негативного явления как подростковая преступность связана с тем, что она имеет тенденции к самопроизводству, омоложению, повторению и подражанию.

Выработка мер по своевременному предупреждению преступности несовершеннолетних и реализация уголовной политики в этом направлении возможно только благодаря анализу уголовной статистики, который раскроет количественные и качественные характеристики данного вида преступности, мотивацию, а также ее детерминанты.

Спецификой современной преступности несовершеннолетних можно назвать произошедшие за последние годы изменения в её структуре. Так, в 2020 г. зарегистрированы следующие преступления несовершеннолетних, которые в 2019 и 2018 годах ими не совершались: мошенничества с использованием электронных средств платежа, незаконное изготовление и оборот порнографических материалов, оскорбление представителей власти, нарушение неприкосновенности жилища. Тем не менее характерной особенностью современного состояния преступности несовершеннолетних является преобладание в ее структуре корыстных и корыстно-насильственных преступлений, чаще всего (каждое третье) совершенных в группе с другими несовершеннолетними или в смешанной группе (несовершеннолетние и взрослые).

Статистические данные свидетельствуют о снижении почти в 1,5 раза криминальной активности несовершеннолетних за последние 5 лет в Республике Крым. Наибольший уровень криминальной активности несовершеннолетних приходится на 2016 год, наименьший уровень криминальной активности несовершеннолетних зафиксирован в 2019 году. Если за календарный 2016 год было выявлено 451 преступления несовершеннолетних лиц, то в 2019 году было зарегистрировано 316 несовершеннолетних преступника, то есть на 135 меньше. Указанное свидетельствует о позитивной тенденции данного явления.

Таб. №1. Соотношение динамики преступности несовершеннолетних и взрослых в Республике Крым (2016 -2020 гг.)

Год	2016	2017	2018	2019	2020
Взрослые	9821	10376	10009	10129	10835
Несовершеннолетние	451	403	346	316	336

Данная таблица показывает уверенное снижение криминальной активности лиц, не достигших 18-ти летнего возраста в сравнении с общим числом совершенных преступлений, совершивших преступление в Республике Крым за последние 5 лет.

Анализируя возрастные характеристики выявляемых несовершеннолетних преступников в Республике Крым, следует указать на традиционную повышенную криминальную активность лиц в возрасте от 16 до 17 лет, их удельный вес составляет около 62,5 % от всего числа несовершеннолетних преступников, привлекаемых к уголовной ответственности. В возрасте от 14 до 15 лет привлекается к уголовной ответственности около 37,5 % несовершеннолетних за совершаемые преступления. Однако данные показатели не являются неизменными, так в 2019 и 2020 годах в Республике Крым увеличилась криминальная активность подростков, совершивших преступления в возрасте от 14 до 15 лет. Указанное произошло из-за определённых ограничений, вызванных короновирусной инфекцией, отсутствием надлежащего досуга у несовершеннолетних, контроля со стороны родите-

лей и образовательных учреждений, а также влияния негативной информации, находящейся в сети Интернет.

Важным критерием оценки криминогенной активности несовершеннолетних является уровень их образования на момент совершения преступления. Оценивая статистику преступности несовершеннолетних можно констатировать высокий процент криминальной активности среди учащихся муниципальных образовательных школ (несовершеннолетних лиц получающих среднее общее (полное) образование). В 2016 году их доля составила около 76,1 %, в 2018 году 75,2 %, в 2020 году их доля выросла до 77 %. Наряду с этим незначительно увеличилась доля регистрируемой преступной активности среди студентов и слушателей высших и средних специальных образовательных организаций. Так в 2016 году их доля составила 2,4 %, в 2018 году 4,3 %, в 2020 году почти 5 %.

Значимым фактором при характеристике преступности несовершеннолетних является разграничение криминальной активности по степени тяжести совершаемых преступлений. Проведенный анализ статистических данных за последние 5 лет в Республике Крым показал, что несовершеннолетними около 54 % от общего количества преступных деяний совершено преступлений средней тяжести. Примечательным является факт роста преступлений, совершенных несовершеннолетними, который составил в 2020 году 15,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Таб. №2. Преступная активность среди несовершеннолетних по категориям тяжести преступлений в Республике Крым (2016- 2020 гг.)

Категория тяжести преступления	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Небольшой тяжести	106	103	98	72	79
Средней тяжести	336	276	237	218	213
Тяжкие	99	91	111	43	67
Особо тяжкие	17	9	5	10	19

Анализ структуры преступности несовершеннолетних на протяжении 2016-2020 гг. в Республике Крым свидетельствует о заметном увеличении удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних. Наибольшее количество зарегистрированных тяжких преступлений приходится на 2018 год (всего 111 преступлений), а наименьший на 2019 год (всего 43 преступления). Наибольшее количество особо тяжких преступлений несовершеннолетними совершено в 2020 году (19), а наименьшее количество особо тяжких преступлений ими совершено в 2018 году (всего 5 преступлений).

Данные возрастных характеристик несовершеннолетних преступников в Республике Крым свидетельствуют о том, что во всех возрастных категориях несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, преобладают преступления средней тяжести.

Существенное место в криминологической картине преступности несовершеннолетних занимает анализ качественных показателей структуры преступлений в зависимости от общественных отношений, которым причинен вред в результате совершения преступления. Изученные статистические данные красноречиво свидетельствуют о том, что около 78 % совершенных несовершеннолетними преступлений направлены на причинение вреда общественным отношениям, связанным с охраной собственности. В большинстве случаев предметами посягательств являлись денежные средства, бытовые предметы, мобильные телефоны, мопеды, металлолом, велосипеды, одежда и обувь, ювелирные изделия. На следующем рисунке проиллюстрируем качественные и количественные показатели преступности несовершеннолетних за 2020 и 2019 годы в Республике Крым.

Таб. №3. Структура преступности несовершеннолетних в Республике Крым в 2020 году (всего выявлено 336 несовершеннолетних лиц).

Нормы УК РФ	Кол-во несовершеннолетних лиц	%
Ст. 158 УК РФ	263	78%
Ст. 161 УК РФ	31	9%
Ст. 112 УК РФ	11	3%
Ст. 162 УК РФ	7	2%
Ст. 132 УК РФ	7	2%
Ст. 242 УК РФ	6	2%
Ст. 319 УК РФ	2	1%

Таб. №4. Структура преступности несовершеннолетних в Республике Крым в 2019 году (всего выявлено 316 несовершеннолетних лиц).

Нормы УК РФ	Кол-во несовершеннолетних лиц	%
Ст. 158 УК РФ	250	72%
Ст. 161 УК РФ	31	10%
Ст. 112 УК РФ	11	4%
Ст. 132 УК РФ	7	2%

Ст. 162 УК РФ	7	2%

Сравнительный анализ указанных на рисунках 3 и 4 количественных и качественных показателей преступности несовершеннолетних в Республике Крым позволяет сделать выводы: в период с января по декабрь 2020 года несовершеннолетними больше на 37,5 % совершено преступлений, связанных с причинением средней тяжести вреда здоровью (с 8 до 11), в 2,3 раза с насильственными действиями сексуального характера (с 3 до 7), на 5,2 % краж (с 250 до 263), в 3,1 раза грабежей (с 10 до 31), в 2,3 раза разбойных нападений (с 3 до 7).

Кроме указанного, в 2020 году зарегистрированы преступления, которые за аналогичный период прошлого года несовершеннолетними не совершались: мошенничества (6), мошенничества с использованием электронных средств платежа (2), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов (6), оскорбление представителей власти (3).

Ключевое место в криминологические характеристики преступности лиц, не достигших 18-ти летнего возраста является характеристика лиц, совершивших преступления в Республике Крым в форме соучастия. Традиционной отличительной особенностью преступности несовершеннолетних кроме причинного комплекса и мотивации является то, что в большинстве случаев преступления несовершеннолетними совершаются в группе, что ведет к увеличению количества лиц, совершивших преступления, а также тот фактор, что большую часть уголовных дел составляют многоэпизодные дела. Одним из проблемных вопросов, способствующих многоэпизодности, остается избрание несовершеннолетним, находящимся под следствием и совершающим повторные преступления, меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, что способствует совершению ими ряда новых преступлений будучи на профилактическом учете. Количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в соучастии в среднем за последние 5 лет в Республике Крым составило около 45-60 % от общего числа всех преступлений. Около 30 % всех выявленных преступных групп состоит исключительно из несовершеннолетних.

Доля групповых преступлений среди несовершеннолетних в Республике Крым составляет около 45 %, причем большая часть данных преступлений совершается группой лиц по предварительному сговору – это около 70 % (в зависимости от вида преступлений). Удельный вес групповых преступлений, приходится в основном на преступления против собственности: кражи, грабежи, разбои.

Примечательно, что в 2016 г. в Республике Крым преступлений, совершённых несовершеннолетними в составе ОПГ (ОПС) – не выявлено.

Другим весьма показательным элементом преступности несовершеннолетних в Республике Крым является критерий выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступные деяния в состоянии опьянения. Так как внушительной части несовершеннолетних лиц, совершивших уголовно-наказуемые правонарушения присущи антисоциальные привычки (употребление алкоголя, наркотиков, токсических веществ), склонность к попрошайничеству, бродяжничеству и др. Зачастую подобные виды девиантного поведения у молодежи возникают в связи с

влиянием старших по возрасту лиц, ведущих подобный образ жизни и склоняющих подростков к нему.

Для примера приведем следующие данные:

Таб. №5. Преступность несовершеннолетних в состоянии опьянения в Республике Крым за 2016-2020 годы.

Виды опьянения	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
алкогольное	33	22	29	25	24
наркотическое	3	4	0	0	0

Исходя из показателей, представленных в таблице можно констатировать что «пьяная» преступность несовершеннолетних за последние 5 лет в Республике Крым имеет тенденцию к снижению. Наибольшее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения приходится на 2016 г., а наименьшее на 2017 г. Примечательным является нулевой показатель преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения в период с 2018 по 2020 гг.

Особенное место в разрезе криминологической характеристики преступности несовершеннолетних занимает повторная преступность. Так как подростковая преступность имеет тенденции к воспроизводству и подражанию, поэтому налицо тесная связь между взрослой рецидивной преступностью и преступностью несовершеннолетних.

На следующих ниже диаграммах представлены отдельные характеристики повторной преступности лиц, не достигших 18-ти летнего возраста в Республике Крым.

Рис. 1. Повторная преступность несовершеннолетних в Республике Крым в 2016 г.

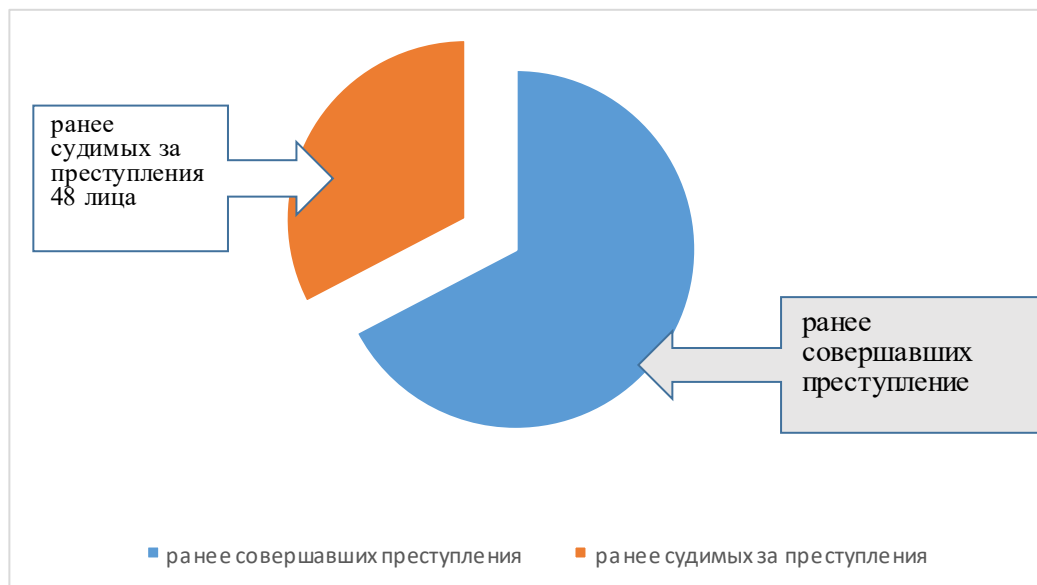

Рис. 2. Повторная преступность несовершеннолетних в Республике Крым в 2018 году.

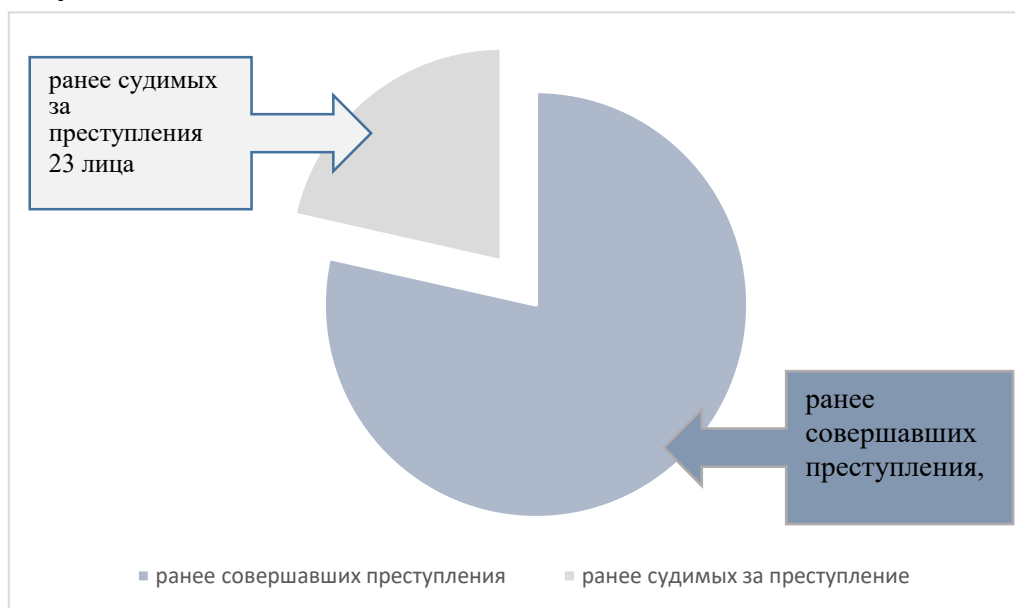

Рис. 3. Повторная преступность несовершеннолетних в Республике Крым в 2020 году.

Приведенные данные за 2016, 2018 и 2020 год свидетельствуют о стабильности показателей повторных преступлений, совершенных несовершеннолетними в Республике Крым. Наибольшее их количество приходится на 2016 год. Удельный

вес от общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними в 2016 году составил почти 33 %, в 2018 году 31 %, в 2020 году 32 %.

Начиная с 2016 года и по настоящее время относительно постоянными остаются градации несовершеннолетних согласно их социальным позициям. Социальный состав несовершеннолетних лиц, совершивших преступления на территории Республики Крым в 2016 и 2020 годах представлен ниже в таблице:

Таб. № 5.

Социальный состав несовершеннолетних преступников	2016 год	2020 год
Учащиеся	346	260
Студенты	11	16
Несовершеннолетние, не имеющие постоянного источника дохода	2	0
Безработные	0	0

Анализируя несовершеннолетних преступников исходя из их социального статуса весьма примечательным для Республики Крым является наличие практически нулевой криминальной активности безработных лиц, лиц не имеющих постоянных источников доходов, наряду со стабильно высоким количеством числа учащихся и студентов.

Ситуация с преступностью несовершеннолетних как в целом в России, так и в Республике Крым в настоящее время остается острой и актуальной, учитывая латентность данной категории преступлений. Ежегодно увеличивается количество несовершеннолетних состоящих на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных органов подчиненных, на районном уровне МВД по Республике Крым. Так в 2017 году их количество составляло 579 несовершеннолетних, и 364 родителя (законных представителей несовершеннолетних), в 2019 году их количество возросло до 669 несовершеннолетних и 381 родителей (законных представителей несовершеннолетних).

Преступность несовершеннолетних в Республике Крым имеет корыстно-насильственный окрас и ярко выраженный групповой характер. Кроме этого, современная специфика групповой преступности несовершеннолетних в Республике Крым проявляется в ориентации и подражании подростков различной деструктивной идеологии, пропагандирующей идеи суицида, романтику тюремного мира, поддерживающей культ насилия, жестокости, агрессии и цинизма, а также идеологию «Скулшутинга».

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz6mY6bqi7a>
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ // Российская газета от 27 ноября 2013 г. № 267.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/12125267/#ixzz6p66NFKtz>
4. Комплексный анализ состояния преступности на территории обслуживания и результатов оперативно-служебной деятельности Министерства внутренних дел по Республике Крым за 2020 год.
5. Комплексный анализ состояния преступности на территории обслуживания и результатов оперативно-служебной деятельности МВД Республики Крым (за январь-декабрь 2020 г.). – Симферополь, 2021. – 77 с.

6. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 319–326.
7. Юшина Ю. В. Уголовно-правовая оценка действий взрослого лица, при вовлечении несовершеннолетнего в приготовление к совершению преступления небольшой и средней тяжести // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. – Иркутск, 2021. – С. 64–67.
8. Юшина Ю. В. К вопросу о некоторых диссонансах при назначении штрафа в отношении несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 274–275.

Iushina Ui. V. Characteristic of crime of minors in the territory of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 203-211.

The author analyzed the state, structure, dynamics of crimes committed by minors on the territory of the Republic of Crimea for the period from 2016 to 2020, since the development of measures for the timely prevention of juvenile delinquency and the implementation of criminal policy in this direction is possible only thanks to the analysis of criminal statistics, which will reveal quantitative and the qualitative characteristics of this type of crime, motivation, as well as its determinants. The author notes that the specifics of modern juvenile delinquency are the changes in its structure that have occurred in recent years. So, in 2020, the following crimes of minors were registered, which were not committed by them in 2019 and 2018: fraud using electronic means of payment, illegal production and circulation of pornographic materials, insulting government officials, violation of the inviolability of the home. Nevertheless, a characteristic feature of the current state of juvenile delinquency is the predominance in its structure of selfish and selfish and violent crimes, most often (every third) committed in a group with other minors or in a mixed group (minors and adults).

Key words: crime, minors, structure, dynamics, state, group crime, criminal statistics.

Spisok literatury:

1. Uголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Система GARANT. URL: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz6mY6bqi7a>
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ // Российская газета от 27 ноября 2013 г. № 267.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Система GARANT. URL: <http://base.garant.ru/12125267/#ixzz6p66NFKtz>
4. Комплексный анализ состояния преступности на территории обслуживания и результатов оперативно-служебной деятельности Министерства внутренних дел по Республике Крым за 2020 год.
5. Комплексный анализ состояния преступности на территории обслуживания и результатов оперативно-служебной деятельности МВД Республики Крым (за январь-декабрь 2020 г.). – Симферополь, 2021. – 77 с.
6. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 319–326.
7. Юшина Ю. В. Уголовно-правовая оценка действий взрослого лица, при вовлечении несовершеннолетнего в приготовление к совершению преступления небольшой и средней тяжести // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. – Иркутск, 2021. – С. 64–67.
8. Юшина Ю. В. К вопросу о некоторых диссонансах при назначении штрафа в отношении несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 274–275.

УДК 343.98

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-212-215

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Халилев Р. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Автором проанализирован актуальный вопрос расследования коррупционных преступлений в сфере образования, с учетом значительного роста за последние годы числа преступлений. Приведены статистические показатели, предоставленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации за 2020-2021 гг. Также выявлены проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования. Автором отмечено, что действующий на сегодняшний день УПК РФ не предусматривает оснований для осуществления субъектами оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления коррупционных преступлений в случае отсутствия сведений, указанных в ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ. В результате проведенного анализа, с учетом правоприменительной практики, были найдены пути решения выявленной проблематики.

Ключевые слова: коррупция, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, коррупционные преступления, сфера образования.

За первое полугодие 2020 года, в соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по ст. 290 УК РФ было осуждено 384 лица, по ст. 291 УК РФ – 628 лиц, по ст. 291.2 было осуждено 700 лиц [9].

За аналогичный период 2021 года по ст. 290 УК РФ было осуждено 520 лиц (+ 35,68 %), по ст. 291 УК РФ – 836 лиц (+ 33,12 %), по ст. 291.2 было осуждено 981 лицо (+ 41 %) [10].

Фактически, за последние годы наблюдается значительный рост преступлений в сфере образования, в частности связанных с получением и дачей взяток. В результате чего число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере образования, также растет.

По замечанию экспертов показатели совершаемых преступлений в данной сфере на порядок выше. Однако, многие из них выявить проблематично. Такое обстоятельство обусловлено не только скрытностью совершения коррупционного преступления, но также и тем, что большинство из них «замаскировано» [8].

Выявление преступлений в анализируемой сфере невозможно без осуществления целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий, основной целью которых является изначальное получение сведений первичного характера относительного самого факта, что конкретные лица осуществляли противоправную деятельность. Однако, не всегда в полной мере возможна эффективная работа лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), так как проводимые ими мероприятия при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования осложнены проблемами законодательного регулирования. В частности,

это касается оснований, в соответствии с которым субъекты ОРД могут проводить необходимые мероприятия для расследования преступлений.

Так, осуществив анализ ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» [3], можно прийти к заключению, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в случае, если они не располагают информацией относительно признаков «подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела», не имеют права на осуществление оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления коррупционных преступлений в сфере образования. В противном случае их действия будут являться незаконными, в связи с тем, что законодатель не предоставил соответствующего права.

Незаконными также будут являться поиски и деятельность, осуществляемая субъектами ОРД с целью добычи сведений относительно круга лиц, которые причастны к взяточничеству в сфере образования, в случае осуществления такой деятельности инициативно.

В данном аспекте целесообразно осуществить исторический анализ, обратившись к УПК РСФСР [5], который утратил силу практически два десятилетия назад, однако заслуживает внимания. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР законодательно была закреплена обязанность по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий органами дознания и осуществления анализируемых мер, которые были направлены на обнаружение преступлений, а также выявления лиц, совершивших коррупционные преступления.

Действующий на сегодняшний день УПК РФ [2] не предусматривает оснований для осуществления субъектами ОРД оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления коррупционных преступлений в случае отсутствия сведений, указанных в ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ.

Данный вопрос неоднократно поднимался в научной литературе, чаще всего коллизии возникали относительно того, возможен ли выход из сложившейся ситуации. В частности, с целью выявления коррупционных преступлений в сфере образования.

Анализ правоприменительной практики и пробелов в законодательстве, регламентирующего вопросы ОРД, осуществляемой при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования, подтвердил необходимость расширения перечня оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Полагаем, что это возможно за счет внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Учитывая тот факт, что согласно данным Генеральной прокуратуры РФ в 2021 году педагоги вышли в лидеры по объемам коррупции [8], а также что «коррупционность образовательной системы влияет не только на качество образования, но и на уровень правосознания граждан, формируя идеологический вакуум в оценке образовательных ценностей» назрела явная необходимость нахождения путей решения существующей проблематики [6, с. 27].

В подтверждение тому начата во второй половине 2021 год «облава» на преподавателей, в связи с усилением внимания к проблеме преступности в образовательной среде.

Так, по заявлению главы Национального антикоррупционного комитета Кирилла Кабанова настала «пандемия взяточничества». К.В. Кабанов отметил, что проблема взяточничества в российских вузах никуда не делась. По его заявлению в последнее время подобных преступлений становится всё больше.

Вышеуказанное также подтверждается итогами проведенных опросов, в соответствии с которыми в российских вузах взятки являются отнюдь нередким явлением.

В частности, как утверждают эксперты NEWS.ru, практически четверть студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации, уже давали взятки с целью сдачи сессии. Это также подтверждено итогами проведенного порталом Sageer.ru опроса [7].

Данная проблема так и остается актуальной, несмотря на то, что законодатель уделяет особое внимание вопросам противодействия коррупции. В частности, посредством утверждения Плана противодействия коррупции Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на 2021-2024 годы, утвержденного Приказом Минобрнауки России от 27.09.2021 № 885 [4].

Полагаем, ключом к предотвращению коррупционных преступлений в сфере образования или же к значительному сокращению их числа может являться именно расширение оснований для осуществления оперативно-розыскных мероприятий при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования.

Важным в данном аспекте является тот момент, что возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий не должна «ограничиваться» фактом отсутствия оперативной и иной информации (сведений). Иными словами, субъектами ОРД указанные мероприятия должны осуществляться независимо от ее наличия. Законодателю, с целью выявления первичных сведений о преступлениях и лицах, к ним причастных, необходимо закрепить возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий. Ведь именно это лежит в основе оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. № 160. 18.08.1995.
4. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27 сентября 2021 г. № 885 «Об утверждении плана противодействия коррупции Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на 2021 - 2024 годы» // СПС Гарант.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613 (утратил силу).
6. Алонцева Д.В. К вопросу о коррупции в системе отечественного образования / Д.В. Алонцева, А.В. Акопян, О.А. Лаврищева // Закон и право. 2021. № 7. С. 27-28.
7. «Ни дать, ни взять»: в России началась новая облава на преподавателей // News.ru от 11.08.2021 г. Режим доступа:

https://news.rambler.ru/education/46996148/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

8. Педагоги вышли в лидеры по объемам коррупции: «100 тысяч за экзамен» // Московский комсомолец от 10.03.2021. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2021/03/10/pedagogi-vyshli-v-lidery-po-obemam-korrupcii-100-tysyach-za-ekzamen.html>.

9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2020 года // // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5460>.

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2021 года // // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5895>.

Khalilev R.A. Operational-search measures carried out in the investigation of corruption crimes in the field of education: problems of legislative regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 212-215.

The author analyzed the topical issue of investigating corruption crimes in the field of education, taking into account the significant increase in the number of crimes in recent years. The statistical indicators provided by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2020-2021 are given. Also, the problems of legislative regulation of operational-search activities carried out in the investigation of corruption crimes in the field of education are identified. The author noted that the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide grounds for the implementation by the subjects of operational-search activities of operational-search activities in order to identify corruption crimes in the absence of information specified in Art. 7 of the Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ. As a result of the analysis, taking into account law enforcement practice, ways to solve the identified problems were found.

Key words: corruption, operational-search activity, operational-search activities, corruption crimes, education.

Spisok literatury:

1. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 12/30/2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 06/17/1996. No. 25. Art. 2954.
2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 30, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. No. 249. December 22, 2001.
3. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on December 30, 2021) “On Investigative Activities” // Rossiyskaya Gazeta. No. 160. 08/18/1995.
4. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated September 27, 2021 No. 885 “On approval of the anti-corruption plan of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for 2021-2024” // SPS Garant.
5. Code of Criminal Procedure of the RSFSR (approved by the Supreme Court of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on December 29, 2001, as amended on November 26, 2002) (as amended and supplemented, effective from July 1, 2002) // Code of Laws of the RSFSR. T. 8. S. 613 (no longer valid).
6. Alontseva D.V. To the question of corruption in the system of domestic education / D.V. Alontseva, A.V. Akopyan, O.A. Lavrishcheva // Law and Law. 2021. No. 7. S. 27-28.
7. “Neither give nor take”: a new raid on teachers began in Russia // News.ru from 08/11/2021. Access mode: https://news.rambler.ru/education/46996148/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
8. Teachers became leaders in terms of corruption: “100 thousand for the exam” // Moskovsky Komsomolets from 03/10/2021. Access mode: <https://www.mk.ru/social/2021/03/10/pedagogi-vyshli-v-lidery-po-obemam-korrupcii-100-tysyach-za-ekzamen.html>.
9. Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for the 1st half of 2020 // // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5460>.
10. Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for the 1st half of 2021 // // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5895>.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.132.6

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-216-222

**ЗАБЛУЖДЕНИЕ И ОБМАН КАК УСЛОВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
СДЕЛОК: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Аблятинова Н. А., Григорчук Н. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье исследуются особенности защиты прав субъектов, заключивших сделку под влиянием заблуждения и обмана. В результате анализа судебной практики выявлены основные особенности рассмотрения исков о признании сделки недействительной по причине обмана и заблуждения. Выделены основные обстоятельства, влияющие на удовлетворение исковых требований. Отмечено, что споры о признании сделок недействительными по причине заблуждения и обмана характеризуются: во-первых, сложностью доказывания того, что сделка совершена под влиянием обмана или заблуждения, во-вторых, отсутствием законодательно закрепленных признаков, которые могут учитываться при определении заблуждения и обмана в совершенной сделке. На основе анализа судебной практики сформулирован вывод о необходимости детализировать и конкретизировать законодательство в части регулирования данных отношений, закрепить перечень признаков и обстоятельств, которые могут указывать на обман и заблуждение при совершении сделки.

Ключевые слова: заблуждение, обман, недействительность сделки, доказательства, судебная практика.

Заключение сделок является неотъемлемой и основной частью гражданских правоотношений. Субъекты права заключают различного рода сделки для установления, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, ожидая получить установленные договоренностью и/или ожиданиями последствия. Однако, стоит заметить, что не всегда сделки заключаются по всем требованиям закона и добросовестности участников. К одной из категорий таких сделок относятся сделки, совершенные под влиянием заблуждения или обмана.

Заблуждение и обман – причины, в связи с которыми зачастую совершенная сделка может стать предметом судебного спора. Несмотря на широкое рассмотрение различных теоретических аспектов данных сделок в научной литературе в современном гражданском законодательстве присутствуют несовершенства механизмов защиты прав лиц, заключивших сделку под влиянием обмана и заблуждения. Актуальность данной проблемы доказывают многочисленные обращения граждан в суд с иском о признании сделки недействительной по данному основанию. Исходя из этого, полагаем необходимо проанализировать некоторые особенности практической реализации норм гражданского законодательства о признании сделок недействительными, совершенных в условиях обмана и заблуждения.

В п.1 ст.178 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]

закреплено, что сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел. Обман в свою очередь отображает умысел, то есть намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота.

Дело, рассмотренное Ленинским районным судом Республики Башкортостан от 7 июля 2020 г. №2-1330/2020 [2] является одним из доказательств того, что механизм защиты прав лиц, заключивших сделку под влиянием обмана и заблуждения нуждается в существенном совершенствовании.

Истец обратился в суд с исковым заявлением к сыну о признании договора дарения недействительным. В обоснование своих требований указал, что между ним и ответчиком был заключен договор дарения одноэтажного жилого дома, а также прилегающего к нему земельного участка. Заключенный договор заявитель считает недействительным в силу того, что он был подписан под влиянием заблуждения относительно природы сделки, поскольку заключал он ее с тем предлогом, что ответчик обещал ей осуществление пожизненного ухода с условием дарения ему жилого дома и земельного участка. По завершении оформления договора истица не получила то, на что рассчитывала – дом и земельный участок перешли в собственность сына, который отказался ее содержать.

По мнению суда, договор дарения между сторонами заключен в надлежащей форме. Текст договора дарения не содержит каких-либо ссылок на обязанность ответчика взамен подаренного имущества осуществлять за истцом постоянный уход, в связи с чем данный довод ничем не подтверждён и является голословным. Стороной истца не представлено суду доказательств, подтверждающих, что истец заблуждался относительно природы сделки. Также не представлено доказательств того, что стороны, заключая оспариваемый договор, преследовали иные цели, чем предусматривает договор дарения.

Оснований для вывода о том, что истец при составлении и подписании оспариваемого договора не понимала значение совершаемых ею действий и не могла ими руководить, как указано о том в иске, у суда также не имелось. Утверждение истца о том, что она заключала возмездный договор дарения, а ожидала помощи со стороны ответчика, будучи в преклонном возрасте, наличия доверительных отношений между сторонами сделки не свидетельствуют о наличии у истца заблуждения относительно существа заключаемой сделки. Отказывая в удовлетворении заявленных истцом требований, суд исходит из отсутствия в материалах дела достаточных доказательств, свидетельствующих о том, что на момент заключения договора дарения истица в силу имеющихся у нее заболеваний и сложившейся жизненной ситуации не отдавала отчет своим действиям и не могла руководить ими.

Данное судебное решение указывает на тот факт, что суд при рассмотрении требований признать сделку недействительной по причине существенного заблуждения особое внимание уделяет должным доказательствам. Возмездный характер договора должен быть выражен непосредственно в самом договоре. Устные же договоренности не имеют внушительной силы по той причине, что их практически невозможно доказать, в связи с чем у суда нет основания удовлетворять иск, когда

сделка совершенна со всеми требованиями закона, а истец понимал значение своих действий и мог ими руководить.

Проанализируем дело, рассмотренное Энгельским районным судом Саратовской области от 23 июля 2020 г. № 2-1033/2020 [3]. Истец обратился в суд с требованиями признать договор купли-продажи жилого дома в отношении ответчика недействительным, отменить запись об ипотеке и применить последствия недействительности сделки.

В обоснование требований указывает, что им была выдана генеральная доверенность, уполномочивающая ответчицу в том числе совершать сделки. Ответчик, воспользовавшись предоставленными полномочиями продала квартиру истца и обещала приобрести, на денежные средства от продажи иное жилье, из-за чего не передала истцу денежные средства. После приобретения жилья ответчица перевезла истца в приобретенный дом, при этом документы и денежные средства не передала. Позже истец находился на стационарном лечении, однако после выписки ответчик в дом его не пустила. В настоящее время спорный дом принадлежит ответчице, кроме того, на него зарегистрирована ипотека.

Совершенную сделку истец считает недействительной по причине ее совершения под влиянием обмана. Данное обстоятельство истец аргументирует тем, что ответчик воспользовалась его тяжелым положением, вынудила согласиться на продажу квартиры, обещав на вырученные деньги приобрести для него жилье, которым и был спорный дом. Несмотря на это денежные средства не были переданы истцу. Кроме того, право собственности на спорный жилой дом не было оформлено на истца. В связи с этим истец считает необходимым возложить на ответчицу обязанность вернуть все полученное по спорной сделке и возместить причиненный ущерб.

При вынесении решения суд исходил из следующего. Во-первых, истец не является лицом, которому на каком-либо праве принадлежало спорное домовладение. Во-вторых, истец не был стороной по сделке в приобретении спорного имущества по договору. Кроме этого, истец не представил доказательства нарушения охраняемого законом интереса сторонами сделки. Наконец, указанный дом не принадлежал истцу на праве собственности, поэтому восстановление положения, существовавшего до нарушения права, невозможно.

На основании приведенных выводов, суд посчитал исковые требования не подлежащими удовлетворению, а избранный истцом способ защиты нарушенного права ненадлежащим.

Данное судебное решение свидетельствует о том, что при рассмотрении требований признать сделку недействительной по причине заключения ее под влиянием обмана, органы правоприменения учитывают, во-первых, наличие у истца права собственности на спорное имущество, во-вторых, на корректность избранного истцом способа защиты нарушенного права.

Еще одним аргументом в подтверждение существующего пробела в механизме защиты прав лиц, совершивших сделку под влиянием обмана, является дело, рассмотренное Полевским городским судом Свердловской области от 17 июля 2020 г. № 2-456/2020 [4].

Истец обратился в суд с иском о признании сделки купли-продажи квартиры в отношении ответчика недействительной и применении последствий недействительности сделки. Совершенную сделку заявитель считает недействительной по при-

чине ее совершения под влиянием обмана и введения в заблуждение. Данное обстоятельство истец аргументировал тем, что свое единственное имущество она не хотела продавать при жизни, а лишь желала передать его внуку в порядке наследования. Заявительница полностью доверяла ответчице, которая вызвалась помочь оформить сделку, ходила в компетентные органы для совершения сделки, периодически предоставляла документы заявителю для подписи. Ко всему прочему истица утверждает, что ответчица умышленно создала у нее неправильное представление об условиях договора, воспользовавшись ее тяжелым положением. Из-за болезни глаз истица не читала документы, все происходило в спешке, сведений о том, что ее ознакомили с содержанием договора, также не имеется, подписи сторон расположены на отдельном от текста договора листе, что уже является основанием для приостановления государственной регистрации перехода права собственности, однако отдел Росреестра регистрацию сделки не приостановил. Истица полагает, что сделка совершена под влиянием обмана со стороны ответчицы, которая не сообщила ей, что она, истец, продает квартиру в единоличную собственность ответчицы, а не передает ее своему внуку в порядке наследования. В связи с этим истец просила признать сделку недействительной и применить последствия недействительности сделки, прекратив право собственности ответчика на квартиру и восстановив право собственности истца.

При вынесении решения суд исходил из того, что истцом не было представлено достаточных доказательств подписания договора купли-продажи под влиянием заблуждения относительно природы сделки, так как плохое зрение истца не свидетельствует, о том, что она не понимала существо и природу заключаемого ею договора. Также денежные средства, причитающиеся по договору купли-продажи, истец получила, что подтверждается ее распиской и не оспаривается ею и, также, поведение истца, достоверно знавшей о переходе права собственности к другому лицу из платежных документов на внесение платы за жилое помещение, давало основание ответчику полагаться на действительность сделки. Соответственно, поведение истца по предъявлению иска является недобросовестным, а поэтому оспариваемая сделка не может быть признана недействительной. На основании приведенных выводов, суд посчитал исковые требования не подлежащими удовлетворению.

Данное судебное решение указывает на то, что при рассмотрении искового заявления о признании сделки недействительной по причине заключения ее под влиянием обмана и заблуждения суд учитывает, во-первых, что состояние здоровья, возраст и отсутствие юридического образования не является пороком для понимания природы и существа заключаемой сделки, во-вторых, что такие действия истца, как расписка за полученные денежные средства по договору купли-продажи, а также его поведение, достоверно знавшего о переходе права собственности к другому лицу из платежных документов на внесение платы за жилое помещение дают твердое основание полагать, что ответчик не сомневался в действительности сделки, а значит не было и умысла.

В ранее приведенных судебных решениях мы видим основания, в связи с которыми суд зачастую отказывает в удовлетворении заявленных требований истца и практически всегда причины отказа судом в удовлетворении иска аналогичны. В связи с этим возникает вопрос о том, какие же нужны доказательства умышленного обмана, введения в заблуждение, повлекших заключение сделки, которую истец не

заключил бы зная действительное положение дел в соответствии с современным российским гражданским законодательством? Дело, рассмотренное Туапсинским районным судом Краснодарского от 3 февраля 2020 г. № 2-1813/2019 [5] частично дает на него ответ.

Истец обратился в суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи земельного участка, расположенного на нем гаража и применении последствий недействительности сделки, прекращении права собственности ответчика. Свои требования сторона истца обосновывает следующим. Между истцей и ответчиком заключен договор купли-продажи земельного участка и расположенного на нем гаража. Переход права собственности зарегистрирован. Истица приобретала указанную недвижимость с целью осуществления строительства на земельном участке и реконструкции гаража. Однако, после приобретения, она выяснила, что строительство на спорном земельном участке невозможно, так как имеются обременения в виде охранной зоны тепловых сетей и газопровода. О том, что истица собирается использовать земельный участок для строительства, ответчик знал до заключения договора купли-продажи. В связи с чем, считает, что сделка совершена под влиянием обмана и является недействительной.

Суд, выслушав стороны, исследовав материалы дела, удовлетворил заявленные требования по следующим основаниям. В судебном заседании было достоверно установлено, что покупатель не был поставлен в известность продавцом о наличии обременения земельного участка в виде охранной зоны подземного газопровода низкого давления, а также наличия обременения в виде охранной зоны тепловых сетей, в связи с чем, проведение строительных и земляных работ, запрещено. Однако отметим, что ответчик признал требования и готов возратить денежные средства за гараж и земельный участок, так как знал, что на земельном участке имеется охранный зона и строительство там невозможно. Поэтому удовлетворяя требований истца суд исходит также из требований ч.3 ст.173 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [6], в соответствии с которой при признании ответчиком иска и принятии его судом принимается решение об удовлетворении заявленных истцом требований.

Приведенное судебное решение один из тех редких случаев, когда иск был удовлетворен судом и нарушенное право было должным образом восстановлено. Стоит обратить внимание на то, что обязательным условием применения положений п. 2 ст. 179 ГК РФ является наличие умысла на совершение обмана, что также закреплено в п.99 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации №25 [7]. Обман представляет собой умышленное введение другой стороны в заблуждение с целью вступить в сделку. Он приобретает юридическое значение тогда, когда к нему прибегают, как к средству склонить другую сторону к совершению сделки, что и имело место быть в данной ситуации. Но, к сожалению, не всегда ответчик признает иск, в связи с чем доказать его противоправное, недобросовестное действие становится весьма затруднительно и именно поэтому в большинстве случаев суд признает не подлежащим удовлетворению иск в связи с отсутствием необходимых доказательств, а нарушенное право так и остается невозвращенным.

Таким образом, споры о признании сделок недействительными по причине заблуждения и обмана характеризуются: во-первых, сложностью доказывания того, что сделка совершена под влиянием обмана или заблуждения, во-вторых, отсут-

ствием законодательно закрепленных признаков, которые могут учитываться при определении заблуждения и обмана в совершенной сделке.

Анализ судебной практики свидетельствует о следующих обстоятельствах, влияющих на удовлетворение исковых требований: 1) корректность избранного истцом способа защиты нарушенного права и должные доказательства наличия обмана и заблуждения; 2) прямое отношение к сделке лица, право, которого нарушено.

Обобщая вышесказанное стоит отметить, что в результате анализа судебной практики выявлены основные особенности рассмотрения исков о признании сделки недействительной по причине обмана и заблуждения. В соответствии с гражданским законодательством сделки, совершенные под влиянием обмана и существенного заблуждения являются оспоримыми. Следовательно, на стороне истца лежит бремя доказывания наличия по отношению к нему обмана или факта его существенного заблуждения относительно природы сделки, что, как видно из анализа судебной практики представляется весьма сложным. Дополнительные устные договоренности фактически недоказуемы. В большинстве случаев истцы не понимали в полной мере происходящего при заключении сделки с ответчиком, но суд не мог удовлетворить исковые требования, так как правовых оснований не имелось, а, значит, нормы ГК РФ, регулирующие данные отношения несовершеннолетние, поскольку сложно доказать факт обмана и существенного заблуждения. Для совершенствования гражданско-правового регулирования вопроса наличия обмана и заблуждения относительно природы сделок представляется необходимым: детализировать и конкретизировать законодательство в части регулирования данных отношений, закрепить перечень признаков и обстоятельств, которые могут указывать на обман и заблуждение при совершении сделки, тогда судьям в большей степени представится возможность оперировать нормами закона, а не собственными суждениями при анализе аргументов и вынесении справедливого решения. Такая мера создаст условия для восстановления прав лиц, чьи права и охраняемые законом интересы были нарушены.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (в ред. 21.12.2021) //Собрание законодательства Российской Федерации, 5 декабря 1994 года, №32, Ст. 178-179.
2. Решение Ленинского районного суда Республики Башкортостан от 7 июля 2020 г. №2-1330/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3cgnWeGzunJr/> (дата обращения - 23.12.2021)
3. Решение Энгельского районного суда Саратовской области от 23 июля 2020 г. № 2-1033/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FOtsxQcTVdmQ/> (дата обращения - 21.12.2021)
4. Решение Полевского городского суда Свердловской области от 17 июля 2020 г. № 2-456/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QuezkIwXhdP6t/> (дата обращения - 24.12.2021)
5. Решение Туапсинского районного суда Краснодарского края от 3 февраля 2020 г. № 2-1813/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ERvsaDOP0kJp/> (дата обращения - 01.12.2021).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2015 г., N 8.

Ablyatipova N.A., Grigorchuk N.V. Confusion and deception as conditions for invalidity of transactions: analysis of judicial practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 216-222.

The article examines the features of the protection of the rights of subjects that have entered into a deal under the influence of delusion and deception. As a result of the analysis of judicial practice, the main features of consideration of lawsuits on the recognition of the transaction invalid due to deception and delusion are revealed. The main circumstances affecting the satisfaction of the claims are allocated. It was noted that disputes on the recognition of transactions invalid due to delusion and deception are characterized by: first, the complexity of proving that the transaction is perfect under the influence of deception or delusion, secondly, the lack of legislatively enshrined features that may be taken into account when determining delusion and deception in Perfect transaction. Based on the analysis of judicial practice, the conclusion is formulated about the need to detail and concretize the legislation in terms of regulating these relations, consolidate a list of signs and circumstances that may indicate deception and delusion when making a transaction.

Keywords: error, deception, invalidity of the transaction, evidence, judicial practice.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 goda №51-FZ (v red. 21.12.2021) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 5 dekabrya 1994 goda, №32, St. 178-179.
2. Reshenie Leninskogo raionnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 7 iyulya 2020 g. №2-1330/2020 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3cgnWeGzunJr/> (data obrashcheniya - 23.12.2021)
3. Reshenie Engel'sskogo raionnogo suda Saratovskoi oblasti ot 23 iyulya 2020 g. № 2-1033/2020. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FOtsxQcTVdmQ/> (data obrashcheniya - 21.12.2021).
4. Reshenie Polevskogo gorodskogo suda Sverdlovskoi oblasti ot 17 iyulya 2020 g. № 2-456/2020. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QezkIwXhdP6t/> (data obrashcheniya - 24.12.2021).
5. Reshenie Tuapsinskogo raionnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 3 fevralya 2020 g. № 2-1813/2019. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ERvsaD0P0kJp/> (data obrashcheniya - 01.12.2021).
6. Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 30.12.2021) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 18 noyabrya 2002 g. N 46 st. 4532.
7. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" // Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii, avgust 2015 g., N 8.

УДК 347.214.2

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-223-229

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ НЕДВИЖИМОЙ ВЕЩИ И ЕЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Аблятинова Н. А., Федоровский М. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье изучается понятие недвижимой вещи, исследуется правовой статус недвижимости до государственной регистрации прав на нее. Анализируя понятие недвижимости, авторами выделены основные критерии, характеризующие недвижимость, закрепленные в гражданском законодательстве и судебной практике. Отмечено, что имущественные права, в частности, право собственности, закрепляются за определенными субъектами гражданского права путем государственной регистрации, выделены значение и функции регистрации. Авторами проанализированы особенности определения правового статуса недвижимости в отношении объекта строительства и вновь созданного объекта. На основе анализа действующего гражданского законодательства и судебной практики сформулирован вывод о необходимости более детальной проработки понятийного аппарата недвижимости и ее правового статуса до момента регистрации прав на нее.

Ключевые слова: недвижимость, недвижимое имущество, государственная регистрация недвижимости, объекты капитального строительства, земля, право собственности.

Русский ученый-цивилист Шершеневич Г.Ф. в своих сочинениях говорит о том, что недвижимые вещи, в сравнении с движимыми, имеют бóльший вес в гражданском обороте. Он отмечает, что значение недвижимости сформировалось исторически: со времен Средних веков преобладающее значение, прежде всего, земли как объекта недвижимости, повлияло на формирование определенных отличий между сделками по движимым вещам и сделками по недвижимости [1]. Трудно не согласиться с данными выводами, поскольку расцвет феодализма действительно придал огромное значение отношениям, связанным с землей и недвижимыми вещами в целом. Сегодня недвижимость остается неотъемлемой частью гражданского оборота, выполняет важные политико-экономические функции в обществе, поэтому пристальное изучение вопросов, связанных с объектами недвижимости вполне оправдано.

Вопрос о правовом статусе недвижимых вещей до государственной регистрации соответствующих вещных прав является предметом дискуссии среди многих современных цивилистов. Отчасти это связано с отсутствием правовой регламентации и детальных разъяснений высших судов касательно данной проблематики, поскольку рассматривать вопрос можно с различных позиций. В этой статье мы затронем некоторые из аспектов правового статуса недвижимости до государственной регистрации прав на эти объекты.

Прежде всего обратимся к определению недвижимой вещи, которое предложено законодателем. Согласно п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), под недвижимой вещью (недвижимым имуществом, недвижимостью) понимается земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей – здания, сооружения, объекты незавершенного строительства [2]. При этом

«прочная связь с землей» обеспечивается наличием фундамента, стационарных коммуникаций, постоянной органической или механической связью с участком земли.

Следовательно, основным признаком недвижимости является невозможность перемещения без несоразмерного ущерба назначению. Однако история (например, проект по передвижению домов на Тверской улице в Москве в 30-е годы XX в. с целью реализации плана по реконструкции столицы) и тем более современный уровень технологического прогресса опровергают данный признак. В связи с этим ряд современных ученых приходят к выводу, что толкование понятия, закрепленное п. 1 ст. 130 ГК РФ, не стоит понимать буквально, так как практически любые объекты недвижимости возможно переместить в пространстве без нанесения ущерба их назначению.

Полагаем, необходимо конкретизировать признак «невозможности перемещения» недвижимого имущества неизменностью основных сведений о данном объекте, что позволяет его охарактеризовать как индивидуально-определенную вещь. Согласно ст. 8 Федерального закона от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3] (далее – ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») в кадастр недвижимости вносятся основные и дополнительные сведения об объекте недвижимости, в частности к основным индивидуализирующим сведениям относятся вид, кадастровый номер, описание местоположения, основная характеристика объекта недвижимости (протяженность, глубина, глубина залегания, площадь, объем, высота, площадь застройки) и другие сведения.

По смыслу п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], не относятся к недвижимости различные улучшения земельного участка, такие как замощения, асфальтированные площадки, каналы, траншеи и тому подобное, по той причине, что они не выполняют самостоятельных функций и образуют с земельным участком неделимую вещь (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Различные временные модульные, сборно-разборные конструкции мы также не можем отнести к недвижимому имуществу потому, что они могут быть разобраны и перемещены с одного места на другое без значительного ущерба. Такими конструкциями являются различного рода теплицы, беседки, арочные сооружения и подобное. Свое подтверждение данная идея находит в судебных решениях, в частности, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 декабря 2007 г. N Ф08-7953/07[5], содержит доводы о том, что щитовые дома, отличающиеся быстрой возводимостью, не являются недвижимым имуществом, а по особенностям конструкции, исполнения и видам материалов, используемых при возведении, представляют собой сборно-разборные конструкции, которые возможно демонтировать без несоразмерного ущерба их назначению и смонтировать в другом месте. Так, данные сведения позволяют говорить о том, что подобные конструкции и сооружения не относятся к недвижимому имуществу, в соответствии со ст. 130 ГК РФ.

Стоит отметить, что в ряде случаев квалификация на первый взгляд сборно-разборного сооружения может быть затруднена конкретными обстоятельствами, поскольку даже наличие фундамента у такой конструкции не может ее характеризо-

вать как недвижимость. Например, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.03.2008 N Ф08-1203/08 [6], позволяет нам утверждать, что наличие капитального фундамента у такой конструкции как легко-возводимый киоск не является признаком недвижимой вещи, поскольку такого рода фундамент может быть и у временных сооружений. Исходя из этого, мы полагаем, что законодателю необходимо конкретизировать признаки временных сборно-разборных конструкций во избежание различных подходов судов к разрешению подобных дел.

Таким образом, легальное определение недвижимой вещи, безусловно, соответствует действительности, однако стоит уточнить, что недвижимая вещь должна характеризоваться неизменностью основных сведений о себе, включаемые в кадастр недвижимости, которые предполагают неизменное нахождение данного объекта недвижимости на том участке земли, где он был установлен. Отметим также, что перемещение без несоразмерного ущерба объекта недвижимости, который в обычных условиях прочно связан с землей (здания, строения) невозможно без использования тяжелой строительной техники и инженерных сооружений, чего нельзя сказать о движимых вещах, включая легковозводимые конструкции.

Правовой статус недвижимой вещи трудно представить без наличия соответствующих прав субъектов правоотношений на такие объекты гражданского права. Одним из таких является право собственности, которое наделяет своего носителя правами владения, пользования и распоряжения своим имуществом, что предусмотрено п. 1 ст. 209 ГК РФ. Согласно ст. 219 ГК РФ, для получения данного права на недвижимую вещь субъекту правоотношений необходимо пройти процесс государственной регистрации [2]. Обратимся к определению, которое дает нам законодатель.

Как закреплено ч. 3 ст. 1 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», государственная регистрация прав на недвижимость – это юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества. Государственная регистрация прав осуществляется посредством внесения в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН) записи о праве на недвижимое имущество, сведения о котором внесены в ЕГРН, что предусмотрено ч. 4 ст. 1 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3].

Необходимо упомянуть о задачах, которые выполняются посредством государственной регистрации прав на недвижимое имущество.

Прежде всего необходимо отметить, что данная процедура создана с целью придать обороту недвижимых объектов особую прочность путем обеспечения предсказуемости и надежности гражданского оборота за счет наличия полной, достоверной и гласной информации о правах на недвижимое имущество. Государственная регистрация, кроме этого, преследует цель по защите прав собственников недвижимости, а также прав лиц, за которыми в ЕГРН зафиксированы обременения. Отметим также, что за счет доступности сведений об участниках гражданских правоотношений, которые содержатся в ЕГРН, гражданский оборот становится прозрачным, чем достигается безопасность сделок с недвижимостью.

Нельзя не сказать и о превентивной функции, которая выражается в предотвра-

щении противоправных действий за счет четко установленного государством порядка ее прохождения. Наконец, процесс государственной регистрации способствует реализации фискальной функции государства, так как Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии направляет информацию об извлекаемых доходах участников регистрируемой сделки по поводу недвижимого имущества в Федеральную налоговую службу, что закреплено ст. 6 Соглашения Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и Федеральной налоговой службы от 3 сентября 2010 г. N ММВ-27-11/9/37 «О взаимодействии и взаимном информационном обмене Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и Федеральной налоговой службы» [7].

Переходя к анализу правового статуса недвижимых объектов до момента государственной регистрации, мы можем предположить, что земля как объект недвижимости не имеет этапа в своем правовом существовании, при котором она не будет иметь собственника (за исключением случаев, когда земельный участок выступает в качестве бесхозяйной вещи, согласно ст. 225 ГК РФ). Этот феномен можно объяснить тем, что вся земля, которая не находится в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований является государственной собственностью, что закреплено п. 2 ст. 214 ГК РФ. Тем самым, земля находится всегда в чьей-либо собственности: будь это граждане, юридические лица или публично-правовые образования.

Иначе ситуация обстоит со зданиями, сооружениями и объектами незавершенного строительства. Данные объекты недвижимости, в отличие от земельных участков, в определенный период времени могут быть созданы, в связи с чем появится необходимость в их государственной регистрации.

Чтобы детальнее изучить вопрос о статусе здания или сооружения как объекта недвижимости (объектов капитального строительства), попытаемся выделить этапы их существования от момента создания до момента государственной регистрации права на такой объект.

В первую очередь, застройщик объекта капитального строительства в соответствии со ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [8] обязан получить соответствующее разрешение на строительство объекта уполномоченным государственным или муниципальным органом. Затем, вновь создаваемый объект недвижимости проходит этап строительства, по завершению которого застройщик получает в соответствии со статьей 55 ГрК РФ разрешение на ввод объекта в эксплуатацию, удостоверяющее выполнение строительства объекта капитального строительства в полном объеме в соответствии с разрешением на строительство, проектной документацией, а также соответствие построенного, реконструированного объекта капитального строительства предписанным требованиям [8]. С этого момента объект капитального строительства считается вновь созданным объектом.

Согласно Определению Верховного Суда РФ от 2 октября 2018 г. N 308-ЭС18-14659 по делу N А32-8199/2017[9], а также ч. 10 ст. 40 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», соблюдение всех установленных законом требований к строительству объектов недвижимости, в том числе и получение разрешения на ввод такого объекта в эксплуатацию, наличие правоустанавливающих документов на земельный участок, на котором производится строительство, являются важными

условиями, без которых невозможна последующая государственная регистрация прав на такое имущество. Поэтому только после того как в отношении соответствующего объекта капитального строительства получено разрешение на ввод в эксплуатацию и у застройщика зарегистрировано право собственности на земельный участок, на котором проводилось строительство, возможна государственная регистрация права собственности на данный объект. Так, с того момента как вновь созданный объект недвижимости пройдет государственную регистрацию, он обретает статус имущества, имеющего собственника [10].

Для объекта незавершенного строительства свойственны особенности государственной регистрации прав на него, которая осуществляется на основании разрешения на строительство такого объекта и правоустанавливающего документа на земельный участок, на котором расположен такой объект недвижимости, что закреплено ч. 10 ст. 40 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Таким образом, в существовании объекта незавершенного строительства будет отсутствовать ступень с выдачей разрешения на ввод в эксплуатацию данного объекта, которая имеет место в случае, если бы строительные работы на объекте были завершены.

Стоит отметить, что в любом из перечисленных случаев несвоевременная подача необходимых сведений для создания записи в ЕГРН с целью государственной регистрации прав на объект недвижимости, имеет место быть нарушением целей данной процедуры, о которых нами было сказано выше, а также привести к ограничению иных вещных прав субъектов гражданских правоотношений.

Примером этому может послужить дело Нанайского районного суда [11], связанное с гибелью сельскохозяйственных культур в связи с затоплением, вызванным стихийным бедствием. Истцы, чей земельный участок подвергся затоплению, обратились в суд с целью получить возмещение ущерба, причиненного их имуществу, однако в связи с тем, что право собственности истцов на земельный участок зарегистрировано не было, суд отказал в назначении компенсации ущерба.

Так, соблюдение правил государственной регистрации прав на недвижимое имущество, во-первых, является фактом соблюдения субъектами правоотношений действующего законодательства, и, во-вторых, является гарантией реализации иных прав, которые принадлежат этим субъектам по закону.

В ходе рассмотрения правового статуса недвижимой вещи главный вопрос — с какого момента об объекте строительства мы можем говорить, как о недвижимой вещи? В научных кругах наиболее распространена точка зрения, что объект капитального строительства мы являемся недвижимостью лишь после государственной регистрации права на такой объект. То есть до этого момента приверженцы такой теории воспринимают объект строительства как совокупность строительных материалов и конструкций, созданных трудом человека.

Мы полагаем, что сторонники данной идеи подходят к данному вопросу с юридической точки зрения. То есть в юридическом понимании до того момента, как объект строительства не прошел государственную регистрацию, как объект гражданского оборота, он не существует в правовом поле. Однако фактически, объект строительства становится недвижимостью еще до момента государственной регистрации. Такой точки зрения придерживается Пленум Верховного суда РФ. Согласно п. 38 Постановления Пленума ВС РФ N 25, для признания «правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства), необ-

ходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы» [4]. Таким образом, мы можем говорить об объекте строительства как о недвижимой вещи уже с момента заложения фундамента строения и завершению работ по проведению основных коммуникаций.

Следовательно, до момента государственной регистрации вновь создаваемая недвижимость может иметь два статуса: объект строительства (после получения соответствующих разрешений на возведение) и вновь созданный объект (после получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию) – после чего недвижимость может быть зарегистрирована в качестве имущества, которое вправе называться недвижимостью уже после сооружения фундамента и проведения основных коммуникаций.

Тем не менее судебная практика неоднозначна, теоретики и практики не могут найти единообразного понимания нормы о правовом статусе недвижимого имущества до его регистрации. Продолжаются также споры о значении записи в реестре, в результате поделив правоведов на два лагеря, поддерживающих правоподтверждающий или порождающий эффект регистрации. Считаем обоснованным считать, приобретение правового режима недвижимой вещи с момента внесения в реестр прав первой записи о праве собственности. Однако, полагаем недвижимость как значимая категория вещей в гражданском обороте не может допускать разрозненности в толковании и понятии, тем более при разрешении судебных споров. На законодательном уровне необходимо строго отграничить признаки недвижимого имущества, определить правовой статус недвижимости и установить порождающий принцип государственной регистрации, что позволяет выделить перспективные направления дальнейших исследований.

Возможно таким решением станет принятый 7 декабря 2021 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации во втором чтении Проект Федерального закона N 47538-6/12 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], который предусматривает введение с 1 марта 2023 года новых глав в ГК РФ – «Недвижимые вещи» и «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места». Грядущие изменения, на наш взгляд, окажут положительное влияние на регулирование правового статуса недвижимости и, в частности, до момента государственной регистрации, поскольку новеллы регламентируют момент возникновения вещных прав на недвижимое имущество, определяют изменения вещных прав, связанных с государственной регистрацией, а также принципы образования новых объектов недвижимости из уже существующих объектов.

Список литературы:

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М., 1907. Т. 1. 793с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 5 декабря 1994 года. №32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О государственной регистрации недвижимости" // Собрание законодательства Российской Федерации. 20 июля 2015 г. N 29 (часть I). Ст. 4344.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Российская газета. 30 июня 2015 г. N 140.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 декабря 2007 г. N Ф08-7953/07 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2021)

6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 марта 2008 г. N Ф08-1203/08 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2021)
7. Соглашение Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и Федеральной налоговой службы от 3 сентября 2010 г. N ММВ-27-11/9/37 "О взаимодействии и взаимном информационном обмене Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и Федеральной налоговой службы" // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/ptdsogl/10464255/ (дата обращения: 09.12.2021)
8. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 3 января 2005 г. N 1 (часть I). Ст. 16
9. Определение Верховного Суда РФ от 2 октября 2018 г. N 308-ЭС18-14659 по делу N А32-8199/2017 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2021)
10. Корнилевская Н.А. Правовой режим объектов вновь создаваемого недвижимого имущества // Юрист-Правовед. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2008, № 1. - С. 34-39
11. Решение Нанайского районного суда Хабаровского края № 2-306/2020 2-306/2020-М-309/2020 М-309/2020 от 28 сентября 2020 г. по делу № 2-306/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/glquWEqIKk2/> (дата обращения: 09.12.2021)
12. Проект Федерального закона N 47538-6/12 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 09.12.2021)

Ablyatipova N. A., Fedorovsky M. A. Problem aspects of determining the concept of immovable thing and its legal status before state registration // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 223-229.

The article studies the concept of immovable things, exploring the legal status of real estate to state registration of rights to it. Analyzing the concept of real estate, the authors highlighted the main criteria characterizing real estate enshrined in civil law and judicial practice. It was noted that property rights, in particular, ownership, are enshrined for certain subjects of civil law through state registration, the value and function of registration are allocated. The authors analyzed the features of determining the legal status of real estate regarding the construction object and the newly created object. Based on the analysis of the current civil legislation and judicial practice, the conclusion about the need for a more detailed study of the conceptual apparatus of real estate and its legal status before the registration of rights to it.

Keywords: real estate, real estate, state registration of real estate, capital construction facilities, land, ownership.

Spisok literatury:

1. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava: v 2 t. М., 1907. Т. 1. 793s.
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021) // Sbornie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 5 dekabrya 1994 goda. №32. St. 3301.
3. Federal'nyi zakon ot 13.07.2015 N 218-FZ (red. ot 02.07.2021) "O gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti" // Sbornie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 20 iyulya 2015 g. N 29 (chast' I). St. 4344.
4. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 g. N 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" // Rossiiskaya gazeta. 30 iyunya 2015 g. N 140.
5. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 5 dekabrya 2007 g. N F08-7953/07 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 09.12.2021)
6. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 18 marta 2008 g. N F08-1203/08 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 09.12.2021)
7. Soglasenie Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi registratsii, kadastra i kartografii i Federal'noi nalogovoi sluzhby ot 3 sentyabrya 2010 g. N ММВ-27-11/9/37 "O vzaimodeistvii i vzaimnom informatsionnom obmene Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi registratsii, kadastra i kartografii i Federal'noi nalogovoi sluzhby" // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/ptdsogl/10464255/ (data obrashcheniya: 09.12.2021)
8. Gradostroitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 N 190-FZ (red. ot 02.07.2021) // Sbornie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 3 yanvarya 2005 g. N 1 (chast' I). St. 16
9. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 2 oktyabrya 2018 g. N 308-ES18-14659 po delu N А32-8199/2017 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 09.12.2021)
10. Kornilevskaya N.A. Pravovoi rezhim ob"ektov vnov' sozdavaemogo nedvizhimogo imushchestva // Yurist"-Pravoved". - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2008, № 1. - С. 34-39
11. Reshenie Nanaiskogo raionnogo suda Khabarovskogo kraya № 2-306/2020 2-306/2020-М-309/2020 М-309/2020 от 28 sentyabrya 2020 g. po delu № 2-306/2020 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/glquWEqIKk2/> (data obrashcheniya: 09.12.2021).

УДК 340.5

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-230-233

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Галкин А. Г., Приходько Э. О.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

В данной статье будут изучены пробелы и недочеты в законодательстве Российской Федерации, основные причины их наличия и пути решения. Путем исследования и анализа опыта зарубежного законодательства в области урегулирования арендных отношений земель с\х назначения, мы рассмотрим аспекты, которые возможно внедрить в нынешнее отечественное законодательство. Также дадим характеристику договору аренды сельхозземель, отражая существенные условия. На примере действующего права различных государств сравним российские нормы и выявим их различия.

Ключевые слова: договор аренды, земли сельскохозяйственного назначения, зарубежное законодательство, земельный участок.

В настоящее время число судебных споров касаясь аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения активно растет (далее – участок, с\х, сельскохозяйственные назначения, сельхозземля). Объясняется это недооценкой права аренды земель сельскохозяйственного назначения, с не проработанностью теоретической стороны института аренды данной категории земель, в том числе отсутствие в стране опыта правового регулирования аренды земель данного назначения, невнимание к опыту других стран. Однако следует учитывать, что именно договоры аренды в отношении земель сельхозназначения имеют больше преимуществ, нежели договоры купли-продажи. Это рассматривается через два аспекта: 1) приобретение земли в частную собственность потребует разом больших затрат, аренда напротив же позволяет распределять траты планомерно, а также вкладывать средства в производство, не инвестируя все в покупку земли; 2) при использовании земельного участка по назначению, не происходит зарастание сорной травянистой растительностью, что впоследствии не приводит к порче земли. Анализируя земельные отношения западных стран, мы замечаем тенденцию законодательно ограничить права собственника земли. К примеру, в Эстонии большая часть участков находится в аренде у государства, т.к. приватизация земли еще не завершена, а в Литве государство занимает лидирующее место среди поставщиков земли на рынке аренды [1;136].

Согласно докладу, подготовленному Росреестром, площадь земельного фонда Российской Федерации по состоянию на 1 января 2020 г. составила 1 579,5 млн га (92,2% от всей площади земельного фонда), а у организаций – 21 859,2 тыс. га (1,3%). При этом доля земельных участков, которыми владеют граждане, уменьшилась на 975 тыс. га (6,5%), это объясняется тем, что произошло перераспределение земель, ввиду выкупа юридическими лицами участков, предоставленных им на праве аренды, а также выкупом у граждан долей в праве общей собственности на участки из земель сельхозназначения [2].

Страны Западной Европы имеют иную статистику: право собственности в общей площади землепользования сельскохозяйственных угодий достигает 65%, аренды – 33%. Заметим, что показатели по странам очень разнятся: от практически полного отсутствия аренды (Ирландия) до аренды более половины территории (Франция, Бельгия) [3].

Заинтересованность государства помимо извлечения прибыли в соответствующий бюджет и постоянной эксплуатации земли в целях сохранения плодородия, рационального использования и т.д. – решение проблем продовольственной безопасности страны.

Говоря о российском законодательстве, аренда сельхозземель регламентирована Гражданским кодексом РФ, Земельным кодексом РФ, Федеральным законом от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и иными нормативно-правовыми актами, которые применяются в совокупности (далее – ГК РФ, Федеральный закон № 101 соответственно). Зарубежное законодательство делит нормы на общие и специальные по отношению к данной категории. К примеру, во Франции правовую базу, регулиующую аренду с/х земель составляет Гражданский и Аграрный кодексы, законы об ориентации сельского хозяйства (1960-1962 гг., 1980 г.), закон о паритетных судах сельскохозяйственной аренды, закон об адаптации сельскохозяйственного предприятия к окружающей его экономической и социальной среде (1988 г.). Специальным актом арендного законодательства Италии можно указать Закон от 11.02.1971 «О сельскохозяйственной аренде»; в Дании принят Закон «О сельскохозяйственном землепользовании» [4].

Необходимо отметить разницу в сроках арендных договора земельных участков. В части 3 статьи 9 Федерального закона № 101 указано, что договор аренды для сельхозземель, которые находятся в собственности государства или муниципалитета, заключается на срок от 3 до 49 лет, за исключением установленных законом случаев, а для сенокосения и выпаса скота – до 3 лет [5]. Однако отсутствует законодательное урегулирование минимального и максимального сроков аренды для сельхозземель, находящихся в частной собственности. По-нашему мнению, наличие такого пробела с одной стороны, предоставляет свободу договора (п. 4 ст. 421 ГК РФ) [6], но с другой стороны, не обеспечивает гарантии для арендаторов, которые несут крупные финансовые затраты на поддержание земельного участка в пригодном для сельхозпроизводства состоянии. При исследовании срока окупаемости земель, выделяют три периода для договора аренды участков: до 6 лет; от 6 до 12 лет; более 12 лет [7; 59-64].

Рассмотрим пример иного правового регулирования. Согласно статье 46 Кодекса Туркменистана «О земле», в долгосрочную аренду сроком на 10 лет и более предоставляются орошаемые земли крестьянских объединений и других с/х предприятий. В частную собственность гражданам Туркменистана предоставляются участки для производства с/х продукции – из земель, ранее используемых на условия долгосрочной аренды в силу решений Президента Туркменистана (ст. 23 кодекса). Арендаторы-граждане Туркменистана, использующие арендуемые земли плодотворно на протяжении 10 лет и получающие высокий урожай, по решению Президента могут претендовать на получение в частную собственность участок до 3 га с правом наследования для производства сельхоз продукции ранее используемого на условиях долгосрочной аренды крестьянских объединений и других с/х предприятий (ст.

27 кодекса) [8]. Т.е. у Туркменистана, в отличие от России, аренда с\х земли из частной собственности не предусмотрена, однако с учетом условий может быть передана в собственность с правом наследования, в России же арендатор, который надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора аренды имеет при прочих равных условиях преимущественное право на заключение договора аренды на новый срок. Также в отличие от субъекта, предоставляющего участки, разница видна в сроках, где российский минимальный срок заметно ниже.

Также необходимо отразить существенные условия договора аренды земельных участков: в России и зарубежных странах. В соответствии с законодательством РФ, существенными условиями признаются: условия о предмете и объекте аренды (п. 2 ст. 432, п. 3 ст. 607 ГК РФ), о размере арендной платы (п. 12 ст. 22 ЗК РФ); иные условия, названные в правовом акте как существенные или необходимые, а также условия, по которым по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (п. 1 ст. 432 ГК РФ, п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 [9]).

Так, по Закону Кыргызской Республики «Об управлении землями сельскохозяйственного назначения» объектами договора аренды признаются: земельные доли и участки с\х назначения, однако особенности, которыми должен обладать земельный участок, не раскрываются [10]. Согласно статье 607 ГК РФ, аренде подлежат земельные участки и другие обособленные природные объекты, с указанием местонахождения (адреса), кадастрового номера, площади, категории земли и вида разрешенного использования – для их индивидуализации. Заметим, что отечественный законодатель прописывает норму более конкретно.

В соответствии со статьей 22 Закона Украины «об аренде земли», арендная плата может взиматься в денежной, натуральной и отработочной (предоставление услуг арендодателю) формах. Стороны могут предусмотреть в договоре аренды сочетание разных форм арендной платы [11]. Статья 614 ГК РФ устанавливает арендную плату в виде: твердой суммы платежей (периодически или единовременно); долей полученных продукции, плодов или доходов в период использования арендованного имущества; предоставления арендатором определенных услуг; передачи арендодателю вещи в собственность или в аренду; и возложения на арендатора затрат на улучшение арендованного имущества. И снова видна разница, где нормы российского права раскрывают весь аспект данного вопроса.

Таким образом, сравнительный анализ отношений аренды в сфере сельского хозяйства в Российской Федерации и некоторых зарубежных государствах позволяет определить более выгодные условия, которые целесообразно учитывать, а также увидеть положительную тенденцию развития отечественного законодательства. Подводя итог, можно выделить особенности правового регулирования договора аренды сельхозземель иностранных государств: наличие специализированного законодательства об аренде земель либо о сельскохозяйственной аренде; в целях защиты интересов арендатора в необходимых случаях допускается ограничение свободы договора аренды и другие указанные аспекты.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е.Н. Абанина, Н.Н. Аверьянова, А.П. Анисимов и др.; под общ. ред. А.П. Анисимова. М.: Юстицинформ. – 2020. – 800 с.
2. Официальный сайт Росреестра. [Электронный ресурс] // URL.: rosreestr.gov.ru.

3. Белякова А.М. Опыт аренды земель сельскохозяйственного назначения в странах Евросоюза и в США. // Научный журнал: Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013.
4. Чаплин Н.Ю. Основы правового регулирования земельных отношений в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. – № 3. – С. 98-112.
5. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: федерал. закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Российская газета. – № 137. – 2002.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федерал. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Желясков А.Л., Сетуридзе Д.Э. Актуальные проблемы использования сельскохозяйственных угодий и пути их решения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2017. – № 8. – С. 59-64.
8. Министерство адалат Туркменистана [Электронный ресурс] // URL.: http://www.minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8375.
9. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // Российская газета. – № 4. – 2019.
10. Об управлении землями сельскохозяйственного назначения: закон Кыргызской Республики от 11.01.2001 № 4 // Министерство Юстиции Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // URL.: cbd.minijust.gov.kg.
11. Земельный кодекс Украины от 25.10.2001 // Ведомости Верховной Рады. – 2002. – № 3-4. – Ст. 27.

Galkin A. G., Prihod'ko E. O. Comparative analysis of agricultural land lease: domestic and foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 230-233.

This article will study the gaps and shortcomings in the legislation of the Russian Federation, the main reasons for their presence and solutions. By researching and analyzing the experience of foreign legislation in the field of settlement of lease relations of agricultural land, we will consider aspects that can be introduced into the current domestic legislation. We will also give a description of the agricultural land lease agreement, reflecting the essential conditions. Using the example of the current law of various states, we will compare Russian norms and identify their differences.

Key words: lease agreement, agricultural land, foreign legislation, land plot.

Spisok literatury:

1. Aktual'nye problemy teorii zemel'nogo prava Rossii: monografiya / E.N. Abanina, N.N. Aver'yanova, A.P. Anisimov i dr.; pod obshch. red. A.P. Anisimova. M.: YUsticinform. – 2020. – 800 s.
2. Oficial'nyj sajt Rosreestra. [Elektronnyj resurs] // URL.: rosreestr.gov.ru.
3. Belyakova A.M. Opyt arendy zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya v stranah Evrosoyuzha i v SSHA. // Nauchnyj zhurnal: Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij. – 2013.
4. CHaplin N.YU. Osnovy pravovogo regulirovaniya zemel'nyh otnoshenij v Rossii i zarubezhnyh stranah // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. – № 3. – S. 98-112.
5. Ob oborote zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya: federal. zakon ot 24.07.2002 № 101-FZ // Rossijskaya gazeta. – № 137. – 2002.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): federal. zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ // SZ RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.
7. Zhelyaskov A.L., Seturidze D.E. Aktual'nye problemy ispol'zovaniya sel'skohozyajstvennyh ugodij i puti ih resheniya. // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. – 2017. – № 8. – S. 59-64.
8. Ministerstvo adalat Turkmenistana [Elektronnyj resurs] // URL.: http://www.minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8375.
9. O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 49 // Rossijskaya gazeta. – № 4. – 2019.
10. Ob upravlenii zemlyami sel'skohozyajstvennogo naznacheniya: zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 11.01.2001 № 4 // Ministerstvo YUsticii Kyrgyzskoj Respubliki [Elektronnyj resurs] // URL.: cbd.minijust.gov.kg.
11. Zemel'nyj kodeks Ukrainy ot 25.10.2001 // Vedomosti Verhovnoj Rady. – 2002. – № 3-4. – St. 27.

УДК 347

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-234-237

ПРОЦЕСС ЦИФРОВИЗАЦИИ В НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Гулевич И. В., Власенко В. С.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье анализируется проблема цифровизации нотариальной деятельности в современных условиях. Авторами рассматривается имеющийся и уже широко применяющийся в нотариальной практике автоматизированную информационную систему (Единая информационная система нотариата – ЕИС), принадлежащую на праве собственности Федеральной нотариальной палате и предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия (обмена).

Авторы приходят к выводу, что именно активное становление института информационных технологий в целом, «электронного нотариата» в частности, дает возможность гражданам и юридическим лицам применять новые формы участия в гражданском обороте. Внедрение такой электронной системы как ЕИС, существенно помогает нотариусам оперативно решать общественные задачи, а гражданам быстро получать нужные им услуги.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная деятельность, цифровизация, закон, информационная система.

Нотариат как институт предупредительного правосудия, действующий исключительно в сфере бесспорной юрисдикции, обеспечивает от имени государства защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами нотариальных действий, предусмотренных законодательством [1, с. 6].

Ретроспективный анализ развития законодательства о нотариате показал, что последние 20 лет существования России как демократического правового государства с рыночной экономикой включали в себя несколько этапов, связанных с укреплением роли нотариуса в гражданском имущественном обороте. Изначально, нотариат создавался латинского типа, законодателем была частично заимствована европейская модель нотариата, при которой нотариус являлся активным участником гражданского оборота, что находило свое отражение в обязательном порядке нотариального удостоверения ряда сделок, в частности, связанных с недвижимостью. Однако по причине дополнительных финансовых затрат для субъектов гражданских правоотношений было минимизировано участие нотариуса в гражданском обороте, что получило отражение в пересмотре законодателем ряда положений в части нотариального удостоверения [2, с. 88-91].

В последнее время процесс цифровизации является главным направлением в развитии как экономики, так и государственного управления. Активное введение новых технологий помогает существенно оптимизировать производство, повысить показатели и в целом способствует улучшению качества жизни, поскольку помогает существенно сократить время для выполнения тех или иных поставленных задач, как перед обычным гражданином, которому нужно получить государственную услугу так и перед работником или государственным служащим, которому нужно оказать ту услугу. Учитывая современную проблему, с которой столкнулось миро-

вое сообщество в связи с распространением глобальной пандемии, бесспорно, стало еще одним фактором и причиной скорейшего развития темпов цифровизации.

Процесс цифровизации нотариата и постоянное развитие информационных технологий делают нотариальные услуги быстрее, доступнее и качественнее.

Внедрение новшеств и расширение цифровой составляющей в нотариальной деятельности, является важным направлением в развитии современного нотариата.

Базой для развития цифровой деятельности нотариата стало создание в 2014 году Единой информационной системы нотариата - масштабная электронная база нотариусов, которая помогает обеспечить оперативную проверку, а также хранение юридически значимых сведений, предотвратить мошеннические действия с нотариальными документами и, как следствие, стабилизировать гражданский оборот.

Единой информационной системой нотариата (далее – ЕИС) признается автоматизированная информационная система, принадлежащая на праве собственности Федеральной нотариальной палате и предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия (обмена). Оператором единой информационной системы нотариата является Федеральная нотариальная палата. В единую информационную систему нотариата подлежат включению сведения, в том числе в форме электронных документов, о совершении нотариальных действий, а также иные предусмотренные Основами законодательства Российской Федерации о нотариате сведения. Состав таких сведений определяется в соответствии с настоящими Основами [3].

На сегодняшний день, российский нотариат стал партнером электронного правительства. В рамках системы межведомственного электронного взаимодействия нотариат сотрудничает с Росреестром, ФНС, МВД, Центральном каталоге кредитных историй, банками и другими организациями.

У каждого нотариуса в Российской Федерации есть усиленная квалифицированная электронная подпись. Это позволяет создавать электронные юридически значимые документы, а также переводить документ из бумажного носителя в электронный, тем самым сохраняя его юридическую силу. Это удобно, когда, необходимо срочно передать из одного города или субъекта в другой, согласие на выезд ребенка или согласие одного из супругов на приобретение имущества, доверенность и другие виды документов.

Одним из популярных является реестр уведомлений о залоге движимого имущества, который гарантирует соблюдение прав всех участников залоговых отношений и является доступным способом защиты от чужих долгов. Информация в реестре достоверна, актуальна и что самое главное, имеет юридическую силу – это важно при возникновении судебных споров.

Пользуется также большим спросом и реестр проверки доверенностей, который был запущен в работу 1 января 2017 г. За полтора года работы в электронной базе данных нотариата зарегистрировано свыше 33 мил. доверенностей. С апреля 2018 г. данный сервис поиска доверенностей может быть также использован и для проверки доверенностей, удостоверенных должностным лицом консульского учреждения МИД РФ, главой местной администрации или представителем органов местного самоуправления.

Также с апреля 2018 г. заработал еще один бесплатный онлайн-сервис нотариата – реестр наследственных дел. Использование данного сервиса позволит облегчить жизнь как гражданам, которые могут легко и быстро найти нотариуса, который ведет дело конкретного наследодателя, но также этот сервис будет востребован также сотрудниками судебных органов, кредитных организаций, которые используют сведения о наследодателях [4].

Существенным шагом на этом пути стало принятие Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон), который закрепил целый ряд новшеств, связанные с переходом нотариата в цифровое поле.

Во-первых, в соответствии с положениями Закона допускается право нотариуса устанавливать личность гражданина, который, обратился к нему за совершением нотариального действия, посредством единой биометрической системы. Порядок установления личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица посредством такой биометрической системы определяется федеральным органом юстиции совместно с Федеральной нотариальной палатой по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий.

Во-вторых, также одной из новелл Закона является наделение нотариусов таким полномочием как хранение документации в электронном виде. То есть, с момента вступления Закона в силу, граждане, которые обращаются к нотариусам занимающихся частной практикой, смогут передавать на хранение файлы любых форматов. Это могут быть текстовые, графические, правоустанавливающие, программные коды и др. Для обращения за такой услугой, нужно направить заявление, которое подписано усиленной квалифицированной подписью, в Федеральную нотариальную палату через систему ЕИС.

В-третьих, Закон предусматривает возможность дистанционного удостоверения любых сделок двумя и более нотариусами. Если на практике возник случай, где необходимо удостоверение договора об отчуждении договора недвижимого имущества, то один из выбранных гражданами нотариусов должен находиться и осуществлять свою деятельность в том субъекте Российской Федерации, где находится нужный отчуждаемый объект недвижимости. Перед проведением удостоверения сделки, каждый нотариус должен установить волю сторон, разъяснить им их права и обязанности, смысл заключаемый между ними сделки, а также объяснить правовые последствия такого договора.

Для проведения сделки в таком формате, нотариусы в ЕИС создают проект договора. Они также изготавливают экземпляры договора на бумажном носителе для сторон договора, а также для внутреннего делопроизводства, к подшивку в архив нотариусов. Оплата за такую нотариальную услугу по дистанционному удостоверению совершается каждым участником. В последующем, если такая сделка будет признана судом недействительной, то нотариусы будут нести солидарную ответственность за ее законность. Данное положение Закона гарантирует сторонам сделки возмещение вреда, вызванной ошибкой нотариуса [1, с. 3].

Но может возникнуть такой вариант событий, что стороны, включая самих нотариусов могут не сойтись в мнении касаясь проекта и самого договора. Нотариусы, являющиеся лицами с высшим юридическим образованием, могут не сойтись в применении тех или иных норм при подготовке, а стороны, возможно, заходят дополнить такой договор своими условиями, что может либо затруднить исполнение договора, либо будет противоречить нормам действующего законодательства. В таком случае, на наш взгляд, выходом из данной ситуации будет обращение в суд и уже в судебном порядке, судья решит для договора лучший способ заключения либо обращение в нотариальную палату субъекта (при необходимости в Федеральную нотариальную палату) для того, чтобы другие нотариусы, которые занимаются частной практикой высказали свое мнение и свое видение относительно порядка заключения спорного договора, такой способ можно использовать при помощи проведения видео-конференц связи.

Благодаря развитию информационных технологий, «электронный нотариат» предлагает гражданам и юридическим лицам новые формы участия в гражданском обороте. Внедрение такой электронной системы как ЕИС, существенно помогает нотариусам оперативно решать общественные задачи, а гражданам быстро получать нужные им услуги.

Список литературы:

- 1.Круглый стол Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по правовым и судебным вопросам на тему "Современное состояние нотариата в Российской Федерации и проблемы его реформирования" (Редакционный материал) // Бюллетень нотариальной практики. 2010. № 2.
- 2.Казарян К.В. Институт нотариата в свете изменений в гражданский кодекс РФ.//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 2 (21). С. 88-91.
- 3.Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1)(ред. от 02.07.2021)(с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Российская газета. № 49, 13.03.1993
- 4.Электронный портал Федеральной нотариальной палаты <https://notariat.ru/ru-ru/news/edinaya-informacionnaya-sistema-notariata-chetyre-goda-operezhayushhego-razvitiya> (дата обращения: 03.05.2021)
- 5.Корсик К.А. Электронное взаимодействие с нотариусом: удаленный формат совершения нотариальных действий, дистанционное удостоверение сделок, хранение документов в «цифре»// Нотариальный вестник. 2020 № 3. С. 3-4.

Gulevich I.V., Vlasenko V. S. The digitalization process in notarial practice: modern trends // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 234-237.

The article analyzes the problem of digitalization of notarial activity in modern conditions. The authors consider the existing and already widely used in notarial practice automated information system (Unified Information System of Notaries - EIS), owned by the Federal Notary Chamber and intended for the complex automation of the collection processes, processing information about notarial activities and ensuring all types of information interaction (exchange).

Key words: notary, notarial activity, digitalization, law, information system.

Spisok literatury:

- 1.Kruglyj stol Komiteta Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii po pravovym i sudebnym voprosam na temu "Sovremennoe sostoyanie notariata v Rossijskoj Federacii i problemy ego reformirovaniya" (Redakcionnyj material) // Byulleten' notarial'noj praktiki. 2010. N 2.
- 2.Kazaryan K.V. Institut notariata v svete izmenenij v grazhdanskij kodeks RF.//Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2012. № 2 (21). S. 88-91.
- 3.Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 N 4462-1)(red. ot 02.07.2021)(s izm. i dop., vstup. v silu s 25.08.2021).// Rossijskaya gazeta. № 49, 13.03.1993
- 4.Elektronnyj portal Federal'noj notarial'noj palaty <https://notariat.ru/ru-ru/news/edinaya-informacionnaya-sistema-notariata-chetyre-goda-operezhayushhego-razvitiya> (data obrashcheniya: 03.05.2021).
- 5.Korsik K.A. Elektronnoe vzaimodejstvie s notariusom: udalennyj format soversheniya notarial'nyh dejstvij, distancionnoe udostoverenie sdelok, hranenie dokumentov v «cifre»// Notarial'nyj vestnik. 2020 № 3. S. 3-4.

УДК 347.441.62

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-238-243

ЗАПРЕТ НА ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЮ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТ ТОЛКОВАНИЯ ДОГОВОРА

Козлова Е. Б.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Автором рассматривается вопрос целесообразности законодательного закрепления запрета на переквалификацию гражданско-правового договора и возможного влияния такого запрета на институт толкования договора. Делаются выводы о необходимости смены презумпции способа толкования договора с буквального (лингвистического) на системно-логический и теологический способы, а также о необходимости исходя из принципа свободы договора установления запрета на переквалификацию непоименованного договора.

Ключевые слова: толкование договора, буквальное толкование, системно-логическое толкование, переквалификация договора.

«Не много глав найдется в учении о праве, где теория так далеко отставала бы от практики, знание – от умения, как в учении о толковании» – утверждал в XIX в. известный немецкий цивилист Ф. Регельсбергер [1, с. 137-138], которого поддерживал выдающийся российский теоретик права и цивилист Е.В. Васьковский, писавший в 1901 году: «Искусство толкования законов до настоящего времени не имеет прочно установленной и сколько-нибудь рациональной теории, а довольствуется немногими эмпирическими правилами, сформулированными в большинстве случаев еще римскими юристами и имеющими весьма ограниченное и условное значение» [2, с. 60].

Современные ученые также отмечают, что вопрос о толковании норм права в целом является одним из важнейших и остро дискуссионных как в отечественной, так и зарубежной юридической науке [3, с. 39], а применительно к гражданскому праву – что «теоретическая разработка проблематики системного толкования в гражданском праве должна признаваться одной из важных и актуальных задач цивилистики, поскольку толкование относится к числу легальных способов преодоления противоречий в праве» [4, с. 3].

Представляется, что рассмотрение вопроса толкования гражданско-правового договора необходимо начинать именно с отдельных аспектов толкования норм права, так как, действительно, правила толкования текста обычно имеют одинаковое применение как к толкованию закона, так и к толкованию договора [5, с. 22].

В своем великом учении о толковании Е.В. Васьковский выделял два вида толкования – словесное, определяющее буквальный смысл нормы, и реальное, целью которого является «определение действительного, внутреннего смысла нормы» [2, с. 91].

Современные цивилисты, говоря о способах толкования норм права, выделяют помимо буквального толкования (называемого также иногда лингвистическим, грамматическим, языковым) целый ряд других способов, особое внимание среди которых необходимо обратить на системно-логическое (или системное толкование) и теологическое (целевое) толкование.

Исходя из системно-логического толкования нормы права предлагается ее рассматривать:

- с точки зрения ее места в системе норм права как элементов права в объективном смысле (системный аспект толкования);
- с точки зрения ее логических взаимосвязей с другими нормами, а также с принципами правового регулирования (логический аспект толкования) [6, с. 84].

Согласно позиции судьи Конституционного Суда РФ и известного ученого Г.А. Гаджиева, отраженной в особом мнении по определению Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 444-О по жалобе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки И.А. Астаховой положением пп. 1 п. 1 ст. 220 Налогового кодекса РФ, теологическое толкование заключается в уяснении смысла нормы в контексте целевых установок законодателя, когда правоприменитель учитывает не только исторически обусловленное намерение законодателя, но и цель, которую он ставил перед собой.

Без сомнений следует присоединиться к выводу о том, что приоритет должен быть отдан именно системно-логическому толкованию, так как «при рассмотрении вопроса об обязательности системно-логического толкования говорится не о разрешении коллизий в праве, когда осуществляется выбор между нормами права, поразному регулируемыми один и тот же вопрос», а «речь идет об уяснении смысла нормы права с учетом правовых принципов, других норм права и результатов их толкования» [6, с. 87].

Когда речь идет о гражданско-правовом договоре, то следует всегда помнить, что необходимость в его толковании обусловлена неопределенностью смыслового содержания положений договора. Необходимость толкования возникает тогда, когда воля сторон договора непонятна, цель договора неясна, экономическая и правовая целесообразность, возможно, вызывают сомнения.

Следовательно, неопределенность договора действительно следует рассматривать не только как объективную характеристику языка спорного условия, но и в первую очередь как проблему распознаваемости волеизъявлений сторон, которые составляют основу гражданско-правового договора [7, с. 19]. Буквальное толкование текста договора далеко не всегда дает понимание того, какова же была действительная воля сторон договора и какова была целевая направленность заключенного договора. А ведь именно целевая направленность договора в основном и определяет особенности правового режима гражданско-правового договора.

Статья 431 ГК РФ закрепляет правило, согласно которому при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, которое, в свою очередь, в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

То есть, на первый план при толковании договора выходит буквальное (лингвистическое) толкование при том, что в целом ст. 431 ГК РФ устанавливает «двухступенчатую систему толкования», где «действительная воля сторон выясняется лишь при невозможности буквального толкования» [8, с. 42]. Такой подход к толкованию гражданско-правового договора представляется устаревшим, не соответствующим современным тенденциям развития договорного права.

Представляется, что в сфере толкования договора должен также превалировать системно-логический подход при необходимости – в сочетании с теологическим.

В целом в договорном праве, учитывая активное его развитие, системный метод научного познания все более актуализируется. Системный подход к исследованию правовых явлений позволяет более полно выявить закономерности связей изучаемых явлений и процессов, механизмов их формирования [9, с. 9]. Именно системный подход позволяет установить правовую природу различных договоров, урегулированных межотраслевым законодательством либо законодательством, не отнесенным к отрасли гражданского права [10; 11; 12], а впоследствии при установлении гражданско-правовой природы того или иного договора выявить место договора в системе гражданско-правовых договоров в целях развития теоретико-методологической концепции договорного права, совершенствования гражданского законодательства и формирования правоприменительной практики, базирующейся на современных достижениях юридической науки и положениях законодательства.

Системно-логическое толкование договора в целях установления действительной воли участников договора должно превалировать над буквальным и рассматривать договор с точки зрения:

- установления его гражданско-правовой природы;
- квалификации его в качестве самостоятельного и поименованного/непоименованного;
- определения с целью установления особенностей правового режима места договора в классических системах гражданско-правовых договорах: дихотомической и по направленности результата;
- установления норм права, подлежащих применению при правовом регулировании порожденного договором правоотношения.

Такое толкование договора позволит максимально точно установить действительную волю сторон договора при его заключении.

Буквальное толкование договора может выступать исключительно как факультативный способ толкования договора.

Что касается переквалификации договора, то можно выделить два ее вида: межотраслевая и внутриотраслевая. Предлагается говорить о межотраслевой переквалификации договора, когда устанавливается иная отраслевая природа договора, что, в частности, происходит в случае переквалификации гражданско-правового договора подряда в трудовой договор и наоборот.

Отраслевой переквалификацией можно считать довольно распространенную переквалификацию одного типа договора на другой, в частности, например, агентского договора на договор купли-продажи или поставки. В юридической литературе приводятся также примеры переквалификации одного вида договора на другой – например, договора купли-продажи на договор поставки и наоборот [13]. Особое удивление вызывает с точки зрения гражданского права часто встречающаяся со стороны налоговых органов переквалификация договора с договора займа на инвестиционный договор, что подтверждается не только многочисленной судебной практикой, но и письмом ФНС России от 13.06.2017 № СА-4-7/12702@ «О переквалификации налоговыми органами в рамках проводимых налоговых проверок договоров займа, заключенных между российскими организациями-заемщиками и иностранными компаниями-заимодавцами в инвестиционные договоры». Инвестиционный договор в настоящее время представляет собой непоименованный договор,

который не имеет своих законодательно закрепленных квалифицирующих признаков [14] в отличие от договора займа.

Однако применительно к вопросу толкования договора внимание следует обратить на переквалификацию договора с непоименованного на типизированную договорную модель.

Термин «переквалификация договора» не является законодательно закрепленным, но он фактически введен постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» и постановлением Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», а также многочисленными судебными актами как арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции.

Говоря о переквалификации непоименованного договора, следует обратить внимание на постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем», которым, учитывая непоименованность инвестиционного договора, в п. 4 арбитражным судам при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, предписано устанавливать правовую природу соответствующих договоров и разрешать спор по правилам гл. 30 («Купля-продажа»), 37 («Подряд»), 55 («Простое товарищество»).

Нельзя в этой связи не привести в пример одно только дело. Общество с ограниченной ответственностью обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском о расторжении договора соинвестирования и о взыскании суммы предварительной оплаты, процентов за пользование чужими денежными средствами и упущенной выгоды. Решением арбитражного суда г. Москвы от 04.12.2014 по Делу № А40-94365/2014 с учетом вышеназванного постановления Пленума ВАС РФ № 54 договор соинвестирования был квалифицирован судом как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи и исковые требования были удовлетворены в полном объеме. Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2015 № 09АП-3188/2015 по Делу № А40-94365/14 решение суда первой инстанции было отменено, спорные правоотношения были квалифицированы судом как договор простого товарищества и на этом основании в удовлетворении иска отказано. Как суд первой, так и суд второй инстанции исходили в своей позиции из буквального толкования договора. И, как представляется, ни один из них не установил истинное волеизъявление сторон.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что различного рода переквалификация договоров, в частности, переквалификация непоименованного договора на типизированный, негативно отражается на действии принципа свободы договора. Фактически ограничивается действие п. 2 ст. 421 ГК РФ, устанавливающий право участников гражданского оборота заключить как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами.

В ходе реформирования гражданского законодательства п. 2 ст. 421 ГК РФ был дополнен положением о том, что к непоименованному договору при отсутствии

признаков смешанного договора, правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются. Следовательно, это означало бы наложение запрета на переквалификацию непоименованного договора, что, свою очередь, устранило бы возможность толкования такого договора исходя из приоритета буквального толкования, а привело бы к превалированию системно-логического способа толкования договора.

Однако вновь введенное указанное положение п. 2 ст. 421 ГК РФ было дополнительно законодателем словами: «что не исключает возможности применения правил об аналогии закона к отдельным отношениям сторон по договору», что делает новую норму ст. 421 ГК РФ абсолютно бесполезной, так как она «перечеркивает смысл нововведения и возвращает все «на круги своя» [15, с. 305].

Таким образом, исследование показывает, что введение не формально закрепленного, а реально действующего запрета на переквалификацию гражданско-правового договора необходимо в целях реализации принципа свободы договора. Такой запрет, в свою очередь, обоснованно повлечет за собой смену презумпции буквального толкования непоименованного договора на презумпцию его системно-логического способа толкования (при необходимости – в сочетании с теологическим), что позволит выявлять истинное волеизъявление сторон договора.

Список литературы:

1. Регельсбергер Ф. *Общее учение о праве* / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова. – М.: Типография Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина, 1897. – 296 с.
2. Васильковский Е.В. *Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских закона.* – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 508 с.
3. Беляева О.М. *Толкование норм права // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2007. Т. 149, кн. 6. С. 39-47.
4. Николайчук Е.С. *Системное толкование норм гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* – Краснодар, 2014. 28 с.
5. Степанюк Н.В. *Толкование гражданско-правового договора: проблемы теории и практики.* – М.: Издательский дом «Инфра-М», 2013. 136 с.
6. Курбатов А.Я. *Системно-логическое толкование как обязательный и преобладающий способ толкования норм гражданского права // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения.* 2020. № 6. С. 82-90.
7. Байрамкулов А.К. *Особенности толкования договора в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук.* – М., 2015. 244 с.
8. Сарбаш С.В. *Некоторые тенденции развития института толкования договора // Государство и право.* 1997. № 2. С. 39-44
9. *Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года.* – М.: Проспект, 2021. 208 с.
10. Козлова Е.Б. *Договор управления многоквартирным домом и бремя собственника по содержанию имущества // Законы России: опыт, анализ, практика.* 2006. № 9. С. 30-33.
11. Козлова Е.Б. *Правовая природа соглашения о способах взаимодействия при возврате физическими лицами просроченной задолженности // Законы России: опыт, анализ, практика.* 2019. № 4. С. 25-29.
12. Козлова Е.Б. *Договор о создании искусственного земельного участка: правовая природа и квалифицирующие признаки // Гражданское право.* 2021. № 5. С. 307
13. Дарькина М.М. *Проблемы переквалификации судом коммерческого договора с одного вида на другой // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2020. № 7. С. 153-160
14. Козлова Е.Б. *Инвестиционный договор как нетипичная договорная конструкция // Законы России: опыт, анализ, практика.* 2009. № 1. С. 28-32
15. Витрянский В.В. *Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги.* – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2018. 528 с.

Kozlova E. B. Prohibition on re-qualification of the contract and its impact on the institution of interpretation of the contract // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 1. – P. 238-243.

The article considers the question of the expediency of legislating a ban on the re-qualification of a civil contract and the possible impact of such a ban on the institution of contract interpretation. It is concluded that it is necessary to change the presumption of interpretation of the contract from literal to systemically logical. It is concluded that in order to implement the principle of freedom of contract, it is necessary to establish a ban on the reclassification of an unnamed contract to a typed contractual model.

Keywords: interpretation of the contract, literal interpretation, system-logical interpretation, re-qualification of the contract.

Spisok literatury:

1. Regel'sberger F. Obshchee uchenie o prave / pod red. prof. Yu.S. Gambarova. – M.: Tipografiya Vyschajshe utverzhd. T-va I. D. Sytina, 1897. – 296 s.
2. Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakona. – M.: AO «Centr YurInfoR», 2002. 508 s.
3. Belyaeva O.M. Tolkovanie norm prava // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2007. T. 149, kn. 6. S. 39-47.
4. Nikolajchuk E.S. Sistemnoe tolkovanie norm grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Krasnodar, 2014. 28 s.
5. Stepanyuk N.V. Tolkovanie grazhdansko-pravovogo dogovora: problemy teorii i praktiki. – M.: Izdatel'skij dom «Infra-M», 2013. 136 s.
6. Kurbatov A.Ya. Sistemno-logicheskoe tolkovanie kak obyazatel'nyj i preobladayushchij sposob tolkovaniya norm grazhdanskogo prava // Sovremennye tendencii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya. 2020. № 6. S. 82-90.
7. Bajramkulov A.K. Osobennosti tolkovaniya dogovora v rossijskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2015. 244 s.
8. Sarbash S.V. Nekotorye tendencii razvitiya instituta tolkovaniya dogovora // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 2. S. 39-44
9. Pravovoe obespechenie realizacii nacional'nyh proektov social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2030 goda. – M.: Prospekt, 2021. 208 s.
10. Kozlova E.B. Dogovor upravleniya mnogokvartirnym domom i bremya sobstvennika po sodержaniyu imushchestva // Za-kony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2006. № 9. S. 30-33.
11. Kozlova E.B. Pravovaya priroda soglasheniya o sposobah vzaimodejstviya pri vozvrate fizicheskimi licami prosro-chennoj zadolzhennosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2019. № 4. S. 25-29.
12. Kozlova E.B. Dogovor o sozdanii iskusstvennogo zemel'nogo uchastka: pravovaya priroda i kvalificiruyushchie pri-znaki // Grazhdanskoe pravo. 2021. № 5. S. 307
13. Dar'kina M.M. Problemy perekvalifikacii sudom kommercheskogo dogovora s odnogo vida na drugoj // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 7. S. 153-160
14. Kozlova E.B. Investicionnyj dogovor kak netipichnaya dogovornaya konstrukciya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. № 1. S. 28-32
15. Vitryanskij V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Statut, 2018. 528 s.

УДК 340.11

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-244-251

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Лузик А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

На основании анализа положений законодательства, доктринальных суждений отечественных ученых-юристов исследовано соотношение категорий «добросовестность/недобросовестность» и «злоупотребление» в праве, сделан вывод о трех возможных вариантах их корреляции. На примере норм семейного, трудового и уголовного законодательства раскрыты вопросы отраслевого применения концепции злоупотребления и указано, что, не смотря на законодательную лаконичность в части закрепления запрета на злоупотребление, данная категория нашла достаточное применение на практике. Также проанализирована специфика принципа добросовестности в гражданском праве, отмечены его объективная и субъективная стороны, дана оценка понимания добросовестности как морально-нравственной категории. Рассмотрено межотраслевое взаимодействие категорий «злоупотребление» и «недобросовестное поведение», выделены аспекты, которые являются объединяющими для указанных правовых явлений, сделан вывод об универсальности применения запрета злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность, недобросовестное поведение, принцип права, презумпция добросовестности, правовая категория, правомерное поведение, осуществление права.

Вопрос о соотношении недобросовестности и злоупотреблении правом является важным элементом для всестороннего исследования и понимания правовой категории «злоупотребление», который не имеет однозначного ответа в науке и практике. Во многом это обусловлено тем, что данная проблематика изучается в большей степени в рамках отрасли гражданского права, что существенно сужает сферу поиска истины. Категория «злоупотребление» в праве зачастую воспринимается и употребляется в качестве противоположности добросовестности, и как синоним недобросовестному поведению. Не вызывает сомнения, что запрет злоупотребления правом и требование о добросовестности находятся в определенной взаимосвязи, степень которой мы постараемся установить в рамках данного исследования.

Ю. Б. Фогельсон указывает на тенденцию к отождествлению недобросовестности и злоупотребления правом, а также применение судами расширительного толкования злоупотребления правом [1, с. 103].

Вывод о том, что «принцип добросовестности регулирует не только случаи злоупотребления правом, но и ситуации, где оно отсутствует, либо, когда ст. 10 ГК РФ своим содержанием не справляется с возникшим казусом», был сделан А. В. Волковым [2, с. 49].

А. В. Егоров рассматривает злоупотребление правом как «антипод добросовестности», обосновывая такой вывод статьей 10 Гражданским кодексом (далее – ГК РФ) [3].

Е. Е. Богданова подчеркивает, что злоупотреблению правом «характерна особо злостная недобросовестность – неизвинительная недобросовестность ... в таких случаях основанием защиты нарушенных прав следует считать правонарушение, а за-

щиту осуществлять посредством привлечения к гражданско-правовой ответственности субъектов, злоупотребивших правами». Извинительная же недобросовестность, по мнению указанного автора, как «поведение, не представляющее для общества особой злостности», не является злоупотреблением правом, и не влечет наступления мер гражданско-правовой ответственности [4, с. 14].

На основании анализа позиций отечественных исследователей, можно сделать вывод о следующей корреляции указанных понятий:

- 1) полное отождествление недобросовестного поведения и злоупотребления;
- 2) недобросовестность – общее, а злоупотребление - частное (то есть злоупотребление является частным случаем недобросовестности);
- 3) злоупотребление – общее, а недобросовестность частное (то есть недобросовестность выступает видом (формой) злоупотребления).

Однако именно третья позиция была в большей степени воспринята отечественной судебной системой, после того как в 2008 году Высший арбитражный суд РФ сделал соответствующий вывод [5].

Во многом суждение о том, что недобросовестность является вариантом злоупотребления, было обусловлено необходимостью судов реагировать на недобросовестное поведение, отсутствием в законе принципа добросовестности и наличием законодательного запрета на злоупотребление правом [1, с. 106]. Однако после реформы Гражданского кодекса РФ, произошедшей в марте 2013 г., принцип добросовестности уже получил нормативное закрепление [6]. Как предполагает А. М. Ширвинд, такое нововведение «может стать вехой в истории российского права или, наоборот, остаться незамеченным» [7].

Стоит указать, что несмотря на то, что российское законодательство оперирует термином «злоупотребление» применительно различным отраслям, оно не содержит легальной дефиниции понятия злоупотребления правом. Лишь в ст. 10 ГК РФ содержится сложная для восприятия и правоприменения формулировка о том, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (то есть шикана), действия в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Механическое распространение гражданско-правового подхода к злоупотреблению правом было бы не верным, поэтому считаем, что злоупотребление, в общеправовом контексте, следует охарактеризовать как деяние, обладающее следующими признаками: возможное причинение вреда другому субъекту, получение в этой связи необоснованных преимуществ, неправомерное ограничение прав другого управомоченного субъекта; нарушение целей, установленных законом. Н. А. Дурново определяет злоупотребление как «поведение лица, соответствующее правовым предписаниям и пределам осуществления права, но не отличающееся социальной полезностью и осуждаемое общественным мнением» [8, с. 4].

Деяния, обозначаемые законодателем в качестве злоупотреблений, встречаются в отраслях как частного, так и публичного права.

Например, в Семейном кодексе РФ, в целях защиты прав ребенка, по отношению к которому допущено злоупотребление, оно прямо закреплено в контексте злоупотребления родительскими правами как основание для лишения родительских прав или отмены усыновления. Вместе с тем, как Верховный Суд РФ, так и ряд исследователей, допускают более широкое понимание и применение категории «злоупо-

требление», а именно использование родительских прав в ущерб интересам ребенка [9].

Несмотря на то, что Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) не содержит прямого закрепления запрета злоупотребления правом, в статьях 355 и 356 ТК РФ упоминается термин «злоупотребления» наряду с действиями (бездействиями), а Конституционный Суд РФ в своем определении указал, что общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом в полной мере подлежит распространению на сферу трудовых отношений [10]. Упоминание о необходимости соблюдения общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работников, содержит и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 №63.

В рамках Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) злоупотребление закреплено в рамках названия семи составов преступлений: злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (статья 185 УК РФ), злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (статья 200.4 УК РФ), злоупотребление полномочиями (статья 201 УК РФ), злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (статья 202 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (статья 285 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 285.5 УК РФ). Кроме того, состав преступления, предусмотренный статьей 159 УК РФ, рассматривает злоупотребление доверием в качестве варианта объективной стороны мошенничества. При этом, как указывает М. В. Арзамасцев, «действующие уголовно-правовые запреты... не охватывают всех разновидностей злоупотреблений ... поскольку в законе почти невозможно учесть все виды прав, использование которых может влиять на охраняемые права других лиц. Соответственно, чаще всего в законодательном описании признаков преступлений отражаются охраняемые объекты (в том числе права потерпевшего), а не формы злоупотребления вторым участником общественных отношений своими субъективными правами, которые могут приобретать – вследствие его свободных действий – разнообразные черты» [11, с. 185–188]. Например, разглашение тайны усыновления (статья 155 УК РФ), совершенное лицом из корыстных побуждений, в определенной степени, выражено в реализации субъектом преступления своего права на распространение информации, которая в силу прямого умысла и негативных последствий приобрела повышенную степень общественной опасности.

О недопустимости злоупотребления процессуальными правами указано и в рамках процессуального законодательства, например, в ст. 244.22 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Понятия добросовестности и недобросовестности также не имеют точной формализации в рамках законодательства. Отечественное право выделяет добросовестность в качестве одного из базовых принципов и «ориентиров поведения» всех участников имущественного оборота [12], прямо закрепленного в действующем гражданском законодательстве (п. 3 статьи 1 ГК РФ). Данный принцип обеспечивается в рамках гражданского права путем введения запрета на незаконное и недобросовестное поведение (п. 4 статьи 1 ГК РФ)

Поскольку законодательство не содержит критериев недобросовестного поведения, В. Л. Харсиева указывает, «что суды формируют его казуистически, путем указания на конкретные случаи недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств» [13, с. 178].

Понятие добросовестности зачастую наделяют морально-нравственным смыслом. Например, В. П. Грибанов пишет, что: «добросовестность в его буквальном значении выражает обязанность соблюдения правил морального порядка» [14, с. 209]. Рассматривая добросовестность участников договорных отношений, Е. Е. Богданова сделала вывод, что под данным понятием следует понимать «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственности поведения сторон договора», которую следует оценивать на основе противопоставления категорий добра и зла. Поведение, соответствующее представлению о добре, следует считать добросовестным, а отражающее представление о зле – недобросовестным [4, с. 11].

Уязвимым местом сторонников подхода к добросовестности как морально-нравственной категории, нам представляется то, что система представлений о добре и зле не легализована, и, следовательно, не может подлежать правоприменению, поскольку нормы морали не являются инструментом правового регулирования. И в силу этого, раскрытие добросовестности исключительно через морально-нравственные понятия лишает данное понятие правового содержания. Стоит заметить, что еще Л. И. Петражицкий высказал суждение, что понятия «bona fides» и «mala fides» (добросовестность и недобросовестность) этически безразличные и бесцветные величины, не обладающие нравственными элементами [15, с. 126].

Вместе с тем добросовестность одновременно выступает как многоаспектное явление: механизм противодействия нечестности, оценочное понятие, основное начало гражданского законодательства, презумпция, предел осуществления гражданских прав, позитивная гражданско-правовая обязанность [16, с. 494].

Выделяют два аспекта (стороны) добросовестности: объективную и субъективную добросовестность.

Добросовестность в субъективном смысле представляет собой незнание лица об определенных обстоятельствах (лицо не знало и не должно было знать, так называемое извинительное незнание об обстоятельствах) [17], а также осознание лицом правомерности в осуществлении своих прав и исполнении обязанностей [18, с. 13 – 14]. В. Г. Голубцов утверждает, что под субъективной добросовестностью следует понимать «такое поведение лица, которое, несмотря на разумность, осмотрительность, обычную заботливость участника гражданского оборота, принявшего все необходимые меры для получения юридически значимых сведений, тем не менее повлекло за собой состояние неосведомленности о юридически значимых фактах и обстоятельствах, повлияв на его субъективные гражданские права» [16, с. 499].

А. В. Волков считает, что добросовестность (в субъективном смысле), регламентируемая пунктом 3 ст. 1 ГК РФ, выполняющая регулятивную функцию, направлена на устранение эгоистических наклонностей участников гражданского оборота. А к недобросовестным относятся действия, когда субъект зная об обстоятельствах, дела намеренно реализовывает свои права, прикрываясь внешней законностью. За недобросовестное поведение не следует наказание, а применяются более гибкие санк-

ции, например, возмещение доходов (ст. 303 ГК РФ), возмещение вреда (статья 1103 ГК РФ), передача вещи в собственность (статья 220 ГК РФ) [2, с. 48-49].

Содержание объективной добросовестности основано на равенстве участников оборота и свободе их волеизъявления [16, с. 494] и состоит в надлежащем поведении субъекта, соответствующем требованиям, которые правопорядок предъявляет к участникам оборота (честность, порядочность) [3; 17], действия казуистически признанные добросовестными [16, с. 497] (например, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I Гражданского кодекса РФ», добросовестным является поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающее права и интересы другой стороны, содействующего ей в получении необходимой информации).

А. В. Егоров указывает, что: «Принцип добросовестности является достаточно мощным оружием судебной практики, которая с его помощью может существенно дополнять и развивать право» [17, с. 4].

Объединяющей чертой недобросовестного поведения и злоупотребления является высокая степень оценочности, поскольку вывод о добросовестности либо недобросовестности субъекта правоотношения, о наличии злоупотребления правом может сделать только суд, рассматривающий спор.

Недобросовестное поведение, как противоположное добросовестному, предполагает не только ненадлежащее исполнение обязательств, но и такое поведение, которое законно по своей формальной стороне, что объединяет злоупотребление и недобросовестное поведение.

Рассматривая добросовестность и недопустимость злоупотребления правом в качестве принципов права, стоит отметить, что они «работают» только в условиях правовой неопределенности и отсутствии общей либо специальной нормы, регуливающей спорные правоотношения [2, с. 46].

Стоит указать, что как исследователи проблемы злоупотребления, так и цивилисты, занимающиеся проблемой добросовестности [7], видят истоки изучаемых норм в правилах античного римского права, связанных с «bona fides» (доброй совестью).

Рассматривая межотраслевое взаимодействие категорий «злоупотребление» и «добросовестное/недобросовестное поведение», в первую очередь, следует сослаться на пункт 3 статьи 17 Конституции РФ. Данная норма фактически закрепляет недопустимость (запрет) на такое осуществление прав и свобод физическим лицом, которое влечет нарушение прав и свобод других лиц, то есть не допускает злоупотребление правом. Кроме того, недопустимость злоупотребительного поведения формализована и в рамках международного права, например, в статье 17 Европейской конвенции по правам человека содержится запрет на злоупотребление правом. Таким образом, иерархически, недопустимость злоупотребления правом стоит выше, чем добросовестность.

Во-вторых, применение понятия злоупотребления правом имеет универсальный характер, поскольку оно возможно практически во всех отраслях права, в то время как добросовестность, в основном, сводится к сфере гражданского права.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что запрет злоупотребления правом является общим, доминирующим понятием, по отношению к добросовестности. Однако недобросовестное поведения нельзя назвать видом (формой) злоупотребле-

ния. В общеправовом контексте, запрет злоупотребления правом включает в себя критерий добросовестности (в объективном смысле) как один из элементов своего содержания, наряду с обеспечением баланса прав и интересов сторон, соблюдением целей правовой нормы и не допустимостью причинения вреда при реализации права.

Список литературы:

1. Фогельсон, Ю. Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике / Ю. Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – №9. – С.103-116.
2. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве/ А. В. Волков// Вестник Волгоградского гос. ун-та. – 2013. – Сер. 5. – Юриспруд. – №3 (20). – С. 44-50.
3. Егоров, А. В. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике / А. В. Егоров// Юрист компании «Акцион право». – 2013. – №7. – URL: <https://e.law.ru/314832> (дата обращения: 14.11.2021). – Текст: электронный.
4. Богданова, Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: специальность: 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук/ Богданова Елена Евгеньевна; Федер. гос. обр. учреждение высш. проф. образования «Рос. акад. госуд. службы при Президенте Российской Федерации». – Москва, 2010. – 63 с. – Текст: непосредственный.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/ (дата обращения: 14.11.2021). – Текст: электронный.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 N 302-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188. (дата обращения: 14.11.2021). – Текст: электронный.
7. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение / А. М. Ширвиндт// *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева. – Статут. – 2014. – С. 203-242. – Текст: непосредственный.
8. Дурново, Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): специальность : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Дурново Наталья Александровна; ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского». – Н. Новгород, 2006. – 27 с. – Текст: непосредственный.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678 (дата обращения: 14.11.2021).–Текст : электронный.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 N 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349 (дата обращения: 14.11.2021). –Текст: электронный.
11. Арзамасцев, М. В. Уголовно-правовая оценка осуществления субъективного права и злоупотребления им / М. В. Арзамасцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 177-203.
12. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – Москва: Статут. – 2018. – 431 с. – Текст: непосредственный.

13. Харсеева, В. Л. Иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» как форма злоупотребления правом / В. Л. Харсеева// Теория и практика общественного развития. –2014. –№10. – С.177-179.
14. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав/ В. П. Грибанов. –Москва: Статут, 2001. – 411 с. – Текст: непосредственный.
15. Петражицкий, Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права/ Л. И. Петражицкий. – Москва: Статут, 2002. – 248 с. – Текст: непосредственный.
16. Голубцов, В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности/ В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. – 2019. –Юридические науки. – №45. – С. 490-518.
17. Егоров, А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы/ А. В. Егоров// Legal Insight . – 2013.– №2(18). – С.4-10.
18. Дроздова, Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Дроздова Татьяна Юрьевна; Байкальский гос.ун-т экономики и права. – Москва, 2005. – 25 с. – Текст: непосредственный.

Luzik A.A. Concerning the relationship between the categories of abuse of law and good faith // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 244-251.

On the basis of the analysis of the provisions of the legislation, doctrinal judgments of domestic legal scholars, the correlation of the categories “good faith / bad faith” and “abuse” in law is investigated and a conclusion is made about three possible variants of their correlation. On the example of the norms of family, labor and criminal legislation, the issues of the sectoral application of the concept of abuse are disclosed and it is noted that, despite the legislative brevity in securing the prohibition of abuse, this category has found sufficient application in practice. The specificity of the principle of conscientiousness in civil law is also analyzed, its objective and subjective sides are noted, and the understanding of conscientiousness as a moral and moral category is assessed. The intersectoral interaction of the categories of "abuse" and " bad faith" is considered, aspects that are unifying for these legal phenomena are highlighted, a conclusion is made about the universality of the application of the prohibition of abuse of law.

Key words: abuse of law, good faith, bad faith, principle of law, presumption of good faith, legal category, lawful behavior, exercise of law.

Spisok literatury:

1. Fogel'son, YU.B. Princip dobrosovestnosti v rossijskoj sudebnoj praktike / YU.B. Fogel'son// Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. –2017. –№9. – S.103-116.
2. Volkov, A. V. Sootnoshenie principa dobrosovestnosti i principa nedopustimosti zloupotrebleniya pravom v sovremennom grazhdanskom prave/ A.V. Volkov// Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. – 2013. – Ser. 5. – YUrisprud. – №3 (20). – S. 44-50.
3. Egorov, A. V. Novye polozheniya o dobrosovestnosti i zloupotreblenii pravom. Kakuyu pol'zu izmeneniya priniesut na praktike / A.V. Egorov// YUrist kompanii «Aktion pravo». –2013. –№7. – URL: <https://e.law.ru/314832> (data obrashcheniya: 14.11.2021). –Текст : электронныj.
4. Bogdanova, E. E. Dobrosovestnost' uchastnikov dogovornyh otnoshenij i problemy zashchity ih sub"ektivnyh grazhdanskih prav: special'nost' : 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk/ Bogdanova Elena Evgen'evna; Feder. gos. obr. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya «Ros. akad. gosud.sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii». – Moskva, 2010. – 63 s. – Текст: neposredstvennyj.
5. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 25.11.2008 N 127 «Obzor praktiki primeneniya arbitrazhnymi sudami stat'i 10 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83961/.
6. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v glavy 1, 2, 3 i 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2012 N 302-FZ (poslednyaya redakciya) [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/.
7. Shirvindt, A. M. Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie / A.M. SHirvindt// Aequum ius. Ot druzej i kolleg k 50-letiyu professora D.V. Dozhdeva. – Statut. –2014. – S. 203-242.
8. Durnovo, N. A. Zloupotreblenie pravom kak osobyj vid pravovogo povedeniya (teoretiko-pravovoj analiz) : special'nost' : 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»:

- avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk/ Durnovo Natal'ya Aleksandrovna; GOU VPO «Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I.Lobachevskogo. – N. Novgorod, 2006. – 27 s. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.11.2017 № 44 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannyh s zashchitoj prav i zakonnyh interesov rebenka pri neposredstvennoj ugroze ego zhizni ili zdorov'yu, a takzhe pri ogranichenii ili lishenii roditel'skih prav» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.03.2005 N 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozenij punkta 2 stat'i 278 i stat'i 279 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i abzaca vtorogo punkta 4 stat'i 69 Federal'nogo zakona «Ob akcionernyh obshchestvah» v svyazi s zaprosami Volhovskogo gorodskogo suda Leningradskoj oblasti, Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Stavropolya i zhalobami ryada grazhdan» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349/.
11. Arzamascev, M. V. Uголовно-правовая оценка осуществления суб"ективного права и злоупотребления им / M. V. Arzamascev // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. –2021. –№ 2. – S. 177-203.
12. Vitryanskij, V. V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi / V.V. Vitryanskij. – Moskva: Statut. – 2018. –431 s. –Tekst : neposredstvennyj.
13. Harseeva, V. L. Inoe zavedomo nedobrosovestnoe osushchestvlenie grazhdanskih prav» kak forma zloupotrebleniya pravom / V.L. Harseeva// Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. –2014. –№10. – S.177-179.
14. Gribanov, V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav/ V.P. Gribanov. –Moskva: Statut, 2001. – 411 s. –Tekst : neposredstvennyj.
15. Petrazhickij, L. I. Prava dobrosovestnogo vladel'ca na dohody s toчек zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava/ L.I. Petrazhickij. –Moskva: Statut, 2002. – 248 s. –Tekst : neposredstvennyj.
16. Golubcov, V. G. Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshchego ponyatiya dobrosovestnosti/ V.G. Golubcov // Vestnik Permskogo universiteta. –2019. –YUridicheskie nauki. –№45. – S. 490-518.
17. Egorov ,A. V. Princip dobrosovestnosti v Grazhdanskom kodekse RF: pervye shagi reformy/ A.V. Egorov// Legal Insight . – 2013.– №2(18). – S. 4-10.
18. Drozdova, T. YU. Dobrosovestnost' v rossijskom grazhdanskom prave : special'nost' : 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk/ Drozdova Tat'yana YU'evna; Bajkal'skij gos.un-t ekonomiki i prava. – Moskva, 2005. – 25 s. – Tekst: neposredstvennyj.

УДК 342.6

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-252-258

ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ПРАВ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Осяк А. Н.

Ростовский юридический институт МВД России

В статье исследуются отдельные вопросы ограничения прав граждан в деятельности органов исполнительной власти. Рассматривается правовая природа и сущность правовых ограничений, их конституционные основы. Исследуются ограничения прав граждан в деятельности органов исполнительной власти различных видов и форм. Отмечаются особенности административных ограничений, применяемых в различных направлениях деятельности органов исполнительной власти. Административно-правовые ограничения прав граждан признаются неотъемлемым элементом метода административно-правового воздействия. Рассматривается, что в различных методах административного воздействия правоограничения могут быть как позитивными, так и негативными, выполнять различные функции, приобретать различные формы, в том числе в виде прямых ограничений, когда устанавливаются границы и препятствия для реализации полностью или частично предусмотренного законом права и свободы, могут быть в виде запрета, лицензионных требований, либо сопряжены с административным принуждением. Автор выводит определение административных ограничений, делает вывод об их многофункциональности.

Ключевые слова: ограничения прав, органы исполнительной власти, права, свободы, формы, виды, административные ограничения, функции.

Вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина при реализации отраслевого законодательства являются одними из актуальных в деятельности исполнительных органов государственной власти. Тематика, связанная с ограничением прав и свобод граждан, широко исследуется в философии, юриспруденции, как в теоретических, так и отраслевых науках. В деятельности органов исполнительной власти следует различать конституционные основы ограничения прав граждан и ограничения прав и свобод граждан различного характера: конституционно-правового, административно-правового, уголовно-процессуального и др.

Этимологически «ограничивать» происходит от существительного «граница», «грань», означает, согласно толкового словаря обозначать пределы, границы, стеснять, удерживать в границах, поставить в рамки, сократить, установить какие-либо условия [1, с. 350]. Положения философии права, теории права указывают на то, что само право формировалось из установления правил, свободы и ограничений. Правовые ограничения необходимы для поддержания стабильности, всеобщего блага в государстве, они имманентны праву. Диалектически вопросы установления свободы и ограничений тесно связаны, причем свобода личности основывается на ограничении свободы другого человека. Как отмечалось: «Пределы того или иного конкретного права не умаляют его, а очерчивают, переделывают его контуры, тем самым выявляя содержание этого права» [2, с. 89]. В настоящее время все более распространяются характеристики прав человека не только как средства выражения свободы, но и средства ее ограничения. В рамках подобных исследований И.Д. Ягофарова сформулировала следующее определение правового ограничения свободы: это предусмотренное правовыми нормами уменьшение количества вариантов юридиче-

ски дозволенного подведения путем установления различных пределов либо его полный запрет [3, с. 11].

Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина очерчиваются границами, указанными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и распространяются на деятельность всех органов публичной власти, поскольку права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Прежде всего, указывается, что права и свободы человека и гражданина «...могут быть...» ограничены, то есть ограничения допускаются, но далее по смыслу текста нормы, применяются только в случае крайней необходимости для защиты конституционно-значимых ценностей на основе федерального закона. Перечень ценностей, в защиту которых применяются ограничения закрыт, не подлежит расширительному толкованию, это: основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасность государства. Причем объем применяемых ограничений не должен быть чрезмерным, как указано в Основном законе «... в той мере в какой это необходимо...». Кроме того, ограничения не должны быть скрытой формой отмены или умаления прав и свобод человека и гражданина [4, с. 17], то есть ограничения устанавливаются временно, на разумный, необходимый срок, при наличии установленных федеральным законом условий и пределов их применения, они выступают исключением из правила. Как отмечал В.А. Лебедев «... ограничения прав и свобод – это исключение из правил, а не само правило. Задача национального законодателя и правоприменителя сводится к обеспечению свободы личности, а не к ее ущемлению» [5, с. 135].

Правовые ограничения, применяемые в деятельности органов исполнительной власти, имеют различные формы. Исполнительные органы государственной власти, осуществляя полномочия в рамках предоставленной им законодательством компетенции, могут ограничивать права граждан в ходе нормотворческой, правоприменительной, юрисдикционной деятельности. При этом ограничения могут принимать форму запретов, обязанностей, быть сопряжены с принуждением. Правомерные запреты и ограничения выступают регуляторами человеческого поведения, преследуют цель достижения всеобщего блага, развития общества и государства, имеют в своем содержании регулятивные, созидательные и охранительные компоненты [6, с. 22-28]. Но самый главный вопрос, связанный с ограничениями – это установление критериев их правомерного применения.

Виды ограничений, применяемые органами исполнительной власти различны. Все ограничения по субъекту ограничения могут быть классифицированы на ограничения, применяемые к гражданам и иным субъектам: юридическим лицам, должностным лицам, органам государственной власти и др. Ограничения по источнику различаются на ограничения, вытекающие из принуждения, ограничения из убеждения. Ограничения по функциональному признаку: вытекающие из нормотворческой деятельности, правоприменительной деятельности, из юрисдикционной деятельности. По степени законности: правомерные ограничения и примененные неправомерно, с нарушением прав и свобод человека и гражданина. Правомерные ограничения прав граждан, применяемые органами исполнительной власти, могут подразделяться на юрисдикционные и неюрисдикционные.

Ограничения прав граждан органами исполнительной власти реализуются в ходе обеспечительно-охранительной, функции предоставления государственных услуг, в рамках содействия органам исполнительной власти, а также в случае вовлечения невластного субъекта в сферу деятельности органа исполнительной власти, когда необходимо обеспечить публичный интерес в целях соблюдения публичного порядка и общественной безопасности. Ограничения прав граждан органами исполнительной власти чаще встречаются в ходе осуществления последними юрисдикционной деятельности, а также в рамках специальных административных режимов в отсутствие противоправных действий и обстоятельств, в ходе оказания содействия должностным лицам (например, в качестве понятых), при наступлении нерядовых обстоятельств.

Административные ограничения имеют ряд признаков, отличающих их от иных видов правовых ограничений, к ним следует относить:

Во-первых, применяются на основе норм административного права. Органы исполнительной власти применяют ограничения в строго предусмотренных законом границах на основе норм КоАП РФ.

Во-вторых, административные ограничения могут затрагивать различные отраслевые права, свободы и законные интересы граждан РФ. Органы исполнительной власти в рамках регистрации, лицензирования, контроля и иных форм деятельности могут применять ограничения в отношении широкого круга прав и свобод граждан, в том числе конституционных, гражданских и др.

В-третьих, административные ограничения применяются по инициативе властного субъекта, то есть присущ односторонний порядок реализации. Применение ограничений в ходе административной деятельности, в ходе обслуживания населения, предоставления государственных услуг осуществляется в форме административных требований и властных обязываний.

В-четвертых, административные ограничения применяются уполномоченными на их применение властными субъектами.

В-пятых, административные ограничения имеют динамический характер. Смысл административных ограничений заключается не столько в формировании и контроле управлении управленческой среды, а в создании предпосылок ее динамического роста.

В-шестых, административные ограничения взаимосвязаны с необходимостью достижения генеральной цели, преследуемой государством – обеспечения порядка и общественной безопасности.

В-седьмых, применение мер административных ограничений сопряжено с применением различных методов административно-правового воздействия. Основные два метода принуждение и убеждение, причем последний приоритетный, первый применяется в случае, если применение убеждения своей цели не достигло.

В-восьмых, административные ограничения связаны с введением индивидуального либо специального административного режима. Лицо, к которому применяется административное ограничение всегда вовлечено в правоприменительную сферу, его статус претерпевает ограничения, испытывает на себе неблагоприятные последствия в связи с вовлечением в особый правовой режим.

Перечисление признаков административно-правовых ограничений, применяемых органами исполнительной власти, позволили сформулировать следующее определе-

ние. Административные ограничения прав граждан – это инструмент правового воздействия на поведение невластных субъектов, с целью сдерживания прав и свобод различного отраслевого содержания, применяемые властными субъектами в одностороннем порядке против воли невластного субъекта на основе норм административного права в целях достижения общего блага, общественной безопасности и правового порядка.

Таким образом, административно-правовые ограничения прав граждан выступают неотъемлемым элементом метода административно-правового воздействия [7, с. 12], имеют его черты. В различных методах административного воздействия правоограничения могут быть как позитивным, так и негативными, выполнять различные функции, приобретать различные формы, в том числе в виде прямых ограничений, когда устанавливаются границы и препятствия для реализации полностью или частично предусмотренного законом права и свободы.

Так, например, в форме административных требований при регистрации правомерные ограничения включают невластных субъектов в управленческую коммуникацию (связи и отношения). При наложении указанных правоограничений субъекты искусственно вовлекаются через навязывание правил и требований по регистрации в отношении с государством (регистрация актов гражданского состояния, паспортные отношения, учетно-регистрационные отношения, миграционные отношения, регистрация общественных объединений, политических партий и др.), которое затем взамен оказывает содействие и поддержку гражданам в вопросах обеспечения безопасной жизнедеятельности, функционирования через систему органов исполнительной власти.

В форме административного правопризнания при легализации правоограничения устанавливаются препятствия в вопросах признания особого статуса лица (признания лица беженцем, вынужденным переселенцем, лицом, получившим политическое убежище, либо статус юридического лица, индивидуального предпринимателя), предусмотрена компенсация – соблюдение ограничений обуславливает получение особого статуса, который дает возможность осуществлять особые виды деятельности, признается особая правоспособность: в гражданском плане – подтверждается наличие имущества, обеспечивается выполнение обязательств, финансовом плане – изменяются налоги и сборы, в административном – вводятся специальные стандарты и регламенты, правила ведения хозяйственной деятельности, в уголовном плане – меняется характер ответственности за нарушение установленных правил и норм и др.

В форме лицензирования правоограничения устанавливаются барьеры в виде лицензионных требований. Предусмотрена компенсация при соблюдении правоограничений – возможность заниматься деятельностью особого характера, осуществление которой может повлечь за собой нанесение ущерба, как например, производство лекарственных средств, деятельность по тушению пожаров, оборот наркотических средств психотропных веществ и их прекурсоров, деятельность по перевозкам транспортными средствами пассажиров, опасных грузов, частная охранная деятельность, оказание услуг связи, телевизионное вещание и радиовещание и мн. др.

В случае косвенного воздействия речь идет, например, о предоставлении государственных услуг органами исполнительной власти, устанавливаемые правоограничения имеют свою специфику. Через установление целого ряда требований к ли-

цам, которые имеют право на получение услуги так же реализуются ограничения. Выполнение требований как правоограничений обеспечивает, в конечном итоге, наделение граждан определенным статусом и полномочиями на основе закона, их цель состоит в оказании помощи, удовлетворении потребности в благе. Применение ограничения в данном случае неразрывно связано с методом административного воздействия, поскольку их применение так же обеспечивает установленный порядок управления и государственный режим правоохраны. В данном случае, интересы частные и публичные удовлетворяются взаимно. Применение ограничений, в свою очередь, обеспечивает непрерывность административной деятельности исполнительных органов власти.

Ограничения, сопряженные с применением мер административного принуждения в деятельности органов исполнительной власти, так же имеют свою специфику. Так, например, при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении ограничение прав и свобод выступает вынужденной мерой, поскольку иными способами достичь целей административного производства невозможно. Как отмечалось, не в каждом деле об административном правонарушении возникает необходимость применения таких мер принуждения как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (Глава 27 КоАП РФ), так как цели административного производства могут быть достигнуты и без ограничения прав граждан [8, с. 57]. Применение ограничений в данном случае диктуется обстоятельствами конкретного административного правонарушения. Согласно законодательства при невозможности практического достижения целей административного производства, применяются те или иные меры обеспечения производства (например, доставление, отстранение от управления транспортным средством, досмотр вещей, личный досмотр и др.), сопряженные с ограничением прав и свобод личности, воплощаемые в лишениях определенного объема возможностей в личной, экономической и иных сферах при применении к ней указанных мер принуждения.

Таким образом, административно-правовые ограничения многофункциональны, позволяют органам исполнительной власти решать важные, полезные общественные и государственные задачи, гражданам удовлетворять свои потребности и интересы в получении благ. Кроме того, ограничения в условиях пробельности правового регулирования могут сыграть роль регулятора общественных отношений. В период столкновения с коронавирусной инфекцией в 2020 году органы исполнительной власти субъектов РФ были вынуждены оперативно реагировать и блокировать распространение вируса в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки и распространением COVID-19 посредством издания актов, ограничивающих свободу передвижения граждан. До внесения необходимых поправок в федеральный закон «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [9] в части расширения и конкретизации полномочий органов государственной власти субъектов РФ в вопросах возможности установления ими обязательных к выполнению правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, устанавливаемые и реализуемые ими ограничения осуществлялись вопреки требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции на основе подзаконного акта. Однако впоследствии в решении Конституционного Суда, по делу гражданина которого оштрафовали за нарушение режима самоизоляции

на основе постановления Губернатора Московской области [10], было разъяснено, что постановление главы Московской области, устанавливающее ограничения свободы передвижения граждан представляло собой не что иное как оперативное (опережающее) регулирование, на момент отсутствия закона вполне допустимое, так как достигалась главная цель – сохранения жизни и здоровья всех лиц, подвергнутых изоляции. Ограничения свободы передвижения в условиях пандемии были признаны Всемирной организацией здравоохранения вынужденной необходимой практикой по сдерживанию рисков стремительного развития картины заражения, практика «lockdown» признавалась разумной во всех странах мира. Обвинения в незаконном ограничении прав и свобод личности в России в деятельности органов исполнительной власти в условиях пандемии были не состоятельны. Так как ограничение свободы не было абсолютным (допускались выходы из жилья в аптеку, за продуктами и др.), чрезмерным, было оправданным, в условиях отсутствия вакцины и каких-либо иных сведений о вирусе, кроме того, что он стремительно распространяется в общественных местах, иных местах массового скопления людей.

Таким образом, содержательные характеристики правовых ограничений в деятельности исполнительных органов существенно различаются применительно к каждому виду деятельности. Особую значимость представляют административно-правовые ограничения в деятельности исполнительных органов власти, которые имеют особенные специфические черты, различаются по формам и целям, функциональному предназначению в праве. Административные ограничения прав граждан реализуются на основе норм административного права в целях достижения общего блага, общественной безопасности и правового порядка, представляют собой способ правового воздействия на поведение невластных субъектов, с целью сдерживания прав и свобод различного отраслевого содержания, либо склонению к надлежащему поведению, применяемые властными субъектами в одностороннем порядке против воли невластного субъекта.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2011. – 960 с.
2. Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 87–91.
3. Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы: автореф. дис. ... на соискание канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений. Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 29 с.
4. Романовский В.Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7, № 4 (28). – С. 16–21.
5. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина // Lex Russia. – 2017. – № (122). – С. 135.
6. Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения», соотношение понятий // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 22–28.
7. Соболев О.В. Правомерные ограничения прав граждан органами исполнительной власти: дис. ... на соиск. канд. юрид. наук: 12.00.14 – Административное право; административный процесс. ФГАОУ ВО «Южно-уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)». – Челябинск, 2019. – 239 с.
8. Капранова Ю.В. Применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении: конституционное измерение / Ю.В. Капранова, А.В. Капранов // Административное право и процесс. – 2021. – № 5. – С. 56–59.
9. О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 11.06.2021). – URL: <https://www.consultant.ru>

10. По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П. – URL: <https://www.consultant.ru>

Osyak A.N. On restrictions on the rights of citizens in the activities of executive authorities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 252-258.

The article examines certain issues of restriction of citizens' rights in the activities of executive authorities. The legal nature and essence of legal restrictions, their constitutional foundations are considered. Restrictions of citizens' rights in the activities of executive authorities of various types and forms are investigated. The peculiarities of administrative restrictions applied in various areas of activity of executive authorities are noted. Administrative and legal restrictions on the rights of citizens are recognized as an integral element of the method of administrative and legal influence. It is considered that in various methods of administrative influence, legal restrictions can be both positive and negative, perform various functions, acquire various forms, including in the form of direct restrictions, when boundaries and obstacles are established for the implementation of fully or partially provided for by law rights and freedoms, can be in the form of a ban, licensing requirements, or are associated with administrative coercion. The author deduces the definition of administrative restrictions, concludes that they are multifunctional.

Keywords: restrictions of rights, executive authorities, rights, freedoms, forms, types, administrative restrictions, functions.

Spisok literatury:

1. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – M., 2011. – 960 s.
2. Nazarov D.G. Predely i ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2016. – № 1. – S. 87–91.
3. YAgofarova I.D. Pravo kak mera ogranicheniya svobody: avtoref. dis. ... na soiskanie kand. yurid. nauk: 12.00.01 –Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya pravovyh uchenij. Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. – Ekaterinburg, 2004. – 29 s.
4. Romanovskij V.G. Ogranicheniya prav cheloveka v sovremennom konstitucionnom prave Rossii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2019. – Т. 7, № 4 (28). – S. 16–21.
5. Lebedev V.A. Konstitucionnye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Lex Russia. – 2017. – № (122). – S. 135.
6. SHaburov A.S. «Ogranichenie prava», «ogranicheniya v prave», «pravovye ogranicheniya», sootnoshenie ponyatij // YUridicheskaya tekhnika. – 2018. – № 12. – S. 22–28.
7. Sobolev O.V. Pravomernye ogranicheniya prav grazhdan organami ispolnitel'noj vlasti: dis. ... na soisk. kand. yurid. nauk: 12.00.14 – Administrativnoe pravo; administrativnyj process. FGAOU VO «YUzhno-ural'skij gosudarstvennyj universitet (Nacional'nyj issledovatel'skij universitet)». – CHelyabinsk, 2019.–239 s.
8. Kapranova YU.V. Primenenie mer obespecheniya proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii: konstitucionnoe izmerenie / YU.V. Kapranova, A.V. Kapranov // Administrativnoe pravo i process. – 2021. – № 5. – S. 56–59.
9. O zashchite naseleniya i territorii ot chrezvychajnyh situacij prirodnoho i tekhnogennogo haraktera: Federal'nyj zakon ot 21.12.1994 № 68-FZ (red. ot 11.06.2021). – URL: <https://www.consultant.ru>
10. Po delu o proverke konstitucionnosti podpunkta 3 punkta 5 postanovleniya Gubernatora Moskovskoj oblasti «O vvedenii v Moskovskoj oblasti rezhima povyshennoj gotovnosti dlya organov upravleniya i sil Moskovskoj oblastnoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij i nekotoryh merah po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-2019) na territorii Moskovskoj oblasti» v svyazi s zaprosom Protvinskogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.12.2020 № 49-P. – URL: <https://www.consultant.ru>.

УДК 347.113

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-259-269

КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ ОБЩИМИ И СПЕЦИАЛЬНЫМИ СОВМЕСТИМЫМИ ПРАВОВЫМИ НОРМАМИ, РЕГУЛИРУЮЩИМИ ОТНОШЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье излагаются результаты проведенного исследования проблемы соотношения общей и специальных правовых норм института обязательств вследствие причинения вреда. Автором предпринята попытка показать возможность использования методологических инструментов для разрешения коллизий между общей правовой нормой, установленной п.1 ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей возмещение причиненного вреда в полном объеме, и специальными по отношению к этой правовой норме правовыми нормами. По результатам проведенного анализа предложен способ разрешения коллизии, существующей между общей правовой нормой, установленной ст. 1064 ГК, с одной стороны, и специальными правовыми нормами, установленными ст. 1085 и 1087 ГК, с другой, – в пользу общей правовой нормы, предусматривающей полное возмещение вреда. Таким же образом предлагается разрешить коллизии между указанной общей правовой нормой и специальными правовыми нормами, текстуально закрепленными в ст.1084 и 1094 ГК. Теоретические выводы автор подтверждает анализом судебных решений по соответствующим категориям споров.

Ключевые слова: возмещение вреда, коллизии, правотолкование, правоприменение, общие правовые нормы, специальные правовые нормы, совместимые правовые нормы, несовместимые правовые нормы.

Эффективное функционирование института возмещения вреда является одной из гарантий успешного развития имущественных правовых отношений в обществе. Однако при применении норм законодательства, регулирующих отношения по поводу возмещения вреда, довольно часто юристы сталкиваются с проблемой коллизий между общей правовой нормой, установленной в п. 1 ст. 1064 ГК и предусматривающей полное возмещение вреда, и специальными совместимыми с ней правовыми нормами. Анализ правовых норм этого института обычно осуществляется без применения методологических инструментов правотолкования. Дореволюционный российский цивилист Е.В. Васильковский обратил внимание на то, что толкование норм не может останавливаться на определении прямого, непосредственного смысла норм, а должно обнаруживать еще и скрытое их содержание [1, с. 26]. Но для этого необходимо использовать методологические инструменты, к которым в науке выработалось пренебрежительное отношение. Так, еще классики мировой юриспруденции немецкие ученые-юристы Ф.К. фон Савиньи и его последователь Г.Ф. Пухта предлагали юристам-профессионалам при правотолковании положиться либо на замечательные образцы старого и нового времени [2, с. 389-390], либо на «здравый юридический такт и разум» [цит. по: 1, с. 57]. Несмотря на то, что указанные рекомендации были даны еще в середине XIX века, правоприменительная практика и юридическая наука следуют им спустя почти два столетия и по сей день. Перспектива использования при правотолковании и правоприменении методологического

инструментария отделяется тем, что соответствующие знания, умения и навыки не приобретаются в процессе обучения. А иногда даже прямо предлагается не осваивать методологический инструментарий правотолкования и правоприменения, а прививать «правоприменителю способность по интуитивному обнаружению незримой границы между внешне схожими общей и специальной правовыми нормами» [3, с. 90].

С учетом изложенного, следует признать, что тема настоящей статьи является актуальной.

Проблема, являющаяся предметом исследования в настоящей статье, в науке гражданского права никогда не исследовалась. Но ее исследование было подготовлено научными трудами М.М. Агаркова, Б.С. Антимонова, А.М. Беляковой, К.М. Варшавского, Н.С. Малейна, В.Т. Смирнова, А.А. Собчака, Е.А. Флейшиц, К.К. Яичкова и других ученых.

Целью настоящей статьи является попытка показать возможность использования методологических инструментов для разрешения коллизий между общей правовой нормой, установленной п. 1 ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей общие основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда и возмещение причиненного вреда в полном объеме, и специальными по отношению к этой правовой норме правовыми нормами. При этом указанный инструментарий, как предполагается, может быть использован и в других подобных случаях.

В юридической литературе коллизии норм права чаще всего рассматриваются как противоречие между действующими нормами права, регулирующими одни и те же общественные отношения. По мнению Н.А. Власенко, коллизии норм – это отношения между нормами, выступающие в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения [4, с. 23]. Из изложенного следует, что коллизии норм права могут проявляться в двух формах – как различия и как противоречия. Это утверждение в определенной части является плодотворным, поскольку нацеливает на выявление содержания коллизии между правовыми нормами. Вместе с тем, указывая только на различия, автор не показывает весь спектр содержания коллизий между правовыми нормами. Полагаем, что прежде всего коллизии между правовыми нормами следует разделить на несовместимые и совместимые. Несовместимость правовых норм имеет место тогда, когда, находясь в пределах логики человеческого мышления, нельзя применить обе правовые нормы одновременно: применение одной правовой нормы логически исключает применение другой. Несовместимыми являются правовые нормы, содержание которых противоположно. Так, граждане могут осуществлять гражданские права по своему усмотрению (п. 1 ст. 9 ГК). Но они не могут осуществлять гражданские права исключительно с намерением причинить вред другому лицу (п. 1 ст. 10 ГК). Несовместимость может быть и в форме такого противоречия, когда нет противоположности между содержанием правовых норм, но применять одновременно соответствующие правовые нормы логически невозможно. Так, в соответствии с положением абзаца пятого п. 1 ст. 64 ГК при ликвидации юридического лица в четвертую очередь производятся расчеты с кредиторами, не указанными в предыдущих абзацах этого пункта. Абзац седьмой этого же пункта предписывает требования о возмещении убытков и об уплате неустойки удовлетворять после удовлетворения требований первой-четвертой очереди. Это исключает удовлетворение требований о возмещении убытков и уплате не-

устойки в четвертую очередь. Противоположности между содержанием правовых норм, текстуально закрепленных в абзацах пятом и седьмом п. 1 ст. 64 ГК нет, а несовместимость этих двух правовых норм имеет место: требования о возмещении убытков и уплате неустойки в четвертую очередь не могут быть удовлетворены.

Но А.Ф. Черданцев обратил внимание на такую связь общей и специальной правовых норм, когда общая норма применяется вместе со специальной [5, с. 70-71]. Такие общие и специальные нормы следует считать совместимыми.

С проблемой коллизии между совместимыми общей и специальной правовой нормой столкнулся Конституционный Суд при рассмотрении дела о проверке конституционности п. 3 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Э.М. Ворона (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 25-П). В этом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «пункт 1 статьи 1085 ГК Российской Федерации ни сам по себе, ни в системной связи с иными положениями гражданского законодательства не содержит каких-либо исключений из общего правила о полноте возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья», что установленная этим пунктом правовая норма «сама по себе направлена на защиту интересов гражданина, здоровью которого был причинен вред» (абзац второй п. 3.2. мотивировочной части Постановления от 25 июня 2019 г. № 25-П). В абзаце втором п. 4.1. мотивировочной части того же Постановления указывается на то, что и положения п. 1 ст. 1087 ГК РФ, «находясь в общей системе конституционно-правового и гражданско-правового регулирования, не могут рассматриваться как исключаящее действие общих правил и принципов деликтных обязательств и применяться вопреки их целевой направленности».

Из анализа фрагмента данного судебного акта следует, что специальная правовая норма не может применяться вопреки не только общим правилам и принципам, но даже и вопреки их целевой направленности. Эта ссылка на целевую направленность вызывает интерес по той причине, что в научной литературе предпринимаются настойчивые попытки поставить выявляемые самими учеными объективные цели правовых норм (то есть целесообразные законодательные решения) выше самих правовых норм и, соответственно, – толковать последние то ограничительно, то расширительно (см., например, 5, с. 20, 29, 744-745). Представляется, что телеологическое толкование в условиях правовой системы России должно быть выявлением только тех целей правового регулирования, которые можно обнаружить в самом позитивном праве, а не поиском за пределами закона целесообразных вариантов правового регулирования. И применяться телеологическое толкование должно только в тех случаях, когда без этого выяснить содержание соответствующего положения акта законодательства невозможно. Более широкое применение телеологического толкования и его результатов может прийти в противоречие с логикой системы гражданского законодательства.

Вывод же о возможности неприменения специальной правовой нормы вопреки целевой направленности «общих правил и принципов» тем более не может быть признан соответствующим логике законодательства: специальные правовые нормы устанавливают особенности правового регулирования отдельных видов отношений, и если их не применять вопреки целевой направленности общих правовых норм, то они (специальные правовые нормы) и вообще становятся излишними. И хотя анали-

зируемые здесь выводы сформулированы самой авторитетной судебной инстанцией, они вряд ли могут быть признаны приемлемыми методологическими инструментами, которые должны использоваться в науке и практике правоприменения.

Оказывается, однако, что применение п. 1 ст. 1087 ГК РФ не только вопреки целевой направленности общих правил и принципов, но и вопреки содержанию этих правил и принципов и вообще является невозможным, поскольку «действующее правовое регулирование применительно к возмещению вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья... несовершеннолетнего (это регулирование осуществляется прежде всего упомянутой выше статьей 1087 ГК. – Н.П.), каких-либо исключений из принципа полного возмещения вреда не содержит, и, соответственно, возмещению в таком случае – в силу общего правила – подлежат все расходы, которые потерпевший произвел (должен произвести) ...» (абзац третий п. 4.1. Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2019 г. № 25-П). И с такой интерпретацией п.1 ст. 1087 ГК следует полностью согласиться: виды расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе несовершеннолетнего, определяются в п. 1 ст. 1085 ГК не исчерпывающе. Этот пункт перечисляет не все виды подлежащих возмещению расходов, поскольку в нем содержится формулировка «расходы...в том числе...». Следовательно, возможно возмещение и других расходов. И таким образом, п. 1 ст. 1085 ГК приводится в полное соответствие с п. 1 ст. 1064 ГК, устанавливающим правило о полном возмещении вреда.

Но Конституционный Суд Российской Федерации принимает решения по рассматриваемым им делам, оценивая «как буквальный смысл рассматриваемого акта (в данном случае - ст. 1085 и 1087 ГК. – Н.П.), так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой» (часть вторая ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В данном случае правоприменительная практика судов Российской Федерации п.1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК толкует единообразно: считается, что размеры возмещения «дополнительных расходов» определены Временным порядком взаимодействия субъектов и участников системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний по вопросам медико-социальной экспертизы, медицинской, социальной и профессиональной реабилитации застрахованного и оплаты дополнительных расходов на ее проведение (утвержден Министерством труда и социального развития Российской Федерации 19 апреля 2000 года № 2726-ао, Министерством здравоохранения Российской Федерации 18 апреля 2000 года № 2510/4245-23, Фондом социального страхования Российской Федерации 18 апреля 2000 года № 02-08/10-943п).

О том, что судебная практика признает возможность применения именно этого Временного порядка для целей определения размера возмещения рассматриваемых расходов (дополнительных расходов) свидетельствует то обстоятельство, что и решение общего суда, которое упоминается в Постановлении Конституционного Суда от 25 июня 2019 № 25-П, обосновано ссылкой на упомянутый выше Временный порядок.

Поэтому Конституционный Суд при разрешении вопроса о соответствии Конституции п. 1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1087 ГК должен был учесть и эту конкретизацию (официальную интерпретацию) указанных законодательных положений, которая

дана в названном Временном порядке, и ту судебную практику, которая сложилась. Но если учесть эту конкретизацию (официальную интерпретацию) и судебную практику, то выйдет, что п. 1 ст. 1085 ГК и п. 1 ст. 1087 ГК противоречат п. 1 ст. 1064 ГК, предусматривающей полное возмещение вреда. И тогда для утверждения о том, что «действующее правовое регулирование применительно к возмещению вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья такого несовершеннолетнего, каких-либо исключений из принципа полного возмещения вреда не содержит...» (абзац третий п. 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2019 г. № 25-П), оснований уже не будет. Такие основания появились бы только при условии, если бы Конституционный Суд сделал выводы о том, что сложившаяся судебная практика не соответствует закону, а поэтому должна быть приведена в соответствие с законом, и что упомянутый Временный порядок распространяется только на отношения по поводу обязательного социального страхования, указав, что он не распространяется на отношения по поводу возмещения вреда в гражданско-правовых формах. Но Конституционный Суд такой вывод не делает. Поэтому следует понимать, что коллизия между ст. 1085 и 1087 ГК (с учётом их официальной конкретизации и интерпретации, а также с учетом судебной практики) все-таки имеется. Разрешается эта коллизия в пользу общей правовой нормы, текстуально закреплённой в п.1 ст.1064 ГК, предусматривающей полное возмещение вреда. Но такой вывод нуждается больше в технико-юридическом обосновании, чем в привычном для российской юриспруденции политико-правовом. Хорошо было, конечно, следовать рекомендациям А.В. Малышкина о том, что суд не должен механически применять юридическую норму, а должен понимать ее социальное содержание, чувствовать ее цивилизационную и мировоззренческую ценность, видеть взаимосвязь с иными регуляторами общественных отношений, уметь применять эти регуляторы ко всему многообразию рассматриваемых судами отношений [7, с. 7]. Но ведь прежде всего следует использовать внутренний потенциал права, который раскрывается путем использования технико-юридического инструментария.

Даже с учетом официальной конкретизации и сложившейся практики применения ст. 1085 ГК и ст. 1087 ГК, устанавливающие специальные правовые нормы, должны быть признаны совместимыми с п. 1 ст. 1064 ГК, в котором текстуально закрепляется общая правовая норма. Совместимость этих правовых норм означает, что ст. 1085 и 1087 ГК не могут исключить в сфере своего действия применение общей правовой нормы, которая предусматривает полное возмещение вреда. Такая аргументация приводит Постановление Конституционного Суда, которое выше анализировалось, в полное соответствие со ст. 1064, 1085, 1087 ГК. Но использование такого инструментария в судебной практике, да и в научной литературе, не принято.

Такой же методологический инструментарий следует использовать и в других случаях, когда обнаруживается коллизия между общей правовой нормой, которая закреплена в п. 1 ст. 1064 ГК, и специальными правовыми нормами.

Так, в соответствии с частью первой ст. 1094 ГК «лица, ответственные за вред, вызванный смертью потерпевшего, обязаны возместить необходимые расходы на погребение лицу, понесшему эти расходы». Ст. 3 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» погребение определено как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в со-

ответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. В данном случае знание обычаев и традиций необходимо для определения объема ритуальных действий, в том числе и действий по приобретению определённых предметов в связи с погребением. Сопоставление осуществлённых мероприятий по захоронению тела с традициями населения является определяющим для определения размера возмещения вреда, установленного ст. 1094 ГК.

Московский городской суд в апелляционном определении от 22 мая 2014 г. № 33-16534/14 при толковании части первой ст. 1094 ГК пришел к выводу о том, что проведение поминальных обедов на девятый и сороковой день, в том числе приобретение для этого спиртных напитков, «выходит за пределы обрядовых действий по непосредственному захоронению тела».

Суды первой и апелляционной инстанций также отказали в удовлетворении исковых требований о взыскании расходов на поминальные обеды по тем основаниям, что поминальные обеды не относятся к расходам на достойные похороны, которые могли бы быть взысканы с наследников. Отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам и возвращая дело на новое рассмотрение, Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 26.08.2020 по делу № 88-7965/2020 указал, что в статье 1194 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится понятие «достойные похороны» с учетом необходимости обеспечения достойного отношения к телу умершего. Пунктом 6.1 Рекомендаций о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации, рекомендованных Протоколом НТС Госстроя Российской Федерации от 25 декабря 2001 года № 01-НС-22/1, предусмотрено, что в соответствии с Федеральным законом "О погребении и похоронном деле" обряды похорон определяются как погребение. В церемонию похорон входят, как правило, обряды: омовения и подготовки к похоронам, а также поминовения. Нормативно-правовыми актами не регламентировано осуществление поминального обеда в день похорон как обязательной церемонии в связи со смертью усопшего. Однако из упомянутых выше Рекомендаций и сложившихся традиций, церемония поминального обеда общепринята, соответствует традициям населения Российской Федерации, является одной из форм сохранения памяти об умершем и неотъемлемой частью осуществления достойных похорон умершего.

Президиум Алтайского краевого суда в постановлении от 22 января 2013 г. № 44-Г-1/2013 указал на неправильность позиции апелляционного суда, который отказал в возмещении расходов на изготовление и установку памятника (очевидно, постольку, поскольку изготовление и установка памятника не охватывается понятием обрядовых действий по непосредственному захоронению тела). В постановлении президиума указано, что расходы на погребение не ограничиваются расходами, понесенными в день похорон, а потому к расходам на погребение относятся и расходы на изготовление и установку памятника.

К аналогичному выводу пришла судебная коллегия по гражданским делам Нижегородского областного суда в апелляционном определении от 9 апреля 2020 года по делу № 33-3123/2020 оставляя без изменений решение суда первой инстанции, которым с ответчика были взысканы расходы на установку памятника. Судебная коллегия указала, что расходы на установку памятника являются необходимыми, т.к. относятся к месту погребения и является надгробным сооружением для увековечения памяти умершего. Довод жалобы о том, что расходы на изготовление, доставку

и установку надгробного памятника не являются в силу ст. 1094 ГК РФ необходимыми расходами нельзя признать правомерным, поскольку расходы на изготовление, доставку и установку памятника не выходят за пределы обрядовых действий по непосредственному погребению, в связи с чем являются необходимыми для достойных похорон сына истца и разумными, доказательств их чрезмерности не представлено, установка памятника вместо временного креста соответствует национальным и местным обычаям и традициям, следовательно, достойное отношение к памяти умершего в форме установки данного памятника отвечает критериям необходимости и соразмерности.

Представляется, судами не всегда учитывается системная связь части первой ст. 1094 ГК с п. 1 ст. 1064 ГК. Суть проблемы заключается в том, что в части первой ст. 1094 ГК текстуально закреплена правовая норма, которая является специальной по отношению к правовой норме, которая текстуально закреплена в п. 1 ст. 1064 ГК и устанавливает право потерпевшего на возмещение вреда в полном объеме. Обратим внимание на приведенную выше формулировку «правовые нормы, которые закреплены текстуально». Они существенны для разрешения коллизий в праве, но не используются при разрешении коллизий ни учеными-юристами, ни субъектами правоприменения. Лишь в одном издании не только используются эти слова, но и показывается их методологическое значение [8, с.179-202]. Положения из этого издания используются в настоящей статье здесь и в дальнейшем.

Правовые нормы, текстуально закрепленные в части первой ст. 1094 ГК и в п. 1 ст. 1064 ГК, соотносятся как специальная и общая. Этот вывод основан на том, что часть первая ст. 1094 ГК регулирует вид отношений, возникающих вследствие причинения вреда, а п. 1 ст. 1064 ГК – род отношений. Иными словами, сфера действия правовой нормы, текстуально закрепленной в части первой ст. 1094 ГК, является частью сферы действия правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК, и не выходит за пределы сферы действия этой правовой нормы. Однако соотношение рассматриваемых правовых норм как специальной и общей не дает основания для разрешения коллизий между этими правовыми нормами по правилу «*lex specialis derogat generali*», поскольку диспозиции этих правовых норм являются совместимыми. Общая правовая норма, текстуально закрепленная в п. 1 ст. 1064 ГК, предусматривает возмещение вреда в полном объеме. И этого общего правила вполне было бы достаточно, в том числе и для регулирования отношений по поводу возмещения расходов на погребение. Но законодатель счел необходимым отношения, однажды урегулированные общей правовой нормой, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК, урегулировать повторно, то есть однажды предоставленное потерпевшему общей правовой нормой право законодатель решил предоставить ему еще один раз – специальной правовой нормой.

Видимо, законодателем было принято такое решение с целью уточнения вопроса о том, кто же будет кредитором в обязательстве по возмещению расходов на погребение. Таковым часть первая ст. 1094 ГК определяет лицо, понесшее эти расходы. Но при определении этого лица не просто указали на это лицо, но также установили, что ему возмещаются «необходимые расходы». Но указание на «необходимые расходы» дает основание для вывода о том, что иные расходы на погребение не подлежат возмещению. Из этого и исходили соответствующие упомянутые выше

судебные инстанции, когда они не допускали возмещения расходов, которые не связаны с обрядовыми действиями «по непосредственному захоронению тела».

Этот последний вывод требует отдельного внимания. Это – вывод от противоположного (от обратного) или вывод *a contrario*. Он обычно при официальном и доктринальном толковании положений законодательства не игнорируется, а как бы учитывается в содержании текстуально закрепленных норм. В качестве примеров можно взять приведенные выше судебные решения: необходимые расходы возмещаются, а иные расходы (на поминальные обеды на девятый и сороковой день; на установку памятника) – не возмещаются. Между тем, следовало бы признать, что при помощи вывода *a contrario* обнаруживается не часть содержания соответствующей текстуально закреплённой правовой нормы, а правовая норма, которая логически закреплена в соответствующем положении акта законодательства (том же, в котором текстуально закреплена другая норма). Исследование, проведенное группой авторов, позволило им сделать и обосновать вывод о том, что правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при помощи вывода *a contrario*, по общему правилу, неспособны конкурировать с другими правовыми нормами при правоприменении. Они приобретают такую способность в случаях, когда в законодательных положениях, в которых логически закрепляются такие нормы, используются слова «лишь», «только», «исключительно», «не иначе как». Эти слова придают нормативному тексту признак категоричности. Но вместе с тем, они несколько огрубляют текст, лишают его признака изящной словесности, делают менее гибким [8, с. 338-348].

Если попробовать дополнить часть первую ст. 1094 ГК словом «только» (после слова «возместить» и перед словом «необходимые»). Тогда правовая норма, которая логически закреплена в части первой ст. 1094 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой другие расходы возмещению не подлежат, приобретет способность к конкуренции при правоприменении и безоговорочно исключит возможность применения к отношениям, регулируемым частью первой ст. 1094 ГК, пункта 1 ст. 1064 ГК, предусматривающего возмещение вреда в полном объеме. Пока же такого или другого подобного слова в части первой ст. 1094 ГК нет, ни текстуально закреплённая в этом законодательном положении специальная правовая норма (в силу ее совместимости с общей правовой нормой, текстуально закреплённой в п. 1 ст. 1064 ГК), ни логически закреплённая в части первой ст. 1094 ГК правовая норма (в силу ее неспособности к конкуренции при правоприменении) не могут исключить применение к отношениям, регулируемым частью первой ст. 1094 ГК, пункта 1 ст. 1064 ГК.

Поэтому возмещению подлежат все расходы, которые лицо понесло в связи с погребением и соблюдением соответствующих обрядов, круг которых (расходов) определяется в соответствии с обычаями. К таким расходам относятся и расходы на поминальные обеды, в том числе и на девятый и сороковой день (конечно, если речь идет о похоронах в христианской традиции; в других случаях в качестве эксперта разъяснение об обрядах можно получить у духовного лица соответствующей конфессии), и расходы на приобретение спиртного (в христианских и атеистических семьях похороны без этого никогда не обходятся), и расходы на изготовление и установку памятника, и другие необходимые расходы. Их размер должен определяться в соответствии с требованием добросовестности, закреплённым в п. 3 ст. 307

ГК, который распространяется на отношения по поводу возмещения вреда в силу п. 2 ст. 307.1 ГК, а также в соответствии с принципами справедливости и разумности (п. 2 ст. 6 ГК).

Исключительно остро стоит вопрос о толковании и применении ст. 1084 ГК, предусматривающей возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина «при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей». Перечисление в этом законодательном положении круга лиц, имеющих право на возмещение вреда, и круга случаев, когда причиняется вред, подлежащий возмещению, дает основание для вывода о том, что другие лица (граждане) права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью не имеют. Не имеют такого права и лица, названные в ст. 1084 ГК, если только им вред причинен не при исполнении указанных в этой статье обязанностей. Это противоречит п.1 ст. 1064 ГК, которая устанавливает, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению, и не устанавливает каких-либо исключений из этого общего правила. Разрешение рассматриваемой коллизии возможно только на базе методологии, разработанной группой крымских авторов [8, с. 437-467].

Сначала следует констатировать, что сферы действия правовых норм, текстуально закрепленных в п. 1 ст. 1064 ГК и ст. 1084 ГК, соотносятся как часть и целое. Это является основанием для вывода о том, что в п. 1 ст. 1064 ГК устанавливается общая правовая норма, а в ст. 1084 ГК – специальная правовая норма. Эти две правовые нормы являются совместимыми. Поэтому для разрешения коллизии между ними не может быть использовано правило «*lex specialis derogat generali*». В данном случае специальная норма в сфере своего действия не исключает применения общей правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК. Следовательно, те лица, которые не названы в ст. 1084 ГК и не имеют права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, в соответствии со ст. 1084 ГК имеют право на возмещение такого вреда в соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК.

Что касается правовой нормы, которая логически закреплена в ст. 1084 ГК, обнаруживается при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой лица, не указанные в этой статье, не имеют права на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, то такие правовые нормы, как доказывалось в упомянутом выше издании [4, с. 320-393], не способны к конкуренции и не могут исключить применение в сфере своего действия общей правовой нормы, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК. Следовательно, вред, причиненный жизни или здоровью гражданина, подлежит возмещению всегда при наличии оснований, предусмотренных ст. 1064 ГК, а не только лицам, указанным в ст. 1084 ГК, и в случаях, указанных в этой статье.

Поскольку здесь рассматривается соотношение ст. 1064 ГК и ст. 1084 ГК и устанавливаемых ими правовых норм, необходимо разрешить вопрос о значении вины причинителя вреда для возникновения обязательств вследствие причинения вреда на основании ст. 1084 ГК. Как отмечает В.С. Трофимов, правовая квалификация деятельности потенциального причинителя вреда во всех случаях требует изучения наличия и формы вины, а также иных признаков совершенного деяния, которые должны быть в обязательном порядке исследованы правоприменителем [9]. Вместе с тем, вина в ст. 1084 ГК вообще не упоминается. Это могло бы быть основанием для вывода о том, что возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражд-

данина производится независимо от вины. Это вывод был бы неправильным. Поскольку в ст. 1084 ГК вина вообще не упоминается, правильным будет утверждение о том, что это законодательное положение вопросы вины вообще не решает. А раз это - так, то при причинении вреда жизни или здоровью гражданина вместе со ст. 1084 ГК подлежит применению п. 2 ст. 1064 ГК, который вину признает условием возмещения вреда, кроме случаев, когда законом предусмотрено возмещение вреда независимо от вины причинителя вреда. П. 2 ст. 1064 ГК применяется к отношениям, регулируемым ст. 1084 ГК. Следовательно, в случаях, предусмотренных законом, вред на основании ст. 1084 ГК возмещается и при отсутствии вины. Но специальных по отношению к правовой норме, установленной ст. 1084 ГК, как общей, правовых норм, которые предусматривали бы возмещение вреда жизни или здоровью независимо от вины причинителя вреда, нет. В этой связи возникает вопрос о соотношении ст. 1084 ГК с законодательным положением, предусматривающим возмещение вреда независимо от вины.

Возмещение вреда независимо от вины предусмотрено ст. 1070 ГК и ст. 1079 ГК. Сфера действия указанных правовых норм, устанавливающих безвиновную ответственность за причиненный вред с одной стороны, и правовой нормой, текстуально закрепленной в ст. 1084 ГК, – с другой, частично совпадают. Поэтому коллизии между ними не могут разрешаться по правилу «*lex specialis derogat generali*». В то же время указанные правовые нормы являются несовместимыми: правовые нормы, установленные ст. 1070 и 1079 ГК, предусматривают возмещение вреда независимо от вины, а ст. 1084 ГК с учетом п. 2 ст. 1064 ГК предусматривает возмещение вреда при условии вины причинителя вреда. Но одновременно с основным правилом п. 2 ст. 1064 ГК, закрепляющем принцип вины, к отношениям, регулируемым ст. 1084 ГК, применяется и исключение, которое допускает возникновение обязательств вследствие причинения вреда и при отсутствии вины причинителя вреда. Следовательно, вместе со ст. 1084 ГК применению подлежит и п. 2 ст. 1064 ГК, закрепляющий принцип вины и устанавливающий исключение из этого принципа. А вместе со ст. 1084 ГК применяются и ст. 1070 и 1079 ГК, устанавливающие случаи безвиновной ответственности.

Изложенное показывает важность применения для разрешения коллизий между общими и специальными нормами о возмещении вреда научно обоснованного инструментария и может служить обоснованием необходимости внесения изменений в положения гражданского законодательства, распространяющегося на отношения по поводу возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина.

Список литературы:

1. Васильковский, Е. В. Цивилистическая методология / Е. В. Васильковский. – Санкт-Петербург: Лань, [б. г.]. – Часть 1 : Учение о толковании и применении гражданских законов. – 2013. – 398 с. — ISBN 978-5-507-31528-4. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/30499>.
2. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. – М.: Статут, 2011. - 510 с.
3. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики : учебное пособие. — М.: Проспект, 192 с.
4. Власенко, Н. А. Коллизионные нормы в советском праве : монография / Н. А. Власенко. – репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 100 с. - ISBN 978-5-91768-861-9. – Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1091573>.
5. Черданцев А.Ф. Толкование права и закона. М., 2003. – 378 с. Источник: <https://booksee.org/book/529366>

6. Обязательственное и договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского Кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова. – М.: Статут, 2017. — 1120 с.
7. Малышкин А.В. Интегрированные судебные акты: общетеоретический анализ: Монография. Владимир: ВИТ-принт, 2012. - 211 с.
8. Новейшее учение о толковании права / Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
9. Трофимов С.В. О некоторых аспектах гражданско-правовой ответственности вследствие причинения вреда при эксплуатации транспорта // СПС «КонсультантПлюс».

Plieva N. Conflicts between general and specific compatible legal rules governing relations regarding compensation for the harm // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 259-269.

The article presents the results of the study of the problem of the correlation of general and special legal norms of the institution of obligations due to harm. The author attempts to show the possibility of using methodological tools to resolve conflicts between the general legal norm established by paragraph 1 of Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, which provides for compensation for the harm in full, and special legal norms in relation to the general one. Based on the results of the analysis, a method is proposed to resolve the conflict existing between the general legal norm established by Article 1064 of the Civil Code, on the one hand, and the special legal norms established by Articles 1085 and 1087 of the Civil Code, on the other, in favor of the general legal norm providing for full compensation for harm. In the same way, it is proposed to resolve conflicts between the specified general legal norm and special legal norms, textually fixed in Articles 1084 and 1094 of the Civil Code. The author confirms the theoretical conclusions by analyzing court decisions on the relevant categories of disputes.

Keywords: compensation for harm, conflicts, legal interpretation, law enforcement, general legal norms, special legal norms, compatible legal norms, incompatible legal norms.

Spisok literatury:

1. Vas'kovskij, E. V. Civilisticheskaya metodologiya / E. V. Vas'kovskij. — Sankt-Peterburg: Lan', [b. g.]. – CHast' 1 : Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov. – 2013. – 398 s. – ISBN 978-5-507-31528-4. – Tekst : elektronnyj // Lan' : elektronno-bibliotchnaya sistema. – URL: <https://e.lanbook.com/book/30499>.
2. Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava. – М.: Statut, 2011. - 510 s.
3. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki : uchebnoe posobie. – М.: Prospekt, 192 s.
4. Vlasenko, N. A. Kollizionnye normy v sovetskom prave : monografiya / N. A. Vlasenko. – repr. izd. – Moskva : Norma : INFRA-M, 2020. – 100 s. - ISBN 978-5-91768-861-9. – Tekst : elektronnyj. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1091573>.
5. CHerdancev A.F. Tolkovanie prava i zakona. М., 2003. – 378 s. Istochnik: <https://booksee.org/book/529366>
6. Obyazatel'stvennoe i dogovornoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307-453 Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii / Pod red. A.G. Karapetova. – М.: Statut, 2017. – 1120 s.
7. Malyshkin A.V. Integrirovannye sudebnye акты: obshcheteoreticheskij analiz: Monografiya. Vladimir: VIT-print, 2012.- 211 s.
8. Novejshee uchenie o tolkovanii prava / Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
9. Trofimov S.V. O nekotoryh aspektah grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti vsledstvie prichineniya vreda pri ekspluatatsii transporta // SPS «Konsul'tantPlyus».

УДК 347.1

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-270-276

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЛОГА В СИСТЕМЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Потопальский С. С.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена анализу особенностей и проблем правового регулирования залога в системе норм гражданского права. Автором проанализированы общие и специальные нормы о залоге, определены коллизии норм залогового законодательства, изучены проблемы правоприменительной практики при рассмотрении споров, вытекающих из залоговых правоотношений. Автор обращает внимание на способы разрешения темпоральных коллизий в системе норм гражданского права на примере правового регулирования залога, рассматривает актуальные вопросы применения норм о регистрации залога, значение регистрации залога для добросовестного приобретателя залогового имущества. Автор выдвигает предложения по решению выявленных проблем в законодательстве и правоприменительной практике.

Ключевые слова: залог, договор залога, система залогового законодательства, регистрация залога, старшинство залогов, залогодатель, залогодержатель, прекращение залога, судебная практика.

Под обеспечением исполнения обязательств, как правило, понимают предусмотренные законом или договором меры, которые гарантируют исполнение основного обязательства, а также стимулируют должника к надлежащему исполнению основного обязательства.

Со вступлением в силу Федерального закона от 21.12.2013 N 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [1] (далее – Закон N 367-ФЗ от 21.12.2013) с 01.07.2014 в ГК РФ введено ряд норм, регулирующих как общие положения о залоге, так и отдельные виды залога.

Таким образом, в законодательстве о залоге сложилась неразрешенная и до сегодняшнего дня ситуация, когда ряд общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) противоречат специальным нормам Федерального закона от 16.07.1998 N 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)" [2] (далее – Закон об ипотеке). При этом нормы Закона об ипотеке формально являются специальными, то есть имеющими приоритет перед общими нормами ГК РФ. С другой стороны, в отношении нововведенных норм ГК РФ можно применить принцип приоритета норм нового закона над нормами более позднего закона.

Впоследствии, со вступлением в силу Федерального закона от 25.11.2017 N 328-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [3], правила, которые были введены указанным законом, стали новыми по отношению к нормам ГК РФ, что еще более усложнило разрешение коллизий залогового законодательства.

Например, неурегулированным остался вопрос о том, является ли залоговая стоимость (оценка предмета ипотеки) существенным условием договора ипотеки. Так, положения пункта 1 ст. 339 ГК РФ не относят оценку предмета ипотеки к суще-

ственным условиям договора ипотеки, тогда как Закон об ипотеке относит указанное условие к существенным (п. 1 ст. 9 Закона об ипотеке), что имеет определяющее значение для заключения договора ипотеки.

Для ответа на вопрос как поступать в случае коллизии норм залогового законодательства обратимся к п. 4 ст. 334 ГК РФ. В соответствии с положениями указанного пункта к отдельным видам залога (ст. 357 – 358.17) применяются общие положения о залоге, если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса об этих видах залога. К залогоу недвижимого имущества (ипотеке) применяются правила настоящего Кодекса о вещных правах, а в части, не урегулированной указанными правилами и законом об ипотеке, общие положения о залоге.

Положения ГК РФ не содержит до настоящего времени правил об ипотеке как вещном праве (законодатель только планировал их ввести ГК РФ).

Вместе с тем приведенная норма прямо предусматривает приоритет специальных норм Закона об ипотеке над общими нормами ГК РФ о залоге.

Таким образом, общие положения ГК РФ о залоге могут применяться, если иные правила не предусмотрены специальными нормами ГК РФ об отдельных видах залога и специальным Законом об ипотеке.

Вместе с тем в пункте 4 статьи 3 Закона N 367-ФЗ от 21.12.2013, которым реализована реформа залогового права, установлено, что до приведения правовых актов в соответствие с положениями ГК РФ такие акты РФ, а также действующие акты Союза ССР применяются постольку, поскольку они не противоречат положениям ГК РФ.

Указанное правило отдает приоритет уже нормам ГК РФ по отношению к иным правовым актам, в том числе специальным законам.

Также согласно п. 5 ст. 3 Закона № 367-ФЗ, правила о государственной регистрации договора ипотеки, содержащиеся в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [4] и Федеральном законе от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», не подлежат применению к договорам ипотеки, заключаемым после дня вступления в силу настоящего Федерального закона.

Следовательно, к правам и обязанностям, возникшим из договоров ипотеки, которые заключены после 01.07.2014 г., подлежат применению общие положения ГК РФ о залоге.

Например, по смыслу ст. ст. 334.1 и 339.1 ГК РФ непосредственно сам договор залога регистрации не подлежит и считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора. По сути залоговой реформой введена новая система регистрации залоговых прав (обременений), которая сопровождалась соответствующими изменениями в законодательство о нотариате. Ипотека как вид залога подчиняется указанным правилам.

Вместе с тем в пунктах 1, 2 статьи 10 Закона об ипотеке, содержится норма, согласно которой договор об ипотеке считается заключенным и вступает в силу с момента его государственной регистрации.

Если применять правило, предусмотренное п. 5 ст. 3 Закона № 367-ФЗ, то приоритет необходимо отдать общим положениям ГК о залоге, предусматривающим регистрацию залога, как залогового права (обременения), а не договора залога. На сегодняшний день система регистрации залога недвижимого имущества предусматри-

вает внесения записи о залоге как обременении в Единый государственный реестр недвижимости. Регистрация договора залога не предусмотрена. Указанный подход не всегда учитывается судами при разрешении споров.

Так, суды первой и апелляционной инстанции удовлетворили иск гражданина к ООО «Регина и К» о государственной регистрации договора залога (ипотеки). Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 N 49-КГ19-9 [5] судебные акты отменены, а дело направлено на новое рассмотрение по тем основаниям, что судами не применен п. 5 ст. 3 Закона N 367-ФЗ, по смыслу которого правила о государственной регистрации договора ипотеки, содержащиеся в Законе об ипотеке не подлежат применению к договорам ипотеки, заключенным после 01.07.2014 г. Таким образом, непосредственно договор ипотеки не подлежит регистрации и является заключенным в момент согласования сторонами всех существенных условий договора. При этом залоговое обременение на недвижимое имущество (залог) возникает с момента внесения записи о залоге (как обременении) в Единый государственный реестр недвижимости (п. 1 ст. 339.1 ГК РФ).

Такой подход не является универсальным по отношению ко всем положениям Закона об ипотеке и ГК РФ.

Например, Закон об ипотеке допускает передачу залоговых прав по закладной без государственной регистрации залога.

Как следует из п. 3 ст. 48 Закона об ипотеке права на закладную подтверждаются последней отметкой на ней, которая проставляется предыдущим владельцем.

Вместе с тем согласно п. 1 ст. 339.1 ГК РФ залог подлежит государственной регистрации и возникает с момента такой регистрации в случаях, если в соответствии с законом права, закрепляющие принадлежность имущества определенному лицу, подлежат государственной регистрации.

Следовательно, нормы Закона об ипотеке устанавливают исключение относительно государственной регистрации перехода залоговых прав на недвижимое имущество по закладной.

В данной ситуации приоритет имеют уже нормы Закона об ипотеке перед нормами ГК РФ о регистрации залога, и упомянутое ранее правило, предусмотренное пунктами 3, 5 статьи 3 Закона N 367-ФЗ о приоритете общих положений ГК РФ о залоге над нормами Закона об ипотеке, не применяется.

Указанная позиция подтверждается судебной практикой. Например, определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.05.2019 N 46-КГ19-4 [6], отменены судебные акты нижестоящих судов по тем основаниям, что последние, мотивировали судебные принятые решения отсутствием государственной регистрации передачи залоговых прав по закладной, при этом не применили специальные нормы Закона об ипотеке (п. 2, 3 ст. 48), регулирующие переход прав по закладной путем проставления соответствующей отметки, и не предусматривающие обязательность регистрации такого перехода прав в Едином государственном реестре недвижимости.

Исходя из вышеприведенных примеров, по нашему мнению, установить общее для всех случаев правило применения норм того или иного нормативного акта невозможно, поэтому, применяя нормы разных законов, необходимо учитывать со-

держатся в них правила, а также конкретные обстоятельства, определяющие отношение между новым законом и законом, принятым ранее.

Применяя нормы залогового законодательства к так называемым длящимся договорным отношениям, новые нормы применяются к правам и обязанностям, возникающим из договора, если закон прямо устанавливает, что действие его норм распространяется на отношения, возникшие из договоров, которые заключены до вступления в силу новых норм. (п. 2 ст. 4, п. 2 ст. 422 ГК РФ).

Вместе с тем, если стороны дополнили договор условием о применении новых норм ко всем правоотношениям, возникшим из договора, то суды применяют новые нормы. Однако в данном случае необходимо правильно определить действительную волю сторон на применение новых норм к договору. Данную проблематику демонстрирует следующий пример из судебной практики.

Так, по одному из судебных дел установлено, что банк (залогодержатель), выдавший кредит обществу с ограниченной ответственностью под залог 100% долей участников в уставном капитале ООО, на основании новых положений ч. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК РФ об осуществлении залогодержателем прав участника общества, стал осуществлять права участников данного общества. Следовательно, на общем собрании представителем банка принято решение о прекращении полномочий действующего директора общества и назначении на эту должность нового директора. Участники общества обжаловали в судебном порядке решение общего собрания о смене директора, ссылаясь на то, что договор залога заключен до вступления в силу положений п. 2 ст. 358 ГК РФ (вступили в силу с 01.07.2014 г.), при этом, по мнению истцов, между сторонами отсутствует соглашение о применении к договору залога новых положений п. 2 ст. 358.15 ГК РФ. Суды всех инстанций пришли к выводу, что для применения новых положений п. 2 ст. 358.15 ГК РФ достаточно ссылки в одном из дополнительных соглашений к договору залога (дополнительное соглашение №10) о том, что правоотношения сторон по договору регулируются действующими нормами законодательства РФ о залоге (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2017 по делу N А07-21705/2015 Арбитражного суда Республики Башкортостан [7], Определение ВС РФ от 30.05.2017 N 309-ЭС17-5399 по делу N А07-21705/2015 [8]).

По нашему мнению, формулировка, содержащаяся в дополнительном соглашении №10 о том, что правоотношения сторон по договору регулируются действующими нормами законодательства РФ о залоге, прямо не выражает волю сторон на применение к договору в целом новых положений ч. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК РФ, что подтверждается также тем, что дополнительное соглашение №10, было направлено на внесение изменений в п. 2.10.2 Договора относительно обязательств по выплате процентов.

Кроме того, следует согласиться с мнением отдельных авторов, о том, что допущение перехода к залогодержателю всех прав участника общества с ограниченной ответственностью предоставляет ему необоснованный, но юридически гарантированный механизм вмешательства во внутреннюю среду общества [9, с. 272].

Например, банк (залогодержатель), выдавший кредит обществу с ограниченной ответственностью под залог 100% долей участников общества в уставном капитале, на основании п. 2 ст. 358.15 ГК РФ стал осуществлять права участников данного общества. В частности, провел внеочередное общее собрание участников общества,

на котором единолично представителем банка принято решение направить от имени общества в арбитражный суд заявление о банкротстве общества в соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N127-ФЗ. Суды всех инстанций пришли к выводу, что банк правомерно осуществлял права участников общества по управлению делами общества, действуя на основании ч. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК, поскольку договор заключен после вступления в силу положений ч. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.03.2020 N Ф01-8330/2019 по делу N А11-2611/2019).

По нашему мнению, существующая редакция ч. 2 п. 2 ст. 358.15 ГК РФ допускает возможность злоупотребления залогодержателем, например, банком, правами участников общества с ограниченной ответственностью, в связи с чем указанную норму целесообразно было бы изложить в редакции, аналогичной ч.1 п.2 ст. 358.15 ГК РФ, которая устанавливает осуществление прав, удостоверенных акциями, залогодателем (акционером).

Отдельно следует обратить внимание на особенности и проблемы правового регулирования момента возникновения залога.

По смыслу ст. 339.1 ГК РФ залог недвижимого имущества подлежит государственной регистрации и возникает с момента такой регистрации.

При этом залог движимого имущества, может быть учтен путем регистрации уведомлений о залоге, которые направляются в реестр уведомлений о залоге движимого имущества (п. 4 ст. 339 ГК РФ).

Таким образом, залог объектов недвижимости возникает с момента его регистрации в едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), а залог движимого имущества возникает с момента заключения договора о залоге. Направление уведомления о залоге движимого имущества в Реестр уведомлений о залоге движимого имущества только подтверждает уже возникшее право. Указанное правило имеет определяющее значение для сохранения залоговых прав в случае приобретения предмета залога третьими лицами.

Введением в ГК РФ понятия "старшинство залогов", как утверждают отдельные авторы, решена проблема законодательного закрепления четкой "иерархии" прав залогодержателей и одновременного обеспечения в необходимых случаях равенства прав разных залогодержателей [11].

В соответствии со ст. 342.1 ГК РФ указанный вопрос решается путем установления очередности удовлетворения требований залогодержателей в зависимости от момента возникновения каждого залога.

При этом по смыслу абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ залогодержатель в отношениях с третьими лицами вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога движимых вещей только с момента совершения записи о залоге Реестр уведомлений о залоге движимого имущества, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога до внесения записи. Отсутствие записи об учете залога вещей, не относящихся к недвижимым, не затрагивает отношения залогодателя с залогодержателем.

Таким образом, в случае продажи залогового имущества третьему лицу все риски, связанные с отсутствием регистрации залога, несет залогодержатель. При этом залог прекращается, если третье лицо - покупатель не знало о том, что имущество

находиться в залоге и такой залог не был зарегистрирован, что следует из подп. 2 п.1 ст. 352 ГК РФ.

Реестр залога движимого имущества необходимо отличать от регистрации предусмотренной законодательством для отдельных видов имущества, в частности от регистрации транспортных средств, что имеет существенное значение при решении судебных споров. Например, как следует из определения судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.10.2019 № 23-КГ19-6, 2-254/2017 [12] при оценке добросовестности приобретателя залогового имущества суды нижестоящих инстанций ссылались на факт регистрации транспортного средства в органах Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД), а также на наличие у продавца (собственника автомобиля) подлинника паспорта транспортного средства. Однако коллегия ВС РФ указала, что нижестоящие суды не учли, что ГИБДД не является органом, ведущим реестр залогов движимого имущества, а осуществляет учет транспортных средств в целях их допуска к дорожному движению.

Таким образом, факт регистрации автомобиля в органах ГИБДД сам по себе не влечет возникновения, изменения или прекращения гражданских прав в отношении данного имущества и его обременений. В данном случае момент регистрации залога в реестре имеет определяющее значение для сохранения залоговых прав в случае покупки предмета залога третьим лицом.

Список литературы:

1. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : Федеральный закон N 367-ФЗ от 21.12.2013: с изм. на 26.07.2017 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
2. Об ипотеке (залоге недвижимости) : Федеральный закон N 102-ФЗ от 16.07.1998: с изм. на 10.09.2021 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости) : Федеральный закон N 328-ФЗ от 25.11.2017 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
4. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : Федеральный закон N 122-ФЗ от 21.07.1997 г.: с изм. на 31.12.2019 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 N 49-КГ19-9// СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.05.2019 N 46-КГ19-4 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2017 по делу N А07-21705/2015 Арбитражного суда Республики Башкортостан // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
8. Определение ВС РФ от 30.05.2017 N 309-ЭС17-5399 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
9. Зиновьева О.П. Новеллы законодательства о залоге прав участников юридических лиц // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2016. – С. 270-275. – Текст : непосредственный.
10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.03.2020 N Ф01-8330/2019 по делу N А11-2611/2019 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
11. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – 2-е издание, исп. и доп. – М.: Статут. – 2018. – 269 с. // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.10.2019 № 23-КГ19-6, 2-254/2017// СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

Potopalsky S.S. Problems of legal regulation of pledge in the system of civil law norms // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – T. 8 (74). № 1. – P. 270-276.

The article is devoted to the analysis of the peculiarities and problems of legal regulation of the pledge in the system of civil law norms. The author analyzed general and special rules on pledge, identified conflicts of norms of pledge legislation, studied the problems of law enforcement practice when considering disputes arising from pledged legal relations. The author draws attention to the ways of resolving temporal collisions when applying the legislation on pledge, considers topical issues of applying the rules on registration of pledge, the meaning and consequences of registration of a pledge for a bona fide purchaser of pledged property. The author puts forward proposals for solving the identified problems in legislation and law enforcement practice.

Keywords: pledge, pledge agreement, system of pledge legislation, registration of pledge, seniority of pledges, pledger, pledgee, termination of pledge, court practice.

Spisok literatury:

1. O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i priznaniu utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozhenii zakonodatel'nykh aktov) Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon N 367-FZ ot 21.12.2013: s izm. na 26.07.2017 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
2. Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti) : Federal'nyi zakon N 102-FZ ot 16.07.1998: s izm. na 10.09.2021 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
3. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti) : Federal'nyi zakon N 328-FZ ot 25.11.2017 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
4. O gosudarstvennoi registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim : Federal'nyi zakon N 122-FZ ot 21.07.1997 g.: s izm. na 31.12.2019 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
5. Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 23.04.2019 N 49-KG19-9// SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
6. Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam VS RF ot 14.05.2019 N 46-KG19-4 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 23.01.2017 po delu N A07-21705/2015 Arbitrazhnogo suda Respubliki Bashkortostan // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
8. Opredelenie VS RF ot 30.05.2017 N 309-ES17-5399 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
9. Zinov'eva O.P. Novelly zakonodatel'stva o zaloge prav uchastnikov yuridicheskikh lits // Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsessa na sovremennom etape. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodarskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. – 2016. – S. 270-275. – Tekst : neposredstvennyi.
10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 25.03.2020 N F01-8330/2019 po delu N A11-2611/2019 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyi.
11. Vitryanskii V.V. Reforma rossiiskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. – 2-e izdanie, isp. i dop. – M.: Statut". – 2018. – 269 s. // SPS «Konsul'tantPlyus». – Tekst : elektronnyi.
12. Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam VS RF ot 22.10.2019 № 23-KG19-6, 2-254/2017// SPS «Konsul'tantPlyus». – Tekst : elektronnyi.

УДК 351.74

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-277-283

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЕДИНОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛЬЯ СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Законодательством Российской Федерации МВД России предоставлена возможность выполнять государственные обязательства по обеспечению сотрудников и пенсионеров органов внутренних дел жилыми помещениями в собственность путем предоставления единовременной социальной выплате для приобретения или строительства жилого помещения. Согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» данная выплата предоставляется сотруднику в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных для МВД России. С 2012 года отмечается снижение расходов на данные цели. Многие действующие сотрудники, преодолев препятствия на пути постановки на очередь в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, уже находясь продолжительное время в очереди, утрачивают надежду на получение выплаты, приобретают жилые помещения через ипотечное кредитование, ведущее к снятию с учета. Суды общей юрисдикции, как правило, отказывают в принудительном взыскании указанных выплат, ссылаясь на отсутствие предельного срока для ее получения в законе.

По мнению автора, даже обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с вопросом о признании неконституционной ст. 4 рассматриваемого закона в виду отсутствия закрепления в ней предельного срока предоставления указанных выплат, не приведет к желанному результату. Необходимо воля федерального законодателя, выраженная в закреплении срока предоставления выплат в указанном законе. Для гарантированности решения данной проблемы, представляется целесообразным в последующие годы в бюджете Российской Федерации прямо предусмотреть расходы МВД России на указанные нужды.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, социальные гарантии, единовременная социальная выплата на приобретение или строительства жилья, улучшение жилищных условий, бюджетные ассигнования.

Право на жилище является важнейшим конституционным правом всех граждан Российской Федерации, в том числе сотрудников органов внутренних дел. На особом жилищном учете состоят члены семей сотрудников, погибших (умерших) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел. Для них законом прямо предусмотрено предоставление в собственность жилья, приобретенного (построенного) за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. Действующие сотрудники и пенсионеры МВД России, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, обладают правом на получения жилья в собственность в соответствии ст. 4 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

для которых предусмотрена единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения [1].

Для получения выплаты сотрудникам необходимо в установленном порядке пройти процедуру признания нуждающимся в улучшении жилищных условий: обратиться с заявлением в соответствующую комиссию для постановки на учет, предоставить определенный пакет документов, подтверждающих данное состояние, затем дождаться очереди, когда руководителем территориального органа, в котором сотрудник проходит службу, будет принято решение о предоставлении выплаты. В ч. 10 ст. 4 рассматриваемого закона указано, что преимущественным правом на получение выплаты имеют сотрудники и пенсионеры МВД России, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилье и имеющие трех и более детей, проживающих совместно с ними, или удостоенные звания Героя Российской Федерации, либо ветераны боевых действий на территории Афганистана по отношению к сотрудникам и пенсионерам, принятыми на учет в том же году. Данное положение представляется вполне справедливым и разумным.

Кроме того, сотрудники, подающие такие заявления, должны избегать намеренного совершения действий, ухудшающих жилищные условия в целях признания их нуждающимися в жилье. Такие сотрудники принимаются на учет не ранее пяти лет со дня совершения указанных действий. Данное правило было введено для исключения случаев злоупотребления сотрудниками данным правом на единовременную выплату. Вместе с тем, очевидно, что практика формируется таким образом, что в большинстве случаев уполномоченные органы не ставят на учет нуждающихся в жилых помещениях всех сотрудников, которые в течение пяти лет до обращения по данному вопросу совершил какие-то действия, в результате которых уменьшился уровень обеспеченности жилой площадью. При этом оценка этих самых действий и их целей не давалась. Кроме того, нигде не раскрывается понятие «намеренного совершения действий», приведших к сокращению жилой площади, и не указывается, кем должна производиться данная оценка: комиссией или руководителем сотрудника.

В виду того, что время ожидания в очереди для получения выплаты не ограничено, состояние нуждаемости сотрудника может прекратиться по различным причинам. При этом сотрудника и членов его семьи могут снять с очереди при улучшении жилищных условий. Судебная практика свидетельствует о том, что при наличии у сотрудника и (или) проживающих совместно с ним членов его семьи нескольких жилых помещений, при определении уровня нуждаемости общей площадью жилого помещения учитывается суммарная площадь всех жилых помещений [2]. Тогда сотрудников снимают с очереди на выплату.

По состоянию на 2 июля 2021 г. на учете для получения единовременной выплаты состоят 89 922 семьи сотрудников и пенсионеров органов внутренних дел [3]. Расходы на выплаты зависят от ассигнований федерального бюджета для МВД России. За период 2012 – 2021 г. отмечается снижение расходов бюджета МВД России на единовременные выплаты. Так, в 2012 г. расходы бюджета были определены на уровне 16.22 млрд. руб., то в 2013г. – 5.089 млрд. руб., а с 2014 по 2021 гг. – 2.100 млрд. руб. [4, с. 277]. Отмечается, что при данном темпе низкого финансирования для обеспечения всех сотрудников и пенсионеров, стоящих в очереди, жильем необходимо около 100 лет [5], так как объем бюджетных средств для предоставле-

ния единовременной социальной выплаты составляет менее 1% от необходимой потребности [6]. Следует согласиться с мнением, что фактически право на жилище как гарантия социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел на сегодняшний день в большинстве случаев лишь декларируется, а не реализуется [7, с. 158]. Очевидно, что необходимо усовершенствовать правовой механизм решения жилищной проблемы.

В то же время государство может называться социальным, если оно выполняет свои обязательства при любых условиях и закладывает достаточные суммы в проекты соответствующих бюджетов на социальные нужды. Многие действующие сотрудники, утрачивая надежду на получение выплаты, приобретают жилые помещения через ипотечное кредитование, ведущее к снятию с учета в связи с улучшением жилищных условий. В то же время реальный уровень дохода граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел, в настоящее время зачастую не позволяет им и членам их семей приобретать жилое помещение в собственность за счет собственных средств, кредита или займа. Данное обстоятельство во многом обусловлено наличием таких членов семьи, которые являются иждивенцами сотрудников и не имеют самостоятельного дохода. Размеры денежного довольствия не позволяют в настоящее время решить вопрос о накоплении собственных денежных средств или заключить с кредитными организациями ипотечные договоры. Во многих случаях сотрудники по поводу ипотеки и жилищных займов признаются не кредитоспособными. Недоступность жилья по единовременной выплате приводит сотрудников и пенсионеров органов внутренних дел к отчаянию, вплоть до обращения по данному поводу к Президенту Российской Федерации [8]. Поэтому, несмотря на предпринимаемую как МВД России, так и Российской Федерацией, совокупность мер, проблема обеспечения сотрудников органов внутренних дел жилыми помещениями остается актуальной. Приобретение жилья в собственность для многих сотрудников остается длительной неразрешимой проблемой.

Выходом из сложившейся ситуации может явиться обращение состоящих на очереди сотрудников и пенсионеров в суд с иском о предоставлении желаемой выплаты. Однако суды общей юрисдикции отказывают в принудительном взыскании указанных выплат сотрудникам и пенсионерам, ссылаясь на отсутствие предельного срока для ее получения в законе и оснований для возложения на ответчика какой-либо обязанности в судебном порядке, поскольку право истца о признании за ним социальной выплаты на приобретение жилого помещения не нарушено [9]. Как правило, суды ссылаются на то, что истцы не обладают внеочередным правом на получение социальной выплаты, которая предоставляется в порядке общей очереди за исключением отдельных случаев.

Среди научной общественности и практических работников распространено мнение, что обеспечение сотрудников и пенсионеров органов внутренних дел можно решить, закрепив в законе конкретный срок предоставления выплат [7, с. 158; 10, с. 34]. Тогда государство согласно закону, будет вынуждено выполнять свои обязательства, руководствуясь законом. Однако до настоящего времени дополнения в закон не внесены.

Одним из способов восполнения данного пробела – отсутствие предельного срока предоставления выплаты – это обращение в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) с целью его принудительного определения. На практике

уже имеется подобный положительный опыт, когда было вынесено постановление, обязующее федерального законодателя незамедлительно принять меры по устранению неопределенности содержания нормы, предусматривающей в отдельных случаях право на отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия [11], а также когда КС РФ признавал неконституционной норму, позволяющей отказывать в реализации предусмотренным законом социальных прав [12].

Впрочем, даже положительное решение КС РФ не гарантирует немедленное его исполнение. Еще 8 апреля 2021 г. КС РФ вынес постановление, признающее статью 116.1 УК РФ неконституционной, так как данная норма ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию. Статья 116.1 УК РФ признана неконституционной, а ее конструкция – требующей законодательного изменения [13]. Однако законодатель до настоящего времени не внес в действующее законодательство необходимые изменения.

В тоже время имеется точка зрения, что проблема в предоставлении выплат связана не с отсутствием фиксированного срока, но носит чисто экономический характер, состоит в лимитах бюджетных ассигнований, которые необходимо увеличивать на единовременные социальные выплаты [6]. Очевидно, что предоставление единовременной социальной выплаты сотрудникам зависит от текущей финансово-экономической ситуации в стране и возможностей федерального бюджета. По мнению автора, в любом случае решение данного вопроса заключается в воле законодателя, выраженной в законе.

Было бы вполне обоснованным и справедливым выражение воли федерального законодателя о решении вопроса о предоставлении выплат в рассматриваемом законе «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и законе «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [14]. Согласно приложения №9 к последнему, бюджет МВД на 2022 год превысит 1,1 трлн рублей, из которых на социальную политику выделено свыше 323 млрд рублей. В тоже время отдельной строки, предусматривающей расходы на ЕСВ, в бюджете не предусмотрено. Какие суммы денежных средств выделяются на рассматриваемые цели, неизвестно. По данным МВД России, за первое полугодие 2021 года единовременной выплатой обеспечено 607 семей [15], но сведения об объеме бюджетных ассигнований на данные нужды не приводятся. Напротив, ФССП России открыто публикует данную информацию: объем бюджетных ассигнований на 2020 год составил свыше 1 млрд 37 млн рублей [16].

Представляется очевидным, что в ближайшее время финансирование рассматриваемых выплат не увеличится. Однако в настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации на рассмотрении находится законопроект, который позволит уточнить механизмы жилищного обеспечения в системе МВД и правила предоставления выплаты [17]. Согласно законопроекту, нуждающиеся в жилье сотрудники органов внутренних дел смогут выбирать — получать выплату или готовое жилье. Проектом закона предлагается также сохранить право на получение выплаты для приобретения или строительства жилья уволенным со службы без права на пенсию

по независящим от них обстоятельствам. По сути, МВД России предлагает сохранить за сотрудниками органов внутренних дел право на получение единовременной социальной выплаты на покупку жилья даже после улучшения жилищной условий с помощью ипотечных заимствований.

В финансово-экономическом обосновании к проекту закона прописано, что для его реализации не потребуется дополнительных расходов федерального бюджета, поскольку финансовое обеспечение расходных обязательств, связанных с его исполнением, будет осуществляться за счет федерального бюджета в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных МВД России. Ведомство самостоятельно принимает решения о выделении из данных бюджетных ассигнований сумм на единовременные социальные выплаты.

В виду особой важности решения проблемы жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел представляется вполне целесообразным, обоснованным и справедливым закрепление в федеральном законе «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» данных положений. Для гарантированности ее решения, необходимо в последующие годы в бюджете Российской Федерации прямо предусмотреть расходы МВД России на указанные нужды.

Список литературы:

1. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 октября 2015 г. № 32-КГ15-11 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1382254 (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
3. Статистическая информация // Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России: официальный сайт. – URL: <https://дт.мвд.рф/zilisce/1/statistika1> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
4. Скрыпник К. Я. Проблемы жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы XIV межвузовской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 26 апреля 2019 года / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Новосибирский государственный аграрный университет, юридический факультет. – Новосибирск: Издательский центр «Золотой колос», 2019. – С. 276–277.
5. Счетная палата проверит обеспечение жильем сотрудников МВД. – URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverit-obespechenie-zhilem-sotrudnikov-mvd> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
6. Отсутствие в законе срока для обеспечения сотрудников ОВД жильем оспорят в КС // Адвокатская газета: орган Федеральной палаты адвокатов РФ. 2019, 26 сентября. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/otsutstvie-v-zakone-sroka-dlya-obespecheniya-sotrudnikov-ovd-zhilem-osporyat-v-ks/> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
7. Кабанова Ю. С. К вопросу о праве сотрудников органов внутренних дел на жилищное обеспечение / Ю. С. Кабанова, К. А. Злотникова // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3(35). – С. 156–161.
8. Обманутые участковые: «готовы объявить голодовку!». – URL: https://www.youtube.com/watch?v=НТР8pb1M_IE (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
9. Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17 августа 2017 г. по делу № 2-5218/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vDCOhGhH9rdQ/> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).
10. Яковцов С. А. Вопросы жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2019. – № 1(1). – С. 29–36.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2020 № 4-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.А. Чистякова // Официальный интернет-портал правовой

информации: сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001270029> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106300004> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104120009?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

14. О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов: Федеральный закон от 6 декабря 2021 № 390-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

15. Статистическая информация // Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России: официальный сайт. – URL: <https://дт.мвд.рф/zilishe/3/statistika3> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

16. Сведения о предоставлении сотрудникам органов принудительного исполнения Российской Федерации единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения // Официальный сайт Службы судебных приставов Российской Федерации. – URL: <https://fssp.gov.ru/2732475/> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

17. Законопроект № 1227901-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1227901-7> (дата обращения: 18 декабря 2021 г.).

Ravnushkin A. V. About the legislative solution of the problem of providing one-time social payments for the purchase or construction of housing to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 277-283.

By the legislation of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia has been given the opportunity to fulfill state obligations to provide employees and pensioners of internal affairs bodies with residential premises in the property by providing a one-time social payment for the purchase or construction of residential premises. According to Part 2 of Article 4 of the Federal Law of July 19, 2011 No. 247-FZ "On Social Guarantees to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", this payment is provided to an employee within the budget allocations provided for the Ministry of Internal Affairs of Russia. Since 2012, there has been a decrease in expenditures for these purposes. Many current employees, having overcome obstacles to queuing as those in need of better housing conditions, having already been in line for a long time, lose hope of receiving payments, acquire residential premises through mortgage lending, leading to deregistration. Courts of general jurisdiction, as a rule, refuse to enforce these payments, citing the absence of a deadline for its receipt in the law.

According to the author, even an appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation with the question of declaring Article 4 of the law in question unconstitutional in view of the lack of fixing in it the deadline for the provision of these payments will not lead to the desired result. The will of the federal legislator is necessary, expressed in fixing the deadline for granting payments in the specified law. In order to guarantee the solution of this problem, it seems expedient in subsequent years in the budget of the Russian Federation to directly provide for the expenses of the Ministry of Internal Affairs of Russia for these needs.

Key words: employee of the internal affairs bodies, social guarantees, one-time social payment for the purchase or construction of housing, improvement of living conditions, budget allocations.

Spisok literatury:

1. О social'nyh garantiyah sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 19 iyulya 2011 g. № 247-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (дата obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
2. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 5 oktyabrya 2015 g. № 32-KG15-11 // Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. – URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1382254 (дата obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
3. Statisticheskaya informaciya // Departament po material'no-tekhnicheskomu i medicinskomu obespecheniyu MVD Rossii: oficial'nyj sajt. – URL: <https://dt.mvd.rf/zilishe/1/statistika1> (дата obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).

4. Skrypnik K. YA. Problemy zhilishchnogo obespecheniya sotrudnikov organov vnutrennih del // Gumanitarnye i pravovye problemy sovremennoj Rossii: materialy XIV mezhvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novosibirsk, 26 aprelya 2019 goda / Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Novosibirskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, yuridicheskij fakul'tet. – Novosibirsk: Izdatel'skij centr «Zolotoj kolos», 2019. – S. 276–277.
5. Schetnaya palata proverit obespechenie zhil'em sotrudnikov MVD. – URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverit-obespechenie-zhilem-sotrudnikov-mvd> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
6. Otsutstvie v zakone sroka dlya obespecheniya sotrudnikov OVD zhil'em osporyat v KS // Advokatskaya gazeta: organ Federal'noj palaty advokatov RF. 2019, 26 sentyabrya. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/otsutstvie-v-zakone-sroka-dlya-obespecheniya-sotrudnikov-ovd-zhilem-osporyat-v-ks/> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
7. Kabanova YU. S. K voprosu o prave sotrudnikov organov vnutrennih del na zhilishchnoe obespechenie / YU. S. Kabanova, K. A. Zlotnikova // Altajskij yuridicheskij vestnik. – 2021. – № 3(35). – S. 156–161.
8. Obmanutye uchastkovye: «gotovy ob'yavit golodovku!». – URL: https://www.youtube.com/watch?v=HTP8pb1M_IE (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
9. Reshenie Central'nogo rajonnogogo suda g. Volgograda ot 17 avgusta 2017 g. po delu № 2-5218/2017 // Sudebnye i normativnye akty RF: sajt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vDCOhGhH9rdQ/> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
10. YAKovcov S. A. Voprosy zhilishchnogo obespecheniya sotrudnikov organov vnutrennih del // Policejskij vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 1(1). – S. 29–36.
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 yanvarya 2020 № 4-P po delu o provere konstitucionnosti chasti 1 stat'i 63 Federal'nogo zakona «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina V.A. CHistyakova // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii: sajt. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001270029> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29 iyunya 2021 № 30-P «Po delu o provere konstitucionnosti stat'i 3 Federal'nogo zakona «O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushchih detej» v svyazi s zaprosom Konakovskogo gorodskogo suda Tverskoj oblasti». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106300004> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
13. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 8 aprelya 2021 g. № 11-P «Po delu o provere konstitucionnosti stat'i 116.1 Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki L.F. Sakovoj». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104120009?index=0&rangeSize=1> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
14. O federal'nom byudzhete na 2022 god i na planovyj period 2023 i 2024 godov: Federal'nyj zakon ot 6 dekabrya 2021 № 390-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii: sajt. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
15. Statisticheskaya informaciya // Departament po material'no-tehnicheskomu i medicinskomu obespecheniyu MVD Rossii: oficial'nyj sajt. – URL: <https://dt.mvd.rf/zilishe/3/statistika3> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
16. Svedeniya o predostavlenii sotrudnikam organov prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii edinovremennoj social'noj vyplaty dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomescheniya // Oficial'nyj sajt Sluzhby sudebnyh pristavov Rossijskoj Federacii. – URL: <https://fssp.gov.ru/2732475/> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).
17. Zakonoproekt № 1227901-7 «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O social'nyh garantiyah sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti: sajt. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1227901-7> (data obrashcheniya: 18 dekabrya 2021 g.).

УДК 347.(41+42)

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-284-293

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИРОДЫ ПОДАРОЧНЫХ СЕРТИФИКАТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Руденко А. В., Сеитбекирова У. Э.

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Авторами статьи рассматривается проблема правовой оценки статуса подарочного сертификата и подарочных карт в российском законодательстве. Активное использование подобного правового инструмента привело к значительным практическим проблемам в области отношений, предоставляющих продажу товаров или оказания услуг. К основным вопросам, требующим рассмотрения, отнесены вопросы определения понятий и отсутствия специального регулирования, также авторами анализируется российское законодательство на предмет существующих положений, сопоставимых с представленным инструментом. Также приведены примеры регулирования исследуемых понятий в иностранной практике и их положительный опыт их применения. Авторы приходят к выводу, что такая уникальная форма договорных отношений, как подарочный сертификат или подарочная карта нуждаются в индивидуальном регулировании создаваемых правоотношений для возможной защиты интересов как предпринимателей, продающих сертификат, так и потребителей, пользующихся предоставляемыми возможностями.

Ключевые слова: подарочный сертификат, подарочная карта, договорные обязательства, сложное обязательство, обязательственное правоотношение.

В последнее время люди все чаще стали пользоваться подарочными сертификатами и подарочными картами, что как следствие, привело к росту споров о регулировании условий в подобных правоотношениях при возврате денежных средств за сертификат либо карту, которые не были или не могут быть использованы в срок. Исход таких правовых ситуаций зависит от природы предмета, которым презюмируются подарочные сертификаты и подарочные карты. Однако в актуальном законодательстве Российской Федерации этот вопрос не урегулирован, поскольку, во-первых, отсутствуют нормативное определение понятий «подарочный сертификат» и «подарочная карта» и какие-либо специальные нормы, посвященные регулированию конкретно этой сферы отношений.

Для того чтобы разобраться в описанных правоотношениях, первоначально стоит определить понятие или хотя бы близкие смысловые термины. Рассматриваемый документ представляет собой бланк или карту, оформленную в произвольной форме, с указанием существенной информации. Эта информация обязана включать наименование лица, его выдавшего, и нести в себе данные о предмете сертификата (внесенные денежные средства, доступный к получению товар или услуга), который предоставляется, при этом наличие иной информации носит добровольный характер. Все что требуется, это то, чтобы вид, форма, условия реализации, возврата и иные положения о подарочном сертификате или карте в конкретной организации должны быть закреплены ее в локальном нормативном акте, который в свою очередь из-за неопределенности и отсутствия урегулированности положений о сертификате в законодательстве, может ограничивать права потребителей.

Ни один российский нормативно-правовой акт не содержит определение понятия «подарочный сертификат», несмотря на то, что эта конструкция становится все более востребованной в обороте. Единственное определение «подарочного сертификата»

та» дано в письме Минфина РФ от 25.04.2011 №03-03-06-1/268, которое формулирует его следующим образом: «Это документ, удостоверяющий право его держателя приобрести у лица, выпустившего сертификат, товары, работы или услуги на сумму, равную номинальной стоимости этого сертификата» [6]. Однако нельзя рассматривать его как законодательное положение и потому оно не имеет юридической силы. К тому же, эта трактовка сформулирована в аспекте налогового права и бухгалтерского учета, поэтому применение ее в рамках исследования гражданско-правового регулирования будет некорректным.

Поэтому мы вынуждены обратиться к ст. 128 Гражданского кодекса РФ, которая закрепляет круг объектов гражданских прав. Среди этого перечня подарочный сертификат как самостоятельный объект гражданских прав отсутствует. Анализируя свойства подарочного сертификата, мы можем отнести его как к вещам, так и к имущественным правам. Однако это не облегчает поиск ответа на вопрос о правовой природе подарочных сертификатов [1]. Общие положения гражданского законодательства также закрепляют положения о договорах, которые могут быть заключены в пользу третьего лица, что сопоставимо по своей основной сути с подарочным сертификатом – основной кредитор указывает в договоре, что исполнение должником должно быть в пользу иного лица, которое может быть, как указано, так и не указано в договоре. При этом закон не исключает условия, что при определенных обстоятельствах исполнение обязательства может быть истребовано не третьим лицом, а самим кредитором (п. 4 ст. 430 ГК РФ) [1].

По первому основанию исследователей считается, что сертификаты стоит подразделять на два следующих вида: 1) сертификаты, в которых определен предмет договора, и 2) сертификаты, которые предоставляют право приобрести товар (работу, услугу) на определенную в сертификате сумму. Именно вторая категория привлекает внимание юристов, поскольку их правовое регулирование, а именно защита прав держателей таких сертификатов, в случае просрочки предъявления подарочного сертификата, видится более сложной в сравнении с первой группой.

Для того чтобы разрешить споры, возникающие по поводу просрочки предъявления подарочного сертификата продавцу, важно установить правовую природу подарочного сертификата. От решения этого вопроса будет зависеть результат рассмотрения спора.

Так как ни в законодательстве, ни в судебной практике, ни в доктрине нет безапелляционного ответа на вопрос о правовой природе подарочных сертификатов, мы можем выделить следующие варианты: 1) аванс; 2) предварительный договор; 3) ценная бумага; 4) средство платежа; 5) опцион на заключение договора; 6) займ. Также, некоторые рассматривают его как самостоятельный предмет договора.

Как мы видим, существует множество подходов к определению правовой природы подарочного сертификата. Возникает вопрос, соответствует ли он в полной мере хоть одной из правовых конструкций или же он сочетает в себе элементы разных правовых инструментов? Следовательно, как в таком случае будут разрешаться правовые споры, возникающие в связи с использованием подарочного сертификата?

Некоторые суды и авторы научных исследований рассматривают подарочный сертификат как предварительную оплату товара по договору купли-продажи. Однако такая позиция является спорной, что объясняется следующим.

В соответствии с нормами гражданского права, регулирующими аванс, если покупатель (предъявитель сертификата) не реализует сертификат в срок, то это можно рассматривать как отказ от сделки и, следовательно, покупателю должны быть возвращены уплаченные им денежные средства. В противном случае действия продавца (эмитента) представляют собой неосновательное обогащение [1]. Сертификат в данном случае является не предметом договора, а средством легитимации, подтверждающим факт оплаты товара. Существенным условием договора купли-продажи является его предмет, в частности товар. Согласно п. 3 ст. 455 ГК РФ, условие о товаре считается согласованным, если из договора можно определить наименование и количество товара. В случае покупки подарочного сертификата, мы, как правило, не можем определить, какой именно товар и в каком количестве будет приобретен в будущем - известна лишь общая сумма покупки, поэтому затруднительно рассматривать подарочный сертификат в качестве аванса. Однако налоговые органы придерживаются позиции «сертификат-аванс». Так, если держатель сертификата не реализует его в срок, уплаченная им денежная сумма выступает в качестве прибыли организации или индивидуального предпринимателя и подлежит налогообложению. Получается, что гражданин «дарит» денежные средства субъекту предпринимательства, хотя вряд ли мотивы его поведения подразумевали акт дарения.

Следующая позиция предполагает, что подарочный сертификат представляет собой предварительный договор. По предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор на условиях, предусмотренных предварительным договором. Предварительный договор признается заключенным, если согласовано условие о предмете. Как уже было сказано ранее, во время приобретения сертификата невозможно установить наименование и количество товара. Также, предварительный договор предполагает, что в будущем будет заключен основной договор, однако при использовании подарочного сертификата этого не происходит. В продолжении стоит указать, что форма предварительного договора по законодательству требует соответствия формы основного договора, что не может быть соблюдено из-за неопределенности его предмета, а сам предварительный договор несет в себе лишь обязательство по заключению основного договора, что, как уже указывалось выше, может и не произойти. Либо же в сертификате будет установлена обязанность для обеих сторон о заключении основного договора, хотя как мы понимаем, продавец сертификата не может понудить владельца сертификата к подобному. В то же время предположить, что заключается договор безвозмездной передачи имущества, но в таком случае возникает вопрос, зачем изначально были преданы деньги [13, с. 182].

К тому же следует обратить внимание на положения абз. 3 п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора», согласно которому если стороны заключили предварительный договор о купле-продаже товара в будущем, но при этом предварительный договор предусматривает обязанность покупателя оплатить цену товара или ее часть до заключения основного договора, то такой предварительный договор признается договором купли-продажи с условием о предварительной оплате и правила ст. 429 ГК РФ не применяются [4]. Следовательно, рассматривать подарочный сертификат как конструкцию предварительного договора некорректно.

Позиция три, утверждающая, что подарочный сертификат или карта относятся к ценным бумагам, требует от сертификата соответствия определенным характеристикам, а именно: соответствия установленным законом требованиям, удостоверения обязательственных или иных прав, предъявление документа о наличии таких прав. Кроме того, в ст. 142 ГК РФ закреплен перечень ценных бумаг, среди которых отсутствует подарочный сертификат. Хотя данный перечень не исчерпывается в рассматриваемой статье и предполагает иные ценные бумаги, названные таковыми в законе или признанные ценными в установленном законом порядке, анализируя законодательство, мы приходим к выводу, что подарочный сертификат к ценным бумагам не относится [1].

Четвертая точка зрения заключается в том, что лицо приобретает сертификат как самостоятельный объект торгового оборота, который выполняет платежную функцию. Такой подход нарушает положения законодательства РФ. Так, ст. 27 ФЗ «О Центральном банке РФ» закрепляет, что официальной денежной единицей России является рубль, а введение на территории РФ других денежных единиц и выпуск суррогатов запрещается [2]. Если рассматривать подарочный сертификат как средство платежа, то нормы о защите прав потребителя не применяются. Однако взыскать уплаченные денежные средства в таком случае возможно в порядке неосновательного обогащения.

Некоторые сходства можно найти у подарочного сертификата и у опциона на заключение договора [10, с. 2,3]. Конструкция опциона на заключение договора действует следующим образом: одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить в будущем один или несколько договоров на тех условиях, которые предусмотрены опционом. При этом у второй стороны возникает право на заключение договора путем акцепта оферты в порядке и сроки, предусмотренные опционом. Если иное не предусмотрено соглашением, опцион на заключение договора является возмездным. Платеж по опциону, если самим опционом на заключение договора не предусмотрено иное, не засчитывается в счет платежей по договору, который будет заключен на основании безотзывной оферты, и не подлежит возврату в случае, если вторая сторона не совершит акцепт оферты. Опцион на заключение договора должен содержать в себе предмет и другие существенные условия договора, который будет заключен в будущем. Однако при покупке подарочных сертификатов, в которых нет указания на наименование и количество товара, приобретаемого в будущем, предмет договора не определен [1].

Сравнительный анализ предварительного договора и опциона на заключение договора показывает, что по своим признакам подарочный сертификат имеет больше сходства с опционом на заключение договора, однако в таком случае правила о защите прав потребителей не применяются. Следовательно, если истек срок использования сертификата, его держатель не сможет вернуть уплаченную сумму. Но не стоит забывать о том, что при покупке подарочного сертификата предмет будущего договора не определен, что противоречит конструкции опциона на заключение договора [10].

В конструкции подарочного сертификата можно найти некоторые элементы договора целевого займа. Покупатель сертификата (займодавец) передает определенную денежную сумму продавцу (заемщику) без цели одарить его. Наименование товара, который будет передан заемщиком в будущем, не определено, однако из-

вестна денежная сумма, которая является единственным существенным условием договора займа. Подарочный сертификат, в отличие от обычного договора займа, удостоверяет альтернативное обязательство - либо передать товар (оказать услугу, выполнить работу) на сумму, которая была взята в качестве займа, либо передать денежную сумму, которая изначально передана заемщику (продавцу).

Целевой характер займа заключается в том, что займодавец передает заемщику определенную денежную сумму с целью получения в будущем определенного товара (работы, услуги) на эту же сумму либо вернуть эти денежные средства обратно. В течение срока действия обязательства право варианта исполнения выбора принадлежит заемщику, а по истечении этого срока - заемщик обязан вернуть указанную сумму [11, с. 101, 102].

Еще одна, наиболее уместная, на наш взгляд, позиция рассматривает подарочный сертификат как самостоятельный предмет договора купли-продажи. В таком случае покупатель при заключении договора получает всю необходимую для использования товара информацию, в том числе о сроке действия сертификата. Поэтому вернуть при пропуске срока уплаченные за сертификат денежные средства не удастся. Если же продавец не принимает сертификат, предъявляемый в срок, это значит, что у сертификата есть существенный недостаток (мы рассматриваем обязанность продавца принять товар как признак качества товара). Следовательно, здесь будут иметь место нормы Закона «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 №2300-1. Согласно абз. 6 п. 1 ст. 18 данного Закона, покупатель имеет право отказаться от договора и потребовать возврата уплаченных за сертификат денежных средств [3].

Договор купли-продажи сертификата, с точки зрения данного подхода, порождает два обязательства для продавца: 1) передать покупателю сертификат, 2) принять сертификат в качестве оплаты договора купли-продажи, который будет заключен в будущем. И, когда в будущем будет заключен договор купли-продажи, у продавца возникнет еще одно обязательство – передать товар (например, джинсы или украшение). Оба обязательства образуют единый (или иными словами комплексный) предмет. Покупатель платит не за товар, который будет приобретен в будущем, и не за обязательство продавца принять товар, а за сам сертификат, который будет принят в счет оплаты товара. Обязанность продавца принять сертификат предполагает замену исполнения по денежному обязательству покупателя (отступное) [5].

Необходимо обратить внимание на то, что отказ продавца от приема сертификата в счет оплаты товара влечет за собой право покупателя требовать приема сертификата, а также наступление последствий просрочки кредитора – право на возмещение причиненных убытков [8].

Итак, мы рассмотрели различные точки зрения относительно природы подарочных сертификатов, присущие законодательству РФ, судебной практике и российской доктрине, и убедились в том, что единого подхода, установленного законодателем или определенного исследователями, на данный момент не существует. Для сравнения обратимся к практике зарубежных государств. Как известно, существует две крупных правовых системы – романо-германская правовая система и англосаксонская.

Для государств, принадлежащих к континентальной правовой системе, характерно отсутствие специального правового регулирования подарочных сертификатов либо его незавершенность. В качестве примера обратимся к гражданскому законо-

дательству Испании и Франции – нормы о подарочных сертификатах отсутствуют, поэтому при регулировании данных отношений используют нормы о сроках обязательств.

Беларусь – государство, также принадлежащее к романо-германской правовой системе, однако здесь действует Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.12.2018 № 935 «О некоторых мерах по защите прав потребителей», которым утверждено Положение о порядке и условиях реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг) по подарочному сертификату или иному подобному документу.

Данное Положение было разработано на основании и во исполнение ст. 9² Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей», которая содержит следующую норму: продавец (исполнитель) вправе осуществлять реализацию товаров (выполнение работ, оказание услуг) по предъявленному подарочному сертификату или иному подобному документу, удостоверяющему право лица, предъявившего такой документ (или лиц, если этот документ предполагает его использование несколькими лицами), на получение товара (выполнение работы, оказание услуги), указанного в таком документе, или на сумму, эквивалентную сумме денежных средств, указанных в таком документе, на условиях и в порядке, установленных Правительством Республики Беларусь.

В п. 2 Положения содержится определение подарочного сертификата, который представляет собой документ, в том числе в электронном (цифровом) или ином доступном для использования потребителем виде, удостоверяющий право лица (лиц), предъявившего такой документ, на получение товара (работы, услуги) на сумму, указанную в таком документе. Согласно п. 5 Положения, денежные средства, внесенные за подарочный сертификат, представляют собой предварительную оплату (аванс).

Однако здесь имеется противоречие – в ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплено, что аванс вносится при заключении договора, в рамках которого согласован предмет. А в большинстве случаев предмет подарочных сертификатов не согласован, в них указывается лишь сумма, на которую в будущем лицо может совершить покупку товара (работы, услуги).

Таким образом, в Республике Беларусь имеется специальное законодательство, регулирующее отношения, возникающие в связи с использованием подарочных сертификатов, однако некоторые нормы противоречат друг другу, что порождает правовые коллизии и несовершенство законодательства [9, с. 35, 36].

В странах англосаксонской правовой системы правовое регулирование подарочных сертификатов существует в закреплённой форме и имеет свои характерные черты. В качестве примера можно рассмотреть законодательство Канады и США.

В Канаде действует Ньюфаундлендско-лабрадорский закон 14/11 от 1 апреля 2011 г. Этот нормативно-правовой акт определяет подарочный сертификат как разновидность подарочной карты, которая представляет собой электронную карту, письменный сертификат или иной ваучер, или средство оплаты, содержащее выраженную денежную оценку и продаваемые или выпускаемые в обмен на будущую покупку или доставку товаров или услуг. Данный Закон запрещает выпускать либо продавать срочные подарочные карты. Исключения составляют следующие случаи: 1) если карта выпущена или продается в рамках благотворительной деятельности; 2)

если она выпущена для маркетинговой, рекламной или стимулирующей цели. Таким образом, если подарочная карта содержит информацию о сроке ее действия, она считается бессрочной, за исключением двух указанных случаев.

В США действует Акт о подотчетности, ответственности и раскрытии информации в индустрии кредитных карт 2009 г., который применяется к подарочным сертификатам с 22 августа 2010 г. Этот Акт содержит два термина, которые довольно схожи друг с другом, – подарочный сертификат и резервная подарочная карта. Отличия минимальные: подарочный сертификат представляет собой электронное обещание, а резервная подарочная карта – электронное обещание, пластиковую карту или другой платежный код или средство. Также, Акт содержит ряд характеристик, которые отличают эти правовые конструкции от других институтов.

Акт содержит запрет на установление срока действия подарочных карт и сертификатов и в то же время Акт допускает установление срока при условии, что он будет не менее 5 лет, и, если условия окончания срока действия сертификата или карты сформулированы ясно и понятно.

Данный нормативно-правовой акт носит федеральный характер, то есть распространяет свое действие на всю территорию США. При этом штаты имеют право принимать свои законы, регулирующие условия распространения и использования подарочных сертификатов и подарочных карт [11, с. 104-106].

Проанализировав имеющийся законодательный и теоретический материал, можно сделать следующие выводы:

1) несмотря на то, что подарочные сертификаты пользуются большой популярностью в рыночных отношениях, их специальное правовое регулирование отсутствует, что создает большое количество мнений и разночтений в определении принадлежности этого правового инструмента и, как соответствие, его регулирования;

2) большинство правовых споров возникает в связи с использованием подарочных сертификатов, предмет которых не определен. Для большинства гражданско-правовых договоров предмет является существенным условием и требует его четкого указания, что не всегда соблюдается при заполнении сертификатов. К тому же, как правило, это споры, связанные с просрочкой предъявления таких сертификатов продавцу;

3) Российская Федерация относится к группе стран романо-германской правовой системы, для которых характерно отсутствие специального законодательства, регулирующего подарочные сертификаты и подарочные карты. При этом в странах англосаксонской правовой системы действуют нормативно-правовые акты, направленные на урегулирование отношений, связанных с использованием подарочных сертификатов и подарочных карт. Наиболее ярким примером служит Канада, где подарочные сертификаты являются априори бессрочными (за исключением двух случаев). Такая позиция позволяет защитить права и законные интересы граждан - приобретателей подарочных карт и сертификатов;

4) изучая законодательство, судебную практику и доктрину, можно выявить значительное количество позиций относительно правовой природы подарочных сертификатов, к которым можно отнести: аванс, опцион на заключение договора, предварительный договор, ценная бумага, целевой займ, средство платежа, самостоятельный предмет договора, – что говорит об уникальном характере подарочного сертификата, требующем законодательно закрепленное мнение;

5) на основании имеющихся заключений, можно прийти к следующему: ст. 421 ГК РФ предусматривает право граждан заключать смешанный договор, то есть договор, не предусмотренный законом, который содержит в себе элементы других договоров [1]. Как мы видим, подарочный сертификат сочетает в себе признаки различных гражданских договоров и некоторых правовых конструкций, что не противоречит законодательству РФ. Однако на практике в каждом конкретном случае применяются нормы законодательства, регулирующие те или иные договоры. Следовательно, в России отсутствует единообразная практика разрешения аналогичных споров.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №51-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ. – правовой системы КонсультантПлюс. – Текст электронный. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. О Центральном Банке Российской Федерации: Федеральный закон №86-ФЗ: [принят Государственной Думой 10 июля 2002 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ. – правовой системы КонсультантПлюс. – Текст электронный. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/
3. О защите прав потребителей: Закон РФ №2300-1: [принят Государственной Думой 07 февраля 1992 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ. – правовой системы КонсультантПлюс. – Текст электронный. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
4. О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №6: [принято Верховным Судом 11 июня 2020 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ. – правовой системы КонсультантПлюс. – Текст электронный. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355061/
5. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №49: [принято Верховным Судом 25 декабря 2018 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ. – правовой системы КонсультантПлюс. – Текст электронный. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/
6. Письмо Минфина России №03-03-06/1/268 от 25.04.2011 [Электронный ресурс]: электрон. дан., - 2011. – Текст электронный. URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/99_902276306
7. Белов В. А. Правовая сущность подарочного сертификата: ООО «Бершка СНГ» против Управления Роспотребнадзора по г. Москве (дела № а40-а40-202419/17 и а40-226793/17) // Актуальные проблемы российского права. 2019. №9 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-podarocnogo-sertifikata-ooo-bershka-sng-protiv-upravleniya-rospotrebnadzora-po-g-moskve-dela-a40-a40-202419-17-i-a40>
8. Брагинец А.Ю. Подарочные карты и сертификаты: практические проблемы юридической квалификации [Электронный ресурс]: электрон. дан. – Текст электронный. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=5504>
9. Вартанян А.М. Сравнительный анализ правового регулирования порядка обращения подарочных сертификатов в Республике Беларусь и Российской Федерации // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. - 2019 г.
10. Горшенина, А. А. Правовая природа подарочных сертификатов / А. А. Горшенина // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 24 марта 2017 года / Ответственный редактор С.И. Сулова, А.П. Ушакова. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – С. 100-103.
11. Дубровская Ирина Игоревна Подарочный сертификат как источник обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования // Правоведение. 2014. №1 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podarocnyy-sertifikat-kak-istochnik-obyazatelstv-srok-ispolneniya-kotoryh-opredelen-momentom-vostrebvaniya>.

12. Малявина, Н. Б. Правовая природа подарочного сертификата / Н. Б. Малявина, И. И. Баукина // Российский судья. – 2017. – № 5. – С. 8-11.
13. Сарафанникова Л.А. Гражданско-правовая природа подарочного сертификата // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. - 2017. - № 13. - С. 181-185.

Rudenko A.V., Seitbekirova U.E. Legal assessment of the nature of gift certificates in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 284-293.

The authors of the article examine the problem of legal assessment of the status of gift certificates and gift cards in Russian legislation. The active use of such legal instrument has led to significant practical problems in the field of relations providing the sale of goods or the provision of services. The main issues requiring consideration include the definition of concepts and the lack of special regulation. The authors also analyze Russian legislation for existing provisions comparable with the presented instrument. They also give examples of regulation of the concepts studied in foreign practice and their positive experience of their application. The authors come to the conclusion that such a unique form of contractual relations as a gift certificate or a gift card need individual regulation of the created legal relations in order to possibly protect the interests of both entrepreneurs selling the certificate and consumers using the opportunities provided.

Keywords: gift certificate, gift card, contractual obligations, complex obligation, legal relationship of obligations.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon №51-FZ: [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 8 dekabrya 1995 goda]: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst elektronnyj. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. O Central'nom Banke Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon №86-FZ: [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 10 iyulya 2002 goda]: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst elektronnyj. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/
3. O zashchite prav potrebitelej: Zakon RF №2300-1: [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 07 fevralya 1992 goda]: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst elektronnyj. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
4. O nekotoryh voprosah primeneniya polozenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o prekrashchenii obyazatel'stv: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii №6: [prinyato Verhovnym Sudom 11 iyunya 2020 goda]: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst elektronnyj. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355061/
5. O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii №49: [prinyato Verhovnym Sudom 25 dekabrya 2018 goda]: (s izmeneniyami i dopolneniyami). – Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst elektronnyj. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/
6. Pis'mo Minfina Rossii №03-03-06/1/268 ot 25.04.2011 [Elektronnyj resurs]: elektron. dan., - 2011. – Tekst elektronnyj. URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/99_902276306
7. Belov V. A. Pravovaya sushchnost' podarocnogo sertifikata: OOO «Bershka SNG» protiv Upravleniya Rospotrebnadzora po g. Moskve (dela № a40-a40-202419/17 i a40-226793/17) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. №9 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-podarocnogo-sertifikata-ooo-bershka-sng-protiv-upravleniya-rospotrebnadzora-po-g-moskve-dela-a40-a40-202419-17-i-a40>
8. Braginec A.YU. Podarocnye karty i sertifikaty: prakticheskie problemy yuridicheskoy kvalifikacii [Elektronnyj resurs]: elektron. dan. – Tekst elektronnyj. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=5504>
9. Vartanyan A.M. Sravnitel'nyj analiz pravovogo regulirovaniya poryadka obrashcheniya podarocnyh sertifikatov v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii // Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako. - 2019 g.
10. Gorshenina, A. A. Pravovaya priroda podarocnyh sertifikatov / A. A. Gorshenina // Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya : Materialy Vserossijskoj studencheskoj nauchno-

- prakticheskoy konferencii, Irkutsk, 24 marta 2017 goda / Otvetstvennyj redaktor S.I. Suslova, A.P. Ushakova. – Irkutsk: Irkutskij institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2017. – S. 100-103.
11. Dubrovskaya Irina Igorevna Podarochnyj sertifikat kak istochnik obyazatel'stv, srok ispolneniya kotoryh opredelen momentom vostrebovaniya // Pravovedenie. 2014. №1 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podarochnyy-sertifikat-kak-istochnik-obyazatelstv-srok-ispolneniya-kotoryh-opredelen-momentom-vostrebovaniya>.
12. Malyavina, N. B. Pravovaya priroda podarochnogo sertifikata / N. B. Malyavina, I. I. Baukina // Rossijskij sud'ya. – 2017. – № 5. – S. 8-11.
13. Sarafannikova L.A. Grazhdansko-pravovaya priroda podarochnogo sertifikata // Social'no-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudenciya: teoriya i praktika: Sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - 2017. - № 13.- S. 181-185.

УДК 347

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-294-299

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПЛАТФОРМ (ICO, ISE)¹

Терехов М. Г.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы развития общественных отношений в условиях цифровой трансформации, затронуты исторические предпосылки цифровой трансформации общественных процессов, а также складывающиеся самостоятельные технологические тенденции по цифровизации в правовом обществе – затрагивающие достаточно большое количество гражданско-правовых отношений, возникающих в сети «Интернет» при использовании цифровых активов (криптовалют) в определенных целях.

Освещены вопросы гражданско-правового регулирования правоотношений по обороту цифровых активов (криптовалют), складывающихся в процессе создания и функционирования цифровых инвестиционных платформ (ICO/ISE). Особое внимание в научной статье уделяется также отдельным процессам гражданского оборота цифровых активов в сети «Интернет», которые выражены в форме токенов с целью получения прибыли.

Путем сравнительного анализа традиционных институтов инвестирования во всех проявлениях выделяется результат цифровой трансформации в сфере инвестиций, который привёл к естественному формированию новой группы правовых норм, регулирующих однородные гражданские отношения – институту цифровых инвестиционных платформ (ICO/ISE), имеющего отличительные качества, где особое место отведено гражданскому обороту цифровых активов (криптовалют).

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые активы, ico/ise, цифровое право, цифровые правоотношения, цифровое имущество, институт права.

Цель: Научное освещение вопросов о существующем межотраслевом институте цифровых инвестиционных платформ (ICO/ISE) в цифровом праве.

Задачи: 1. Раскрыть предпосылки возникновения и развития гражданских отношений, складывающихся в сфере оборота цифровых активов на цифровых инвестиционных платформах (ICO/ISE);

2. Провести сравнительный анализ краудфайдинга, традиционных инвестиционных механизмов, а также цифровых инвестиционных платформ (ICO/ISE);

3. Дать гражданско-правовую характеристику цифровых инвестиционных платформ (ICO/ISE).

Методология. Состоит из общенаучных методов познания: системности, индукции, дедукции.

Вывод. В данной статье путем раскрытия исторических аспектов возникновения, существования и развития традиционных институтов инвестирования в Российской Федерации сделан вывод о наличии новых частноправовых аспектов в правовом

¹ Данная статья подготовлена в рамках реализации п. 209 (заявка на НИР от НЦБ Интерпола МВД России от 26.08.2020 № 37772/290) плана научной деятельности на 2021 год Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Плана работы НКС при Совете министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств на 2021 г.

регулировании, отношений в процессе цифровой трансформации существующих инвестиционных механизмов и появлении новых, что также позволяет рассуждать о трансформации правовых конструкций.

Введение. Цивилисты отмечают, что регулируемые действующим гражданским законодательством правоотношения имеют свои предпосылки возникновения, которые являются базой для понимания их (отношений) правовой природы и перспективы совершенствования правового регулирования [11, с. 137-147]. Кроме того, неопределенность правовой природы составных элементов соответствующих правоотношений создает проблемы в различных областях гражданского оборота [12, с. 146-153].

Вторая половина XX в., начало первой половины XXI в. в сфере инвестирования, ознаменовывается острой потребностью общества в надежных экономических механизмах, связанных с инвестиционными операциями, которые будут направлены на совершенствование процесса осуществления и защиты гражданских прав.

Методология. Использование автором настоящей научной статьи системного метода позволило сформулировать положения о существовании и отдельном регулировании гражданских правоотношений в цифровой среде (сети «Интернет») относительно осуществления инвестиционной деятельности, как физическими, так и юридическими при обороте цифровых активов (в частности криптовалют) на современных цифровых инвестиционных платформах. Методы анализа и синтеза дали возможность обосновать тезисы о правовой природе возникающих гражданских правоотношений в цифровой среде (сети «Интернет») при обороте цифровых активов на цифровых инвестиционных платформах.

Результаты и их обсуждение. Появление инвестиционных институтов на территории России в отличие от Европейских государств, происходит в значительной мере позже по вполне объяснимым особенностям командно-административного характера экономической системы, существовавшей во времена СССР, что само в целом исключает такое явление, как частные инвестиции.

Безусловно, первым толчком к развитию данного направления по появлению инвестиционных институтов в России становится переход экономики к развитию рыночной конъюнктуры [9, с.24–28.] и последующему принятию профильного закона регулирующего данную сферу правоотношений.

Согласно Федеральному закону от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» в настоящее время под инвестиционной деятельностью понимается – вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. По мнению Ковалева О.И., Иванченко Л.А., определяемое законом понятие «инвестиционной деятельности» полностью отражает сущностный характер складывающегося в обществе процесса по извлечению прибыли с использованием третьей стороны «инвестиционной площадки». Классические характерные признаки организационно-правовой природы инвестиционных площадок, также определяются установленным законом порядком деятельности инвестиционных публично-правовых компаний [10].

Развитие институтов инвестиционных площадок, зарегистрированных в установленном порядке законами в последние 10 лет не является чем-то «новым» для экономической сферы и, соответственно, для сферы правового регулирования. В насто-

ящее время это регулирование осуществляется при помощи сочетания публичных и частноправовых средств. Например, лицензия является публично-правовым средством, которое позволяет реализовать гражданскую правоспособность участников гражданского оборота. Профильные и компетентные в инвестиционной сфере юридические лица достаточно успешно существуют на основании полученных лицензий: брокеров, дилеров, кредитных организаций (инвестиционные банки). Аналогично инвестиционным компаниям существуют также в соответствии с законодательством инвестиционные фонды с двумя формами деятельности: паевые; акционерные [3].

А.И. Фридман определяет, что наиболее важные функции, выполняемые такими фондами: сохранение сбережений; управление финансовыми активами; финансирование развития различных процессов общественной жизни (науки и технологических процессов) [6].

Рассмотрев процессы развития традиционных институтов инвестиционной деятельности, которые обширно сформировались на рынке за последние 20 лет в России, следует сделать вывод о том, что, получив достаточное признание общества, инвестиционные институты в условиях естественной цифровизации общества уходят в цифровую среду (сеть-интернет). При этом, цифровая трансформация институтов инвестирования также затрагивает гражданско-правовые аспекты регулирования отношений возникающих в цифровой среде (сети интернет) на цифровых инвестиционных площадках по обороту цифровых активов. Данный вопрос имеет слабые научные изыскания, что и является существенной проблемой для институтов инвестирования – отсутствуют правовые механизмы, охраняющие законом процесс инвестиционной деятельности.

На сегодняшний день, цифровая среда – это глобальная площадка, располагающаяся в сети «Интернет», в частности для альтернативной реализации традиционных и возникающих экономических институтов в рамках цифровых правоотношений (далее – цифровая среда). Цифровая среда за последние годы многократно расширила свою пользовательскую аудиторию в различных сферах благодаря множеству национальных проектов направленных на цифровизацию общества, что заставляет уделить должное внимание данным тенденциям с точки зрения информационной и экономической безопасности.

Одним из наиболее прорывных институтов, сформировавшихся за последнее время в цифровых правоотношениях, является межотраслевой институт цифровых активов, относящийся к отрасли цифрового права.

Большая часть процессов, происходящих в настоящее время в цифровой среде, связаны именно с гражданским оборотом цифрового имущества.

По мнению автора, под цифровым имуществом понимается, совокупность цифровых объектов гражданско-правовых правоотношений, которые находятся в собственности физического лица или юридического лица, обладающего правом распоряжения: – делить; – передавать; – дарить; – хранить; – отказаться от него.

Наглядным примером цифрового имущества могут служить цифровые активы, например, криптовалюты.

Выделяя особую важность межотраслевого института цифровых активов для цифровой среды – процессы оборота цифровых активов, складывающиеся в данной сфере – формируют сопутствующие экономико-правовые цифровые институты. Од-

ним из таких институтов является межотраслевой институт цифровых инвестиционных платформ, который по совокупности ряда признаков следует отнести к отрасли цифрового права.

В ходе проведенного автором анализа, выявлены основные признаки цифровой инвестиционной деятельности: 1) необратимость, связанная с временной потерей ликвидности; 2) ожидание увеличения исходного уровня благосостояния; 3) неопределенность, связанная с отнесением результатов на относительно долгосрочную перспективу; 4) утилитарные услуги, дающие право обменять цифровое имущество на услуги или товары компании.

Признаки инвестиционной деятельности в цифровой среде указывают на достаточно схожую правовую природу с традиционной деятельностью инвестиционных площадок. При этом, определяемые признаки по своему описанию схожи также с достаточно устоявшимся за последнее время в обществе понятием «краудфандинга». Характер данного явления достаточно близок для традиционных институтов инвестиционной среды, выступая, как современное проявление. Свойства механизма краудфайдинга обуславливаются – вложениями денежных средств людей в ту или иную идею на различных интернет-платформах.

Существенным отличием краудфайдинга и иных устоявшихся институтов традиционной инвестиционной деятельности от межотраслевого института цифровых инвестиционных платформ является:

1) оборот различных гражданских объектов, которые инвестируются.

В традиционных институтах инвестиционной деятельности используются установленные законом денежные средства, в цифровой среде – цифровые активы, которые не имеют на национальном уровне «специализированного рабочего финансового регулятора», что обуславливает второе отличие;

2) отсутствие законодательного регулятора элементов (цифровые активы) инвестиционной деятельностью в цифровой среде;

3) специфический характер площадок, предоставляющих услуги, связанные с инвестиционной деятельностью в цифровой среде (ICO/ICЕ), которые также не имеют национальных регуляторов в силу технико-программной децентрализации;

4) автоматическое выполнение условий соглашения между инвестором и организацией, в которую инвестируют. Инвестиционные площадки выступает исключительно организатором, за что взимает минимальный процент от удачных сделок.

Учитывая ряд определяемых отличий, под межотраслевым институтом цифровых инвестиционных платформ понимается, что это определенные финансово-экономические явления (цифровые правоотношения связанные с оборотом цифрового имущества) происходящие в цифровой среде (сети «Интернет») основным участником которых являются инвестиционные ICO и ICЕ площадки, выполняющие функции в качестве посредника (в форме привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам (пользователям) фиксированного количества новых единиц цифровых активов).

Выводы. Подводя итоги публикации, можно сделать вывод о том, что возникающие новые экономико-правовые явления для общества в эпоху цифровизации не становятся неожиданностью, а, напротив, имеют свои предпосылки к возникновению и дальнейшему развитию новых гражданско-правовых институтов в сфере цифровой инвестиционной деятельности.

Однозначно, диалектическое развитие общественных отношений, обусловленное достижениями науки и техники, требует и адекватного правового регулирования, в том числе теоретико-правовых изысканий и разъяснений.

Безусловно, существующее понимание о структуре правового регулирования гражданско-правовых и экономических процессов в обществе устоялось и старается трансформировать действующее законодательство, но при этом, не выходя за рамки существующих мнений и официальных позиций государственной власти. Тем временем, цифровые процессы достаточно независимы от существующих научных и организационных проблем общества, цифровизация и ее процессы только набирают обороты, путем естественного прогресса, не подстраиваясь под национальные правовые регуляторы.

Следует отметить, на основе анализа иностранного опыта разъяснения цифровых правоотношений в рамках ICO/ICЕ инвестиционной платформ. Отчет от 25 июля 2017 года Комиссии по ценным бумагам и биржам США, разъясняет, что ICO признаются в настоящее время виртуальными инвестиционными фондами, которые подлежат специальному правовому регулированию, а оборот токенов (цифровых активов) признается равным обороту ценных бумаг.

Анализ данного отчетного документа указывает на однозначное признание обществом многих экономических развитых государств – глобальных процессов цифровизации во всех сферах, в том числе и в сфере инвестиционной деятельности, которую в будущем предстоит законодательно разъяснить с точки зрения гражданско-правового режима.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"
3. Федеральный закон "Об инвестиционных фондах" от 29.11.2001 № 156-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237.
4. Федеральный закон "О валютном регулировании и валютном контроле" от 10.12.2003 № 173-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458.
5. SEC Issues Investigative Report Concluding DAO Tokens, a Digital Asset, Were Securities, SEC, Jul 25, 2017
6. Финансово-инвестиционная компания. Электронный ресурс «utmazine» / Режим доступа: <https://utmazine.ru/posts/4259-finansovo-investicionnaya-kompaniya.html>
7. Матыцына Т. В., Лесняк Ю. С., Сибиль Д. Н., Суков А. С. Инвестиционные институты как важнейшие игроки финансового рынка России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnye-instituty-kak-vazhneyshie-igroki-finansovogo-rynka-rossii> (дата обращения: 01.02.2021).
8. Ковалева О. И., Иванченко Л. А. Инвестиционная деятельность в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-deyatelnost-v-rossii> (дата обращения: 01.02.2021).
9. Рябова Т. Ф., Игнатова Т. В. Современные механизмы обеспечения национальной экономической безопасности на основе формирования рыночной конъюнктуры // Пищевая промышленность. 2016. № 5. С. 24–28.
10. Инвестиционные компании: как выбрать и проверить компанию? Электронный ресурс «IQmonitor» / Режим доступа: <https://www.iqmonitor.ru/investicii/invest/fondy/iinvesticionnye-kompanii.html>
11. Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.
12. Шаронов С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства / С. А. Шаронов // Власть закона. 2019. № 4. С. 137-155.

Terekhov M.G. Private law aspects of legal regulation of relations emerging in the process of creating digital investment platforms (ICO, ICE) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 1. – P. 294-299.

This article discusses topical issues of the development of public relations in the context of digital transformation. In particular, the issues of civil law regulation of relations on the turnover of digital assets (cryptocurrencies) that develop in the process of creating and functioning of digital investment platforms (ICO/ICE) are highlighted.

Special attention in the scientific article is paid to the process of civil turnover of digital assets on the Internet, which are expressed in the form of tokens in order to make a profit.

Keywords: cryptocurrency, digital assets, ice/ice, digital law, digital legal relations, digital property, institute of law.

Spisok literatuty:

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ // Legal reference system "Consultant Plus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142
 2. Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"
 3. Federal Law "On Investment Funds" dated 29.11.2001 No. 156-// Legal reference system "Consultant Plus". URL: Federal LAW http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237 .
 4. Federal Law "On Currency regulation and currency control" dated 10.12.2003 No. 173-FZ // Legal reference system "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458.
 5. SEC Issues Investigative Report Concluding DAO Tokens, a Digital Asset, Were Securities, SEC, Jul 25, 2017
 6. Financial and investment company. Electronic resource "utmagazine" / Access mode: <https://utmagazine.ru/posts/4259-finansovo-investicionnaya-kompaniya.html>
 7. Matytsyna T. V., Lesnyak Yu. S., Sibil D.N., Surov A.S. Investment institutions as the most important players of the financial market of Russia // State and municipal management. Scientific notes . 2017. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnye-instituty-kak-vazhneyshie-igroki-finansovogo-rynka-rossii> (accessed: 01.02.2021).
 8. Kovaleva O.I., Ivanchenko L.A. Investment activity in Russia // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2010. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-deyatelnost-v-rossii> (accessed: 01.02.2021).
 9. Ryabova T.F., Ignatova T.V. Modern mechanisms for ensuring national economic security based on the formation of market conditions // Food industry. 2016. No. 5. pp. 24-28.
 10. Investment companies: how to choose and check a company? Electronic resource "IQmonitor" / Access mode: <https://www.iqmonitor.ru/investicii/invest/fondy/iinvesticionnye-kompanii.html>
 11. Sharonov S. A. Civil law regulation of security activities in the Russian Federation: dis. Dr. jurid. sciences'. Volgograd, 2015. 445 p.
 12. Sharonov S. A. Problems of legal regulation of security activity as a type of entrepreneurship / S. A. Sharonov // The power of law. 2019. No. 4. pp. 137-155.
- .

УДК 349.2

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-300-307

ИНСТИТУТ ТРУДОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИНОСТРАННО РАБОТНИКА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Трифонова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье проводится системный анализ института трудовой правосубъектности иностранного работника. Основными детерминантами межгосударственного перемещения населения и трудовых ресурсов по мнению авторов является значительный контраст в уровнях экономического и социального развития существующий между странами, обменивающимися рабочей силой. Трудовая миграция, имеет ряд положительных аспектов, в связи с этим труд иностранных работников и миграция два параллельно идущих явления, требующих постоянного внимания и изучения.

Автор указывает, что у иностранных граждан в России имеется предусмотренная законодателем возможность трудоустройства посредством обширной нормативной базы закреплена возможность привлечения и беспрепятственного или, в ряде случаев, ограниченного использования иностранных трудовых ресурсов.

В заключении, автор приходит к выводу, что под трудовой дееспособность понимается способность лица приобретать и осуществлять все трудовые права и обязанности, а при соединении данного понятия с понятием правоспособность мы можем прийти к выводу, что реализация способности к труду носит личный характер. Подтверждение данной теории находит свое отражение и в статье 15 ТК РФ, в которой законодатель делает акцент именно на личном характере выполнения работы.

Ключевые слова: система законодательства, трудовая правосубъектность, иностранный работник, трудовая миграция, трудовые ресурсы.

Актуальность темы обусловлена тем, в настоящее время в Российской Федерации работодатели зачастую крайне неохотно принимают на работу иностранных граждан, так как правовое регулирование трансграничного трудоустройства усложнено оформлением множества правовых документов, разобраться в тонкостях, которых в ряде случаев работодатель самостоятельно не может. Экономический прогресс различных государств становится все более, и более зависим от мировых тенденций общественного развития, активного взаимодействия отдельных национальных экономик друг с другом. В настоящее время, заинтересованность развитых стран в привлечении иностранной рабочей силы, способствует возникновению процесса либерализации существующего национального трудового законодательства, в следствие чего иностранные работники получают права равные с работниками принимающей страны. Это способствует возникновению конкуренции между ними и национальными работниками. Однако зачастую правовое положение иностранных работников несет в себе множество сложностей и негативных явлений.

Основными причинами межгосударственного перемещения населения и трудовых ресурсов принято считать значительный контраст в уровнях экономического и социального развития существующий между странами, обменивающимися рабочей силой.

Современный мир стал ареной миграционных процессов. Трудовая миграция, имеет два положительных аспекта, во – первых она помогает людям найти работу в других странах, а во-вторых приносит дополнительный доход в государственный

бюджет. Именно поэтому труд иностранных работников и миграция два параллельно идущих явления, требующих постоянного внимания и изучения. Миграция – это перемещение населения, которое, в широком смысле можно понимать, как любое территориальное перемещение, а в узком смысле означает переселение, то есть смену постоянного места жительства.

Следует согласиться с мнением отдельных исследователей, что «миграция представляет собой сложный процесс, который отличается своеобразием и зависимостью от разнообразных детерминантов, (социальные, политические, экономические, культурные, идеологические и другие) и связанный с добровольным либо вынужденным перемещением, вне зависимости от пересечения внутренних либо внешних границ административно-территориальных образований, вне зависимости от периода пребывания, посредством разных видов транспорта, которое осуществляется с разными целями» [1, с. 341-348].

Миграцию по характеру пересекаемых границ можно поделить на внешнюю и внутреннюю. Именно на внешней миграции будет заострено внимание. Внешней называется миграция, при которой пересекаются государственные границы [2, с.11-13]. Внешняя миграция, это перемещение населения, которое, в широком смысле можно понимать, как любое территориальное перемещение, а в узком смысле означает переселение, то есть смену постоянного места жительства [3, с.104]. Однако следует обратить внимание на то, что при рассмотрении содержания понятия «внешняя трудовая миграция» мы видим, что оно является более широким и включает в себя не только легальный въезд работников-иностранцев на территорию иностранного государства с целью осуществления им оплачиваемой трудовой деятельности, но и нелегальный, за который национальным правом предусмотрена юридическая ответственность.

В настоящее время, ученые выделяют два вида внешней трудовой миграции: к первому виду относится межконтинентальная (в качестве примера можно рассмотреть массовое переселение европейцев за океан в XIX—XX веках); в качестве второго вида принято выделять внутриконтинентальную миграцию (данный вид миграции наиболее распространен в современном мире, примером является миграция из одних европейских стран в другие) [4, с.16-20]. Трудовая деятельность иностранных работников привлекает к себе особое внимание. Какие-то работники получают преференции, иные же сталкиваются с ограничениями. Но для любого иностранного работника существует определенная нормативная база, определяющая его статус, механизм реализации прав и способы защиты.

Определение понятия «трудящийся-мигрант» дано в различных международных документах. В международной практике аналогичную категорию субъектов чаще всего обозначают понятием мигрант. В свою очередь Конвенция ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990г. раскрывает понятие трудящийся мигрант как любое лицо, которое будет заниматься или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является (данное определение см. в ст. 2) [5]. Так как данное определение не содержит такую категорию как законность, можно прийти к выводу, что данное понятие включает в себя и нелегальную миграцию.

Акты МОТ также раскрывают содержание понятия трудящийся мигрант. Так данный термин был впервые употреблен в Конвенции МОТ «О трудящихся мигран-

тах» [6]. В статье 11 данной Конвенции указывается, что «трудящимся мигрантом, является лицо, которое мигрирует из своего государства в другое с целью получить работу в другое иностранное государство, и включает в себя всякое лицо, допускаемое в соответствии с законом в качестве работника-мигранта» [6].

Данное определение, в отличие от предыдущего содержит указание на законность нахождения на территории иностранного государства.

При рассмотрении статуса лица, в котором соединены миграционные, гражданские и трудовые аспекты, видна многогранность его содержания.

Основными конвенциями МОТ, выступающими в качестве международно-правовых регуляторов трудовых отношений, являются: Конвенция №87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию», Конвенция №98 «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров», Конвенция №111 «О дискриминации в области труда и занятий», Конвенция №29 «О принудительном или обязательном труде» и другие.

На современном международно-правовом регулировании труда базируется Конституция РФ, ТК РФ, иные федеральные законы и нормативные правовые акты.

В России в наиболее полном объеме иностранным гражданам, а равно и иностранным работникам, обеспечиваются конституционные личные права свободы, в остальном присутствуют ограничения. В сфере труда такие ограничения проявляются особо ярко (занятие должностей на государственной службе и т.д.).

Статья 37 Конституции РФ закрепляет положения о том, что «каждый человек имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду с указанием на то, что труд свободен» [7]. Важным является в формулировке указание «каждый», уравнивая, таким образом, и граждан РФ с иностранными гражданами. Таким образом, в трудовых отношениях российское государство старается максимально улучшить правовое положение работников-иностранцев.

Российская Федерация ратифицировала все 8 Конвенций МОТ, которые содержат четыре основных принципа, провозглашенных в Декларации Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» [8]. Правовое положение как иностранного гражданина, так и работника регулируется с учетом основных принципов. В настоящее время, конституционные положения, регулирующие различные права и свободы данных лиц, содержатся в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [9].

В настоящее время законодательство РФ имеет несколько легальных определений понятия «иностраный гражданин». Так, рассматривая ФЗ № 62-ФЗ можно выделить следующее определение: «иностраный гражданин -лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства, к ним приравниваются лица без гражданства, а также лица, при отсутствии иностранного гражданства имеют вид на жительство» [10].

ФЗ №115-ФЗ содержит иное определение. В соответствии с положениями данного ФЗ – «иностраным гражданином является физическое лицо, которое не является гражданином РФ и способное доказать наличие иностранного гражданства (подданства), что касается лица без гражданства, то им является физическое лицо, которое не имеет гражданства РФ и способное доказать наличие гражданства другого государства» [9]. Данное понятие является более подходящим, по нашему мнению.

Правой статус иностранных работников в РФ предусмотрен такими нормативно-правовыми актами как ТК РФ, ФЗ №115-ФЗ, и другими.

Следует подчеркнуть, что, раскрывая правовой статус, необходимо сделать акцент на правовые гарантии, которые направлены на беспрепятственную реализацию трудовой деятельности и иметь возможность защитить свои права от нарушений. Правовой статус, не подкрепленный гарантиями нельзя рассматривать как полноценный. Именно система гарантий позволяет наиболее полно и реально раскрыть статус иностранного работника.

Гарантии довольно обширны: начиная от общепризнанных на мировом уровне, таких как защита прав и свобод человека, недопущение дискриминации по полу и расовым признакам до гарантий, закрепленных национальными законами в области страхования и т.п.

Например, по обязательному социальному страхованию от профессиональных заболеваний и от несчастных случаев на производстве работники-иностранцы имеют право на пособия и прочие страховые выплаты [11]. Однако важно уточнить, если заключен гражданско-правовой договор, в нем может не содержаться условие о страховании, в отличие от трудового договора.

Особыми преференциями наделены иностранные работники, которые являются временно пребывающими гражданами в рамках Договора ЕАЭС. Граждане стран-участников данного Договора признаются застрахованными лицами на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством на тех же условиях, что и граждане РФ. Это означает, что данные работники будут получать все пособия за счет Фонда Социального Страхования, в отличие от остальных иностранных работников, которые временно пребывают на территорию РФ, им положены только выплаты по временной нетрудоспособности при условии работы по трудовому договору и перечисления работодателем взносов в ФСС в течении 6 месяцев, до наступления страхового случая.

Актуальность проблемы трудовой правосубъектности не уменьшается на протяжении длительного времени и является поводом для научных споров. Как отмечается в научной литературе: под трудовой правосубъектностью понимается основной самостоятельный элемент содержания правового статуса работника. Она входит в структуру правового положения работника, так как субъекты рассматриваемых отношений не могут не иметь трудовых прав и обязанностей. Трудовая правосубъектность работника определяется его спецификой как субъекта трудовых отношений, и способствует реализации его способностей к труду».

Рассматривая проблему трудовой правосубъектности, мы пришли к выводу, что она длительное время является предметом научных споров. Это связано, прежде всего, с отсутствием легального, закрепленного законодателем определения трудовой правоспособности и дееспособности. Ученые вынуждены в этом случае применять аналогию закона и использовать понятия данные в Гражданском Кодексе РФ [12]. Несмотря на вышеуказанное решение существующей проблемы, нельзя полностью с ним согласиться, так как в данном случае аналогия закона не способна в полной мере передать специфику трудового права. К отличительным особенностям можно отнести: внешнее выражение норм права, сфере распространения, в субъектном составе, в содержании и другие.

Рассматривая трудовую правосубъектность как вид общей правосубъектности, необходимо обратить внимание на позицию А.В. Венедиктова, который в свои работы проводил исследование данного вопроса. А.В. Венедиктов достаточно глубоко проанализировал различия данных понятий и пришёл к выводу, что «отраслевая правосубъектность, проявляется как общее в особенном и выражается в принадлежащих гражданину субъективных правах и лежащих на нем юридических обязанностях» [13].

Как отмечается в научной литературе: «трудовая правосубъектность работника представляет собой способность к правообладанию, способность к правореализации, а также трудовую деликтоспособность. При этом все эти элементы имеют личный характер и составляют одно нераздельное целое» [14].

Следовательно, можно сделать следующие выводы: 1) под трудовой правоспособностью понимается способность иметь трудовые права и обязанности; 2) трудовая дееспособность — это способность своими действиями осуществлять трудовые права и обязанности и, наконец, трудовая деликтоспособность – способность нести ответственность за совершенные правонарушения в сфере труда.

Суммируя вышесказанное, дадим собирательное определение трудовой правосубъектности под которой понимается способность работника-иностранца иметь и лично осуществлять трудовые права и обязанности, а также нести юридическую ответственность, с учетом, установленных в нормативных актах ограничений, исключений, преимуществ.

Все физические лица имеют равные трудовые права и обязанность, однако способности к труду у данных лиц различны, следовательно, необходимо рассмотреть такое понятие как дифференциация в правовом регулировании трудовых отношений отдельных категорий работников.

Рассматривая принципы трудового права, следует обратиться к его основному источнику, а именно к Трудовому Кодексу РФ. Он с одной стороны закрепляет равенство всех работников, а с другой стороны указывает на их дифференциацию в зависимости от отдельных категорий работников, которой посвящен раздел XII ТК РФ.

Данные различия оказывают существенное влияние на возможности осуществления работниками трудовой функции, поэтому законодатель целесообразно установил и регламентировал дополнительные правила поведения для таких субъектов, которые получили наименование в трудовом праве «отдельная категория работников». Целью создания данного раздела является выравнивание возможностей данных работников с возможностями работников, которые относятся к общей категории. Именно поэтому, дифференциация правового регулирования отдельных категорий работников осуществляется в полном соответствии с принципом, закрепленным в ст. 2 ТК РФ. В науке трудового права дифференциация также определяется как «разграничение действующих правовых норм на основе юридически значимых факторов в целях конкретизации общих положений трудового законодательства к определенным категориям субъектов трудового права» [15].

При изучении научной литературы, мы столкнулись с понятием «специальный субъект трудового права». Рассмотрев более детально данное понятие, можно сделать вывод что правовое регулирование труда специального субъекта осуществляется с применением специфического метода, свойственного только трудовому праву

– сочетание единства и дифференциации, законодатель таким образом учитывает не только особенности каждого субъекта, а также выявляет возможности использования общих, установленных для всех работников (общей категории) правил поведения.

Под специальным субъектом трудовых отношений принято понимать лицо, регулирование труда которого производится как общими, так и специальными нормами, на основании которых у него появляется специальная трудовая правосубъектность.

Российским законодательством для иностранных работников установлены, как определенные ограничения, так и преимущества. Для примера, рассмотрим ст.14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан» [9], в соответствии с которой работник- иностранец не имеет права трудиться на муниципальной службе, на объектах в организациях, деятельность которых связана с обеспечением безопасности РФ, заниматься иной деятельностью и замещать иные должности, допуск иностранцев к которым ограничен федеральными законами другие.

Особую привилегированную категорию иностранных работников составляют высококвалифицированные специалисты, в эту группу входят только работники-иностранцы, имеющие опыт, навыки или достижения в конкретной области профессиональной деятельности.

Подводя итог вышеизложенного, можно сформулировать определение специальной трудовой правосубъектности работника-иностранца, под которой следует понимать его способность иметь и лично осуществлять трудовые права и обязанности, а также нести юридическую ответственность, с учетом установленных в нормативных актах ограничений, исключений, преимуществ.

Содержание такой правосубъектности, исходя из традиционного учения теории права, составляют: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

В Трудовом кодексе РФ, в отличие от Гражданского отсутствуют понятия право- и дееспособности. Ст. 17 ГК РФ раскрывает понятие правоспособности гражданина, как способности иметь гражданские права и нести обязанности, понятие дееспособности гражданина дано в ст. 21 ГК РФ, как способности своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права [16].

Проводя аналогию между этими двумя кодифицированными нормативным актам, можно предположить, что под трудовой дееспособностью понимается способность лица приобретать и осуществлять все трудовые права и обязанности, а при соединении данного понятия с понятием правоспособности мы можем прийти к выводу, что реализация способности к труду носит личный характер. Подтверждение данной теории находит свое отражение и в статье 15 ТК РФ, в которой законодатель делает акцент именно на личном характере выполнения работы.

Деликтоспособность – это способность лица нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения (деликты) [17]. Согласно ст.13.3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан» для иностранного работника установлен 18-летний возраст [9].

Таким образом, проблема определения трудовой правосубъектности иностранного работника, в настоящее время, является весьма актуальной из- за отсутствия таких основных понятий как: трудовая правоспособность и дееспособность в трудовом праве. На основании проведенного выше исследования, можно сделать вывод о

том, что под специальной трудовой правосубъектность иностранного работника следует понимать его способность иметь и лично осуществлять трудовые права и обязанности, а также нести юридическую ответственность, с учетом установленных в нормативных актах ограничений, исключений, преимуществ.

Список литературы:

1. Трифонов С.Г. К вопросу об уточнении содержания термина «миграция» // Сборник научных трудов XXI Международной научной конференции «Муромцевские чтения. Неопределённости права в доктрине, законодательстве и юридической практике». - Москва, 2021. - С. 341-348.
2. Хелтон А. Правовые аспекты предотвращения вынужденной миграции. - М., 1998. - С. 11-13.
3. Хабриева Т.Я. Миграционное право: теория и практика. - М., 2008. - С.104.
4. Рязанцев С.В., Касымов О.К. Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // Миграционное право. - 2021. - № 2. - С. 16 - 20.
5. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.) // СПС Гарант
6. Конвенция Международной Организации Труда № 97 о трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году) (Женева, 1 июля 1949 г.) // СПС Гарант.
7. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
8. Декларация Международной организации труда "Об основополагающих принципах и правах в сфере труда" (принята в г. Женева 18.06.1998) // Российская газета. - №-238, 16.12.1998
9. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.10.2021) // Парламентская газета. № 144. 31.07.2002
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О гражданстве Российской Федерации" // Парламентская газета. - №104, 05.06.2002
11. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998 №125-ФЗ (по сост. на 20.01.2021) // СЗ РФ. - 1998. - №31. - Ст. 3803
12. Лебедева Г.П., Чернышева Л.А. Трудовая правосубъектность: актуальные проблемы теории и практики. - М., 2015. - С.32.
13. Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений. - М., 1955. - № 6. - С. 18-19.
14. Курс российского трудового права. В 3 т. Т.1: Общая часть/под ред. Е.Б. Хохлова. - СПб., 2013. - С.309.
15. Словарь иностранных слов/под ред. А. С. Кобякова. - М., 2016. - С.47.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посост. на 20.01.2021) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст.3301.
17. Правоведение: учебник/под ред. В.М. Шафирова. - М., 2011. - С.70.

Trifonova K.V. Institute of labor justice of foreign employees: system analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 300-307.

The article provides a systematic analysis of the institution of labor legal personality of a foreign worker. The main determinants of interstate movement of population and labor resources, according to the authors, are the significant contrast in the levels of economic and social development that exists between countries exchanging labor. Labor migration has a number of positive aspects, in this regard, the labor of foreign workers and migration are two parallel phenomena that require constant attention and study. The author points out that foreign citizens in Russia have the possibility of employment provided by the legislator through an extensive regulatory framework, the possibility of attracting and unhindered or, in some cases, limited use of foreign labor resources is secured.

In conclusion, the author comes to the conclusion that working capacity is understood as the ability of a person to acquire and exercise all labor rights and obligations, and when this concept is combined with the concept of legal capacity, we can come to the conclusion that the realization of the ability to work is personal

in nature. Confirmation of this theory is reflected in article 15 of the Labor Code of the Russian Federation, in which the legislator focuses on the personal nature of the work.

Key words: system of legislation, labor personality, foreign worker, labor migration, labor resources.

Spisok literaturi:

1. Trifonov S.G. TK voprosu ob utochnenii soderzhaniya termina «migratsiya» // Sbornik nauchnykh trudov KHXI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Muromtsevskiyechteniya. Neopredelonnosti prava v doktrine, zakonodatel'stve i yuridicheskoy praktike». - Moskva, 2021. - S. 341-348.
2. Khelton A. Pravovyye aspekty predotvrashcheniya vynuzhdennoy migratsii. - M., 1998. - S. 11-13.
3. Khabriyeva T.YA. Migratsionnoye pravo: teoriya i praktika. - M., 2008. - S.104.
4. Ryazantsev S.V., Kasymov O.K. Transformatsiya migratsionnoy politiki Rossii: trendy, priority, mesto stran Tsentral'noy Azii // Migratsionnoye pravo. - 2021. - № 2. - S. 16 - 20.
5. Mezhdunarodnaya konventsia o zashchite prav vsekh trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semey (prinyata rezolyutsiyey 45/158 General'noy Assamblei OON ot 18 dekabrya 1990 g.) // SPS Garant
6. Konventsia Mezhdunarodnoy Organizatsii Truda № 97 o trudyashchikhsya-migrantakh (peresmotrennaya v 1949 godu) (Zheneva, 1 iyulya 1949 g.) // SPS Garant
7. "Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii" (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obscherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020). Popravki, vnesennyye Zakonom RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ, vstupili v silu 4 iyulya 2020 goda (Ukaz Prezidenta RF ot 03.07.2020 № 445). Ofitsial'nyy tekst Konstitutsii RF s vnesennymi popravkami ot 14.03.2020 opublikovan na Ofitsial'nom internet-portale pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
8. Deklaratsiya Mezhdunarodnoy organizatsii truda "Ob osnovopolagayushchikh printsipakh i pravakh v sfere truda" (prinyata v g. Zheneva 18.06.1998) // Rossiyskaya gazeta. - №-238, 16.12.1998
9. Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ (red. ot 02.07.2021) "O pravom polozenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 31.10.2021) // Parlamenskaya gazeta. № 144. 31.07.2002
10. Federal'nyy zakon ot 31.05.2002 № 62-FZ (red. ot 30.12.2020) "O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii" // Parlamenskaya gazeta. - №104, 05.06.2002
11. Ob obyazatel'nom sotsial'nom strakhovanii ot neschastnykh sluchayev na proizvodstve i professional'nykh zabolevaniy: Federal'nyy zakon ot 24.07.1998 №125-FZ (po sost. na 20.01.2021) // SZ RF.-1998.- №31.- St. 3803
12. Lebedeva G.P., Chernysheva L.A. Trudovaya pravosub'yektnost': aktual'nyye problemy teorii i praktiki. - M., 2015. - S.32.
13. Venediktov A.V. O sub'yektakh sotsialisticheskikh pravootnosheniy. - M., 1955. - № 6. - S. 18-19.
14. Kurs rossiyskogo trudovogo prava. V 3 t. T.1: Obschaya chast'/pod red. Ye.B. Khokhlova. - SPb., 2013. - S.309.
15. Slovar' inostrannykh slov/pod red. A. S. Kobyakova. - M., 2016. - S.47.
16. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya): Federal'nyy zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (po sost. na 20.01.2021) // SZ RF. 1994. №32. St.3301.
17. Pravovedeniye: uchebnyy pod red. V.M. Shafirova. - M., 2011. - S.70.

УДК 341.96

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-308-314

**ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ДЕЛАХ О
ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ):
СИСТЕМНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Трифонова К. В., Смоляр Д. С.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье исследованы теоретические и практические аспекты выбора применимого права в трансграничном банкротстве. Анализируется новейшая практика Верховного суда Российской Федерации, арбитражных судов, возникающая при рассмотрении дел о банкротстве с участием иностранного элемента. Выявляются проблемы современного правоприменения, предлагаются возможные пути решения. Авторы, акцентируют внимание на том, что наиболее разумным в вопросе выбора применимого права в делах о трансграничном банкротстве установить четкую иерархию критериев, по которым определяется выбор применимого права.

В заключении отмечается, что, институт трансграничного банкротства, с точки зрения выбора применимого права, является одним из наиболее сложных институтов международного частного права. Одним из возможных способов урегулирования вопросов выбора применимого права является законодательное закрепление алгоритма выбора применимого права. Исходя из современной правоприменительной практики, на взгляд авторов иерархия должна учитывать центр основных интересов должника, место где было инициировано дело о банкротстве и место регистрации должника.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, трансграничное банкротство, банкротство с участием иностранного элемента, международное банкротство.

В условиях современного экономического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, когда целые отрасли экономики как, например, туризм претерпевают резкий спад спроса, все большую актуальность принимают вопросы, связанные с банкротством как физических, так и юридических лиц. Особенно много проблемных аспектов наблюдается в трансграничном банкротстве.

Наиболее универсальным и практически применимым определением трансграничного банкротства представляет понятие данное Е. В. Моховой [1, с. 64]. По её мнению, «трансграничным банкротством (несостоятельностью) является совокупность процессуальных и материальных правоотношений по поводу неплатёжеспособности физического или юридического лица, осложненные иностранным элементом» [1, с. 64]. Для полноты определения необходимо перечислить в чем может выражаться иностранный элемент в банкротных правоотношениях. Прежде всего это регистрация, кредиторов, учредителей или активов должника за границей, а также исполнение решений суда о несостоятельности банкротстве иными государствами. Намного реже встречаются ситуации, когда требования кредиторов заявлены на основе норм иностранного государства или дела о банкротстве и несостоятельности были возбуждены в нескольких государствах.

Исходя из доктринальных исследований можно выделить две основные модели регулирования трансграничного банкротства. На наш взгляд российская правовая модель тяготеет к модели территориальности. Это означает, что суд в рамках своей юрисдикции рассматривает дела о несостоятельности лиц на основе тех активов,

что находятся в данной юрисдикции на момент инициирования производства по делу. Как отмечает в своей работе Мовсесян К. Г., «такая доктрина неизбежно порождает проблему минимизации активов должника, что, в свою очередь, препятствует наиболее полному удовлетворению требований кредиторов» [2, с. 231]. По нашему мнению, это снижает предсказуемость рассмотрения российскими судами банкротных дел, что отрицательно сказывается на увеличении иностранных инвестиций в российский бизнес и кроме того открывает возможности для мошеннических схем путем вывода активов за границу.

Данная ситуация осложняется отсутствием законодательного регулирования трансграничного банкротства, при этом ратифицированные Российской Федерацией соглашения (Киевское соглашения стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» [3] и Минская конвенции «О правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам» [4]), не могут заменить целую систему национального юридического регулирования трансграничного банкротства. К сожалению, рассмотрение проекта Федерального закона Российской Федерации «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» было прекращено 2011 г. По нашему мнению, существующая редакция проекта уже не способна эффективно регулировать сложившиеся на данный момент правоотношения, так как проектом не учитываются ни современный уровень информатизации общества, ни новые формы регулирования деятельности юридических лиц. Кроме того, на данный момент Государственной думой Российской Федерации рассматривается проект реформы банкротства и закон о трансграничном банкротстве должен учитывать внесенные в процедуру изменения.

В условиях отсутствия законодательного регулирования основную роль в разрешении существующих вопросов играет правоприменительная практика. Примечательно, что именно Верховный суд РФ выносит большое количество судебных решений в сфере несостоятельности банкротства по наиболее актуальным проблемам. Это говорит не только о большой значимости данных вопросов, но и об их практической необходимости в ситуации отсутствия нормативного урегулирования.

Одним из центральных вопросов в регулировании трансграничной несостоятельности является вопрос выбора права, которому подчиняется оспариваемая сделка. На данный момент суды достаточно часто занимают пассивную позицию в вопросах выбора применимого права и его толкования. Особенно часто это случается в случае, когда необходимо толкование и применения права иностранного государства. Так в Решении ВС РФ от 11.03.2021 года № 308-ЭС20-18927 по делу № А25-755/2019 по делу ООО «Автомобильная компания Дер Вейс» суды первых трех инстанций ссылались на длительность процесса, оправдывая этим невозможность разрешения вопросов о применимом праве [5]. Однозначно такая ситуация недопустима так как противоречит базовым принципам российского правосудия. Кроме того, в том же решении Верховный суд достаточно точно прописал алгоритм выбора применимого права в случае использования сторонами договора оговорки о применимом праве. Этот алгоритм выглядит следующим образом:

1. Вопрос о применимом праве подлежит разрешению в первоочередном порядке.

2. Оговорка о применимом праве подлежит буквальному толкованию на русском языке, за исключением случая апеллирования стороной к не идентичности версий договора.

3. Если государства, резидентами которых являются участники банкотных отношений, являются Договаривающимися государствами согласно ст. 1 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, то спорные правоотношения автоматически подпадают под регулирование данным соглашением.

4. По вопросам не урегулированным международным договором применяется право определенное сторонами договора, а при отсутствии такого соглашения право, определенное с помощью коллизионных норм.

5. В случае применения иностранных норм их содержание устанавливается судом в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Для решения этого вопроса суд может обратиться за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации. В предмет исследования входят исключительно вопросы права. Стороны судебного процесса имеют право представлять сведения о содержании норм иностранного права.

Российская правовая система, как уже отмечалось, тяготеет к использованию концепции территориальности. Однако в последнее время увеличение случаев банкротства с участием иностранного элемента, а также неоднозначность рассматриваемых судебных споров вынуждает судебную практику отказываться от однозначности. Так в Определении ВС РФ от 08.10.2020 № 310-ЭС20-3002 по делу № А83-6324/2018 суд использовал такой критерий определения подсудности как центр основных интересов должника (*center of main interests of the debtor*, сокращенно с англ. – СОМІ) [6]. Несмотря на то что в самом решении был упомянут только Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г. [7], СОМІ-стандарт был в большей степени рассмотрен в Регламенте Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. о процедурах несостоятельности [8]. В Регламенте критерий для возбуждения основной процедуры банкротства определен центром основных интересов должника, понимаемого как «место, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами и которое подтверждено третьими лицами».

С одной стороны, это однозначно позитивная практика, так как позволяет расширить область применения права, как, к примеру, в данном деле позволила российским кредиторам восстановить свои нарушенные права, не смотря на введение процедуры банкротства в Украине. С другой стороны, если проанализировать зарубежную практику применения данного критерия, можно заметить излишнюю гибкость СОМІ-стандарта, что подтверждается мнения как российских, так и зарубежных ученых. К примеру, профессор Флетчер (I. Fletcher) отмечает что с суды в разных государствах могут прийти к различным выводам относительно «истинного» местонахождения центра основных интересов должника [9, с. 716], что неизменно подтверждается прецедентами при применении статьи 3 Регламента ЕС 2015/848 от 20 мая 2015 г. Необходимо заметить, что в своем Определении Верховный суд РФ определил критерий словом «предприятие», что имеет неоднозначный характер. Закрепленное в ст. 132 ГК РФ определение предприятия как имущественного комплекса, признающего недвижимостью, не в полной мере отражает сущность кри-

терия [10]. На наш взгляд более точной была бы формулировка «постоянное представительство», как это было предложено в Проекте Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» (подготовлен Минэкономразвития России) [11].

Интересной представляется не только новейшая практика ВС РФ, но и противоречия в современной арбитражной практике. Так Президиумом Высшего Арбитражного суда РФ в деле о банкротстве литовского банка «СНОРАС», была сформирована позиция о применении такой коллизионной привязки как *lex fori concursus* [12]. Как отмечает Е. В. Мохова, данная привязка является основным способом определения применимого права в деле о банкротстве с участием иностранного элемента [13]. Именно *lex fori concursus* используется в большинстве иностранных правовых систем, кроме того она закреплена и в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1997 г. «О трансграничной несостоятельности» и Регламенте ЕС 1346/2000 «О производстве по делам о несостоятельности» [14]. По сути эта привязка сводится к выбору права того государства, в котором было инициировано дело о банкротстве.

На практике возник вопрос о возможности параллельного возбуждения дела в рамках правовой системы иного государства. Исходя из законодательства Испании для возвращения недвижимого имущества, находящегося на территории данного государства, в конкурсную массу необходимо введение процедуры банкротства на территории данного государства. В Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 июля 2020 г. введение параллельной процедуры банкротства было признано невозможным [15]. Данную позицию, в кассационной инстанции, поддержал и Арбитражный суд Северо-Западного округа [16]. Однако противоположная позиция была изложена в Определении Арбитражного суда Иркутской области [17]. Исследовав законодательство Испании о банкротстве, суд пришел к выводу, что для признания Решения суда РФ на территории Испании необходима совокупность четырех условий: 1) Коллективный характер процедуры; 2) Окончателность Решения о признании должника банкротом; 3) Решение принято судом в месте основных интересов должника; 4) Решение не противоречит императивным нормам законодательства Испании.

На наш взгляд Позиция Тринадцатого арбитражного апелляционного суда основана на более жестком следовании принципу *lex fori concursus*. С одной стороны, это обеспечивает надежность правовой системы и единообразие судебной практике, однако с другой стороны такой жесткий подход в конкретном деле привел к потере части недвижимости за рубежом, неудовлетворении требований кредиторов. Кроме того, такая позиция в больших масштабах может повлечь за собой порочную практику отмывания денег путем покупки недвижимости за границей. Исходя из всего этого Позиция Арбитражного суда Иркутской области представляется более гибкой. В перспективе эта практика может послужить для развития нашей правовой системы в вопросах применения трансграничного банкротства.

На наш взгляд наиболее разумным в вопросе выбора применимого права в делах о трансграничном банкротстве установить четкую иерархию критериев, по которым определяется выбор применимого права. И при невозможности использовать первый критерий обращаться к следующему. Это позволит с одной стороны привести разнородную практику к единообразию и с другой стороны обеспечить предсказуемость судебных решений, что достаточно важно для международного бизнеса.

По нашему мнению, иерархия критериев должна выглядеть так: 1. Центр основных интересов должника. 2. Место где было инициировано дело о банкротстве. 3. Место регистрации должника.

Расположение критериев в таком порядке позволит в наибольшей степени удовлетворить потребности всех участников банкротных правоотношений. Использование такого критерия как основной центр интересов, поможет соотнести регулируемое право с основными активами должника. В перспективе это позволит не только легче рассматривать банкротные споры (особенно с участием недвижимости), но и предотвратить вывод активов за рубеж. Место где было инициировано дело о банкротстве фактически оказывается привязанным к месту нахождения основного кредитора, поэтому использование такого критерия позволит в большей степени удовлетворять его требования. Место регистрации юридического лица, является хотя и значимым фактором, однако не неоправданным не нахождение активов, не на удовлетворение активов кредиторов, поэтому, по нашему мнению, оно играет наименьшую роль.

Подводя итог, необходимо сказать о том, что трансграничное банкротство, с точки зрения выбора применимого права, является одним из наиболее сложных институтов международного частного права. Однако его сложность не является основанием для отсутствия правового регулирования. Наоборот, на данный момент существует необходимость в приведении разнородной практики к некоторому единому образцу. При этом такую роль не могут играть Постановления ВС РФ, так как несмотря на всю их актуальность им не хватает обширности и системности в подходе. Одним из возможных способов урегулирования вопросов выбора применимого права является законодательное закрепление алгоритма выбора применимого права. Исходя из современной правоприменительной практики, на наш взгляд иерархия должна учитывать центр основных интересов должника, место где было инициировано дело о банкротстве и место регистрации должника.

Список литературы:

1. Мохова Е.В. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // Закон. - 2014. - № 6. - С. 62-73.
2. Мовесян К. Г. Центр основных интересов должника в трансграничном банкротстве // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 11. - С. 229-240.
3. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (в рамках СНГ) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». - 1992. - № 4.
4. Конвенции о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам // Бюллетень международных договоров. - 1995. - № 2. - С. 3-28.
5. Решение Верховного Суда РФ от 11.03.2021 года № 308-ЭС20-18927 по делу № А25-755/2019 [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/YtGU8> (дата обращения: 17.11.2021).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2020 по делу N 310-ЭС20-3002, А83-6324/2018 [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/YtGbq> (дата обращения: 17.11.2021)
7. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности от 30 мая 1977 года [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/YtGk8> (дата обращения: 17.11.2021).
8. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. о процедурах банкротства [Электронный ресурс]. // URL: <https://base.garant.ru/71364282/> (дата обращения: 17.11.2021)
9. Fletcher I. Insolvency in Private International Law: National and International Approaches // Oxford. - 2005. - С. 716.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Собрание Законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

11. Проект Федерального закона Российской Федерации «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/YtHjU> (дата обращения: 17.11.2021)
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 ноября 2013 г. N 10508/13 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/YtHsY> (дата обращения: 17.11.2021).
13. Мохова Е.В. Центр основных интересов должника (СОМИ-стандарт) как критерий базовой страны должника: опыт европейской модели правового регулирования трансграничной несостоятельности: монография / Е.В. Мохова. Пермь, 2007. – С. 233.
14. Регламенте ЕС 1346/2000 «О производстве по делам о несостоятельности» [Электронный ресурс] // <http://baibuz.narod.ru/eurw.htm> (дата обращения: 17.11.2021).
15. Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 03.07.2020 по делу № А56-39654/2016. [Электронный ресурс]. // <http://base.garant.ru/63889223/> (дата обращения: 17.11.2021).
16. Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 4 сентября 2020 г. по делу № А56-39654/2016 [Электронный ресурс]. // <https://sudact.ru/arbitral/doc/GIT6ulqkPH1W/> (дата обращения: 17.11.2021)
17. Определение Арбитражного суда Иркутской области от 18.08.2020 по делу А19- 31706-14/2018 [Электронный ресурс] // <http://fasvo.arbitr.ru/6589-online-info> (дата обращения: 17.11.2021).

Trifonova K.V., Smolyar D. S. The problem of the choice of applicable law in cross-border insolvency (bankruptcy) cases: system of law enforcement // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 308-314.

The article examines the theoretical and practical aspects of the choice of applicable law in cross-border bankruptcy. The article analyzes the latest practice of the Supreme Court of the RF, arbitration courts that arise when considering bankruptcy cases involving a foreign element. The problems of modern law enforcement are identified, possible solutions are proposed. The authors emphasize that the most reasonable in the matter of choosing the applicable law in cross-border bankruptcy cases is to establish a clear hierarchy of criteria by which the choice of applicable law is determined. In conclusion, it is noted that the institution of cross-border bankruptcy, from the point of view of the choice of applicable law, is one of the most complex institutions of private international law. One of the possible ways of settling the issues of the choice of applicable law is the legislative consolidation of the algorithm for choosing the applicable law. Based on modern law enforcement practice, in the opinion of the authors, the hierarchy should take into account the center of the main interests of the debtor, the place where the bankruptcy case was initiated and the place of registration of the debtor.

Keywords: bankruptcy, insolvency, cross-border bankruptcy, bankruptcy involving a foreign element, international bankruptcy.

Spisok literatury:

1. Mokhova Ye.V. Transgranichnoye bankrotstvo: rossiyskiye pravovyye realii i perspektivy // Zakon. - 2014. - № 6. - S. 62-73.
2. Movesyan K. G. Tsentr osnovnykh interesov dolzhnika v transgranichnom bankrotstve// Voprosy rossiyskoy yustitsii. -2021. - № 11. - S. 229–240.
3. Soglasheniye o poryadke razresheniya sporov, svyazannykh s osushchestvleniyem khozyaystvennoy deyatel'nosti, ot 20 marta 1992 g. (v ramkakh SNG) // Informatsionnyy vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG «Sodruzhestvo». - 1992. - № 4.
4. Konventsii o pravovoy pomoshchi i pravovym otnosheniyam po grazhdanskim, semeynym i ugolovnym delam// Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov. - 1995. - № 2. - S. 3-28.
5. Resheniye Verkhovnogo Suda RF ot 11.03.2021 goda № 308-ES20-18927 po delu № А25-755/2019 [Elektronnyy resurs]. // URL: <https://clck.ru/YtGU8> (data obrashcheniya: 17.11.2021).
6. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 08.10.2020 po delu N 310-ES20-3002, А83-6324/2018 [Elektronnyy resurs]. // URL: <https://clck.ru/YtGbq> (data obrashcheniya: 17.11.2021)
7. Tipovoy zakon YUNSTRAL o transgranichnoy nesostoyatel'nosti ot 30 maya 1977 goda [Elektronnyy resurs]. // URL: <https://clck.ru/YtGk8> (data obrashcheniya: 17.11.2021)
8. Reglament Yevropeyskogo Parlamenta i Soveta Yevropeyskogo Soyuzа 2015/848 ot 20 maya 2015 g. o protsedurakh bankrotstva [Elektronnyy resurs]. // URL: <https://base.garant.ru/71364282/> (data obrashcheniya: 17.11.2021)
9. Fletcher I. Insolvency in Private International Law: National and International Approaches// Oxford. - 2005. – С. 716.
10. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' tret'ya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (v red. ot 28.06.2021) // Sobraniye Zakonodatel'stva RF. –1994. – № 32. – St. 3301.
11. Proyekt Federal'nogo zakona Rossiyskoy Federatsii «O transgranichnoy nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [Elektronnyy resurs]. // URL: <https://clck.ru/YtHjU> (data obrashcheniya: 17.11.2021)
12. Postanovleniye Prezidiumа Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 12 noyabryа 2013 g. N 10508/13 [Elektronnyy resurs]. // URL: <https://clck.ru/YtHsY> (data obrashcheniya: 17.11.2021).

13. Mokhova Ye.V. Tsentr osnovnykh interesov dolzhnika (COMI-standart) kak kriteriy bazovoy strany dolzhnika: opyt yevropeyskoy modeli pravovogo regulirovaniya transgranichnoy nesostoyatel'nosti: monografiya / Ye.V. Mokhova. Perm', 2007. – S.233.
14. Reglamente YES 1346/2000 «O proizvodstve po delam o nesostoyatel'nosti» [Elektronnyy resurs]. // <http://baibuz.narod.ru/eurw.htm> (data obrashcheniya: 17.11.2021).
15. Postanovleniye Trinadtsatogo Arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 03.07.2020 po delu № A56-39654/2016. [Elektronnyy resurs]. // <http://base.garant.ru/63889223/> (data obrashcheniya: 17.11.2021).
16. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Severo-zapadnogo okruga ot 4 sentyabrya 2020 g. po delu № A56-39654/2016 [Elektronnyy resurs]. // <https://sudact.ru/arbitral/doc/GIT6ulqkPH1W/> (data obrashcheniya: 17.11.2021)
17. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Irkutskoy oblasti ot 18.08.2020 po delu A19- 31706-14/2018 [Elektronnyy resurs]. // <http://fasvso.arbitr.ru/6589-online-info> (data obrashcheniya: 17.11.2021).

УДК 342.92

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-315-323

**ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ТОВАРОВ
ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕАЭС**

Андреева В. М.

ГКО УВО «Российская таможенная академия», Россия, г. Люберцы,

Субъект, как структурный элемент состава незаконного перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС), характеризует лицо, совершившее административное правонарушение. Сфера таможенной деятельности, а в частности перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС, относится к узкому кругу правоотношений, наделяющего его участников особыми, специфическими правами и обязанностями в области таможенного дела. Это означает, что субъектом незаконного перемещения товаров может быть не всякое лицо, а только наделенное такими специфическими правами и обязанностями.

Анализ правоприменительной практики и научных исследований, посвященных привлечению должностных лиц к административной ответственности за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС свидетельствует о наличии определенных сложностей в применении и толковании положений статьи 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ). Научное сообщество не сходится во мнениях, а судьями принимаются разные и порой противоречащие друг другу решения и, прежде всего, это касается определения понятия должностного лица, его функций и полномочий. В данной статье автором дается определение понятия должностного лица как субъекта административной ответственности за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС, его должностных полномочий и функций.

Ключевые слова: должностное лицо, административная ответственность, незаконное перемещение, должностные функции, должностные полномочия, субъект, Евразийский экономический союз, правонарушение, таможенная деятельность, правоприменительная практика.

Должностным лицом – субъектом административной ответственности согласно ст. 2.4 КоАП РФ является лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее или функции в государственных органах, органах государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций руководители и другие работники иных организаций, арбитражные управляющие.

Таким образом, КоАП РФ наделяет должностное лицо особыми, присущими только этому субъекту административных правоотношений признаками, – выполнение ими организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций. Толкование этих понятий содержится в п.п. 4 и 5 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномо-

чий» [1]. Так, в соответствии с п. 4 указанного Постановления Пленума под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

Также, к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Согласно п. 5 Постановления Пленума как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом).

Как видно из приведенных положений п.п. 4 и 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» Верховный Суд РФ отождествляет понятие функций и полномочий должностного лица, а меж тем эти понятия не тождественны друг другу.

В соответствии со ст. 57 Трудового кодекса РФ трудовая функция - это работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы. Таким образом, функции должностного лица представляют собой определенный круг задач, определяющих его трудовую деятельность в соответствии с должностью.

При этом должностные полномочия представляют собой определенный круг прав и обязанностей, характеризующих занимаемую должность и делегированных должностному лицу для осуществления своих функций. Т.е. трудовые функции должностного лица осуществляются в рамках предоставленных ему полномочий и благодаря им. Таким образом, должностные полномочия – это права и обязанности, очерченные рамками занимаемой должности, а функции – это практическая деятельность по реализации должностных полномочий. При этом функции, не обеспеченные соответствующими должностными полномочиями, не могут быть реализованы на практике. Здесь следует отметить, что должностные полномочия – это одновременно и права, и обязанности, обусловленные должностью, в рамках которых должностное лицо может действовать. И одновременно должностное лицо наделено обязанностью не выходить за рамки, обеспечиваемые занимаемой должностью.

Параллель можно провести с положениями п. 1 ст. 182 ГК РФ, согласно которому сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого. В данном случае доверенность, закон, либо акт – это право (полномочие), которое предоставлено лицу для осуществления сделки – функции (действия). Доверенность, закон, либо акт уполномоченного органа выступают здесь одновременно и правом, ограниченным обозначенными в самом правоустанавливающем документе рамками, и обязанностью не выходить за эти рамки, поскольку иные полномочия они не предусматривают. Следует отметить, что большинство авторов также характеризуют должностные полномочия как совокупность прав и обязанностей [2].

Таким образом, можно говорить о взаимообусловленности должностных полномочий и функций, но не о их равенстве. В этой связи очень важное замечание сделал Д.А. Черногоров: «говоря о должностном лице как субъекте административного права, необходимо сказать, что функции выступают направлениями деятельности должностных лиц. Если правовые методы отвечают на вопрос «как делать?», цели и задачи – «для чего делать?», то функции отвечают на вопрос «что делать?». Иными словами, функции как управленческой системы в целом, так и отдельных должностных лиц в повседневной деятельности, являются важным источником правовой активности субъекта управления. Исходя из этого, особо важное значение приобретает надлежащее правовое закрепление функции должностного лица в правовых актах, закрепляющих его административно-правовой статус... Учитывая, что функции указывают на то, чем должно заниматься должностное лицо, то полномочия должностного лица устанавливают границы (объем) осуществления функций, определяют, какими правовыми методами и способами обеспечивается их выполнение. Иначе говоря, полномочия предоставляются должностным лицам для реализации их функций юридическим способом» [3].

П.Е. Федоров следующим образом охарактеризовал общие признаки должностных полномочий: «1) если статус должности представляет собой синтез ее прав и обязанностей, то полномочия, определяющие должностные права и обязанности, являются основным элементом правового статуса должности; 2) с помощью должностей обеспечивается персонализация административных функций, прав и обязанностей (разделение труда в административном органе). Поэтому еще одним признаком полномочий является их персонифицированность; 3) полномочия должны обладать таким признаком, как сбалансированность. Данный признак предполагает то, что все обязанности, возложенные на должностное лицо, должны быть обеспечены соответствующими правами, иначе должностное лицо не сможет надлежащим образом и в полном объеме их исполнить. В свою очередь, предоставление большего объема прав должностному лицу, чем необходимо, может повлечь злоупотребление ими; 4) полномочия должностных лиц устанавливаются законами, подзаконными актами, должностными инструкциями, что позволяет выделить еще один обязательный признак – бланкетность; 5) множество полномочий должностного лица должно ограничиваться рамками компетенции представляемого им органа» [4].

Анализируя совокупность должностных прав и обязанностей, нельзя не упомянуть о компетенции должностного лица. Так, Д.А. Черногоров определяет компетенцию как «совокупность его полномочий, т.е. прав и обязанностей» [5].

В.В. Елистратова понимает под компетенцией «комплекс конкретных полномочий, включающих субъективные права и обязанности по осуществлению конкретных управленческих функций в определенной сфере» [6].

П.Е. Федоров определяет компетенцию как «...совокупность прав и обязанностей того или иного органа управления в рамках определенного сегмента или сферы деятельности в системе государственного управления, ограниченных предметом ведения, временными, пространственными рамками, кругом лиц и т.д. Полномочия должностного лица должны собой представлять часть компетенции органа либо совпадать с его компетенцией» [7]. Представляется, что в любом случае, совпадает компетенция должностного лица с компетенцией органа или является ее частью, компетенции должностного лица присущи свои индивидуализированные права и обязанности, которые, с одной стороны, обусловлены конкретной должностью, а с другой стороны, не могут выходить за рамки должностных полномочий.

Меж тем, некоторыми учеными допускается возможность совершения административного правонарушения должностным лицом при совершении им действий, выходящих за рамки должностных полномочий. Так, Б.В. Зыкин и Е.В. Зыкина предлагают изложить абз. 1 ст. 2.4 КоАП РФ в следующей редакции: «Административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей, и (или) с совершением сделок и иных действий, выходящих за пределы установленных полномочий» [8].

Однако, представляется, что совершение действий, выходящих за рамки должностных полномочий, не образует состава административного правонарушения в связи с отсутствием такого элемента как субъект правонарушения – должностное лицо, поскольку, совершая действия вне рамок своих должностных полномочий, лицо утрачивает свое правовое положение, определяемое должностью. Совершая правонарушение за рамками своей должности, лицо становится субъектом ответственности как физическое лицо, но не должностное, поскольку главное отличие субъекта ответственности – должностного лица от физического заключается в наличии определенных прав и обязанностей, строго очерченных определенной должностью и обозначенных, например, в приказе о назначении на должность, должностной инструкции и т.п.

В этой связи характерен пример из судебной практики. Решением Санкт-Петербургского городского суда от 03.11.2020 № 12-1185/20 оставлено в силе вынесенное судьей Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга постановление по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ о прекращении в отношении должностного лица – С. производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием состава правонарушения. Из материалов дела следовало, что при помещении товаров под специальную таможенную процедуру ФГБУ «...» не были задекларированы 2 прибора. Таможенные операции по таможенному декларированию товаров производила специалист по таможенному оформлению ФГБУ «...» Е.Е., на которую был возложен контроль за совершением таможенных операций. Согласно должностной инструкции Е.Е. непосредственно подчинялась своему начальнику – С., в обязанно-

сти которого входило руководство деятельностью подразделения на основе единоначалия. Также, на основе должностной инструкции С. планировал, организовывал, проводил и координировал экспедиционную деятельность ФГБУ «...» в Арктике.

Описывая вину должностного лица, таможенный орган указал, что Е.Е., осуществившая декларирование товара, принята на должность ведущего специалиста по таможенному оформлению, подчинялась своему непосредственному начальнику – С. Следовательно, С. должен был организовать работу подчиненного ему специалиста, осуществлять контроль за деятельностью данного работника.

Однако суд, отказывая в удовлетворении жалобы таможенного органа, аргументировал свою позицию следующими доводами: из должностной инструкции С. не усматривается обязанность по осуществлению таможенного оформления и таможенного сопровождения. Ответственность должностного лица наступает за невыполнение конкретных должностных обязанностей [9].

Таким образом, суд разъяснил, что признание должностного лица субъектом правонарушения возможно только за ненадлежащее выполнение им своих должностных обязанностей. Это подтверждает ранее сделанное утверждение о том, что совершение действий, выходящих за рамки должностных полномочий, не образует состава должностного правонарушения.

Также, характерное решение вынес 24.10.2011 Свердловский областной суд по делу № 72-617/2011. Постановлением Нижнетагильской таможни специалист по таможенному оформлению ЗАО «...» М. была привлечена в качестве должностного лица к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ. М. признана виновной в том, что, действуя на основании брокерского договора и доверенности, представила Нижнетагильской таможне таможенную декларацию, в которой не заявила сведения о 18 шт. товара. Признавая специалиста по таможенному оформлению виновным в совершении ею правонарушения в качестве должностного лица, суд определил, что объем должностных обязанностей М. определен доверенностью, в соответствии с которой от имени ЗАО «...» она вправе совершать операции по таможенному оформлению товаров, перемещаемых через таможенную границу, в том числе, оформлять таможенные декларации, декларации таможенной стоимости, формы корректировки таможенной стоимости и др. документы и сведения, необходимые для таможенных целей. Исходя из содержания доверенности, М. осуществляла организационно-распорядительные функции по таможенному оформлению товаров с целью их последующего перемещения через таможенную границу. Суд признал привлечение М. в качестве должностного лица правомерным [10].

Таким образом, суд признал организационно-распорядительными функциями должностного лица такие функции, которые фактически не являются руководящими в организации. Суд исходил из реально осуществляемых должностных полномочий лица, прописанных в его доверенности. Суд в данном случае применил в своем решении абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которому к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. Т.е. фактически в данном случае организационно-распорядительные функции

М. заключались в принятии того или иного конкретного решения, касаемо таможенного декларирования товаров. Если толковать буквально, – М. организовала таможенное декларирование и распорядилась принять решение о декларировании товара в количестве меньшем на 18 шт. Будучи специалистом по таможенному оформлению, должностные обязанности которого прямо предусматривают выполнять функции по таможенному декларированию, М. должна была знать о необходимости декларирования всей партии товара и предвидеть наступление неблагоприятных последствий в виде недекларирования части товара.

Также, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отсутствие административно-хозяйственных функций у М. судья посчитал достаточным наличие только организационно-распорядительных для признания ее должностным лицом. Здесь важным представляется тот факт, что КоАП РФ не предусматривает обязательное одновременно наличие в трудовой деятельности должностного лица и административно-хозяйственных функций и организационно-распорядительных, закрепляя между этими понятиями союз «или» вместо «и».

Такой подход представляется наиболее верным, поскольку, во-первых, не всегда привлекаемые в качестве должностного лица руководители организаций реально принимают участие в принятии того или иного решения. Более того, зачастую руководитель организации не обладает должной квалификацией, достаточной для, например, таможенного декларирования товаров. Для этого в организациях существуют специалисты надлежащего уровня квалификации, которые нанимались для осуществления тех или иных должностных обязанностей, прямо прописанных в соответствующих корпоративных документах. Во-вторых, не всегда фактически принимающее решения то или иное должностное лицо обладает административно-хозяйственными функциями в организации.

Также, выразим несогласие с определением распорядительных полномочий должностного лица как управление людьми. «...В основу определения понятия должностного лица положены два критерия: первый – обладание полномочиями распорядительного характера; второй – обладание полномочиями административно-хозяйственного характера... распорядительными полномочиями являются полномочия по управлению людьми или организациями, административно-хозяйственными – по управлению вещами» [11]. На наш взгляд, распоряжение не равно управлению и не обязательно организационно-распорядительные функции заключаются только в управлении людьми.

Функции должностного лица могут заключаться в организации каких-либо мероприятий, связанных с перемещением товаров через таможенную границу и принятием в связи с этим соответствующих решений, имеющих юридическое значение. Т.е., при рассмотрении вопроса о наделении лица статусом должностного, прежде всего, необходимо исходить из того, выполняло ли это лицо конкретные функции, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых предусмотрено административное наказание; предусмотрены ли эти функции в его трудовых документах, регламентирующих должностные полномочия; было ли лицо ответственно за выполнение указанных действий. И в данном случае ключевую роль играют организационно-распорядительные функции, поскольку именно они указывают на должностные полномочия лица. Административно-хозяйственные функции несут факультативную роль, на наш взгляд, не являясь обязательными. Данный факт косвен-

но подтверждает и судебная практика при рассмотрении вопросов о привлечении к административной ответственности должностных лиц.

К аналогичному выводу пришел Амурский областной суд в своем решении от 09.04.2015 по делу № 7-124/2015. Как следует из указанного судебного акта, перевозчик ООО «Амурагрокомплекс» при убытии товаров с таможенной границы Таможенного союза сообщил Благовещенской таможене недостоверные сведения о весовых характеристиках перемещаемого товара, в связи с чем в отношении должностного лица Общества – К. было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ. Из содержания имеющихся в деле материалов следует, что на предприятии осуществляется обучение и инструктаж работников, имеются весовое оборудование и лицо, замещающее должность весовщика, а также декларант – доверенное лицо Общества, которое ответственно за оформление документов ООО «Амурагрокомплекс» в целях таможенного оформления товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза.

Сведения, указанные в международных товаротранспортных накладных, были проверены и предоставлены в таможенный орган декларантом. Досмотр товаров также осуществлялся в присутствии декларанта. Вместе с тем, определение веса товара, недостоверные сведения о котором послужили основанием для привлечения должностного лица Общества – К., было осуществлено весовщиком ООО «Амурагрокомплекс». При указанных обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что К. были приняты меры по определению ответственных должностных лиц из числа работников предприятия, наделению их объемом прав и обязанностей в целях осуществления перевозки товаров через таможенную границу Таможенного союза в целях соблюдения действующих таможенных правил, в связи с чем вину указанного должностного лица нельзя считать доказанной [12].

Аналогично Верховный Суд РФ вынес Постановление от 04.09.2014 № 58-АД14-6, отказав в привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ за не декларирование товара – лесоматериалов в количестве 1,67 м³ – в качестве должностного лица единственного участника управляющей организации, которой были переданы полномочия единоличного исполнительного органа ООО «...». Помимо прочего суд свой отказ мотивировал тем, что фактически должностные обязанности по декларированию товаров выполнял руководитель отдела по экспедированию и таможенному оформлению ООО «...» на основании должностной инструкции, в которой он наделен полномочиями по организации декларирования лесопромышленности (подготовка, подача и выпуск ДТ, накладных, отправка накладных) и контролю за работой отдела [13].

На необходимость установления ответственного лица, наделенного конкретными полномочиями, для наделения его статусом должностного, указывает и Первый кассационный суд общей юрисдикции в своем Постановлении от 11.12.2019 № 16-218/2019 при привлечении к административной ответственности в качестве должностного лица директора ЧОУ ПО «Варяг» - В. по ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ за нарушение правил хранения и учета оружия и патронов к нему. Из судебного акта следует, что в книгу выдачи и приема оружия патронов ЧОУ ПО «Варяг» не внесены записи о выдаче пистолета и патронов к нему в количестве 774 штук, на контрольно-пропускном пункте ЧОУ отсутствовал сотрудник охраны. В., обжалуя судебные акты судебных инстанций, указал на то, что не является субъектом вмененного право-

нарушения, поскольку лицом, ответственным за учет оружия и патронов к нему должен осуществлять преподаватель М.А.А. Однако суд пришел к иному выводу, поскольку из содержания приказа директора ЧОУ ПО «Варяг» следует, что преподаватель М.А.А. назначен ответственным за сохранность и учет оружия и патронов, пожарную безопасность комнаты хранения оружия и патронов ЧОУ ПО «Варяг». При этом какого-либо документального подтверждения о возложении на М.А.А. организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций материалы дела не содержат. Также, в данном приказе отсутствуют сведения об ознакомлении с ним ответственного работника – М.А.А. В связи с чем, суд признал правомерным привлечение к административной ответственности в качестве должностного лица директора ЧОУ ПО «Варяг» [14].

Подводя итог вышесказанному, считаем целесообразным дать определения должностного лица, ответственного за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС, его должностных полномочий и функций.

Так, **должностными полномочиями лица**, ответственного за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС, является совокупность обусловленных занимаемой должностью прав и обязанностей, обеспечивающих выполнение им функций в рамках своей компетенции.

Функции должностного лица, ответственного за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС, – это деятельность по осуществлению им обязанностей, обусловленных занимаемой должностью.

Организационно-распорядительные функции должностного лица заключаются в принятии решений в области таможенного дела, имеющих юридическое значение, и организации их исполнения.

Таким образом, должностным лицом – субъектом административной ответственности за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС является лицо, ответственное за принятие решений в области таможенного дела и организацию их исполнения в рамках предоставленных ему должностных полномочий.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2004. С. 161; Елистратова В. В. О разграничении понятий «компетенция», «предметы ведения» и «полномочия» // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 213; Черногоров Д. А. Должностное лицо как субъект административного права // СПС «КонсультантПлюс». 2014; Федоров П. Е. Содержание понятия должностных полномочий воинского должностного лица как критерий ограничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения // СПС «КонсультантПлюс». 2009;
3. Черногоров Д. А. Должностное лицо как субъект административного права // СПС «КонсультантПлюс». 2014;
4. Федоров П. Е. Содержание понятия должностных полномочий воинского должностного лица как критерий ограничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения // СПС «КонсультантПлюс». 2009;
5. Черногоров Д. А. Должностное лицо как субъект административного права // СПС «КонсультантПлюс». 2014;
6. Елистратова В. В. О разграничении понятий «компетенция», «предметы ведения» и «полномочия» // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 213;
7. Федоров П. Е. Содержание понятия должностных полномочий воинского должностного лица как критерий ограничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения // СПС «КонсультантПлюс». 2009;
8. Зыкин Б. В., Зыкина Е. В. Административная ответственность индивидуальных предпринимателей // СПС «КонсультантПлюс» 2019;
9. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 03.11.2020 № 12-1185/2020 // СПС «КонсультантПлюс»;

10. Решение Свердловского областного суда от 24.10.2011 по делу № 72-617/2011 // СПС «КонсультантПлюс»;
11. Чаннов С. Е. Должностное лицо как особый субъект административной ответственности // СПС «КонсультантПлюс». 2007;
12. Решение Амурского областного суда от 09.04.2015 по делу № 7-124/2015 // СПС «КонсультантПлюс»;
13. Постановление Верховного Суда РФ от 04.09.2014 № 58-АД14-6 // СПС «КонсультантПлюс»;
14. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2019 по делу № 16-218/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Andreeva V. M. Executive official as the subject of administrative liability for illegal movement of goods across the customs border of the EAEU // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 315-323.

The subject, as the structural element of the offence of illegal movement of goods across the customs border, defines a person who committed an administrative offence. The sphere of customs activity, the movement of goods across the customs border of the Eurasian Economic Union (hereinafter – the EAEU) in particular, relates to the narrow circle of the legal relations which lodges its participants with the distinct, specific rights and responsibilities in the customs field. It means that not everyone might be the subject of the offence of illegal movement of goods but one who empowered by such specific rights and responsibilities.

An analysis of the law enforcement practice and research studies being devoted to imposition of administrative liability on executive officials for illegal movement of goods across the customs border of the EAEU testifies that there are some certain difficulties in application and interpretation of Article 2.4 provisions of the Administrative Offence Code of the Russian Federation (hereinafter – the RF AOC). Academic community doesn't share one view, and courts award different, sometimes opposite judgments and, first of all, it relates to the executive official definition, his authority and powers. In this article the author gives definition of the executive official concept as the subject of administrative liability for illegal movement of goods across the customs border of the EAEU as well as his official powers and duties.

Key words: executive official, administrative liability, illegal movement, official duties, official powers, the subject, Eurasian Economic Union, offense, customs activity, law enforcement practice.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij» // SPS «Konsul'tantPlyus»;
2. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo Rossii. M., 2004. S. 161; Elistratova V. V. O razgranichenii ponyatij «kompetenciya», «predmety vedeniya» i «polnomochiya» // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2010. № 2. S. 213; CHernogorov D. A. Dolzhnostnoe lico kak sub"ekt administrativnogo prava // SPS «Konsul'tantPlyus». 2014; Fedorov P. E. Soderzhanie ponyatiya dolzhnostnyh polnomochij voinskogo dolzhnostnogo lica kak kriterij ogranicheniya zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami ot ih prevysheniya // SPS «Konsul'tantPlyus». 2009;
3. CHernogorov D. A. Dolzhnostnoe lico kak sub"ekt administrativnogo prava // SPS «Konsul'tantPlyus». 2014;
4. Fedorov P. E. Soderzhanie ponyatiya dolzhnostnyh polnomochij voinskogo dolzhnostnogo lica kak kriterij ogranicheniya zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami ot ih prevysheniya // SPS «Konsul'tantPlyus». 2009;
5. CHernogorov D. A. Dolzhnostnoe lico kak sub"ekt administrativnogo prava // SPS «Konsul'tantPlyus». 2014;
6. Elistratova V. V. O razgranichenii ponyatij «kompetenciya», «predmety vedeniya» i «polnomochiya» // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2010. № 2. S. 213;
7. Fedorov P. E. Soderzhanie ponyatiya dolzhnostnyh polnomochij voinskogo dolzhnostnogo lica kak kriterij ogranicheniya zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami ot ih prevysheniya // SPS «Konsul'tantPlyus». 2009;
8. Zykin B. V., Zykina E. V. Administrativnaya otvetstvennost' individual'nyh predprinimatelej // SPS «Konsul'tantPlyus» 2019;
9. Reshenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 03.11.2020 № 12-1185/2020 // SPS «Konsul'tantPlyus»;
10. Reshenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 24.10.2011 po delu № 72-617/2011 // SPS «Konsul'tantPlyus»;
11. CHannov S. E. Dolzhnostnoe lico kak osobyj sub"ekt administrativnoj otvetstvennosti // SPS «Konsul'tantPlyus». 2007;
12. Reshenie Amurskogo oblastnogo suda ot 09.04.2015 po delu № 7-124/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus»;
13. Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 04.09.2014 № 58-AD14-6 // SPS «Konsul'tantPlyus»;
14. Postanovlenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 11.12.2019 po delu № 16-218/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».

УДК 342.951: 336.221

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-324-332

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Волков В. Ю., Хилевская Е. А.

В статье приводятся аргументы в поддержку необходимости классификации таможенных правонарушений и преступлений в контексте административного права. Автор изучает подходы к определению понятия «административных правонарушений» их сходства и отличия от преступлений, исходя из законодательно закрепленных дефиниций, а также исследует общие и специфические признаки, сходство и отличия в подходах к определению. Представлен анализ соотношения категорий «правонарушение», «преступление» и «проступок» в рамках таможенной специфики. В результате автором предложено собственное видение классификации таможенных правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, КоАП РФ, проступок, классификация, таможенные отношения, Таможенный кодекс, административные правоотношения.

Актуальность темы. Специфика таможенных правонарушений и преступлений периодически вызывает дискуссию в цивилистических кругах, что не случайно. Безусловно, важнейшим дискуссионным вопросом в настоящее время является проблема интеграции и унификации законодательства об административных правонарушениях в рамках образования Таможенного союза ЕврАзЭС, а затем и Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС). Статистика (и не только российская) свидетельствует о видоизменении и модификации структуры данных правонарушений, с одной стороны, растет число таких правонарушений, с другой, расширяется сфера нарушений, от нарушения порядка перемещения товаров, до таможенных правонарушений в сфере интеллектуальной собственности. При этом на каждом витке развития таможенного и административного законодательства постсоветских стран (а теперь и нового интеграционного таможенного объединения) происходит изменение видения проблемы, возникают новые, в том числе социально-экономические, квалификационные и процессуальные аспекты, обуславливающие отношение к данной категории правонарушений, поэтому важнейшей проблемой становится современная характеристика, классификация и квалификация административных правонарушений в таможенной сфере.

Но не только статистика актуализирует вопросы квалификации административных правонарушений в таможенной сфере, их выдвигают на передний план современного союза ЕАЭС, в основе которых – приоритет общего таможенного пространства и преференций участникам, однако особенностью таможенного законодательства, ещё со времен советского права, считается ответственность за нарушение данной группы общественных отношений, которая определяется административным и уголовным правом. И в этой части, каждое государство – участник Таможенного союза продолжает сохранять принцип верховенства национального права. Таким образом, можно указать на наличие определённого противоречия. С одной стороны, требования к поведению субъекта таможенных правоотношений единые, одинаковые во всех государствах союза. С другой стороны, каждая из этих стран имеет право индивидуального определения степени общественной опасности совершаемого

правонарушения, и соответственно, отнесения деяния не только к различным отраслям права, уголовного или административного, но и установить различный размер наказания за каждое из них внутри системы конкретной отрасли. Вместе с тем, представляется вполне разумным и обоснованным установление при наличии единого законодательства и единой системы ответственности, и единой системы классификации и квалификации таких нарушений.

Бесспорно, исследование современных тенденций и эволюционных изменений, системы квалификации административных правонарушений в таможенной сфере имеет существенное теоретическое и практическое значение. Исследования такого рода позволяют глубже понять проблемы правоприменения, устройства национальной и союзной системы регламентации данного вида правонарушений и ответственности по ним, установить основные векторы совершенствования и унификации законодательства в данной сфере.

Основной текст. Диалектика правоотношений в государствах, декларирующих правовое построение государственной инфраструктуры, стремящихся к формированию норм гражданского общества, требует не только утверждения и регламентирования данных норм, но и специфическую организацию реализации базовых правовых принципов, построение корректной системы функционирования данных отношений с соблюдением «верховенства права», единообразия применения законодательства. Для России такая система по-прежнему остается актуальной, так как регламентация и базовые принципы сформулированы, однако организация и единообразие не вполне совпадают с требованиями правового государства, и это касается многих сфер, включая таможенные правоотношения.

Учитывая наличие санкционных ограничений, со стороны отдельных стран, особых режимов пресечения границы для граждан и товаров других стран, режимов особого благоприятствования для граждан и товаров таможенного союза (ЕАЭС) актуализируются не только вопросы унификации и единообразия законодательства в сфере таможенного права, но и вопросы координации взаимодействия государственных органов в сфере наложения административной ответственности за нарушения данных режимов и ограничений, соблюдения законодательства ЕАЭС, исключение «двойной административной ответственности» за одни и те же нарушения, укрепления законности в сфере нарушения таможенных режимов. Комплексное решение данных проблем позволит не только достичь стратегических целей создания правового государства, формирования единого экономического пространства и обеспечения преференций для стран участников, но и позволит оптимизировать сам механизм административного взыскания, что обеспечит по мнению специалистов «возможность цивилизованного противодействия разного рода нарушениям существующего порядка» [1, с. 282].

По мнению Т.В. Васильевой «преступление, административное правонарушение, проступок и деликт рассматриваются как разновидности родового понятия – правонарушение» [2, с. 271].

Формирование современного понятия правонарушения – долгий процесс, происходивший на протяжении всей истории в целом и России в частности. Если говорить непосредственно об административном правонарушении, то его понятие было обозначено ещё в кодифицированном законодательстве России прошлого века, а именно в КоАП РСФСР 1984 года появилось понятие административного правона-

рушения – проступка, также приводилась классификация проступков, устанавливались различные меры ответственности: «административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность» [3].

В современном толковании, например, у М.С. Студеникиной, можно встретить следующее определение: «правонарушение – это противоправное, виновное, наносящее вред обществу деяние право дееспособного лица или лиц, влекущее за собой юридическую ответственность. Главная цель обозначения понятия правонарушения и ответственности за совершение правонарушения – защита общественных отношений» [4, с. 35].

Следует отметить, что в связи с появлением законопроекта изменения КоАП РФ вновь актуализировалась дискуссия, касающаяся категориального аппарата данного понятия. Непосредственно начало данной полемики заложено в июне 2019 г., когда была принята «Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Концепция), в п. 2.3.1 которой указано на необходимость разработки общих требований к формулированию состава административного правонарушения, его объективной стороны, а также уточнения понятия «административное правонарушение», которое бы позволило отграничивать административные правонарушения от преступлений [5].

Несмотря на предположение Кабинета Министров РФ двухлетней давности о принятии нового КоАП РФ в 2021 г. в предложенном в 2019 г. виде законопроект не принят до сих пор, что с одной стороны свидетельствует о необходимости его существенной доработки, а с другой о бесконечных дискуссиях и внесениях огромной массы поправок в саму Концепцию со стороны законодательной власти и юридического сообщества. Все вышеизложенное приводит к тому, что в России действует КоАП РФ 2002 г., с последними изменениями, внесенными Федеральным законом от 1 июля 2021 г. N 286-ФЗ, которые вступают в силу с 22 августа 2021 г. [6].

Многие цивилисты, с которыми следует вынужденно согласиться, полагают, что «Концепция не может не быть оценена положительно, так как одной из современных проблем не только административного, но и любой отрасли права, например, тесно связанного с ним уголовного, является отсутствие четко выработанной идеи, на которой бы строилось законодательство» [7, с. 105].

Большинство специалистов, работающих в сфере административного права отмечают, что «сегодня стерты грани между административным и уголовным правом, невозможно четко определить, в чем заключается специфика административного правонарушения, а в чем – преступления, по каким критериям их следует отграничивать, особенно на фоне того, что за ряд административных правонарушений установлена ответственность во много раз выше, чем за преступления», а также с учетом допущения возможности перехода административных правонарушений в разряд преступлений в случае неоднократного совершения (в уголовном праве так называемые составы с административной преюдицией)» [8, с. 15].

В статье 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) административное правонарушение определяется как «противо-

правное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое названным Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [9].

В теории административного права выделяют следующие признаки административного правонарушения: противоправность, виновность, наказуемость. Основная полемика в части содержания признаков административного правонарушения, продолжающаяся уже не одно десятилетие, развернулась относительно такого признака, как общественная опасность. Как видно из приведенного определения, современный законодатель не считает, что общественная опасность присуща административным правонарушениям. Видимо, именно отсутствие (наличие) общественной опасности и должно было стать тем критерием, на основании которого происходило бы отграничение преступлений от административных правонарушений, так как, в отличие от ст. 2.1 КоАП РФ, в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) общественная опасность названа в качестве обязательного признака преступления.

Изучение различных точек зрения относительно возможности наделения административного правонарушения признаком общественной опасности показало, что можно обнаружить три достаточно самостоятельные сформированные концепции. Авторы первой концепции считают, что общественной опасностью, безусловно, обладают все без исключения преступления; что касается административных правонарушений, то некоторые из них могут быть общественно опасны, а другие – нет» [10, с. 154]. Сторонники второй концепции категоричны в своем выводе о том, что «данный признак не присущ деяниям, запрещенным административным законодательством» [11, с.536]. Представители третьей концепции исходят из того, что «иные правонарушения, в том числе и административные, также являются общественно опасными, вопрос только в объеме этой общественной опасности» [12, с. 122].

Наделение административного правонарушения названным признаком вызвало определенную полемику в научных кругах. Так, В. Р. Кисин пишет по этому поводу: «Попытка таким образом дифференцировать административное правонарушение и преступление не представляется удачной. Термин «общественная вредность» не в полной мере отражает социальную сущность административного правонарушения. Общественная вредность заключается в причинении ущерба каким-либо благам, в нанесении убытков, потерь охраняемым законом ценностям» [13, с. 39].

С учетом тематики работы важно рассмотреть приложение данных мнений к сфере таможенного права. Заметим, что особенностью таможенного законодательства, ещё со времен советского права, считается «ответственность за нарушение данной группы общественных отношений, которая определяется административным и уголовным правом» [14, с. 58].

При этом в таможенной сфере неотъемлемым элементом выступает основание привлечения к ответственности, то есть соответствующее правонарушение, обладает определенными специфическими признаками, позволяющей отличить его от правонарушений в других сферах.

В рамках эволюции административного права и расширения субъектов административной ответственности, связанной с нарушением таможенного законодательства, в правовой науке стали широко использоваться такие правовые определения

как «правонарушения в таможенной сфере» и «таможенное преступление», что подтверждает специфичность ее основания и привлечения к ответственности по критерию специального характера.

Исходя из этого, возникает вопрос: имеется ли необходимость выделения еще одной разновидности правонарушения – «таможенное правонарушение». Правоведы не всегда дают положительный ответ на данный вопрос. Они полагают, что суждения о необходимости выделения еще одной разновидности правонарушения – таможенного правонарушения, а тем более таможенного преступления представляются необоснованными [15, с. 305].

На наш взгляд данный подход нельзя считать единственно правильным, что связано не только с глобализацией мировых рынков, требующей четкости понятийного аппарата, в соответствии с международными правовыми актами в сфере таможенного регулирования (далее МПА), но и реалиями современной интеграции таможенного пространства в рамках ЕАЭС, что напрямую приводит к проблемам в связи с отсутствием единообразного толкования административной ответственности, ее возникновения, регулирования и толкования в рамках таможенного законодательства.

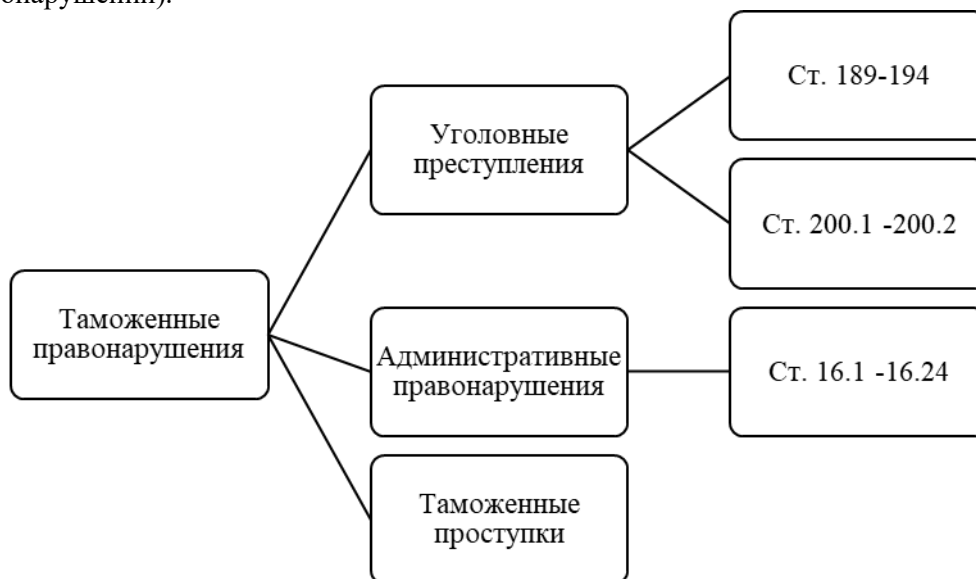
Во многих современных работах в сфере таможенного права все чаще декларируются идеи создания классификации правонарушений и четкого разделения административных правонарушений и преступлений в таможенной сфере.

В данном контексте важно изначально определить само понятие «нарушение таможенных правил» установленных в ТК ЕАЭС. По нашему мнению, таковым можно считать: «акт внешне объективированного общественно вредного, противоправного, виновного, законодательно – наказуемого волевого поведения определенного лица в области таможенного дела». А далее уже целесообразно классифицировать такие нарушения по общему видовому признаку с учетом следующего мнения Н. Ф. Кузнецовой, которая полагает, что «преступления при прочих равных условиях всегда причиняют больший вред, их вина антисоциальнее, мотивация низменнее, способы совершения более дерзки» [16, с. 34].

Если говорить о классическом варианте (без учета составов с административной преюдицией) отграничение административного правонарушения от преступления можно проводить также по форме вины (например, причинение легкого вреда здоровью влечет уголовную ответственность только в случае умышленного причинения), мотивам, целям, способу совершения (например, при хулиганстве), которые, в свою очередь, являются показателями степени общественной опасности деяния.

Таким образом, административное правонарушение представляет собой несоблюдение норм законодательства физическим или юридическим лицом, которое имеет негативные последствия для всего общества и конкретных его членов. При этом, необходимо учитывать, что правонарушением может считаться не только действие, но и бездействие, нарушающее нормы права. Как правило, причинами осуществления противоправных деяний выступает желание одного лица удовлетворить свои потребности за счет нарушения прав и законных интересов другого лица. Отличие же административного правонарушения от преступления заключается в том, что оно представляет меньшую социальную опасность обществу по сравнению с преступлением.

Относительно таможенных правонарушений может быть дана обобщённая классификация следующего вида (рисунок №1. Обобщенная классификация таможенных правонарушений).

Основными видами таможенных правонарушений в РФ в соответствии с КоАП РФ являются все перечисленные нарушения, отмеченные в Гл. 16 «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушения таможенных правил)», которая содержит статьи 16.1 - 16.24. В последние годы отмечается рост таких правонарушений в таможенной сфере как: нарушение порядка представления статистической формы учёта перемещения товаров, нарушение валютного законодательства РФ, недекларирование или недостоверное декларирование товаров, а также представление недействительных документов при таможенных операциях, послуживших основанием для несоблюдения запретов и ограничений.

При этом таможенные органы, должностные лица таможенных органов (ДЛТО) согласно ст. 23.8 и ст. 23.60 КоАП РФ привлекают к административной ответственности нарушителей таможенного и валютного права, руководствуясь принципом презумпции невиновности в его строгой трактовке, изложенной в этом кодексе.

За совершение таможенных правонарушений, подпадающих под статьи Уголовного Кодекса РФ (УК РФ) [17] (ст. 194, ст. 200.1 и др.), таможенные органы, ДЛТО согласно ст. 151 ч. 3 п. 9 и ст. 157 ч. 2 п. 3 УПК РФ осуществляют уголовно-процессуальное преследование лиц, совершивших такие преступления, также руководствуясь принципом презумпции невиновности в его строгой трактовке, изложенной в этом же кодексе.

Правонарушения, связанные с таможенными и налоговыми платежами, такие как неуплата либо несвоевременная, либо неполная уплата налогов и таможенных пошлин или иных платежей, влечёт за собой применение санкций, предусмотренных ст. 46, 47, 75, 76 и др. Налогового кодекса РФ. Особенность таких санкций состоит в их бесспорности, односторонности и досудебной стадии, что наделяет таможенный орган правом самостоятельно определять вину обвиняемого, хотя де-юре это и не

предусмотрено в Налоговом кодексе РФ [18]. К лицам, привлекаемым таким образом к финансовой ответственности, применяется принцип презумпции невиновности в его слабой, «налоговой» трактовке (ст. 108 п. 6, 8), близкой по смыслу к «объективному вменению» вины в гражданском праве (ст. 1064 п. 2, 6).

Что касается собственно таможенных, точнее таможенно-процессуальных проступков (к ним следует отнести, как указано выше, ошибки в таможенных декларациях, несвоевременное предоставление перемещаемого товара в таможенную зону и т.п.), на взгляд авторов, их юридические последствия, наступающие в виде решений таможенных органов, ДЛТО об отказе, например, в приёме первичных документов, можно квалифицировать как специфические (процессуальные) санкции, применяемые к лицам, совершившим таможенные проступки.

Таким образом, обобщая нами предложены авторские трактовки следующих понятий:

1. Понятие «нарушение таможенных правил» установленных в ТК ЕАЭС: «акт внешне объективированного общественно вредного, противоправного, виновного, законодательно – наказуемого волевого поведения определенного лица в области таможенного дела».

2. Понятие «административное правонарушение в таможенной сфере»: «Таможенное административное правонарушение – есть установленный фактически факт противоправных действий (бездействий) определенного физического, юридического или должностного лица, нарушающий регламентные нормы таможенного законодательства союза (ЕАЭС) и правила таможенного регулирования РФ, за которое кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность».

3. Понятие «административно-правовое противодействие правонарушениям в таможенной сфере»: «Совокупность властных, правоограничительных по содержанию, психологических или физических действий, которые применяют к нарушителям должностные лица таможенных и иных юрисдикционных государственных органов, на основе административно-правовых норм таможенного законодательства ЕАЭС – есть административно-правовое противодействие правонарушениям в таможенной сфере».

Также полагаем, что разграничение административных правонарушений и преступлений должно базироваться на детальной классификации, в которой таможенные проступки четко отделены от административных правонарушений, а сами нарушения от уголовных преступлений исходя из критерия характера и степени общественной опасности, а конкретное их содержание – должно стать предметом научной дискуссии, поскольку в настоящее время на уровне закона содержание данных критериев не раскрывается.

Список литературы:

1. Воробьева С.В. Некоторые вопросы борьбы с таможенными преступлениями / С.В. Воробьева // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С.281-295
2. Васильева Т.В. Юридическая ответственность по таможенному праву // Юридический вестник. 2018. С.271
3. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001)

4. Студеникина М. С. Два законопроекта новой кодификации законодательства об административных правонарушениях: основные новеллы и их предварительная оценка / М.С. Студеникина // Адм. право и процесс. 2017. № 7. С. 34-37.
5. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/> (дата обращения: 09.09.2021)
6. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. N 286-ФЗ "О внесении изменений в статью 15.34.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/> (дата обращения: 09.09.2021).
7. Подройкина И. А. Проблема определения сущности и признаков административного правонарушения / И.А. Подройкина // Вестник российской таможенной академии. 2020. № 4. С.103-108.
8. Нечевин Д. К., Колодкин Л. М. Общественная опасность преступления: генезис понятия и проблема измерения и ограничения от административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 14–21.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ// Российская газета – Федеральный выпуск № 0(2868). 31 декабря 2001.
10. Абилова, З.И. Проблемы административных правонарушений (по материалам судов г. Москвы) / З.И. Абилова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. - № 44 (334). – С. 153-156.
11. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А. Г. Авдейко, С. Н. Антонов, И. Л. Бачило и др.; под общ. ред. Н. Г. Салищевой. 8-е изд. М.: Проспект, 2015. 1291 с.
12. Кисин В. Р. Некоторые суждения по поводу Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 37–42.
13. Актуальные проблемы Общей части уголовного права: учебник / отв. ред. И. А. Подройкина, И. А. Фаргиев. М.: Проспект, 2019. 544 с.
14. Бахрах Д. Н. Административная ответственность. Пермь, 1968. 344 с.
15. Лавринов В. В. Соотношение таможенных преступлений и административно наказуемых нарушений таможенных правил // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 14–15 ноября 2019 г.). Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2019. С. 303–309.
16. Кузнецова Н. В. Становление внешнеэкономических отношений на постсоветском пространстве: правовая регламентация // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2 (28). С. 31-39.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
18. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г. N 309-ФЗ). Собрание законодательства Российской Федерации от 7 августа 2000 г. N 32 ст. 3340.

Volkov V., Hilevskaya E. On the issue of the need to classify customs offenses and crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – T. 8 (74). № 1. – P. 324-332.

The article provides arguments in support of the need to classify customs offenses and crimes in the context of administrative law. The author studies approaches to the definition of the concept of "administrative offenses", their similarities and differences from crimes, based on legally fixed definitions, and also explores general and specific signs, similarities and differences in approaches to definition. The analysis of the ratio of the categories "offense", "crime" and "misdemeanor" within the framework of customs specifics is presented. As a result, the author proposed his own vision of the classification of customs offenses and crimes.

Keywords: offense, crime, Administrative Code of the Russian Federation, misconduct, classification, customs relations, Customs Code, administrative legal relations.

Spisok literaturi:

1. Vorobeva S.V. Nekotorye voprosy borby s tamozhennymi prestupleniyami / S.V. Vorobeva //Aktualnye problemy gosudarstva i prava. 2021. T. 5. № 18.S.281-295
2. Vasileva T.V. Yuridicheskaya otvetstvennost po tamozhennomu pravu // Yuridicheskij vestnik.2018. S.271

3. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001)
4. Студеникина М. С. Два законопроекта новой кодификации законодательства об административных правонарушениях: основные новеллы и их предварительная отсечка / М.С. Студеникина// Адм. право и протсесс. 2017. № 7. С. 34-37.
5. Концепсия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/> (дата обращения: 09.09.2021)
6. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. N 286-FZ "О внесении изменений в статью 15.34.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/> (дата обращения: 09.09.2021).
7. Подrojкина И. А. Проблема определения сущности и признаков административного правонарушения / И.А. Подrojкина // Вестник российской таможенной академии. 2020. № 4. С.103-108.
8. Неchevin Д. К., Колodкин Л. М. Общественная опасность преступления: genesis понятия и проблема измерения и ограничения от административного правонарушения // Административное право и протсесс. 2020. № 1. С. 14–21.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-FZ// Российская газета – Федеральный выпуск № 0(2868). 31 декабря 2001.
10. Абилова, З.И. Проблемы административных правонарушений (по материалам судов г. Москвы) / З.И. Абилова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. - № 44 (334). – С. 153-156.
11. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постоянный) / А. Г. Авdejко, С. Н. Антонов, И. Л. Бачило и др.; под общ. ред. Н. Г. Салишчевой. 8-е изд. М.: Проспект, 2015. 1291 с.
12. Кисин В. Р. Некоторые сождения по поводу Концепсии нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и протсесс. 2020. № 2. С. 37–42.
13. Актуальные проблемы Общей части уголовного права: учебник / отв. ред. И. А. Подrojкина, И. А. Фargiev. М.: Проспект, 2019. 544 с.
14. Бакhrakh Д. Н. Административная ответственность. Перм, 1968. 344 с.
15. Лавринov В. В. Сootношение таможенных преступлений и административно наказуемых нарушений таможенных правил // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 14–15 ноября 2019 г.). Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2019. С. 303–309.
16. Кузнетsoва Н. В. Становление внешнеэкономических отношений на постсоветском пространстве: правовая регламентация // Вестник Сургutского государственного университета. 2020. № 2 (28). С. 31-39.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-FZ// Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
18. Налogovый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 5 августа 2000 г. N 117-FZ (в ред. от 2 июля 2021 г. N 309-FZ). Собрание законодательства Российской Федерации от 7 августа 2000 г. N 32 ст. 3340.

УДК 342.951:343.58

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-333-346

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ОТВЕТСТВЕННОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Евсикова Е. В., Булахова И. А., Гамза А. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Сегодня, в обществе проблема правового положения животных становится все более актуальной. Настоящая статья посвящена анализу проблем в области практического применения Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также вопросам публично-правовой ответственности за нарушение порядка ответственного обращения с животными. В предоставленной статье проводится анализ основных научных позиций в части введения административной ответственности за жестокое обращение с животными и отражается позиция авторов относительно данного вопроса. В ходе исследования, авторами изучается опыт функционирования регионального административно-деликтного законодательства в части обеспечения ответственного обращения с животными. Кроме того, авторами уделяется внимание вопросам введения института административной преюдиции в сфере нарушения порядка ответственного обращения с животными.

Отдельно авторами анализируется и изучаются проблемы и перспективы введения на федеральном уровне административной ответственности за нарушение порядка ответственного обращения с животными, на основе проведенного анализа, авторами предлагается собственная система санкций в сфере нарушения порядка ответственного обращения с животными, которая будет играть больший сдерживающий и предупреждающий эффект, а также поможет противодействовать правонарушениям в данной сфере. На основе проведенного анализа автора приходят к выводу о необходимости внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях норм, предусматривающих административную ответственность в сфере ответственного обращения с животными.

Ключевые слова: публично-правовая ответственность; ответственное обращение с животными; жестокое обращение с животными; административно-деликтное законодательство.

Сегодня, как никогда, все большую актуальность приобретают вопросы обеспечения качественного нормативно-правового регулирования административно-правовых основ ответственного обращения с животными, основанного на научном подходе с учетом анализа правоприменительной практики и опыта реализации ответственного обращения с животными [1, с. 146].

Национальная стратегия в сфере охраны животных занимает особую значимость в постоянно развивающемся мире. Мы можем заметить, увеличивающиеся динамику количества домашних животных у большинства российских граждан. Так, в соответствии с исследованием компании GfK проводимого в 2016 году, Россия занимает четвертое место в мире по количеству содержания домашних животных (73%), уступая лидерство Мексике (80%), Аргентине (79%) и Бразилии (75%) [2]. В связи с весьма значимой статистикой и постоянно развивающимися общественными отношениями, мы можем увидеть, что государству необходимо обеспечить качественное нормативно-правовое регулирование в сфере обеспечения ответственного обращения с животными.

Сегодня, в РФ уже неоднократно предпринимались и были приняты ряд важных правовых актов, имеющих первостепенное значение для более детального регулирования данной проблемы.

Так, 01.12.1999 г. принят Федеральный закон «О защите животных от жестокого обращения», который был направлен в Совет Федерации Федерального Собрания РФ, однако в 2000 г. он был отклонён Президентом РФ в связи с «отсутствием предмета правового регулирования» [3]. Последующая попытка регулирования данных правоотношений была предпринята в 2011 г., однако законопроект прошел только первое чтение в Государственной Думе РФ, после чего продвижение законопроекта было на время остановлено. Возобновление попытки регулирования данных правоотношений произошла лишь в 2016 г. после произошедших вопиющих событий в приюте «Эко Вешняки» после массовой гибели животных, из-за голода. Так, в январе 2016 г. на ситуацию в серьез обратил внимание Президент РФ В. Путин, после чего законопроект стали активно готовить ко второму чтению. Законопроект курировал спецпредставитель, однако принятие законопроекта все же снова отложили до осенней сессии 2017 г. Так как не были решены вопросы, связанные с процедурой регистрации животных, а также с регулированием работы притравочных станций законопроект принят не был.

Во многом данные вопросы вызвали не согласие со стороны лоббистов. Так охотничье лобби выступали категорически против запрета на контактную притравку. Помимо этого против запрета контактной притравки выступили юристы государственно-правового управления президентской администрации.

Стоит заметить, что одной из главных причин не принятия закона, послужило отсутствие единой информационной базы или реестра домашних, приютских и сельскохозяйственных животных.

Таким образом, достаточно долгое время в российской правовой системе наблюдался явный пробел в части регулирования ответственного обращения с животными и установления публичной ответственности за нарушение порядка ответственного обращения с животными.

В настоящее время вопросы соблюдения порядка ответственного обращения с животными и усовершенствования публичной ответственности в сфере нарушения порядка ответственного обращения с животными достаточно активно обсуждается как в научной среде [4; 5], так и на уровне широкой общественности, что проявляется путем подготовки и написания петиций, организации и проведения акций протестов против жестокого обращения с животными в целях донесения до общественно-го сознания идеи нравственного и гуманного обращения с животными, формирования в обществе ценностного поведения в виде «нетерпимости к жестокому обращению с животными», осознания необходимости усовершенствовать действующее законодательство [6].

Однако, прежде всего, следует начать с имплементации международно-правовых основ в сфере защиты животных в национальное законодательство и национальную систему права. По нашему мнению, сегодня для Российской Федерации крайне важно подписать, ратифицировать и ввести в действие Европейскую Конвенцию о защите домашних животных, заключенную в Стратсбурге 13.11.1987 [7], подписанную более 20-ти государствами-членами Совета Европы, утверждающую моральное обязательство каждого человека – уважать все живые существа, и исходить из того,

что между человеком и домашним животным существуют особые отношения; принимать во внимание важность домашних животных и их влияние на образ жизни и в результате – их необходимость для общества; учитывать трудности, возникающие при огромном количестве видов животных, которых содержит человек и т.д.

При этом, самый главный принцип благополучия животных, предусмотренный данной конвенцией – это то, никто не имеет право причинять животному ненужной боли, страданий или ущерба. Никто не имеет право бросать домашнее животное.

В этой связи, следует отметить, что прогрессивный шаг в данном направлении был сделан Российской Федерацией 27.12.2018 г. в связи с принятием и вступлением в силу Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 17.12.2018 № 498-ФЗ (далее – ФЗ № 498-ФЗ) [8], который на законодательном уровне закрепил такие основные принципы нравственного и гуманного обращения с животными, как: 1) отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания; 2) ответственность человека за судьбу животного; 3) воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным; 4) научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства.

При этом, под обращением с животными ФЗ № 498-ФЗ понимает содержание, использование (применение) животных, осуществление деятельности по обращению с животными без владельцев и осуществление иной деятельности, предусмотренной настоящим Федеральным законом, а также совершение других действий в отношении животных, которые оказывают влияние на их жизнь и здоровье, одновременно устанавливая запрет на жестокое обращение с животными.

Так, ст. 11 ФЗ № 498-ФЗ прямо предусматривает, что животные должны быть защищены от жестокого обращения. При обращении с животными не допускаются: 1) проведение на животных без применения обезболивающих лекарственных препаратов для ветеринарного применения ветеринарных и иных процедур, которые могут вызвать у животных непереносимую боль; 2) натравливание животных (за исключением служебных животных) на других животных; 3) отказ владельцев животных от исполнения ими обязанностей по содержанию животных до их определения в приюты для животных или отчуждения иным законным способом; 4) торговля животными в местах, специально не отведенных для этого; 5) организация и проведение боев животных; 6) организация и проведение зрелищных мероприятий, влекущих за собой нанесение травм и увечий животным, умерщвление животных; 7) кормление хищных животных другими живыми животными в местах, открытых для свободного посещения, за исключением случаев, предусмотренных требованиями к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию, установленными Правительством Российской Федерации.

Кроме того, ст. 12 ФЗ № 498-ФЗ содержит запрет на пропаганду жестокого обращения с животными и призывы к жестокому обращению с животными. Также, запрещаются производство, изготовление, показ и распространение пропагандирующих жестокое обращение с животными кино-, видео- и фотоматериалов, печатной продукции, аудиовизуальной продукции, размещение таких материалов и продукции в информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в сети «Интер-

нет») и осуществление иных действий, пропагандирующих жестокое обращение с животными.

Вместе с тем, за нарушение требований ФЗ № 498-ФЗ владельцы животных и иные лица несут уголовную, административную и иную ответственность, предусмотренную действующим законодательством. Таким образом, исходя из понимания публично-правовой ответственности, как вида юридической ответственности, который включает в себя конституционно-правовую, уголовно-правовую и административно-деликтную составляющую, можно утверждать, что в сфере нарушения порядка ответственного обращения с животными действующее законодательство устанавливает публично-правовую ответственность.

Так, публично-правовая ответственность связана с реализацией государственных интересов по обеспечению законности и правопорядка, исходит из общеправового принципа неотвратимости наказания и конституционного принципа равенства юридической ответственности. При этом, публично-правовая ответственность должна быть основана на принципе соразмерности, выражающем требования справедливости (зависит от тяжести содеянного, размера и характера ущерба, степени вины и иных существенных обстоятельств) [9, с. 48].

Следует отметить, что не менее важный шаг в сфере закрепления ответственного обращения с животными был сделан в 2020 г. в связи с принятием Закона РФ о поправке в Конституцию РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [10], в соответствии с которым ч. 1 ст. 114 Конституции РФ дополнена п. е. 5, предусматривающим, что Правительство РФ осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным.

Однако, понятие «ответственное обращение с животными» ФЗ № 498-ФЗ не раскрывает, хотя, содержит требования к содержанию животных, к которым относится:

1) обеспечение надлежащего ухода за животными; 2) обеспечение своевременного оказания животным ветеринарной помощи и своевременного осуществления обязательных профилактических ветеринарных мероприятий в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в области ветеринарии; 3) принятие мер по предотвращению появления нежелательного потомства у животных; 4) предоставление животных по месту их содержания по требованию должностных лиц органов государственного надзора в области обращения с животными при проведении ими проверок; 5) осуществление обращения с биологическими отходами в соответствии с законодательством РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что соблюдение владельцем животного общих требований к содержанию животного можно расценивать как ответственное обращение с животным.

Так, на конституционном уровне закреплён принцип – ответственного обращения с животными, который должен соблюдаться и выполняться всеми членами общества. Закрепление ответственного обращения с животными в основном законе

государства, говорит о важности данной проблемы, о необходимости ее реализации в обществе, и противодействия жестокому обращению с животными.

Под жестоким обращением с животными ФЗ № 498-ФЗ понимает обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии.

Однако, на сегодняшний день основы публичной ответственности за жестокое обращение с животными предусмотрены только уголовным законодательством. Так, ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [11] предусматривает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными в целях причинения ему боли или страданий, а также из хулиганских побуждений или корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье.

Как видим, для привлечения к ответственности по ст. 245 УК РФ достаточно сложно сегодня квалифицировать противоправное деяние по ст. 245 УК РФ, поскольку для этого нужны последствия в виде гибели или увечья животного, т.е. по факту, пока не наступили указанные вредные последствия живодер может истязать свою жертву и ему ничего за это не будет. Также, множество вопросов и проблем возникает при определении предмета преступления, т.е. кому причиняется вред, поскольку вред может причиняться любому животному (домашнему, дикому, бездомному), которое может относиться к млекопитающим, пресмыкающимся, земноводным, рыбам и птицам, которых также следует отнести к предмету преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Кроме того, как правило, к ответственности удается привлечь виновное лицо лишь в том случае, когда информация о жестоком обращении выложена в социальные сети или средства массовой информации.

При этом, квалифицирующими признаками при жестоком обращении с животным являются совершение указанного деяния: а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) в присутствии малолетнего; в) с применением садистских методов; г) с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»); д) в отношении нескольких животных.

Некоторые авторы справедливо отмечают, что ответственность по ст. 245 УК РФ должна наступать не просто за убийство животных (например, выстрел на поражение или перерезание ножом горла) без причинения мучительной смерти, а именно убийство животных с особой жестокостью или жестокое обращение с ними, повлекшее увечье. При этом нельзя не подчеркнуть, что сам факт причинения смерти или увечья животному еще не является достаточным для наличия данного состава преступления, таковой будет иметь место, если есть один из перечисленных в диспозиции ст. 245 УК РФ признаков (т.е. цель причинения животному боли и (или) страданий, а равно жестокое обращение из хулиганских или из корыстных побуждений) [12].

Жестокое обращение с животными является преступлением против нравственности и здоровья населения, которое содержится в главе 25 УК РФ.

При этом, в соответствии с требованиями ГК РФ [13], животные относятся к объектам права собственности. К животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности.

Однако, максимальное наказание, которое может получить живодер – это штраф в размере от 100 000 до 300 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от 1-го года до 2-х лет, либо исправительными работами на срок до 2х лет, либо принудительными работами на срок до 5-ти лет, либо лишением свободы на срок от 3-х до 5-ти лет.

В то же время, преступления, предусмотренные ст. 245 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести, хотя они направлены против духовности человека и общества в целом, и серьезно подрывают основы нравственности.

Однако, наличие в современном законодательстве всего лишь одной статьи, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными, показывает, что наше законодательство и правовая система в целом нуждается в существенном реформировании в части усовершенствования законодательства, предусматривающего публичную ответственность за нарушение ответственного обращения с животными.

Данная позиция на сегодняшний день поддерживается многими представителями науки и практических органов, которые говорят о том, что необходимо придать животным особый правовой статус, чтобы они не были приравнены к вещам, а также ввести административную ответственность за жестокое обращение с животными, если такие действия не содержат уголовно-наказуемого деяния; ужесточить уголовную ответственность за жестокое обращение с животными, а именно перевести категорию данного преступления из преступления небольшой тяжести, в категорию преступлений средней тяжести [14].

Однако, не смотря на все принятые нормы в области защиты животных, все чаще в информационно-телекоммуникационной сети, мы можем увидеть зверские расправы с животными отдельными лицами. Однако из-за отсутствия детального регулирования ответственности и не доведения многих противоправных деяний до уголовной ответственности, вводят наше общество в заблуждение, что животные не нуждаются в защите и не требуют гуманного отношения к ним.

На сегодняшний день административно-деликтное законодательство обеспечивает защиту животных от жестокого обращения и соблюдения ответственного порядка обращения с животными достаточно фрагментарно и то, только на уровне субъектов РФ,

Так, в Законе Тверской области от 14.07.2003 № 46-ЗО «Об административных правонарушениях» [16] закреплена ст. 40.1 «Нарушение порядка отлова, содержания и использования безнадзорных (бродячих) домашних животных». Хотелось отметить, что данная статья была введена до принятия ФЗ № 498-ФЗ, а именно законом Тверской области от 09.03.2011 № 16-ЗО, и предусматривает ответственность в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц - от пятнадцати тысяч до трид-

цати тысяч рублей. Как видим, в данном правонарушении не предусматривается ответственность физических лиц, что не соответствует действующему ФЗ № 498-ФЗ, который предусматривает, что отлов возможен и как органами государственной власти, так и физическими лицами, если обратиться к практике отлова подобных животных, все чаще именно обычные жители района, ловят безнадзорное животное и отдают его в приют. Поэтому мы можем сказать, что закон Тверской области от 14.07.2003 № 46-ЗО «Об административных правонарушениях» и ФЗ № 498-ФЗ, на сегодняшний день требует усовершенствования норм в сфере ответственного обращения с животными.

Следует, также отметить, что до 2 июня 2020 г. в Кодексе Тюменской области об административной ответственности от 27.12.2007 № 55, содержалась ст. 1.21. «Жестокое обращение с животными, однако, в соответствии с Законом Тюменской области от 02.06.2020 г. №36 данная статья утратила силу [17;18], но была введена иная ст. 2.3 «Нарушение порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев в Тюменской области». Анализируя, эту статью мы также видим похожую санкцию, как и в Тверской области, административный штраф применяется в отношении, лишь должностных и юридических лиц. Помимо вышесказанного, закреплена ст. 2.3.1 «Нарушение порядка организации деятельности приютов для животных и норм содержания животных в них в Тюменской области».

Проанализировав, два региональных правовых акта содержащих ответственность в сфере ответственного обращения с животными, мы можем сказать, что те санкции, которые предусматриваются региональными нормами, несравненно малы. В Тюменской области административная ответственность для должностных лиц составила административный штраф от 1000 руб. до 3000 руб.; на юридических лиц от 3000 руб. до 5000 руб. В Тверской области, санкции нормы составили для должностных лиц от 5000 руб. до 10 000 руб., для юридических лиц от 15 000 руб. до 30 000 руб. По нашему мнению, установление подобных высоких штрафов, как в Тверской области, будет способствовать уменьшению количества правонарушений в сфере ответственного обращения с животными. Ведь не у каждого должностного и юридического лица, может быть в наличии большая сумма денежных средств, соответственно зная об ответственности, данные лица будут выполнять все в соответствии с требованием законодательства.

Стоит заметить, что установление административной ответственности за нарушение порядка в сфере ответственного обращения с животными во многих регионах Российской Федерации однозначно является положительной мерой. Это объясняется тем, что из приведённого выше анализа статей представляется возможным сделать вывод о повышенной эффективности действия административно-деликтных норм об ответственности за подобные деяния. Можно с уверенностью сказать, что необходимость введения административной ответственности за жестокое обращение с животными на федеральном уровне стала так очевидна, что многие субъекты РФ не смогли дождаться реакции федерального законодателя, и приняли данные нормы на уровне своего субъекта.

Так, депутатами ГД РФ, неоднократно вносились законопроекты о внесении изменений в КоАП РФ, однако до сих пор данные проекты не были приняты и реализованы в нашей стране. Самым последним законопроектом, который прошел рассмотрение в первом чтении, является проект № 1216032-7, предоставленный и заре-

гистрированный 16 июля 2021 г. комитетом ГД РФ по государственному строительству и законодательству [15].

Так, по смыслу данного законопроекта предлагается внесение достаточно радикальных норм в КоАП РФ в части защиты животных, а именно: предлагается дополнить гл. 8 КоАП РФ ст.ст. 8.50, 8.51, 8.52, предусматривающими ответственность за несоблюдение требований к содержанию животных, несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию, несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев, животными, от права собственности на которые владельцы отказались: несоблюдение общих требований к содержанию животных, за исключением требований к содержанию домашних животных, – влечет наложение административного наказания в виде предупреждения или наложения административного штрафа на граждан в размере от 1500 руб. до 3000 руб.; на должностных лиц – от 5000 руб. до 15 000 руб.; на юридических лиц – от 15 000 руб. до 30 000 руб.; жестокое обращение с животными при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 5000 руб. до 15 000 руб.; на должностных лиц – от 15 000 руб. до 30 000 руб.; на юридических лиц – от 50 000 руб. до 100 000 руб.; содержание и использование животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 5000 руб. до 15 000 руб.; на должностных лиц от 30 000 руб. до 50 000 руб.; на юридических лиц – от 100 000 руб. до 150 000 руб.; несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 3000 руб. до 15 000 руб.; на должностных лиц – от 10 000 руб. до 30 000 руб.; на юридических лиц – от 50 000 руб. до 100 000 руб.; осуществление деятельности по содержанию и использованию животных в зоопарках, зоосадах, цирках, зоотеатрах, дельфинариях, океанариумах без лицензии, а равно с нарушением требований и условий, предусмотренных лицензией, влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 000 руб. до 50 000 руб.; на юридических лиц – от 100 000 руб. до 200 000 руб.; несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных – влечет наложение административного наказания в виде предупреждения или наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от 5000 руб. до 15 000 руб.; на юридических лиц - от 15 000 до 30 000 руб.; несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев – влечет наложение административного наказания в виде предупреждения или наложения административного штрафа на граждан в размере от 3000 руб. до 5000 руб.; на должностных лиц – от 5000 руб. до 15 000 руб.; на юридических лиц – от 30 000 руб. до 50 000 руб.

В тексте данного законопроекта содержатся статьи, устанавливающие административную ответственность по таким видам правонарушений, как: несоблюдение требований к содержанию животных; несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию; несоблюдение требова-

ний к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев, животными, от права собственности, на которые владельцы отказались.

При этом, исходя из принципов соразмерности и справедливости наказания, следует учитывать уровень общественной опасности данных правонарушений, поскольку, они причиняют вред обществу в целом, разрушают основы духовности и нравственности, а также причиняют вред жизни и здоровью животных. Исходя из этого, следует пересмотреть систему санкций, предложенных в Законопроекте «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», а именно убрать предупреждение как неэффективный вид наказаний, не способный обеспечить реализацию основных принципов ФЗ № 498-ФЗ, а также увеличить размеры штрафных санкций, которые бы более соответствовали характеру и степени причиненного ущерба: 1) Несоблюдение общих требований к содержанию животных, за исключением требований к содержанию домашних животных, – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 3000 руб. до 5000 руб.; на должностных лиц – от 10000 руб. до 20 000 руб.; на юридических лиц – от 30 000 руб. до 50 000 руб.; 2) Жестокое обращение с животными при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 20 000 руб. до 30 000 руб.; на должностных лиц – от 30 000 руб. до 50 000 руб.; на юридических лиц – от 50 000 руб. до 150 000 руб.; 4) Содержание и использование животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 15000 руб. до 30 000 руб.; на должностных лиц от 30 000 руб. до 50 000 руб.; на юридических лиц – от 150 000 руб. до 200 000 руб.; 5) Несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию – влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на граждан в размере от 15 000 руб. до 25 000 руб.; на должностных лиц – от 25 000 руб. до 50 000 руб.; на юридических лиц – от 50 000 руб. до 150 000 руб.; 6) Осуществление деятельности по содержанию и использованию животных в зоопарках, зоосадах, цирках, зоотеатрах, дельфинариях, океанариумах без лицензии, а равно с нарушением требований и условий, предусмотренных лицензией, влечет наложение административного наказания в виде административного штрафа на должностных лиц в размере от 50 000 руб. до 100 000 руб.; на юридических лиц – от 150 000 руб. до 300 000 руб.; 7) Несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных – влечет наложение административного наказания в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от 15 000 руб. до 30 000 руб.; на юридических лиц – от 30 000 до 50 000 руб.; 8) Несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев – влечет наложение административного наказания в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от 5000 руб. до 10 000 руб.; на должностных лиц – от 10 000 руб. до 25 000 руб.; на юридических лиц – от 30 000 руб. до 50 000 руб.

По нашему мнению, данные меры будут способствовать более полноценной и качественной реализации положений ФЗ № 498-ФЗ и позволит защитить животных от жестокого обращения, а также привлечь виновных лиц к ответственности.

Вместе с тем, ряд авторов настаивает на введении института административной преюдиции [23] в отношении жестокого обращения с животными. Так, В.С. Мирошниченко убежден, что действующий КоАП РФ не имеет нормы о жестоком обращении с животными. Данное явление просто недопустимо в современном обществе, так как по смыслу ст. 245 УК РФ преступным деянием считается только такое жестокое обращение с животными, которое привело к их гибели или увечью [19].

Так в случае отсутствия увечья или смерти животного, действие стоит квалифицировать, как административное правонарушение. Законодательство, которое действует на сегодня не считает жестокое обращение с животными правонарушением, до того момента пока нет всех элементов состава преступления ст. 245 УК РФ.

Стоит заметить, что авторами полностью поддерживается данная точка зрения, и в силу повторного совершения данного противоправного деяния в части жесткого обращения с животными лицо должно нести более суровую ответственность, что будет нести гораздо более серьезный сдерживающий эффект. Поскольку, деяние, сопряжённые с жестоким обращением с животными, в случае повторности, характеризуется большей степенью общественной опасности и несет в себе еще большую угрозу и вред, в силу назревает вопрос об установлении уголовной ответственности и за факт повторного совершения жестокого обращения с животным.

Однако, стоит здесь же добавить, что по действующему на данный момент законодательству, жестокое обращение с животными, в случае если действия не привели к их гибели или увечью должны быть квалифицированы, как покушение на преступление со ссылкой на статью 30 УК РФ.

Так в феврале 2014 года живодёр Сергей Николаев, был осужден Хорошевским районным судом по ч. 1 ст. 245 УК РФ и ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 245 УК РФ, наказание составило 6 месяцев ограничения свободы за убийство кошки и двух собак [20].

Кроме того, в рамках данного исследования, определенный научный интерес представляет изучение вопросов административной ответственности за пропаганду жестокого обращения с животными, или же за публичные призывы к жестокому обращению с животными, в том числе, с помощью социальных сетей и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Следует отметить, что в России установлен запрет на пропаганду жестокого обращения с животными, помимо этого так же запрещены и призывы к жестокому обращению с животными. Так можно отметить, что изготовление, показ и распространение пропагандирующих жестокое обращение с животными кино-, видео-и размещение в других форматах в сети «Интернет» или среди печатной продукции запрещено. Однако, даже несмотря на этот запрет, пользователями активно и зачастую за счёт различных социальных сетей повсеместно распространяется информация, содержащая материалы жестокого обращения с животными. Так, данная информация доступна детям в любом возрасте, без каких-либо ограничений, что оказывает несомненное воздействие на их психическое здоровье.

Отметим, что в данном аспекте, что ограничение доступа к такой информации возможно только благодаря решению суда. А судебный процесс по признанию данной информации, запрещенной длится достаточно долго (от 3-х месяцев). До вступления решения суда в законную силу доступ к обсуждаемой информации не прекращается. Принятие нормы, позволяющей ограничивать доступ к информации о жестоком обращении с животными до принятия судебного решения никоим обра-

зом не подменяет собой расследование уголовных дел, которые будут возбуждаться по ст. 245 УК РФ. Так, согласно статистических данных с 2014 г. по 2020 г. всего было вынесено около 2000 судебных решений по данной категории дел.

Как видим, возбуждение уголовных дел по ст. 245 УК РФ происходит редко. Поэтому складывается ощущение, что большинство случаев жестокого обращения с животными остаются незамеченными и виновные не несут никакой ответственности за свои противоправные и безнравственные поступки.

Стоит заметить, что насилию подвергаются не только животные, которые обитают на улице, но и домашние животные. Достаточно распространены случаи смерти животных от рук любимых хозяев. Понятно, что за такое противоправное деяние никто не наказывается, так как данные инциденты достаточно сложно выявить.

В законе об ответственном отношении с животными указывается, что жестоким обращением с животными считается и отказ владельца от исполнения обязанностей по содержанию животного. Так же стоит отметить, что достаточно часто встречаются случаи жестокого обращения юридического лица с животными. Например, часто происходят инциденты, когда в приютах животным массово причиняют страдания. Также стоит обратить внимание на то, что многие российские авиаперевозчики придерживаются не самой гуманной политики в отношении животных, в связи с чем, часто происходят вопиющие и просто ужасные факты грубого нарушения порядка ответственного обращения с животными (например, случаи перевозки животных ПАО «Аэрофлот»). В соответствии с установленными правилами, перевозка животных в пассажирском салоне самолета возможна тогда, когда: 1) вес животного и контейнера не превышает 8 кг.; 2) в салоне самолёта перевозится лишь один контейнер вне зависимости от существующего количества животных, которые желают осуществить перелет вместе с хозяином [21].

Так, в случае отсутствия возможности выполнить этих два ключевых пункта, животные осуществляют перелет в багажном отсеке. Другими словами, животных транспортируют вместе с обыкновенными чемоданами. Со смелостью можно утверждать, что такой подход сто процентов не безопасен, что подтверждается многочисленными ситуациями.

Так, например, в феврале 2020 г. две кошки получили травмы не совместимые с жизнью вследствие ненадлежащей транспортировки на борту самолета авиакомпании «Аэрофлот», как итог владельцу животных компания предоставила поврежденные перевозки и мертвых животных. Как выяснилось позже, животные скончались от внутреннего кровотечения. В данный момент авиакомпания не принесла никаких извинений владельцу животных и не понесла никакой ответственности [22].

В силу чего, предлагает предусмотреть в КоАП РФ возможность привлечения как юридического, так и должностных лиц к административной ответственности за нарушение правил перевозки животных. Таким образом, сегодня, как никогда, необходимо на федеральном уровне предусмотреть административную ответственность за нарушение порядка ответственного обращения с животными, а именно: в части установление ответственности за нарушение запрета жестокого обращения с животными при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния; несоблюдение общих требований к содержанию животных; содержание и использование животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию; несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содер-

жанию; нарушения установленных требований к обращению с животными без владельцев, за нарушение владельцами приютов для животных требований к содержанию животных в таких приютах; несоблюдение требований к перевозке (транспортировке) животных.

Введение указанных изменений даст возможность значительно улучшить эффективность соблюдения требований законодательства в аспекте ответственного обращения с животными. Так предполагается, что данные действия поспособствуют достижению целей защиты животных и обеспечения безопасности, иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными.

Список литературы:

1. Евсикова Е.В., Буц С.Б., Пономарев А.В. Некоторые аспекты реформирования административно-деликтного законодательства в сфере установления административной ответственности за жестокое обращение с животными / Евсикова Е.В., Буц С.Б., Пономарев А.В. // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 146-148.
2. GrowthfromKnowledge// GfK: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-bolshe-vsego-domashnikh-zhivotnykh-v-rossii-ssha-i-latinskoj-amerike>
3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 1 декабря 1999 г. N 4679-П ГД "О Федеральном законе "О защите животных от жестокого обращения". [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/6143377>.
4. Бондарчук, И. В. Реформирование регионального законодательства об обращении с животными в свете формирующейся судебной практики / И. В. Бондарчук, А. В. Руденко, А. С. Хоменко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 1(41). – С. 62-70. – DOI 10.25688/2076-9113.2021.41.1.07.
5. Булахова, И. А. Усовершенствование КОАП РФ в сфере ответственного обращения и защиты животных / И. А. Булахова // Сборник студенческих научных статей по материалам научно-представительских мероприятий 2020 года : Сборник статей / Под редакцией Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 101-108.
6. Байбородова Д.Д. ответственность за жестокое обращение с животными по российскому законодательству: реальность и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <pravo.hse.ru/data/2020/06/11...Vajborodova...>
7. Европейская конвенция о защите домашних животных/ (ETS N 125) (Заключена в г. Страсбурге 13.11.1987). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5158#Rga5HrSie9rYqyGO1/>
8. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. N 498-ФЗ "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/72139416/>
9. Кузьмин И.А. Специфика публично-правовой ответственности / Кузьмин И.А. // Lex Russica. № 6 (127). – июнь, 2017. – С. 39-50.
10. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти". [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
11. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
12. Танага И.В., Миллеров Е.В. Вопросы совершенствования юридической ответственности за жестокое обращение с животными / Танага И.В., Миллеров Е.В. // Вестник Краснодарского университета МВД России. № 3 (41). – 2018. – С. 20-25.
13. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/fd6980fe6d3f891c65ca00040c9d100eeb2ef3e
14. Белясов С.Н. Жестокое обращение с животными: проблемы и пути их решения / Белясов С.Н. // Право и практика. 2018. – С. 115-121.
15. Паспорт проекта «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» № 1216032-7 (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ В.В.Бурматовым, П.В. Крашенинниковым) [Электронный ресурс] / <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1216032-7>

16. Закон Тверской области от 14.07.2003 № 46-ЗО «Об административных правонарушениях» (принят Законодательным Собранием Тверской области 01.07.2003) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс– URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.21.)
17. Кодекс Тюменской области об административной ответственности от 27.12.2007 № 55 (принят Тюменской областной Думой 20.12.2007) / СПС КонсультантПлюс– URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.21.)
18. Закон Тюменской области от 02.06.2020 N 36/ СПС КонсультантПлюс– URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.21.)
19. Мирошниченко В.С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 120-122.
20. Живодера не стали сажать за решетку по состоянию здоровья // Московский комсомолец URL: <http://www.mk.ru/social/justice/article/2014/02/02/978957-zhivodera-ne-stali-sazhat-zareshetku-po-sostoyaniyu-zdorovya.html> (дата обращения: 20.10.2021).
21. Правила перевозки для пассажиров с животными // URL: <https://www.aeroflot.ru/ruru/information/special/animals> (дата обращения 04.03.2020).
22. Два кота погибли во время рейса «Аэрофлота» // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51237429> (дата обращения: 20.10.2021).
23. Евсикова, Е. В. Административная преюдиция как один из инструментов современной уголовно-правовой политики: проблемы теории и практики / Е. В. Евсикова // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01–02 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2019. – С. 117-125.

Evsikova E.V., Bulahova I.A., Gamza A.A. Some aspects of public-legal responsibility for violation of the order of responsible treatment of animals // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 333-346.

Today, in society, the problem of the legal status of animals is becoming more and more urgent. This article is devoted to the analysis of problems in the field of practical application of the Federal Law "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", as well as issues of public liability for violation of the procedure for responsible treatment of animals. The article provides an analysis of the main scientific positions regarding the introduction of administrative responsibility for animal cruelty and reflects the position of the authors on this issue. In the course of the study, the authors study the experience of the functioning of regional administrative and tort legislation in terms of ensuring responsible treatment of animals. In addition, the authors pay attention to the introduction of the institute of administrative prejudice in the field of violation of the order of responsible treatment of animals.

Separately, the authors analyze and study the problems and prospects of introducing administrative responsibility at the federal level for violating the order of responsible treatment of animals, based on the analysis, the authors propose their own system of sanctions in the field of violating the order of responsible treatment of animals, which will play a greater deterrent and preventive effect, and will also help counteract offenses in this area. Based on the analysis, the authors come to the conclusion that it is necessary to introduce into the Code of Administrative Offences of the Russian Federation norms providing for administrative responsibility in the field of responsible treatment of animals.

Keywords: public legal responsibility; responsible treatment of animals; cruelty to animals; administrative and tort legislation.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V., Buc S.B., Ponomarev A.V. Nekotorye aspekty reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva v sfere ustanovleniya administrativnoj otvetstvennosti za zhestokoe obrashchenie s zhyvotnymi / Evsikova E.V., Buc S.B., Ponomarev A.V. // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 10 (161). S. 146-148.
2. GrowthfromKnowledge// GfK: oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-bolshe-vsego-domashnikh-zhivotnykh-v-rossii-ssha-i-latinskoj-amerike>
3. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya RF ot 1 dekabrya 1999 g. N 4679-II GD "O Federal'nom zakone "O zashchite zhivotnyh ot zhestokogo obrashcheniya". [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/6143377>.
4. Bondarchuk, I. V. Reformirovanie regional'nogo zakonodatel'stva ob obrashchenii s zhyvotnymi v svete formiruyushchejsya sudebnoj praktiki / I. V. Bondarchuk, A. V. Rudenko, A. S. Homenko // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: YUridicheskie nauki. – 2021. – № 1(41). – S. 62-70. – DOI 10.25688/2076-9113.2021.41.1.07.
5. Bulahova, I. A. Uovershenstvovanie KOAP RF v sfere otvetstvennogo obrashcheniya i zashchity zhivotnyh / I. A. Bulahova // Sbornik studencheskih nauchnyh statej po materialam nauchno-predstavitel'skih

- meropriyatij 2020 goda : Sbornik statej / Pod redakciej E.V. Evsikovej, V.S. Tihomaevoj. – Simferopol' : Obschestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2021. – S. 101-108.
6. Bajborodova D.D. otvetstvennost' za zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi po rossijskomu zakonodatel'stvu: real'nost' i perspektivy. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: pravo.hse.ru/data/2020/06/11...Bajborodova...
7. Evropejskaya konvenciya o zashchite domashnih zhivotnyh/ (ETS N 125) (Zaklyuchena v g. Strasburge 13.11.1987). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=5158#Rga5HrSie9rYqyGO1/>
8. Federal'nyj zakon ot 27 dekabrya 2018 g. N 498-FZ "Ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/72139416/>
9. Kuz'min I.A. Specifika publichno-pravovoj otvetstvennosti / Kuz'min I.A. // Lex Russica. № 6 (127). – iyun', 2017. – S. 39-50.
10. Zakon RF o popravke k Konstitucii RF ot 14.03.2020 N 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti". [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
11. "Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 01.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.12.2021). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
12. Tanaga I.V., Millerov E.V. Voprosy sovershenstvovaniya yuridicheskoy otvetstvennosti za zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi / Tanaga I.V., Millerov E.V. // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. № 3 (41). – 2018. – S. 20-25.
13. "Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya)" ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/fd6980fe6d3f891c65ca00040c9d100eeb2ef3e
14. Belyasov S.N. Zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi: problemy i puti ih resheniya / Belyasov S.N. // Pravo i praktika. 2018. – S. 115-121.
15. Pasport proekta «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» № 1216032-7 (vnesen deputatami Gosudarstvennoj Dumy FS RF V.V. Burmatovym, P.V. Krashennikovym) [Elektronnyj resurs] / <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1216032-7>
16. Zakon Tverskoj oblasti ot 14.07.2003 № 46-ZO «Ob administrativnyh pravonarusheniyah» (prinyat Zakonodatel'nym Sobraniem Tverskoj oblasti 01.07.2003) [Elektronnyj resurs] / SPS Konsul'tantPlyus– URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 20.10.21.)
17. Kodeks Tyumenskoj oblasti ob administrativnoj otvetstvennosti ot 27.12.2007 № 55 (prinyat Tyumenskoj oblastnoj Dumoj 20.12.2007) / SPS Konsul'tantPlyus– URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 20.10.21.)
18. Zakon Tyumenskoj oblasti ot 02.06.2020 N 36/ SPS Konsul'tantPlyus– URL : <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 20.10.21.)
19. Miroshnichenko V.S. Nekotorye voprosy kvalifikacii zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi (stat'ya 245 UK RF) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2011. № 12. S. 120-122.
20. Zhivodera ne stali sazhat' za reshetku po sostoyaniyu zdorov'ya // Moskovskij komsomolec URL: <http://www.mk.ru/social/justice/article/2014/02/02/978957-zhivodera-ne-stali-sazhat-zareshetku-po-sostoyaniyu-zdorovya.html> (data obrashcheniya: 20.10.2021).
21. Pravila perevozki dlya passazhirov s zhivotnymi // URL: <https://www.aeroflot.ru/ruru/information/special/animals> (data obrashcheniya 04.03.2020).
22. Dva kota pogibli vo vremya rejsa «Aeroflota» // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51237429> (data obrashcheniya: 20.10.2021).
23. Evsikova, E. V. Administrativnaya preyudiciya kak odin iz instrumentov sovremennoj ugolovno-pravovoj politiki: problemy teorii i praktiki / E. V. Evsikova // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : Sbornik materialov VII-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 01–02 noyabrya 2019 goda. – Sankt-Peterburg: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion", 2019. – S. 117-125.

УДК 351.759.6:316.3

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-347-352

ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обринская Е. К.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В соответствии с современными вызовами и угрозами национальной безопасности должны совершенствоваться и политико-правовые инструменты ее обеспечения. Реализуются программы в области образования, культуры, науки, призванные реанимировать и укрепить традиционные ценности и институты, способствовать воспитанию патриотизма, сформировать жизнеспособную национальную идею, сделать Россию открытой и понятной для мира, обеспечить устойчивость российского государства для внешних воздействий и его лидерские позиции в мировой цивилизации. Потенциал государственного механизма обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации чрезвычайно велик. Это обусловлено не только высокой актуальностью для России угроз в ментальной сфере с точки зрения осуществления системного деструктивного воздействия на нее в контексте геополитического противостояния, а также уязвимости российского населения для такого воздействия, но и потому, что Россия может многое предложить миру в плане культуры, науки и духовной сферы, а также создать для себя безопасную ментальную среду в глобальном масштабе.

Ключевые слова: национальная безопасность, ментальная безопасность, государственный механизм, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, «общественная дипломатия».

В соответствии с современными вызовами и угрозами национальной безопасности должны совершенствоваться и политико-правовые инструменты ее обеспечения. В целом логично предположить, что стратегия обеспечения социокультурного аспекта национальной безопасности должна состоять из двух взаимодополняющих механизмов – защитного (обеспечивающего противостояние негативному внешнему влиянию) и активного (способствующего популяризации и закреплению российских цивилизационных ценностей в мире, реализации российской «мягкой силы»). Российская Федерация в сфере использования потенциала социокультурного воздействия «мягкой силой» несколько отстает от США, которые данную стратегию на государственном уровне реализуют с 1946 г. Однако Россия стремительно нагоняет США, сокращая разрыв в эффективности внешней политики.

По обоим направлениям в системе государственной политики России наблюдается прогресс эффективности, как на формальном, так и на функциональном уровне. Приняты Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [2], Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. [3] и многие другие нормативные документы, в которых прослеживается осознание угроз национальной безопасности и благополучию России, ее будущему в социокультурной и психологической сфере. Реализуются программы в области образования, культуры, науки, призванные реанимировать и укрепить традиционные ценности и институты, способствовать воспитанию патриотизма, сформировать жизне-

способную национальную идею, сделать Россию открытой и понятной для мира, обеспечить устойчивость российского государства для внешних воздействий и его лидерские позиции в мировой цивилизации.

Однако угрозы психологической и духовной безопасности рассматриваются в качестве составляющей других факторов обеспечения национальной безопасности. Серьезности этих угроз не соответствуют меры, предпринимаемые на современном этапе для их предотвращения. Для наиболее эффективного противостояния им необходимо выделить духовную и психологическую безопасность в отдельное направление обеспечения национальной безопасности и формировать соответствующую организационно-правовую основу этого направления.

В частности, необходимо формулирование Стратегии ментальной безопасности, которая бы стала основой государственной социокультурной политики. Также необходимо скоординировать деятельность различных ведомств, осуществляющих мероприятия социокультурного характера, с целью системного противостояния угрозам национальной безопасности России. Эти меры должны способствовать оптимизации системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в соответствии с актуальными тенденциями мирового развития.

В условиях обострения антироссийских настроений в международных отношениях конструктивную роль может сыграть общественная дипломатия – как способ «раскрыть» Россию для мира, сделать ее более понятной и предсказуемой для партнеров, причем не только на правительственном уровне, но и на уровне обычных граждан. Это признанная и довольно эффективная технология, которая включает в себя самые разнообразные мероприятия [4, с. 97-110]. Это международный туризм, профессиональные стажировки и образовательные обмены, международные спортивные события, трудовая миграция, международная деятельность средств массовой информации др. Причем в равной степени работают как стихийные варианты, так и осуществляемые властными структурами государства.

Одним из важнейших факторов обеспечения национальной (в том числе и ментальной) безопасности становится эффективная и конструктивная национальная идея. Специалистами национальная идея рассматривается как «раскрывающая и обобщающая смысл бытия народа, составляющего государство в его истории, представляющая идентичность его культуры, самобытность государственности и своеобразие социальности, одновременно, и как способ этого бытия, и как его цель» [5, с. 10-11]. В принципе без национальной идеи государство-нация нежизнеспособно. Именно национальная идея объединяет народ в нацию.

В основе практической реализации национальной идеи лежит патриотизм. По мнению И.Л. Миронова и С.С. Никитиной, «государственный патриотизм в условиях идеологического плюрализма (Конституция РФ, ст. 13) может выполнять нравственно-мировоззренческую функцию, обеспечивающую народное единство, ментальную безопасность общества», «быть идейной базой для информационного противоборства с духовной агрессией врагов России» [6, с. 183]. Национальная идея и патриотизм исполняют важнейшую роль и в противодействии экстремизму и терроризму. Обеспечивая единство нации, приверженность общим ценностям и интересам, они способствуют уменьшению конфликтности социальных и политических процессов, увеличивают сопротивляемость нации внешним воздействиям и разрушительным тенденциям.

Анализ возможного механизма обеспечения национальной безопасности в ментальной сфере приводит к выводу о потенциальных направлениях превентивных действий. В частности, Э.Л. Боднар, В.А. Дихорь, Э.Э. Сыманюк выделяют три основных стратегии, одна из которых связана с объективацией и корректной работой средств массовой информации в ментальном поле государства, другая «направлена на работу с образовательными учреждениями», а третья – с молодежными организациями [7, с. 10-12]. Очевиден несколько зауженный подход к определению необходимых для обеспечения ментальной безопасности мер в разрезе каналов осуществляемого воздействия. В то же время не учитывается содержательный аспект данного направления деятельности.

Довольно широкий спектр мер и мероприятий, призванных обеспечить различные аспекты ментальной безопасности освещается в научной литературе, регламентируется в нормативно-правовых актах, реализуется органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями.

В частности, довольно эффективными в обеспечении безопасности, в том числе и в противодействии экстремизму и терроризму, считаются «социальные акции, направляющие активность молодежи в позитивное русло, позволяющие им набирать опыт общественно-полезной деятельности, организации работ, в том числе управления, творчества, интеграции усилий» [8, С. 78]. Например, поощряется волонтерское движение, развивается сеть «школ молодого лидера», ежегодно проводится всероссийский форум молодых лидеров. Таким образом не только популяризируются неравнодушие, милосердие, но и воспитывается инициативность, предприимчивость в социальных некоммерческих проектах. В целом за счет подобных инициатив энергия молодежи направляется в «мирное русло», уводятся от экстремистского и террористического захвата.

Также, по мнению специалистов, «наиболее важным направлением является семья», дисфункция которой «приводит к различным девиациям в подростковой среде [9, с. 43]. Как уже отмечалось, семья является одним из институтов социализации и последующего контроля ментальной сферы личности, занимающим настолько важное место, что заменить его невозможно. На современном этапе в Российской Федерации существуют различные меры поддержки семьи, однако статистика в данной сфере неутешительная – огромное количество разводов, детей-отказников, случаев домашнего насилия.

Проблема социализации в принципе оказывается ключевой в обеспечении национальной и ментальной безопасности, противодействии терроризму. Если процесс социализации прошел эффективно, прежде всего, с аксиологической точки зрения, то в последующем уязвимость личности (а соответственно, и общества) для внешних и внутренних деструктивных воздействий сводится к минимуму. Поэтому можно установить непосредственную связь подверженности экстремистским и террористическим идеям с нарушениями, искажениями в сфере ценностных ориентаций.

Отдельно следует остановиться на использовании ресурсов сети Интернет в контексте ментальной безопасности. Помимо отмеченных специфических средств коммуникативных процессов в Интернете (уход в виртуальность, ослабление или разрыв реальных семейных и дружеских связей, возникновение иллюзии востребованности, авторитетности анонимных собеседников и др.), важнейшим фактором является феномен так называемой «киберсоциализации». Данное явление предполагает,

что процессы социализации полноценно происходят в ходе использования сети параллельно с социализацией в реальности, а зачастую и фактически замещая ее [10, с. 24-27]. Киберсоциализация представляет собой серьезную проблему в контексте обеспечения ментальной безопасности, так как ее практически невозможно контролировать, легкость и удобство сети как канала коммуникации делает беспрецедентно простым транслирование любой информации, любых посылов, ценностей, далеко не всегда позитивных и конструктивных, не говоря уже о распространении экстремистских материалов и вовлечении аудитории в деятельность террористических группировок.

Решение указанных проблем следует осуществлять с позиции обеспечения ментальной безопасности российского общества и государства, формируя и используя системный и комплексный механизм. Это требует, как связывания воедино уже применяющихся нормативных актов и проводимых мероприятий в образовательной, социальной, культурной, духовной сферах, так и формулирования целостной концепции, а затем и стратегии ментальной безопасности Российской Федерации.

В настоящее время предпринимается множество мер в данном направлении, внешняя и внутренняя политика России в этом плане имеет довольно конструктивный характер. Однако Россия находится лишь в начале пути по эффективному обеспечению ментальной безопасности, а без этого не приходится говорить о завершенности механизма противодействия экстремизму и терроризму.

На современном этапе развития государств, международных отношений и мировой системы в целом обостряются существующие и появляются новые угрозы национальной безопасности, что является следствием глобализационных процессов, научно-технического прогресса, эволюцией гуманитарной сферы. В частности, экстремизм и терроризм, являясь традиционной угрозой безопасности личности, общества и государства, сегодня приобретает ряд специфических черт, которые существенно повышают их опасность и требуют пересмотра подходов к противодействию им.

В настоящее время осуществляется переход от выявления и преследования виновных лиц, предотвращения терактов, к профилактике и устранению условий, благоприятных для распространения экстремистских идеологий и осуществления террористической деятельности, то есть механизм противодействия экстремизму и терроризму ориентируется на превентивные меры.

Экстремизм и терроризм оказывают разрушительное воздействие на ментальную сферу общества, они переформируют психику вербуемого лица. Именно в применении технологий вербовки, расширении круга сторонников заключается главная опасность указанных явлений. Поэтому в общественном сознании необходимо искать как причины их распространения, так и инструменты противодействия им. Необходимо сделать общество и человека невосприимчивыми к экстремистским идеям и неспособными на террористические действия.

Решение данной задачи возможно путем обеспечения ментальной безопасности как составляющей национальной безопасности. Ментальная безопасность имеет как внутреннее (оздоровление ментального фона нации, повышение ее сопротивляемости внешним воздействиям), так и внешнее (гармонизация межгосударственных отношений, снижение уровня их конфликтности) измерение. Безусловно, внутреннее изменение преобладает по значимости и возможностям реализации, однако внешнее

– создает условия для более эффективного обеспечения внутреннего. Конкретные методы обеспечения ментальной безопасности довольно разнообразны и преимущественно представляют собой традиционные меры по защите ключевых социальных институтов – семьи, образования, религии, культуры, которые необходимо реализовывать комплексно.

Потенциал государственного механизма обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации чрезвычайно велик. Это обусловлено не только высокой актуальностью для России угроз в ментальной сфере с точки зрения осуществления системного деструктивного воздействия на нее в контексте геополитического противостояния, а также уязвимости российского населения для такого воздействия, но и потому, что Россия может многое предложить миру в плане культуры, науки и духовной сферы, а также создать для себя безопасную ментальную среду в глобальном масштабе.

В Российской Федерации на современном этапе заложена основа для формирования механизма обеспечения национальной безопасности, как в нормативно-правовом, так и в организационно-функциональном аспекте. При этом есть определенные возможности для его совершенствования. Жизненно важным, на наш взгляд, является разработка Стратегии ментальной безопасности Российской Федерации и соответствующего плана по ее реализации.

Для эффективного противодействия возникающим перед Россией вызовам и угрозам, достижения максимального уровня защищенности, реализации потенциала развития необходимо мыслить стратегически – не только с военной, экономической, но и с ментальной точки зрения. В современных условиях, связанных с нарастающей глобализацией, изменением международной политической ситуации, технологий взаимодействия государств, обществ, индивидов, именно обеспечение ментальной безопасности выходит на первый план и становится залогом не только развития, но и выживания тех или иных наций.

Список литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1472577/>.
2. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р. – URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html>.
3. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>.
4. Кузьмина В.М. Российская и китайская общественная дипломатия как инструмент реализации государственных интересов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том 10. № 5/1. – С. 97–110.
5. Райгородский В.Л. Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра полит наук: 23.00.02 / Ростовский юридический институт МВД России. – Ростов-на-Дону, 2004. – 57 с.
6. Миронов И.Л., Никитина С.С. Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 182–184.
7. Боднар Э.Л., Дихорь В.А., Сыманюк Э.Э. Терроризм и экстремизм как социально сконструированные явления: стратегии превентивной политики // Актуальные проблемы психологического знания. – 2015. – № 4 (37). – С. 7–13.

8. Малахов Ю.И. Социальные технологии профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде // Образование и духовная безопасность. – 2017. – № 1 (1). – С. 74–80.
9. Буткевич С.А. Семья как институт предупреждения экстремизма и терроризма (правовые и социальные аспекты) // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 42–47.
10. Гарник С.В. Внутренние и внешние угрозы безопасности России и проблемы киберсоциализации // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 3 (44). – С. 24–27.

Obrinskaya E. K. Potential and prospects for the development and improvement of the State mechanism for ensuring the mental security of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 347-352.

In accordance with modern challenges and threats to national security, the political and legal instruments for ensuring must be improved. There are being implemented programs in the field of education, culture, science, designed to reanimate and strengthen traditional values and institutions, promote patriotism, form a viable national idea, make Russia open and understandable to the world, ensure the stability of the Russian state for external influences and its leadership positions in world civilization. The capacity of the State national security mechanism in the Russian Federation is extremely high. This is due not only to the high relevance for Russia of threats in the mental sphere in terms of the implementation of systemic destructive influence on it in the context of geopolitical confrontation, as well as the vulnerability of the Russian population to such impact, but also because Russia has a lot to offer the world in terms of culture, science and the spiritual sphere, as well as create a safe mental environment for yourself on a global scale.

Key words: national security, mental security, state mechanism, National Security Strategy of the Russian Federation, "public diplomacy".

Spisok literatury:

1. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1472577/>.
2. Koncepciya gosudarstvennoj semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [Elektronnyj resurs]: utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 avgusta 2014 g. № 1618-r. – URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html>.
3. Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda [Elektronnyj resurs]: utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 fevralya 2016 g. № 326-r. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>.
4. Kuz'mina V.M. Rossijskaya i kitajskaya obshchestvennaya diplomatiya kak instrument realizacii gosudarstvennyh interesov // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2018. – Tom 10. № 5/1. – S. 97–110.
5. Rajgorodskij V.L. Politicheskie i pravovye sredstva obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... d-ra polit nauk: 23.00.02 / Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii. – Rostov-na-Donu, 2004. – 57 s.
6. Mironov I.L., Nikitina S.S. Mental'naya bezopasnost' Rossii: pedagogicheskie aspekty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 3 (75). – S. 182–184.
7. Bodnar E.L., Dihor' V.A., Symanyuk E.E. Terrorizm i ekstremizm kak social'no skonstruirovannye yavleniya: strategii preventivnoj politiki // Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. – 2015. – № 4 (37). – S. 7–13.
8. Malahov YU.I. Social'nye tekhnologii profilaktiki ekstremizma i terrorizma v molodezhnoj srede // Obrazovanie i duhovnaya bezopasnost'. – 2017. – № 1 (1). – S. 74–80.
9. Butkevich S.A. Sem'ya kak institut preduprezhdeniya ekstremizma i terrorizma (pravovye i social'nye aspekty) // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 1. – S. 42–47.
10. Garnik S.V. Vnutrennie i vneshnie ugrozy bezopasnosti Rossii i problemy kibersocializacii // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2018. – № 3 (44). – S. 24–27.

УДК: 342.95

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-353-360

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ САНКЦИЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНЫХ НОРМ

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется потребность в исследовании проблем санкций норм об административной ответственности.

Установлены факторы, обуславливающие высокий уровень динамизма административно-деликтного законодательства, а также связь проводимой в России реформы контрольно-надзорной деятельности и изменения концептуальных положений, касающихся сущности, видов и порядка применения административных наказаний. Обозначены положения Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касающиеся административно-деликтных санкций.

Выделены следующие группы исследований, составляющих теоретическую основу изучения рассматриваемой нами проблематики: теоретико-правовые исследования, в которых сформулированы общие положения теории правовых санкций, определена их роль в механизме правового регулирования, установлено их место в структуре норм права, а также осуществлена их классификация; уголовно-правовые и административно-правовые исследования, в которых отражены общие закономерности норм соответствующих отраслей права; исследования, посвященные особенностям конструирования, законодательного закрепления, действия и оптимизации санкций норм об административной ответственности.

Отмечена необходимость корректировки теоретических представлений о санкциях норм административной ответственности с учетом более чем 30-летнего опыта российской административной диалектологической науки, правоприменительной практики в постоянно меняющейся социально-экономической ситуации, а также приводимых в последнее десятилетие правовых и других реформ, в том числе и в сфере цифровизации общества.

Сформулированы цели, задачи, объект и предмет исследования, раскрыта его методология и эмпирическая база, определены перспективы использования полученных результатов.

Ключевые слова: актуализация проблемы, юридическая (правовая) санкция, санкция нормы об административной ответственности, административно-правовая норма.

Административно-деликтное законодательство, являясь частью правовой системы Российской Федерации, сегодня относится к числу наиболее динамично развивающихся.

Так, с 2016 по 2021 годы в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) было внесено около 260 изменений, из них за 2021 год – 55 [1]. Данная ситуация, по нашему мнению, обусловлена как необходимостью административно-деликтной защиты изменяющихся общественных отношений, так и свойствами административной ответственности оперативно реализовывать государственную репрессию в отношении правонарушителей, а также проводимыми в государстве реформами в области контрольно-надзорной деятельности.

Эти изменения, в основном касались: уточнения сроков давности привлечения к административной ответственности за отдельные правонарушения; признания утратившими силу отдельных статей КоАП РФ; дополнения КоАП РФ новыми составами

ми административных правонарушений; изменения (расширения или сужения) субъектного состава административных правонарушений; конкретизации диспозиций отдельных норм; увеличения размера административного штрафа, уточнения размера наказания или введения альтернативного наказания; дополнения перечня должностных лиц и органов, уполномоченных составлять административные протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях; конкретизации особенностей осуществления производства по делам об административных правонарушениях [2].

Отдельным направлением реформы контрольно-надзорной деятельности является разработка нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, основанного на концепции адекватного применения административных санкций к физическим и юридическим лицам, с учетом риск-ориентированного подхода при определении общественной опасности противоправного деяния и акцентом на профилактику и предупреждение административных правонарушений.

Несмотря на принятые организационные меры, окончательный проект нового КоАП РФ еще не подан на рассмотрение Правительства Российской Федерации.

Например, в ходе общественного и экспертного обсуждения предложенных законопроектов, выделены следующие недостатки и замечания: наличие положений, которые были ранее отклонены в ходе рассмотрения аналогичных законопроектов (например, все ещё большое число составов административных правонарушений (около 1666); оставление значительного числа норм без изменений; неоправданное усиление административной репрессии (например, увеличение размера административного штрафа за совершение административных правонарушений в области дорожного движения, в сфере экономики, нарушение действующих санитарно-гигиенических правил индивидуальными предпринимателями, должностными лицами; применение предупреждения только при отсутствии отягчающих обстоятельств, расширение применения конфискации); увеличение сроков давности привлечения к административной ответственности; отсутствие признаков «грубых административных правонарушений», критериев отнесения того или иного риска причинения правонарушением вреда к низкому, умеренному, среднему и значительному; закрепление перечня органов административной юрисдикции в «материальном» кодексе, а не в соответствующем процессуальном акте; некорректные формулировки отдельных понятий (в том числе и названия самого Кодекса), используемых в проекте, а также неточность сформулированных в нём диспозиций статей и др.

Активизировав работу научных коллективов Министерство юстиции России подготовила очередную редакцию проектов таких документов и планирует внести обновленный законопроект и пакет других нормативных правовых актов после их межведомственного согласования, оценки регулирующего воздействия и финансовых последствий, а также заключения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений [3].

В ходе научного и общественного обсуждения текстов проектов КоАП, подготовленных в 2019-2021 годах, неоднократно отмечалась потребность в научном обосновании потребности в разработке подходов к формированию видов, определению сущности, особенностей и процессуального порядка применения административных наказаний (санкций).

Например, в Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях указывались следующие положения, касающиеся необходимости:

1) отграничения отдельных мер административного пресечения и мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях от административных санкций;

2) определения критериев обоснованности и правомерности ужесточения мер административной ответственности;

3) исключения из санкций норм Особенной части КоАП несопоставимых между собой видов, размеров и сроков альтернативных наказаний;

4) ограничения до минимума либо исключения практики установления в санкциях норм Особенной части КоАП безальтернативных административных наказаний; уточнения специфики применения отдельных административных наказаний и др. [5].

Следует также отметить и назревшую необходимость корректировки теоретических представлений о санкциях норм административной ответственности с учетом более чем 30-летнего опыта российской административной диалектологической науки, правоприменительной практики в постоянно меняющейся социально-экономической ситуации, а также приводимых в последнее десятилетие правовых и других реформ, в том числе и в сфере цифровизации общества.

По нашему мнению, такая корректировка касается: совершенствования категориального аппарата исследования административно-правовых санкций норм об административной ответственности как одного из направлений развития государственной политики в области административных наказаний (административно-наказательной политики), выделения критериев для разграничения соответствующих санкций и административных наказаний, а также определения соответствия санкции административно-деликтной нормы и целей административного наказания; установления факторов, влияющих на построение административно-правовой санкции в нормах об административной ответственности в законодательстве Российской Федерации, а также законодательстве субъектов Российской Федерации, уяснение технико-юридические аспектов построения административно-правовой санкции норм об административной ответственности.

Целью данной статьи является обоснование актуальности исследования проблематики санкций норм об административной ответственности.

Достижение этой цели предусматривает: рассмотрение теоретической основы изучения заявленной проблематики, формулирование целей, задач, объекта и предмета исследования, раскрытие его методологии и эмпирической базы, определение перспектив использования полученных результатов.

Анализ научных публикаций за последние 20 лет (в первую очередь, монографических, учебных изданий, а также авторефератов диссертаций (с 2010 по 2021 гг.)), посвященных рассмотрению общей и отраслевых теорий механизма правового регулирования и правовых санкций, как его составляющей, позволил выделить следующие их группы:

1) теоретико-правовые исследования, в которых сформулированы общие положения теории правовых санкций, определена их роль в механизме правового регулирования, установлено их место в структуре норм права, а также осуществлена их

классификация. Так, доктринальные положения этой теории изложены в трудах советских и российских юристов С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, Б.Т. Базылева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, Л.Н. Борисовой, Н.А. Власенко, П.В. Васильева, И.В. Великосельской, М.Ш. Гамидова, С.А. Голунского, М.Л. Давыдова, А.Н. Дудиной, Е.В. Дьяченко, Д.А. Ковалюнаса, А.В. Краснова, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, Д.А. Липинского, А.В. Малько, Е.Н. Мороз, А.С. Пиголкина, Е.В. Пузыревой, М.В. Соболева, М.С. Строговича, В.В. Толмачева, Т.Б. Фокина, Э.И. Хакимова, Ю.О. Чугунова, М.С. Шальмина и др.

2) уголовно-правовые и административно-правовые исследования, как изучающие наиболее тесно связанные виды юридической ответственности, в которых отражены общие закономерности норм соответствующих отраслей права. Например, труды криминологов С.В. Бородин, Я.М. Брайнина, Э.В. Густовой, Н.Д. Дурманова, Е.В. Дьяченко, Н.И. Загородникова, А.Е. Жалинского, А.Н. Игнатова, Б.Г. Каргановой, И.И. Карпеца, М.И. Ковалева, И.Я. Козаченко, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, О.Э. Лейста, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцева, С.А. Меркунцова, Т.Ф. Минязовой, Т.В. Непомнящей, П.П. Осипова, Н.И. Пикурова, В.С. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Сумачева, О.Е. Спиридоновой, Н.П. Томашеского, М.А. Тулиглович, В.Д. Филимонова и др.; административистов – Д.Н. Бахрахом, В.В. Денисенка, Е.В. Додиним, А.С. Дугенца, В.И. Игнатенка, А.В. Кирина, И.Ш. Киялхановым, Л.В. Ковалева, В.К. Колпакова И.П. Мышляева, Ю.И. Попугаева, В.Е. Севрюгина, В.Г. Татаряна, А.П. Шергина и др.

3) исследования, посвященные особенностям конструирования, законодательного закрепления, действия и оптимизации санкций норм об административной ответственности, отражены в научных трудах Э.Е. Гензюка, А.Н. Дерюги, О.А. Заярного, А.Н. Жеребцова, И.В. Максимова, Е.Н. Николенко, М.И. Никулина, П.П. Серкова, Ю.Н. Старилова, М.С. Студеникиной, С.С. Студеникина, А.Г. Пынзель, А.С. Родионовой, О.С. Рогачовой, А.В. Шевцова, А.Ю. Якимова и др.

Наличие в российской юридической науке концепции правовой санкции, является основой для проведения исследования санкций норм административного права, которое должно учитывать состояние современной правовой действительности и перспектив совершенствования административно-деликтной отрасли законодательства.

Так, существенное увеличение в 2015-2021 гг. числа административных правонарушений в области безопасности дорожного движения, которые выявляются работающими в автоматическом режиме техническими средствами, привело не только к соответствующему росту числа административных штрафов, назначаемых в порядке упрощенного производства по делам об административных правонарушениях, но и к фактическому нивелированию карательной, профилактической и воспитательной функций административного наказания, которое многими собственниками транспортных средств исполняется в порядке обыденной обязанности, не требующей значительных усилий.

Кроме этого, необходимость снижения административного давления на бизнес со стороны государственных структур, привела к внедрению механизмов воздействия, основанных на риск-ориентированном подходе, учитывающему характер и «групповость» правонарушения, что позволило не применять к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, которые впервые совершили незначительные ад-

министративные правонарушения, меры административно-деликтной репрессии, а ограничиться мерами предупредительного характера.

Обращают на себя внимание и тенденция к установлению административной преюдиции, как основания для привлечения лица, которое повторно, после назначения административного наказания, к уголовной ответственности. В уголовном законодательстве уже насчитывается 14 таких составов, а формулировка «...если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» включена в более чем 50 составов административных правонарушений. В связи с этим требуют уточнения критерии криминализации и деликтации противоправных деяний, а также соотношение назначаемых административных и уголовных наказаний, особенно в части касающейся размеров штрафов [4].

Также, потребность в повышении уровня исполняемости административных наказаний привела к расширению мер административного обеспечения производства, непосредственно воздействующих на имущество правонарушителя и сходных с таким наказанием как конфискация. Так, ст. 27.20 КоАП РФ предусматривает арест имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Таким образом, необходимо обозначить границы соответствующих мер обеспечения производства и сходных, по основному способу воздействия на правонарушителя, санкций норм об административной ответственности.

В связи с изложенным, целью декларируемого нами исследования предлагается признать комплексный анализ теоретических, правовых и прикладных аспектов, раскрывающих закономерности санкций норм об административной ответственности, а также обоснование предложений по совершенствованию административно-деликтного законодательства и практики его реализации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих основных задач: проанализировать основные подходы к определению понятия «санкция нормы об административной ответственности», выделить его основные признаки и сформулировать авторскую дефиницию этой категории; систематизировать основные критерии и осуществить классификацию санкций норм об административной ответственности; определить структуру санкций норм об административной ответственности и охарактеризовать её элементы; разработать предложения направленные на совершенствование действующего административно-деликтного законодательства, а также проектов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Объектам такого исследования будут являться правоотношения, определяющие результаты реализации административно-деликтных норм. Предметом исследования выступают санкции норм об административной ответственности.

С целью повышения объективности и репрезентативности результатов работы предполагается использование комплекса научных методов познания социально-правовых явлений, основой которого является системный подход. Он позволяет определить содержание феномена санкции нормы об административной ответственности, а также соотношение между ней и санкциями других отраслей права, в первую очередь, уголовно-правовых. Кроме этого, с помощью структурно-функционального метода выявляются элементы структуры рассматриваемой нами

группы юридических норм, методы синтеза и анализа предполагается применить для формулирования дефиниции «санкция нормы об административной ответственности», а также других понятий, отражающих сущность изучаемого нами темы; метод сравнительного правоведения направлен на выделение положительных аспектов зарубежного опыта, регулирования общественных отношений в области установления и действия санкций административно-деликтных норм, методы исследования текстов нормативных правовых актов позволят изучить способы закрепления соответствующих элементов административно-правовой нормы в законодательстве Российской Федерации и др.

Эмпирическая база исследования предусматривает анализ результатов деятельности правоохранительных органов и судов России, государственных органов субъектов Российской Федерации за 2001-2021 гг., изучение текстов проектов нормативных правовых актов, составляющих правовую основу административно-деликтного законодательства, а также публикаций в открытых источниках, анализ зарубежного опыта разработки и совершенствования законодательства об административной ответственности.

Так, основными источниками получения объективной информации будут: тексты КоАП РФ и законов субъектов Российской Федерации об административной ответственности, в которых отражается генезис административно-деликтных санкций, а также других законодательных актов, содержащих санкции, схожие с административно-правовыми (уголовного, гражданского, налогового и других отраслей права), а также соответствующих законопроектов, в том числе и не принятых; судебная и правоохранительная практика, отражающая проблемы применения санкций (например, минимизация дискреции при назначении уполномоченными должностными лицами относительно определённых и альтернативных санкций, повышения эффективности их действия и др.); законодательство об административной ответственности зарубежных стран, в которых содержится санкции, отсутствующие в отечественной практике, имеются нормы, более эффективно обеспечивающие реализацию функций административного наказания (например, внедрение бальной системы при назначении административных штрафов, использование в качестве административно- деликтных санкций, мер воспитательного и коррекционного характера, наличие комплекса организационных мер, пролонгирующих действие административно- деликтных санкций (ведение реестров, лиц привлеченных к административной ответственности и его использование для характеристики лица при назначении на должности публичной службы, связанные с руководством коммерческими организациями, определении благонадежности при кредитовании), пролонгирующих практика разграничения административной и уголовной ответственности в зависимости от юрисдикционного органа, назначающего наказание) и др.

Еще одним аспектом, который необходимо учитывать при оптимизации механизма назначения и исполнения административных наказаний как вида административных санкций, является внедрение современных информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий в деятельность органов административной юрисдикции. В частности, сегодня в отдельных странах решения по уголовным и административным делам принимают «электронные» суды, исполнение административных штрафов осуществляется путем автоматического списания денежных средств со счетов правонарушителей, поиск лиц, уклоняющихся от

назначенного наказания, осуществляется электронными поисковыми и распознающими системами, сформированы и используются значительные массивы административной и судебной практики, упрощающие поиск типовых решений, в том числе и при назначении конкретных видов административных наказаний, что способствует единообразию правоприменения.

В результате исследования планируется разработать правовую модель санкции нормы об административной ответственности и высказать предложения по её внедрению в административно-деликтное законодательство. Применение метода правового моделирования позволит обеспечить согласованность существующих представлений об сущности санкции норм об административной ответственности и потребностей общества, обусловленных динамично меняющимся социально-экономическим условиям и жизненными ситуациями, объяснить содержание элементов конкретной санкции нормы об административной ответственности, установить критерии определения её вида, размеров, порядка применения и исполнения, а также прогнозировать развитие потенциала административно-деликтных санкций на этапе их проектирования.

Кроме этого, практическое значение данного исследования состоит и в возможности использования его результатов в образовательной деятельности, в ходе усвоения лицами, обучающимися в образовательных организациях юридического профиля, положений учебных дисциплин, в которых раскрываются правовые и теоретические аспекты института административной ответственности. Например, целесообразно усилить практическую составляющую подготовки сотрудников органов административной юрисдикции, уполномоченных назначать административные наказания, оценивать законность их применения, а также разрабатывать предложения по совершенствованию соответствующих норм административного права.

Таким образом, проведение исследования проблем санкций норм об административной ответственности, позволит систематизировать имеющиеся в отечественной и зарубежной административно-правовой науке подходы к пониманию их сущности и содержания, обосновать предложения для совершенствования законодательства и практики назначения и исполнения административного наказания, а также сформулировать перспективную научную концепцию административно-деликтных санкций.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
2. Цындра В. Н. Актуализация проблематики реализации административно-наказательной политики Российской Федерации в современных условиях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3-2. – С. 50–57.
3. Минюст подготовил проект нового КоАП (28.10.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211028/kodeks-1756626063.html> (дата обращения: 09.12.2021).
4. Стали известны детали проекта нового КоАП в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/10/28/koap/> (дата обращения: 09.12.2021).
5. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwIAY7khO7NAt9EL.pdf> (дата обращения: 09.12.2021)

V. N. Tsyndrya Updating research on the problems of sanctions on administrative responsibility // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 353-360.

The article actualizes the need to study the problems of sanctions norms on administrative responsibility.

The factors that determine the high level of dynamism of administrative and tort legislation, as well as the connection between the reform of control and supervisory activities carried out in Russia and changes in conceptual provisions concerning the essence, types and procedure for the application of administrative punishments, have been established.

The following groups of studies are identified, which constitute the theoretical basis for studying the problems we are considering: theoretical and legal studies, in which the general provisions of the theory of legal sanctions are formulated, their role in the mechanism of legal regulation is determined, their place in the structure of the rule of law is established, and their classification is carried out; criminal law and administrative law research, which reflects the general laws of the norms of the relevant branches of law; studies devoted to the peculiarities of the design, legislative consolidation, action and optimization of sanctions of norms on administrative responsibility.

The need to adjust the theoretical concepts of the sanctions of the norms of administrative responsibility, taking into account more than 30 years of experience of the Russian administrative dialectological science, law enforcement practice in the constantly changing socio-economic situation, as well as legal and other reforms introduced in the last decade, including in the field of digitalization of society.

The goals, objectives, object and subject of research are formulated, its methodology and empirical base are revealed, and the prospects for using the results obtained are determined.

Key words: actualization of the problem, legal sanction, sanction of the norm on administrative responsibility, administrative legal norm.

Spisok literatury:

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ [Elektronnyj resurs]. Dostup iz SPS «Garant».
2. Cyndrya V. N. Aktualizaciya problematiki realizacii administrativno-nakazatel'noj politiki Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah / V. N. Cyndrya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7. – № 3-2. – S. 50-57.
3. Minyust podgotovil proekt novogo KoAP (28.10.2021) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20211028/kodeks-1756626063.html> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
4. Stali izvestny detali proekta novogo KoAP v Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/news/2021/10/28/koap/> (data obrashcheniya: 09.12.2021).
5. Koncepciya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIw1AY7khO7NAt9EL.pdf> (data obrashcheniya: 09.12.2021).

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 343

DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-361-366

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Иващенко Е. С.

В работе рассмотрены отдельные, наиболее необычные подходы и определения, используемые в отечественном транспортном страховании во второй половине XIX в., на изломе развития внутреннего водного и железнодорожного транспорта. Указаны специфические моменты страхования, прослежена их эволюция на основе нормативно-правовых актов различных страховых обществ (уставов, инструкций). Установлена взаимосвязь практически безусловного страхования речных и морских судов в зависимости от формы их собственности (с участием государственных средств или без данного участия); уточнены и разъяснены отдельные формулировки, указаны причины негативного отношения к страхованию, со стороны отечественных обществ, судов и товаров в некоторых озерах, стоянках, Каспийском море.

Ключевые слова: транспортное страхование, смешанное страхование, устав, инструкция, общество, норма, водные системы.

Становление и развитие транспортного страхования в России имеет свою богатую и, много в чем, неповторимую историю. Связан этот факт со спецификой отечественного страхового права и практики, географических и природных особенностей и многих иных факторов. Отсюда многообразие специфики в деятельности каждого общества, обычно установленных в его уставе или внутренних документах.

Так, в инструкции агентам российского общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей по речному страхованию от 1883 г., указано, что предметами его страхования могли быть «Всякого рода товары и грузы, отправляемые водой и погруженные на крепкие и благонадежные суда, с надлежащей оснасткой, полным числом судорабочих и под хорошим присмотром и управлением, кроме товаров и предметов, согласно пар. 2 сей инструкции, вовсе исключенных от страхования» (п. 1).

При этом копания запрещала своим агентам принимать следующие страхования:

а) страхование тех товаров, которые по классификации совершенно исключены от принятия на страх;

б) страхование ото льда¹;

в) страхования на всех непоименованных в классификации судах, или, на судах старше тех, которые определены классификацией;

г) страхования на озерах [1, с. 4]: Ладожском, Онежском, Белом, Чудском (Пейпус) и Псковском;

д) страхование остановок в пути для распродажи товаров;

¹ Имеется в виду ледовая оговорка (ICE CLAUSE)

- е) страхование ожидаемой прибыли, а также фрахта – отдельно от товара;
- ж) принятие страхований каких-либо речных рисков от страховых (однородных с нашим) обществ;
- з) страхования на корпуса речных судов;
- и) страхования по тем рекам, каналам и системам, которые не обозначены в тарифах премий, и
- и) все речные страхования в связи с морскими рисками» (п. 2) [1, с. 5].

Обратим внимание на некоторые указанные положения. Что касается страховых корпусов судов. Здесь следует указать, что данная проблема разрешалась российскими страховыми обществами двояко: а) вообще отказ от страхования корпусов, как в данном случае, и б) страхование в зависимости от качества и материалы корпуса судна. Стандартно корабельные снасти (на парусных судах) и паровые машины (на пароходах) не страховались. Что до снастей (паруса, мачты и т.п.), то, очевидно из-за того, что таковые первыми «страдали» в случае аварий, а в отношении паровых машин необходимо было иметь людей, способных оценить состояние всех частей этих устройств вообще и паровых котлов в частности, что было крайне неудобно, дорого, опасно и, в результате – не выгодно.

Отказ от страхования на указанных озерах был вызван несколькими основными причинами: а) отсутствием длительное время достоверных лоций этих водоемов; б) сложной метеорологической обстановкой в их акватории; в) определенным недоверием к местным лоцманам и матросам.

Что до страхований на стоянках и остановках, то в данном случае следовало учитывать множество факторов – от качества мест стоянки для судов, то их безопасности в пожарном, погодном, человеческом и иных факторах. Все это не способствовало данному виду страхования.

Отказ же, к примеру, речных страхования «в связи с морскими рисками», скорее всего был связан с слишком разными условиями судоходства.

Изданные же в 1898 г. «Полисные условия для страхования от огня имущества в С.-Петербургской компании «Надежда» для морского, речного и сухопутного страхования, транспортирования кладей и страхования от огня имущества» уже отображают существенную эволюцию в вышеуказанных вопросах.

В первую очередь, в нем уже используется термин «Смешанные страхования» (гл. 15): «34. под смешанными страхованиями понимаются такие, при которых груз отправляется составным путем, т.е. частью речным или сухим путем». При выдаче полиса на смешанное страхование полагалось следовать таким правилам: «1. Полис по смешанному страхованию выписывался: а) на речном бланке, - когда начало составного пути река, озеро или сухой путь, предшествующий реке или озеру; б) на морском бланке, - когда начало пути море, кроме Балтийского, или сухой путь, предшествующий морю (кроме Каспийского); в) на Каспийском бланке, - когда начало пути Каспийское море или сухой путь, предшествующий Каспийскому морю».

При этом, выдавать «на сухопутном бланке полисов по смешанному страхованию» запрещалось [2].

В данном случае следует пояснить «особое» отношение к страхованию на Каспийском море. Одной из причин данного отношения, по нашему мнению, было то, что: а) на Каспии отсутствовали морские лоцманы, что затрудняло плавание, делая

его более опасным, б) наличие двух противоположных решений Правительствующего Сената относительно того, считать ли данный водоем морем или внутренним водоемом. Разница, в правовых подходах связанных с страхованием была значительна, а потому идти на осознанный риск страховщики не хотели.

Согласно инструкции «агентам страхового и транспортного общества «Россиянинь». По морским товарным страхованиям» от 1892 г., которую, кстати, «... рекомендуется держать данную инструкцию в недоступном для публике месте» [3, с. 1], данное общество принимало «страхование грузов лишь в паровых судах первых двух классов, в парусных кораблях (стальных, железных и деревянных или смешанных) первого класса и в каботажных судах старше 5 лет.

На парусных кораблях 2 класса, а равно каботажных судах старше 5 лет, при полной благонадежности их, лишь с разрешения правления» [3, с. 7].

Уже в это цитате мы видим существенное изменение подходов к определению предметов и объектов страхования. Далее же находим: «5. Суда, не значущиеся в списках Ллойда допускались при условии тщательного осмотра их местными агентами Ллойда и выяснении их полной благонадежности... свидетельство такого осмотра (сертификат) представляется агентом Правлению одновременно с другими бумагами по страхованию подлежащего груза.... Осмотр производится за счет владельца судна или страхователя груза, но не общества». При этом, «Все паровые суда «Русского Общества Пароходства и Торговли», Комитета Добровольного Флота, «Российского Общества Транспортных кладей», «Черноморско-Дунайского пароходства», «Товарищества «Каспий» и «I.K.K. Priv. Donau Dampfschiff. Gesekksch», предписывалось считать судами первого класса [3, с. 8].

В данном случае следует пояснить, что практически во всех выше указанных компаниях принимало участие государство, чем, очевидно, и вызвано такое благожелательное к ним отношение.

Что касается вопросов отказа в премиях страхования, то здесь можно указать такую норму: «15. Если у агента было сомнение в благонадежности страхователя или поставщика, или он убедился в ветхости судна, несоответствующем состоянии оснастки на нем, или, если в представленном судовом билете были какие-либо поправки или подчистки в графах, где указано время постройки судна или день выдачи судового билета, или же, по времени года опасность предлагаемому на страх грузу представлялась ему слишком рискованной, то агент должен право отказаться от принятия к страхованию груза, не объясняя страхователю в первом случае причин отказа» [1, с. 14].

Такие положения чаще всего встречаются в нормативных актах до второй половины 1880-х гг. Как такое положение: «40. При страхованиях по Мариинской, Тихвинской и Вышневолоцкой системам, соблюдаются следующие правила и делаются следующие оговорки в полисах:

а) так как при страхованиях по Мариинской и Вышневолоцкой системам, Общество принимает также на страх грузы в трех четвертях их полной ценности, а остальную затем $\frac{1}{4}$ обязательно оставляет на ответственности страхователя, то при стоимости груза (примерно) в С. Р. 12.000, на 1-й странице полиса должно быть написано: из полной ценности груза в 12 тысяч рублей, общество приняло на страх три четверти ценности груза, всего девять тысяч рублей, остальные же затем три тысячи рублей должны непременно оставаться на риске самого страхователя» [1, с.

36]; «б) при страховании грузов, отправляемых по Марринской системе, на 1-й странице полиса, должно сделать оговорку: суда, должны следовать по рекам и каналам, минуя озера: Белое, Онежское и Ладожское; в) При страховании грузов, отправляемых по система Тихвенской и Вышневолоцкой, делать на первой странице оговорку: суда, должны следовать реками и каналам, минуя Ладожское озеро; г) При страхованиях по Мариинской и Тихвинской системам до С.-Петербурга, в полисе добавляется условие: суда должны следовать р. Невой от Шлиссельбурга под буксиром пароходов; д) При страховании по Мариинской системе в следующих судах: баржах, тихвинках, лодках и полулодках разных, груз не ограничивается, но осадка судна не должна превышать установленной правительством нормы в 7 ½ четвертей. На мариинках, берлинах, берлинках и унжанках груз не должен превышать 17,500 пудов, при чем агент, заключающий страхование, обязан добавить в особых условиях полиса следующее: «В дополнение к пар. 3-му полиса нормальная емкость (такого-то судна) определяется в семнадцать тысяч пятьсот пудов» [1, с. 37]; е) при страховании грузов по Вышневолоцкой системе, чрез Боровицкие пороги, в особых условиях следует добавлять следующие условия: 1) Общество отвечает за расходы на отлив из судов воды и паузки в Боровицких порогах, хотя-бы застрахованное имущество и не подвергалось подмочке, 2) следование в Боровицких порогах должно быть под управление прозешных лоцманов за счет товарохозяев и с согласия представителя общества, и 3) страхователь или заменяющий его место обязан безотлагательно производить нагрузку судов по требованию представителя Российского Общества, но за расходы на такую паузку общество не отвечает; ж) во избежание недоразумений при несчастьях и для скорейшей поверки тождественности застрахованного и потерпевшего несчастье груза, при страховании товаров, отправляемых Вышневолоцкой системой до С.-Петербурга включительно, суда, в которых погружен застрахованный товар, должны быть заклеены до выдачи полиса [1, с. 38]. При страхованиях на Вышневолоцкой и Мариинской системах в полисах, в подробностях погрузки, должны быть непременно показаны №№ и погрузка каждого судна отдельно; з) при страхованиях по Марринской, Вышневолоцкой и Тихвинской системам до С.-Петербурга, премии, значущиеся в тарифах, рассчитаны до моста Александра 2 на р. Неве; если-же будет предложено страхование товаров далее моста Александра 2, то к премии, назначенной по тарифу для этих систем, прибавляется за дальнейшее расстояние премия [1, с. 39], согласно примечанию к тарифу Мариинской системы; и) «При страховании спирта, по всем путям, делается следующая оговорка в особых условиях полиса: «при несчастьи общество не отвечает за изменение крепости спирта и страхователь обязан принять спасенный спирт в такой-же таре; общество-же вознаграждает страхователя только за недостающий спирт из бочек, которых на лицо не окажется, или которые окажутся разбитыми. Количество спирта в погибших, или недостающее в поврежденных бочках, определяется, согласно провозным свидетельства за исключением законом установленной усушки и утечки со дня выдачи провозного свидетельства до дня несчастья».

Агентам вменяется в непременную обязанность, вписывать в особые условия полиса, как все оговорки, указанные инструкцией, так и те оговорки, которые помещены в примечаниях к классификациям товаров и судов, а равно и в тарифах премий».

Временные ограничения, установленные нами выше в отношении данных положений вызваны тем, что данные водные системы к концу XIX в. утратили свое прежнее транспортное значение из-за развития железнодорожного сообщения.

Отдельно следует указать существование в исследуемый период ограничений касающихся вопросов: полноты членов команды, мест стоянки, погрузки, догрузки, перемена в пути застрахованного груза, в смешанном страховании и пункты перевалок и т.п.

И в завершении нашего исследования, можно упомянуть о специфике некоторых формулировок российского страхового права конца 19 в. Так, к примеру, в одном из документов находим, что «56. При изучении несчастий совместно с полицией, могут представиться следующие случаи:

«а) гибель произошла «по воле Божией»²; в таком случае агент принимает все меры к спасению товара, и вообще к уменьшению убытков общества...» [1, с. 51].

Очевидно, на современном «страховом языке», данную фразу можно трактовать как «обстоятельства непреодолимой силы», «обстоятельства, независящий от сторон», «форс-мажор». Впрочем, эти и иные, выше указанные обстоятельства были творчески доработаны и получили свое развитие в последующий государственно-политический период [6].

Список литературы:

1. Инструкция агентам российского общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей по речному страхованию. – С.Петербург. Типография Э. Аригольда, Литейная, 59. 1883. 59 с.
2. Полисные условия для страхования от огня имуществ в С.-Петербургской компании «Надежда» для морского, речного и сухопутного страхования, транспортирования кладей и страхования от огня имуществ. С.-Петербург, 1898. – 26 с.
3. Инструкция агентам страхового и транспортного общества «Россиянинъ». По морским товарным страхованиям. С.-Петербург, 1892. 32 с.
4. Морское страхование / З. Я. Линденбратен, С. Н. Долгов. – Москва: Глав. Прав. Гос. страхования, 1924.
5. Страховое законодательство России: Историко-парвовое исслед. / В. В. Аленичев. – М.: ЮНИКС, 1998. – 583 с.

Ivashchenko E. S. S. Certain features of transport insurance in Russia in the last quarter of the XIX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 361-366.

The paper considers some most unusual approaches and definitions used in domestic transport insurance in the second half of the XIXth century, at the turn of development of inland waterway and railway transport. Specific points of insurance are indicated, their evolution is traced on the basis of normative-legal acts of different insurance companies (charters, instructions). Interrelation of practically unconditional insurance of river and sea courts depending on a form of their property (with or without participation of the state means) is established; some formulations are specified and clarified, the reasons of the negative attitude to insurance, on the part of domestic societies, of courts and the goods in some lakes, moorings, Caspian Sea are specified.

Keywords: transport insurance, mixed insurance, charter, instruction, society, norm, water systems.

Spisok literatury:

² Следует понимать, как по непредвиденным, не предусмотренным в полисе обстоятельствам, с невозможностью определения виновных сторон и лиц.

1. Instrukciya agentam rossijskogo obshchestva morskogo, rechnogo, suhoputnogo strahovaniya i transportirovaniya kladej po rechnomu strahovaniyu. – S.Peterburg. Tipografiya E. Arigol'da, Litejnaya, 59. 1883. 59 s.
2. Polisnye usloviya dlya strahovaniya ot ognya imushchestv v S.-Peterburgskoj kompanii «Nadezhda» dlya morskogo, rechnogo i suhoputnogo strahovaniya, transportirovaniya kladej i strahovaniya ot ognya imushchestv. S.-Peterburg, 1898. – 26 s.
3. Instrukciya agentam strahovogo i transportnogo obshchestva «Rossiyanin». Po morskim tovarnym strahovaniyam. S.-Peterburg, 1892. 32 s.
4. Morskoe strahovanie / Z. YA. Lindenbraten, S. N. Dolgov. – Moskva: Glav. Prav. Gos. strahovaniya, 1924.
5. Strahovoe zakonodatel'stvo Rossii: Istoriko-parvovoe issled. / V. V. Alenichev. – M.: YUNIKS, 1998. – 583 s.

НАШИ АВТОРЫ

Аблятинова Н. А.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь</i>
Арсентьева С. С.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета</i>
Андреева В. М.	<i>соискатель ученой степени кандидата юридических наук ГКО УВО «Российская таможенная академия»</i>
Будагьянц Г. Н.	<i>к.пед.н., заместитель директора института физической подготовки и спорта Севастопольского государственного университета</i>
Булахова И. А.	<i>студентка 1 курса магистратуры Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Вичева А. А.	<i>преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Вишняков М. М.	<i>адъюнкт адъюнктуры очного обучения факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного образования) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации</i>
Власенко В. С.	<i>Магистрант 1 курса юридического факультета, Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Волков В. Ю.	<i>к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский университет правосудия»</i>
Галкин А. Г.	<i>к.ю.н., доц., ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»</i>
Гамза А. А.	<i>Студентка 3 курса, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Гарчева Л. П.	<i>д.и.н., проф., проф. к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Гузеева И. Н.	<i>ОЧУВО «Международный инновационный университет», 354000, г. Сочи, ул. Орджоникидзе, 10а, аспирант ОЧУВО «Международный инновационный университет»</i>

Горбенко Т. В.	<i>преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России</i>
Григорчук Н. В.	<i>студент Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь</i>
Гулевич И. В.	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права, Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Деревянская Т. П.	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Донская О. Г.	<i>к.ю.н., доцент к-ры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»</i>
Евсикова Е. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры административного и финансового права – начальник отдела, по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Евтушенко И. И.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Еремеев Д. В.	<i>к.ю.н., доц., начальник к-ры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Заброда Д. Г.	<i>к.ю.н., доц., профессор к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Змерзлый Б. В.	<i>д.и.н., д.ю.н., проф., проф. к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Зоз В. А.	<i>старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Иликбаева Е. С.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

Капранова Ю. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры административного права Ростовского юридического института МВД России</i>
Кашкаров А. А.	<i>д.ю.н., доц., начальник к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Клименко Е. П.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Кондрашов А. В.	<i>преподаватель к-ры физической подготовки и спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Косовский В. Б.	<i>преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Кравчекно О. Г.	<i>старший преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Лагуточкина А. С.	<i>адъюнкт Московского университета МВД Российской Федерации имени В. Я. Кикотя</i>
Лагуточкин А. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Лузик А. А.	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Мартынюк С. Н.	<i>преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Мащенко А. Д.	<i>слушатель 5-го курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Обринская Е. К.	<i>к.пол.н., старший преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Осяк А. Н.	<i>к.ю.н., доц., начальник к-ры административного права Ростовского юридического института МВД России</i>
Плиева Н. Г.	<i>аспирант ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Потопальский С. С.	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия</i>
Приходько Э. О.	<i>магистрант ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»</i>

Равнюшкин А. В.	к.и.н., доц. к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Руденко А. В.	ст. преп. кафедры гражданского и трудового права юридического ф-та института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Рудик М. В.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., доц.
Савченко А. Н.	федеральный судья в отставке
Сашенко А. А.	Преподаватель к-ры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Сеитбекирова У. Э.	студентка 1 курса магистратуры очной формы обучения направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, юридического факультета института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Смоляр Д. С.	студентка 4 курса юридического факультета очной формы обучения Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Тихий И. В.	Старший лейтенант полиции. Зместитель командира взвода, УМВД России по г. Симферополю, Отдельный батальон патрульно-постовой службы полиции
Трифонов С. Г.	к.ю.н., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Трифонова К. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры административного и финансового права, доц. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Федоровский М. А.	студент Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Халилев Р. А.	д.ю.н., проф., профессор к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Хилевская Р. А.	главный государственный таможенный инспектор Севастопольской таможни

<i>Цындря В. Н.</i>	<i>к.ю.н., доц., заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
<i>Чеботарева Г. В.</i>	<i>д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и процесса юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
<i>Чуносков М. А.</i>	<i>к.психол.н., доц., начальник кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
<i>Шатская В. В.</i>	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
<i>Юшина Ю. В.</i>	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
<i>Яковец Е. Н.</i>	<i>д.ю.н., проф., заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий сотрудник Центра исследования проблем российского права «Эквитас»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Вишняков М. М.</i> Функции внутренней стражи в системе рекрутских наборов в Российской империи первой половины XIX века.....	3
<i>Гарчева Л. П.</i> О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации.....	13
<i>Заброда Д. Г., Тихий И. В.</i> Основные подходы к пониманию сущности категории «Общественные места».....	20
<i>Капранова Ю. В.</i> Электоральная активность: подходы к определению и технологии ее повышения.....	31
<i>Кравченко О. Г.</i> Определение понятия и сущности экологизации содержания высшего образования.....	37
<i>Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Ожиганова М. И.</i> Правоприменительная деятельность советских силовых структур в последние годы существования СССР.....	46

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Вичева А. А.</i> Обеспечение доступности медицинской помощи как новый уровень конституционных полномочий органов местного самоуправления России.....	54
<i>Трифонов С. Г.</i> Гарантии реализации конституционного права человека и гражданина на судебную защиту.....	62

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Клименко Е. П., Змерзлый Б. В.</i> Направления регулирования погрузочно-разгрузочных работ в морских портах Республики Казахстан.....	72
<i>Шатская В. В.</i> Обеспечение безопасности государственных интересов Республики Намибия в морском пространстве.....	81

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Арсентьева С. С., Савченко А. Н.</i> Прекращение уголовного дела за примирением сторон: критический анализ судебной практики.....	87
<i>Будагьянц Г. Н., Кондрашов А. В.</i> Уголовно-правовая ответственность сотрудника полиции за неправомерное применение.....	92
<i>Горбенко Т. В.</i> Взаимодействие субъектов как основа совершенствования механизма дистанционного проведения поисково-познавательных	

следственных действий.....	97
Гузеева И. Н.	
Судимость по закону иностранного государства и иностранное гражданство: ограничение или лишение права быть избранным.....	105
Деревянская Т. П., Иликбаева Е. С.	
Проблемы конкуренции норм, регулирующих ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий.....	117
Донская О. Г., Сащенко А. А.	
Субъективное вменение в уголовном праве России.....	125
Евтушенко И. И.	
Мошенничества с цифровыми правами: вопросы квалификации.....	132
Еремеев Д. В.	
Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.....	141
Заброда Д. Г., Осяк А. Н.	
Основные направления совершенствования форм несения службы участковыми уполномоченными полиции.....	149
Зоз В. А., Лагуточкина А. С.	
О правовых предпосылках понятия «взаимодействия» в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.....	156
Кашикаров А. А., Рудик М. В.	
Уголовно-правовая политика в сфере легализации денежных средств, иного имущества, полученных от незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.....	163
Косовский В. Б., Мартынюк С. Н.	
Противодействие терроризму и экстремизму как одна из приоритетных задач в деятельности правоохранительных органов.....	170
Лагуточкин А. В., Мащенко А. Д.	
Об использовании цифровых источников получения информации подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.....	176
Оболенский Ю. Б.	
Вопросы противодействия организованной преступности.....	183
Чеботарева Г. В.	
Проблемы правового регулирования суррогатного материнства и торговли людьми.....	188
Чуносов М. А.	
Направления противодействия распространения идеологии экстремизма среди несовершеннолетних.....	198
Юшина Ю. В.	
Характеристика преступности несовершеннолетних на территории Республики Крым.....	203
Халилев Р. А.	
Оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования: проблемы законодательного регулирования.....	212

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Аблятинова Н. А., Григорчук Н. В.	
Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: анализ судебной практики.....	216
Аблятинова Н. А., Федоровский М. А.	
Проблемные аспекты определения понятия недвижимой вещи и ее правового статуса до государственной регистрации.....	223
Галкин А. Г., Приходько Э. О.	
Сравнительный анализ аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения: отечественный и зарубежный опыт.....	230
Гулевич И. В., Власенко В. С.	
Процесс цифровизации в нотариальной практике: современные тенденции...	234
Козлова Е. Б.	
Запрет на переквалификацию и его влияние на институт толкования договора.....	238
Лузик А. А.	
К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и добросовестности.....	244
Осяк А. Н.	
Об ограничениях прав граждан в деятельности органов исполнительной власти.....	252
Плиева Н. Г.	
Коллизии между общими и специальными совместимыми правовыми нормами, регулирующими отношения по поводу возмещения вреда.....	259
Потопальский С. С.	
Проблемы правового регулирования залога в системе норм гражданского права.....	270
Равнюшкин А. В.	
О законодательном решении проблемы предоставления единовременных социальных выплат на приобретение или строительство жилья сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.....	277
Руденко А. В., Сеитбекирова У. Э.	
Правовая оценка природы подарочных сертификатов в Российской Федерации.....	284
Терехов М. Г.	
Частноправовые аспекты правового регулирования отношений, складывающихся в процессе создания цифровых инвестиционных платформ (ICO, ISE).....	294
Трифонова К. В.	
Институт трудовой правосубъектности иностранного работника: системный анализ.....	300
Трифонова К. В., Смоляр Д. С.	
Проблема выбора применимого права в делах о трансграничной несостоятельности (банкротстве): системность правоприменения.....	308

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Андреева В. М.	
Должностное лицо как субъект административной ответственности за Незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС.....	315
Волков В. Ю., Хилевская Е. А.	
К вопросу о необходимости классификации таможенных правонарушений и преступлений.....	324
Евсикова Е. В., Булахова И. А., Гамза А. А.	

Некоторые аспекты публично-правовой ответственности за нарушение порядка ответственного обращения с животными.....	333
Обринская Е. К. Потенциал и перспективы развития и совершенствования государственного механизма обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации...347	
Цындра В. Н. К вопросу об актуальности исследования санкций административно- деликтных норм.....	353

СРОЧНО В НОМЕР

Иващенко Е. С. Отдельные особенности транспортного страхования в России в последней четверти XIX в.....	361